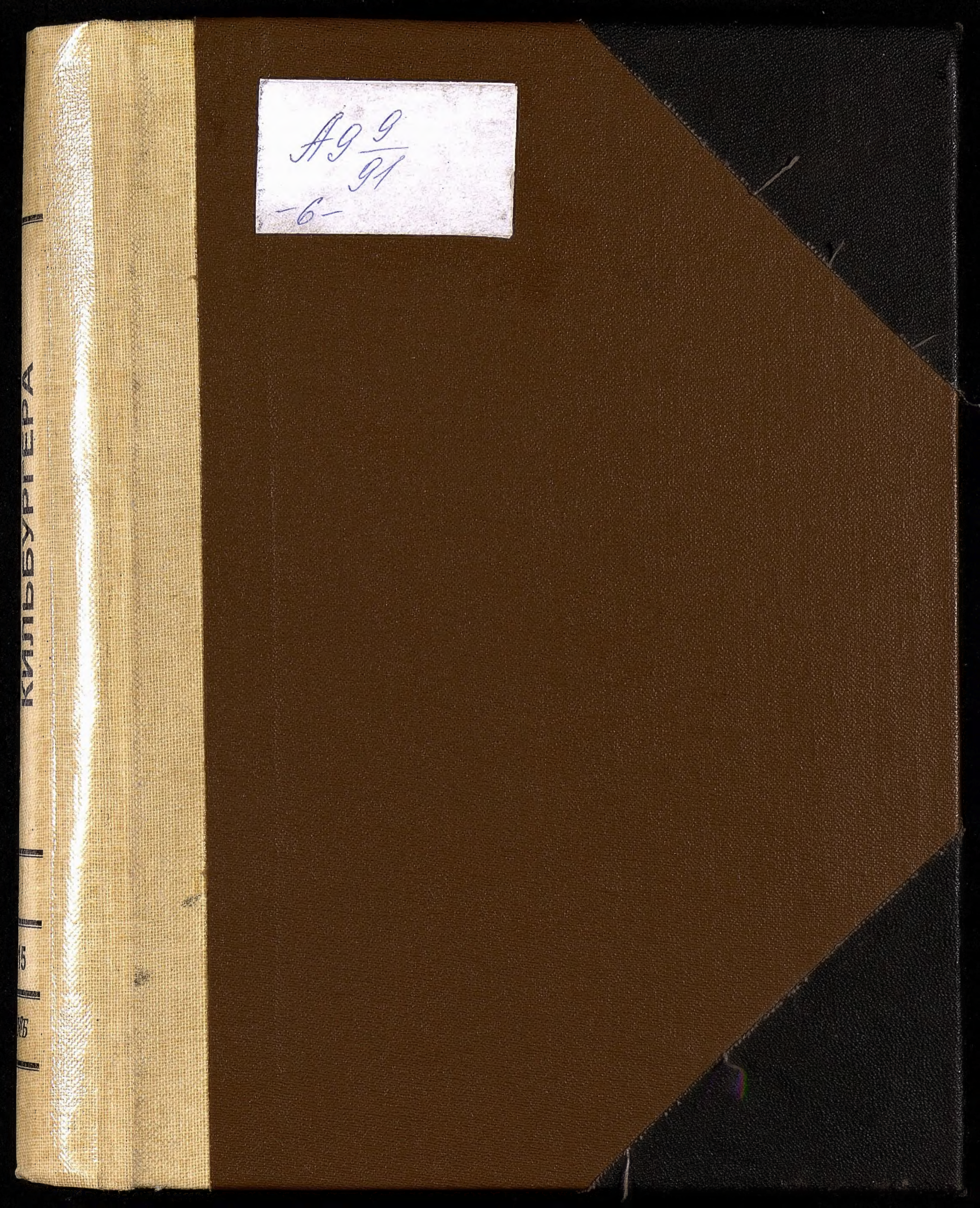
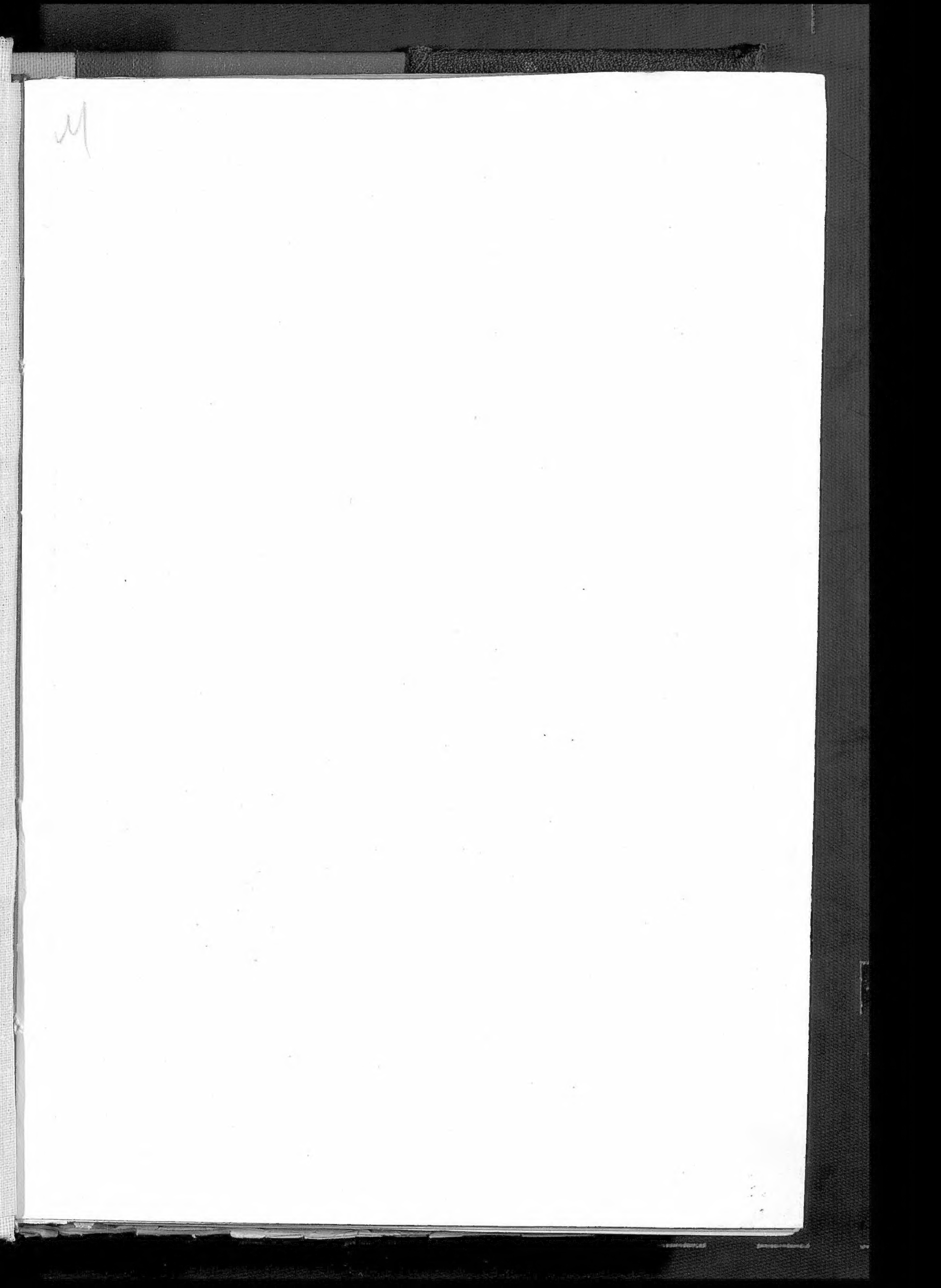


А9 9/91
-6-
КИЛЬБУРГЕРА

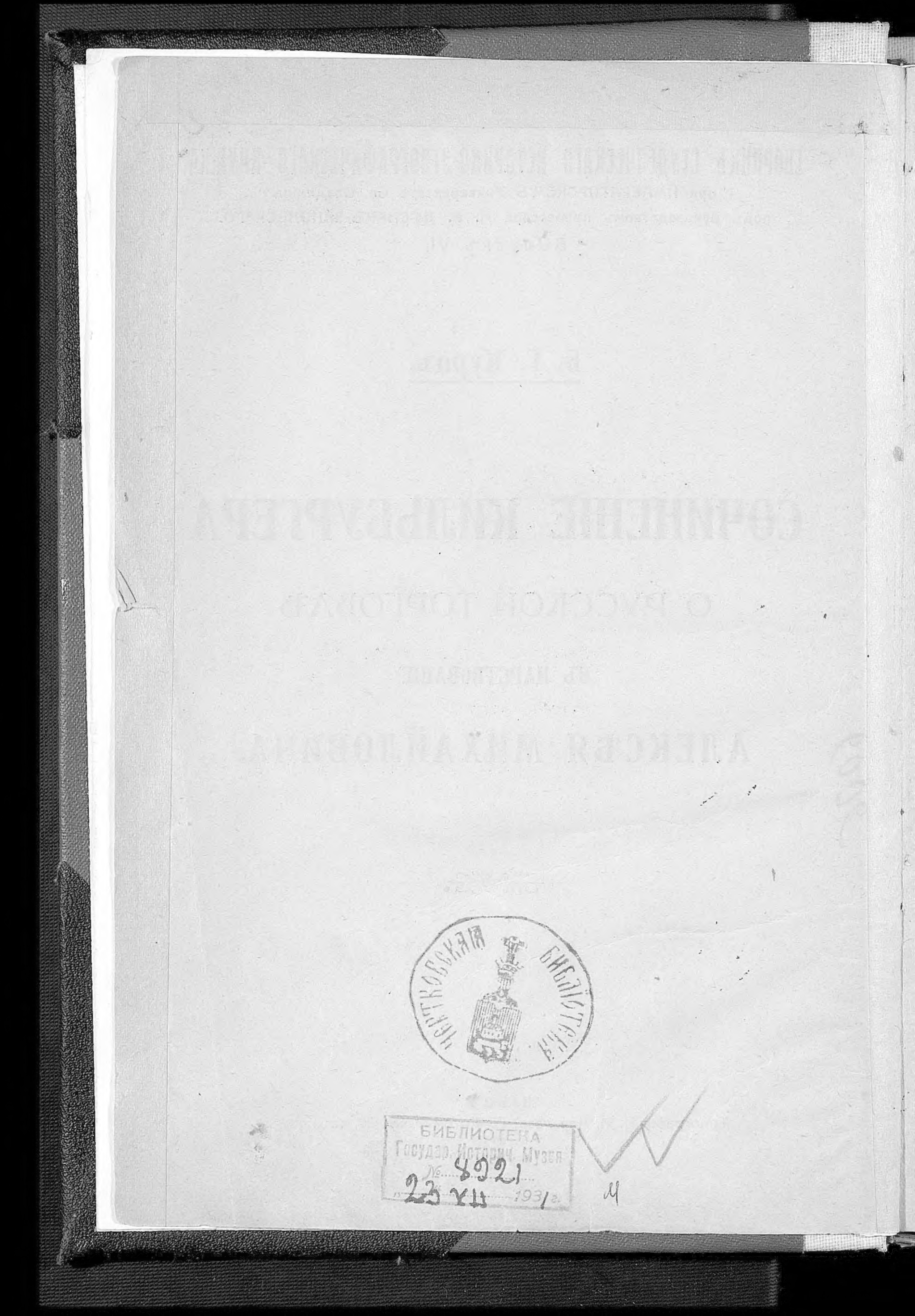

M

СБОРНИКЪ СТУДЕНЧЕСКАГО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО КРУЖКА
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Св. Владиміра
подъ руководствомъ профессора М. В. ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКАГО.
Выпускъ VI.

Б. Г. Курцъ.

СОЧИНЕНІЕ КИЛЬБУРГЕРА
О РУССКОЙ ТОРГОВЛѢ
ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ
АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Б.-Житомирская 20, соб. домъ.
1915.



Іюнь 1915 г.

Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

А. С. Пушкинъ.

Глубокоуважаемому учителю

Профессору

Митрофану Викторовичу

Довнаръ-Запольскому

посвящаетъ

благодарный авторъ.

Пр.-доц. Борисъ Курцъ.

Оглавленіе.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Объ иностранныхъ, или привозныхъ товарахъ.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

О монетѣ, вѣсѣ, мѣрѣ, фрактахъ, пошлинахъ, торговлѣ дукатами и рейхсталерами и вмѣстѣ съ тѣмъ о почтовомъ дѣлѣ въ Москвѣ.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ.

КЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

КЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Изслѣдованіе о Кильбургерѣ и его сочиненіи о русской торговлѣ третьей четверти XVII вѣка[1]).

Вскорѣ послѣ Кардисскаго мира 1661 г. опять возникли недо-
зумѣнія между Россіей и Швеціей. Швеція жаловалась, что
нники не возвращаются Россіей, согласно мирнымъ постано-
ніямъ, что граница не исправлена, какъ желали шведы, и царь
звысилъ пошлину на ввозные товары и вообще препятствуетъ
иностранной торговлѣ. Съ цѣлью окончательнаго улаженія всѣхъ
ъ вопросовъ и главнымъ образомъ съ намѣреніемъ заключить
ный миръ съ Россіей противъ враговъ, шведское правительство
шило послать въ Москву блестящее посольство. Адольфъ Эбер-
льдъ, который былъ съ 1667 г. резидентомъ Швеціи въ Москвѣ,
въ 1669 г. по настоянію русскихъ долженъ былъ ее покинуть,
рь, въ началѣ 1673 г., прибылъ въ русскую столицу, какъ
анникъ (о немъ упоминаетъ Кильбургеръ въ I ч., II гл., V п.:
voye Eberschildt), съ извѣщеніемъ о прибытіи этого великаго
ольства. Эбершильдъ подалъ въ приказъ записку, помѣченную
февралемъ 1673 г., въ которой между прочимъ указывалось,
го Россія, заключивъ тѣсный союзъ со Швеціей, избавила бы
бя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ осложненій, а перенеся архан-
скую торговлю на Балтійское море, извлекла бы большую
зу изъ торговли съ Западомъ, и иностранцы могли бы, вмѣсто
й поѣздки въ Архангельскъ, совершать ежегодно три поѣздки
дну изъ балтійскихъ гаваней (о чемъ говорилъ еще въ 1653 г.

---

1) Докладъ объ этомъ изслѣдованіи былъ сообщенъ авторомъ на XV Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Новгородѣ 1911 г. Сокращенное из-
оніе этого сообщенія помѣщено въ „Чтеніяхъ въ историч. обществѣ
тора Лѣтописца", кн. XXIII, вып. I, Кіевъ, 1912 г., с.с. 20—22.

Родесъ). Эбершильдъ остался въ Москвѣ до прибытія посольства [1]). Между тѣмъ великое шведское посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ государственный совѣтникъ графъ Густавъ Оксеншернъ, получило въ концѣ іюня 1673 г. королевскую инструкцію. Однако оно отплыло изъ Стокгольма только 21 августа 1673 г., но, задержанное противными вѣтрами, прибыло въ Ревель лишь 14 сентября. Здѣсь къ Оксеншерну присоединились остальные члены посольства: эстляндскій ландратъ баронъ Гансъ Генрихъ Тизенгаузенъ, лифляндскій ландратъ Гатгардъ Іоаннъ Будбергъ и ассесоръ коммерцъ-коллегіи Лиліенгофъ, который долженъ былъ совѣтами содѣйствовать посольству въ вопросѣ о развитіи торговли и домогаться особымъ договоромъ склонить русскихъ направлять свои товары къ Балтійскому морю, а не къ Архангельску.

Только 15 ноября 1673 г. посольство выѣхало изъ Нарвы, достигло русской границы 18 ноября, 27—было въ Новгородѣ, откуда выѣхало 2 декабря. 31 декабря 1673 г. былъ въѣздъ пословъ въ Москву [2]). Они были весьма торжественно встрѣчены, и въ честь ихъ былъ устроенъ военный парадъ. 2 января 1674 г. должна была состояться аудіенція, но русскіе потребовали, чтобы шведы вошли въ государевы покои безъ шапокъ, на что тѣ не согласились и рѣшили послать гонцомъ къ своему королю Карлу XI переводчика Эосандера, чтобы самъ король разрѣшилъ возникшее

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, шведскія дѣла, реестръ II, 1673 г., № 2, св. 110. Эбершильду было велѣно королемъ остаться въ Москвѣ до прибытія посольства, а когда оно прибыло, то русскіе выдали Эбершильду проѣзжую грамоту, заявивъ (15 янв.), чтобы онъ уѣхалъ обратно, потому что вѣдь послы уже пріѣхали, и „ему, посланнику, при нихъ, послахъ, будучи на Москвѣ, дѣлать нѣчево“. Поэтому 16 января ему была назначена прощальная аудіенція, но, побывавъ на ней, онъ не захотѣлъ выѣзжать, указывая, что по королевскому указу ему велѣно быть при послахъ. Только по настоянію русскихъ и вслѣдствіе желанія пословъ не раздражать ихъ Эбершильдъ долженъ былъ подчиниться и въ январѣ же покинулъ Москву. (М. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, шв. д., реестръ I, книга 93, л. л. р҃ об., р҃г об., р҃лз об.).

[2]) Пріѣздъ въ 1673 г. на границу, а потомъ въ Москву шведскаго посольства—М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. дѣла, реестръ II, 1673 г., № 3, св. 111. Картина, изображающая пріѣздъ шведовъ на русско-шведскую границу у р. Моравены и встрѣчу ихъ русскими приставами, зарисована Пальмквистомъ въ его альбомѣ.

УКАЗАТЕЛИ

къ русскому переводу сочиненія Кильбургера.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫЙ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ.

Замѣченныя важнѣйшія опечатки.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
23	8 сн.	354—356	345
56	18 св.	1645 г.	1655 г.
58	2 и 7 св.	1669 г.	1670 г.
141	19 св.	Gtockvis	Stockvis
164	1 св.	внѣ *(своей)* страны	внѣ страны
168	15 св.	ршки	горшки
203	13 сн.	(по Иртышу)	водой по рѣкѣ Иртышу
238	19 св.	„olonitz“	„Olonitz“

затрудненіе. Русскіе были сильно раздражены поведеніемъ посольства, и домъ его былъ окруженъ стражей. Шведскій гонецъ уѣхалъ изъ Москвы 15 января, а возвратился лишь 19 марта съ извѣстіемъ, что король дозволилъ явиться къ царю съ обнаженной головой. Тогда, 30 марта, состоялась безъ всякой торжественности такъ долго жданная аудіенція[1]). Такимъ образомъ, почти три мѣсяца посольство было обречено на бездѣйствіе.

Переговоры однако были безуспѣшны. Съ русской стороны ихъ вели князья Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, его сынъ Михаилъ и окольничій Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. По словамъ датскаго резидента, русскій канцлеръ даже пригрозилъ посламъ тюрьмой, если они будутъ снова упорствовать, а самому датскому резиденту заявилъ, что „фантазію шведовъ онъ скоро разсѣетъ", что о поддержкѣ русскими шведскаго кандидата въ Польшѣ не можетъ быть и рѣчи, и царь будетъ отстаивать датскую кандидатуру. Въ общемъ никакихъ существенныхъ постановленій не было сдѣлано: шведскіе послы не имѣли полномочій установить детальныхъ условій союза, а русскіе иначе не хотѣли договариваться; русскіе не соглашались допустить свободной торговли шведовъ въ Россіи, указывая, что и ихъ торговцамъ запрещены непосредственныя сношенія съ иностранцами въ Ригѣ; шведамъ было разрѣшено вести торговлю съ русскими (а не съ иностранцами) въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ; относительно уменьшенія пошлинъ и сравненія ихъ со шведскими, русскіе ничего не хотѣли слышать. Ю. Долгорукій вообще говорилъ, что не стоитъ даже говорить о торговлѣ, потому что торговыя сношенія Россіи со Швеціей ничтожны и незначительны, но другое дѣло Англія или Голландія. Матвѣевъ

---

[1]) Датскій резидентъ Giöe, который употреблялъ всѣ усилія, чтобы враждебно настроить русскихъ противъ шведскаго посольства, послалъ въ Копенгагенъ обстоятельное донесеніе объ этой аудіенціи. Г. Форстенъ въ статьѣ „Датскіе дипломаты" (Ж. М. Н. Пр., 1904 г., № 9) невѣрно пишетъ, что шведскій нарочный прибылъ въ Москву 21 марта (а не 19), а пріемъ пословъ былъ 31 марта (а не 30). С. Кологривовъ въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в.", СПБ., 1911 г. въ перечисленіи русскихъ документовъ упоминаетъ: „Пріемъ свѣйскаго Карлуса короля посла Густава Аксенштерна съ товарищи и поднесеніе ими подарковъ, марта 30, 1674 г."; такъ какъ I выпускъ этихъ „Матеріаловъ" охватываетъ время только до 1660 г. включительно, то данный документъ и не вошелъ въ этотъ выпускъ.

же, котораго шведы первоначально считали за друга Швеціи и были довольны, что онъ замѣнилъ въ Посольскомъ приказѣ враждебнаго Швеціи Нащокина, въ дѣйствительности же оказался, по словамъ пословъ, вреднѣйшимъ человѣкомъ для Швеціи, и, подобно Долгорукому, считалъ Россію величайшимъ государствомъ, съ которымъ не могла сравниться Швеція. Къ тому же при переговорахъ много вредили погрѣшности въ переводахъ, такъ что обѣ стороны не могли доискаться въ нихъ смысла [1]).

23 іюня 1674 г. шведское посольство выѣхало изъ Москвы, ничего не добившись и напрасно пробывъ въ Москвѣ болѣе $5^1/_2$ мѣсяцевъ [2]).

---

[1]) Г. Форстенъ, „Сношенія Швеціи и Россіи во второй половинѣ XVII вѣка—1648—1700“, с.с. 285—308 (отд. и въ Ж. М. Н. Пр., 1899 г., іюнь). Въ началѣ 1881 г. молодой шведскій ученый д-ръ Теодоръ Вестринъ, нынѣ первый архиваріусъ Стокгольмскаго Королевскаго Архива, помѣстилъ въ „Ny Illustrerad Tidning“ 1881, № 2, 3 статью съ подробными свѣдѣніями о посольствѣ Оксеншерна и объ альбомѣ Пальмквиста. Я. Гротъ, „Новооткрытый памятникъ русской исторіи на шведскомъ языкѣ“ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1881 г., № 236; перепечатано потомъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1881 г., октябрь, часть CCXVII. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. XII, Москва, 1880 г., с.с. 218—222. Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, ч. IV, с. 192. Между прочимъ о шведскихъ послахъ въ селѣ Никольскомъ въ декабрѣ 1673 г. говорится въ голландской „газетѣ“ XVII вѣка: „Hollandze (Hollandsche) Mercurius, verhabende de voornaemste geschiedenissen voorgevallen binnen Europa“, 1674, XXV, 50 („Посольство Кунрада фанъ Кленка“, пер. А. Ловягина. Введеніе, с. XXII). Г. Форстенъ, „Датскіе дипломаты при Московскомъ дворѣ въ II половинѣ XVII в.“ въ Ж. М. Н. Пр., 1904 г., № 9, с.с. 120—133. О посольствѣ Оксеншерна также упоминается (Оксенъ-Стернъ, Оксенстервъ) косвенно и въ видѣ бѣглыхъ справокъ о немъ въ „Памятникахъ дипл. снош. др. Р. съ держ. иностр.“, т. IV (СПБ., 1856 г.)—с.с. 1129—1130, т. V (СПБ., 1858 г.)—с.с. 56, 105, 183, 262—263, 426, 681.

[2]) Такова схематическая исторія шведскаго посольства 1674 года, болѣе же подробное его изложеніе представляется по даннымъ Московскаго Гл. Архива Мин. Иностранныхъ Дѣлъ (шведскія дѣла; черновики, подлинники ихъ находятся въ реестрѣ II, въ связкахъ, а чистовики, копіи—въ реестрѣ II, въ книгахъ) въ слѣдующемъ видѣ.

Послы передъ въѣздомъ въ Москву были остановлены въ Никольскомъ селѣ, и, когда въ столицѣ все было готово къ ихъ пріему, ихъ повезли въ первопрестольную („Записка Посольскаго приказа подьячего Емельяна Украинцова, как он посыланъ къ свѣйским полномочным посломъ на подхожей станъ въ село Никольское“—Николаевское, шв. д.,

Однако, если это посольство не достигло никакихъ политическихъ результатовъ, въ научномъ отношеніи оно дало очень многое.

реестръ I, кн. 93, л. ꙁ҃ об.). Въ самой Москвѣ пословъ везли очень медленно, потому что по дорогѣ шло много войскъ, и послы спрашивали, зачѣмъ ихъ везутъ такъ „мѣшкотно“, и ядовито добавили: „Развѣ де для того приказано ему, Емельяну, весть ихъ мѣшкотно, чтобъ ратныхъ людей напередъ заводить и ставить!?“ (кн. 93, л. к҃і). По отзыву датскаго резидента, этотъ въѣздъ былъ великолѣпенъ, присутствовало множество народа и войскъ; при этомъ царь, желая еще болѣе почтить пословъ, „хотя и не противъ древнихъ обычаевъ, позволилъ всѣмъ свободный приѣздъ и разговоръ имѣти с послами“. (Гей, л. рм҃к. „Списокъ съ курантовъ, каковы послалъ съ Москвы къ корол. в-ству дацкому дацкой резидентъ Монсъ Гей“, кн. 93, л.л. рл҃и об. — рм҃д). Русскіе сами говорили Оксеншерну, что ихъ „пословъ, встрѣчали съ великою честію, какой встрѣчи и чести свѣйскимъ посламъ никогда не бывало“, такъ какъ ихъ приняли „з болшимъ выѣздомъ свыше прежнихъ пріемовъ и встрѣчъ“. Шведамъ было предоставленъ для житья Посольскій дворъ (кн. 93, л. ꙁ҃і об.), который находился въ Бѣломъ городѣ по дорогѣ къ Покровскимъ воротамъ (его мѣстоположеніе указано Пальмквистомъ на планѣ Москвы, помѣщенномъ въ его альбомѣ,—Lit. C, a—Legaternes Quarteer). Русскіе потребовали именную роспись членовъ посольства, но шведы заявили, что они уже раньше дали списокъ общаго состава посольства; однако потомъ они все-таки были принуждены исполнить эту формальность (кн. 93, л. к҃а. См. соотвѣтствующее наше приложеніе). На к҃ января, пишетъ Гей, была неожиданно назначена аудіенція, но послы упросили ее отсрочить, предъявивъ свои условія пріема (т. е. быть на пріемѣ въ шапкахъ), при чемъ „упрямство их явно учинилося по всему городу, понеже вси собрашася видети ихъ приѣздъ на государской дворъ, и не токмо то пресвѣтлейшаго государя доволно возьярило, но яко и новое дѣло всѣх помышления удивило“ (Гей, л. рм҃г). Русскіе многократно убѣждали шведовъ „упорство свое отставить“ и править посольство „безъ шляпъ“, но тѣ „стояли въ томъ упорно“. Государь даже велѣлъ, сообщалъ Гей, отпустить ихъ тотчасъ обратно, возвративъ королевскіе дары, и, дѣйствительно, имъ этимъ пригрозили (кн. 93, л. л҃ѳ). Наконецъ, шведы заявили, что безъ короля они не могутъ рѣшить вопроса о шляпахъ, и царь имъ дозволилъ послать гонца въ Стокгольмъ, а до его возвращенія шведамъ было предоставлено, согласно впрочемъ ихъ же предложенію, „жить на своихъ проторяхъ“ (кн. 93, л. у҃є об.); двумъ шведскимъ гонцамъ была дана 15 января 1674 г. проѣзжая грамота въ Швецію (л. р҃д); по этому случаю изъ Москвы „по-

Во-первыхъ, молодой талантливый инженеръ капитанъ Эрихъ Пальмквистъ, посланный съ посольствомъ въ качествѣ тайнаго военнаго агента, черезъ годъ по возвращеніи въ Швецію, предста-

ѣхали шесть человѣкъ" (л. р҃і); русскимъ же воеводамъ было велѣно, если потомъ „въ порубежный городъ Олонец" прибудутъ послы отъ короля, немедленно доставить ихъ въ Москву (л. р҃о и об.).

19 марта пріѣхалъ съ отвѣтомъ отъ короля переводчикъ Эосандеръ (кн. 93, л. рмд), и въ присланной Оксеншерну грамотѣ король дозволилъ ему править посольство съ „непокровенными главами". („Переводъ свѣйскаго письма з грамоты" отъ 1674 г. 23 февр., а переводъ сдѣланъ 1674 г. 24 марта). До 25 марта (съ 16 янв.) послы жили на свой счетъ (т. е. 2 мѣсяца 6 дней, при чемъ ежедневно у нихъ выходило на пищу по 56 р., а за все время они такимъ образомъ истратили 3.542 руб.); съ 25 же марта они снова стали получать казенное продовольствіе, такъ какъ недоразумѣніе о церемоніалѣ было уже улажено. Послы стали готовиться къ аудіенціи, приготовили королевскіе подарки и составили имъ роспись, которую подали русскимъ. Наконецъ, 30 (л҃) марта въ Грановитой палатѣ состоялся пріемъ пословъ вмѣстѣ со всѣми ихъ королевскими дворянами и другими членами посольства (кн. 93, л. рѯи). Оксеншернъ вручилъ царю королевскую грамоту отъ 1673 г. 23 іюня (русскій переводъ ея сдѣланъ 30-го же марта 1674 г. Св. 112); посольствомъ были поднесены богатые дары отъ короля государю, а отъ матери королевы—Натальѣ Кирилловнѣ. Они состояли изъ серебрянаго золоченаго паникадила, серебрянаго водовзвода (подъема водяного), серебряныхъ лоханей, чеканенныхъ золотомъ, кубковъ, стакановъ, чулокъ, зеркальцевъ, записной книжки, духовъ и пр. (Роспись даровъ въ кн. 93, л. рѯд; переводъ со шведскаго письма о присланныхъ дарахъ, кн. 92, л. 362 об.; роспись по вѣсу и цѣнѣ присланныхъ даровъ царю, кн. 92, л. 561). Пальмквистъ, присутствовавшій съ остальными королевскими дворянами на этой аудіенціи, запечатлѣлъ ее на художественно исполненномъ рисункѣ, но поясненія, сдѣланныя имъ къ этому рисунку, подлежатъ тщательной провѣркѣ. Уѣзжая съ пріема, шведы разспрашивали приставленныхъ къ нимъ служилыхъ, кто изъ русскихъ присутствовалъ на аудіенціи. „И посломъ говорено: При великомъ государе, при его ц. в-ствѣ были: у его ц-ого в-ства мѣста стояли ближние бояря: с правую сторону бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевской, съ лѣвую сторону бояринъ и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. На правой же сторонѣ въ полате сидѣли бояря и околничие и думные люди" (кн. 93, л. рпи и об.). Намъ также извѣстно, въ какомъ одѣяніи принималъ царь 30 марта посольство, и какимъ образомъ совершался самый церемоніалъ пріема (кн. 93, л. р҃о и слѣд. Записка, какъ

вилъ королю свой трудъ: „Нѣсколько замѣчаній о Россіи, ея дорогахъ, укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и границахъ во время послѣдняго королевскаго посольства къ московскому царю, собранныхъ

происходилъ I пріемъ шв. посольства л̃ марта рп̃в г., кн. 93, л. рп̃з и слѣд; подлинникъ же этой записки находится въ реестрѣ II, 1674 г., № 3—первая половина, въ серединѣ,—св. 112). Вторая аудіенція была 2 апрѣля въ Столовой палатѣ, послѣ чего государь велѣлъ посламъ итти въ Отвѣтную палату для переговоровъ съ его боярами (кн. 93, л. ру̃а об., л. ру̃ѕ и об.); когда шведы туда пришли, „королевскихъ дворянъ и чиновныхъ *(шведскихъ)* людей выслали вонъ“, такъ что при переговорахъ (что происходило всякій разъ) присутствовали только одни послы безъ своей свиты. Такъ состоялся 2 апр. „первый отвѣтъ“ бояръ на предложенія Швеціи. Слѣдующіе отвѣты были: II отвѣтъ—6 апр., III—10 апр., IV—30 апр., V—6 мая, VI—18 мая, VII—27 мая, VIII—29 мая, IX—9 іюня, X и послѣдній—13 іюня. (Подлинный текстъ хода отвѣтовъ отъ I до VII включительно хранится—реестръ II, въ связкѣ 112, а съ VIII до послѣдняго—въ связкѣ 113; чистовики отвѣтовъ въ кн. 93,—реестръ I). Во время отвѣтовъ бояре, заранѣе ознакомленные съ предложеніями шведовъ, отвѣчали имъ на нихъ. Между прочимъ шведы предъявили къ русскимъ много жалобъ на притѣсненія въ торговлѣ (обширное изложеніе этихъ жалобъ и отвѣтъ русскихъ—кн. 93, л. л. т̃ки об.—тѯ̃ѕ; подлинники—въ связкѣ 112). Русскіе стояли на томъ, что договоры ими исполняются точно, а ссылки шведовъ на нарушеніе этихъ обязательствъ—неправильны. Послы же жаловались, что шведскимъ купцамъ велѣно торговать только съ гостями, назначенными отъ царя, а съ частными русскими торговцами запрещено вести торговлю; кромѣ того, на русскіе товары назначена высокая цѣна, и вообще шведамъ „великие убытки чинятца, понеже волность у них вся отнята“; если у шведовъ, говорили они, не было еѳимковъ для уплаты пошлинъ, то, согласно договору, можно было платить за еѳимокъ 17 алтынъ, „а ныне берут в таможне по 20 алтынъ“ за еѳимокъ (кн. 93, л. т̃кѳ и об.); по словамъ шведовъ, они платятъ двойныя пошлины, напр. на сахарѣ, напиткахъ и пр. (кн. 93, л. т̃л). Подобнаго рода жалобы на торговыя притѣсненія не разъ встрѣчаются при переговорахъ (кн. 93, л. х̃в и сл., л. ху̃и и слѣд., а также и др.), но, конечно, не только онѣ служили цѣлью посольства, потому что шведы пріѣхали въ Москву также для того, чтобы выяснить политическое отношеніе Россіи къ сосѣднимъ державамъ. Резюме всѣхъ эти переговорахъ, какъ о международномъ положеніи Россіи, такъ и о торговлѣ ея со Швеціей, изложены весьма умѣло въ отвѣтной грамотѣ царя къ шведскому королю.

19 іюня была дана снова въ Грановитой палатѣ прощальная аудіенція, на которой присутствовало все посольство въ полномъ составѣ

Эрихомъ Пальмквистомъ“. Этотъ трудъ представляетъ собою большой альбомъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ; по своему художе-

---

Оксенштерну была вручена обширная вышеупомянутая отвѣтная царская грамота на имя короля (грамота отъ 19 іюня 7182 г.—кн. 93, л. ҂пѕ об. и слѣд.; чистовой списокъ съ нея въ реестрѣ II, св. 113, № 3; она издана въ Доп. къ Актамъ Истор., т. VI, № 138, гр. XX, с.с. 461—477. Программа отпуска въ шв. дѣлахъ реестра I, кн. 93, л. ҂ог и слѣд., а подлинникъ въ св. 113—во второй половинѣ, въ началѣ).

Отпускъ вообще отличался миролюбивымъ настроеніемъ. Послы и всѣ посольскіе люди получили въ дары много мѣховъ (кн. 93, л. ѡнг. См. соотвѣтствующее наше приложеніе). Кромѣ того, при отъѣздѣ Оксенштернъ просилъ возмѣстить ихъ расходы по пропитанію, когда они жили въ Москвѣ на своемъ содержаніи, и царь велѣлъ 19 же іюня за эти „простойные дни“ выдать имъ изъ Сибирскаго приказа соболей на 3.542 р., т. е. на сумму, какую шведы истратили (св. 113). Къ тому же послы тогда попросили отпустить съ ними капитана Гендриха Рейнборха, посаженнаго въ тюрьму Новой Четверти за продажу заповѣднаго вина, и „царь для сосѣдственной дружбы“ его простилъ и отпустилъ съ посольствомъ (кн. 92, л. л. 594 об.—595). 23 іюня послы „съ Москвы пошли“, и имъ съ ихъ свитой было дано 140 подводъ, не считая стрѣлецкихъ и кормовыхъ телѣгъ (кн. 92, л.л. 591—592). Когда они были на стану подъ Черкизовымъ, то говорили сопровождавшимъ ихъ русскимъ, что „они выдивится не могутъ, что после московскаго разореня, како умножилос такое превеликое российского народу многолюдство и въ такие малые лѣта всякими достатки исполнились, а наипаче зданиемъ святых божих церквей и строениемъ преславных каменных домов и воинских преславных нарядовъ“ (кн. 92, л. 624 об. Записка, „что, ѣдучи с Москвы, дорогою с послами говорено“, кн. 92. л.л. 624—629). Сами послы были всѣмъ довольны, о чемъ они заявили русскимъ, при чемъ указали, что пища была дана имъ даже сверхъ посольскаго уговора, и вообще ихъ посольство было такъ хорошо встрѣчено, что они доложатъ объ этомъ королю и напишутъ другимъ монархамъ. Шведы, по приказанію короля, ѣхали изъ Москвы очень скоро, такъ что провіантъ не успѣвалъ за ними слѣдовать, но они говорили, что это ничего не значитъ, и имъ „во всем всякое удовольство есть“ (кн. 92, л. 625). 6 іюля, проѣздомъ, они захотѣли побывать въ Иверскомъ монастырѣ, и Тизенгаузенъ, Яганъ Ѳанбуберхъ, Лиліенгофъ и еще 4 королевскихъ дворянъ были приглашены архимандритомъ на молебствіе и на обѣдъ (кн. 92, л.л. 625—627). Новогородскій воевода еще раньше (24 іюня) получилъ приказаніе принять пословъ и, имъ „давъ подводы и провожатыхъ, отпустить за свѣйской рубеж на которые мѣста они ѣхать похотятъ“ (кн. 92, л. 567). Въ Псковъ же посольство пріѣхало изъ Новгорода 19 іюля, а было отпущено за свѣйскій рубежъ 20 іюля. (Отписка изъ Пскова о

ственному исполненію онъ стоитъ гораздо выше альбома Мейерберга [1]).

Во-вторыхъ, другимъ интереснымъ и важнымъ результатомъ этого посольства нужно считать появленіе трактата Іоганна Филиппа Кильбургера, почти всесторонне обхватывающаго вопросъ о состояніи русской торговли того времени.

Если мы прибавимъ къ этимъ двумъ сочиненіямъ донесеніе Родеса о русской торговлѣ въ началѣ 1650-хъ годовъ и книгу Котошихина, написанную въ 1660-хъ годахъ и раскрывающую передъ глазами шведскаго правительства политическое и финансовое устройство русскаго государства, то станетъ яснымъ, что Швеція имѣла въ рукахъ всѣ данныя и великолѣпный матеріалъ, чтобы въ совершенствѣ познать свою могущественную сосѣдку и хорошо изучить ея политическое и экономическое состояніе. Вполнѣ справедливо можно сказать, что шведы тогда могли лучше знать о русскихъ, чѣмъ сами русскіе о себѣ. Но при этомъ является вопросъ о степени распространенія среди шведовъ этихъ сочиненій о Россіи.

Всеподданнѣйшее донесеніе Родеса о русской торговлѣ было послано имъ шведской королевѣ въ 1653 году. Оно теперь хранится въ Стокгольмскомъ Архивѣ. Въ немъ заключаются размышленія какъ о русской торговлѣ, такъ и о средствахъ привлеченія ея изъ Архангельска на Балтійское море, т. е. тутъ разбирается тотъ самый вопросъ, о которомъ было поручено хлопотать въ Москвѣ Лиліенгофу во время вышеупомянутаго шведскаго посольства. Сочиненіе Родеса было извѣстно не одной только королевѣ, но его читали и другіе; по крайней мѣрѣ о немъ зналъ Кильбургеръ; съ другой же стороны, въ рижскомъ архивѣ нахо-

пріемѣ пословъ, пріѣхавшихъ изъ Новгорода, кн. 92, л. л. 647—648).

Послѣдствіемъ этого посольства былъ пріѣздъ въ Москву въ январѣ 1675 г. шведскаго переводчика Самоила Эосандера съ королевской грамотой, въ которой Швеція спрашивала, когда и кто будетъ посланъ въ Стокгольмъ для рѣшенія тѣхъ дѣлъ, которыхъ шведскіе послы не могли окончить въ 1674 году (реестръ II, 1675 г., № 2, св. 114).

[1]) Альбомъ Пальмквиста (Erich Palmquist) напечатанъ роскошнымъ изданіемъ in fol.: „Någre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren i Muskou 1674. Stockholm, 1898“.

Статья Ю. Готье: „Извѣстія Пальмквиста о Россіи“ въ „Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ“, годъ VII, 1899, (№ 3—4), с.с. 65—98.

дится рукописная, но не точная, копія съ сочиненія Родеса. О существованіи другихъ экземпляровъ рукописи Родеса—неизвѣстно.

Сочиненіе Котошихина было распространено въ рукописяхъ на шведскомъ языкѣ, которыя и теперь находятся во многихъ шведскихъ библіотекахъ; такимъ образомъ, Котошихина читали въ Швеціи.

Что же касается альбома Пальмквиста, то приходится признать, что онъ былъ мало кому извѣстенъ и, очевидно, хранился только въ одномъ экземплярѣ въ Стокгольмскомъ Королевскомъ Архивѣ, гдѣ былъ открытъ около 1880 г. Но несомнѣненъ тотъ фактъ, что шведское правительство знало о немъ и могло имъ пользоваться.

О Кильбургерѣ же даже нельзя сказать, было ли его сочиненіе извѣстно королю, или же было ли ему представлено, подобно альбому Пальмквиста. Впрочемъ, если шведское правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи сочиненія Кильбургера, оно могло съ успѣхомъ воспользоваться донесеніемъ Родеса, которое къ тому времени еще не потеряло своего значенія. Говоря о степени распространенія сочиненій Кильбургера, нужно ограничиться указаніемъ на существованіе двухъ рукописныхъ его экземпляровъ: одинъ хранится въ Вольфенбиттельской Герцогской библіотекѣ и отличается полнотой содержанія, а другой былъ на рукахъ нашего исторіографа Миллера, но онъ подарилъ его Бишингу, который и напечаталъ его въ своемъ „Magazin für neue Historie und Geographie“, Th. III; изъ этого напечатаннаго текста видно, что рукопись Миллера была неполной и имѣла нѣкоторыя отличія отъ вольфенбиттельской; отсюда можно вывести заключеніе, что были рукописи не одинаковыя, что могло произойти отъ частаго переписыванія, и, такимъ образомъ, можно думать, конечно, вполнѣ не настаивая на этомъ, что экземпляровъ рукописей Кильбургера было не два, а больше, т. е. его сочиненіе читалось современниками.

Кто такой былъ Кильбургеръ, объ этомъ до сихъ поръ почти ничего не было извѣстно. Аделунгъ въ своей книгѣ о древнѣйшихъ путешествіяхъ иностранцевъ по Россіи говоритъ только, что Кильбургеръ былъ родомъ шведъ [1]), находился вмѣстѣ со швед-

---

[1]) Костомаровъ ошибочно считалъ Кильбургера голландцемъ: „Очеркъ торг. моск. государства“, изд. II, с. 161.

скимъ посольствомъ въ Москвѣ, а потомъ написалъ въ Стокгольмѣ сочиненіе о русской торговлѣ. Аделунгъ взялъ свои данныя отъ Бишинга, который помѣстилъ предисловіе къ изданному имъ сочиненію Кильбургера. Въ этомъ краткомъ предисловіи Бишингъ говоритъ о значеніи этого труда для познанія экономическаго состоянія Россіи, о томъ, что Кильбургеръ былъ шведъ, былъ, очевидно, со шведскимъ посольствомъ въ Москвѣ и потомъ составилъ въ Стокгольмѣ описаніе русской торговли, „какъ можно видѣть изъ ч. III, гл. I и VII и ч. IV, гл. IX"; что авторъ былъ въ Москвѣ, Бишингъ узналъ, какъ увидимъ ниже, изъ введенія самого Кильбургера.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя до сихъ поръ были извѣстны о Кильбургерѣ, почерпывались изъ его же собственнаго сочиненія. Другихъ извѣстій о немъ, несмотря на наши долгія и настойчивыя разысканія, мы не нашли среди исторической литературы, но, при архивныхъ поискахъ, намъ удалось найти отчасти въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а главнымъ образомъ въ Стокгольмскомъ Королевскомъ Архивѣ, благодаря крайней любезности его перваго архиваріуса Теодора Вестрина, за что приносимъ ему свою искреннюю благодарность, новыя данныя о Кильбургерѣ, которыя вполнѣ разъясняютъ вопросъ о таинственномъ авторѣ описанія русской торговли.

Въ качествѣ кого былъ Кильбургеръ въ посольствѣ, изъ его собственнаго сочиненія не видно. Въ этомъ отношеніи у насъ есть только одно свидѣтельство Кильбургера, а именно онъ въ концѣ своего предисловія оговаривается, что дастъ разныя свѣдѣнія о Россіи, „насколько мнѣ это позволяетъ непродолжительность времени, которое я былъ въ Москвѣ, какъ и мое занятіе (Profession), которое далеко отъ торговли". Эта фраза очень характерна, и, опираясь на нее, можно прійти къ выводамъ, что авторъ не былъ посланъ съ торговой цѣлью, и его профессія была далеко отъ торговли, а отсюда слѣдуетъ, что появленіе его сочиненія нельзя считать преднамѣреннымъ, а случайнымъ, можетъ быть, простымъ любительскимъ трудомъ. Дѣйствительно, въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ мы нашли нѣсколько списковъ членовъ посольства (см. наши приложенія), которые подтверждаютъ, что Кильбургеръ не былъ спеціалистомъ по торговой части. Такъ, въ „росписи его Кор. В-ства свѣйского персоном великимъ и полномочнымъ посломъ, присланнымъ къ его ц. в-ству и которымъ

быть у его ц. в-ства высокой руки“ въ началѣ поставлены имена 3 пословъ (Оксеншерна, Тизенгаузена и Будберха), потомъ—„думнаго въ торговлѣ“ Лиліенгофа, посольскаго маршалка, „вольныхъ господъ“, посольскаго секретаря, доктора, капитана Пальмквиста и др., и тутъ, въ числѣ королевскихъ дворянъ, на самомъ последнемъ мѣстѣ, находимъ имя—„Еоимъ Ѳилипъ Килбергеръ“; послѣ него упоминаются 2 переводчика (при чемъ первымъ—С. Эосандеръ), пасторъ, 2 подьячихъ, „квайтемистръ“ и др. Всего въ посольствѣ, считая съ послами, было 44 человѣка [1]). Въ другой росписи, составленной при отпускѣ пословъ („имена королевскимъ дворяномъ, которые были ц-ого в-ства у руки на отпускѣ“), имя—„Еоимъ Кильбергеръ“ стоитъ тоже въ концѣ списка королевскихъ дворянъ, а послѣ него слѣдуютъ имена переводчиковъ, „писарей“ и др. [2]). Такимъ образомъ, Кильбургеръ былъ королевскимъ дворяниномъ, при чемъ занималъ самое послѣднее мѣсто среди нихъ [3]); это впрочемъ станетъ понятно, если мы скажемъ, что онъ тогда былъ очень молодымъ человѣкомъ, какъ это увидимъ впослѣдствіи. Капитанъ же Пальмквистъ числился выше его на 10 мѣстъ и даже „отдавалъ королевскіе и королевины дары“ [4]). Намъ, значитъ, хорошо извѣстно, что Кильбургеръ входилъ въ составъ свиты пословъ въ качествѣ наименѣе заслуженнаго королевскаго дворянина. Онъ, какъ и Пальмквистъ, присутствовалъ 30 марта на пріемѣ посольства въ Грановитой палатѣ, затѣмъ 2 апрѣля—въ Столовой палатѣ, когда было положено начало переговорамъ, и, наконецъ, 19 іюня—на отпускѣ; въ числѣ остальныхъ членовъ посольской свиты онъ во всѣ эти разы бывалъ „у его ц-го в-ства высокой руки“. Но при переговорахъ (всего было 10 „отвѣтовъ“), хотя послы всегда приходили въ Отвѣтную палату со своей свитой, при самомъ открытіи засѣданія всякій

---

1) М. Гл. А. М. Ин. Д., шв. д., реестръ I, кн. 92, л. 358 об. и слѣд.

2) М. Гл. А. М. Ин. Д., кн. 93, л. ҂ꙋпд

3) По росписи 8 апр. 1674 г.—сколько давать членамъ посольства напитковъ—имя „Еѳимъ Ѳилипъ Кербергеръ“ поставлено въ перечисленіи „к҃-й статьи“ королевскихъ дворянъ и чиновныхъ людей, а далѣе идетъ перечень шведскихъ подьячихъ (М. Гл. А. М. Ин. Д., кн. 92, л. 486).

4) Согласно перечню именъ членовъ посольства, бывшихъ на первой и послѣдней аудіенціяхъ (М. Гл. А. М. Ин. Д., кн. 93, л. л. рпг и ҂ꙋпд).

разъ всѣхъ „королевскихъ дворянъ и чиновныхъ людей высылали вонъ“, такъ что въ палатѣ оставались только одни послы. Поэтому Кильбургеръ не могъ лично присутствовать при переговорахъ и слѣдить за ихъ постепеннымъ развитіемъ, но намъ кажется, что это было для него весьма выгодно, потому что онъ имѣлъ много свободнаго времени, которымъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Невзирая на то, что онъ былъ „королевскимъ дворяниномъ“, и, такимъ образомъ, родъ его занятій въ самомъ дѣлѣ былъ далекъ отъ торговли, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи къ своему сочиненію, онъ очень заинтересовался торгово-промышленною жизнью такого большого государства, какъ Россія, и основательно съ нею ознакомился во время своей бытности въ Москвѣ. Хотя уже изъ русскихъ архивныхъ матеріаловъ намъ извѣстно, какъ долго былъ Кильбургеръ въ этомъ городѣ, однако изъ его же сочиненія также можно это опредѣлить, а именно въ III ч., VI гл. онъ пишетъ, что рейхсталеры тогда ходили (anitzo gingen) въ Москвѣ (въ 1674 г.) въ теченіе 4 мѣсяцевъ за 56—57 копеекъ, а дукаты съ 1 января по 1 мая этого же 1674 г. поднялись съ 115 до 120 коп., 17 мая - 122 коп., а 123 коп. достигли 1 „іюля“ (Julii; но не описка ли это, вмѣсто „іюня“, такъ какъ вѣдь посольство выѣхало изъ Москвы 23 іюня). Итакъ, Кильбургеръ прожилъ въ Москвѣ болѣе $5^1/_2$ мѣсяцевъ, но и это время показалось ему недостаточнымъ, чтобы вполнѣ познать экономическое состояніе Россіи, и онъ поэтому называетъ срокъ своего пребыванія въ ней—„короткимъ“.

Вотъ только что можно сказать о Кильбургерѣ во время шведскаго посольства. Послѣ же 1674 года мы стоимъ на еще болѣе твердыхъ архивныхъ данныхъ, которыя находимъ въ Стокгольмскомъ Королевскомъ Архивѣ.

Въ этомъ архивѣ сохранилось лишь одно письмо, писанное рукой Кильбургера. Оно на четырехъ языкахъ: нѣмецкомъ, шведскомъ, французскомъ и латинскомъ, не датировано [1]) и обращено къ государственному канцлеру Магнусу Де ля Гарди. Въ этомъ письмѣ Кильбургеръ проситъ предоставить ему должность, при чемъ пишетъ: „lebe der ungezweiffelten Hoffnung E. Erl. Hoch. gräffl. Excell. werde

[1]) Sammlung de la Gardischen.

gnädigst geliebcn mir die am Hoffe anitzo ersetzliche Stelle vor einem andern in Gnaden widerfahren zu lassen, wofür lebeslang verharre". На свою подданнѣйшую просьбу онъ получилъ 22 іюля 1675 г. назначеніе на открывшуюся должность нотаріуса „durch unser gantzes Reich und alle darunter liegende Provincien"[1]), т. е. онъ сталъ общественнымъ нотаріусомъ (Notarius publicus), и въ томъ же году былъ опредѣленъ на шведскую государственную службу. Но 23 октября 1675 г. президентъ королевской коммерцъ-коллегіи баронъ Кнутъ Куркъ рѣшилъ, что Кильбургеръ долженъ замѣстить умершаго протонотарія, или секретаря, при торговой коллегіи (Handels-kollegium) въ Ригѣ[2]) Іоганна Фроста[3]), и 29 того же мѣсяца коммерцъ-коллегія рекомендовала Кильбургера королю для полученія имъ этой должности, мотивируя свой выборъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „weil er nicht nur gute Studien gemacht, sondern auch während seiner Aufenthalt in Russland bei der letzten Legation solche Kenntnisse von dem Russischen Handel sich verschafft hat, die für ein solches Amt nicht gering von Nöten sind"[4]). 23 слѣдующаго мѣсяца, декабря, Кильбургеръ получилъ королевскимъ письмомъ назначеніе на должность секретаря[5]). Но онъ пробылъ въ Ригѣ только короткое время. Уже въ 1678 г. онъ былъ опять въ Стокгольмѣ въ качествѣ Notarius publicus regius, какъ можно видѣть по сдѣланной имъ скрѣпѣ. Съ этого времени онъ жилъ въ Стокгольмѣ до самой смерти, которая постигла его 1 іюля 1721 г. День его смерти и его семейныя отношенія становятся извѣстными изъ описи его имущества, которая была совершена 31 августа 1722 г. и еще теперь хранится въ опекѣ въ Стокгольмѣ. Его жена—Euphrosina Maria Beloch умерла въ 1714 г. и имѣла съ нимъ семеро дѣтей: 1) Katarina Beata, ко времени описи имущества ей было 40 лѣтъ; 2) Anna Elisabeth, замужемъ за знаменосцемъ—Petter Hoflander; 3) Sofia Juliana, замужемъ за лей-

---

[1]) Reichsregistratur den 22. Juli 1675, fol. 768.

[2]) Эта рижская торговая коллегія была подчинена главной коммерцъ-коллегіи, находящейся въ Стокгольмѣ, и была учреждена въ 1674 году для надзора за всѣми дѣлами, которыя случались въ этой странѣ (Registratur des Kommerzienkollegiums den 29. October 1675).

[3]) Protokolle des Kommerzienkollegiums.

[4]) Registratur des Kommerzienkollegiums.

[5]) Reichsregistratur den 23. Desember 1675, fol. 479.

тенантомъ—Ditlev Christian Rüde; 4) Maria Margalena, 34 лѣтъ; 5) Karl Henrik; 6) Euphrosina Barbara, замужемъ за знаменосцемъ—Johann Henrik Kulling и 7) Kristina Margareta, замужемъ за Karl Gustaf Gütinger.

Коммерцъ-секретарь Кильбургеръ (такъ онъ титулируется въ описи) жилъ въ Стокгольмѣ въ Старомъ городѣ [Alstadt („Staden")], гдѣ владѣлъ двумя каменными домами—одинъ былъ оцѣненъ въ 18,000 талеровъ, а другой въ 9,000 талеровъ серебряной монетой. Имущество, оставленное имъ, достигало до 31,870 талеровъ серебряной монетой.

Его сынъ Karl Henrik былъ Notarius publicus и умеръ 3 марта 1735 года (Totenbuch der Nikolai—Gemeinde).

Обратимся теперь къ самому сочиненію Кильбургера.

Время, когда оно было написано, неизвѣстно. Въ статьѣ объ икрѣ (ч. I, гл. I, пунктъ I) авторъ говоритъ объ ея цѣнѣ „въ февралѣ этого года" въ Москвѣ; дата года не сказана, но, несомнѣнно, 1674 г., потому что откуда бы Кильбургеръ зналъ цѣну, какъ не изъ своей поѣздки въ Москву. Значитъ, онъ эти строки написалъ въ 1674 г. Тамъ же авторъ пишетъ (п. II), что ловля семги въ Колѣ „принадлежала лежащему на Бѣломъ морѣ и теперь (nun) нѣсколько лѣтъ блокируемому Соловецкому монастырю". Соловки же взбунтовались, какъ извѣстно, въ 1668 г., а были взяты приступомъ въ 1676 г. Отсюда слѣдуетъ, что объ этомъ авторъ писалъ до 1676 г. Въ главѣ о желѣзныхъ рудникахъ (ч. IV, гл. V) находимъ такія фразы: Петръ Марселисъ „въ этомъ году заплатилъ своему родственнику... 20.000 рублей", „Привилегіи (*Марселиса*) окончились теперь въ этомъ году..." Тутъ подъ словомъ „въ этомъ году" Кильбургеръ, безъ сомнѣнія, подразумѣваетъ 1674 г., потому что только въ свою бытность въ Москвѣ онъ могъ почерпнуть объ этомъ такія свѣдѣнія. Разъ же онъ говоритъ „въ этомъ году", то, значитъ, онъ писалъ эту главу въ томъ же 1674 году. Можно еще обратить вниманіе на такія фразы, какъ: „бумага стоитъ теперь (itzo) въ мѣсяцѣ маѣ въ лавкахъ" столько-то (ч. I, гл. III, п. I), свинина зимой стоила столько-то, а „теперь (anitzo) пудъ свѣжей—24 коп." (ч. I, гл. II, п. III). Все это указываетъ, что авторъ писалъ эти строки въ 1674 г., такъ какъ всѣ собранныя имъ цѣны относятся именно къ этому году. Если же мы, наконецъ, возьмемъ вольфенбиттельскую рукопись (Blatt 98 a), то

въ главѣ о мѣдныхъ рудникахъ (ч. IV, гл. IV) найдемъ полное подтвержденіе нашего мнѣнія въ словахъ, что рудники были отданы Марселису „in diessem 1674-ten jahre“. Итакъ, можно увѣренно сказать, что Кильбургеръ писалъ въ 1674 г., и въ 1675 г. его сочиненіе было уже написано. Обратимъ еще вниманіе на то обстоятельство, что въ октябрѣ 1675 г. коммерцъ-коллегія рекомендовала королю Кильбургера, какъ трудолюбиваго человѣка и во время послѣдняго путешествія пріобрѣвшаго въ русской торговлѣ такія познанія, которыя могли принести немалую пользу въ Ригѣ; очевидно, Кильбургеръ за такое небольшое время не могъ проявить на дѣлѣ своихъ познаній и доказать службой свое трудолюбіе, но, вѣроятно, онъ написалъ свое сочиненіе, на которое потратилъ много труда, показалъ его власть имѣющимъ лицамъ въ коммерцъ-коллегіи, какъ доказательство своихъ познаній въ торговомъ дѣлѣ, почему коммерцъ-коллегія такъ лестно аттестовала его королю 29 октября 1675 г. Если же Кильбургеръ написалъ бы свою работу позднѣе 1675 г., то пребываніе его въ должности секретаря при торговой рижской коллегіи, несомнѣнно, въ сильной степени способствовало бы собиранію нужныхъ матеріаловъ, при чемъ они касались бы болѣе прибалтійской торговли и затрагивали не только прошлые годы, но и 1675, 1676, а это все должно было бы сказаться и въ самомъ сочиненіи; между тѣмъ въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека или указанія на событія, цѣны или количества товаровъ послѣ 1674 г.: всѣ свѣдѣнія кончаются 1674 г. включительно. Это еще лишній разъ показываетъ, что, когда Кильбургеръ офиціально былъ назначенъ въ декабрѣ 1675 г. въ Ригу, его сочиненіе было уже написано.

Мѣсто, гдѣ писалъ свой трактатъ Кильбургеръ, также неизвѣстно, но, вѣроятно, это было въ Швеціи, въ частности—въ Стокгольмѣ. Это видно изъ многихъ выраженій этого сочиненія: такъ, говоря о русскихъ монетахъ (ч. III, гл. I), онъ пишетъ: „точно, какъ здѣсь, въ Швеціи“; упоминая о доставкѣ въ Москву иностранныхъ курантовъ (ч. III, гл. VII), онъ вставляетъ фразу: „какъ здѣсь, въ Швеціи“; также онъ сравниваетъ (ч. IV, гл. IX) Большой приказъ „съ камеръ-коллегіей здѣсь, въ Швеціи“.

Для кого предназначался этотъ трактатъ и съ какой цѣлью онъ былъ написанъ, нельзя положительно сказать. Если бы это была офиціальная работа, то авторъ хотя бы чѣмъ нибудь обмолвился въ пользу этого предположенія, но ничего подобнаго мы

не находимъ ни въ его предисловіи ни въ самомъ текстѣ; только въ одномъ мѣстѣ (ч. IV, гл. XVIII) Кильбургеръ мимоходомъ обронилъ ничего незначущую фразу, что „по похвальному приказанію шведской короны“ въ Лифляндіи были отпечатаны на русскомъ языкѣ сочиненія Лютера. Замѣтимъ, что офиціальный характеръ сочиненія Родеса и альбома Пальмквиста вполнѣ явствуетъ изъ самого текста этихъ произведеній; тоже слѣдовало ожидать и отъ сочиненія Кильбургера, если бы оно предназначалось для короля; съ другой стороны, труды Родеса и Пальмквиста, какъ офиціальные, до сихъ поръ хранятся въ Королевскомъ Архивѣ, а сочиненія Кильбургера тамъ нѣтъ. Ясно, что этотъ трудъ не офиціальнаго характера, а лишь частнаго. Такое мнѣніе подтверждается и содержаніемъ предисловія Кильбургера, вполнѣ подходящаго для сочиненія, предназначеннаго для публики, а не для представленія королю. Для подтвержденія этой мысли укажемъ, что авторъ ни однимъ словомъ не намекаетъ, что имѣетъ въ виду короля или другое высокопоставленное лицо; наоборотъ, такія ссылки, какъ „смотри“ (siehe) такого-то автора, или „смотри“ (siehe) такую-то главу и т. д., показываютъ, что авторъ имѣлъ въ виду обыкновеннаго читателя; въ концѣ своего предисловія онъ, какъ бы обращаясь къ будущимъ читателямъ, просто говоритъ: „Но, чтобы я не слишкомъ зашелъ съ этими предварительными замѣчаніями, позвольте мнѣ прекратить ихъ и приступить къ самому сочиненію“. Однако большее значеніе имѣетъ для доказательства частнаго характера сочиненія краткое введеніе къ IV части, гдѣ Кильбургеръ пишетъ, что онъ хочетъ тутъ сообщить о предметахъ, отчасти имѣющихъ отношеніе къ торговлѣ, „отчасти же могущихъ нѣкоторымъ образомъ удовлетворить любознательнаго и особенно того, кто, можетъ быть, думаетъ ѣхать“ въ Россію. Изъ этихъ словъ несомнѣнно видно, что авторъ имѣлъ въ виду широкую публику, для которой и писалъ свое сочиненіе. Также нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что книга Кильбургера, какъ не имѣющая офиціальнаго характера, лишена тѣхъ боевыхъ нотъ, которыми полно офиціальное донесеніе Родеса и особенно офиціальный отчетъ Пальмквиста. Кильбургеръ же пишетъ спокойно, совсѣмъ не затрагивая вопроса о перемѣщеніи торговли изъ Архангельска; между тѣмъ, какъ выше мы видѣли, одной цѣлью посольства былъ также вопросъ о направленіи русской торговли къ балтійскимъ гаванямъ посредствомъ уменьшенія

пошлинъ со стороны русскихъ, для чего отчасти и былъ присо-
единенъ къ посламъ Лиліенгофъ; если бы Кильбургеръ писалъ
для правительства, онъ долженъ былъ коснуться и этого вопро-
са, чего въ самомъ дѣлѣ не видимъ. Это еще разъ доказываетъ,
что сочиненіе Кильбургера было частнаго характера и предназна-
чалось для торговой или любознательной путешествующей публики.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію текста Кильбурге-
ра, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ двухъ рукописяхъ, бла-
годаря которымъ мы познакомились съ этимъ сочиненіемъ моло-
дого шведа.

Выше уже упоминалось, что намъ извѣстны 2 рукописи. Би-
шингъ съ одной рукописи издалъ въ 1769 г. текстъ Кильбургера
въ сборникѣ Magazin [1]) и въ своемъ предисловіи къ этому изданію
говоритъ: „Господинъ проф. Фромманъ подарилъ рукопись госпо-
дину коллежскому совѣтнику Миллеру, а онъ подарилъ ее нѣсколь-
ко лѣтъ тому назадъ мнѣ“ [2]). Другая же рукопись теперь хранится
въ Вольфенбиттелѣ въ Герцогской библіотекѣ подъ сигнатурой
262.10 Extrav 4° [3]). Отождествлять эти рукописи, кажется, нель-
зя, потому что вторая рукопись полнѣе первой, а также въ ней
есть, хотя и неважныя, различія въ слогѣ по сравненію съ тек-
стомъ Бишинга; предполагать же, что Бишингъ могъ самъ сокра-
тить текстъ и измѣнить слогъ рукописи, нѣтъ достаточныхъ осно-

---

1) Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. An-
ton Friderich Büsching, Königl. Preussischen Oberconsistorialrath, Direcktor
des Cvmnasii im grauen Kloster zu Berlin, und der davon obhängenden beyden
Shulen. Dritter Theil Mit Kupfern. Mit Churfürstl. Sächss. gnädigstem Privi-
legio. Hamburg, im Verlag Johann Nicolaus Carl Buchenröders und Com-
pagnie, 1769.

2) А. Ф. Бишингъ былъ въ Петербугѣ въ 1750 г. и въ 1761—1765
г. г. Онъ находился въ дружеской и постоянной перепискѣ съ Миллеромъ
и состоялъ въ Берлинѣ посредникомъ Архива Мин. Ин. Дѣлъ по пріобрѣ-
тенію заграничныхъ изданій для библіотеки Архива (А. Брикнеръ: Ан-
тонъ Фридрихъ Бюшингъ, Историческій Вѣстникъ 1886 г., іюль. Кн. Н.
В. Голицынъ: Портфели Г. Ф. Миллера, Сборникъ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин.
Д, вып. VI, с. 414).

3) Пользуемся случаемъ выразить нашу благодарность Вольфенбит-
тельской Герцогской библіотекѣ въ лицѣ ея оберъ-библіотекаря проф.
Dr. G. Milchsack и Dr. R. Bürger, благодаря содѣйствію которыхъ мы оз-
накомились съ вольфенбиттельской рукописью.

ваній, а если бы это и было, то онъ, очевидно, оговорилъ бы это въ своемъ предисловіи.

Эти рукописи въ слѣдующемъ разнятся другъ отъ друга.

У Бишинга сочиненіе озаглавлено такъ:

„Kurzer Unterricht von dem Russischen Handel, wie selbiger mit aus- und eingehenden Waaren 1674 durch ganz Russland getrieben worden; aufgesetzet von Johann Philipp Kilburger“.

Вольфенбиттельская же рукопись озаглавлена иначе:

„Mercatura Rutenica oder Kurtzer Unterricht von dem Russichen Commercien. Wie nemlich selbige Anno 1674 mit aus- und eingehenden Wahren durch gantz Moscovien bey der damahls durch Ihro Hochgräffl. Excellence den Hochgebohrnen Grafen und Hernn Hernn Gustaw Oxenstern, Grafen zu Korsholm und Vasa, Freyherrn zu Mörby, Herrn zu Caster und Aya etc. Ihro Königl. Maytt, in Schweden Rath undt Kriegs Rath etc. verrichteten grossen Legation zusammen getragen von Johan Philipp Kilburger.

* * *

Marquard de jure Mercator. et Commerc. Lib. II, cap. 7, № 19. Nulla regio vel magnitudine, vel fertilitate rerum ad vitam et victum pertinentium Moscoviam sive Russiam vincit“.

Это заглавіе интересно тѣмъ, что оно ясно указываетъ на участіе Кильбургера въ большомъ шведскомъ посольствѣ въ Москву. Бишингъ же писалъ въ своемъ предисловіи къ Кильбургеру: „Er soll mit einer schwedischen Gesandschaft zu Moskau gewesen seyn“; слово „soll“ показываетъ, что Бишингъ не имѣлъ въ рукахъ вольфенбиттельской рукописи, а то бы категорически написалъ, что Кильбургеръ былъ въ Москвѣ со шведскимъ посольствомъ.

Другое отличіе рукописей въ томъ, что у Бишинга V часть имѣетъ только 2 главы: I) О водахъ и рѣкахъ между Нарвой и Москвой, II) О рѣкѣ Лугѣ въ Ингерманландіи. Вольфенбиттельская же рукопись имѣетъ, кромѣ этихъ главъ, еще 2 главы, т. е. III и IV: III) Обозначеніе пути и миль отъ Стокгольма до Москвы, IV) Обозначеніе пути и разстоянія отъ Москвы до Тобольска въ Сибири и оттуда до Пекина въ Китаѣ. При этомъ въ текстѣ IV главы путь указанъ до Тобольска, а дальше помѣщено сокращеніе изъ путешествія Байкова въ 1654 г., изъ котораго видно, какъ вышелъ Байковъ изъ Тобольска и какой дорогой онъ шелъ въ Пекинъ. Эти дополнительныя главы, находящіяся въ

вольфенбиттельской рукописи, нельзя считать не принадлежащими Кильбургеру и приписывать ихъ другому лицу, потому что, во-первыхъ, вся эта рукопись писана однимъ почеркомъ, ея оглавленіе соотвѣтствуетъ дальнѣйшему изложенію, а, во-вторыхъ, самое главное, даже рукопись, находившаяся у Бишинга, въ одномъ мѣстѣ прямо указываетъ на эти главы; именно по тексту Бишинга въ II части, IV главѣ „О китайской торговлѣ“ въ началѣ сказано, что въ 1654 г. русскіе послали свое первое посольство въ Пекинъ, „wie unten im letzten Kapitel des V [1]) Theils zu sehen“; но въ изданіи Бишинга послѣдняя глава (II) пятой части говоритъ всего только о рѣкѣ Лугѣ, и, такимъ образомъ неоконченность этого текста становится очевидной и безъ сравненія съ вольфенбиттельской рукописью; въ послѣдней же вышеприведенное мѣсто изъ начала главы о китайской торговлѣ написано иначе: „wie unten Part V, cap: ult zu sehen“. Наконецъ, въ третьихъ, доказательствомъ того, что главы о пути отъ Москвы до Тобольска, а далѣе экстрактъ путешествія Байкова въ Пекинъ принадлежатъ самому Кильбургеру, служитъ то обстоятельство, что въ началѣ V части (по вольфенбиттельскому списку) помѣщено краткое оглавленіе ея, гдѣ Кильбургеръ пишетъ, что онъ хочетъ познакомить читателей „въ послѣдней главѣ съ положеніемъ пути и разстояніемъ отъ Москвы до Тобольска въ Сибирь, а оттуда до знаменитаго китайскаго главнаго и престольнаго города Пекина, каковое путешествіе взадъ и впередъ ежегодно совершается купцами. Этимъ описаніемъ я заключу свое сочиненіе“. Послѣднія слова особенно характерны и важны.

Таковы главныя отличія вольфенбиттельской рукописи отъ рукописи, которую имѣлъ Бишингъ.

Переходимъ къ изслѣдованію текста сочиненія.

Самъ Кильбургеръ въ предисловіи назвалъ его небольшимъ трактатомъ (Tractätlein), и, дѣйствительно, это настоящій трактатъ съ большимъ количествомъ матеріала, правильно разбитаго и сгруппированнаго по соотвѣтствующимъ рубрикамъ. Группировку нуж-

---

[1]) Хотя у Бишинга напечатано „des IV“, но это ошибка или опечатка.

но признать очень удовлетворительной для XVII вѣка. Вся книга дѣлится на 5 частей: 1) о русскихъ товарахъ, 2) объ иностранныхъ, 3) о русской монетѣ, вѣсѣ, мѣрахъ, фрахтѣ, пошлинахъ, иностранной монетѣ, почтѣ; 4) объ Архангельскѣ, гостяхъ, рудникахъ, соболиномъ промыслѣ, суконной промышленности, гостиныхъ дворахъ, царской казнѣ, торговлѣ въ г. Москвѣ, типографіяхъ, колоколѣ, съѣстныхъ припасахъ, винныхъ и яблочныхъ погребахъ, кабакахъ и ледникахъ, каменномъ строительствѣ, аптекахъ, киркахъ; 5) о водныхъ путяхъ сообщенія между Нарвой и Москвой, о р. Лугѣ въ Ингерманландіи, о дорогѣ отъ Стокгольма до Москвы и, наконецъ, о дорогѣ отъ Москвы до Тобольска и Пекина. Первая часть о русскихъ туземныхъ товарахъ имѣетъ такое подраздѣленіе: 1) товары, которые русскіе продаютъ иностранцамъ, 2) товары, которые русскіе сами употребляютъ для своихъ нуждъ и 3) товары, которые русскіе имѣютъ въ недостаточномъ количествѣ и должны покупать у другихъ народовъ. Такое дѣленіе матеріала весьма удачное и дѣлаетъ честь молодому шведу третьей четверти XVII в. Вторая часть объ иностранныхъ товарахъ разбита на четыре главы: 1) европейская торговля, 2) персидская, 3) греческая и 4) китайская.

„Сочиненіе“ Кильбургера (такъ онъ самъ его называетъ) явилось результатомъ строго продуманнаго замысла. Онъ работалъ надъ нимъ усердно, тщательно распредѣлилъ матеріалъ и потомъ подвергъ его просмотру. На это указываетъ, какъ составленіе предисловія и оглавленія къ книгѣ, такъ и такія фразы, которыя ссылаются на послѣдующее содержаніе, напр., въ ч. I, гл. II, п. VII о желѣзѣ сказано: „смотри III гл. этой части и V главу IV части“; въ ч. II, гл. II о персидской торговлѣ такая ссылка: „смотри IV часть, VIII главу“, или же въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ ч. II, гл. IV о китайской торговлѣ говорится: „какъ ниже, въ послѣдней главѣ V части видно“ и т. д. Выдержанность и послѣдовательность содержанія книги Кильбургера особенно бросается въ глаза по сравненію съ донесеніемъ Родеса о торговлѣ, гдѣ послѣдній, несмотря на свои попытки систематизировать матеріалъ, вслѣдствіе неудачнаго распредѣленія данныхъ, долженъ былъ повторяться, почему и въ донесеніи Родеса нельзя сразу разобраться. Кильбургеръ же, имѣя передъ глазами это сочиненіе, избѣжалъ въ своей работѣ подобнаго изложенія.

Онъ пишетъ на нѣмецкомъ языкѣ[1]), довольно ясно, хотя иногда, но рѣдко, попадаются плохо построенныя фразы, затемняющія ихъ смыслъ. Укажемъ для примѣра на введеніе, гдѣ встрѣчается нѣсколько такихъ мѣстъ, на конецъ главы о мѣдныхъ рудникахъ и начало главы о желѣзныхъ рудникахъ, гдѣ говорится о мѣстонахожденіи тульскаго рудника, и на X гл. IV ч., гдѣ въ началѣ въ длинной фразѣ говорится о московскихъ лавкахъ. Но въ общемъ авторъ пишетъ понятно.

Настроеніе книги Кильбургера совершенно спокойное, и обо всемъ онъ пишетъ „sine ira et odio", какъ и подобаетъ научному трактату. Научность этой книги становится виднѣе при ближайшемъ разсмотрѣніи ея источниковъ, которыхъ у Кильбургера было много, но точно указать ихъ всѣхъ нельзя, а только нѣкоторые.

Источники было печатные, письменные и устные.

Что касается печатныхъ и письменныхъ источниковъ, то ихъ можно раздѣлить на западно-европейскіе и русскіе.

Западно-европейскіе источники становятся извѣстными изъ текста же Кильбургера, который самъ ссылается на нихъ.

Въ главѣ о большомъ колоколѣ (ч. IV, гл. XII) онъ пишетъ: „Прежній большой колоколъ, который тоже виситъ на Иванѣ Великомъ, описываетъ Олеарій въ своемъ описаніи персидскаго путешествія, стр. 147". Итакъ, Кильбургеръ зналъ Олеарія, но въ данномъ случаѣ онъ совсѣмъ не пользуется имъ, потому что здѣсь идетъ рѣчь о колоколѣ, поднятомъ въ мартѣ 1674 г.; упоминая Олеарія, онъ только отсылаетъ любознательнаго читателя къ его сочиненію, но самъ не передаетъ его содержанія. Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ о дорогѣ между Стокгольмомъ и Москвой (ч. V, гл. III), онъ говоритъ, что „между Хотилово и Коломной есть два болота, какъ и камень тирана Ивана Васильевича, о которомъ (*сообщаетъ*) Олеарій въ своемъ описаніи персидскаго посольства, стр. 26". Но и тутъ Кильбургеръ не передаетъ, что сказано о камнѣ у Олеарія; это просто ссылка, которая помогла бы читателю

---

[1]) По Аделунгу („Баронъ Мейербергъ и путеш. его по Россіи", СПБ., 1827 г., с 286, прим. 58)—„подлинникъ (сочиненія Кильбургера) написанъ на шведскомъ языкѣ, а нѣмецкій переводъ помѣщенъ въ Бюшинговскомъ магазинѣ, ч. III, с. 245 и пр.". Очевидно, Аделунгъ выразилъ это мнѣніе на основаніи теоріи вѣроятностей, исходя изъ мысли, что Кильбургеръ былъ шведъ.

удовлетворить свое любопытство по данному вопросу, если онъ съ нимъ не знакомъ. Однако въ томъ случаѣ, когда Кильбургеръ въ дѣйствительности пользуется данными Олеарія, онъ совершенно умалчиваетъ объ источникѣ, такъ что самому приходится изслѣдовать, что именно заимствовано имъ у Олеарія. Мы приводимъ ниже два параллельныхъ отрывка, которые ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что Кильбургеръ воспользовался свѣдѣніями Олеарія.

Кильбургеръ.	Олеарій.
„Они *(русскіе)* смѣшиваютъ ее *(прессованную икру)* съ большимъ количествомъ перца, наливаютъ уксуса, а иногда при этомъ и орѣховаго или конoплянаго масла и въ такомъ видѣ ее ѣдять. Прессованная по армянскому способу, она, говорятъ, недурное кушанье, особенно, когда вмѣсто уксуса выжать на нее лимоннаго сока, она возбуждаетъ аппетитъ къ ѣдѣ и раздражаетъ натуру... Что касается непрессованной икры... для ѣды они хорошо ее перемѣшиваютъ съ перцомъ и мелко-нарѣзаннымъ лукомъ, а не иначе“. (Büsching, Th. I, K. I, „Caviaro“).	„Они *(русскіе)* отбиваютъ икру отъ прилегающей къ ней кожицы, солятъ ее, а послѣ того, какъ она постояла въ такомъ видѣ 6 или 8 дней, мѣшаютъ ее съ перцомъ и мелко-нарѣзанными луковицами, затѣмъ нѣкоторые добавляютъ еще сюда уксуса и деревяннаго масла и подаютъ. Это не плохое кушанье; если вмѣсто уксуса полить его лимоннымъ сокомъ, то она даетъ, какъ говорятъ, хорошій аппетитъ и имѣемъ силу, возбуждающую естество“. (Пер. А. М. Ловягина, изд. 1906 г., с. 203).
Нѣмецкая слобода лежитъ „между рѣкой Яузой и ручьемъ Кукуемъ, откуда происходитъ извѣстная по всей Россіи, но презрительная для иностранцевъ, поговорка: — Tschis na Kukui“ [1]). (Th. IV, K. XVIII).	Олеарій говоритъ (стр. 354—356), что мѣсто Кукуй лежитъ на р. Яузѣ и такъ названо, потому что нѣмки, видя что-нибудь интересное, всегда кричали другъ другу: „Kuck! Kucke hie!“, но „русскіе перемѣнили это слово на постыд-

[1]) По изданію Бишинга „Tschis na“ напечатано слитно: „Tschisna“.

ное слово... и кричали нѣмцамъ, когда имъ приходилось итти на это мѣсто, въ видѣ брани: «Нѣмчинъ, (м)чись на —, —», т. е. «Нѣмецъ, убирайся на» и т. д".

Тутъ интересно отмѣтить, что ни у Койэта, ни у Таннера, бывшихъ около того же времени въ Москвѣ, нѣтъ указаній на существованіе въ ихъ время этой брани, хотя они всѣ говорятъ о слободѣ Кукуѣ. Только Рейтенфельсъ (1671—1673 г.г.) говоритъ, что русскіе дразнятъ нѣмцевъ „шишами". Вѣроятно, Кильбургеръ самъ не слыхалъ этой брани, а просто позаимствовалъ ее у Олеарія.

Neuhoff есть другое лицо, на которое находимъ у Кильбургера ссылки. Въ статьѣ о чаѣ (ч. I, гл. II, Nota, 1) читаемъ: „Смотри Neuhofs ostindische Gesandschaft, S. 347". Изданій Neuhoff'а есть нѣсколько. Такъ, есть изданіе 1665 г.: „L'ambassad de la Compagnie Orientale des Provinces Unies vers L'empereur de la Grand Cam de Tartarie. Iean Nieuhoff. A Leyde. 1665"; другое изданіе—латинское 1668 г.: „Descriptio Legationis Batavicae Societatis Indie Orientales ad Magnum Tartarie Chamum, Modernum Sinae Imperatorem. Iohannen Nieuhovium. Amsterdam. 1668," и, наконецъ, третье—нѣмецкое: „Die Gesandtschaft die Oost-Indischen Compagneij in den Vereinigten Niederlandern an den Grossen Tartarische Cham und nunmehr auch Sinischen Keijser mit Rom. Kaijs. Maj. Privilegio. In Amsterdam gedruckt... 1669".

Изъ всѣхъ этихъ трехъ изданій, согласно указанной Кильбургеромъ страницѣ, больше всего подходитъ только послѣднее изданіе, нѣмецкое 1669 г.[1]), въ которомъ на страницахъ 324—326 находимъ слѣдующія свѣдѣнія о чаѣ.

[1]) Самъ Кильбургеръ ссылается (ч V, гл. IV) на нѣмецкое изданіе 1666 года, но такого изданія у насъ не было, а поэтому мы дѣлали сравненія по нѣм. изданію 1669 г. С. Бѣлокуровъ („Юрій Крижаничъ въ Россіи", с. 141, прим. 160, въ Чтеніяхъ Ист. и Др., 1903г., II) указываетъ на три голландскія изданія въ Амстердамѣ: 1665, 1670, 1693, а также на латинское 1668 г., на французское 1665 г. и на англійскія: 1669 и 1673 г.г.

Прежде сообщается, какъ онъ растетъ, а потомъ, какова его цѣна: „фунтъ стоитъ 5 голландскихъ шиллинговъ, или 30 штиверовъ; листья, которые больше,—50 шиллинговъ, которые еще больше,—5 голландскихъ гульдена,—15 и, наконецъ,—50 и—100 гульденовъ.

„Когда всякій разъ пьютъ этотъ напитокъ, или скорѣе всего тянутъ его внутрь, онъ долженъ быть всегда теплымъ, по обычаю древнихъ римлянъ, которые болѣе употребляли теплую воду, чѣмъ холодную. Сила и дѣйствіе этого напитка тѣ, что онъ удерживаетъ отъ неумѣреннаго сна, но особенно чувствуютъ себя хорошо тѣ, которые перегрузили желудокъ кушаньемъ, а мозгъ отяготили крѣпкимъ напиткомъ, потому что онъ высушиваетъ и отнимаетъ всю лишнюю влажность и прогоняетъ подымающіеся пары или туманы, которые причиняютъ сонъ; онъ укрѣпляетъ память и изощряетъ умъ, но если его слишкомъ много пьютъ, онъ увеличиваетъ желчь. Китайцы восхваляютъ силу и свойство этого напитка до небесъ и приписываютъ только ему одному, что они ничего не знаютъ о подагрѣ, пузырныхъ и почечныхъ камняхъ, чему мы тѣмъ болѣе вѣримъ, что никого не встрѣтили въ Хинѣ оба раза во время нашего путешествія туда и обратно, кто былъ бы одержимъ такой заразой.

„Въ приготовленіи и употребленіи этого напитка значительная разница между китайцами и японцами.

„Японцы толкутъ листья въ порошокъ и наливаютъ горячую воду въ кувшинчикъ или кубокъ; тутъ и получается хорошій напитокъ, который они потомъ и пьютъ такимъ горячимъ, втягивая его въ себя. Но китайцы, особенно простой народъ, бросаютъ нѣсколько листьевъ въ кувшинчикъ съ горячей водой, оставляя немного постоять, пока вода не впитаетъ въ себя силы листьевъ, а потомъ пьютъ его очень теплымъ или сильно прихлебываютъ его, такъ что немалое количество листьевъ прямо попадаетъ имъ въ ротъ и желудокъ. Нѣкоторые татары и китайцы, особенно знатные люди и большіе господа, приготовляютъ этотъ чай слѣдующимъ образомъ: берутъ полно въ руки чайныхъ листьевъ и бросаютъ ихъ въ кипящую горячую воду, потомъ вливаютъ въ воду вареное сладкое молоко въ количествѣ только четвертой части воды и даютъ туда немного соли. Тогда пьютъ его теплымъ изъ деревянныхъ чашъ или кубковъ, которые внутри оправлены въ серебро, или тянутъ его въ себя *(прихлебываютъ)*

равнымъ образомъ, какъ и другіе; таковое втягиваніе, какъ показываетъ опытъ, придаетъ вкусу гораздо большее наслажденіе, чѣмъ питье. Этотъ напитокъ, который пьютъ такимъ горячимъ, китайцы цѣнятъ такъ высоко, какъ и алхимики свой философскій камень.

„Но этотъ напитокъ не только въ Хинѣ и въ сосѣднихъ мѣстахъ, но и также уже въ Европѣ многократно употребляемъ многими знатными лицами, такъ что тѣ, которые этимъ напиткомъ здѣсь въ странѣ[1]), какъ и въ Хинѣ, пользуются, единогласно утверждаютъ, что они себя при этомъ очень хорошо чувствуютъ; теперь сюда привозятъ сушеные листья въ оловянныхъ посудахъ вполнѣ сохранными и вездѣ очень дорого продаютъ. Въ случаѣ же, если этотъ напитокъ не имѣетъ одинаковаго дѣйствія въ Европѣ и Хинѣ къ отогнанію обыкновеннаго сна, подагры, пузырныхъ и почечныхъ камней и другихъ болѣзней, то нужно знать, что это не такъ сильно зависитъ отъ самой травы, какъ отъ ея приготовленія и употребленія, такъ и отъ нашего тѣлеснаго организма и тому подобныхъ препятствій". Далѣе идетъ указаніе о дѣйствіи чая на кровь человѣка и т. п. и когда китайцы познакомились съ чаемъ.

Для удобства сравненія приведемъ тутъ же цѣликомъ то мѣсто, гдѣ Кильбургеръ говоритъ о чаѣ (ч. I, гл. II, Nota, 1):

„Чай есть трава, которую русскіе называютъ «чаемъ», и она растетъ въ «Катаѣ», или «Хинѣ». Считаютъ, что она укрѣпляетъ силы человѣка, отвращаетъ припадки, которые могутъ съ нимъ случиться отъ дурного воздуха и вообще. Особенно его употребляютъ для отвращенія опьяненія, принимая его передъ питьемъ, или для разсѣянія хмеля, происходящаго отъ питья, если его употребляютъ послѣ питья. Индійское употребленіе этой травы заключается въ томъ, что они ее сушатъ при умѣренной теплотѣ, потомъ кипятятъ въ водѣ и при этомъ кладутъ для вкуса немного сахару и такимъ теплымъ прихлебываютъ. Японцы же растираютъ чай въ порошокъ и принимаютъ его тогда въ теплой водѣ, или въ ихъ напиткѣ. Для приготовленія можно взять половину квентика травки, воды—сколько заразъ захотятъ выпить, а сахару—по желанію. Но для настоящаго леченія берутъ травки

[1]) т. е. въ Голландіи.

еще разъ столько же. И подобно тому, какъ у жителей восточныхъ странъ, этотъ напитокъ очень обыкновененъ, такъ и у насъ, европейцевъ, встрѣчается въ настоящее время много любителей его. Я купилъ въ Москвѣ фунтъ за 30 копеекъ. Смотри Neuhofs ostindische Gesandschaft, S. 347".

Сравнивая текстъ Neuhoff'а съ этимъ мѣстомъ сочиненія Кильбургера, видимъ степень зависимости нашего автора и его систему пользованія источниками. Получается также впечатлѣніе, что Кильбургеръ не списываетъ просто съ книги, но пишетъ по памяти и поэтому вкратцѣ передаетъ лишь наиболѣе существенное. Кой-чего нѣтъ у Neuhoff'а, и Кильбургеръ это прибавилъ изъ другого источника, но что находимъ у Neuhoff'а, видимъ въ другомъ видѣ у Кильбургера. Отсюда вытекаетъ, что онъ свободно пользовался своими источниками, перефразируя ихъ и прибавляя новыя данныя; но зато Neuhoff пишетъ, что въ чай кладутъ „немного соли", а по Кильбургеру—„немного сахара"; это уже—серьезная ошибка, происшедшая, вѣроятно, оттого, что Кильбургеру (а можетъ быть, Бишингу!) показалось страннымъ, что чай пьютъ съ солью, а не съ сахаромъ, и онъ поэтому написалъ—сахаръ. Далѣе также нельзя не обратить вниманія на слѣдующее крайне подозрительное обстоятельство. Neuhoff пишетъ, что фунтъ чая стоитъ „5 голландскихъ шиллинговъ, или 30 штиверовъ", и дороже. Голландецъ Койэтъ въ свою бытность въ Россіи (1675—1676 г.г.) считалъ стейферъ равнымъ 1 копейкѣ (Посольство Кленка, с. 345; голландскій же гульденъ, по Койэту, = 1/5 рубля,—с. 495), т. е. 30 штиверовъ = 30 коп. Такимъ образомъ, по Neuhoff'у фунтъ чая стоилъ 30 коп. (хотя былъ чай и въ 100 гульденовъ, т. е. 20 рублей, согласно счету Койэта), а Кильбургеръ говоритъ, что онъ купилъ въ Москвѣ фунтъ чаю за 30 коп. Вѣроятнѣе всего, и это едва ли будетъ съ нашей стороны ошибкой, авторъ взялъ цѣну у Neuhoff'а, заявивъ, что онъ самъ купилъ чай по такой цѣнѣ.

Это мѣсто сочиненія Кильбургера есть единственное въ его трудѣ, гдѣ онъ дѣлаетъ ссылку на сочиненіе, изъ котораго тутъ же заимствуетъ, давая тѣмъ возможность читателю узнать, откуда онъ бралъ свои данныя.

У него есть еще одна ссылка на Neuhoff'а, но она такого же характера, какъ и ссылки на Олеарія, т. е. авторъ тутъ только указываетъ, гдѣ можно познакомиться съ даннымъ вопро-

сомъ. Именно въ извлеченіи о путешествіи Байкова въ Китай (ч. V, гл. IV) Кильбургеръ, говоря о голландскомъ посольствѣ (1655—1657 г.г.), бывшемъ тогда въ Пекинѣ, пишетъ: „Что среди этихъ голландцевъ былъ тогда и господинъ Neuhoff, который въ 1666 году напечаталъ книгу подъ заглавіемъ: «Die Gesandtschafft der Ost-Indischen Compagney in den Vereinigten Niederlanden an den Grossen Tartarischen Cham und nunmehr auch Sinischen Kayser», то это можно видѣть изъ упомянутой книги, стр. 181 и 187“. Указанныя страницы болѣе всего подходятъ къ упомянутому выше нѣмецкому изданію 1669 г., въ которомъ на стр. 164 повѣствуется о томъ, что голландцы застали въ Пекинѣ русское посольство, а на стр. 169—170 говорится объ отъѣздѣ его изъ Пекина; дальше же идетъ разсказъ о пребываніи голландцевъ въ Пекинѣ, церемоніи и, начиная со стр. 185, описаніе Пекина, его территоріи и, наконецъ, отбытіе голландцевъ изъ Пекина (с. 192).

Гораздо большее значеніе среди источниковъ Кильбургера имѣютъ—отечественные, т. е. труды, составленные шведами. Среди нихъ безспорно первое мѣсто занимаетъ комиссаръ Іоганнъ де Родесъ, который однако, какъ и Кильбургеръ, писалъ не по-шведски, подобно Пальмквисту, а по-нѣмецки. Почти все, что говоритъ Родесъ о русской торговлѣ, находимъ у Кильбургера, исключая только вопроса о перенесеніи архангельской торговли на балтійское побережье. Вопросъ о заимствованіи Кильбургеромъ у Родеса является весьма существеннымъ для оцѣнки труда Кильбургера, почему на немъ и нужно детальнѣе остановиться.

Подробное донесеніе Родеса шведской королевѣ о русской торговлѣ впервые стало извѣстно благодаря Густаву Эверсу, который напечаталъ найденную въ рижскомъ архивѣ рукопись въ „Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichter... Dorpat. 1816.“ S. 241—275. Изъ начала этой рукописи узнаемъ, что эти размышленія о московской торговлѣ написаны въ 1653 г. Уже Г. Эверсъ въ краткомъ введеніи къ этимъ размышленіямъ указывалъ, что, кто знакомъ съ сочиненіемъ Кильбургера, „того не можетъ не поразить согласіе и сходство его сочиненія съ размышленіемъ де Родеса... Мнѣ не вѣрится, что такое сходство произошло оттого, что оба пользовались однимъ источникомъ; гораздо вѣроятнѣе, что Кильбургеръ воспользовался своимъ предшественникомъ“. Но Бабстъ въ своемъ переводѣ этого донесенія Родеса, помѣщен-

наго въ „Магазинѣ замлевѣдѣнія и путешествій“ Н. Фролова, т. V, Москва, 1858 г., сомнѣвался въ справедливости этихъ словъ Г. Эверса, а тождество многихъ мѣстъ сочиненія Кильбургера съ Родесомъ объяснялъ тѣмъ, что Кильбургеръ имѣлъ на рукахъ, какъ и Родесъ, таможенныя книги изъ Архангельска: „Если бы онъ (Кильбургеръ) зналъ сочиненіе де Родеса и пользовался имъ, то онъ бы непремѣнно о немъ упомянулъ. Сходство и тождество многихъ извѣстій произошло, мы повторяемъ опять, единственно оттого, что оба пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ“. Какъ сейчасъ увидимъ, эти слова Бабста совершенно не правильны, и что Кильбургеръ не упомянулъ о Родесѣ, показываетъ только на его систему пользованія источниками. Кильбургеръ, приводя изъ Родеса данныя, иногда только говоритъ, что это было „болѣе 20 лѣтъ тому назадъ“, и это вполнѣ вѣрно, потому что вѣдь Родесъ писалъ въ 1653 г. Чтобы убѣдиться въ заимствованіи Кильбургеромъ изъ Родеса, приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ параллельныхъ сопоставленій изъ обоихъ этихъ сочиненій.

Кильбургеръ.	Родесъ.
„Ворвань вытапливается изъ тюленей, которые бьются рыбаками и самоѣдами на Бѣломъ морѣ и у кондорскихъ и самоѣдскихъ острововъ. Тюлени доставляются въ Архангельскъ въ своихъ собственныхъ кожахъ, нѣкоторые изъ нихъ сшиваются, какъ мѣшокъ, и тамъ вытапливаютъ и вывариваютъ только ворвань, которая больше всего покупается бременцами. Тонна стоитъ $1^1/_2$ рубля въ Архангельскѣ, и ежегодно добывается около 600 тоннъ“. (Büsching, Th. I, K. I, S. 260, XI).	„Ворвань вытапливается изъ тюленей, которые бьются рыбаками и крестьянами, какъ и самоѣдами, на Бѣломъ морѣ, у самоѣдскаго берега. Они доставляются (*оттуда*), гдѣ они биты, къ Архангельску въ своихъ собственныхъ кожахъ, нѣкоторые изъ нихъ сшиваются, какъ мѣшокъ; тамъ они вывариваютъ и вытапливаютъ только ворвань; больше всего покупается бременцами“. По таблицѣ архангельскаго вывоза видно, что вывозилось: „600 тоннъ [1]) ворвани по $1^1/_2$ рубля“. (Нѣм. текстъ

[1]) „Тонна“, какъ у Кильбургера, такъ и у Родеса, употребляется въ смыслѣ—„бочки“. По стокгольмской рукописи Родеса не 600 тоннъ, а 6.000 тоннъ, по $1^1/_2$ руб., а всего на 9.000 руб.

Эверса, S. 259, S. 255; рус. переводъ Бабста, с. 245, с. 243).

„Смола и деготь обыкновенно гонится въ каргопольской области и у Ваги, которая впадаетъ въ 12 миляхъ выше Холмогоръ въ Сѣверную Двину, и на этой рѣкѣ нагружается на суда. Въ Архангельскѣ продается ластъ за 18, 19 и 20 рублей, а въ Москвѣ одна тонна смолы теперь стоитъ 1 руб.“ (Th. I, K. I, S. 260, XII).

„Смола и деготь гонится въ каргопольской (*области*) и у Ваги и изъ Ваги, которая впадаетъ въ 12 миляхъ въ Сѣверную Двину, по ея теченію везется до Архангельска“. (Нѣм. текстъ Эверса, S. 260; р. пер. Бабста, с. 246).

Въ рукописи Эверса въ таблицѣ архангельскаго вывоза нѣтъ данныхъ о вывозѣ смолы и дегтя, но въ рукописи, хранящейся въ Стокгольмѣ, есть, а именно тамъ сказано, что вывозится „200 ластовъ смолы и дегтя по 20 рублей“.

„Сала много добывается въ областяхъ: казанской, ниже-новгородской, московской, ярославской и валдайской. Законъ запрещаетъ русскимъ ѣсть телятину, можетъ быть, потому что они могутъ получить отъ теленка мало пользы, но, напротивъ, когда онъ станетъ выросшимъ быкомъ, могутъ получить, кромѣ кожи, много сала“. (Th. I, K. I, S. 261, XV).

„Сала много добывается въ казанской, нижней (*-новгородской*), московской, ярославской, вологодской областяхъ и со всѣхъ мѣстъ доставляется по зимнему пути въ Вологду, откуда по Верхней и Нижней Сухонѣ и дальше по Двинѣ въ Архангельскъ. Русскіе по своимъ законамъ не могутъ ѣсть телятины, по моему мнѣнію, потому что имъ отъ теленка нѣтъ пользы, напротивъ, когда онъ станетъ хорошо выросшимъ быкомъ, то дождутся сала и, сверхъ того, хорошей кожи, что также есть несомнѣнной причиной такъ много находящихся въ деревняхъ (in den Ländern) быковъ и коровъ“. (Нѣм. текстъ

Эверса, S. 258—529; р. пер. Бабста, с. 245).

„Свиная щетина собирается людьми, которые имѣютъ тамъ и сямъ въ городахъ своихъ вѣрныхъ покупателей; потомъ она вся доставляется крупнѣйшими купцами въ однѣ или нѣсколько рукъ (Hände), и ежегодно продается отъ 5 до 6.000 пудовъ приблизительно по 4½ р. иностранцамъ, которые частью обрабатываютъ ее въ Голландіи, а частью, если она чисто выварена, везутъ ее во Францію и Италію". (Th. I, K. 1, S. 261, XVII).

„Свиная щетина собирается крестьянами, которые тамъ и сямъ въ городахъ имѣютъ своихъ вѣрныхъ покупателей; потомъ она вся собирается болѣе крупными купцами въ одинъ или нѣсколько бунтовъ (Bünde) [1]. Она покупается голландцами, которые частью обрабатываютъ ее въ Голландіи, а частью, если она чисто выварена, везутъ ее во Францію и Италію". Изъ Архангельска ежегодно вывозилось „5.700 пудовъ свиной щетины по 4½ руб.". (Нѣм. текстъ Эверса, S. 259; р. пер. Бабста, с. 245, с. 243).

Этихъ выдержекъ вполнѣ достаточно, чтобы нагляднымъ образомъ убѣдиться, что Кильбургеръ заимствовалъ у Родеса. Можно было бы еще привести въ доказательство чисто цифровыя данныя, какъ это сдѣлалъ Эверсъ, указывая, что у Кильбургера, какъ и у Родеса, одинаково упоминаются 75.000 паръ юфти, но это не даетъ такого очевиднаго и неопровержимаго доказательства и можетъ вызвать вполнѣ понятное сомнѣніе и возможную мысль, что такое сходство данныхъ могло явиться результатомъ пользованія обоими сочинителями одними и тѣми же источниками, какъ и думалъ Бабстъ. Но совершенно другое дѣло, когда мы сличимъ текстуально обоихъ писателей, какъ только что сдѣлали, и увидимъ ихъ полное совпаденіе, почти одинаковое распредѣле-

[1] По стокгольмской рукописи вѣрнѣе: „hande". Хотя стокгольмская рукопись нами издана, но въ данномъ случаѣ мы не дѣлаемъ ссылокъ на ея страницы, потому что соотвѣтствующія мѣста можно легко найти въ нашей книгѣ о донесеніяхъ Родеса.

ніе словъ; при такихъ условіяхъ зависимость позднѣйшаго автора—Кильбургера отъ болѣе ранняго—Родеса выступаетъ совершенно ясно.

При этомъ выясняется характеръ пользованія авторомъ своими источниками. Разъ Родесъ говоритъ, что русскіе не ѣдятъ телятины „по моему мнѣнію", потому что они отъ выросшаго животнаго получатъ больше пользы, то можно было ожидать отъ Кильбургера, что онъ, повторяя почти буквально тѣ же слова, скажетъ: „по мнѣнію де Родеса", а этого Родесъ могъ бы въ правѣ ожидать отъ Кильбургера, потому что его мысль была весьма здравой, обдуманной и совсѣмъ новой по сравненію съ прежними мнѣніями по этому поводу; напр., Олеарій говоритъ, что русскіе не ѣдятъ телятины, считая ее мерзостью, по Коллинсу—русскіе признаютъ ее „поганой", а Рейтенфельсъ даже отзывается полнымъ невѣдѣніемъ, почему русскіе ея не ѣдятъ. И вотъ Кильбургеръ, высказывая мысль Родеса, не упоминаетъ его имени. То же самое онъ дѣлаетъ при всѣхъ остальныхъ многочисленныхъ заимствованіяхъ изъ Родеса.

Донесеніе Родеса о торговлѣ распадается на три части: 1) о родахъ и количествѣ русскихъ товаровъ, 2) о доставкѣ товаровъ въ Архангельскъ и вывозѣ оттуда и 3) какимъ образомъ можно перенести русскую торговлю изъ Архангельска опять на Балтійское море. Изъ I части Кильбургеръ буквально все позаимствовалъ (по р. переводу Бабста эта часть занимаетъ с. с. 234—246, а по н. тексту Эверса S. 242—260) и помѣстилъ эти свѣдѣнія въ своей I части, въ ея трехъ главахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о родахъ и количествѣ русскихъ товаровъ, при чемъ больше всего заимствованій находимъ въ I гл., меньше во II и менѣе всего въ III. Но нѣкоторыя заимствованія изъ I части Родеса видимъ у Кильбургера и въ другихъ частяхъ; такъ, въ ч. II, гл. II о персидской торговлѣ, нѣкоторыя свѣдѣнія взяты у Родеса, напр., мнѣніе, что персы охотнѣе повели бы свою торговлю не черезъ Турцію, а черезъ Россію; тутъ видимъ однородныя выраженія и одинаковыя цифры съ Родесомъ. Изъ II части донесенія Родеса (по пер. Бабста с. с. 246—250) Кильбургеръ взялъ немногое, а именно помѣстилъ въ III части, главѣ IV о фрахтѣ, размѣръ платы за грузы, при чемъ, по своему обыкновенію, сдѣлалъ эти данныя болѣе растяжимыми, но, конечно, здѣсь авторъ могъ имѣть и свой матеріалъ. Изъ III (и послѣдней) части донесенія Родеса

(по пер. Бабста с. с. 250—255) Кильбургеръ ничѣмъ не воспользовался.

Откуда Кильбургеръ могъ достать рукопись Родеса? 23 декабря 1675 г. онъ былъ назначенъ на должность секретаря при торговой коллегіи въ Ригѣ. Въ рижскомъ же шведскомъ архивѣ, по словамъ Эверса, и былъ найденъ манускриптъ Родеса, текстъ котораго Эверсъ и напечаталъ. Невольно возникаетъ мысль о связи этихъ двухъ обстоятельствъ, и можно было бы подумать, что авторъ въ бытность въ Ригѣ въ качествѣ секретаря имѣлъ доступъ въ архивъ, нашелъ рукопись Родеса и ею воспользовался, но, съ другой стороны, возможно съ такимъ же основаніемъ предположить, что самъ Кильбургеръ привезъ и оставилъ въ Ригѣ донесеніе Родеса. Однако, если мы обратимся къ сравненію цифровыхъ данныхъ Кильбургера съ рижской рукописью въ изданіи Эверса, увидимъ, что въ рижской рукописи нѣтъ всѣхъ тѣхъ цифръ, которыя можно было бы ожидать, что онѣ взяты у Родеса; такъ, напримѣръ, цѣна смолы у Кильбургера опредѣлена въ 20 рб., а въ текстѣ Эверса нѣтъ на это указаній, но въ стокгольмской рукописи есть; таблица фрахта утрачена по рукописи Эверса, а въ стокгольмской она есть; въ главѣ о персидской торговлѣ (ч. II, гл. II) у Кильбургера сказано, что провозъ шелка стоитъ „1/2 Real am Achten“, въ рукописи же Эверса читаемъ то же мѣсто: „ein halb Real von nechsten dahingegen...“, но въ стокгольмской рукописи ясно сказано: „ein halb Real von 8:ten dahingegen...“ Отсюда очевидно, что Кильбургеръ не могъ взять своихъ словъ изъ рижской рукописи Родеса, а изъ другой. Еще укажемъ на такія отличія: по рижской рукописи цѣна козлиныхъ кожъ указана за 1.000 штукъ, а у Кильбургера за 100 штукъ, что вполнѣ согласно со стокгольмской рукописью; по рижской рукописи струги поднимаютъ 100 ластовъ, а по Кильбургеру—1.000 ластовъ, что опять вполнѣ сходно со стокгольмской рукописью. Итакъ, все это свидѣтельствуетъ, что Кильбургеръ не пользовался рижской рукописью, потому что сдѣлалъ бы тѣ же ошибки, какія находимъ въ ней, а этого мы именно и не видимъ у него. Укажемъ, что только въ одномъ мѣстѣ сочиненіе Кильбургера болѣе соотвѣтствуетъ рижской рукописи, чѣмъ стокгольмской, а именно гдѣ авторъ говоритъ, что ежегодно изъ Архангельска шло 600 тоннъ ворвани, и то же число находимъ въ рижскомъ текстѣ, между тѣмъ какъ въ стокгольмской стоитъ 6.000 тоннъ, что, несомнѣнно, правильнѣе;

однако въ данномъ мѣстѣ у Кильбургера скорѣе всего не что иное, какъ простая ошибка или же описка, а не результатъ пользованія имъ рижскимъ манускриптомъ. Такимъ образомъ, отвергая со стороны автора возможность пользованія рижской рукописью, слѣдуетъ признать, что онъ воспользовался, можетъ быть, стокгольмской рукописью или же однимъ изъ ея списковъ.

Для полноты свѣдѣній о западныхъ источникахъ нашего писателя нужно упомянуть: „I. Marquardi, Tractatus politico-juridicus de jure mercatorum et commerciorum, in quo Poloniae et Moscoviae constitutt., status, mores etc. 1662“, изъ котораго Кильбургеръ помѣстилъ въ заглавіи своего сочиненія небольшую выдержку въ качествѣ эпиграфа.

Переходя къ изслѣдованію о русскихъ литературныхъ источникахъ Кильбургера, мы имѣемъ въ виду одного только Гр. Котошихина.

Въ 1666—1667 г. г. Котошихинъ написалъ въ Стокгольмѣ сочиненіе о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Оно было переведено на шведскій языкъ, и одинъ изъ такихъ переводовъ извѣстенъ 1669 г. и сдѣланъ въ Стокгольмѣ, а другой—1682 г. Экземпляры переводовъ Котошихина находятся во многихъ библіотекахъ Швеціи, такъ что они были хорошо извѣстны въ Швеціи и между прочимъ нашему автору—Кильбургеру. Посмотримъ, какъ онъ воспользовался этимъ сочиненіемъ, а для этого придется сдѣлать значительныя параллельныя выписки изъ обоихъ этихъ писателей.

Кильбургеръ.	Котошихинъ.
„... Всѣ соболи идутъ изъ Сибири и иначе нигдѣ не встрѣчаются. Это—басня, что тѣ, которые въ царской немилости ссылаются въ эту страну, должны ловить этихъ звѣрей. Сибирь занимаетъ большую часть русскаго царства. Главный городъ называется Тоболь или Тобольскій, и не найти страны, которая доставляла бы болѣе разнообразные и лучшіе мѣха, чѣмъ	„... А началной городъ въ Сибирі зовется Тоболескъ. И исъ тѣхъ приказовъ, Казанского и Сибирского, ссылаются съ Москвы и изъ городовъ, на вѣчное житье, всякого чину люді, за вины; а тѣхъ ссылочныхъ людей въ тамошнихъ городѣхъ верстаютъ въ службы, смотря по человѣку, во дворяне, і въ дѣті боярские, і въ казаки, і въ стрелцы.

эта. Въ Москвѣ говорятъ, какъ вѣрное, что она приноситъ ежегодно до 600.000 рублей, чему, безъ сомнѣнія, значительно способствуетъ соболиная ловля. Соболи ловятся отчасти сѣтями и силками, а отчасти *(бьются)* изъ луковъ и тупыми стрѣлами, какъ и изъ ружей, не только царскими ловцами, но преимущественно татарами, чувашами, вотяками, и другими, кругомъ тамъ живущими народами, которые это именно смѣютъ дѣлать и вносятъ царю изъ застрѣленнаго и добытаго десятину. Никакой воевода, офицеръ или купецъ не смѣетъ дерзнуть купить себѣ тамъ самыхъ лучшихъ *(соболей)*, а именно пару, стоящую болѣе 20 рублей, и одинъ сорокъ,—болѣе 300 рублей, чтобы въ свою очередь продать ихъ изъ страны, но такіе составляютъ собственную царскую торговлю, и для этого въ надлежащихъ мѣстахъ поставлена сильная стража, которая должна объ этомъ развѣдывать. Если кто-нибудь пойманъ, сдѣлавшій вопреки этому, тотчасъ соболи отнимаются, но кто хочетъ подбить ими свою одежду, тому это позволено, и такимъ образомъ попадаетъ много соболей въ руки частныхъ лицъ, а потомъ черезъ нихъ — изъ страны. Если кто-

А присылается изъ Сибирі царская казна, ежегодь: соболи, мѣхи собольи, куницы, рыси, песци черные и бѣлые, и зайцы, і волкі, бабры, барсы. А сколко числомъ тоѣ казны придетъ въ году, того описаті не въ память, а чаять тое казны приходу въ годъ болши штисотъ тысечь рублевъ...

А ловятъ тѣхъ звѣрей тянеты, и бьютъ изъ луковъ и исъ пищалей, и инымъ обычаемъ ясачные люді, татаровья и чюваша і вотяки и иные; а окромѣ тѣхъ людей, ловиті и биті никому не велено. Такимъ же обычаемъ, которые соболі добрые самые, а годятца они въ царскую казну, купиті воеводамъ и служивымъ и торговымъ людемъ и исъ того государства вывозиті и продаваті не велено жъ, и поставлены для того заставы; и у кого объявятся добрые соболі, пара свыше 20 рублей, а сорокъ свыше трехъ сотъ рублевъ, по московской ценѣ, и у такихъ людей емлютъ тѣ соболі на царя безденежно. А кто такие соболі дорогие похочетъ вывесть и передѣлаетъ въ платье, і въ платье имъ про себя вывозиті волно; а кто хочетъ утаить и солгать, что будетъ [1]) болши указные цены, и у нихъ то вынимаютъ

---

[1]) Въ подлинникѣ „добудетъ".

нибудь хочетъ ихъ спрятать или продать за меньшую цѣну, нежели они стоятъ, то равнымъ образомъ они отнимаются; такъ не менѣе жестоко наказывается тотъ, кто низкаго происхожденія и имѣетъ ихъ при себѣ. Въ теперешнее время ловятся почти только простые и посредственные соболи въ Сибири, въ мѣстахъ, лежащихъ ближе къ Москвѣ, потому что они частой охотой тамъ очень загнаны и уменьшены, а самые лучшіе находятся далеко по ту сторону сибирскихъ городовъ и во всякое время при рѣкахъ въ большихъ пустошахъ, и это есть причиной, что подобные соболи теперь дороже, чѣмъ нѣсколько раньше". (Büsching, Th. IV, K. VI, S. 327—328).

„Между 42-мя учрежденными въ Москвѣ «приказами», или коллегіями... находится одинъ, который называется «Большая казна»... Также есть еще другой, который называется «Счетный приказъ» и можетъ быть сравненъ съ камеръ-коллегіей здѣсь, въ Швеціи, потому что туда доставляются всѣ счеты государства и что ежегодно остается въ излишкѣ отъ доходовъ послѣ уплаты всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ... Сюда *(въ «Сибирскій приказъ»)* приходятъ не только всѣ мѣха, которые доставляютъ Сибирь и Казанское царство, и бываетъ за то середнимъ людемъ наказание и пеня жестокая.

И ныне самыхъ добрыхъ соболей отъ Москвы въ ближнихъ городѣхъ звѣриной ловъ помешался, а ловятъ соболі середние и плохие, потому что многие звѣрі отпужаны и умалѣлося; а доставаютъ самые добрые соболі и иные звѣрі въ самыхъ далнихъ отстатныхъ сибирскихъ городѣхъ, на Ленѣ; и отъ того соболі почалі быть передъ старою цѣною дороже". (Котошихинъ. Изд. IV, СПБ., 1906 г. Гл. VII, статья 7—„Сибирской Приказъ", с.с. 93—94).

Котошихинъ о Счетномъ приказѣ писалъ, что онъ вѣдаетъ государственный „приходъ и расходъ и остатокъ по книгамъ, за многие годы. А приходъ въ него бываетъ остаточные денги, которые въ которомъ году съ кого не взяты въ царскую казну, такъ же въ которомъ году за росходомъ что осталось въ остатке... І всего на Москвѣ, кромѣ городовыхъ и патріаршихъ приказовъ и таможенъ, 42 приказа". (Гл. VII, статья 36, с. 117).

Въ Сибирскій приказъ шли изъ Сибири всякіе мѣха. „И у

но также еще другіе товары, которые царь или самъ иногда добываетъ, или получаетъ черезъ десятину, или же поручаетъ перекупать черезъ своихъ «гостей». «Гости» и нѣсколько присягнувшихъ гражданъ бываютъ смотрителями надъ нимъ, принимаютъ товары и оцѣниваютъ ихъ и имѣютъ свои опредѣленные сроки, когда они держатъ казну открытой, и тогда каждый можетъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ купить тамъ, что ему угодно. Присяга смотрителей имѣетъ цѣлью, чтобы они ничего изъ казны не крали и между собою тайно не промѣнивали товаровъ, также не повышали цѣны изъ-за своей собственной пользы и не выдавали по дружбѣ лучшихъ товаровъ, вмѣсто худшихъ, тому, кто ассигнированъ царемъ въ казну... Когда послы иностранныхъ государей уѣзжаютъ изъ Москвы, или же когда царь посылаетъ куда-нибудь своихъ великихъ пословъ, изъ этой казны берутся и выдаются подарки и особенно чистый соболь; также большею частью уплачивается изъ этого «приказа» промѣнными товарами персидскимъ, какъ и грузинскимъ (grusinischen) купцамъ за ихъ товары, проданные царю...“ (Th. IV, K. IX, S. 330--331).

той соболиной и у всякой мяхкой казны, для оценки и пріему и роздачи, бываютъ погодно: голова—гость, а съ нимъ товарыщи, целовалники и сторожі, торговые выборные люді, погодно; а выбираютъ ихъ къ той казнѣ своя братья, гості и торговые люді, за вѣрой и крестнымъ цѣлованиемъ, что имъ тоѣ царские казны не красть, и соболей своихъ худыхъ, и иные мяхкие рухляді въ казну не приносить и не обмѣнивать, такъ же кому велятъ тоѣ казну продавать илі за службы и за товары давать, цены лишние для своей прибыли не прибавливать и для дружбы никому за худые не давать добрымі; а велено имъ цѣна ставить всякимъ звѣрямъ по прямой московской ценѣ, дешевле торгового малымъ чѣмъ, какъ про царя, такъ і въ роздачю и на продажу врознѣ. Такъ же та казна посылается во окрестные государства къ потентатомъ въ дарѣхъ, и платятъ персицкимъ и греческимъ купчинамъ и купетцкимъ людемъ за товары, и кому что будетъ отъ царя приказано дatі...“ (Гл. VII, статья 7, с. 93).

Ознакомившись съ вышеприведенными выписками, видимъ несомнѣнное заимствованіе Кильбургеромъ у Котошихина, что

особенно сказывается въ главѣ о соболиномъ промыслѣ и нѣсколько темнѣе въ главѣ о царской казнѣ или приказахъ. Въ главѣ о соболиномъ промыслѣ въ особенности характерны заключительныя слова объ истребленіи соболей — „что и есть причиной того, что подобные соболи теперь стали дороже, чѣмъ нѣсколько раньше“, пишетъ Кильбургеръ, а Котошихинъ объ этомъ говоритъ почти въ такихъ же выраженіяхъ: „и отъ того соболи почали быть передъ старой цѣной дороже“. Но вышеуказанными двумя мѣстами и ограничиваются заимствованія Кильбургера у Котошихина.

Указать еще другіе литературные источники Кильбургера очень трудно. Несмотря на старательный просмотръ сочиненій, которыя могли быть извѣстны образованной публикѣ въ 1674 году, намъ не удалось больше найти ясныхъ слѣдовъ заимствованій Кильбургеромъ у того или другого автора. Впрочемъ попадались нѣкоторыя мѣста, которыя можно было бы объяснить заимствованіемъ отъ другого автора, но все это было такъ неясно и бездоказательно, что строить на подобныхъ сомнительныхъ сходныхъ случаяхъ выводы было бы крайне рисковано. Изслѣдованіе источниковъ Кильбургера затрудняется его системой пользованія ими. Онъ, напримѣръ, пользуясь Котошихинымъ, не упомянулъ ничѣмъ о немъ; особенно это касается Родеса, давшаго ему такой обширный матеріалъ; въ статьѣ объ икрѣ и о Кукуѣ онъ воспользовался Олеаріемъ, тоже не упоминая о немъ; въ статьѣ о чаѣ онъ не говоритъ, что взялъ нѣкоторыя свѣдѣнія у Нейхофа, но только отсылаетъ читателя къ нему, если тотъ желаетъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ; такого же характера есть другая ссылка на Нейхофа же въ извлеченіи о путешествіи Байкова и ссылки на Олеарія въ главѣ о московскомъ колоколѣ и въ главѣ о дорогѣ отъ Стокгольма къ Москвѣ, именно когда рѣчь идетъ о камнѣ Ивана Грознаго. При всѣхъ своихъ ссылкахъ Кильбургеръ совсѣмъ не приводитъ содержанія указывемыхъ авторовъ (только въ статьѣ о чаѣ онъ это отчасти дѣлаетъ по отношенію къ Нейхофу), а гдѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ пользуется чужимъ матеріаломъ, тамъ не считаетъ нужнымъ указать на свой источникъ. Вслѣдствіе всего этого не легко найти всѣ литературные источники Кильбургера, и нѣкоторые изъ нихъ, если они вообще есть, очевидно, должны пока еще остаться скрытыми отъ нашего взора, отчасти по вышесказаннымъ

причинамъ, а отчасти оттого, что въ настоящее время могутъ быть извѣстны еще не всѣ литературные источники того времени, когда писалъ Кильбургеръ. Сравнивая вышеприведенныя параллельныя выдержки изъ Кильбургера и другихъ писателей, видимъ, что нашъ авторъ ими пользовался большею частью почти текстуально (Родесъ, Котошихинъ), но группировалъ ихъ по своему желанію; напримѣръ, описаніе товаровъ у Родеса помѣщено имъ отдѣльно отъ ихъ количества и цѣнъ, а Кильбургеръ, говоря о какомъ-нибудь товарѣ, большею частью тутъ же даетъ цифру его вывоза и цѣну; онъ также не все выписываетъ, что находитъ у другихъ авторовъ, а только то, что считаетъ необходимымъ; такъ, изъ того же Родеса онъ иногда не сообщаетъ о количествѣ и цѣнѣ того или другого русскаго товара, т. е. Кильбургеръ не вполнѣ использовалъ своихъ литературныхъ источниковъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о документальныхъ источникахъ.

Родесъ приводитъ, по его словамъ, „извлеченіе изъ архангельскихъ таможенныхъ книгъ", касающееся вывоза русскихъ товаровъ. Изъ этихъ словъ нельзя рѣшить, имѣлъ ли самъ Родесъ таможенныя книги или только получилъ отъ кого-то выписку изъ нихъ; но дальше онъ пишетъ: „Слѣдовало бы здѣсь приложить также извлеченіе изъ таможенныхъ книгъ относительно привозныхъ товаровъ, но до сихъ поръ я не въ состояніи былъ ихъ достать". Эти слова служатъ какъ бы подтвержденіемъ, что Родесъ не имѣлъ самихъ книгъ, а только извлеченія изъ нихъ. Къ тому же было бы удивительнымъ, чтобы Родесъ могъ получить подлинныя таможенныя книги, которыя тоже были нужны русскимъ. Впрочемъ самъ Родесъ въ одномъ изъ своихъ очередныхъ донесеній писалъ, что онъ старается достать отъ архангельскаго цольнера экстрактъ о ввозѣ и вывозѣ Архангельска, а разъ Родесъ не имѣлъ таможенныхъ книгъ, то и Кильбургеръ не могъ ими воспользоваться, а долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что сообщилъ Родесъ въ своемъ донесеніи о состояніи русской торговли. Но если Родесъ привелъ данныя о количествѣ вывозныхъ русскихъ товаровъ, а о привозныхъ иностранныхъ не далъ никакихъ цифръ, не имѣя для этого соотвѣтствующаго матеріала, то Кильбургеръ поступилъ наоборотъ и далъ обширныя таблицы привозныхъ товаровъ за 1671—1673 г.г., а о вывозныхъ за то же время ничего не говоритъ и только приводитъ старыя данныя о

нихъ, взятыя у Родеса и относящіяся такимъ образомъ ко времени болѣе, чѣмъ 20 лѣтъ назадъ.

Кильбургеръ начинаетъ I главу II части такой фразой: „Что касается товаровъ, которые Россія ежегодно получаетъ отъ европейцевъ, то они должны привозиться или черезъ Архангельскъ или Лифляндію, и, слѣдовательно, годовыя росписи (Jahrslisten) изъ архангельскихъ и лифляндскихъ таможенныхъ книгъ могутъ дать объ этомъ наилучшее свѣдѣніе, изъ которыхъ нѣкоторыя я помѣщу здѣсь же. Однако при этомъ нужно замѣтить, что изъ архангельскихъ росписей можно только видѣть количество, а не доброту товаровъ". Далѣе Кильбургеръ приводитъ роспись 1671 г. товаровъ, привезенныхъ моремъ въ Архангельскъ, архангельскую роспись 1672 г. и, наконецъ, роспись 1673 г., самую обширную, состоящую изъ нѣсколькихъ частей и сообщающую, сколько товаровъ было привезено на 33 корабляхъ, а именно: на 4 корабляхъ (2 гамб., 1 гол., 1 бремен. — пришли 25 и 30 іюля), на 13 корабляхъ (8 гамб., 3 бремен. и 2 гол.), на 14 корабляхъ изъ Голландіи (пришли 28 сент.) и на 2 голландскихъ (пришли 27 сент.). Всѣ эти росписи занимаютъ по изданію Бишинга 23 стр. (S. 279 — 302).

Откуда Кильбургеръ могъ получить всѣ эти свѣдѣнія? Вѣроятно, эти выписки изъ архангельскихъ книгъ, а не самыя таможенныя книги, Кильбургеръ получилъ черезъ руки какого-нибудь русскаго, захотѣвшаго на этомъ заработать. Стоитъ только намъ познакомиться съ той системой, которой пользовались иностранцы для полученія нужныхъ имъ свѣдѣній, какъ станутъ ясны тѣ способы, къ которымъ прибѣгалъ Кильбургеръ для пріобрѣтенія необходимыхъ ему матеріаловъ. Когда Родесъ былъ назначенъ Швеціей факторомъ въ Москву, ему было предписано узнавать и вывѣдывать все относящееся къ русской внутренней и внѣшней торговлѣ, при чемъ онъ долженъ былъ стараться расположить къ себѣ сильныхъ людей подарками и тѣмъ заинтересовать такія особы, которымъ довѣрены канцелярскіе акты, а шведское правительство обѣщало возвратить Родесу всѣ его расходы по этимъ дѣламъ. Такимъ способомъ Родесъ, очевидно, получилъ отъ архангельскаго цольнера таблицу архангельскаго вывоза, а таблицы ввоза не могъ получить, несмотря на обѣщанное имъ большое вознагражденіе, какъ онъ самъ пишетъ. Но еще болѣе яркій примѣръ, какъ иностранцы узнавали о русскихъ дѣлахъ, пока-

зываетъ намъ спутникъ Кильбургера—Пальмквистъ, который долженъ былъ вывѣдать все касающееся военнаго и географическаго состоянія Россіи, т. е. получить такія свѣдѣнія, которыя русскому правительству особенно желательно было держать въ тайнѣ отъ иноземцевъ. И несмотря на это, Пальмквистъ, какъ ловкій и умный военный шпіонъ, узналъ много военныхъ секретовъ; съ этой цѣлью онъ не останавливался даже передъ подкупомъ, о чемъ сообщаетъ въ предисловіи къ своему альбому, незамѣтно пробирался въ крѣпости, запоминая и снимая съ нихъ планъ, и т. п. Впрочемъ московскому правительству не было, кажется, особенной нужды скрывать таможенныя архангельскія книги отъ взоровъ иноземцевъ, въ особенности книги привозныхъ товаровъ; кромѣ того, Кильбургеръ для полученія нужнаго матеріала могъ прибѣгнуть къ помощи торговыхъ иноземцевъ, жившихъ въ Россіи и знакомыхъ съ положеніемъ вещей; это тѣмъ болѣе правдоподобно, что владѣльцы иностранныхъ кораблей должны были сами составлять письменныя росписи всѣхъ своихъ привозныхъ товаровъ, и такія росписи были обязаны имѣть всегда при себѣ, чтобы русскіе могли провѣрить количество ихъ товаровъ. (Торговый уставъ 1667 г., С. Г. Гр. и Д., IV, № 55, п. м҃г҃). Однако для большей вѣрности нашихъ выводовъ настоятельно подчеркнемъ то обстоятельство, что изъ текста самого Кильбургера вытекаетъ, что приведенныя имъ росписи взяты изъ архангельскихъ книгъ, при чемъ Кильбургеръ получилъ списки только привозныхъ товаровъ, а вывозныхъ за тѣ же годы не досталъ, отчего его данныя за промежутокъ 1671 — 1673 гг. получили односторонній характеръ, подобно даннымъ Родеса за его время.

Кильбургеръ досталъ лишь роспись русскихъ вывозныхъ товаровъ за 1673 г. до середины октября (ч. I, гл. I), но вывезенныхъ не черезъ Архангельскъ, а черезъ Нарву. Можно думать, что онъ получилъ эту роспись, когда возвращался изъ Москвы, потому что обратный путь посольства какъ разъ былъ совершенъ черезъ Нарву, гдѣ Кильбургеръ могъ получить роспись отъ нарвскихъ таможенныхъ учрежденій или же отъ служащаго тамъ. Но посольство возвращалось въ іюлѣ 1674 г., такъ что роспись вывезенныхъ товаровъ за прошлый годъ могла вполнѣ опредѣлиться, а между тѣмъ роспись Кильбургера оканчивается серединой октября 1673 г. Вслѣдствіе этого слѣдуетъ думать, что, когда посольство ѣхало въ Москву и прибыло для этого въ Ревель 14 сен-

тября 1673 г., гдѣ пробыло до 15 ноября, повидимому, именно тогда и досталъ тамъ Кильбургеръ эту неполную роспись нарвскаго русскаго экспорта за этотъ годъ до середины октября.

Въ главѣ о пошлинахъ (ч. III, гл. V) Кильбургеръ приводитъ интересныя данныя о количествѣ собранныхъ въ Архангельскѣ таможенныхъ пошлинъ, начиная съ 1654 г. и кончая 1673 г. Вѣроятно, онъ получилъ ихъ въ Москвѣ у приказнаго человѣка за извѣстное вознагражденіе. Отрицая возможность пользованія Кильбургеромъ непосредственно таможенными книгами, мы тѣмъ самымъ не склонны думать, что таблица архангельскихъ пошлинъ составлена самимъ авторомъ на основаніи русскихъ книгъ, полученныхъ имъ изъ русскихъ рукъ. Чтобы разобраться въ русскихъ документахъ того времени, для этого нужны извѣстнаго рода навыкъ и знакомство съ русскимъ дѣлопроизводствомъ, не говоря уже о необходимости знанія русскаго языка, а что можно ожидать отъ иностранца, только что пріѣхавшаго въ Россію, пробывшаго въ ней короткое время и, если понимавшаго русскій языкъ, то очень плохо и тѣмъ болѣе не бывшаго въ состояніи разобраться въ русскомъ письмѣ, не говоря уже о томъ, что невозможно даже предположить, чтобы позволили неизвѣстному иностранцу знакомиться съ русскими документами или снабдили его необходимымъ, обширнымъ для этой цѣли, архивнымъ матеріаломъ. Подобнаго рода соображенія заставляютъ думать, что Кильбургеръ не самъ составилъ таблицу пошлинъ, а получилъ ее уже готовой; конечно, мы этимъ не хотимъ сказать, что авторъ пріобрѣлъ ее непремѣнно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находимъ ее у него, и, можетъ быть, ея данныя были распредѣлены нѣсколько въ иномъ порядкѣ и по инымъ рубрикамъ, но приведены Кильбургеромъ къ наипростѣйшему виду (что и могло быть причиной допущенія съ его стороны нѣкоторыхъ неточностей).

Въ ч. II, гл. I послѣ архангельскихъ росписей авторъ помѣстилъ прейсъ-курантъ привозныхъ товаровъ въ концѣ мая 1674 г. въ Москвѣ. Онъ написанъ на голландскомъ испорченномъ языкѣ. Его Кильбургеръ, безъ сомнѣнія, получилъ въ Москвѣ, потому что онъ относится къ концу мая, т. е. того мѣсяца, къ которому относится большая часть прейсъ-курантовъ Кильбургера, что показываетъ, что онъ въ это время интересовался цѣнами и повсюду, гдѣ только можно было, ихъ добывалъ и между про-

чимъ получилъ, навѣрное, отъ голландца вышеупомянутый прейсъ-курантъ.

Устные источники въ сочиненіи Кильбургера играютъ весьма видную роль.

Въ ч. I, гл. I находимъ прейсъ-курантъ русскихъ вывозныхъ товаровъ въ мѣсяцѣ январѣ и февралѣ 1674 г. въ Москвѣ. Составленъ онъ въ Москвѣ, на что указываетъ выраженіе, что сала „здѣсь, въ Москвѣ, немного". Цѣны, которыя касаются Москвы, Кильбургеръ могъ узнать отъ москвичей или московскихъ иностранцевъ, а что касается упоминаемыхъ тутъ Ярославля, Вологды и Переяславля, это могли ему сообщить лица, знакомыя съ этими городами.

Во II главѣ той же I части приложенъ прейсъ-курантъ тѣхъ русскихъ товаровъ, которые Россія сама потребляла. Помѣченъ онъ 30 маемъ 1674 г., и цѣны отнесены къ гор. Москвѣ. Этотъ прейсъ-курантъ нужно считать составленнымъ самимъ Кильбургеромъ. Дата его составленія относится ко времени, когда авторъ былъ, несомнѣнно, въ Москвѣ и усердно собиралъ свѣдѣнія о цѣнахъ. Цѣны на хлѣбъ онъ могъ узнать у русскихъ торговцевъ въ ихъ рядахъ, о мясѣ и прочемъ — тамъ же или же у женъ московскихъ иностранцевъ, о желѣзѣ у Марселиса и Акемы или ихъ служащихъ, о солодковомъ корнѣ въ аптекѣ или тоже въ рядахъ и т. д. и т. д., — однимъ словомъ, у Кильбургера не было недостатка въ путяхъ, которыми онъ могъ бы узнать тогдашнія цѣны, и каждый хорошій купецъ могъ ихъ безъ труда ему сообщить.

Въ ч. II, гл. I помѣщенъ другой прейсъ-курантъ, тоже относящійся къ 30 мая. Это самый обширный прейсъ-курантъ (Büsching, S. 304 — 308) и касается цѣнъ на иностранные товары въ Москвѣ. Онъ составленъ, безъ сомнѣнія, самимъ Кильбургеромъ, и для каждаго товара (перечислено болѣе 100 видовъ его) выставлена майская цѣна, а также наивысшая и наименьшая, какая вообще бываетъ на данный родъ товара. Для составленія этой таблицы цѣнъ авторъ отчасти прибѣгъ къ помощи вышеупомянутаго голландскаго прейсъ-куранта того же самаго времени. Остальныя цѣны онъ, очевидно, получилъ непосредственно изъ устъ русскихъ или иностранныхъ купцовъ и торговцевъ, ходя по ихъ лавкамъ и записывая ихъ цѣны, или же отъ русскихъ, поставлявшихъ посламъ провіантъ.

Такимъ же образомъ онъ могъ между прочимъ получить свѣдѣнія о цѣнахъ на шелкъ (ч. II, гл. II); онъ говоритъ, что „шелкъ теперь можно найти... тамъ и тутъ у частныхъ лицъ въ значительномъ количествѣ и по сходной цѣнѣ... Въ частныхъ шелковыхъ лавкахъ простые цвѣта стоятъ отъ 110 до 130 копеекъ за фунтъ...“

Въ ч. IV, гл. XIII Кильбургеръ даетъ списокъ московскихъ цѣнъ на съѣстные припасы, при чемъ пишетъ: „Zu dieser meiner Zeit und im Winter kostete“. Тутъ онъ сообщаетъ главнымъ образомъ майскія цѣны, но есть нѣкоторыя цѣны и зимняго времени. Въ этой главѣ авторъ отчасти пользуется данными, приведенными имъ уже раньше, а именно въ московскомъ прейсъ-курантѣ 30 мая 1674 г., гдѣ упоминаются товары, потребляемые самими русскими (ч. I, гл. II). Интересно отмѣтить въ этомъ спискѣ цѣнъ на съѣстные припасы упоминаніе о Твери: въ Москвѣ „5 яицъ въ маѣ—1 копейка, въ іюлѣ въ Твери 14-15 яицъ—1 копейка“. Здѣсь совершенно ясно выступаетъ методъ собиранія Кильбургеромъ свѣдѣній: онъ записалъ (или запомнилъ) эту цѣну, когда проѣзжалъ черезъ Тверь въ Швецію, а потомъ и воспользовался ею въ данномъ мѣстѣ. Авторъ сообщаетъ стоимость хлѣба, мяса, дичи, рыбы, кореньевъ, напитковъ и т. д.. Все это онъ могъ узнать или непосредственно у торговцевъ или же у женъ и хозяекъ знакомыхъ иностранцевъ; отъ нихъ же могъ узнать, что дыня стоила въ августѣ — 3 коп., а 130 огурцовъ въ августѣ же — 1 коп..

Изъ вышесказаннаго можно вывести заключеніе, что Кильбургеръ, собравъ въ маѣ матеріалъ о цѣнахъ, потомъ, при составленіи своего сочиненія, подвергъ его соотвѣтствующей группировкѣ.

Если мы подобнымъ образомъ разсмотримъ прочее содержаніе книги Кильбургера, то еще болѣе убѣдимся, что онъ обращался съ разспросами къ знающимъ людямъ.

Такъ, свѣдѣнія о бумагѣ онъ, по всей вѣроятности, почерпнулъ у иностранцевъ, занимающихся этимъ дѣломъ; то же самое нужно сказать и о стеклянныхъ заводахъ. Относительно статьи о стеклѣ (ч. I, гл. III, п. VIII) можно отмѣтить слѣдующее обстоятельство: вѣроятно, самъ Кильбургеръ разспрашивалъ русскихъ о заводахъ и, когда ему сказали, что глину добываютъ въ 50 верстахъ отъ Москвы „во Гжелѣ“, онъ неправильно понялъ и вообразилъ, что глину добываютъ въ мѣстности „Вогжелѣ“, почему

такъ и написалъ: „zu Wocksell“. Также очень многія и другія данныя Кильбургеръ получилъ посредствомъ разспросовъ, напримѣръ, о морскихъ поѣздкахъ въ Архангельскъ, о времени архангельской ярмарки, объ иностранцахъ, торгующихъ тамъ, о русскихъ гостяхъ, о рудникахъ, о суконномъ производствѣ, объ аптекахъ и ихъ служащихъ и т. д.. Разсказывая о предметахъ, вырабатываемыхъ Марселисомъ, онъ говоритъ, что тамъ дѣлаютъ и цирены, однако „величины ихъ я собственно не замѣтилъ, но измѣрилъ въ селеніи Мшагѣ на соляныхъ варницахъ нѣсколько циренъ, которыя были длиной...“ Въ частности о рудникахъ ему говорили причастныя къ этому дѣлу лица, а именно сами горнозаводчики — Марселисъ, Акема и др.. Мы находимъ въ главѣ о желѣзныхъ рудникахъ такія выраженія, которыя не позволяютъ сомнѣваться въ справедливости этихъ словъ; напримѣръ, Кильбургеръ пишетъ: „Марселисъ однако полагаетъ...“, пара пушекъ „[по показанію Марселиса] обошлась въ 150 рублей“, „одинъ штабель *(дровъ)*... [какъ Марселисъ и Акема сообщаютъ] стоитъ отъ 11 до 12 копеекъ“. Кильбургеръ также обращался съ разспросами къ московскимъ кузнецамъ, среди которыхъ могли быть и шведы; по крайней мѣрѣ въ 1648 г. Померенингъ доносилъ, что работы на тульскомъ заводѣ остановились, и поэтому шведскіе кузнецы переселились въ Москвѣ[1]); разъ въ Тулѣ были шведскіе кузнецы, они могли быть и въ самой Москвѣ. Кильбургеръ писалъ, что „кузнецы въ Москвѣ даже указали мнѣ на то, что русскіе тигли“ лучше другихъ. Кромѣ того, авторъ въ этой главѣ сообщаетъ такія подробности о заводахъ, что невольно возникаетъ мысль, не былъ ли самъ авторъ на нихъ; именно возможно, что онъ посѣтилъ царскій Павловскій заводъ, лежащій, по его словамъ, въ 52 верстахъ отъ Москвы по дорогѣ въ Клинъ. Онъ говоритъ, въ какой почвѣ лежатъ рудники, объ отсутствіи гидравлики, сколько бросаютъ въ печи угля и руды, „бревно подымающее молотъ — дубовое, а молотъ вѣситъ отъ 18 до 21 пуда“, сколько получаетъ мастеръ, работникъ, угольщикъ и т. п.. Въ главѣ о суконномъ производствѣ авторъ пишетъ: „Мнѣ сказали, что теперешній царь неоднократно выписывалъ... овецъ“,

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Рос., 1898 г., кн. I, Якубовъ: „Россія и Швеція въ половинѣ XVII в.“, с. 420.

„такихъ овецъ я теперь видѣлъ въ Москвѣ у окольничаго Арт. Серг. Матвѣева и у нѣсколькихъ нѣмецкихъ купцовъ". Кильбургеръ, очевидно, посѣтилъ и аптеки и приводитъ даже рецептъ, за который нужно заплатить 45 коп.; вѣроятно, это лѣкарство потребовалось для кого-нибудь изъ шведскаго посольства; водочный заводъ при аптекѣ, „по заявленію доктора Розенбурга", какъ пишетъ Кильбургеръ, давалъ 27—28 тысячъ рублей чистаго дохода; неизвѣстно, отъ кого онъ узналъ, что шведскій посланникъ Эбершильдъ вывезъ въ 1673 г. изъ Россіи хмель за такую то цѣну, но, по всей вѣроятности, это ему сказалъ самъ Эбершильдъ[1]). У Кильбургера не разъ попадаются выраженія, указывающія, что то или другое извѣстіе добыто имъ по слуху или по разспросамъ, напр., „должно быть", „говорятъ": „Мста, говорятъ, имѣетъ много падуновъ...", зарѣзанный быкъ возлѣ Архангельска, „говорятъ, очищеннымъ вѣсилъ 36 пудовъ", „соболи, говорятъ,..." и т. п..

Нѣкоторыя свѣдѣнія у Кильбургера являются результатомъ его непосредственнаго наблюденія, о чемъ отчасти уже было сказано выше; такъ главы о гостиныхъ дворахъ, базарахъ, книгопечатняхъ, колоколѣ, кабакахъ и ледникахъ, винныхъ и яблочныхъ погребахъ, каменномъ строительствѣ, аптекахъ, киркахъ, дорогахъ и пр.. Побывавъ на гостиныхъ дворахъ, онъ поинтересовался о величинѣ наемной платы за лавки, замѣтилъ внутри Новаго гостинаго двора большіе городскіе вѣсы и измѣрилъ шагами пространство, занимаемое внутреннимъ дворомъ; Новый гостиный дворъ—лучшее зданіе въ Москвѣ; онъ отмѣчаетъ небольшой размѣръ московскихъ лавокъ, гдѣ самому торговцу трудно повернуться; самымъ замѣчательнымъ въ Москвѣ онъ считаетъ, что каждый родъ товаровъ имѣетъ свой рядъ; это ему очень нравится, такъ какъ можно быстро найти желаемый товаръ; а на вшивомъ рынкѣ есть много прекрасныхъ и дорогихъ вещей. „Я видѣлъ многократно на мѣховомъ рынкѣ много барсучьихъ кожъ", сообщаетъ онъ въ одной главѣ, или же: „Я еще замѣтилъ въ

---

[1]) Адольфъ Еберсъ-Шилтъ прибылъ въ Москву въ январѣ 1673 г., а въ январѣ 1674 года уѣхалъ. (Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ вн. снош.", ч. IV, стр. 192). Шубинскій невѣрно говоритъ, что онъ былъ шведскимъ резидентомъ въ Москвѣ во время посольства 1674 г.. (С. Шубинскій, „Ист. очерки и разсказы", с. 6).

Москвѣ нѣсколько вещей"... „Во всей Россіи я знаю не болѣе 2 книгопечатенъ", заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ; эти книгопечатни находились въ Кіевѣ и Москвѣ, и въ послѣдней авторъ, навѣрное, былъ и замѣтилъ, что тамъ работаютъ 8 прессами и большею частью печатаютъ на писчей бумагѣ, именно священныя книги и изображенія. Въ яблочныхъ погребахъ его заинтересовали „наливныя" яблоки, которыя иногда такъ прозрачны, что на солнцѣ видны ихъ зерна. Пиво—дорого и не вкусно; пивныхъ совсѣмъ мало, даже въ Москвѣ, „и я встрѣтилъ, пишетъ Кильбургеръ, на большой сухопутной дорогѣ между Новгородомъ и Москвой на разстояніи болѣе 500 верстъ не свыше 9—10"; почти всѣ русскіе пьютъ квасъ; „онъ, по моему свѣдѣнію, не варится". Московскіе кирпичи—большіе, а известь—бѣла и хороша; авторъ узналъ заработную плату каменьщиковъ и носильщиковъ камней. Аптека—хороша и обильно снабжена лѣкарствами, а сами лѣкарства отпускаются съ наложеніемъ печати. Въ самой Москвѣ живетъ лишь нѣсколько иностранцевъ, а большая часть ихъ населяетъ особую слободку, гдѣ 4 кирки, но безъ колоколовъ и органовъ, зато онѣ имѣютъ по изразцовой печи...

Также и описаніе дорогъ (часть V) составлено Кильбургеромъ на основаніи личныхъ наблюденій. Въ этомъ нельзя сомнѣваться относительно водной дороги между Нарвой и Новгородомъ (гл. I), а водный путь отъ Нарвы до устья р. Шоши, а отсюда сушей до Москвы (гл. I), хотя тоже составленъ на основаніи наблюденій, но тутъ авторъ въ незначительной степени привлекъ разспросный матеріалъ, такъ, свѣдѣнія о Мстѣ, по которой онъ не ѣхалъ, и о Волховѣ. Когда онъ проѣзжалъ черезъ Вышній Волочекъ, обратилъ вниманіе, что тутъ рѣки Цна и Тверца сближаются между собой на разстояніе 75 шаговъ, и ихъ отдѣляетъ только одинъ песокъ, такъ что во время таянія снѣговъ воды обѣихъ рѣкъ смѣшиваются. „Если поэтому, замѣчаетъ Кильбургеръ, здѣсь сдѣлать перекопъ, то Ладожское море и, слѣдовательно, также Восточное море *(Балтійское)* были бы соединены съ Каспійскимъ". Ту же самую мысль находимъ въ альбомѣ Пальмквиста, высказанную почти въ такихъ же выраженіяхъ и такимъ же образомъ обоснованную. Это обстоятельство ясно показываетъ, что, можетъ быть, тутъ на берегахъ Цны и Тверцы оба путешественника дѣлились своими мыслями и задолго до образованія Вышневолоцкой системы высказывали мнѣніе о важности

ся созданія. Эти свидѣтельства Пальмквиста и Кильбургера интересны въ томъ отношеніи, что являются первымъ по времени изъ извѣстныхъ намъ проектовъ Вышневолоцкаго канала, изложеннымъ на бумагѣ. Конечно, нельзя считать обоихъ этихъ лицъ творцами этой идеи, потому что она такъ проста, что не требуетъ высшихъ соображеній, и, несомнѣнно, не одинъ купецъ думалъ объ этомъ гораздо раньше ихъ. Дорогу по р. Лугѣ Кильбургеръ описываетъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онъ по ней ѣхалъ, возвращаясь изъ Москвы. Если ѣхать изъ Новгорода въ Нарву, говоритъ онъ, впервые можно увидѣть Лугу въ селеніи Передольскомъ; такъ было съ Кильбургеромъ, но онъ не разсказываетъ объ этомъ въ первомъ лицѣ, а въ безличной формѣ, что можно много разъ встрѣтить въ его книгѣ. Далѣе авторъ подробно и добросовѣстно перечисляетъ всѣ селенія, которыя встрѣчались имъ на пути или виднѣлись издали, когда они поднимались сперва по берегу Луги, а потомъ отъ с. Онежицы по самой рѣкѣ внизъ, къ ея устью. „Новгородскій воевода, пишетъ объ этомъ Кильбургеръ, заплатилъ 70 рублей за 6... струговъ и за 28 гребцовъ, которыхъ мы имѣли отъ Онежицы до Муравейны“, а „въ Муравейнѣ мы условились съ русскими относительно лодьи оттуда до крѣпости Яма... Потомъ отъ Яма до Нарвы 3 мили, если ѣхать сухимъ путемъ“.

Труднѣе рѣшить вопросъ, откуда и изъ какихъ источниковъ Кильбургеръ почерпнулъ извѣстія о пути изъ Стокгольма въ г. Або, а оттуда о сухопутной дорогѣ по югу Финляндіи до Выборга, Ніеншанца и Новгорода. Здѣсь можно лишь высказать предположеніе, что переводчикъ Эосандеръ, ѣздившій тогда въ Стокгольмъ и обратно въ Россію по зимнему пути, могъ дать соотвѣтствующія свѣдѣнія объ этой дорогѣ любознательному Кильбургеру; впрочемъ Швеція тогда также имѣла свои дорожники и карты, изъ которыхъ нашъ авторъ могъ позаимствовать необходимыя ему данныя; замѣтимъ, что у Пальмквиста нѣтъ маршрута этого пути, а есть только описаніе его части: „Обыкновенная зимняя дорога отъ Ніеншанца прямо къ Новгороду“.

Иначе рѣшается вопросъ объ описаніи Кильбургеромъ дороги отъ Москвы до Тобольска и Пекина. У Пальмквиста помѣщено то же самое описаніе, но отъ Тобольска путь у него показанъ на Енисейскъ, Красноярскъ до Киргизской степи и тутъ онъ кончается, а у Кильбургера описаніе доведено только до Тобольска, а

дальше онъ помѣстилъ путешествіе Байкова, изъ котораго видно, какъ Байковъ пошелъ изъ Тобольска вверхъ по Иртышу, къ его истокамъ, а далѣе черезъ степь Гоби къ Пекину. Вопросъ о пути черезъ Россію въ Пекинъ въ то время, какъ и раньше, чрезвычайно интересовалъ иностранныя державы, и онѣ не разъ просили позволенія у русскихъ найти дорогу въ Китай черезъ ихъ владѣнія. Понятно, что Кильбургеръ и Пальмквистъ постарались достать описаніе дороги въ Сибирь, но Кильбургеръ пошелъ дальше своего современника и показалъ на примѣрѣ Байкова возможную дорогу въ Пекинъ. Откуда онъ взялъ текстъ путешествія Байкова, на это нельзя прямо отвѣтить. Можетъ быть, онъ самъ досталъ русскій оригиналъ этого путешествія и сдѣлалъ изъ него извлеченіе, но противъ этого говоритъ испорченная передача названій, а мы увидимъ ниже, что Кильбургеръ правильно передавалъ русскія названія; кромѣ того, нельзя предположить, что авторъ такъ хорошо зналъ русскій языкъ, чтобы взялся за переводъ съ русскаго на нѣмецкій; къ тому же русскія редакціи, пока извѣстныя намъ, значительно отличаются отъ сокращенія Кильбургера, а, наоборотъ, заграничныя редакціи приближаются къ нему. Все это заставляетъ предполагать, что авторъ сдѣлалъ извлеченіе изъ какого-нибудь уже тогда существующаго иностраннаго печатнаго или рукописнаго описанія этого посольства. Мы знаемъ, что Н. Витзенъ вывезъ въ 1665 г. изъ Москвы описаніе посольства Байкова и самъ его перевелъ на голландскій языкъ, и возможно, что нашъ авторъ пользовался именно голландскимъ переводомъ или одной изъ его передѣлокъ, потому что это путешествіе тогда всѣхъ интересовало, и его переводили на многіе языки.

Для полноты указанія источниковъ можно еще указать, что Кильбургеръ отчасти пользовался услугами исторіи и въ нѣкоторыхъ главахъ даетъ краткія историческія справки; такъ, въ главѣ о персидской торговлѣ онъ упоминаетъ о разграбленіи С. Разинымъ Астрахани, но это онъ, очевидно, слышалъ въ Москвѣ. Когда 2 года спустя былъ въ Москвѣ голландецъ Балтазаръ Койэтъ, онъ собралъ довольно обширный матеріалъ (11 страницъ) о бунтѣ Разина; впрочемъ заграничныя газеты во время этого бунта были полны его описаніемъ. Далѣе Кильбургеръ, говоря о портѣ Архангельскѣ, приводитъ изъ исторіи нѣсколько строкъ о томъ, какъ въ 1553 г. Уилльби погибъ, а Чанселлеръ открылъ

торговому міру Архангельскъ, за что англичане получили льготы, но въ 1649 г. лишились ихъ, подъ предлогомъ убійства ими своего короля. Въ главѣ о пошлинахъ Кильбургеръ мимоходомъ и поверхностно напоминаетъ о Тявзинскомъ мирѣ 1595 г. и слѣдующихъ постановленіяхъ о пошлинахъ, но всего этого онъ касается слегка, насколько требуетъ только ясность изложенія.

Вообще Кильбургеръ обладалъ большими познаніями. Это былъ образованный человѣкъ, начитанный, знающій, куда ему обратиться за тѣми или другими необходимыми для него свѣдѣніями. Онъ зналъ не только шведскій языкъ и нѣмецкій, на которомъ онъ писалъ, но и латинскій и французскій. Знаніе этихъ языковъ подтверждается тѣмъ его единственнымъ собственноручнымъ письмомъ, которое сохранилось въ Стокгольмскомъ архивѣ и писано на 4 языкахъ: нѣмецкомъ, шведскомъ, французскомъ и латинскомъ. Знаніе латинскаго языка также обнаруживается латинской надписью на вольфенбиттельской рукописи—надписью, безъ сомнѣнія, составленною имъ самимъ. Знакомство его съ французскимъ языкомъ видно и въ самомъ текстѣ его книги, а именно въ предисловіи, гдѣ онъ приводитъ французскую пословицу: „pour prendre un renard il faut renard et demi“. Слѣдуетъ думать, что онъ зналъ и голландскій языкъ, потому что онъ пользовался голландскимъ прейсъ-курантомъ, въ книгѣ же цѣликомъ помѣщеннымъ; онъ считаетъ необходимымъ замѣтить, что московскій реформаторскій священникъ проповѣдуетъ на голландскомъ языкѣ; можетъ быть, Кильбургеръ его слушалъ. Кромѣ того, можно еще предполагать, что авторъ былъ не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ, именно въ Голландіи. Такъ, въ предисловіи онъ сравниваетъ Москву съ Амстердамомъ, говоря, что въ Москвѣ больше лавокъ, чѣмъ въ Амстердамѣ, но тутъ же спѣшитъ оговориться, что это касается только количества лавокъ, а что касается величины ихъ, то, дѣйствительно, 10 московскихъ почти что равняются одной амстердамской,—такъ малы русскія лавки. Въ статьѣ о желѣзныхъ рудникахъ Кильбургеръ говоритъ: „надо знать, что въ Россіи можно найти столь же прекрасную землю (Erde), какъ въ Голландіи и Франціи“.

Владѣлъ ли Кильбургеръ русскимъ языкомъ, вотъ вопросъ, который является весьма интереснымъ и важнымъ для оцѣнки его сочиненія. Думаемъ, что да, хотя, можетъ быть, очень и очень плохо, но все-таки настолько, чтобы быть въ состояніи разбирать-

ся въ русскихъ отвѣтахъ. Къ сожалѣнію, авторъ ни въ одномъ мѣстѣ не даетъ повода для твердаго вывода объ этомъ, и только одни русскія названія и отдѣльныя слова даютъ матеріалъ для рѣшенія этого вопроса. Приводимыя имъ русскія названія предметовъ отличаются большой правильностью, напр., „Ikra Tschorna“ — черная икра, „Sücken“—щуки (ч. I, гл. I, п. I), „Karluck“— карлу́къ, такъ русскіе называли рыбій клей, добываемый изъ рыбы „Belluga“—бѣлуги (тамъ же, п. XXIV); есть также рыба— „Biella Ribba“ (ч. I, гл. II, п. IV); моржовую кость русскіе называютъ—„Tschadra Kost“ (т. же, п. X), а лошадиныя стада—„Tabunen„ (ч. I, гл. III, п. XI); названія монетъ, вѣса и мѣръ совершенно правильно переданы; въ Архангельскѣ есть—„Bolschaja Turma“ (ч. IV, гл. I), а въ Москвѣ—„Gostinoy Dwor Staroy“, „Gostinoy Dwor Nowoy“ (ч. IV, гл. VIII), бываетъ „Basar“ и есть „Semsckoy Pricas“ (ч. IV, гл. X), „Posolskoy Pricas“ (ч. III, гл. VII), „Bolschaja Casna“, „Tschotnoy Pricas“ (ч. IV, гл. IX), „Puschneschnoy Pricas“; снарядъ для поднятія колокола выдумалъ „Storosk“— сторожъ (ч. IV, гл. XII); лучшіе яблоки называются „Nalliweny“— наливными (ч. IV, гл. XIV); на Пасху ходатаи приносятъ въ приказъ подношенія съ возгласомъ: „Christos wos chrest“ (ч. III, гл. VI) и т. д.. Все это показываетъ, что авторъ хорошо вслушивался въ русскую рѣчь и не искажалъ словъ; приводя русскія названія, онъ, гдѣ считалъ нужнымъ, объяснялъ ихъ значеніе: „Gostinoy Dwor Staroy oder der alte Gasthof“, „Storosk oder Thürhüter“, „Suddaky oder Sandarn“, „Giesshaus—Puschneschnoy Dwor“ и т. п.. Отсюда можно вывести заключеніе, не лишенное, можетъ быть, нѣкотораго основанія, что Кильбургеръ зналъ настолько русскій языкъ, что былъ въ состояніи давать объясненія русскимъ словамъ и названіямъ, которыя всегда передавалъ правильно [1]). При собираніи матеріаловъ, знаніе русскаго языка, хотя бы и незначительное, имѣло для него большое значеніе. Ходя по городу, онъ могъ узнавать цѣны, разспрашивать, а что онъ ходилъ по лавкамъ, это видимъ изъ его словъ, напримѣръ: „Каменныхъ кущцъ въ Москвѣ я (*почти)* не видалъ или немного“ (ч. I, гл. I, п. III, 2), „Я еще замѣтилъ въ Москвѣ нѣкоторые предметы“,

---

[1]) Если отбросить предположеніе, что самъ Бишингъ (или же Миллеръ) могъ внести существенныя поправки въ переданныхъ Кильбургеромъ названіяхъ и именахъ.

„Я купилъ фунтъ *(чая)* за 30 копеекъ“; далѣе Кильбургеръ говоритъ о бадьянѣ, каповомъ деревѣ, шарфахъ, кошелькахъ, пуговкахъ, пороховницахъ, замкахъ и сообщаетъ ихъ цѣны, очевидно, полученныя имъ по разспросамъ, а „въ заключеніе, пишетъ онъ,... я хочу еще упомянуть, что нужно удивляться, какъ много гробовъ всякой величины лежитъ тамъ и тутъ по городу для продажи; они всѣ сдѣланы изъ одного куска дубоваго дерева и иногда вывѣшиваются передъ лавками. Самый большой стоитъ отъ 160 до 170 копеекъ“ (ч. I, гл. II, Nota). Какъ видимъ, эти гробы поразили Кильбургера, и онъ даже къ нимъ прицѣнился.

Вопросъ о свободѣ, которой пользовался Кильбургеръ въ Москвѣ, имѣетъ большое значеніе для опредѣленія важности матеріала, имъ собраннаго. Правда, шведское правительство не очень то гостепріимно было встрѣчено въ Москвѣ, но это не могло помѣшать нашему путешественнику ходить по городу, потому что онъ не игралъ при посольствѣ офиціальной роли и былъ лишь однимъ изъ королевскихъ дворянъ. Когда Балтазаръ Койэтъ прибылъ 2 года спустя послѣ Кильбургера въ Москву съ голландскимъ посольствомъ Кленка, онъ, какъ узнаемъ изъ сочиненія самого Койэта, свободно гулялъ по городу, посѣщалъ иноземцевъ, ѣздилъ даже на стеклянный заводъ своего родственника Койэта и т. п., а 2 года спустя послѣ Койэта въ Москвѣ былъ вмѣстѣ съ польско-литовскимъ посольствомъ Таннеръ, который тоже имѣлъ возможность свободно расхаживать по городу, все разсматривать, ему даже случайно удалось два раза видѣть поѣздку царя за городъ. Такою же свободою передвиженія могъ пользоваться и Кильбургеръ, что онъ и дѣлалъ, какъ мы видѣли раньше. Что шведское посольство въ самомъ дѣлѣ пользовалось относительной свободой, а не находилось точно въ заключеніи, хорошо явствуетъ хотя бы изъ того, что 22 января, т. е. когда русскіе наиболѣе были раздражены незговорчивостью шведовъ во время аудіенціи „сидѣть безъ шляпъ“, и когда вслѣдствіе этого были прерваны съ ними переговоры до рѣшенія королемъ этого вопроса, то, несмотря на такую создавшуюся напряженность отношеній, упомянутаго 22 января было позволено одному шведскому дворянину изъ посольства съ 2 людьми (имъ было дано 3 саней) отправиться изъ Москвы въ Лифляндію „для покупки про ихъ обиходъ красныхъ питей“ [1]).

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, шведскія дѣла, реестръ II, 1674 г., св. 112.

Обратимся сейчасъ къ изслѣдованію достовѣрности извѣстій Кильбургера.

У Кильбургера встрѣчаются нѣкоторыя мѣста недоумѣвающаго характера. О горностаѣ онъ, напримѣръ, пишетъ, что въ Москвѣ выдѣланный сорокъ горностаевъ стоитъ 20 копеекъ (ч I, гл. I. п. III, 3); тутъ описка или ошибка несомнѣнна, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ въ прейсъ-курантѣ, приложенномъ къ этой главѣ указываетъ, что въ Москвѣ можно найти только казанскихъ горностаевъ цѣной (за сорокъ) въ 4—5 рб.. Въ другомъ случаѣ авторъ сообщаетъ о норкахъ, что „въ каждомъ сорокѣ—отъ 12 до 15 штукъ, перемѣшанныхъ съ гладкими или совсѣмъ коротко-шерстыми“ (тамъ же, 5), а въ прейсъ-курантѣ читаемъ: „норки съ 10—15 гладкими, сорокъ отъ 14 до 15 рублей“. Понять точный смыслъ этого затруднительно; противорѣчіе или описка въ цифрахъ тутъ ясна.

Кромѣ этого, у Кильбургера находимъ просто ошибки. Вѣсъ свертка юфти, согласно ему, $= 1^1/_2$ пуда (г. I, гл. I, п. IV), а по Родесу (какъ по рукописи Эверса, такъ и по стокгольмской)$=1^1/_4$ пуда; между тѣмъ намъ извѣстно, что данныя объ юфти Кильбургеръ бралъ у Родеса.

„Соленыхъ, воловьихъ и козлиныхъ кожъ почти 4.500 штукъ ежегодно... везется въ Архангельскъ“ (тамъ же, п. XIX). Это взято Кильбургеромъ тоже у Родеса, однако у Родеса сказано совсѣмъ не то, а именно у него показано, что однѣхъ только бараньихъ (или соленыхъ) кожъ вывозится изъ Архангельска 4.500, воловьихъ—300, а козлиныхъ—8.978; кромѣ того, Кильбургеръ прямо говоритъ—соленыя кожи, не объясняя, какія это кожи, а у Родеса это сказано: „бараньи, или соленыя, кожи“. Изъ этого примѣра видно, въ какое большое заблужденіе можетъ ввести Кильбургеръ. Отмѣтимъ тутъ еще очень важное обстоятельство. Беря у Родеса данныя, онъ ихъ пріурочиваетъ къ своему времени, какъ, напримѣръ, видно на вышеприведенномъ примѣрѣ. Но въ то же время слѣдуетъ отдать ему справедливость, указавъ, что онъ такимъ образомъ не всегда поступаетъ и иногда отмѣчаетъ: „болѣе 20 лѣтъ тому назадъ вывозилось изъ Архангельска столько-то“.

Сверхъ вышеуказанной неточности въ количествѣ вывезенныхъ бараньихъ, воловьихъ и козлиныхъ кожъ, можно привести

и другіе примѣры. Такъ, полотна по Кильбургеру иногда вывозится за море въ одинъ годъ свыше 30.000 аршинъ, а между тѣмъ у Родеса вывозъ точно опредѣленъ въ количествѣ 325.980 арш.; итакъ, авторъ долженъ былъ сказать свыше 300.000, а не 30.000; впрочемъ здѣсь можетъ быть вина переписчика или наборщика (ч. I, гл. I, п. VII). Въ другомъ пунктѣ (тамъ же, п. XI) показано, что ворвани „ежегодно идетъ около 600 тоннъ". Положимъ, что такое же количество есть и по тексту Г. Эверса, но по стокгольмской рукописи совершенно ясно видно, что за море шло 6.000 тоннъ, что вполнѣ вѣрно. Приведенная въ той же главѣ табличка вывезенныхъ изъ Архангельска мѣховъ отличается въ изданіи Бишинга неточностями, по сравненію съ таблицей Родеса, но эти неточности, очевидно, вкрались не по винѣ автора, а вслѣдствіе описокъ въ рукописи или при печатаніи.

Кромѣ того, нужно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что Кильбургеръ любитъ округлять цифры или дѣлать ихъ болѣе растяжимыми. Такъ, онъ говоритъ, что свиной щетины вывозится ежегодно отъ 5.000 до 6.000 пудовъ, а у Родеса точно указано— 5.500 пудовъ; тюленьихъ кожъ по Кильбургеру ежегодно вывозится черезъ Архангельскъ около 30.000, а по Родесу—31.060, рогожъ—отъ 300.000 до 400.000, а по Родесу—389.000 и т. д. Округленіе Кильбургеромъ этихъ цифръ собственно понятно, потому что Родесъ писалъ о вывозѣ какого-нибудь одного года, а Кильбургеръ безотносительно, вообще объ архангельскомъ вывозѣ, но зато это показываетъ, къ какимъ (искусственнымъ, скажемъ) пріемамъ онъ прибѣгалъ для полученія своихъ данныхъ, и насколько они могутъ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію вещей.

Конечно, отъ такого умнаго человѣка, какъ Кильбургеръ, нельзя ожидать, чтобы онъ безсознательно заимствовалъ цифры вывоза у Родеса, и, дѣйствительно, онъ прибѣгалъ къ такому пріему, когда вѣрилъ въ возможность такого количества вывоза въ свое время и думалъ, что со времени Родеса вывозъ этотъ остался безъ перемѣнъ. Но, когда онъ говоритъ, напримѣръ, о салѣ (говяжьемъ), онъ не приводитъ количества вывоза, указаннаго Родесомъ (115.080 пудовъ по 11 рб. за шиффунтъ), а пишетъ: „Раньше много сала вывозилось моремъ, но теперь больше не вывозится такъ много", потому что русскіе стали сами его больше употреблять, и „теперь продавался шиффунтъ отъ 8 до

8½ рублей“ (ч. I, гл. I, п. XV); или: „Прежде вывозилось ежегодно около 3.500 пудовъ (*воска*), но такъ какъ страна годъ отъ году увеличивается..., то должны были прекратить“ его вывозъ (ч. I, гл. III, п. II). Количество вывоза нѣкоторыхъ товаровъ, указанное Родесомъ, даже совсѣмъ не упоминается у Кильбургера.

Самое главное въ сочиненіи Кильбургера приведенныя имъ выписи изъ таможенныхъ архангельскихъ книгъ. Самъ Кильбургеръ пользовался ими при перечисленіи разныхъ видовъ торговли, гдѣ онъ иногда указываетъ, сколько было ввезено этого товара въ Россію за годы 1671, 1672 и 1673; такъ, онъ говоритъ, сколько ввезено было въ 1673 г. полотна (ч. I, гл. I, п. VII) или бумаги за 1671, 1672 и 1673 годы, или воска, или выдръ, или бутылокъ, или желѣза, соли и т. п. (ч. I, гл. III). Но, заимствуя на этотъ разъ у самого себя, т. е. перерабатывая свой матеріалъ, онъ въ точности выписываетъ цифры, а не округляетъ ихъ, какъ по большей части дѣлалъ при выпискахъ изъ Родеса. Къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣтъ пока еще возможности узнать, какой достовѣрностью отличаются росписи Кильбургера и насколько онѣ отличаются полнотой. Въ нихъ обращаетъ на себя вниманіе ихъ характеръ. Росписи 1671 и 1672 г.г. составлены сплошнымъ подсчетомъ товаровъ безъ указанія, какіе корабли ихъ привезли; наоборотъ, роспись 1673 г. состоитъ изъ 4 списковъ, въ началѣ каждаго изъ которыхъ указано время прихода кораблей, ихъ число и національность, а именно всего пришло 33 корабля: 19 голландскихъ, 10 гамбургскихъ и 4 бременскихъ, а пришли они въ концѣ іюля и въ концѣ сентября. Тутъ и можетъ возникнуть вопросъ, воспользовался ли Кильбургеръ всѣми списками за 1673 г. или же нѣкоторые ускользнули отъ его вниманія или же просто не были имъ приведены. При этомъ онъ самъ странно говоритъ, что ежегодныя росписи изъ архангельскихъ и лифляндскихъ таможенныхъ книгъ лучше всего могутъ дать понятіе объ европейскомъ ввозѣ, „изъ которыхъ нѣкоторыя я здѣсь помѣщу“. Изъ этихъ словъ видно, что авторъ какъ будто имѣлъ и лифляндскія росписи, но онъ изъ нихъ не далъ ни одной; съ другой же стороны, что онъ хотѣлъ выразить словами, что „нѣкоторыя (einige, нѣсколько) я помѣщу здѣсь“? или онъ хотѣлъ сказать, что даетъ росписи полностью за нѣсколько лѣтъ, или же, что вообще дастъ нѣсколько (случайно) имѣвшихся у него

росписей, хотя и не вполнѣ охватывающихъ всего вывоза? Впрочемъ самъ авторъ говоритъ, что, очевидно, дѣйствительное количество привозныхъ товаровъ должно быть болѣе значительнымъ, чѣмъ видно изъ росписей, такъ какъ много товаровъ привозится контрабандой.

Послѣ росписей обращаетъ на себя вниманіе таблица архангельскихъ таможенныхъ сборовъ отъ 1654 г. до 1673 г. включительно (ч. III, гл. V). Она рѣзко идетъ противъ единичныхъ указаній другихъ иностранцевъ на колоссальный таможенный сборъ г. Архангельска. Эта таблица въ общемъ не возбуждаетъ подозрѣній въ своей вѣрности и даже претендуетъ на большую точность, такъ какъ сборъ указанъ даже съ полушками. Въ 1654 г. сборъ показанъ равнымъ около 54 тыс. р., въ 1658 г.—92 тыс. и среди этихъ предѣловъ онъ и колеблется почти все время отъ 1654 до 1673 г. включительно, рѣдко спускаясь ниже. Въ книгѣ Крестинина конца XVIII в. („Краткая ист. о гор. Архангельскѣ, сочинена архангелогородскимъ гражданиномъ Васильемъ Крестининымъ. СПБ., при Имп. Ак. Наукъ, 1792 г.“, с. 92) подъ 1645 г. указанъ „зборъ таможенныя городскія пошлины 51.500 рублевъ 20 $^{3}/_{4}$ копеекъ“, а по Кильбургеру—51.585 р. $56^{1}/_{2}$ коп., т. е. разница, какъ видимъ, ничтожная, всего нѣсколько болѣе 85 руб. Но для провѣрки данныхъ Кильбургера, у насъ есть еще болѣе цѣнный источникъ—это архангельскія книги, сохранившія намъ смѣтные списки архангельской таможни между прочимъ за 1669—1674 годы[1]). Мы не станемъ всѣхъ ихъ подвергать полному изученію, потому что для нашей цѣли вполнѣ достаточно будетъ остановиться на разработкѣ архангельскихъ таможенныхъ документовъ 1673 года, которымъ годомъ оканчивается таблица Кильбургера.

На основаніи архангельской книги этого 181 года, т. е. московскаго года—съ 1 сентября 1672 г. по 1 сентября 1673 г., мы составляемъ слѣдующую подробную таблицу таможенныхъ записей за это время.

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, архангельскія книги №№ 5, 6, 7 и 8.

[2]) Смѣта Архангельскаго города этого года и 182, 183 г.г. издана нами въ приложеніяхъ.

181 г. осень и зима.

Предположено собрать, согласно прошлогоднему сбору за это время, таможенныхъ пошлинъ, писчихъ денегъ и пр. — 2.472 р. 5 а. 4 д.

Но въ дѣйствительности собрано таможенныхъ пошлинъ и писчихъ денегъ русскими мелкими серебряными деньгами + золотыми и еѳимками:

946 р. 10 а. 1 д. [+ *16 р. 17 а. 5 д.* *)]

Съ русскихъ людей взято мелкими серебр. деньгами:	Съ иноземцевъ взято, вмѣсто золотыхъ и еѳимковъ, мелкими серебр. деньгами:	Съ иноземцевъ взято золотыхъ и еѳимковъ на:
60 р. 13 а. 3 д.	99 р. 2 а. 3 д. (при чемъ прибыли оказалось на 16 р. 17 а. 5 д).	803 р. 12 а.

(60 р. 13 а. 3 д. + 99 р. 2 а. 3 д.) = 159 р. 16 а.

(159 р. 16 а. + 803 р. 12 а.) = 962 р. 28 а.

Не добрано, по сравненію съ прошлогоднимъ сборомъ 180 г. за осень же и зиму, — 1.509 р. 11 а.

181 г. лѣто.

Предположено собрать, согласно прошлогоднему сбору за это же время, таможенныхъ пошлинъ, писчихъ денегъ и пр. мелкихъ сборовъ — 70.068 р. 28 а. 5½ д.

Но въ дѣйствительности было собрано таможенныхъ пошлинъ и прочихъ мелкихъ сборовъ:

51.091 р. 28 а. 3½ д. + писчихъ денегъ 505 р. 24 а. 4½ д.

= 51.597 р. 20 а. **)

Было конфисковано неявленныхъ въ таможню товаровъ, денегъ и пенныхъ еѳимковъ:

669 р. 29 а. 1½ д.

Взято съ товаровъ Большого дворца еѳимками на: 535 р. 22 а. 5½ д.

Слѣдовало взять съ шелка-сырца:
- Посольскаго приказа: 43 р. 10 а. 1 д.
- Казеннаго приказа: 128 р. 18 а. 2 д.
- Итого: 171 р. 28 а. 3 д.

Но эти пошлины и писчія деньги не взяты, потому что ихъ слѣдовало уплатить въ казну золотыми, еѳимками и заморскими товарами лишь въ новую архангельскую ярмарку, именно въ августѣ 1674 г.

Взято съ товаровъ пр. Тайныхъ дѣлъ, пр. Большой казны и съ русскихъ купецкихъ и промышленныхъ людей мелкими серебряными деньгами: 18.865 р. 19 а. 1½ д.

Зачтено въ пошлину гостю Т. Кельдерману за взятый у него въ Москвѣ въ казну жемчугъ мелкими серебрян. деньгами: 404 р. 19 а. 2½ д.

Взято на немъ же съ сахара еѳимками на: 7 р. 21 а. 4½ д.

Слѣдовало взять съ англ. Т. Гебдона: 326 р. 26 а.

Слѣдовало взять съ датскихъ, голландскихъ, флорентійскихъ, гамбургскихъ и бременскихъ иноземцевъ: 25.341 р. 5 а. 3½ д.

Итого: 25.667 р. 31 а. 3½ д.

[Въ счетъ этого:
взято 22.300 золотыхъ и 3.152¼ еѳимка съ 16 долею еѳимка +
взято, вмѣсто еѳимковъ, русскими мелкими серебряными деньгами — 16 р. 5 а. 2½ д. +
зачтено ит. Ѳ. Гласхонну и гамб. А. Бутенанту за взятые у нихъ въ Москвѣ въ казну товары русскими мелкими серебр. деньгами — 2.134 р. 25 а.
Всего съ иноземцевъ взято и зачтено въ пошлину русскими серебрян. деньгами: 2.150 р. 30 а. 3½ д. (при чемъ прибыли оказалось на 558 р. 15 а. 5 д.)]

Слѣдовало взять еѳимками съ непроданнаго ренскаго вина:
- съ голландца Д. Артмана: 606 р.
- съ прикащика (А Дитхенсъ) голландца Я. Ѳандормера: 1.050 р. 13 а. 2 д.
- Итого: 1.656 р. 13 а. 2 д.

Эти пошлины и писчія деньги написаны въ доимку.

- Слѣдовало взять съ отдачи съ поташа Сергацкихъ будъ, проданнаго иноземцамъ: 1.543 р. 19 а. 3 д.
- Съ товаровъ иноземныхъ, вымѣненныхъ на упомянутый сергацкій поташъ, а также купленныхъ сверхъ этого: 1.325 р. 8 а. 1 д.
- Съ гамбургскихъ суконъ иноземца гостя Яг. Ѳангорна: съ отдачи: 456 р. 7 а. 5½ д.; съ пріему: 456 р. 7 а. 5½ д.
- Съ питей иноземца Акамы съ тов., Петра Марселиса и Гр. Микалаева: 148 р. 3 а. 5½ д.
- Итого: 3.929 р. 14 а. ½ д.

Но эти пошлины и писчія деньги, по указу государя, не взяты.

*) Это—прибыль, полученная русскими вслѣдствіе платежа иностранцами пошлинъ, вмѣсто еѳимковъ, русскими мелкими серебряными деньгами.

**) Всѣ нижеслѣдующія цифры означаютъ пошлины вмѣстѣ съ писчими деньгами и мелкимъ сборомъ.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что въ дѣйствительности таможенныхъ и писчихъ денегъ —

45.076 р. 27 а. 11 д. взято (= 535 р. 22 а. $5^1/_2$ д. + 18.865 р. 19 а. $1^1/_2$ д. + 7 р. 21 а. $4^1/_2$ д. + 25.667 р. 31 а. $3^1/_2$ д.),
1.656 р. 13 а. 2 д. написано въ доимку,
404 р. 19 а. $2^1/_2$ д. зачтено въ пошлину,
4.101 р. 9 а. $1^1/_2$ д. не взято (= 171 р. 28 а. 3 д. + 3.929 р. 14 а. $^1/_2$ д.).

Итого: 51.239 р. 2 а. 13 д.

Если же теперь къ выведенному нами итогу прибавимъ еще ту прибыль, которую русскіе выручили при взиманіи съ иноземцевъ пошлинъ, взамѣнъ ефимковъ, русскими мелкими серебряными деньгами, именно 358 р. 15 а. 5 д., то получимъ окончательную сумму въ 51.597 р. 20 а., которая совершенно совпадаетъ съ той цифрой архангельскаго сбора, которая съ такой замѣчательной точностью была выведена въ таможенныхъ документахъ XVII вѣка.

Между тѣмъ у Кильбургера указано, что въ 1673 г. было собрано у Архангельска 52.267 р. $47^1/_2$ к., что не соотвѣтствуетъ вышеприведеннымъ несомнѣнно точнымъ даннымъ. Однако если мы и тутъ постараемся глубже ознакомиться съ архангельскими книгами, то увидимъ, что и цифры Кильбургера отличаются не меньшей точностью, чѣмъ документы архангельской таможни. Въ самомъ дѣлѣ, прибавивъ къ полученной нами суммѣ архангельскаго сбора — 51.597 р. 20 а. стоимость конфискованныхъ за это время товаровъ и взятыхъ штрафовъ—всего 669 р. 29 а. $1^1/_2$ д., у насъ получится—52.267 р. $47^1/_2$ к. $^1/_2$ д. (т. е. у Кильбургера меньше на $^1/_4$ коп.! онъ вообще въ своей таблицѣ принимаетъ во вниманіе лишь полушки, совершенно умѣстно игнорируя четвертыя части копеекъ).

Такимъ образомъ подробное изученіе архивныхъ документовъ вполнѣ объясняетъ и раскрываетъ намъ составныя части неодинаковыхъ пошлинныхъ архангельскихъ итоговъ 1673 г., которые мы находимъ, съ одной стороны, въ русскихъ таможенныхъ спискахъ, а съ другой стороны, у Кильбургера.

Однако было бы ошибочно думать, что у нашего автора наблюдается во всѣхъ его итогахъ одинаковый составъ ихъ частей.

И правда, если въ сборъ 1673 г. входятъ у него между прочимъ и писчія деньги, то сборъ, напримѣръ, за 1669 г. указанъ безъ нихъ—66.021 р. 4 а., между тѣмъ какъ по архангельской книгѣ (№ 5) размѣръ пошлинъ, собранныхъ во время ярмарки, вычисленъ въ 66.021 р. 4 а. + писчихъ денегъ 657 р. 25 а. 1 д. (+ осенній и зимній сборъ 1.075 р. 23 а. $1^1/_2$ д.). За оба вышеприведенные годы, 1673 и 1669, у Кильбургера, какъ мы видимъ, не включены въ его итоги осенніе и зимніе сборы, которые впрочемъ были всегда не велики (обыкновенно они ограничивались сотнями рублей) и падали на время отъ 1 сентября предыдущаго года до начала архангельской „карабельной пристани“ текущаго года.

Итакъ, въ окончательномъ результатѣ мы видимъ, что цифры Кильбургера, если и разнятся отъ общихъ итоговъ русскихъ таможенныхъ документовъ, то не вслѣдствіе ошибокъ, а по причинѣ разнаго способа пользованія цифровымъ матеріаломъ. Впрочемъ нужно признать, что данныя ни архангельскихъ книгъ ни Кильбургера не соотвѣтствуютъ истинному сбору архангельскихъ пошлинъ, потому что въ эти итоги входитъ не только въ самомъ дѣлѣ пошлина, но и также что слѣдовало взять, доимки, недоимки, зачеты, писчія деньги и конфискаціи. Но зато, съ другой стороны, подобнаго рода цифровый матеріалъ служитъ даже болѣе вѣрнымъ указателемъ размѣра торговли Архангельска, чѣмъ если бы мы имѣли свѣдѣнія, исключительно указывающія только на дѣйствительное поступленіе пошлинъ. Что данныя Кильбургера вѣрны, также свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что количество архангельскихъ пошлинъ за послѣдующіе годы, т. е. съ 1674 г., не противорѣчитъ цифрамъ нашего автора. Эти сборы извѣстны намъ какъ изъ тѣхъ же русскихъ архангельскихъ книгъ за соотвѣтствующіе годы, такъ и изъ Двинской лѣтописи, въ которой они упоминаются съ 1688 г. съ перерывами до 1694 г. и достигаютъ 80—84 тысячъ, а въ 1700 г. доходятъ до 95 т. р.

Подвергая разсмотрѣнію вопросъ о достовѣрности цѣнъ Кильбургера, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что тѣ же цѣны, какія встрѣчаемъ у Родеса, находимъ и у Кильбургера, который выдаетъ ихъ, какъ бы за современныя ему; такъ, цѣны козлиныхъ, бараньихъ и воловьихъ кожъ (ч. I, гл. I, п. XIX) взяты у Родеса; цѣна хлѣба за ластъ—25 руб. взята тоже у Родеса, какъ и количество вывозимаго хлѣба (ч. I, гл. II, п. II); то же нужно сказать о ворвани, льняномъ сѣмени, свиной щетинѣ и др. това-

рахъ. Но думать, что авторъ воспользовался вездѣ цѣнами Родеса, было бы ошибочно уже по одному тому, что у Родеса количество цѣнъ по сравненію съ Кильбургеромъ совсѣмъ небольшое. Онъ даже воспользовался не всѣми цѣнами Родеса, а лишь нѣкоторыми, очевидно, именно тѣми, которыхъ онъ не имѣлъ въ собранномъ имъ самимъ матеріалѣ. У него даже выставлены цѣны, расходящіяся съ Родесомъ, напримѣръ, кошки по Родесу – по 5 руб. за сорокъ, т. е. штука—$12^1/_2$ коп., а по Кильбургеру (ч. I, гл. I, п. III, 11) штука—30—36 коп., а домашняя—80—120 коп.; то же самое наблюдаемъ на цѣнахъ рогожъ и мн. др. товаровъ.

Все это относится къ цѣнамъ, которыя авторъ даетъ при перечисленіи товаровъ, а что касается отдѣльныхъ прейсъ-курантовъ, то тутъ данныя цѣликомъ собраны самимъ Кильбургеромъ, а не взяты изъ литературныхъ источниковъ. Въ частности остановимся нѣсколько на обширномъ московскомъ прейсъ-курантѣ 30 мая 1674 г., гдѣ выставлены тогдашнія цѣны иностранныхъ товаровъ, а также наивысшія и наинизшія. Его можемъ сравнить съ голландскимъ прейсъ-курантомъ, помѣщеннымъ впереди его и относящимся къ концу того же мая 1674 г., но показывающимъ только тогдашнія цѣны (ч. II, гл. I). Выписавъ изъ обоихъ прейсъ-курантовъ однородные товары съ ихъ стоимостью, получимъ такую таблицу:

	Голл. пр.-кур.	Нѣм. пр.-кур.
Камка аршинъ	74 — 76 к.	74 — 75 к.
Объярь обыкновенная . . .	1 р. 05 к.	1 р. 20 к.
Indigo Guatimalo пудъ . . .	22 — 23 р.	23 р.
— Lauro	24 р.	25 р.
Ладанъ бѣлый	7 р.	7 р.
— сѣрый	$3^1/_2$ — 4 р.	4 р.
Масло деревянное	2 р. 90 к.	3 р.
Шафранъ	48 р.	80 р.
Свинецъ	8 р.	8 р.
Квасцы	13 р.	12 р.
Сушеный инбирь	4 р.	4 р.
Орѣхъ мускатный	25 р.	25 р.
Гвоздика	48 р.	48 р.
Котлы	5 р.	5 р.
Тазы	6 р.	6 р.

Здѣсь, несмотря на короткій промежутокъ времени, какой могъ пройти отъ „конца мая“, къ которому относится голландскій прейсъ-курантъ, до 30 мая, т. е. ко времени нѣмецкаго прейсъ-куранта, мы замѣчаемъ разницу въ нѣкоторыхъ цѣнахъ, иногда значительную. Это можно объяснить или неправильностью голландскаго прейсъ-куранта или же искусственнымъ подборомъ цѣнъ Кильбургеромъ; такъ, напримѣръ, искусственность эта ясно видна на слѣдующихъ примѣрахъ:

	Наименьшая цѣна.	Тогдашняя цѣна.	Наивысшая цѣна.	Разница въ цѣн. на:
Сукно гамб. . .	7 р.	8 р.	9 р.	1 р.
Бумага	1 р. 00 к.	1 р. 20 к.	1 р. 40 к.	20 к.
—	1 р. 10 к.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	20 к.
Зелень (ярь) . .	8 р.	14 р.	20 р.	6 р.
Клыки слоновые	15 р.	20 р.	25 р.	5 р.
Тазы	5 р.	6 р.	7 р.	1 р.
Жесть бѣлая . .	12 р.	16 р.	20 р.	4 р.
Вино красное .	10 р.	14 р.	18 р.	4 р.

Эти цѣны потому возбуждаютъ сомнѣніе въ своей полной достовѣрности, что переходы отъ низшей къ современной Кильбургеру и къ наивысшей стоимости всегда отличаются удивительной одинаковой послѣдовательной надбавкой къ предыдущей цѣнѣ для полученія послѣдующей цѣны, напримѣръ, на 1 р., на 20 коп. и т. д. Говоря объ искусственности вышеприведенныхъ цифръ, мы этимъ не отрицаемъ достовѣрности тогдашнихъ цѣнъ, т. е. современныхъ Кильбургеру, но мы хотимъ лишь указать, что авторъ для опредѣленія предѣловъ ихъ колебанія прибѣгъ къ явно искусственному пріему, такъ что этихъ предѣловъ нельзя принимать на вѣру. А что цѣны, указанныя Кильбургеромъ для своего времени, вѣрны, можно для примѣра убѣдиться изъ росписи того же 1674 г. архангельскихъ предположенныхъ къ закупкѣ товаровъ: „30 бочекъ желѣза бѣлаго купят у города по 15 р., а на Москвѣ купять по 17 р.“; это не противорѣчитъ выведенной Кильбургеромъ цѣнѣ бѣлой жести — 16 р.; цѣнность по росписи стопы бумаги доброй 1 р. 30 к., другой руки — 1 р., также не противорѣчитъ Кильбургеру, у котораго указана стоимость и обыкновенной

бумаги въ 90 коп. съ предѣльными колебаніями въ 70 коп.— 1 р. 20 коп. [1]).

Большинство же прочихъ цѣнъ Кильбургера, которыя находимъ въ томъ же нѣмецкомъ прейсъ-курантѣ, при обозначеніи ихъ высшихъ и низшихъ предѣловъ, не возбуждаютъ съ внѣшней стороны никакихъ сомнѣній въ своей правдивости; такъ, напримѣръ, сукно тангермюндское стоило 6 р., низшая цѣна была тоже 6 р., значитъ не спускалась, а высшая—8 р.; турецкій камлотъ—3 р., а высшей и низшей цѣны даже совсѣмъ не указано; цѣна риса (сорочинское пшено)—90 коп., самая дешевая—80 коп., а самая дорогая—1 р. 50 коп.; сушеный инбирь—4 р., и это же есть самая высокая цѣна, а дешевая—2 р.. Въ этихъ цѣнахъ чувствуется искренность.

Цѣны на съѣстные припасы можно считать въ общемъ достовѣрными. Когда Кильбургеръ былъ въ іюлѣ въ Твери, то, вѣроятно, при покупкѣ яицъ узналъ и записалъ ихъ стоимость; также можно полагать, что, проѣзжая по р. Лугѣ, путешественники купили овцу, и авторъ тоже занесъ ея стоимость въ свою книгу; нѣкоторыя цѣны Кильбургеръ два раза приводитъ въ своей работѣ, при чемъ нигдѣ не измѣняетъ ихъ, напримѣръ, цѣны ржи.

Но для точнаго опредѣленія степени достовѣрности цѣнъ Кильбургера слѣдуетъ ихъ сравнить съ цѣнами, взятыми изъ другихъ историческихъ источниковъ. Правда, провѣрка цѣнъ представляетъ ту трудность, что онѣ отличаются крайней измѣнчивостью и разнообразіемъ не только при различіи мѣста и времени, но и при условіи одномѣстности и одновременности. Самъ авторъ говоритъ о большихъ колебаніяхъ цѣнъ въ Россіи, такъ что иногда цѣны разнились въ теченіе мѣсяца на 100%, что происходило оттого, что въ Россію приходили корабли только разъ въ годъ, а не постоянно. Кильбургеръ также указываетъ на разницу цѣнъ по мѣсту, сообщая, что овца въ Москвѣ стоила 30—36 коп., но къ западу отъ Новгорода, на р. Лугѣ,—12—14 коп., или что десятокъ яицъ въ Москвѣ стоилъ (въ маѣ) 2 коп., а въ Твери (въ іюлѣ) всего около 0,7 коп.

Но, несмотря на колебаніе цѣнъ, все-таки возможно провѣрить правдивость ихъ у Кильбургера. Для этого обратимся къ архивнымъ даннымъ за тотъ же годъ.

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, прик. дѣла ст. лѣтъ, 7182—1674 г., № 476.

Когда шведское посольство было въ Москвѣ, въ Посольскомъ приказѣ возникъ вопросъ объ его продовольствіи. Дьякъ Як. Петелинъ 27 декабря спрашивалъ у высшаго начальства, гдѣ покупать зелья и приводилъ для справки цѣны, по которымъ „въ рядѣхъ покупаютъ пряные зеля“ [1]. 30 декабря 1673 г. въ Посольскомъ приказѣ уже былъ заключенъ съ торговымъ человѣкомъ овощного ряда кадашевцемъ М. Филипповымъ договоръ, согласно которому онъ обязался поставлять шведамъ во все время пребыванія ихъ въ Москвѣ до ихъ отпуска (по 23 іюня) пряныя зелья „подлинно по указнымъ статьямъ“ по условленной цѣнѣ. Когда послы уѣхали, М. Филипповъ предъявилъ правительству просьбу уплатить деньги за его поставку пряностей посольству, и при рѣшеніи этого дѣла было выяснено, по какимъ цѣнамъ челобитчикъ обязался поставлять упомянутые товары [2]. Вотъ эти именно цѣны — справочныя дьяка Як. Петелина и поставочныя М. Филиппова, мы можемъ сопоставить съ нѣкоторой осторожностью съ данными изъ голландскаго и нѣмецкаго прейсъ-курантовъ Кильбургера (ч. II, гл. I).

ТОВАРЫ.	Голландскій прейсъ-курантъ конца мая 1674 г.	Нѣмецкій прейсъ-курантъ 30 мая 1674 г.	Цѣны въ овощномъ ряду 27 декабря 1673 г.	Цѣны поставочныя съ 1 января по 23 іюня 1674 г.
Сахаръ головной полурафинадъ пудъ. . .	4 р. 60 к.	4½ р. (4—6 р.).	сахаръ головной добрый 6 р	6 р
Сахаръ леденецъ бѣлый	—	6 ½ р. (6– 10 р.).		
„ „ сѣрый .	—	5½ р. (4—8 р.).		
Масло деревянное . .	2 р. 90 к.	3 р. (2—5 р.).	2 р. 80 к.	—
Миндаль	—	5 р (3–7 р.).	6 р.	6 р.
Инбирь сушеный . . .	4 р.	4 р. (3—7 р.)	инбирь 6 р.	6 р.
„ консервирован.	—	6½ р. (4—8 р.).		

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, шведскія дѣла, реестръ I, кн. 92, л.л. 345 об.—346.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, шведскія дѣла, реестръ I, кн. 92, л.л. 634—639.

ТОВАРЫ.	Голландскій прейсъ-курантъ конца мая 1674 года.	Нѣмецкій прейсъ-курантъ 30 мая 1674 г.	Цѣны въ овощномъ ряду 27 декабря 1673 г.	Цѣны поставочныя съ 1 января по 23 іюня 1674 г.
Пшено сорочинское . .	80—85 к.	90 к. (80 - 1 р. 50 к).	1 р. 20 к.	1 р. 60 к.
Коринка	4½ р.	2½ р. (1½—3 р.).	6 р.	3 р. 20 к.
Корица	—	30 р. (25—40 р.).	68 р.	32 р.
Шафранъ.	48 р.	80 р. (50—120 р.).	157 р. 60 к.	—
Мускатный орѣхъ . .	25 р.	25 р. (16—30 р.).	57 р. 60 к.	38 р. 40 к.
" цвѣтъ . .	—	50 р. (30 – 60 р.).	72 р.	115 р. 20 к.
Ладанъ бѣлый	7 р.	7 р. (6 – 10 р.).	9 р. *).	—

Изъ этой таблицы отчетливо видно, что однѣ цѣны сходятся или сближаются и лишь нѣкоторыя, напримѣръ, мускатный цвѣтъ, расходятся, но въ общемъ таблица подтверждаетъ достовѣрность цифръ Кильбургера.

Остальныя опредѣленія стоимости Кильбургера можно разсматривать также по тремъ рубрикамъ: цѣны, которыя не сходятся съ другими, цѣны, которыя не противорѣчатъ имъ, и, наконецъ, цѣны, которыя соотвѣтствуютъ имъ. Для ихъ сравненія можно взять данныя изъ Русской Исторической Библіотеки, т. XXIII, гдѣ напечатаны дѣла Тайнаго приказа за 1663—1676 г.г., въ которыхъ находимъ много цѣнъ для гор. Москвы.

По Кильбургеру каповая ложка стоитъ 40—60 коп. (ч. I, гл. II, Nota, 3), а между тѣмъ въ январѣ того же 1674 г. были куплены ложки по 10, 15 коп. штука (Р. И. Б., с. 210), т. е. тутъ Кильбургеръ опредѣлилъ черезчуръ высокій предѣлъ цѣны, потому что ложку можно было купить и за 10 коп., а не только за 40—60 коп.

Здѣсь же авторъ пишетъ, что каповая чаша (ковшъ) стоитъ до 3 р., и, дѣйствительно, въ январѣ того же года покупали каповые ковши по ½, 1 и 2 р. (Р. И. Б., с.с. 206, 210).

*) По примѣрнымъ цѣнамъ росписи 1674 г. предположенныхъ закупокъ въ Архангельскѣ. Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, прик. дѣла ст. лѣтъ, 7182—1674 г., № 476.

Стоимость обыкновенной (не калькутской, а русской) курицы Кильбургеръ считаетъ въ 3 коп. (ч. IV, гл. XIII). Эта цѣна показана наполовину ниже дѣйствительной, потому что намъ достовѣрно извѣстно, что въ маѣ 1674 же года она стоила 6 коп. (Р. И. Б., с. 293), а цѣны Кильбургера на съѣстные припасы относятся главнымъ образомъ къ маю этого года. Курица стоила въ Москвѣ не только въ этомъ году 6 коп., но и въ другіе годы, колеблясь отъ 5 до 7 коп.; напримѣръ, въ іюлѣ 1669 г.—6 коп. (Р. И. Б., с. 36), а въ августѣ живая—7 коп. (Р. И. Б., с. 70), въ мартѣ 1670 г. тоже живая—7 коп., (Р. И. Б., с. 1298), а въ августѣ этого года (зарѣзанная)—5 коп. (Р. И. Б., с. 1372).

Такую же недостовѣрность цѣны видимъ въ стоимости козлиныхъ и другихъ кожъ. Уже одно то обстоятельство, что эти цѣны, какъ было выше видно, взяты у Родеса и пріурочены, по смыслу текста, ко времени Кильбургера, показываетъ ихъ несостоятельность. Къ сожалѣнію, цѣнъ для 1674 г. тутъ нельзя привести, но зато извѣстно много ихъ за годы 1666—1670, когда стоимость козлиныхъ кожъ колебалась отъ 15 до 20 коп., причемъ цѣна въ 20 коп. чаще всего встрѣчается (Р. И. Б., с.с. 1585—1643, книга сафьяннаго завода), въ то время какъ у Кильбургера выставлена цѣнность козлиной кожи—36 коп. (ч. I, гл. I, п. XIX).

Различіе другихъ цѣнъ съ данными Кильбургера объясняется не ошибочностью ихъ, а способностью цѣнъ измѣняться по условіямъ рынка и времени.

Свѣжій шпикъ[1]), пудъ, по нашему автору стоилъ въ Москвѣ въ его время 24 коп., а вяленый—40 коп. (ч. I, гл. II, п. III или ч. IV, гл. XIII), а въ январѣ 1674 г. покупали пудъ свиного мяса за 35 коп., а въ январѣ 1675 г.—40 коп. (Р. И. Б., с.с. 229, 374).

100 яицъ при Кильбургерѣ стоили въ маѣ 20 коп. (ч. IV, гл. XIII), а намъ извѣстно, что въ маѣ же того же 1674 г. въ Москвѣ покупали 100 яицъ за 30 коп. (Р. И. Б., с. 294), а въ декабрѣ 1673 г.—40 коп. (тамъ же, с. 190), въ мартѣ 1670 г.—25 коп. (т. же, с. 1298), а въ апрѣлѣ—15, 13, 20 коп. (т. же, с.с. 3, 5, 6); тутъ, конечно, разнообразіе цѣнъ нисколько не под-

---

[1]) Speck—подъ этимъ словомъ Кильбургеръ, очевидно, подразумѣваетъ вообще свиное мясо, а не одно только сало.

рываетъ ихъ искренности, потому что это есть товаръ съ сильно колеблющимися цѣнами.

Камка (итальянская) по Кильбургеру стоила въ маѣ 1674 г. аршинъ—74—75 коп. (нѣм. прейсъ-кур., ч. II, гл. I), въ январѣ же 1675 г. покупали камку (бѣлую) по 85 коп. аршинъ (Р. И. Б., с. 355), а въ апрѣлѣ 1670 г. камку (мелкотравчатую и желтую) по 80 коп. арш. (тамъ же, с. 1315) и т. д.. Разнообразіе этихъ цѣнъ, конечно, зависитъ отъ разновременности ихъ, но главнымъ образомъ отъ качества и сорта этой матеріи, и самъ Кильбургеръ указываетъ, что 74—75 коп. стоитъ камка итальянская, а амстердамская всего—40 коп.; цѣна 74—75 коп. (наинизшая 70, а наивысшая 90 коп.), какъ видимъ, все-таки приближается къ вышеприведеннымъ цѣнамъ камокъ. Но по росписи 1674 г. заморскихъ товаровъ, которые слѣдовало купить во время архангельской ярмарки[1]), между прочимъ показана смѣтная цѣна камки одинакой за аршинъ—1 р. 20 коп., а двойной камки—1 р. 50 коп.; такія цѣны мы находимъ у Кильбургера не на камки (Damast), а на объяри (Tobinen): тяжелая стоила аршинъ 1 р. 60 коп. (1 р. 40 к.—1 р. 90 к.—2 р.), обыкновенная—1 р. 20 коп. (1 р. 10 к.—1 р. 30 к.). По той же росписи цѣна аршина багреца самаго добраго помѣчена въ $2^1/_2$ р., а багреца подтемкраснаго—$2^1/_4$ р; у Кильбургера же видимъ подобныя цѣны на бархатъ (Sammet) венеціанскій самый тяжелый и лучшій—$2^1/_2$ р. ($2^1/_4$—$3^1/_4$ р.).

Войлокъ, который шелъ поштучно, продавался въ мартѣ 1669 г. по 9 коп. (Р. И. Б., с. 1099), а при Кильбургерѣ въ 1674 г.—6—7 коп. (ч. I, гл. I, п. XIV); эти цѣны, несмотря на пятилѣтній промежутокъ, немного разнятся.

Рыбій клей (карлу́къ), какъ пишетъ нашъ путешественникъ, продавался изъ казны по $17^1/_2$—$37^1/_2$ коп. фунтъ (ч. I, гл. I, п. XXIV), но въ прейсъ-курантѣ, относящемся къ январю и февралю того же года, Кильбургеръ отмѣчаетъ другую цѣну—15—$22^1/_2$ к. за фунтъ (ч. I, гл. I); конечно, карлукъ могъ быть разнаго качества и стоимости, и, дѣйствительно, мы видимъ, что въ 1669 г., въ апрѣлѣ, купленъ рыбій клей по $12^1/_2$ к. и по 25 к. фунтъ (Р. И. Б., с.с. 3, 5).

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, прик. дѣла ст. лѣтъ, 7182—1674 г., № 476.

Въ мартѣ 1670 г. пудъ перца покупали въ Москвѣ за 5 р. 60 к., а въ августѣ—5 р. 20 к.; въ маѣ 1674 г. по Кильбургеру цѣна пуда перца—5 р. (нѣм. прейсъ-кур., ч. II, гл. I), т. е. цѣна перца мало измѣнилась.

Согласно автору въ маѣ пудъ меда стоилъ 1 р. 10 к. (прейсъ-кур., ч. I, гл. II), а въ іюлѣ того же года „медъ сырецъ добрый"—1 р. (Р. И. Б., с. 320); различіе цѣнъ легко объясняется тутъ тѣмъ, что въ маѣ медъ могъ быть еще стараго запаса, а въ іюлѣ уже новаго, отчего и подешевѣлъ.

Такое же различіе цѣнъ можно наблюдать на овсѣ. По Кильбургеру въ маѣ 1674 г. четверть овса цѣнилась въ 32 к. (тамъ же), а намъ извѣстно, что въ январѣ 1675 г. четь стоила—45 к. (Р. И. Б., с. 380); здѣсь ясно въ чемъ дѣло: лѣтомъ овесъ могъ уже подешевѣть, въ виду новаго урожая, но зимой слѣдующаго года, конечно, поднялся на 10—15 к.. Впрочемъ самъ Кильбургеръ удостовѣряетъ это колебаніе цѣнъ на полевые продукты зимой и лѣтомъ, указывая, что четверть ржи зимой стоила 70 к., а въ маѣ—60 к. (ч. IV, гл. XIII), т. е. понизилась къ лѣту на 10 к.

По Кильбургеру пудъ масла стоилъ 1 р. (ч. IV, гл. XIII); въ январѣ того же 1674 г. можно было его купить за 90 к, но въ декабрѣ 1673 г.—1 р. (Р. И. Б., с.с. 257, 96); отсюда можно заключить о достовѣрности цѣнъ Кильбургера, потому что разнообразіе ихъ вполнѣ естественное, но въ мартѣ 1670 г. пудъ стоилъ 1 р. 70 к. (Р. И. Б., с. 1298).

Тамъ же авторъ даетъ цѣну пуда самой лучшей соли въ 20 к., въ іюнѣ же того же 1674 г. покупали соль по 18 к. (Р. И. Б., с. 309); разница эта, конечно, могла быть или отъ разнаго качества соли или же отъ измѣнившагося состоянія солянаго рынка.

Въ августѣ 1670 г. было „куплено у иноземца, у Петра Марселиса, сто пудовъ желѣзныхъ црѣнныхъ досокъ по рублю по двѣ гривны" (Р. И. Б., с. 1368); но если въ 1670 г. пудъ ихъ стоилъ 1 р. 20 к., то въ 1674 г. у Марселиса онѣ стоили 1 р. 10—1 р. 15 к. (ч. IV, гл. V и прейсъ-кур.—ч. I, гл. II), при чемъ Кильбургеръ говоритъ, что онѣ „не особенно много расходятся, и теперь у Марселиса много въ запасѣ"; это небольшое пониженіе цѣны 1674 г. по сравненію съ 1670 г. можно именно и объяснить застоемъ дѣла. Другія цѣны желѣзныхъ издѣлій у Кильбургера сходятся также и съ архивными данными.

Въ февралѣ 1674 г. П. Марселисъ поставлялъ желѣзо по уговорной цѣнѣ 107 года: пудъ прутоваго по 50 к. (у Кильбургера по прейсъ-куранту—ч. I, гл. II—грубое прутовое желѣзо П. Марселиса пудъ—50—55 к.), пудъ литыхъ пушекъ—30 к. (у Кильбургера—25 к.), пудъ дощатаго желѣза—90 к., но въ февралѣ 1670 г. Марселисъ поставлялъ дощатое желѣзо по 1 р. (у Кильбургера—дверныя и оконныя доски Марселиса—1 р.). [1]).

О холстѣ (или полотнѣ) Кильбургеръ пишетъ, что аршинъ его стоилъ 2, 5, 6 к. (ч. I, гл. I, п. VII); эти цѣны соотвѣтствуютъ тѣмъ даннымъ, которыя намъ извѣстны за 1668, 1669, 1672, и 1673 г.г. Въ декабрѣ 1668 г., напримѣръ, за аршинъ холста давали 3 к. (Р. И. Б., с. 1249); въ апрѣлѣ 1669 г.—3, 4, $3^1/_2$ к. (Р. И. Б., с.с. 4, 1100, 1101), въ маѣ—$6^1/_4$ к. (тамъ же, с. 1103); въ февралѣ 1670 г.—4, $4^1/_2$, 3 к. (т. же, с.с. 1268, 1271), въ мартѣ—$2^1/_2$ к. (т. же, с. 1291), въ апрѣлѣ—3, $2^1/_4$ к. (т. же, с.с. 1313, 1318), въ іюлѣ—$2^3/_4$ (т. же, с. 1359); въ декабрѣ 1672 г.—4 к. (т. же, с. 95); въ январѣ 1673 г.—2 к. (т. же, с. 111). Отсюда мы видимъ, что въ эти годы цѣна одного аршина холста (или полотна) равнялась отъ 2 до $6^1/_4$ к., что почти согласуется съ Кильбургеромъ.

Двойныя рогожи, которыя, пишетъ Кильбургеръ, называются „цыновками“, стоятъ 4, 5, 6 к. штука (ч. I, гл. I, п. XXII); одна цыновка была куплена въ мартѣ того же года за 5 к. (Р. И. Б., с. 279), а въ августѣ 1670 г. куплено много „цепокъ“ по 6 к. штука (Р. И. Б., с. 1367). Кильбургеръ также указываетъ цѣну простыхъ, но большихъ, рогожъ въ $2^3/_4$—3 к. штука, а въ августѣ 1670 г. простая рогожа была куплена за $3^1/_2$ к. (Р. И. Б., с. 1367). Всѣ эти цѣны, какъ видно, соотвѣтствуютъ даннымъ нашего автора.

Можно еще указать на одну цѣну. Въ февралѣ 1674 г. былъ купленъ русачій мѣхъ цѣной въ 1 р. 20 к. (Р. И. Б., с. 246), а у Кильбургера мы находимъ свѣдѣніе, что русачій мѣхъ стоитъ 1 р.—1 р. 20 к. (ч. I, гл. I, п. III, 13).

Въ заключеніе обозрѣнія достовѣрности цѣнъ укажемъ еще на одинъ архивный документъ, подтверждающій данныя Кильбур-

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, прик. дѣла ст. лѣтъ, 1674 г., № 438, № 427.

гера. У него въ прейсъ-курантѣ, относящемся къ январю и февралю 1674 г. (ч. I, гл. I), стоимость въ Москвѣ берковца наилучшей пеньки сырца опредѣлена въ $2^1/_2$—3 р., а обыкновенной пеньки — 2 р.—2 р. 10 к.; по справкѣ же московскихъ приказовъ, въ Москвѣ покупали въ февралѣ и мартѣ 1674 г. брянскую пеньку по 2 р. 10 к. и 2 р. 40 к. берковецъ; голландецъ же Гутманъ увѣрялъ русское правительство, что пенька (брянская добрая трепанная и нетрепанная), купленная имъ въ мартѣ этого же года на Гостиномъ дворѣ, обошлась ему со всѣми расходами, считая даже харчи, по $3^1/_2$ р. берковецъ; конечно, здѣсь голландецъ поднялъ въ своихъ интересахъ цѣну, желая получить съ казны какъ можно большее вознагражденіе за причиненные ему ею убытки[1]).

Все это показываетъ, что цѣны Кильбургера во многихъ случаяхъ сходятся съ цѣнами, взятыми изъ другихъ источниковъ, а поэтому ихъ нужно считать въ общемъ достовѣрными. Однако, какъ выше было указано, у него попадаются цѣны и недостовѣрныя. Вообще же слѣдуетъ сказать, что цѣнъ Кильбургера, какъ и всякихъ цѣнъ, почерпаемыхъ изъ другихъ источниковъ, нельзя разсматривать самостоятельно отъ прочихъ и пользоваться только ими, не сопоставивъ ихъ съ другими.

Также нельзя не замѣтить и о томъ обстоятельствѣ, что русскіе тогда при торговлѣ считали на рубли, полтины, гривны, алтыны и деньги, но не на копейки, а у Кильбургера счетъ почти вездѣ на копейки, т. е. онъ самъ переводилъ цѣнность товаровъ на эту монету, а отъ этого у него и могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ произойти невольныя ошибки.

Достовѣрность другихъ цифровыхъ данныхъ Кильбургера также можетъ быть подвергнута критической оцѣнкѣ. Онъ между прочимъ посвящаетъ цѣлую главу (ч. IV, гл. XII) описанію большого колокола, даетъ понятіе объ его объемѣ и вѣсѣ, но тѣ же цифры мы встрѣчаемъ и у Пальмквиста, хотя у послѣдняго показаны двѣ цифры съ бо̀льшей точностью, чѣмъ у Кильбургера. Повидимому, оба они получили изъ третьихъ рукъ эти свѣдѣнія въ видѣ уже готовыхъ цифръ, а сами не измѣряли колокола,

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, прик. дѣла ст. лѣтъ, 1674 г., № 382.

потому что написали бы объ этомъ, какъ нашъ авторъ упомянулъ, что онъ лично вымѣрилъ цирены на солеварняхъ р. Мшаги.

Можно еще указать на извѣстіе о лошадяхъ, когда Кильбургеръ говоритъ, что въ Москву пригоняютъ въ августѣ лошадиные табуны, „иногда даже 20 и болѣе тысячъ лошадей". У Мейерберга (1661 г.) опредѣлено это количество лошадей въ 40 тысячъ, а по Котошихину „ежегодь (*пригоняютъ*) лошадей тысечь по 30 и по 40 и по 50 и болши". Возможно думать, что Кильбургеръ тутъ указываетъ довольно малую и неточную цифру. Также замѣтимъ, что авторъ, сообщая изъ Родеса о мѣстѣ добыванія товаровъ, иногда, вмѣсто области „вологодская", пишетъ „валдайская", а въ извѣстіяхъ о шелкѣ находимъ, вмѣсто „Александретта", неправильно — „Александрія". Зато всѣ даты Кильбургера правильны.

Что же касается поверстныхъ или мильныхъ разстояній, указываемыхъ Кильбургеромъ, то они не всегда точны. Упоминаемыя при этомъ географическія названія весьма близко подходятъ къ дѣйствительнымъ и только нѣсколько, чаще въ окончаніи, разнятся отъ нашихъ современныхъ названій, но это объясняется тѣмъ, что русскія названія до нашего времени потерпѣли измѣненія, и часто не соотвѣтствуютъ стариннымъ. Что касается неточностей въ опредѣленіи разстояній, это объясняется неточностью измѣреній того времени и разнообразіемъ мѣръ длины. По Прозоровскому у насъ было три рода верстъ: „нынѣшняя мѣрой въ 520$^4/_5$, 651 и 1041$^3/_5$ саженъ". Миля же по Кильбургеру равна 5 русскимъ верстамъ; эта мѣра была общепринята среди всѣхъ иностранцевъ, но Кильбургеръ пользуется при описаніи дороги отъ Стокгольма до Ніеншанца и другой милей, именно новой шведской, „считая 6.000 саженей на 1 милю", которая „почти на $^1/_3$" больше (нѣмецкой) мили. Дорогу отъ Стокгольма до Ніеншанца можно хорошо прослѣдить, руководствуясь помильнымъ разстояніемъ, указаннымъ Кильбургеромъ и его географической номенклатурой. Разстоянія въ общемъ соотвѣтствуютъ современнымъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя неточности въ мильныхъ разстояніяхъ относительно дороги въ Ингерманландіи (ч. V, гл. II). Отъ Ямбурга до Нарвы сушей Кильбургеръ указываетъ 3 мили, а разстояніе между этими пунктами даже по прямой линіи равно современнымъ намъ верстамъ не менѣе 20 верстамъ; несоотвѣтствіе миль съ верстами тутъ ясно, и, дѣйствительно, по

Пальмквисту отъ Ямбурга до Нарвы 5 миль, или 25 верстъ, т. е. тутъ у Кильбургера ошибка или скорѣе описка или опечатка. Кильбургеръ считаетъ длину озера Ильменя въ 60 в., ширину въ 40 в.. Тѣ же числа видимъ у Пальмквиста и даже у Герберштейна. Отсюда ясно, что это есть результатъ издавна установившихся понятій о величинѣ Ильменя. Теперь же по точному измѣренію считаютъ длину его въ 42 в. и 35 в. въ ширину. Мста по Кильбургеру впадаетъ въ Ильмень приблизительно въ $6^1/_2$ верстахъ отъ Новгорода, а по Большому Чертежу (с. 175)—за 20 верстъ отъ Новгорода; современными намъ верстами отъ Новгорода до устья Мсты по прямой линіи до 12 верстъ, т. е. во всякомъ случаѣ больше цифры шведскаго путешественника. Волховъ, пишетъ онъ,—длиной въ 180 в., а по Большому Чертежу (с. 176)—200 в., а теперь считаютъ—206 верстъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что у Кильбургера есть неправильныя опредѣленія, безъ сомнѣнія, почерпнутыя изъ разспросовъ, но гдѣ онъ ѣхалъ самъ, тамъ видимъ довольно большую точность въ цифрахъ, хотя, конечно, встрѣчаются и серьезные промахи. Напримѣръ, въ той же главѣ находимъ, что отъ устья р. Шоши (именно отъ селенія Шоши, лежащаго по Кильбургеру на этой рѣкѣ) сушей до Клина 25 в., а до Москвы 125 в.; между тѣмъ самъ Кильбургеръ дальше (ч. V, гл. III) пишетъ, что отъ Шоши до Клина 35 в., а отъ Клина до Москвы—85 в., т. е. всего—120 в.. Въ этомъ случаѣ онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Но разстояніе стекляннаго завода Койэта отъ Москвы показано у Кильбургера въ 40 в., что совершенно сходится съ русскими архивными данными того времени.

Разсматривая поверстныя разстоянія Кильбургера между отдѣльными пунктами, мы видимъ, что онъ серьезно отнесся къ дѣлу и постарался дать точныя цифры. Онъ не списалъ просто съ какого-нибудь дорожника, а самъ провѣрялъ ихъ, когда ѣхалъ по этимъ мѣстамъ. По дорогѣ Новгородъ—Москва онъ ѣхалъ два раза и оба раза обращалъ вниманіе на дальность пути, о чемъ говоритъ въ концѣ главы, посвященной этой дорогѣ (ч. V, гл. III): „Хотя русскіе вообще говорятъ, что пути между Новгородомъ и Москвой 540 верстъ, однако я не могъ найти ихъ, ни ѣхавши туда, ни возвращаясь обратно, но... (*по моему*) подсчету не болѣе, какъ 518“. Это характерное замѣчаніе автора показываетъ его добросовѣстное отношеніе къ собиранію своего матеріала: онъ

не повѣрилъ на слово говорившимъ ему, но самъ провѣрилъ ихъ показаніе. Нѣкоторыя дистанціи вполнѣ совпадаютъ съ современными; такъ, по Кильбургеру отъ Торжка до Марьина—18 в., какъ и теперь, отсюда до Свищева —1 в., то же и теперь, отсюда до Ямокъ —10 в., какъ и теперь, откуда до Мѣднаго—1 в., но тутъ уже ошибка, должно быть 3 в.; до „Миколы монастыря" (Малица) по Кильбургеру—25 в., а отъ него до Твери—5 в., между тѣмъ какъ онъ находится въ 7 в.; въ результатѣ у автора выходитъ отъ Торжка до Твери—60 в. Эта цифра вполнѣ соотвѣтствуетъ указанію Большого Чертежа (с. 132), что „отъ Торжка до Твери—60 верстъ". По географическому словарю Семенова, Торжокъ находится въ 57 в. къ с.-з. отъ Твери по бывшему петербургскому шоссе. Дальше, по показанію Кильбургера, отъ Клина до Москвы всего 85 в., а по Большому Чертежу (с. 133)—90 в.; по современнымъ же измѣреніямъ, Клинъ лежитъ въ 77 в. къ с.-з. отъ Москвы. У Кильбургера отъ Клина до Пешекъ указано 30 в., а у Пальмквиста—32 версты. Это все показываетъ, что данныя нашего писателя не всегда сходны съ Большимъ Чертежомъ или съ Палмквистомъ. У Пальмквиста, кромѣ того, въ итогѣ отъ Новгорода до Торжка—484 в., а у Кильбургера—518. У одного изъ нихъ должна быть ошибка. Но Пальмквистъ уже при подведеніи своего итога сдѣлалъ ошибку: у него получилось 191 в. (или $38^1/_5$ мили), а между тѣмъ, складывая его же цифры, должно быть 189 в. (или $37^4/_5$ мили). Теперь отъ Новгорода до Москы считается—493 версты, и такимъ образомъ оба современника не даютъ этой цифры: Кильбургеръ даетъ бóльшую цифру, а Пальмквистъ—меньшую. За глаза можно однако сказать, что данныя Кильбургера ближе къ дѣйствительности, потому что въ XVII в. дорога не могла быть короче, чѣмъ теперь, а длиннѣе, такъ какъ этому были причиной болота и другія природныя препятствія, которыя наши предки предпочитали объѣзжать, чѣмъ прокладывать черезъ нихъ дороги; кромѣ того, сравнивая тогдашнюю дорогу Новгородъ—Москва съ современной намъ, можно видѣть, что она теперь стала прямѣе, и нѣкоторыя селенія въ настоящее время находятся въ сторонѣ отъ нея, и поэтому, если Кильбургеръ даетъ цифру 518 в., т. е. нѣсколько превышающую теперешнюю, то это даже служитъ порукой ея достовѣрности. Можно даже сказать больше, а именно, что разстояніе въ 540 в., о которомъ русскіе говорили Кильбургеру, соотвѣтствовало тогдаш-

нимъ измѣреніямъ и дальности пути, а Кильбургеръ могъ гдѣ-нибудь ошибиться, отчего у него и не получилось этой цифры.

Этимъ можемъ окончить разсмотрѣніе географическаго матеріала Кильбургера, при использованіи котораго, непремѣнно нужно имѣть въ виду альбомъ Пальмквиста съ его картами и описаніемъ многихъ дорогъ (числомъ до 10); между прочимъ у Пальмквиста дорога отъ Ніеншанца зимой прямо на Новгородъ отличается бо́льшей подробностью и точностью, у Кильбургера же, по изданію Хр. Шмидта, этотъ путь совсѣмъ спутанъ, и цифры отнесены не къ тѣмъ селеніямъ, къ какимъ слѣдуетъ. Виной этому можетъ быть и не Кильбургеръ, а переписчикъ или наборщикъ.

Здѣсь также нужно сказать и оговориться, что всѣ вышеуказанныя неточности въ сочиненіи Кильбургера какъ въ количествѣ товаровъ, такъ цѣнъ, верстъ и т. п., указаны нами на основаніи текста, напечатаннаго у Бишинга, а что въ изданіи Бишинга встрѣчаются (хотя и немного) опечатки, это можно замѣтить по нѣкоторымъ мѣстамъ, напримѣръ, напечатано (ч. I, гл. I, п. VI), что черезъ Архангельскъ вывезенъ ленъ въ 1763 г.; въ другомъ мѣстѣ архангельская роспись помѣчена 1763 годомъ (ч. II, гл. I), имя отдѣляется запятой отъ отчества и фамиліи: „Werner, Müller“ (Вернеръ Миллеръ, или Вахрамѣй Миллеръ) (ч. I, гл. I, п. XXX), „Okolnitz, Artemon, Zergewitz, Mattffeoff“ (ч. IV, гл. VII); въ самомъ оглавленіи нѣкоторыя главы невѣрно распредѣлены; въ I ч., гл. I, п. XXVII, вмѣсто ссылки на № 18, напечатано—№ 3.

Общій выводъ о достовѣрности Кильбургера является такимъ образомъ для него вообще благопріятнымъ. Почти вся II, III, IV и V части составлены на основаніи имъ же собранныхъ матеріаловъ посредствомъ полученія необходимыхъ документовъ, разспросовъ и личныхъ наблюденій (послѣднее особенно касается IV ч.), и только I часть является въ значительной степени основанной на сочиненіи Родеса; во II и III частяхъ онъ лишь слегка имъ пользуется. Слабо онъ воспользовался, какъ мы видѣли, Олеаріемъ, Нейхофомъ и Котошихинымъ. Для всего остального онъ имѣлъ свой собственный матеріалъ, тщательно собранный и распредѣленный. Пользуясь его данными, нужно быть однако осторожнымъ. Гдѣ онъ пишетъ о количествѣ вывоза русскихъ товаровъ изъ Архангельска и ихъ цѣнѣ, не говоря, къ какому времени относятся эти свѣдѣнія, нужно знать, что эти данныя принадлежатъ ко времени Родеса и, можетъ быть, являются для 1674 года уже

сильно устарѣлыми. Другое дѣло цѣны, гдѣ Кильбургеръ является, за нѣкоторыми исключеніями, достовѣрнымъ источникомъ; онъ хотя прибѣгалъ къ искусственному созданію цѣнъ, какъ выше было сказано, а также немного заимствовалъ ихъ у Родеса, но зато самъ собралъ массу дѣйствительныхъ цѣнъ своего времени, касавшихся ремесленныхъ издѣлій, мануфактурныхъ предметовъ и жизненныхъ припасовъ. Сомнѣваться въ достовѣрности архангельскихъ росписей привоза нѣтъ основаній, и только можно говорить, насколько онѣ полно опредѣляютъ ввозъ въ Архангельскъ, и воспользовался ли Кильбургеръ всѣми росписями или же нѣтъ. Списокъ архангельскихъ пошлинъ достовѣренъ, хотя это не исключаетъ возможности нѣкоторыхъ неточностей въ нихъ. Прочія извѣстія не могутъ вызывать подозрѣній, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ (напримѣръ, глава о мѣдныхъ рудникахъ, гдѣ встрѣчаются неясныя опредѣленія положенія рудниковъ, и пр.).

Что даетъ новаго Кильбургеръ, по сравненію съ другими путешественниками?

Уже одно бѣглое обозрѣніе его книги показываетъ, что его даже нельзя разсматривать на ряду съ другими путешественниками, давшими общее описаніе своихъ путешествій, впечатлѣній и свѣдѣній о Россіи. Сочиненіе Кильбургера совершенно лишено характера, который придавали своимъ книгамъ иностранные путешественники, и его нужно скорѣе считать научнымъ трактатомъ, имѣвшимъ своею цѣлью познаніе Россіи главнымъ образомъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи. Никто изъ иностранцевъ не даетъ въ этой области такого богатаго, цѣннаго матеріала, и только Родесъ сообщаетъ много данныхъ о торговлѣ, но не такъ широко охватываетъ тему, какъ Кильбургеръ. Кромѣ того, цѣль Родеса была вполнѣ опредѣленная и преимущественно заключалась въ указаніи на важность, необходимость и возможность перенесенія архангельской торговли въ шведскіе порты. Цѣль же Кильбургера, совершенно лишенная узкихъ политическихъ замысловъ, была чисто практической, коммерческой и стремилась дать вѣрное представленіе о русской торговлѣ. Ни одинъ иностранецъ не задавался подобной спеціальной задачей, и поэтому, естественно, никто не далъ столько свѣдѣній по этому вопросу, какъ Кильбургеръ. Ни отъ кого мы не получаемъ такого большого количества цѣнъ, столь обширнаго перечисленія всевозможныхъ товаровъ, столько данныхъ объ архангельскомъ ввозѣ, о пошлинахъ,

о горной промышлниности и пр.. Тутъ можно найти данныя не только для исторіи торговли и промышленности, но и для исторіи западной церкви, исторической географіи, частью для военной исторіи, исторіи медицины, почтъ, монетъ, вѣса, мѣръ длины, отчасти заработной платы, а въ частности исторіи гор. Москвы и гор. Архангельска и т. д..

Если бы въ 1769 г., т. е. когда Бишингъ впервые издалъ это сочиненіе, спросили, что даетъ Кильбургеръ новаго для русской исторіи, то, конечно, на это могъ быть одинъ отвѣтъ: почти все, что сообщаетъ Кильбургеръ, ново для исторіи. Теперь же очень многое измѣнилось, и многія данныя Кильбургера извѣстны уже изъ другихъ источниковъ. Одинъ Родесъ, впервые напечатанный Г. Эверсомъ, долженъ былъ нанести сильный ударъ одиноко стоящимъ до тѣхъ поръ извѣстіямъ нашего автора; потомъ знакомство съ другими путешественниками, а также съ архивнымъ матеріаломъ постепенно обезцѣнивали значеніе Кильбургера, и съ дальнѣйшимъ развитіемъ экономической исторіи, съ открытіемъ новыхъ и новыхъ данныхъ, роль его извѣстій, естественно, будетъ уменьшаться. Но въ настоящее время сочиненіе Кильбургера является важнымъ источникомъ исторіи.

Къ сожалѣнію, оно имѣетъ одинъ очень серьезный недостатокъ: оно отличается неполнотой, весьма вредно отражающейся на его достоинствахъ. При всемъ своемъ желаніи дать наиболѣе исчерпывающія свѣдѣнія, Кильбургеръ этого однако не достигъ. Но, если мы примемъ во вниманіе его время, обстановку, при которой онъ работалъ, то ничего удивительнаго въ этомъ не увидимъ; даже за то, что онъ собралъ и написалъ, онъ достоинъ только великой похвалы.

Неполнота же его извѣстій заключается въ ихъ односторонности относительно ввоза и вывоза. Дѣйствительно, мы видимъ у Кильбургера два рода этихъ данныхъ: количество товаровъ болѣе, чѣмъ за 20 лѣтъ тому назадъ, и количество товаровъ за 1671—1673 г.г. включительно. Первый родъ товаровъ есть не что иное, какъ данныя Родеса, который приводитъ ихъ, какъ образчикъ ежегоднаго вывоза изъ Архангельска, но точно не указываетъ, къ какому году онъ ихъ относитъ; этотъ вывозъ, такимъ образомъ, даетъ понятіе только о русскомъ отпускѣ за это время, а иностранный привозъ за это же время не указанъ. Второй же родъ товаровъ, указанный Кильбургеромъ и касающійся 1671—1673 г.г.,

представляетъ собой, наоборотъ, ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію; отпускъ же русскихъ товаровъ за это же время совсѣмъ не приведенъ. Вслѣдствіе этого составить себѣ цѣльное впечатлѣніе на основаніи матеріала Кильбургера—невозможно; также нельзя, по этой же причинѣ, опредѣлить общаго оборота русской торговли и отношенія его къ пошлинному сбору. Иначе дѣло обстоитъ съ цѣнами 1674 г., потому что авторъ даетъ цѣны какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ товаровъ.

Тутъ слѣдуетъ указать на неточность, допущенную Кильбургеромъ въ заглавіи (если оно только написано имъ самимъ), какое онъ далъ своему сочиненію. Согласно этому заглавію (по вольфенбиттельской рукописи), содержаніемъ книги служитъ „краткое извѣстіе о русской коммерціи, какъ именно она производилась въ 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей Московіи...“ Какъ мы видѣли, за 1674 г. авторъ совсѣмъ не даетъ количества привозныхъ товаровъ, но сообщаетъ ихъ за 1671—1673 г.г. включительно; количество же вывозныхъ товаровъ за эти годы, какъ и за 1674 г., не дано; указаны только цѣны за 1674 г. на русскіе и иностранные товары. Съ другой же стороны, мы видѣли. что Кильбургеръ говоритъ о количествѣ и отчасти цѣнахъ русскихъ отпускныхъ товаровъ за 20 слишкомъ лѣтъ до него, т. е. онъ затрагиваетъ торговлю начала 1650-хъ годовъ; самъ же Родесъ, какъ извѣстно, писалъ въ 1653 г.. Отсюда ясно, что Кильбургеръ неправильно озаглавилъ свою работу, а правильнѣе было дать ей заглавіе: „Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какъ она производилась по всей Россіи вывозными и привозными товарами въ третьей четверти XVII вѣка.“

Что же касается термина „краткое“ извѣстіе, оно вполнѣ правильно употреблено Кильбургеромъ, который не только тутъ, но и въ другихъ случаяхъ говоритъ, что даетъ краткія свѣдѣнія по данному вопросу (такъ, въ концѣ предисловія, въ началѣ ч. ч. IV и V). И, дѣйствительно, по сравненію съ тѣмъ, что тогда въ самомъ дѣлѣ представляла собою русская терговля и все касающееся ее, то, конечно, книга Кильбургера, объемомъ всего 100 печатныхъ страницъ нѣмецкаго текста, но, правда, очень сжатаго, краткаго и весьма содержательнаго изложенія, не могла подробно остановиться на своемъ предметѣ; кромѣ того, мы видѣли, ея односторонность. Поэтому къ ней и умѣстно выраженіе автора— „краткое извѣстіе“, и совсѣмъ нельзя думать, что оно не искренне и явилось лишь результатомъ скромности того времени: назвалъ

же Родесъ свое донесеніе о русской торговлѣ „подробнымъ“, хотя оно занимаетъ всего около 30 страницъ! Если же Кильбургеръ считалъ свое извѣстіе о русской торговлѣ „краткимъ“, то это только показываетъ, что авторъ лучше ознакомился съ ней, чѣмъ Родесъ, больше пріобрѣлъ о ней свѣдѣній, увидалъ, какъ она велика, обширна и разнообразна, такъ что онъ счелъ возможнымъ дать лишь краткія извѣстія о ней; не даромъ же онъ называетъ поэтому свое сочиненіе не трактатомъ, а всего „трактатцемъ“.

Книга Кильбургера, при всемъ богатствѣ матеріала и его цѣнности, совершенно не пріобрѣла извѣстности, на какую она въ правѣ могла бы разсчитывать. Сочиненія о Россіи Герберштейна, Олеарія и др. очень хорошо были извѣстны образованнымъ людямъ того времени, ихъ тогда цитировали, упоминали ихъ имена, Кильбургера же—нѣтъ. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного упоминанія или намека на трудъ Кильбургера. Между тѣмъ авторъ его жилъ еще долго послѣ составленія имъ этого сочиненія, болѣе 45 лѣтъ, такъ что могъ позаботиться объ его распространеніи, однако объ этомъ не сохранилось слѣдовъ. Объясняется это тѣмъ, что эта книга захватывала спеціальный вопросъ, была написана по-ученому, дѣловито, безъ художественныхъ прикрасъ и читать ее было не такъ легко и не такъ занимательно, какъ Олеарія и пр.. Она не пришлась по вкусу современниковъ, была имъ не по плечу, такъ что даже не была напечатана, а осталась въ рукописи. Въ XVIII в. она попалась проф. Фромманну, который подарилъ ее нашему исторіографу Миллеру, но тотъ, занятый большею частью сибирской и современной ему исторіей, не счелъ нужнымъ для себя ею воспользоваться, а отдалъ ее за нѣсколько лѣтъ до 1769 г. Антону Бишингу, который впервые ее и напечаталъ въ своемъ историческомъ сборникѣ „Magazin“, выходившемъ въ Гамбургѣ, при чемъ въ краткомъ введеніи къ своему изданію Бишингъ указалъ, что всякія описанія русской торговли слѣдуетъ цѣнить и знакомиться по нимъ съ русскимъ государствомъ.

Но въ этомъ нѣмецкомъ и при томъ заграничномъ изданіи Кильбургеръ не могъ быть извѣстенъ широкой русской публикѣ, и русскіе историки были лишены возможности имъ пользоваться, и только 50 лѣтъ спустя Д. Языковъ, познакомившись съ этимъ сочиненіемъ, задался блестящей мыслью перевести его на русскій

языкъ и тѣмъ сдѣлалъ его общедоступнымъ. Это былъ замѣчательный переводъ, какъ единственный въ своемъ родѣ и открывавшій собой рядъ переводныхъ сочиненій иностранцевъ, касавшихся прямо или косвенно экономическаго состоянія Россіи. Но, къ сожалѣнію, уже при самомъ появленіи этого перевода, число его экземпляровъ было незначительно, и онъ сдѣлался библіографической рѣдкостью, о чемъ уже жалѣлъ въ 1858 г. И. Бабстъ, переводчикъ сочиненія Родеса. Библіографическая рѣдкость перевода Языкова привела къ тому, что лишь немногіе были въ состояніи его использовать [1]). Аделунгъ даже не упоминаетъ о немъ въ своей книгѣ о путешествіяхъ иностранцевъ по Россіи. Только одинъ Н. Костомаровъ въ сильной степени воспользовался переводомъ Языкова въ своемъ „Очеркѣ торговли московскаго государства“, а В. Ключевскій въ въ своей книгѣ „Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ“ совсѣмъ не говоритъ о Кильбургерѣ, даже въ обзорѣ торговли.

Принимая во вниманіе время, когда переводилъ Языковъ, и состояніе исторической науки въ эти годы, нужно признать его переводъ хорошимъ. Онъ изданъ въ 1820 года въ Петербургѣ, небольшой книжечкой, формата in 8⁰. Примѣчаніями онъ почти не снабженъ, а если они есть, то касаются нѣкоторыхъ географическихъ названій. Дѣлая этотъ переводъ по изданію Бишинга, Языковъ не замѣтилъ, что недостаетъ конца, и только когда переводъ уже поступилъ въ продажу, Языкову попалась рѣдкая книга: „Zur Geschichte und Litteratur. Aus den Schätzen der Herzoglichen Bibliothek zu Wolfenbüttel. Fünster Beytrag. Von Gotthold Ephraim Lessing und Johann Joachim Eschenburg. Braunschweig, in Verlage der Fürstl. Waysenhaus-Buchhandlung. 1781“. Въ этой книгѣ Языковъ нашелъ дополненія изъ вольфенбиттельской рукописи къ тексту Бюшинга и не замедлилъ ихъ перевести съ нѣмецкаго на русскій и помѣстить съ примѣчаніями къ нѣкоторымъ географическимъ названіямъ въ „Сѣверномъ Архивѣ, журналѣ исторіи, статистики и путешествій, издаваемомъ Ѳ. Булгаринымъ, части V, СПБ., 1823 г.“, с.с. 169—187.

Неправильностей въ переводѣ Языкова почти нѣтъ; укажемъ только на нѣкоторыя. У Кильбургера въ предисловіи сказано,

---

[1]) Мы пользовались экземплярами перевода Языкова, находящимися въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Московскаго Университета.

что кто хочетъ обмануть русскаго, а не быть имъ обманутымъ, тотъ самъ не долженъ быть глупымъ: „Es heisset hier: pour prendre un renard il faut un renard et demi“. Языковъ перевелъ эту фразу по-русски: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“. Слова Кильбургера однако вовсе не даютъ основаній такъ перевести эту пословицу и заставлять думать, что русскіе употребляли тогда эту пословицу, и что именно ее имѣлъ въ виду Кильбургеръ. Кромѣ того, еще большой вопросъ, къ чему относится „hier“: къ Россіи или Швеціи, гдѣ писалъ Кильбургеръ. Какъ бы тамъ ни было, Языковъ перевелъ ее извѣстной общераспространенной русской пословицей, и ввелъ тѣмъ Костомарова въ заблужденіе, который, пользуясь его переводомъ и думая, что эта русская пословица текстуально записана Кильбургеромъ, высказалъ мысль, что хитрость и обманъ „не казались русскому предосудительными; онъ оправдывалъ себя пословицей: «на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ» (Кильбургеръ, с. 15)—пословицей, которая, какъ видно, была до того въ употребленіи, что даже иностранцы затверживали ее“. (Очеркъ торг. моск. госуд., изд. II, с. 179). Разъ Кильбургеръ приводилъ по-французски пословицу, Языковъ долженъ былъ передать ее на томъ же языкѣ. Въ I части, въ концѣ III главы (Nota) Языковъ переводитъ, что хмеля и меда достаточно добывается въ странѣ, но не въ сѣверныхъ провинціяхъ, по причинѣ большого холода, „но кажется, что привозъ сихъ вещей не убыточенъ, потому что иностранцы иногда привозятъ таковыя моремъ черезъ Архагельскъ“. По смыслу этого перевода слѣдуетъ. что привозъ меда и хмеля въ Архангельскъ не приноситъ убытка, а въ самомъ же дѣлѣ у Кильбургера сказано „...однако кажется, что стоимость провоза не всегда позволяетъ привозить туда эти предметы, такъ какъ иностранцы привозятъ иногда таковые моремъ черезъ Архангельскъ“. Тутъ выходитъ, наоборотъ, что, хотя меда и хмеля довольно добывается въ Москвѣ, но провозъ его въ Архангельскъ убыточенъ, почему иностранцы сами снабжаютъ его этими предметами. Въ той же главѣ, въ статьѣ о бумагѣ Языковъ перевелъ Narren-Kapppapier—хорошо оклеенная бумага, а нужно перевести просто „шутовской колпакъ“, такъ какъ это былъ водяной знакъ на бумагѣ, изображающій шапку шута.

Важнѣе этого однако тѣ неточности, которыя встрѣчаются у Языкова въ цифрахъ, напримѣръ, въ главѣ о персидской тор-

говлѣ (ч. II, гл. II) невѣрно указано число дней для плаванія по Волгѣ, а въ главѣ о водныхъ путяхъ (ч. V, гл. I) у него сказано, что между Цной и Тверью „75 верстъ“, вмѣсто „—шаговъ“ (Schritte); въ росписяхъ Языковъ иногда отбрасываетъ при цифрахъ дроби, которыя показываютъ количество половинокъ суконъ, отчего получаются очень большія ошибки.

Но и это все-таки не такіе серьезные недочеты у Языкова, по сравненію съ тѣми пропусками, которые онъ допускалъ въ своемъ переводѣ. Такъ, онъ совсѣмъ опустилъ (ч. II, гл. I) голландскій прейсъ-курантъ привозныхъ товаровъ конца мая 1674 г., и это произошло потому, что этотъ прейсъ-курантъ трудно перевести, чего, конечно, нельзя было дѣлать, тѣмъ болѣе, что Кильбургеръ, помѣщая послѣ этого голландскаго прейсъ-куранта нѣмецкій, говоритъ: „*Еще* одинъ прейсъ-курантъ...“ Этотъ голландскій прейсъ-курантъ, замѣтимъ кстати, также находится въ вольфенбиттельской рукописи.

Въ главѣ о мѣрахъ сыпучихъ тѣлъ и длины (ч. III, гл. III) Языковъ опустилъ масштабъ мѣръ длины, на которомъ нанесены дѣленія, упоминаемыя тутъ же въ текстѣ этой главы, при чемъ Кильбургеръ пишетъ: „какъ показываетъ приложенная четверть“ (Quartier, размѣръ). Естественно, что данныя этой главы о мѣрахъ длины въ переводѣ Языкова въ такомъ видѣ могли только привести читателя въ полное недоумѣніе.

Также въ главѣ о мѣдныхъ рудникахъ (ч. IV, гл. IV), Языковъ не помѣстилъ ея конца, труднаго для перевода и непонятнаго по смыслу.

Въ главѣ о киркахъ (ч. IV, гл. XVIII) онъ, упомянувъ о ручьѣ Кукуѣ, пропустилъ слова: „откуда происходитъ извѣстная по всей Россіи, но презрительная для иностранцевъ, поговорка— Tschisna Kukui“. Несомнѣнно, что онъ не понялъ значенія этой фразы и поэтому предпочелъ не переводить ея.

Но наиболѣе странный пропускъ мы видимъ въ томъ дополненіи къ своему переводу, которое Языковъ напечаталъ 2 года спустя въ „Сѣверномъ Архивѣ“. Именно тутъ, въ главѣ о дорогахъ отъ Москвы до Тобольска, а оттуда до Пекина (ч. V, гл. IV), Языковъ не помѣстилъ извлеченія ((Extract) изъ сочиненія Байкова, которое составилъ самъ Кильбургеръ, чтобы показать путь отъ Тобольска до Пекина. Чѣмъ руководствовался при

этомъ переводчикъ, трудно сказать. Можемъ только догадываться, что онъ не замѣтилъ, что этотъ Extract относится къ сочиненію Кильбургера, тѣмъ болѣе, что онъ помѣщенъ въ вышеупомянутой книгѣ: „Zur Geschichte und Litteratur" съ новой страницы и озаглавленъ крупными буквами, такъ что первое впечатлѣніе получается, что это не относится къ предыдущей главѣ, а есть начало совсѣмъ другого самостоятельнаго произведенія. Если же Языковъ сознательно опустилъ эту главу, это еще болѣе усугубляетъ его вину, потому что глава IV ясно озаглавлена, что тутъ указана дорога до самаго Пекина, а въ переводѣ Языкова, помѣщенномъ въ „Сѣверномъ Архивѣ", читатель, прочитавъ такое оглавленіе, находитъ къ своему немалому удивленію и недоумѣнію указаніе на дорогу только до Тобольска, гдѣ подведенъ итогъ, и кончается вся замѣтка.

Дѣлая такіе серьезные пропуски, Языковъ, что непріятнѣе всего, совершенно не оговаривается и ни однимъ словомъ не обмолвивается насчетъ этого.

Печатный нѣмецкій оригиналъ сочиненія Кильбургера состоитъ изъ 2 изданій: Бишинга и дополненій къ нему Шмидта. Объ изданіи Бишинга уже была рѣчь выше, здѣсь же нѣсколько остановимся на дополненіяхъ къ нему въ книгѣ: „Zur Geschichte und Litteratur". Въ этой книгѣ (S. 157—182) Dr. Eristoph Schmidt (прозванный Phiseldek) разсказываетъ, что среди манускриптовъ вольфенбиттельской библіотеки ему попалась рукопись Кильбургера, которую онъ свѣрилъ съ изданіемъ Бишинга и нашелъ, что „она съ нимъ согласна, кромѣ незначительныхъ варіантовъ въ текстѣ, въ титулѣ и одного мѣста", именно въ V части, гдѣ были III и IV главы, въ то время какъ у Бишинга всего только двѣ первыя: I и II. Шмидтъ и напечаталъ эти дополнительныя двѣ главы: III и IV. При этомъ онъ говоритъ, что эти главы, несомнѣнно, принадлежатъ самому Кильбургеру, потому что вся рукопись, начиная съ заглавія до самаго конца, написана однимъ почеркомъ. Мы же, со своей стороны, отмѣтимъ, что эта рукопись, дѣйствительно, написана одной рукой и кончается словами: „...hauptstadt in welcher Baikoff woywode oder Gouverneur war", а дальше идутъ чистые листы. Этими же словами оканчиваются и дополненія, изданныя Шмидтомъ, такъ что онъ, значитъ, напечаталъ ихъ до конца, при чемъ онъ, какъ говоритъ самъ, передалъ „упомянутыя

двѣ главы такъ точно, какъ онѣ находились въ рукописи, не измѣняя ничего ни въ правописаніи ни въ выраженіи". Шмидтъ только снабдилъ ихъ примѣчаніями, которыя онъ взялъ, какъ указываетъ, изъ IV т., VI отдѣла „Sammlung Russischer Geschichte". Дѣйствительно, Г. Миллеръ въ своемъ сочиненіи — „Sammlung Russischer Geschichte. Des vierten Bandes, sechstes Stück. St. Petersburg, bei der kayserl. Academie der Wissenschaften, 1760" помѣстилъ статью: „Von den ersten Reisen, die Russen nach China geschehen sind", S. 473 — 534, гдѣ онъ весьма подробно останавливается на описаніи посольства Байкова, дѣлая для этого обширныя извлеченія изъ французскаго описанія этого путешествія; тутъ же Миллеръ подвергаетъ ихъ критическому анализу. (Эта же статья, но уже по-русски, была помѣщена въ журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія", за іюль 1755 г., с.с. 15—57).

Теперь намъ осталось сказать только о нашемъ переводѣ. Причины, вызвавшія его, понятны: библіографическая рѣдкость перевода Языкова и его неполнота, а также рѣдкость нѣмецкаго текста, помѣщеннаго въ „Magazin" Бишинга, и его дополненія въ „Zur Geschichte und Litteratur, и, наконецъ, богатство матеріала, даваемаго Кильбургеромъ, и его несомнѣнная цѣнность,—все это побудило насъ выпустить 95 лѣтъ спустя послѣ перваго перевода Кильбургера второй русскій переводъ. Нашъ переводъ сдѣланъ по вышеупомянутому изданію Бишинга и Шмидта.

Бишингъ въ своемъ изданіи при текстѣ помѣстилъ въ разныхъ его мѣстахъ до десяти лаконическихъ и незначительныхъ примѣчаній, которыя главнымъ образомъ сравниваютъ сообщенія Кильбургера съ временемъ Бишинга, т. е. эпохой Екатерины II, напримѣръ, авторъ пишетъ, что товары идутъ большею частью черезъ Архангельскъ, а Бишингъ къ этому дѣлаетъ ссылку: „Теперь больше всего черезъ С.-Петербургъ" и т. п. Конечно, при своемъ переводѣ мы всѣхъ этихъ примѣчаній, какъ лишнихъ и не принадлежащихъ самому источнику, не приводимъ. Также мы не приводимъ и примѣчаній Шмидта, которыми онъ объяснялъ изданныя имъ двѣ послѣднія главы V части и которыя главнымъ образомъ касаются путешествія Байкова и почти цѣликомъ взяты у Миллера, такъ что можно непосредственно съ ними ознакомиться по сочиненіямъ Миллера; они, хотя и интересны и цѣнны, но мы ихъ опустили, потому что они написаны не Кильбургеромъ.

Переводъ Языкова вольный, мы же поставили своей задачей, какъ можно ближе передавать мысли знаменитаго шведа и сохранить характеръ подлинника.

Тѣ сокращенія, которыя дѣлалъ авторъ, мы тоже передавали сокращенно, напр., Spf.=шиф. (шиффунтъ), Кар.=гл. (глава), Rthl.=рст. (рейхсталеръ), gen=овинокъ (сокращенное, вмѣсто Halb-gen=пол-овинокъ) и т. д.. Числа нами переданы въ такомъ же видѣ, какъ и въ подлинникѣ, такъ, напримѣръ, аптека приноситъ доходу отъ 27 до 28.000 рублей (правильнѣе было бы написать: отъ 27.000 до 28.000 или отъ 27 тыс. до 28 тыс.), дровъ на рудникахъ выходитъ отъ 5 до 600 саженей (т. е. отъ 500 до 600 саж.) и т. п..

Но, придерживаясь вездѣ какъ можно ближе подлинника, мы все-таки принуждены были разбить нѣкоторыя главы (такъ, гл. о рудникахъ, иностр. монетахъ и др.) для большей ясности красными строками на соотвѣтствующія части, чтобы легче было понять ихъ содержаніе; въ подлинникѣ же почти всѣ главы напечатаны сплошнымъ, безъ красныхъ строкъ, текстомъ, что сильно мѣшаетъ ихъ отчетливому и быстрому пониманію.

Тѣ слова, которыя не находятся въ сочиненіи Кильбургера, но которыя при переводѣ на русскій языкъ нужно было вставить для ясности текста, мы напечатали курсивомъ и заключили ихъ въ скобки, какъ не принадлежащія оригиналу.

Не желая затруднять читателя непріятнымъ нарушеніемъ теченія его мыслей, нами помѣщены послѣ текста Кильбургера „Примѣчанія лингвистическія къ русскому переводу сочиненія Кильбургера“, гдѣ приведены въ нѣмецкомъ написаніи собственныя и другія названія, встрѣчающіяся у автора, а также всѣ сомнительныя мѣста, попадающіяся у него и наводящія на нѣкотораго рода размышленія; въ цѣляхъ наивозможной точности нами приведены въ „Примѣчаніяхъ“ даже такія слова, которыя не вызываютъ сомнѣній при опредѣленіи общаго понятія, но которымъ можно дать при переводѣ разное обозначеніе для второстепенныхъ частей общаго понятія.

Вслѣдъ за „Примѣчаніями“ нами даны „Объясненія и дополненія къ русскому переводу сочиненія Кильбургера“ съ общими указаніями на его соотвѣтствующія главы.

Помѣстивъ свои „Примѣчанія лингвистическія“ и „Объясненія и дополненія“ отдѣльно отъ трактата Кильбургера, мы толь-

ко въ его V части отступили отъ этого плана, потому что въ упомянутой части вслѣдствіе ея географическаго характера удобнѣе было привести всѣ названія по нѣмецкому написанію въ самомъ текстѣ въ скобкахъ или въ концѣ страницы въ примѣчаніяхъ и также дать необходимыя объясненія и дополненія тутъ же въ сноскахъ.

КРАТКОЕ ИЗВѢСТІЕ

— О —

РУССКОЙ ТОРГОВЛѢ,

как она производилась въ 1674 г. вывозными
и привозными товарами

по всей Россіи.

СОЧИНЕНО

Іоганномъ Филиппомъ КИЛЬБУРГЕРОМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подобно тому, какъ Богъ не надѣляетъ одного человѣка всѣми благами, такъ онъ не снабдилъ также ни одной страны всѣми предметами, нужными для жизни людей. Поэтому и ни одна страна не можетъ обходиться безъ купечества, чтобы товары, которыми она *(преимущественно)* передъ другими странами одарена и которые ей самой не всѣ нужны, могли быть развозимы въ другія мѣста, а ей, напротивъ, привозимы такія вещи, въ которыхъ она терпитъ нужду. Тѣмъ болѣе ни одна страна не можетъ существовать безъ торговли, что посредствомъ нея получаются деньги, и нужно стремиться къ благосостоянію правителей и подданныхъ, и до этого сумѣли додуматься нѣкоторые города, а именно Любекъ и Антверпенъ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ, затѣмъ въ прошломъ столѣтіи—Амстердамъ и Гамбургъ, но теперь почти весь свѣтъ это понимаетъ и можетъ сознавать. Почти, говорю я, потому что мнѣ кажется, что Господь Богъ по неисповѣднымъ причинамъ еще затмеваетъ теперь эту мысль русскому народу и не хочетъ пока имъ указать и дать понять тѣхъ выгодъ, что ихъ страна передъ всѣми другими во всей вселенной одарена удобствомъ для устройства и процвѣтанія коммерціи.

Во-первыхъ, развѣ есть ли гдѣ страна, которую Богъ такъ расположилъ между всѣми морями свѣта, какъ Россію? Она имѣетъ свои торговые города, извѣстный Архангельскъ при Сѣверномъ морѣ и пространномъ океанѣ. На Каспійскомъ морѣ имѣетъ она превосходную морскую гавань, знаменитый городъ Астрахань. Черное море находится недалеко отъ кіевской области, теперь завоеванной, а Восточное море лежитъ у нихъ также у порога.

Во-вторыхъ, гдѣ есть еще страна, которую Богъ прорѣзалъ вдоль и поперекъ столь многочисленными прекрасными рѣчками и

рѣками[1]), какъ Россію? Надо только назвать длинную и богатую рыбой Волгу, Донъ, благородную Сухону и Сѣверную Двину, большую рѣку Обь, Днѣпръ, Западную Двину[2]), Оку, Мезень, Югу, Вагу, Тоболь, Иртышъ и многія другія, которыя всѣ судоходны.

Въ-третьихъ, есть ли также хотя еще одна нація, которая удобнѣе и съ меньшей опасностью и издержками торгуетъ изъ первыхъ рукъ со столь многими народами во всемъ свѣтѣ, какъ дѣлаетъ Россія и можетъ дѣлать? Ибо, сверхъ того, что голландцы, англичане, французы, испанцы, норвежцы, гамбургцы, бременцы и любечане приходятъ въ Архангельскъ на своихъ корабляхъ, Россія имѣетъ еще свою торговлю и обмѣнъ товаровъ съ азіатскими народами: калмыками, бухарцами, монголами, китайцами, индійцами, персами, дагестанцами, черкассами, крымцами, турками, греками, армянами и со всѣми живущими почти на всемъ востокѣ, какъ и еще съ поляками, литовцами и шведами.

Въ-четвертыхъ, сама Россія также имѣетъ у себя много хорошихъ товаровъ, посредствомъ которыхъ торговля тѣмъ гораздо лучше можетъ быть привлекательной и приводимой въ процвѣтаніе, какъ будетъ явствовать изъ продолженія этого трактатца.

Въ-пятыхъ, она имѣетъ ту большую выгоду, что только ея жители отъ самаго знатнаго и до самаго простого любятъ купечество, что и есть причиной того, что въ городѣ Москвѣ попадается больше торговыхъ лавокъ, чѣмъ въ Астердамѣ или хотя бы въ иномъ цѣломъ княжествѣ. Но здѣсь не отрицается, что эти лавки маленькія и иногда плохой важности, но хочется только доказать, что русскіе любятъ торговлю; сравнивать же *(русскія лавки съ амстердамскими)* совсѣмъ нельзя, потому что иначе надо согласиться, что, можетъ быть, изъ одной амстердамской лавки можно сдѣлать десять и болѣе московскихъ.

Въ-шестыхъ, къ этому еще нужно прибавить, что русскіе не только въ ѣдѣ, питьѣ и одеждѣ могутъ жить бережливѣе и хуже другихъ европейскихъ націй, но и что они ради малой прибыли готовы прилагать большое стараніе и неутомимы въ принятіи на себя далекихъ и трудныхъ путешествій.

И, наконецъ, въ-седьмыхъ, ничего нѣтъ такого незначительнаго и плохого, чего бы русскій не сумѣлъ обратить въ деньги и пользу, какъ это достаточно доказываетъ рынокъ тряпокъ и живодеровъ[3]) въ Москвѣ.

Но, несмотря на всѣ эти выгоды, нельзя однако сказать, что Россія процвѣтаетъ въ торговлѣ и мануфактурѣ, или что русскіе еще теперь получаютъ десятую часть пользы, которую они могли бы, по мнѣнію здраваго смысла, извлечь изъ торговли, потому что или Господь Богъ еще не хочетъ показать имъ превосходства ихъ земли, или (что скорѣе можно думать) они сами не хотятъ этого видѣть. Торговлю можно сравнить съ маленькой птицей въ рукѣ человѣка: если ее сжимаютъ слишкомъ крѣпко, она должна умереть, но если предоставить ее слишкомъ много своей волѣ, она улетаетъ, и хозяинъ опять имѣетъ убытокъ. Въ этомъ послѣднемъ русскіе еще никогда не погрѣшали, но въ томъ первомъ случаѣ слишкомъ погрѣшаютъ. Они притѣсняютъ и препятствуютъ торговлѣ различнымъ образомъ, потому что они учредили много царскихъ монополій и довѣряютъ плохо поставленной и вредной интересамъ государства коммерцъ-коллегіи, а именно тѣмъ корыстолюбивымъ „гостямъ", о которыхъ должна толковать часть IV, глава III. Также наложили на иностранцевъ тяжелыя пошлины и ограничили торговлю тяжелыми условіями и ограниченіями. Сами не строятъ кораблей, хотя Ихъ Царское Величество имѣетъ всѣ матеріалы въ своемъ собственномъ государствѣ. Не поддерживаютъ достаточно дорогъ въ столь болотистой странѣ, также не стараются очищать меньшихъ рѣкъ, потоковъ [4]) и дѣлать ихъ удобными для торговли. Иностранныхъ художниковъ [5]) запугиваютъ прибывать въ страну, потому что удерживаютъ ихъ силой у себя, а подданнымъ не позволяютъ выѣзжать и учиться у другихъ. Заставляютъ купцовъ платить на почтѣ большую плату за письма, какъ это можно видѣть въ части III, главѣ VII. Людямъ, которые умѣютъ устроить мануфактуры, не помогаютъ средствами, и еще есть много подобныхъ вещей, которыя препятствуютъ и задерживаютъ торговлю и обмѣнъ. Къ этому нужно присовокупить, что русскіе купцы по большей части отъ природы такъ ловко въ торговлѣ пріучены къ всякимъ выгодамъ, скверным хитростямъ и проказамъ, что и умнѣйшіе заграничные торговцы часто бываютъ ими обманываемы. Кто, напротивъ того, хочетъ обмануть русскаго, тотъ долженъ самъ пріѣхать и не быть глупымъ. Здѣсь говорится: „pour prendre un renard il faut un renard et demi". Русскіе охотно мѣняются своими товарами, и нѣмецкіе купцы, жившіе уже долго въ Москвѣ, не могли еще никогда дойти такъ далеко, потому что русскій тотъ товаръ, который онъ пріобрѣлъ на

архангельской ярмаркѣ, тотчасъ опять имъ можетъ продать съ прибылью на наличныя деньги. Напримѣръ, часто случается, что нѣмцы камку, атласъ, стриженный бархатъ и подобное мѣняютъ у русскихъ на соболя, юфть, пеньку поташъ и другіе товары, и русскій тогда эти же заграничные товары тотчасъ такъ дешево продастъ опять нѣмцамъ, что ихъ можно посылать безъ убытка опять въ Гамбургъ и Амстердамъ. И сами нѣмцы съ удивленіемъ разсказываютъ въ Москвѣ о почти невѣроятныхъ вещахъ подобнаго рода.

Но, чтобы я не слишкомъ далеко зашелъ съ этими предварительными указаніями, позвольте мнѣ прекратить ихъ и приступить къ самому сочиненію, гдѣ я намѣренъ изложить вкратцѣ, какъ и какимъ образомъ производится теперь коммерція по всему русскому государству. При этомъ, насколько возможно, вмѣстѣ съ цѣнами можно будетъ видѣть количество и качество всѣхъ товаровъ, вывозимыхъ и привозимыхъ по Сѣверному и Восточному морямъ. Равнымъ образомъ здѣсь будетъ еще представлено сообщеніе о нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, какъ показываетъ послѣдующее содержаніе главъ, и насколько мнѣ это позволяетъ краткость времени, которое я былъ въ Москвѣ, какъ и мое занятіе, которое далеко отъ торговли [6]).

СОДЕРЖАНІЕ

послѣдующихъ частей и главъ.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ.

Примѣчаніе. Такъ какъ въ каждой странѣ торговля состоитъ изъ двухъ видовъ, а именно изъ туземныхъ и иностранныхъ, или привозныхъ товаровъ, то и должно быть о каждой части особое описаніе.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

О туземныхъ, или вывозныхъ товарахъ.

Туземные товары въ Россіи троякаго рода:

1) которые страна имѣетъ въ такомъ изобиліи, что снабжаетъ ими другія государства;

2) которыхъ имѣетъ не болѣе, чѣмъ самой потребно, и

3) которыхъ она сама не имѣетъ въ достаточномъ количествѣ, но должна покупать у другихъ націй [12]).

ГЛАВА I.

О товарахъ, которые Россія имѣетъ въ такомъ изобиліи, что снабжаетъ ими другія государства.

Тѣ товары, которые Россія отпускаетъ другимъ государствамъ и странамъ, идутъ меньшею частью къ восточнымъ народамъ, а большею частью черезъ Архангельскъ; нѣкоторые также идутъ еще черезъ Ніенъ, Нарву, Ревель и Ригу, черезъ Восточное море, и они же попадаютъ въ сосѣднія два княжества Псковъ и Новгородъ и на рѣку Западную Двину, хотя немного идетъ туда и черезъ Москву [13]). Сами русскіе кое-что привозятъ на своихъ лодьяхъ [14]) изъ Ладожскаго озера въ шведскіе города.

Вывозные товары главнымъ образомъ слѣдующіе:

I. „**Кавіаръ**“. Caviaro—итальянское слово; русскіе называютъ его „икра“, и изготовляется изъ икры осетровъ и бѣлугъ, которые ловятся на Волгѣ и въ большомъ количествѣ около Астрахани. Русскіе имѣютъ обыкновеніе также ее называть „черной икрой“, для различія отъ желтой, которая въ разныхъ мѣстахъ дѣлается изъ „щукъ“ [15]) и другихъ обыкновенныхъ рыбъ

и употребляется, вмѣсто черной, людьми низшаго состоянія. Она двоякаго рода: прессованная и непрессованная, и такъ какъ ее приготовляютъ главнымъ образомъ въ трехъ мѣстахъ, то и поэтому называется—астраханской, казанской и яицкой.

Прессованная, или паюсная, икра есть собственность царской торговли, и никакому частному лицу не дозволяется ею торговать ни въ малѣйшей степени. Ея добывается ежегодно около 300 бочекъ, считая каждую отъ 40 до 50 пудовъ, и возится „гостями" на царскомъ собственномъ суднѣ вверхъ по Волгѣ къ Нижнему Новгороду и при высокой водѣ (такъ какъ въ иномъ случаѣ нужно въ Нижнемъ переносить на маленькія суда) немедленно далѣе къ знаменитому городу Ярославлю, отъ котораго она везется 46 миль по сушѣ къ Вологдѣ [16]), а затѣмъ внизъ къ Архангельску водой по Верхней и Нижней Сухонѣ и рѣкѣ Сѣверной Двинѣ. Тамъ Филиппъ Ферпоортенъ [17]) (живущій въ Гамбургѣ и заключившій съ царемъ контрактъ на десять лѣтъ на эту торговлю) поручаетъ ее принять своему фактору Яну Ферпуису [18]), который живетъ въ Москвѣ, и платитъ за каждый пудъ 3 рстл., такъ что этотъ прессованный кавіаръ приноситъ царю ежегодно почти 40.000 рстл.. Отъ Архангельска онъ идетъ потомъ на корабляхъ въ Италію и Ливорно. Арендѣ прошло теперь 6 лѣтъ, а еще осталось 4 года. Но иногда случается, что этотъ кавіаръ не всегда хорошо соленъ и прессованъ, и скоро начинаетъ портиться. Чтобы же великій князь при этомъ могъ быть безъ убытка, икра навязывается по 1 рублю за 10 пудовъ купцамъ, которые должны сами заботиться, какъ бы они могли ее въ свою очередь сбыть. Особенно она покупается въ постъ людьми низшаго состоянія. Они смѣшиваютъ ее съ большимъ количествомъ перца, наливаютъ уксуса, а иногда при этомъ и орѣховаго или коноплянаго масла и въ такомъ видѣ ее ѣдятъ. Прессованная по армянскому способу, она, говорятъ, недурное кушанье, особенно когда, вмѣсто уксуса, выжать на нее лимоннаго сока, она возбуждаетъ аппетитъ къ ѣдѣ и раздражаетъ натуру.

Что касается непрессованной икры, то она въ изобиліи возится въ зимнее время на саняхъ въ Москву и въ разныя мѣста по всей странѣ. Какъ скоро приходитъ лѣто, они сохраняютъ ее въ своихъ ледникахъ и пользуются ею такъ въ теченіе всего года. Въ февралѣ этого года фунтъ въ Москвѣ продавался отъ 2³/₄ до 4 копеекъ, и всякій можетъ ею торговать. Для ѣды они хорошо

ее перемѣшиваютъ съ перцемъ и мелко нарѣзаннымъ лукомъ, а не иначе.

II. **Семга**. Въ Россіи къ сѣверу есть нѣсколько ловлей семги, изъ которыхъ рыба вывозится черезъ море; такъ, на рѣкѣ у Колы—у лапландской границы, на Сѣверной Двинѣ выше Архангельска и еще до 60 верстъ выше Холмогоръ и на рѣкѣ Мезени, которая протекаетъ черезъ провинцію Кондора и также вливается въ Бѣлое море.

Въ Колѣ ежегодно ловится болѣе 200 ластовъ семги, и *(эта ловля)* принадлежала лежащему на Бѣломъ морѣ и теперь нѣсколько лѣтъ блокируемому монастырю Соловки. Ловля эта всегда отдавалась на откупъ надежнымъ людямъ. До этого ее держалъ 10 лѣтъ Филиппъ Ферпоортенъ, но при этомъ ничего не выручилъ. Теперь имѣетъ ее Генрихъ Буденантъ, купецъ въ Гамбургѣ, и его родственникъ Іеронимъ Фрадель[19]), голландецъ, живущій въ Ярославлѣ, и говорятъ, что они также имѣютъ при этомъ плохую прибыль. За каждую рыбу они платятъ 12 копеекъ, но такъ, что двѣ маленькія считаются за одну большую. Рыба ловится русскими, и къ этому же времени приходятъ туда изъ Голландіи два корабля, которые сами принимаютъ ее и солятъ.

Треска также здѣсь ловится и солится, но никому не отдается на откупъ, а каждому она доступна. Нѣсколько наполненныхъ ею судовъ привозятъ къ Архангельску и тамъ продаютъ ее на вѣсъ.

Въ этой странѣ находятся также довольно большія жемчужины, даже такія, пара которыхъ продается за 20 рублей. Но онѣ обыкновенно приближаются къ блѣднокраснымъ.

Что касается двухъ другихъ рѣкъ, то нельзя было въ точности узнать, какъ много семги тамъ ловится, потому что она не арендуется. Тамошніе жители занимаются этимъ и большею частью продаютъ ее въ Архангельскъ. Въ эти двѣ рѣки семга идетъ не прежде августа мѣсяца, когда она уже опять пошла отъ Колы. Въ 1673 году продавался пудъ свѣжей семги въ Архангельскѣ по низкой цѣнѣ—50 копеекъ, а сто́итъ иногда отъ 70 до 80 копеекъ.

III. **Мѣха** добываются во всѣхъ мѣстахъ по цѣлому государству, но больше всего и наилучшіе въ Сибири, и суть:

1. **Соболи.** Они не только идутъ въ европейскія государства и страны, но также много простыхъ покупается китайцами, а греками—лучшіе соболи, которыхъ отъ 10 и приблизительно до

100 рублей за сорокъ можно въ теперешнее время встрѣтить въ достаточномъ количествѣ не только въ царской казнѣ, но и повсюду въ разныхъ мѣстахъ, но затѣмъ, чѣмъ выше въ цѣнѣ, тѣмъ рѣже, а соболи отъ 400 до 7, 800, даже 1.000 рублей рѣдко встрѣчаются. Мнѣ говорили за достовѣрное, что кто-то нѣсколько лѣтъ тому назадъ продавалъ въ Москвѣ одну пару за 100 рублей. Смотри далѣе ниже IV часть, VI главу. Собольи хвосты лучшаго сорта стóятъ въ Москвѣ штука отъ 25 до 30 копеекъ, но ихъ не всегда можно найти, а другіе, отъ 6 и приблизительно до 1[illegible] копеекъ, всегда встрѣчаются. Собольи брюшки продаются по сорокамъ или также сшитыми мѣхами, и тогда стóитъ одинъ отъ 16 до 26 и болѣе рублей. Собольи опушки продаются парами, пара обыкновенно должна имѣть отъ 18 до 20 хвостовъ, и тогда наилучшія стóятъ 5, $5^1/_2$ и до 6 рублей. Собольи лапы и душки сшиваются въ мѣха и обыкновенно бываютъ крѣпкими. Здѣсь нужно замѣтить, что только наихудшіе соболи продаются съ брюшками, и что у простыхъ обыкновенно отрѣзываются хвосты и переднія лапы. Въ Москвѣ соболей сохраняютъ въ мѣшкѣ изъ синей холстины, который открывается сверху и снизу, и чѣмъ тѣснѣе мѣшокъ, тѣмъ лучше для соболей.

2. **Куницы**. Куницы бываютъ двухъ родовъ: лѣсныя куницы и каменныя куницы. Лѣсныя куницы имѣютъ въ свою очередь разныя названія по мѣстностямъ и странамъ, въ которыхъ онѣ ловятся; башкирскія—наилучшія и идутъ больше всего изъ царства Казани. Каменныхъ куницъ въ Москвѣ я почти не видалъ или немного. Куньи хвосты, лапы и душки не встрѣчаются въ такомъ множествѣ, какъ собольи, однако хвосты есть одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ товаровъ.

3. **Горностаи** бываютъ различные, но сибирскіе—наилучшіе и ихъ больше не найти въ Москвѣ, а покупаются китайцами въ городѣ Тобольскѣ и отвозятся оттуда въ восточныя страны. Всѣ они продаются сороками и обыкновенно невыдѣланными. Тогда они такъ выворачиваются, чтобы мѣхъ былъ обращенъ внутрь. Русскіе умѣютъ распознавать ихъ по хвосту и также могутъ прямо снаружи по кожѣ ощупать, хорошій и густой ли внутри волосъ. Но другіе прорѣзываютъ брюшко нѣсколько вдоль. Въ Москвѣ можно теперь встрѣтить всякіе сорта (исключая сибирскихъ), и выдѣланный сорокъ стóитъ тамъ 20 копеекъ [20]).

4. **Бѣлка** имѣетъ разныя названія по провинціямъ и мѣстностямъ, гдѣ она добывается, но сибирская—наилучшая, а за ней казанская, затѣмъ мезенская, а московская довольно плохая, красная, тонкая и короткошерстая. Всякая бѣлка продается по 1.000, и въ одной связкѣ находится 20 штукъ и тоже выворочены внутрь такъ, какъ и горностаи. Подобно тому, какъ русскіе узнаютъ доброту горностаевъ по хвосту, такъ они судятъ о бѣлкѣ спереди по головѣ прямо надъ носомъ. Сибирская теперь находится въ Москвѣ не въ такомъ количествѣ, какъ раньше, потому что въ настоящее время она скупается китайцами въ Тобольскѣ и отвозится въ Татарію. Цѣна ея колеблется между 23 и 30 рублями за 1.000. Бѣличьи брюшки сшиваются въ мѣха, и можно подобный мѣхъ имѣть въ достаточномъ числѣ отъ 80 до 90 копеекъ. Летучая бѣлка иначе называется королевой бѣлокъ и имѣетъ, вмѣсто переднихъ лапъ, два маленькихъ крыла, или скорѣе лоскутка, какъ у летучихъ мышей, а хвостъ, какъ у молодой кошки. Кожа тонкая, какъ бумага, и совершенно ни къ чему не годится. Русскіе гладятъ ею скверные и красные глаза [21]).

5. **Норки** [22]). Этотъ товаръ—ходкій предметъ торговли; они продаются сороками и не требуются въ Россіи, но всѣ посылаются моремъ въ Гамбургъ, откуда развозятся по всей Германіи и потребляются на женскія шапки. Въ каждомъ сорокѣ—отъ 12 до 15 штукъ, перемѣшанныхъ съ гладкими или совсѣмъ короткошерстыми [23]).

6. **Рыси**. Рыси—троякаго рода, какъ-то: кошки, волкъ и телята-рыси [24]). Кошки-рыси есть наилучшія, но телята-рыси—наибольшія. Они добываются въ разныхъ мѣстахъ Россіи и большею частью скупаются поляками.

7. **Лисицы** въ Россіи дороже, чѣмъ въ нашей странѣ, и называются сибирскими, уфимскими, русскими и тому подобными по мѣстностямъ, гдѣ онѣ ловятся. Ежегодно доставляются французскія лисицы черезъ Архангельскъ и Лифляндію въ Москву; смотри III главу этой части, № VII. За черныя лисицы въ Москвѣ платится дороже, и мнѣ говорили, что недавно тамъ была продана одна за 60 рублей. Черныя лисьи лапы, когда онѣ сдѣланы мѣхомъ, стóитъ большой отъ 20 до 36 рублей; но часть, которая идетъ по спинѣ, обыкновенно красноватая. Бѣлыя лисицы, встрѣчаются въ умѣренномъ количествѣ, штука стóитъ отъ 25 до

30 копеекъ, а хвосты большею частью отрѣзываются. Каменныя лисицы, хотя не такъ дороги, но немного встрѣчаются.

8. **Россомаха**. Ихъ можно было теперь получить, какъ въ царской казнѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и лапы обыкновенно отрѣзываются; цѣна была отъ 90 до 150 копеекъ, а также еще выше.

9. **Волки**. Сибирскіе—съ длинными и мягкими волосами. Одинъ, очень хорошій, въ настоящее время стóитъ 90 копеекъ, а также и 1 рубль. Другихъ, которые добываются въ странѣ, можно было имѣть за 80 копеекъ. Черные волки иногда привозятся изъ Сибири и продаются за 4, а также и болѣе рублей. Но ихъ можно встрѣтить не иначе, какъ по одиночкѣ, и то рѣдко.

10. Черныя **медвѣжьи шкуры** встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ по всей странѣ по разнымъ цѣнамъ, до $2^1/_2$ и 3 рублей. Бѣлые медвѣди также имѣются, но ихъ обыкновенно нужно искать черезъ маклеровъ. Молодые медвѣди встрѣчаются зимой, но не легко лѣтомъ, и при этомъ должны ихъ собирать отдѣльно то тутъ, то тамъ. Тѣ, которые обыкновенно служатъ для покрывалъ, стóятъ отъ 60 до 120 копеекъ, по поменьше—отъ 12 до 40 и 50 копеекъ. Русскіе сами очень много ихъ употребляютъ и подбиваютъ ими перчатки.

11. **Кошки**. Въ Москвѣ имѣются большія дикія кошки; штука—отъ 30 до 36 копеекъ, а мѣхъ домашнихъ кошекъ имѣется въ массѣ отъ 80 до 120 копеекъ.

12. **Зайцы**. Заячьи мѣха дѣлаются очень большими и находятся повсюду въ изобиліи; мѣхъ изъ бѣлыхъ зайцевъ стóитъ отъ 50 до 65 копеекъ. Подобный мѣхъ изъ лапъ отъ 1 рубля до 110 копеекъ.

13. **„Руссаки“**. Русскіе имѣютъ еще одинъ особый видъ зайцевъ, которые ловятся на большихъ необитаемыхъ поляхъ около Крымской Татаріи и называются „руссаками“. Они хотя свѣтло-сѣрые, но не имѣютъ сходства съ обыкновенными зайцами. Мѣха, дѣлаемые изъ нихъ, велики, продаются отъ 1 рубля до 120 копеекъ.

14. **„Перевозчики“**, или богемскія полевыя мыши. Эти звѣрьки величиной съ большую крысу, коротковолосые и совершенно пестрые, желтаго, чернаго и бѣлаго цвѣта. Они сшиваются мѣхами и тогда продаются отъ $2^3/_4$ до 3 рублей.

15. **„Выхухоли“**, или Bisam-Ratten, имѣютъ гадкіе, длинные, толстые хвосты, держатся въ водѣ и часто ловятся около Москвы; штука стóитъ отъ 2 до 3 копеекъ. Но они у нихъ ни для чего не употребляются, какъ только для запаха, отчего ихъ и кладутъ къ одеждамъ.

16. **Барсуки**. Я видѣлъ многократно на мѣховомъ рынкѣ много барсучьихъ кожъ, и онѣ большею частью употребляются для обтягиванія сундуковъ и хомутовъ.

17. **Шкуры и рога сѣверныхъ оленей** бываютъ въ Москвѣ въ продажѣ, но совершенно нѣтъ лапландской одежды, какъ въ Швеціи. Изъ роговъ дѣлается рукоятка къ кнутовищамъ.

18. **„Кабардинъ“**, лат. Capra Indica,—звѣрь, изъ котораго получается мускусъ и кабардинъ; ловится въ странѣ калмыковъ, большой, какъ серна, довольно похожъ на нее и шерстью и видомъ, однако исключая головы, потому что изъ передней части рта выступаютъ два большихъ кривыхъ зуба, а въ прочемъ вся голова сильно похожа на собаку или волка. Съ нѣкотораго времени сибирскіе купцы каждую зиму привозятъ въ Москву нѣсколько цѣлыхъ, съ головой и ногами шкуръ, которыя имѣютъ въ пупѣ свой мускусъ; тамъ *(въ Москвѣ)* онѣ покупаются иностранцами отъ $1^1/_2$ до 4 рублей и отсылаются, какъ рѣдкость. Мѣхъ ни къ чему не годится. Смотри № XXVII въ этой главѣ.

NB. Бобры, выдры и хорьки принадлежатъ къ товарамъ, которыхъ сама Россія не имѣетъ въ достаточномъ количествѣ, и они поэтому пока оставлены до III главы этой части.

Это, слѣдовательно, такіе мѣха, которые Россія вывозитъ. Изъ нихъ много отправляется изъ Сибири и Перми внизъ по рѣкѣ Югѣ, впадающей въ Двину у Устюга, и прямо къ Архангельску безъ того, чтобы еще заходить въ Москву.

Въ одно лѣто вывезено черезъ Архангельскъ мѣховъ:

579	сороковъ соболей.
355.950	штукъ бѣлокъ.
300	сороковъ куницъ.
281	сорокъ норковъ.
15.970	штукъ всякихъ лисицъ.
288	сороковъ горностаевъ.
18.742	штуки собольихъ хвостовъ.

598 собольихъ опушекъ.
15.550 собольихъ кончиковъ [25]).
18.795 штукъ всякихъ кошекъ.

IV. **Юфти** вывозятся въ большомъ количествѣ и выдѣлываются въ казанской, нижегородской, какъ и въ московской, но больше всего и наилучшія въ ярославской и костромской областяхъ. Тѣ, которыя заготовляются около и въ Великомъ Новгородѣ и псковской области, не такъ хороши, какъ предыдущія. Сама Россія имѣетъ только посредственный скотъ [26]) и не можетъ отпускать ежегодно *(такого)* множества *(кожъ)*, отчего прекраснѣйшія и наибольшія кожи отовсюду собираются и скупаются *(русскими)*. При этомъ берется во вниманіе зимняя дорога, въ какое время торговцы кожъ и выдѣльщики юфти путешествуютъ по Подоліи и Украйнѣ, а также въ Лифляндіи, и все, что могутъ только получить, скупаютъ. Они возвращаются не ранѣе, какъ на исходѣ саннаго пути; тутъ кожи, вслѣдствіе наступающей оттепели и происходящей отъ этого нечистой воды, остаются лежать до ранней весны [27]). Но тогда работаютъ изо-всей силы, чтобы ихъ можно было еще до архангельской ярмарки туда доставить. Болѣе 20 лѣтъ тому назадъ уже ежегодно вывозилось изъ Россіи около 75.000 свертковъ, или 225.000 паръ юфти, но теперь вывозится еще болѣе. Свертокъ вѣситъ $1^1/_2$ пуда.

V. **Пенька** [28]). Въ теперешнее время во всемъ государствѣ стараются о разведеніи конопли, и ежегодно отпускаются черезъ Сѣверное и Восточное моря большія партіи чистой и Past- ,или сырцовой пеньки [29]). Кто хочетъ съ русскими заключить въ странѣ контрактъ на этотъ товаръ, обыкновенно долженъ давать деньги впередъ, а потомъ смотрѣть, чтобы онъ не былъ обманутъ, потому что они часто перемѣшиваютъ внутри хорошую со скверной. Нѣтъ сомнѣнія, что, такъ какъ конопля и рабочіе въ Россіи дешевы, тамъ могутъ быть устроены съ хорошей выгодой веревочные заводы, или канатное производство.

VI. **Ленъ** большею частью растетъ въ псковской области, а въ Москвѣ нѣтъ особеннаго его запаса. Царь, правда, приказалъ поощрять льноводство, отъ котораго въ казнѣ было для продажи нѣсколько льна, но изъ него не было сбыто ни одной партіи. Шиффунтъ цѣнятъ въ 7 рублей. Псковскій, какъ чистый, такъ

и сырцовый, вывозится черезъ Восточное море, и въ 1673 году черезъ Нарву было вывезено кораблями 3.605 шиффунтовъ.

VII. **Полотно**[30]) больше всего дѣлается въ ярославской, валдайской, каргопольской областяхъ и у Сѣверной Двины и Ваги по направленію внутрь страны и рѣдко бываетъ свыше $^3/_4$ аршина ширины. Аршинъ въ Москвѣ продается отъ 2 до 5 и 6 копеекъ, и во всякое время его можно достать въ большомъ количествѣ. Иногда за море отпускали въ одинъ годъ свыше 30.000 аршинъ[31]). Оно красится въ разные цвѣта и потребляется русскими не только для кафтановъ и одеждъ, но также очень много и на палатки. Одну часть они красятъ только съ одной стороны, а иную—съ обѣихъ сторонъ. Они также умѣютъ давать ему прекрасный глянецъ, и много этого полотна набивается въ Москвѣ большими и малыми цвѣтами разныхъ красокъ и продается по сходной цѣнѣ[32]). Парусина, наволоки и тикъ, говорятъ, могли бы съ успѣхомъ дѣлаться въ Россіи, но это еще не практикуется, потому что русскіе стараются изъ года въ годъ стать въ нѣкоторыхъ вещахъ наравнѣ съ другими европейцами, и, какъ прежде они жили, ложась спать на скамейки и матрацы, такъ теперь многіе изъ нихъ, которые обзавелись кроватями, измѣнились—и сейчасъ ежегодно ввозятся наволоки. Въ 1673 году черезъ Архангельскъ пришло ихъ 27 штукъ, какъ и 32 штуки тика. Тонкое полотно ежегодно ввозится изъ Голландіи; такъ, въ только что сказанномъ году оттуда было его привезено въ Архангельскъ 321 штука. Но такъ какъ царица никогда не носитъ на своемъ тѣлѣ никакого иностраннаго полотна, то для нея, а также для царскаго двора, дѣлается совершенно тонкое полотно въ Москвѣ, въ Кадашовой Слободѣ, каковое мѣсто по этой причинѣ пожаловано передъ другими царскими привилегіями.

VIII. **Льняное сѣмя** растетъ около Казани, Нижняго Новгорода, Костромы, Ярославля, Вологды, Галича и недалеко отъ Сѣверной Двины по направленію внутрь страны, и черезъ Архангельскъ ежегодно проходитъ около 600 ластовъ, которое тамъ обыкновенно продается за 24 рубля ластъ.

IX. „**Поташъ**". Пенька, юфти и поташъ составляютъ теперь въ Россіи весьма важную торговлю. Много поташа отвозится на корабляхъ въ Архангельскъ, Нарву и Ригу и много также потребляется мыловарнями. Наилучшій теперь находятъ въ Сибири у Морозова, а послѣ него цѣнится царскій[33]).

X. **„Вайдашъ“**. Онъ далеко не такъ хорошъ, какъ поташъ, и потому то продается не по вѣсу, а бочками. По должно остерегаться, чтобы не быть при этомъ обманутымъ, такъ какъ русскіе иногда дѣлаютъ бочки изъ дерева такими толстыми, что въ нихъ находится золы не болѣе 4 или 5 пудовъ.

XI. **Ворвань** вытапливается изъ тюленей, которые бьются рыбаками, крестьянами и самоѣдами на Бѣломъ море и у кондорскихъ и самоѣдскихъ морскихъ береговъ. Тюлени доставляются къ Архангельску въ своихъ собственныхъ кожахъ, нѣкоторые изъ нихъ сшиваются, какъ мѣшокъ, и только тамъ вытапливаютъ и вывариваютъ ворвань, которая больше всего покупается бременцами. Тонна стóитъ $1^1/_2$ рубля въ Архангельскѣ, и ежегодно добывается около 600 тоннъ.

XII. **Смола и деготь** обыкновенно гонится въ каргопольской области и у Ваги, которая впадаетъ въ 12 миляхъ выше Холмогоръ въ Сѣверную Двину, и на этой рѣкѣ нагружается на суда. Въ Архангельскѣ продается ластъ за 18, 19 и 20 рублей, а въ Москвѣ одна тонна смолы теперь стóитъ 1 рубль.

XIII. **„Ватмана“**, или русскаго сукна [34]), много дѣлается, и въ Москвѣ аршинъ продается отъ 5 до 6 копеекъ. Изъ архангельскихъ таможенныхъ книгъ видно, что въ одномъ году вывезено 168.500 аршинъ.

XIV. **Войлокъ** наилучшій дѣлается въ городѣ Калугѣ на Окѣ, и въ Москвѣ на „гостиномъ дворѣ“ всегда можно найти большія партіи его. Русскіе, татары и казаки носятъ непромокаемые плащи изъ войлока и они не набиваютъ сѣделъ волосомъ, но кладутъ подъ низъ только войлокъ, каковая привычка для солдатъ и путешественниковъ не неудобна, потому что они употребляютъ сѣдельный войлокъ для подстилки, сѣдло—для изголовья, а войлочный плащъ служитъ одѣяломъ. На вонь и лошадиный потъ они не обращаютъ вниманія и ничего не чувствуютъ. Обыкновенный войлокъ стóитъ въ Москвѣ отъ 6 до 7 копеекъ, а большой войлочный плащъ отъ 70 копеекъ до $1^1/_2$ рубля.

XV. **Сала** [35]) много добывается въ областяхъ: казанской, нижегородской, московской, ярославской и валдайской. Законы запрещаютъ русскимъ ѣсть телятину, можетъ быть, потому что они могутъ получить отъ теленка мало пользы, но, напротивъ, когда онъ станетъ выросшимъ быкомъ, могутъ получить, кромѣ кожи, много сала. Теперь продавался шиффунтъ отъ 8 до $8^1/_2$

рублей. При покупкѣ нужно сильно остерегаться, потому что они часто смѣшиваютъ сало съ водой и испорченными веществами и дѣлаютъ также бочки изъ дерева такими толстыми, что иногда теряешь при этомъ 8 процентовъ. Раньше много сала вывозилось моремъ, но теперь больше не вывозится такъ много, потому что русскіе, чѣмъ дальше, тѣмъ больше сами начинаютъ употреблять сальныя свѣчи: и какъ городъ Москва отпускалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ еще большое количество, такъ теперь ежегодно онъ удерживаетъ у себя немалую партію.

XVI. **Мыло**. Наилучшее варится въ Костромѣ. Оно бурое и довольно твердое, но въ другихъ провинціяхъ дѣлается только легкое и бѣлое, однако разнаго сорта и въ большомъ количествѣ, и первое обыкновенно продается брусокъ за 70 копеекъ, а второе за 50 копеекъ, и такой брусокъ бываетъ длиною почти $2^1/_2$ локтя, а шириной—$1^1/_2$ локтя. Никакая нація не можетъ дѣлать этого товара за лучшую цѣну, чѣмъ русскіе, потому что они имѣютъ въ массѣ всѣ матеріалы, какъ-то: золу, сало, соль и дрова, и отпускаютъ *(ихъ)* другимъ.

XVII. **Свиная** щетина собирается людьми, имѣющими тамъ и тутъ въ городахъ своихъ опредѣленныхъ покупателей; потомъ она вся доставляется крупнѣйшими купцами въ однѣ или нѣсколько рукъ, и ежегодно продается отъ 5 до 6.000 пудовъ приблизительно по $4^1/_2$ рубля иностранцамъ, которые частью обрабатываютъ ее въ Голландіи, а частью, если она чисто выварена, везутъ во Францію и Италію.

XVIII. **Лосиныя кожи** привозятся также въ достаточномъ количествѣ изъ Сибири и сопредѣльныхъ городовъ внизъ по рѣкѣ Югѣ и дальше по Сѣверной Двинѣ въ Архангельскъ, а другія, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ въ странѣ, также свозятся изъ одного города въ другой, и что простымъ человѣкомъ не можетъ быть продано туземнымъ купцамъ, то везутъ въ Москву и продаютъ это иностранцамъ. Но въ случаѣ, если они не могутъ также сойтись съ ними, отправляются съ этимъ зимою въ Вологду, гдѣ оставляютъ лежать *(кожи)* до полой воды, а тогда идутъ въ Архангельскъ на ярмарку, гдѣ ежегодно свозится около 5.000 и болѣе штукъ. Нѣкоторыя также идутъ черезъ Лифляндію, а въ 1671 г. было ввезено черезъ Архангельскъ 42 штуки выдѣланныхъ. Русскіе въ это самое время имѣли тяжелую войну съ бунтовщикомъ Стенькой Разинымъ, и, безъ сомнѣнія, вышеска-

занныя лосиныя кожи были привезены туда для нѣмецкихъ офицеровъ.

XIX. **Соленыхъ, воловьихъ и козлиныхъ кожъ** [36]) почти 4.500 штукъ ежегодно свозится со всей страны и большею частью везется въ Архангельскъ. Соленая кожа продается по 70 рублей, воловья по 90 рублей, козлиная по 36 рублей за 100. Испанская кожа въ Россіи совсѣмъ скверная.

XX. **Тюленьихъ кожъ** въ Архангельскѣ ежегодно продается около 30.000, и много сундуковъ и погребцовъ [37]) обтягиваютъ ими въ Холмогорахъ. Штука продается по партіямъ за 15 копеекъ.

XXI. **Кожаныя рукавицы** есть товаръ, котораго много идетъ въ шведскія провинціи. Въ Москвѣ 100 паръ продается отъ 5 до 8 рублей, смотря, какъ велики рукавицы и хороша кожа, а если внутри шерстяныя, пара стóитъ отъ 10 до 12 копеекъ.

XXII. **Рогожи** всякаго рода дѣлаются въ валдайской области и оттуда привозятся въ Архангельскъ, какъ и впрочемъ въ иныя мѣста государства. Большія теперь стóятъ отъ $2^3/_4$ до 3 рублей, меньшія отъ $1^3/_4$ до 2 рублей, а двойныя, называемыя „цыновками“, отъ 4, 5 до 6 рублей за 100. Изъ нихъ я не видалъ двойныхъ внѣ страны. Онѣ дѣлаются по особому способу, очень густы и крѣпки такъ, что дождь не можетъ ихъ пробить, но при этомъ онѣ довольно тяжелы. Всѣ рогожи дѣлаются изъ коры липовыхъ деревьевъ, и черезъ Архангельскъ идетъ ихъ ежегодно приблизительно отъ 3 до 400.000 штукъ.

XXIII. **Слюда** добывается между Архангельскомъ и морскимъ берегомъ у Вайгача на морскомъ выступѣ и открывается въ утесистыхъ высокихъ горахъ. Все, что бываетъ длиной и шириной болѣе 1 аршина, принадлежитъ царской монополіи и не можетъ быть открыто продаваемо никакимъ частнымъ лицомъ. Въ Москвѣ пудъ стóитъ отъ 15 до 150 рублей, смотря именно, какъ велико стекло въ кускѣ.

XXIV. **Рыбій клей** [38]), по-русски называется **„карлукъ“**, получается изъ большой рыбы бѣлуги, которая также даетъ кавіаръ и ловится около Астрахани на Волгѣ. Этотъ товаръ, подобно кавіару, въ настоящее время есть собственность царской торговли, и добывается его ежегодно до 300 пудовъ, которые продаются изъ „Дворца“ съ торговъ отъ 7 до 15 рублей. Въ 1673 году прошло черезъ Нарву 1.450 фунтовъ.

XXV. **Бобровая шерсть** вычесывается изъ бобровъ, предназначаемыхъ на женскія шапки, или изъ мѣховъ, прежде уже ношенныхъ, и продается чужестранцамъ, которые везутъ ее въ Францію, гдѣ изъ нея дѣлаютъ шляпы. Съ этимъ товаромъ русскіе производятъ много плутовства. Они намазываютъ ее жиромъ, мукой, бѣлилами, желѣзными опилками и тому подобнымъ и смѣшиваютъ ее также съ шерстью кошекъ и зайцевъ, отчего немного лѣтъ тому назадъ случилось, что она была во Франціи запрещена, и вслѣдствіе этого нѣмецкимъ купцамъ въ Москвѣ былъ причиненъ немалый убытокъ. Въ Архангельскѣ фунтъ стóитъ отъ 3 до 3½ ртл. Голландцы также начали ее сами вычесывать и получали при этомъ хорошую прибыль, но такъ какъ она теперь года два тому назадъ стала въ Архангельскѣ дешевой, они опять оставили это.

XXVI. **Бобровая струя** въ Россіи двоякаго рода: сибирская и украинская. Первая—наилучшая, и въ февралѣ 1674 года фунтъ стоилъ въ Москвѣ 2¼ рубля, а вторая продавалась по 150 копеекъ. Россія можетъ ежегодно вывозить около 70 пудовъ. Нужно смотрѣть, чтобы она была суха и не поддѣльна.

XXVII. „**Мускусъ**“ идетъ изъ Сибири и страны калмыковъ. Цѣна въ Москвѣ колеблется между 12 и 24 рублями за фунтъ, и тамъ весь мускусъ продается въ своихъ собственныхъ мѣшечкахъ съ тарой. Но здѣсь нужно замѣтить, что онъ, какъ и всѣ другіе сибирскіе товары, долженъ покупаться зимой, потому что его тогда можно получить какъ бы изъ первыхъ рукъ отъ сибирскихъ купцовъ, но, напротивъ того, лѣтомъ его нужно съ трудомъ отыскивать у нѣмецкихъ купцовъ и дороже платить. Мускусъ есть пупъ изъ звѣря, котораго русскіе называютъ „мскусъ“ или „кабардинъ“. Въ пупѣ этого звѣря скопляется кровь объемомъ почти въ половину кулака, которая въ извѣстное время становится столь зрѣлой, что природа побуждаетъ звѣря выжимать ее у камня или чего-нибудь другого, и этотъ мускусъ есть наилучшій по своей полной зрѣлости, но онъ встрѣчается совсѣмъ рѣдко. Этотъ звѣрь очень преслѣдуется и добывается ради имѣющагося у него драгоцѣннаго товара; чѣмъ ближе, когда его кровь въ пупѣ приходитъ въ зрѣлость, тѣмъ сильнѣе и лучше дѣлается потомъ мускусъ. Но въ то время, когда кровь только наполовину или еще не наполовину созрѣла, то вытекаетъ не мускусъ, а только кабардинъ. Отъ этого случается, что кто нехорошо освѣдо-

мленъ объ этой торговлѣ можетъ быть очень обмануть и принимаетъ кабардинъ, который едва сто́итъ половину, за мускусъ, въ виду того, что они между собою совершенно похожи и могутъ быть различаемы только по одному вкусу. Русскіе также умѣютъ хорошо раскрывать мѣшочекъ, вынимать оттуда мускусъ и, вмѣсто него, кладутъ козью кровь; они также имѣютъ обыкновеніе класть въ мѣшочекъ мелко нарѣзанныя кожи, дерево и также даже отъ 2 до 3 золотниковъ свинца, а потомъ умѣютъ его такъ задѣлать своимъ сибирскимъ губнымъ клеемъ [39]), что никто не можетъ этого замѣтить. Смотри выше № 18 [40]), слово „кабардинъ".

XXVIII. **Лиственничная губка,** лат. Agaricus или Agaricum, —губка, которая растетъ около Архангельска и по пути къ самоѣдамъ на деревѣ, называемомъ лиственницей. Ежегодно черезъ Архангельскъ вывозится приблизительно 60 пудовъ. Та хороша, которая бѣла, легка, мягка, упруга, ломка и на вкусъ сперва сладкая, но потомъ чуть горькая и вязкая. Деревянистая, длинная, жесткая и тяжелая не годится. Эта губка служитъ много лѣтъ, прежде чѣмъ потеряетъ свои свойства.

XXIX. **Ревень.** Этотъ корень—ввозимый и вывозимый товаръ, потому что онъ не растетъ въ Россіи, но въ странѣ бухарцевъ и идетъ черезъ Сибирь въ Москву. Онъ хорошо извѣстенъ въ аптекахъ и тамъ считается, какъ и Agaricus, за Purgantia primaria. И хотя эта ревенная торговля—царская монополія, и никакому купцу не дозволено имъ торговать, однако зимою много тайно провозится и продается по разнымъ цѣнамъ; но теперь большею частью это—плохая торговля и товаръ, который немного ищутъ. Съ нимъ также случается много плутовства, и часто продается „рапонтикъ" за ревень. Тотъ хорошъ, который круглъ, плотенъ и не расщепленъ, снаружи переходитъ изъ черноватаго въ красный, а снутри—изъ краснаго въ желтый, и внутренній цвѣтъ нѣсколько похожъ на мускатный орѣхъ, и когда онъ растирается или раскусывается, тогда получается какъ бы шафрановый цвѣтъ.

XXX. **Мачты.** Прекрасныя мачты нашли 4 года тому назадъ по рѣкѣ Югѣ, впадающей въ Сѣверную Двину, и въ Архангельскѣ ими былъ прежде нагруженъ одинъ корабль, а потомъ два. Вернеръ Миллеръ[41]) и Генрихъ Буденантъ, купцы въ Москвѣ, составили теперь съ нѣсколькими *(купцами)* въ Амстердамѣ компанію и заарендовали у царя лѣсъ и съ того времени до сихъ поръ нагрузили имъ въ Архангельскѣ въ два года одинъ за другимъ

четыре корабля[42]), но въ этомъ году за нимъ должно прибыть пять кораблей. Сорты есть отъ 26 до 28 пальмовъ; лѣсъ, говорятъ, очень большой, и компанія хочетъ теперь выстроить тамъ лѣсопильню. Царь получаетъ отъ каждой мачты отъ 4 до 5 рублей, и одна мачта, говорятъ, стóитъ компаніи со всѣми расходами отъ 25 до 30 рублей.

XXXI. **Кнуты.** Они нигдѣ не дѣлаются, какъ только въ Англіи и Россіи. Русскіе умѣютъ очень хорошо плести ихъ и дѣлаютъ ихъ всякихъ родовъ, штуку за 5—50 и 60 копеекъ, смотря по тому, какъ много работы на рукояткѣ и также, какъ тонко сплетенъ кнутъ. Большею частью рукоятки изъ татарскаго вереска[43]), и всѣ сверху до низу усажены костью, для чего считается самой главной моржовая кость. Для этого также употребляютъ рога сѣверныхъ оленей, которые не уважаются въ Швеціи, въ виду того, что они часто находятся на лапландскихъ ярмаркахъ. Нѣкоторые обложены также желтой мѣдью. Обыкновенно длинный санный кнутъ стóитъ 8 копеекъ. Въ Москвѣ на ярмаркѣ кнутовъ находятся также палки изъ татарскаго вереска, сверху съ набалдашникомъ, выточеннымъ и отдѣланнымъ красками, желтой мѣдной проволокой и перламутомъ, а внизу снабженныя также выточенной костью, штука за 12—15 копеекъ, смотря по толщинѣ вереска.

XXXII. **Сухія жилы, или нервы.** Русскіе много дѣлаютъ сухихъ жилъ изъ битаго скота, которыя вывозятся изъ страны и большею частью покупаются сѣдельниками.

Таковы товары, вывозимые изъ Россіи, которые вывозятся не только черезъ Архангельскъ, но и отчасти черезъ Восточное море, какъ показываетъ нижеслѣдующій списокъ.

Списокъ тѣхъ товаровъ, которые въ 1673 году съ начала вскрытія воды до половины октября были вывезены изъ Нарвы со стороны моря.

2.009 шиффунтовъ чистой пеньки.
3.273 шиффунтовъ чистаго льна.
143 шиффунта Past- и сырцовой пеньки[29]).
332 шиффунта льна.

65 шиффунтовъ пакли.
492 шиффунта поташа.
49 шиффунтовъ сала.
2.988 десятковъ юфти.
27 десятковъ воловьихъ кожъ.
178 десятковъ козьихъ кожъ.
24 десятка сафьяновъ.
64 десятка gebarkt [44]) кожъ.
136 десятковъ хвостовъ.
47 штукъ лосиныхъ кожъ.
728 ластовъ ржи.
64 ласта ячменя.
132 ласта овса.
89 ластовъ солода.
663 тонны муки.
44 тонны крупы.
39 тоннъ гороха.
2 сорока соболей.
2 сорока куницъ.
141 сорокъ норокъ.
3 штуки мѣховъ собольихъ брюшекъ.
1.719 сороковъ бѣлокъ.
29 штукъ мѣховъ.
753 сорока кошекъ.
5 штукъ тѣхъ же мѣховъ.
43 штуки заячьихъ мѣховъ.
111 сороковъ горностаевъ.
38 штукъ лисицъ.
1.540 фунтовъ рыбьяго клея.
55 тоннъ масла.
431 того же, пришедшаго изъ Выборга.
43 тонны соленаго мяса.
38 шиффунтовъ копченаго мяса.
73 полтей шпика [46]).
4.585 тоннъ ингерманландскаго дегтя.
19 бочекъ ворвани.
4.300 паръ русскихъ рукавицъ.
58 брусковъ мыла.
2.080 штукъ рогожъ.

12.700 штукъ сушеныхъ [45]) щукъ.
8 шиффунтовъ хмеля.

Прейсъ-курантъ русскихъ вывозныхъ товаровъ въ мѣсяцѣ январѣ и февралѣ 1674 г. въ Москвѣ.

Поташъ наилучшій, шиффунтъ . . .	$5^1/_2$—$5^3/_4$ рубля.
Того же, Brenscha [44]) „ . . .	4—$4^1/_2$ рубля.
Вайдашъ, бочка	3—4 рубля.
Пенька сырцовая наилучшая, шиффунтъ	$2^1/_2$—3 рубля.
Та же, обыкновенная „	2—2 рублей 10 копеекъ.
Сала, или талька, есть здѣсь въ Москвѣ немного, въ Ярославлѣ и Вологдѣ, шиффунтъ	$8^1/_2$—9 рублей.
Юфти въ Переяславлѣ	31 гривенъ за 1 пудъ.
Юфти въ Москвѣ	33 гривенъ за 1 пудъ.
Норки, съ 10—15 гладкими [23]), сорокъ	14—15 рублей.
Бобровая шерсть наилучшая, фунтъ .	130 копеекъ.
Та же, обыкновенная, „ .	110 копеекъ.
Куницы башкирскія, сорокъ	17—18 рублей.
Тѣ же, казанскія, „	14—15 рублей.
Горностаи сибирскіе не встрѣчаются, какъ только въ Сибири.	
„ казанскіе, „	4—5 рублей.
Тѣ же, обыкновенные, „	$3^1/_2$ рубля.
Соболи съ брюшками, „	20—25 рублей.
Лисицы сибирскія	9 рублей за 10 штукъ.
Тѣ же, уфимскія	8 рублей за 10 штукъ.
Тѣ же, русскія	$6^1/_2$ рублей за 10 штукъ.
Собольи хвосты по доброкачественности	10—30 рубл. за 100 штукъ.
Бѣлка русская	17—18 рублей за 1.000 штукъ.
Та же, казанская	19—22 рублей за 1.000 штукъ.
Та же, сибирская	25—27 рублей за 1.000 штукъ.
Кабардинъ, безъ тары, фунтъ . . .	8 рублей.
Мускусъ, который хорошъ, „ . . .	12—15 рублей.
Куньи хвосты за 100 штукъ	6—7 рублей.
Бобровая струя, фунтъ	$1^1/_2$ рубля.

$23^1/_7$

Рыбій клей, пудъ . . . . 6—9 рублей.
Рогожи, за 1.000 штукъ . . . . . . 25 рублей.

ГЛАВА II.

О такихъ товарахъ, которые сама Россія имѣетъ и сама же потребляетъ.

Россія имѣетъ, кромѣ вышеперечисленныхъ предметовъ, также еще и другіе товары, но она ихъ сама потребляетъ и не вывозитъ.

I. Соль. Въ разныхъ мѣстахъ по всей Россіи много вываривается соли.

1) Въ астраханской области находятся озера, въ которыхъ соль заготовляется солнцемъ въ такомъ количествѣ, какое всегда требуется. Царь приказываетъ возить ее на его судахъ вверхъ по Волгѣ въ Нижній Новгородъ и Москву.

2) Въ двухъ миляхъ отъ Нижняго Новгорода вываривается такъ много соли, что жители тамъ кругомъ могутъ продовольствоваться ею.

3) Въ Тотьмѣ на Двинѣ вываривается много соли и такая бѣлая, какъ люнебургская.

4) Въ Перми Великой, на рѣкѣ Камѣ, которая течетъ съ сибирской стороны и впадаетъ въ Сѣверную Двину, приготовляется солнцемъ прекрасная бѣлая и твердая соль, и пудъ ея стóитъ только $1^1/_2$ копейки, но въ Москвѣ она теперь стóитъ 20 копеекъ.

5) Отъ Костромы къ востоку, въ маленькомъ городѣ и замкѣ, по названію Галичъ, въ одномъ маленькомъ округѣ вываривается такъ много соли, что близлежащіе замки, города и деревни могутъ быть ею снабжаемы.

6) Хорошая соль добывается на островѣ Соловкахъ, на Бѣломъ морѣ, которой могутъ удовлетворить свои нужды всѣ живущіе тамъ.

7) Соль также вываривается на Ильмени въ Старой Русѣ, какъ и на Мшагѣ у ингерманландской границы и далѣе въ другихъ мѣстахъ.

Раньше Рига и Кенигсбергъ снабжали солью Бѣлоруссію, но теперь туда возится зимой на саняхъ ногайская соль.

II. **Хлѣбъ** прежде былъ собственностью царской торговли, и въ Архангельскъ шло почти ежегодно около 10.000 ластовъ ржи, пшеницы и ячменя, которые должны были тамъ долго лежать, пока хлѣбъ не достигалъ высокой цѣны, и потомъ обыкновенно продавался ластъ за 25 рублей, но теперь такая торговля прекратилась, и весь хлѣбъ потребляется въ странѣ и много винокурнями; немного привозится также изъ Сомерской области въ Нарву.

III. **Шпикъ**[46]) **и мясо** составляли раньше хорошую торговлю, и въ Архангельскъ ежегодно свозилось до 5.500 шиффунтовъ, но теперь туда не идетъ больше, чѣмъ нужно для снабженія кораблей съѣстными запасами. Русскій скотъ только посредственной величины[47]), большіе же господа, какъ и нѣмецкіе купцы, стараются о крупномъ голландскомъ скотѣ, и недавно былъ заколотъ возлѣ Архангельска быкъ, который, говорятъ, очищеннымъ вѣсилъ 36 пудовъ. Въ московской и другихъ областяхъ шпика не коптятъ, но только вялятъ на воздухѣ и солнцѣ. Зимой въ Москвѣ цѣлая очищенная свинья продается отъ 1 до $1^{1}/_{2}$ рубля, а также нѣсколько выше и ниже, смотря, какъ она велика; теперь пудъ свѣжей стóитъ 24 копейки, а вяленой—40 копеекъ; немного этого товара возится въ Архангельскъ, Нарву и Ніенъ, какъ и самими русскими на ихъ лодьяхъ[14]) изъ Ладожскаго озера въ Швецію.

IV. **Соленыя и другія рыбы.** Въ Москвѣ есть длинный рынокъ исключительно съ солеными рыбами всякаго рода, особенно лещами, окунями и т. д., большая часть которыхъ привозится съ Волги. Объ этомъ рыбномъ рынкѣ справедливо сказать, что говорятъ и объ островахъ Мадагаскарѣ и Цейлонѣ, а именно, что такія мѣста можно раньше обонять, чѣмъ видѣть. Смрадъ здѣсь такъ великъ, что всѣ иностранцы должны изъ-за этого затыкать носъ, русскій, напротивъ того, совсѣмъ не замѣчаетъ такого сильнаго смрада и при этомъ чувствуетъ себя хорошо. Зимой они возятъ замерзшую свѣжую рыбу очень длинной дорогой въ Москву, и много саней полныхъ корюшки, ершей и другихъ *(рыбъ)* идетъ не только изъ Ладожскаго озера черезъ Новгородъ, но туда также привозятся даже изъ Астрахани бѣлуга, осетры и стерляди и особенно осетры въ такомъ большомъ количествѣ, что ими заваленъ большой гостиный дворъ, и рыбы, какъ холмы, лежатъ одна на другой. Въ Москвѣ ѣдятъ „бѣлую рыбу"[48]), которая ловится при

Ярославлѣ въ Волгѣ и очень вкусная. Также имѣются прекрасные судаки, караси, пискари, гольцы. Береговые карпы [49])—рѣдки.

V. **Хмель.** Подобно тому, какъ каждый товаръ имѣетъ въ Москвѣ свой опредѣленный рынокъ, такъ тамъ также находятъ длинный хмелевой рынокъ, и въ разныхъ мѣстахъ страны растетъ прекрасный хмель. Теперь продавался наилучшій за 12 рублей шиффунтъ. Въ 1673 г. онъ былъ такой дешевый, что посланникъ Эбершильдтъ [50]) купилъ въ Москвѣ за 4 рубля шиффунтъ и оттуда отослалъ въ Лифляндію.

VI. **Медъ.** Хотя тутъ и тамъ въ Москвѣ добывается много меду, какъ бѣлаго, такъ и бураго, и раньше вывозилось немалое количество, но въ провинціи Мордвѣ [51]) собирается всетаки наилучшій и теперь весь потребляется въ странѣ.

VII. **Желѣзо.** Въ настоящее время въ Россіи дѣлается много желѣза, но и все употребляется въ странѣ. Смотри III главу этой части и V главу IV части.

VIII. **Селитра** идетъ въ Россію большею частью изъ Украйны и есть товаръ, который запрещено вывозить, вслѣдствіе чего онъ и продается дешево или по умѣренной цѣнѣ, какъ видно ниже изъ прейсъ-куранта.

IX. **Порохъ.** Русскіе употребляютъ порохъ только противъ своихъ непріятелей; если даже самъ царь или какой-нибудь посолъ другого государя совершаетъ въ Москвѣ свой въѣздъ или выѣздъ, или бываютъ какія-нибудь другія большія празднества съ коронаціями, или что-нибудь иное, то всетаки никогда не стрѣляютъ и не даютъ залповъ. Въ этомъ государствѣ совсѣмъ мало пороховыхъ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе водой, но, напротивъ, гораздо больше ручныхъ мельницъ.

X. **Моржовая кость,** по-русски **„щадра кость“.** Моржъ—большой морской звѣрь, котораго русскіе бьютъ на льду возлѣ Новой Земли. У него высовываются изо рта два большихъ зуба, которыхъ цѣнятъ выше, чѣмъ слоновую кость, и чѣмъ больше кость окрашена подъ мраморъ, тѣмъ она рѣже и стоитъ дороже. Этотъ товаръ принадлежитъ собственной царской торговлѣ; много употребляется на черенки и кнутовища и много вывозится въ Персію. Въ Голландіи также имѣютъ подобный *(товаръ)*, и привозится туда голландскими моряками.

XI. **Гусиный пухъ** имѣютъ въ Москвѣ въ продажѣ, особенно къ зимнему времени, однако русскіе не особенно много упо-

требляютъ постелей, а спятъ на матрацахъ, хотя они и держатъ въ странѣ изобиліе гусей. Фунтъ самаго лучшаго живого гусинаго пуха можно имѣть за 20 копеекъ. Дикій лебяжій пухъ попадается на архангельской ярмаркѣ.

XII. **Liquiritia**, также называется Glycirrhiza, а по-нѣмецки Süssholz[52]). Хотя этотъ корень, насколько я знаю, не вывозится, однакоже онъ растетъ столь многочисленнымъ и большимъ въ странѣ русскихъ: на Волгѣ, въ Ногайской Татаріи и около нея, что подобнаго нигдѣ не найти. Въ Москвѣ въ лавкахъ продаютъ его расколотымъ. Куски, длиной приблизительно въ кисть, очищены отъ корки и нанизаны на нитки. Фунтъ стóитъ 6 копеекъ.

Замѣтка. Я еще замѣтилъ въ Москвѣ нѣсколько вещей, которыми хотя не производится никакой такой большой торговли, однакоже, мнѣ думается, стóитъ труда, чтобы ихъ вкратцѣ прибавить къ этой главѣ.

1. **Чай** есть трава, которую русскіе называютъ „чаемъ", и она растетъ въ „Катаѣ", или „Хинѣ" [53]). Считаютъ, что она укрѣпляетъ силы человѣка, отвращаетъ припадки, которые могутъ съ нимъ случиться отъ дурного воздуха и вообще. Особенно ее употребляютъ для отвращенія опьяненія, принимая ее передъ питьемъ, или для разсѣянія хмеля, происходящаго отъ питья, если ее употребляютъ послѣ опьяненія. Индійское употребленіе этой травки заключается въ томъ, что ее сушатъ при умѣренной теплотѣ, потомъ кипятятъ въ водѣ и при этомъ кладутъ для вкуса немного сахару и такой теплой прихлебываютъ. Японцы же растираютъ чай въ порошокъ и принимаютъ его тогда въ теплой водѣ, или въ ихъ напиткѣ. Для приготовленія можно взять половину квентика травки, воды—сколько заразъ хотятъ выпить, а сахару—по желанію[54]). Но для настоящаго леченія берутъ травки еще разъ столько же. И подобно тому, какъ у жителей восточныхъ странъ, этотъ напитокъ очень обыкновененъ, такъ и у насъ, европейцевъ, встрѣчается въ настоящее время много любителей его. Я купилъ въ Москвѣ фунтъ за 30 копеекъ. Смотри Neuhofs ostindische Gesandschaft, S. 347.

2. **„Бадьянъ"**, лат. Anisum stellatum, есть растеніе такое большое, какъ половина рейхсталера, и имѣетъ вокругъ 6 иголъ, подобно звѣздѣ. Онъ имѣетъ запахъ, вкусъ и свойство, какъ анисъ, но гораздо сильнѣе и крѣпительнѣе, и привозится, какъ и чай,

сибирскими купцами зимой въ Москву и продается за четверть рубля.

3. „**Капъ**" есть особенный корень, похожій нѣсколько на свилеватое дерево и имѣетъ свойство, что чашки для меда и водки и ложки, сдѣланныя изъ него, можно сжать и опять выпрямить, если именно эти вещи сперва полежатъ въ тепловатой водѣ. Это дерево дорого, и настоящее рѣдко встрѣчается. Одна ложка стóитъ отъ 40 до 60 копеекъ, а чашка до 3 рублей.

4. **Палатки.** Такъ какъ полотно, нитки, веревки и рабочая плата не дороги, то и можно тамъ имѣть совсѣмъ дешево палатки: такъ, въ хорошую погоду онѣ разбиты передъ замкомъ разнообразныхъ сортовъ для продажи, и можно получить разныхъ цвѣтовъ.

5. **Сѣтки отъ комаровъ.** Извѣстно, что изъ-за многихъ степей люди въ Россіи терпятъ отъ комаровъ большую бѣду; поэтому въ городѣ Вологдѣ на Сухонѣ хорошо ткутъ различной величины сѣтки отъ комаровъ и вѣшаютъ надъ кроватями. Можно было получить цѣлую занавѣску на большую кровать отъ 120 до 150 копеекъ.

6. **Сундуки.** Въ городкѣ Холмогородѣ на Сѣверной Двинѣ, 12 миль по эту сторону Архангельска, дѣлаются сундуки различной величины, заслуживающіе справедливую славу. Нѣкоторые обтянуты красной юфтью, а самые лучшіе покрыты со всѣхъ сторонъ хорошей тюленьей кожей и иногда на днѣ и повсюду хорошо окованы желѣзной обивкой, которая на нѣкоторыхъ полужена. Въ эти сундуки обыкновенно укладываются нюренбергскіе товары и посылаются въ Москву, и, такъ какъ тогда провозъ за сундуки такимъ образомъ ничего не стóитъ, они могутъ быть потомъ куплены въ Москвѣ за ту же цѣну.

Тамъ же дѣлаютъ тоже много **погребцовъ** на подобный же образецъ, также и **подголовковъ** [55]). Лѣтомъ въ продажѣ встрѣчается немного сундуковъ, но погребцовъ и подголовковъ достаточно находятъ во всякое время. Подголовки не дѣлаются такъ, чтобы на нихъ писать, потому что они обиты сверху различными лужеными желѣзными обручами; русскіе же пишутъ, какъ въ коллегіяхъ, такъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, никогда не иначе, какъ на своихъ колѣняхъ; но такіе подголовки сдѣланы для путешествующихъ въ зимнее время и очень удобны для кладки подъ голову въ саняхъ, потому что извѣстно, что въ русскія сани имѣютъ обыкновеніе класть полную постель.

Сверхъ сейчасъ названныхъ вещей, въ Москвѣ есть еще въ продажѣ за сходную цѣну [32]) различныя мелочи изъ собственныхъ русскихъ издѣлій, какъ-то:

Матрацы изъ красной юфти отъ 60 до 150 копеекъ. **Патронташи**, обтянутые чернымъ плисомъ и обшитые золотомъ и серебромъ, отъ 24 до 70 и 80 копеекъ. **Фонари** изъ слюды, хорошо сдѣланные и по разнымъ цѣнамъ. Польскіе шелковые **шарфы** отъ 45 до 200 копеекъ, подобные изъ верблюжьей шерсти отъ 25 до 36 копеекъ. Различные **кошельки**, сотканные изъ золота, серебра или шелка, различной стоимости; еще другіе длинные кошельки, сдѣланные изъ кошачьихъ шкуръ и увѣшанные шелковыми кистями, отъ 4 до 12 копеекъ. **Серебряныя пуговицы** различной величины и сорта, за которыя покупатель даетъ копеекъ не болѣе, чѣмъ онѣ вѣсятъ, изъ чего слѣдуетъ, что они непремѣнно даютъ къ серебру примѣсь и такимъ образомъ получаютъ вознагражденіе за работу. Висячіе **замки** персидскаго образца, но сдѣланные въ городѣ Ярославлѣ на Волгѣ, простой по 10, а двойной отъ 15 до 16 копеекъ. Хорошіе ружейные **кремни**, 100 штукъ за 3 копейки. Шелковые **шнурки**, **пуговицы изъ желтой мѣди**, ярославскія **пороховницы**, кожаные **дорожные кошельки** для опоясыванія тѣла и т. д., и вообще все дешево, что русскіе сами могутъ изготовить изъ персидскаго шелка, пеньки, кожи, крестьянскаго желѣза (желѣзо, которое крестьяне дѣлаютъ ручными раздувальными мѣхами) и дерева.

Въ заключеніе я хочу еще упомянуть въ этой главѣ, что нужно удивляться, какъ много **гробовъ** разной величины лежитъ для продажи тамъ и тутъ въ городѣ; они всѣ сдѣланы изъ одного куска дубоваго дерева и иногда вывѣшиваются передъ лавками. Самый большой стóитъ отъ 160 до 170 копеекъ.

Прейсъ-курантъ тѣхъ товаровъ, которые Россія хотя сама имѣетъ, но и сама потребляетъ. Въ Москвѣ 30 мая 1674 г.

Соль наилучшая—2 гривны, за пудъ и также $2^1/_2$ рубля за шиф.

Рожь—6 гривенъ, въ февралѣ—7 гривенъ	за четверть.
Ячмень—6 копеекъ	за четверть.
Солодъ—45 копеекъ	за четверть.

Овесъ—32 копейки . . . . } за четверть.
Гречневая крупа—120 копеекъ . . . . }
Пшенная крупа—160 копеекъ . . . . }
Шпикъ [46]) и мясо вяленое—40 копеекъ за пудъ.
Соленыя рыбы.
Хмель наилучшій—отъ 11 до 12 рублей за шиффунтъ.
Медъ—110 копеекъ за пудъ.
Прутовое желѣзо [56]) грубаго сорта у Марселиса—отъ 5 до $5^1/_2$ гривенъ за пудъ.
" " " " у Акмана—отъ 6 до $6^1/_2$ гривенъ за пудъ.
Того же, хорошаго сорта у Акмана—7 гривенъ.
Двери и ставни [57]) у Марселиса—1 рубль, у Акмана—110 копеекъ за пудъ.
Двойныя тонкія доски [58])—120 копеекъ за пудъ.
Литыя пушки [59])—$^1/_4$ рубля за пудъ.
Селитра—отъ 2 до $2^1/_4$ рубля за пудъ.
Порохъ наилучшій—отъ 3 рублей 6 копеекъ до 4 рублей за пудъ.
Моржовая кость—17 рублей за пудъ въ царской казнѣ.
Гусиный пухъ наилучшій и совсѣмъ бѣлый—8 рублей за пудъ.
Тотъ же, сѣрый—4 рубля за пудъ.
Liquiritia *(солодковый корень)*—2 рубля 40 копеекъ за пудъ.

ГЛАВА III.

О тѣхъ товарахъ, которые Россія хотя сама имѣетъ, но не въ достаточномъ количествѣ и отчасти должна покупать у другихъ націй.

Товары, которые Россія отчасти имѣетъ, но все же не въ достаточномъ количествѣ и должна отчасти покупать отъ другихъ націй,—слѣдующіе, какъ-то:

I. **Бумага**, несмотря на то, что теперь около Москвы двѣ бумажныя мельницы, однакоже тамъ не можетъ дѣлаться по недостатку тонкихъ тряпокъ, но ежегодно привозятся большія партіи французской, голландской и нѣмецкой бумаги. Въ 1671 году черезъ Архангельскъ привезено 28.479 стопъ, въ 1672 г.—3.709 и въ 1673 г.

8.033 стопы и еще 2 кипы бумаги. Одна мельница лежитъ на рѣкѣ Пахрѣ, въ 20 верстахъ отъ Москвы, гдѣ вышеназванная рѣка впадаетъ въ *(рѣку)* Москву [60]), и устроена однимъ нѣмцемъ, по имени Іоганнъ фонъ Шведенъ [61]). Другую же царь велѣлъ двумъ мастерамъ, которые неохотно ушли изъ прежней мельницы, выстроить на Яузѣ близъ города Москвы, но тамъ еще мало работаютъ. Вдова фонъ Шведена поддерживаетъ еще свое дѣло, и, когда цѣна на бумагу высоко подымается, такая туземная продается по 1 рублю стопа. Хорошая шутовской колпакъ бумага [62]) стóитъ теперь въ мѣсяцѣ маѣ въ лавкахъ 160 копеекъ, а французская почтовая бумага малаго формата—140 копеекъ стопа.

II. **Воскъ** добывается въ большомъ количествѣ въ нижней [63]), казанской, въ Мордвѣ [51]) и другихъ мѣстностяхъ. Прежде вывозилось ежегодно около 3.500 пудовъ, но такъ какъ страна годъ отъ году увеличивается, и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ употребляется передъ ихъ образами въ церквахъ и домахъ и при публичныхъ процессіяхъ, то должны были прекратить его отправку на корабляхъ. Въ Архангельскѣ онъ такъ дорогъ, что его туда возятъ моремъ, и имъ можно снабжать сосѣдніе провинціи и города. Въ 1672 году было туда привезено *(моремъ)* [64]) изъ Россіи 6 тоннъ; приходятъ также партіи изъ Лифляндіи, Украйны и Черкассъ.

III. **Водка** принадлежитъ собственной царской торговлѣ. Кто ею занимается тайкомъ и пойманъ, долженъ наказываться кнутомъ. Царь имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ по всему государству свои винокурные заводы, и самъ содержитъ въ Москвѣ и около всѣ пивные и водочные „кабаки", или кружала, а которые находятся далеко отъ Москвы въ деревнѣ и въ мѣстечкахъ [65]), онъ отдаетъ въ аренду. Однако его собственной водки недостаточно, а надо ежегодно покупать значительныя партіи отъ лифляндцевъ и черкассовъ. Послѣдніе привозятъ свою *(водку)* зимой въ Москву на новый постоялый дворъ, или „Новый гостиный дворъ", а первые везутъ ее только до Пскова. Въ кабакахъ за одинъ штофъ лишь обыкновенной водки, или восьмую часть ведра, уплачивается отъ 8 до 13 копеекъ, но въ аптекѣ она платится по вѣсу, и стóитъ фунтъ самой плохой—12 копеекъ; перегнанная тминная водка стóитъ 16 копеекъ, и говорятъ, что здѣсь водка продается до 50 копеекъ за фунтъ. Эта торговля ежегодно много приноситъ царю въ казну.

IV. **Бобры**. Россія отпускаетъ бобровую струю, но не бобровъ, а ежегодно ихъ получаетъ въ большомъ количествѣ отъ голландцевъ и гамбургцевъ, которые ихъ привозятъ изъ Англіи. Удивительно, что иностранцы продаютъ русскимъ бобровые мѣха, а потомъ покупаютъ въ свою очередь въ Россіи шерсть, которую русскіе вычесываютъ изъ мѣховъ, потому что русскіе совсѣмъ не покупаютъ или немного бобровыхъ мѣховъ, которые уже вычесаны. Эти вычесанные мѣха окрашиваются въ черный цвѣтъ и употребляются на женскія шапки, и нѣтъ ни одной женщины отъ самой простой до самой знатной, которая не носила бы такой шапки. Изъ невычесанныхъ дѣлаются большіе воротники къ соболю, куницѣ, бѣлкѣ и другимъ мѣхамъ, и ими же отарачиваютъ кругомъ края *(мѣховой одежды)* и спереди рукава, а также украшаютъ ими рукавицы.

V. **Выдры** часто привозятся въ Россію и здѣсь употребляются большею частью, какъ бобры, на отдѣлку другихъ мѣховъ. Въ 1672 г. пришло туда 9 штукъ черезъ Архангельскъ, а въ 1673 г.—300 штукъ черезъ Нарву.

VI. **Хорьки**. Этотъ товаръ привозится въ Россію отчасти изъ Англіи, и еще въ 1673 году оттуда было привезено 40 сороковъ. Зимой покупали мѣхъ отъ $3^1/_2$ до 4 рублей. Лѣтомъ же ихъ трудно было найти, потому что они со вскрытіемъ водъ отвозятся въ Астрахань, а оттуда въ Персію.

VII. **Французскія лисицы**. Русскіе не только сами имѣютъ много лисьихъ мѣховъ, но также ежегодно ихъ отпускаютъ; смотри выше I главу этой части, № III. Но тѣмъ не менѣе они получаютъ французскія, какъ черезъ Нарву, такъ и черезъ Архангельскъ; въ 1673 г. пришло въ Архангельскъ 330 штукъ, а черезъ Нарву прошло 180 штукъ. Черныя лисицы также ввозятся и дорого продаются.

VIII. **Стекло**. Около Москвы устроили два стеклянныхъ завода. Одинъ мастеръ, по имени Мигнотъ [66]), итальянецъ и управляетъ однимъ заводомъ, который принадлежитъ царю, находится въ 5 верстахъ отъ Москвы и называется Измайловъ. Его очень хвалятъ за его искусство, и онъ выдуваетъ довольно тонкое стекло. Другой заводъ называется Духанина и находится въ 40 верстахъ отъ Москвы и впервые заведенъ однимъ человѣкомъ, по имени Юлій Койетъ [67]). Правда, онъ тогда долженъ былъ возить изъ Германіи нужные матеріалы съ большими издерж-

ками, но, наконецъ, всѣ такія вещи, благодаря большому труду и старанію, были найдены также въ Россіи, и теперь нашли большую мель [68]) въ 5 верстахъ отъ Москвы. Печные камни привозятся за 15 верстъ оттуда, а кирпичная глина, которая превосходитъ иностранную въ крѣпости, копается зимою въ 50 верстахъ во Гжели [69]),—и все привозится въ названное время на заводы. Такъ какъ нельзя найти въ этихъ мѣстностяхъ буковыхъ дровъ, то, вмѣсто нихъ, употребляется зола изъ осиновыхъ и еловыхъ дровъ, а такую золу пережигаютъ окрестные крестьяне и въ изобиліи привозятъ продавать на заводы за 12 коп. тонну. Годный для этого песокъ копается на рѣчкѣ Истрѣ, которая въ 12 верстахъ отъ Москвы впадаетъ въ *(рѣку)* Москву, а оттуда возится на заводы. Сами стеклянные заводы выстроены на мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, и каждый заводъ употребляетъ ежегодно отъ 5 до 600 саженъ [70]) березовыхъ дровъ, которыя всѣ рубятся лѣтомъ. Въ теченіе цѣлаго года работаютъ только отъ 25 до 30 недѣль, потому что зимою нельзя работать, по причинѣ большого холода, и каждый заводъ работаетъ 6—8 мастерами, не считая трубочистовъ и другихъ работниковъ. Въ Духанинѣ выдуваютъ только грубое стекло, а именно оконное и различныя скляницы [71]), которыя тогда, когда онѣ тамъ готовы [72]), большею частью зимой, а именно ежегодно отъ 80 до 90.000, отправляются для продажи въ Москву. Но на этихъ обоихъ заводахъ не дѣлается достаточнаго количества стекла, почему не только очень много простого, но особенно синяго стекла разныхъ сортовъ привозятъ зимой изъ Черкассъ въ Москву и на гостиномъ дворѣ продается цѣлый годъ; однако изъ Лифляндіи приходитъ также много оконнаго стекла и партіи хрустальныхъ скляницъ и другого стекла. Въ 1671 году были привезены черезъ Архангельскъ 64 дюжины скляницъ и 170 бутылокъ, а также много стеклянныхъ корольковъ.

IX. **Зелень** [73]). Русскіе сами дѣлаютъ зелень изъ красной мѣди, но она и наполовину не такъ хороша, какъ та, что привозитсяизвнѣ. Иностранцы могутъ сбывать ежегодно не больше 3—4 шиффунтовъ.

X. **Хинный корень**, лат. Radix Chinae. Этотъ корень, употребляемый противъ французской болѣзни, привозятъ въ Москву сибирскіе купцы, но онъ очень плохой, и его продаютъ отъ 30 до 40 копеекъ и немного дороже, отчего происходитъ, что про-

візоръ царской аптеки большую часть выписываетъ изъ Германіи и охотнѣе за него платитъ въ Москвѣ 4 любскихъ марки за фунтъ. Снаружи онъ бываетъ красный или немного черноватый, изнутри же бѣлый или красноватый, и чѣмъ онъ чернѣе, тѣмъ онъ и лучше.

XI. **Лошади.** Хотя русскіе имѣютъ въ своей странѣ много лошадей и особенно ихъ получаютъ въ ногайской и калмыцкой Татаріи, потому что эти народы пригоняютъ туда *(въ Москву)* ежегодно въ августѣ много тысячъ, иногда даже 20 и болѣе тысячъ лошадей, которыя называются лошадиными стадами, „табунами“, но всетаки они немало покупаютъ отъ другихъ націй и самыхъ рѣдкихъ своихъ верховыхъ лошадей получаютъ отъ персовъ, турокъ, калмыковъ, дагестанцевъ и другихъ. Каретныхъ лошадей доставляютъ нѣмцы, и до сихъ поръ имъ была хорошая торговля черезъ Любекъ и Нарву, но теперь она очень ослабѣла и почти совсѣмъ прекращается, отчасти потому что уже много привезено, отчасти также оттого что не стараются привезти туда чего-нибудь рѣдкаго и хорошаго. Теперь нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лифляндіи начали дѣлать и привозить въ Москву столько нѣмецкихъ каретъ, что имъ также нѣтъ больше сбыта.

Замѣтка. Желѣзо, сталь, соль, красная мѣдь и мёдъ могли бы также быть причислены къ товарамъ, которые Россія хотя сама имѣетъ, но и отчасти покупаетъ отъ иностранцевъ. Такъ, хотя въ настоящее время въ Москвѣ дѣлается столько желѣза, что и имъ можно достаточно снабдить цѣлую страну, но всетаки черезъ Архангельскъ привозится ежегодно шведское желѣзо, именно столько, сколько тамъ нужно вокругъ *(лежащимъ)* сѣвернымъ мѣстамъ. Оно также черезъ Новгородъ привозится въ Москву, потому что они не могутъ такъ хорошо дѣлать изъ своего собственнаго желѣза нѣкоторыхъ вещей и почти непремѣнно должны имѣть шведское. Въ 1671 году было привезено въ Москву 1.957, въ 1672 г. —123 прута и 90 пудовъ и въ 1673 г.—672 прута. Также привозятся моремъ каждый годъ и значительныя партіи обработаннаго желѣза, какъ-то: замки, ножи, ножницы, съёмцы [74]) и т. д. Сталь привозится также изъ Швеціи черезъ Новгородъ. Ни одна русская провинція не нуждается въ соли извнѣ, кромѣ Псковскаго княжества; она идетъ туда изъ Нарвы и въ настоящее время составляетъ самую лучшую торговлю, которая тамъ ведется Нарвой. Черезъ

Архангельскъ не надо было бы выписывать соли, потому что въ разныхъ мѣстахъ страны соль добывается въ изобиліи, но нѣмцы такъ лакомы, что выписываютъ моремъ для своего собственнаго хозяйства люнебургскую соль, равнымъ образомъ голландскій сыръ и масло, вестфальскіе окорока, даже висмарскую мумму и тому подобное. Въ 1671 г. было привезено въ Архангельскъ 15 тоннъ люнебургской соли. Хмеля и меда достаточно добывается въ странѣ, но не въ сѣверныхъ провинціяхъ, по причинѣ большого холода, и однако кажется, что стоимость провоза не всегда позволяетъ привозить туда эти предметы, такъ какъ иностранцы иногда привозятъ таковые моремъ черезъ Архангельскъ[75]). Въ 1671 году туда прибыло 8 большихъ и 9 малыхъ мѣшковъ хмеля и 6 тоннъ меда.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Объ иностранныхъ, или привозныхъ товарахъ.

Теперь слѣдуетъ упомянуть о приходящихъ въ Россію товарахъ. Эта торговля преимущественно четырехъ родовъ: 1) европейская, 2) персидская, 3) греческая и 4) китайская.

ГЛАВА I.

Объ европейской торговлѣ[76]):

О товарахъ, привозимыхъ черезъ Архангельскъ и Восточное море.

Что касается товаровъ, которые Россія ежегодно получаетъ отъ европейцевъ, они должны привозиться или черезъ Архангельскъ или Лифляндію, и, слѣдовательно, годовыя росписи изъ архангельскихъ и лифляндскихъ таможенныхъ книгъ могутъ дать объ этомъ наилучшее свѣдѣніе, изъ которыхъ нѣкоторыя я помѣщу здѣсь же. Однако при этомъ нужно замѣтить, что изъ архангельскихъ росписей можно только видѣть количество, а не доброту товаровъ; такъ какъ нужно думать, что ежегодно много товаровъ привозится тайкомъ, и что также часть товаровъ, идущихъ черезъ Восточное море, особенно желтая мѣдь, красная мѣдь, желѣзо и сталь привозится самими русскими прямо въ Россію на своихъ лодьяхъ[14]) изъ Швеціи черезъ Ладожское озеро, на которомъ царь владѣетъ еще приблизительно третьей частью берега,—то и дѣйствительное количество можетъ стать значительнымъ[77]).

Роспись [78]) нѣмецкихъ товаровъ, которые были привезены моремъ въ 1671 г. въ Архангельскъ.

6.846 золотниковъ жемчуга.
133 маса [79]) того же въ 7 коробкахъ.
4.419 штукъ [80]) крупнаго жемчуга.
185 фунтовъ и 27 штукъ и еще 4 ящика съ золотыми и серебряными кружевами [81]).
3.931 фунтъ золотой и серебряной проволоки.
5 пудовъ соребряной посуды.
64 штуки перстней съ печатью съ сапфирами [82]).
5 штукъ розъ-алмазовъ [83]).
63 штуки камней сапфировъ и много фальшивыхъ драгоцѣнныхъ камней.
32 штуки серебряной Tailet, или объяри [84]).
84 штуки тяжелой шелковой объяри.
28 штукъ тяжелаго шелковаго бархата.
342 штуки цвѣтного атласа.
2 ящика со всякимъ локтевымъ товаромъ [85]).
204 штуки камки.
1 ящикъ той же амстердамской.
54 штуки шерстяной камки.
34 штуки бриксъ-атласа.
441 штука всякой цвѣтной волнистой и неволнистой тафты.
1 штука шелковаго гробгрина.
218 штукъ и 2 ящика камлотовъ.
2 штуки дрогета.
214 штукъ могера.
22 кипы и 587 половинокъ кармазиннаго сукна.
8 кипъ и 248 половинокъ полукармазиннаго сукна.
81 кипа и 64 /2 овинокъ [86]) англійскаго того же.
9 кипъ 22 8/2 овинокъ голландскаго того же.
41 кипа и 267 1/2 овинокъ гамбургскаго сукна.
8 кипъ и 171 6/2 овинокъ фирлота.
18 ящиковъ и 666 штукъ бомбазина и саржи.
4 штуки триппа.
6 кипъ и 1.217 штукъ раша и байки.
4 штуки плиса.

8 кипъ и 13 бунтовъ суконныхъ лоскутьевъ и обрѣзковъ сукна.
62 штуки наволокъ на постели.
367 штукъ полотна[87]) и 6 ковровъ.
2.999 штукъ бобровыхъ мѣховъ.
25 стопъ бумаги большого формата.
28.454 стопы бумаги обыкновеннаго формата.
401 бочка и 13 ящиковъ ладана.
6.176 пудовъ и 5.280 штукъ бразильскаго дерева.
265 бочекъ и 3 ящика индиго.
123 бочки кармина[88]).
5 боченковъ, 4 ящика и 6 тюковъ зелени[73]).
84 боченка, 3 ящика и 8 корзинъ со всякими красками.
230 тоннъ свинцовыхъ бѣлилъ.
267 штукъ и 2 бочки слоновыхъ клыковъ.
25 бочекъ и 6 пудовъ котловъ, тазовъ и проволоки изъ желтой мѣди.
57 боченковъ англійскихъ оловянныхъ блюдъ и тарелокъ.
131 дюжина оловянныхъ кубковъ.
15 боченковъ оловянныхъ полосъ[89]).
18 ящиковъ того же.
516 штукъ свинца.
300 штукъ мелкаго[90]).
4.000 листовъ мишуры.
64 пуда красной мѣди.
833 дюжины малыхъ колоколовъ изъ желтой мѣди.
54 штуки вѣнковъ изъ желтой мѣди.
27 штукъ большихъ колоколовъ.
300 паръ подсвѣчниковъ изъ желтой мѣди.
11 боченковъ Amdam[91])
407 боченковъ жести.
1.957 прутьевъ шведскаго желѣза.
13.728 свертковъ ножей или чистаго серебра[92]).
2 штуки поддѣльныхъ кружевъ.
37 штукъ шелковыхъ лентъ.
42 свертка и 41 корзинка струнъ изъ желтой мѣди.
150 фунтовъ золотыхъ блёстокъ.
3 ящика съ бобрами.
7 штукъ большихъ фонарей изъ желтой мѣди.

100 бочекъ квасцовъ.
5 бочекъ и 1 ящикъ гумми.
603 штуки пилъ.
2 штуки флера.
2 штуки полемита.
1 ящикъ съ лѣкарствами.
15 тоннъ улитковыхъ головокъ и маленькихъ раковинъ, которыми украшаютъ конскую сбрую.
25 тюковъ и 70 мѣшковъ хлопчатой бумаги.
2 тюка, 1 бунтъ, 6 тоннъ и 6 мѣшковъ съ выбойчатыми свѣтильнями.
115 дюжинъ, 2 тонны и 9 ящиковъ книжныхъ зеркалъ [93]).
22 штуки большихъ зеркалъ.
14 штукъ саблей.
2 штуки карабиновъ.
2 штуки обшитыхъ чапраковъ.
1 ящикъ съ пистолетами.
10.250 штукъ нѣмецкихъ шляпъ.
42 штуки выдѣланныхъ лосьихъ кожъ.
1.184 штуки краснаго и желтаго сафьяна.
64 пары шелковыхъ чулокъ.
314 дюжинъ тѣхъ же шерстяныхъ.
64 дюжины скляницъ и 170 штукъ бутылокъ.
2 ящика, 2 боченка, 31 фунтъ и 14 масовъ [94]) красныхъ корольковъ.
20 боченковъ сѣры.
25 пудовъ и 28 фунтовъ ртути.
3 бочки и 2 мѣшка чилибухи.
4 бочки мышьяка.
2 бочки купороса.
4 ящика счётныхъ пфенниговъ [95]).
16 бочекъ и 2 корзинки съ испанской каменной посудой [96]).
5 кипъ, 1 бунтъ, 30 бочекъ и 9 ящиковъ со всякими бездѣлушками, или нюренбергскими мелочными товарами.
491 дюжина очковъ.
5 бочекъ и 1 ящикъ съ ножницами и ножами.
4.860 дюжинъ игральныхъ картъ.
683.000 иголокъ.
154.000 булавокъ.

35 мѣшковъ и 25 бочекъ галмея.
5 бочекъ и 66 мѣшковъ риса.
666 бочекъ деревяннаго масла.
2.477 тоннъ сельдей.
162 тюка перца.
4 боченка, 3 ящичка и 2 пуда шафрана.
3 бочки и 2 мѣшка кардамона.
1 ящикъ, 5 бочекъ и 3 кипы коринки.
11 бочекъ гвоздики.
1 бочка сушенаго инбиря.
11 бочекъ, 17 кипъ и 2 ящика миндаля.
14 бочекъ финиковъ.
18 ящиковъ и 2 боченка сахарнаго печенья [97]).
10 бочекъ конфетъ.
20 ящиковъ сахарныхъ фигурокъ [98]) и леденцовъ.
47 бочекъ головного сахара.
3 бочки цуката.
98 бочекъ конфетнаго инбиря [99]).
1 ящикъ брунелей.
2 бочки мускатныхъ орѣховъ.
943 бочки винныхъ ягодъ.
367 бочекъ длиннаго изюма.
200 корзинъ того же.
37 бочекъ сливъ.
6 бочекъ и 4 тюка аниса.
130 пипъ испанскаго вина.
109 оксофтовъ бѣлаго французскаго вина.
720 того же краснаго.
2 бота мальвазіи.
6 бочекъ мускателя.
2 бота аликанта.
5 ботовъ вина тинта.
1 ботъ бастерта.
8 пипъ петеръ-сцемена.
26 оксофтовъ виннаго уксуса.
157 пипъ соленыхъ лимоновъ.
1 бочка лимоннаго сока.
8 большихъ и 9 малыхъ мѣшковъ хмеля.
15 бочекъ люнебургской соли.

6 бочекъ меда.
27.839 дукатовъ, спецiесъ.
50.000 рейхсталеровъ, спецiесъ.
16.000 рублей русскихъ денегъ, которые идутъ изъ Украйны черезъ Польшу въ Данцигъ и большею частiю тамъ обмѣниваются.

Архангельская роспись 1672 г.

2.002 рубля, 26 алтынъ и 2 копейки русскихъ денегъ.
11.320 дукатовъ, спецiесъ.
5.629 рейхсталеровъ, спецiесъ.
4 подноса.
3 серебряныя кружки.
2 дюжины штофныхъ кружекъ.
22 фунта серебряной посуды.
27 штукъ выкованныхъ золотыхъ и серебряныхъ досокъ [100]).
6 золотыхъ украшенiй съ камнями.
9 золотыхъ перстней съ рубинами.
3 пары серегъ съ вдѣланными драгоцѣнными камнями.
2.000 штукъ крупнаго жемчуга.
9 фунтовъ, золотникъ и 1 бунтикъ мелкаго [101]).
3.131 литра венецiанской и голландской витой золотой проволоки.
19 литръ голландской витой серебряной проволоки.
2 ящичка съ тонкимъ и узкимъ кованымъ серебромъ и золотомъ, намотаннымъ на маленькiя катушки.
70 литръ того же голландскаго.
11.180 литръ, 6 пудовъ и 25 фунтовъ поддѣльной золотой и серебряной проволоки.
70 фунтовъ и 24 золотника золотыхъ и серебряныхъ галуновъ и кружевъ.
206 коробокъ съ канителью.
300 коробокъ съ блестками.
1 чапракъ, обшитый серебромъ и золотомъ.
11 штукъ золотой и серебряной Taylet, или объяри [84]).
28 тоннъ маленькихъ раковинъ для конской сбруи.
6 тоннъ разрѣзанной слоновой кости.

1 ларь съ поддѣльными серебряными шнурками, которые русскіе носятъ спереди на груди у кафтановъ.
258 тоннъ и 4 поставца бѣлаго и сѣраго ладана.
1 тонна, 3 ящика и еще на 2.755 рублей всякихъ нюренбергскихъ товаровъ.
3 ларя и 8 бунтиковъ нѣжныхъ, красныхъ корольковъ.
8 бочекъ, 1 ларь и 14 фунтовъ всякихъ цвѣтныхъ поддѣльныхъ корольковъ.
10 кипъ, 2.360 пудовъ и 11.925 штукъ бразильскаго, фернамбуковаго и синяго дерева.
110 пудовъ и 170 штукъ синяго дерева.
5 кипъ, 1.000 пудовъ и 472 штуки бразильскаго, фернамбуковаго и синяго дерева.
4 тонны и 12 фунтовъ вермильона [102]).
5 тоннъ всякой краски.
1 тонна крахмала.
31 боченокъ свинцовыхъ бѣлилъ.
5 боченковъ меркурія.
7 тоннъ гумми.
40 тоннъ квасцовъ.
55 мѣшковъ чернильныхъ орѣшковъ.
809 боченковъ индиго гватимало и лауро.
1 ящичекъ драконовой крови.
9 тоннъ купороса.
1 тонна чилибухи.
11 тоннъ, 1 ящикъ кармина [88]).
5 боченковъ и 15 пудовъ ртути.
23 боченка зелени.
9 тоннъ и 12 ящиковъ буры, которую золотыхъ дѣлъ мастера употребляютъ для паянія.
14 фунтовъ Ammulirung, или финифти.
7 тоннъ, 1.848 бунтовъ и 480 дюжинъ картъ.
2 ящика съ хрустальной посудой.
10 зеркалъ, 7 тоннъ, 556 ящиковъ, 330 ларей и 8 дюжинъ зеркальнаго стекла.
6 тоннъ, 4 большихъ и нѣсколько малыхъ корзинъ съ гельбрюнскими рюмками и тонкими кружками.
40 плетёныхъ корзинъ.
37 нѣмецкихъ стульевъ.

3 ящика съ погребцами [37]).
6 тоннъ воска.
3.709 стопъ бумаги.
6 скляницъ анисоваго масла.
35 бочекъ деревяннаго масла.
100 кружекъ спиковаго масла.
350 скляницъ всякаго масла для лѣкарства.
4 пуда фіалковаго корня.
10 тоннъ сладкаго стручка.
1 ларь и 6 корзинъ со всякими лѣкарствами.
46 тоннъ головного сахара.
4 тонны и 10 ящиковъ конфетнаго сахара.
4 тонны сиропа.
24 пуда риса.
1.251 тонна сельдей.
26 боченковъ цукатовъ, консервированныхъ [103]) въ сиропѣ.
4 боченка каперсовъ.
3 боченка оливокъ.
121 тюкъ перца.
4 тонны инбиря.
6 бочекъ и 23 пуда гвоздики.
2 кипы, 3 ларя и 4 пуда корицы.
4 маленькихъ мѣшка, 1 ларь и 30 фунтовъ шафрана.
1 боченокъ мускатнаго цвѣта.
1 боченокъ мускатныхъ орѣховъ.
677 боченковъ винныхъ ягодъ.
2 тонны миндаля.
481 тонна синяго корзиннаго изюма [104]).
1 бочка коринки.
30 ящиковъ брунелей.
27 бочекъ сливъ.
1 ящикъ [105]) со свѣжими лимонами.
14 тоннъ соленыхъ лимоновъ.
2 черныя лисицы.
9 выдръ.
10.859 бобровъ.
71 колоколъ.
40 тоннъ и 1 поставецъ съ англійскими оловянными блюдами, тарелками и другими вещами.

560 штукъ свинца.
328 бочекъ бѣлой оконной жести.
60 трубъ изъ желтой мѣди.
3 рукомойника изъ желтой мѣди.
30 столовыхъ колецъ [106]) изъ желтой мѣди.
30 вѣнцовъ изъ желтой мѣди.
2 тонны, 10 ларей и 24 коробки проволоки изъ желтой мѣди и такихъ же наперстковъ.
550 бунтовъ наперстковъ изъ желтой мѣди.
5 тоннъ и 1 ларь съ булавками.
1 тонна со съемцами [74]), замками, изъ желтой мѣди наперстками и маленькими ножницами.
29 дюжинъ и 900 штукъ маленькихъ ножницъ.
2 тонны желѣзной проволоки.
123 прута и 90 пудовъ шведскаго желѣза.
630 бунтовъ ножей и ноженъ.
1 тонна и 663 дюжины замковъ.
9 ларей и 545.000 штукъ иголокъ.
166 дюжинъ стальныхъ ложекъ.
130 пипъ испанскаго вина.
53 оксофта французскаго бѣлаго вина.
562 оксофта того же краснаго.
2 бота мальвазіи.
3 пипы вина тинта.
3 пипы вина бастерта.
3 пипы того же краснаго.
1 пипа мускатнаго вина.
12 оксофтовъ водки.
1 оксофтъ виннаго уксуса.
200 шляпъ.
43 штуки шелковой объяри.
34 штуки венеціанскаго бархата.
156 штукъ атласа.
36 штукъ голландскаго нетравчатаго атласа.
259 штукъ, 2 половинныя штуки, 5 концовъ [107]) и 2 ящичка съ итальянской и амстердамской камкой.
47 штукъ шерстяной камки.
806 штукъ турецкихъ и нѣмецкихъ камлотовъ и каразеи.
256 штукъ камлотовъ.

45 штукъ каразеи.
1 штука плиса.
$669^1/_2$ штукъ гладкихъ и травчатыхъ штофовъ.
2 конца[107]) черной тафты.
$52^1/_2$ штукъ венеціанской гладкой тафты.
26 кипочекъ и 38 штукъ персидской выбойки.
$36^5/_2$ овинокъ кирзы[108]).
$221^8/_2$ овинокъ фирлота.
679 штукъ и 1 ящикъ[105]) бомбазина[109]).
11 штукъ триппа.
20 штукъ полемита.
4 штуки парчи.
19 штукъ плиса.
43 штуки саржи.
155 штукъ раша.
$47^2/_2$ овинокъ кармазиннаго сукна.
$9^2/_2$ овинокъ и 3 кипы англійскаго и голландскаго сукна.
$294^0/_2$ овинокъ и 19 кипъ гамбургскаго сукна.
$13^1/_2$ овинокъ голландскаго сукна.
$^8/_2$ овинокъ свѣтло-сѣраго сукна.
7 кипъ и 12 бунтовъ отрѣзковъ[110]) и каёмокъ сукна.
112 штукъ и 470 аршинъ нѣмецкаго полотна.
4 штуки холста на салфетки.
25 штукъ наволокъ на постели.
29 тюковъ и 2 кипы хлопчатой бумаги.
1 свинья съ пряденнымъ шелкомъ[111]).
87 паръ шелковыхъ чулокъ.
5 дюжинъ шелковыхъ и шерстяныхъ чулокъ.
15 штукъ одѣялъ.

Архангельская роспись товарамъ, прибывшимъ туда въ 1673 году[112]) на 33 корабляхъ.

25-го и 30-го іюля пришли два гамбургскихъ корабля, одинъ голландскій и одинъ бременскій и привезли:

1 дюжина серебряныхъ кубковъ.
8 штукъ шелковой объяри.

1 штука итальянской камки.
$^{8}/_{2}$ овинокъ [86]) кармазиннаго сукна [113]).
$2^{6}/_{2}$ овинокъ голландскаго сукна [113]).
66 штукъ камлотовъ.
75 штукъ бомбазина.
22 штуки цвѣтной выбойки.
12 штукъ триппа.
20 штукъ раша.
15 штукъ атласа.
2 штуки наволокъ на постели.
2 штуки платковъ [114]), которыми женщины покрываютъ голову.
1.242 штуки большихъ и маленькихъ бобровъ.
11 бочекъ индиго гватимало.
35 боченковъ того же лауро.
6 боченковъ сурика.
2.044 стопы бумаги.
5 бочекъ и 2 ящика ладана.
141 бочка деревяннаго масла.
14 тюковъ перца.
1 бочка гвоздики.
4 бочки головного сахара.
5 тюковъ аниса.
1.367 тоннъ сельдей.
Нюренбергскій товаръ на 20 рублей.
3 бочки гумми.
1 ящикъ и 1 кипочка зелени.
1 тонна и 24 штуки слоновыхъ клыковъ.
3.744 пуда, 146 штукъ и еще 5 плетеныхъ корзинъ съ фернамбуковымъ и синимъ деревомъ.
307.200 иголокъ.
96 оксофтовъ бѣлаго французскаго вина.
932 оксофта того же краснаго.

Еще на 13 корабляхъ, а именно 8 гамбургскихъ, 3 бременскихъ и 2 голландскихъ, прибыло:

9.545 дукатовъ, спецiесъ.
12.000 рейхсталеровъ, спецiесъ.

1 пудъ и 1 ящикъ серебряной посуды.
4 дюжины серебряныхъ кубковъ.
$1^{1}/_{2}$ дюжины такихъ же чашъ.
1 того же, кружекъ.
2 штуки такихъ же солонокъ.
1 такой же маленькій корабль, осыпанный драгоцѣнными камнями.
1 такая же карета, осыпанная драгоцѣнными камнями.
4 пары золотыхъ серегъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями.
84 золотыхъ перстней съ драгоцѣнными камнями.
1 золотая драгоцѣнная вещь съ рубинами и сапфирами.
5 паръ золотыхъ серегъ.
26 фунтовъ, 22 золотника, 21 кисть, или бунтикъ, и 2 дюжины жемчуга.
19 шнурковъ и 420 штукъ крупнаго жемчуга.
2.969 литръ золотой и серебряной проволоки.
2 пуда и 8 фунтовъ золотыхъ и серебряныхъ кружевъ и галуновъ.
33 штуки шелковыхъ галуновъ.
30 паръ шелковыхъ чулокъ.
11 штукъ гладкаго венеціанскаго бархата.
76 штукъ шелковой объяри.
154 штуки атласа.
159 штукъ итальянской камки.
719 штукъ гладкой и волнистой венеціанской тафты.
23 штуки полушелковой камки.
12 штукъ триппа.
66 штукъ камлотовъ.
$6^{2}/_{2}$ овинокъ кармазиннаго сукна.
$6^{3}/_{2}$ овинокъ полукармазиннаго того же.
$1^{4}/_{2}$ овинокъ англійскаго того же.
$6^{2}/_{2}$ овинокъ [115]) голландскаго сукна.
$13^{3}/_{2}$ овинокъ гамбургскаго того же.
$4^{0}/_{2}$ овинокъ сѣраго того же.
$95^{4}/_{2}$ овинокъ фирлота.
78 штукъ раша.
20 штукъ саржи.
15 штукъ сатина [116]).
274 штуки бомазеи.

22 штуки крашеной выбойки.
265 штукъ гамбургскаго полотна.
2 тюка съ суконными покромками и лоскутьями.
2 штуки наволокъ на постели.
189 штукъ данцигскихъ одѣялъ.
21 кор. [117]) шерстяныхъ чулокъ.
14 кор. кожаныхъ рукавицъ.
220 штукъ лисицъ.
5 тоннъ и 11.230 штукъ большихъ и маленькихъ бобровъ.
85 штукъ выдръ.
9.837 пудовъ и 643 штуки и еще 12 корзинъ съ фернамбуковымъ и синимъ деревомъ.
11.976 литръ мишуры [118]), или поддѣльнаго золота и серебра.
24 фунта и 8 шнурковъ красныхъ корольковъ.
33 ящика и 64 тонны сѣры.
101 тонна и 3 ящика бѣлаго и сѣраго ладана.
296 большихъ и маленькихъ бочекъ деревяннаго масла.
3 тонны воска.
2 тонны меда.
9 ящиковъ, 25 бочекъ и 210 горшковъ головного сахара.
6 бочекъ конфетнаго сахара.
2 бочки краснаго и бѣлаго леденца.
8 бочекъ, 1 мѣшокъ, 24 пуда и 30 фунтовъ гвоздики.
6 пудовъ корицы.
1 ящичекъ шафрана.
1 тонна кардамона.
17 бочекъ и 8 тюковъ сушенаго инбиря.
1 тонна консервированнаго инбиря.
21 боченокъ цукатовъ.
1 ящикъ сушеныхъ цукатовъ.
2 боченка оливокъ.
5 боченковъ и 98 тюковъ перца.
834 тонны и 1.608 корзинъ изюма.
247 бочекъ винныхъ ягодъ.
87 бочекъ лимоновъ.
3 бочки лимоннаго сока.
9 тоннъ и 5 тюковъ аниса.
3.661 тонна сельдей.
96 оксофтовъ бѣлаго французскаго вина.

347 оксофтовъ того же краснаго.
178 боченковъ и 7 ящиковъ индиго гватимало.
66 бочекъ того же лауро.
6 боченковъ сурика.
4.703 стопы и 2 кипы бумаги.
25 стопъ александрійской бумаги.
1.057 штукъ свинца.
2 ящика оловянныхъ полосъ.
321 бочка жести.
22 бочки котловъ и тазовъ изъ желтой мѣди.
9 ящиковъ и 22 штуки кадильницъ[119]).
19 колоколовъ.
61 пудъ и 1 ящикъ проволоки изъ желтой мѣди.
208 штукъ подсвѣчниковъ изъ желтой мѣди.
2 штуки тѣхъ же каменныхъ.
8 штукъ столовыхъ кружковъ[120]).
6 штукъ умывальниковъ.
2 штуки большихъ рукомойниковъ изъ желтой мѣди.
2 тонны наперстковъ изъ желтой мѣди.
639.000 иголокъ.
720.000 булавокъ.
120 коробокъ[117]) канители и блестокъ изъ желтой мѣди.
2 тонны желѣзной проволоки.
672 прута шведскаго желѣза.
26 тюковъ чернильныхъ орѣховъ.
3 бочки гумми.
3 бочки квасцовъ.
5 тоннъ всякаго рода стеклянныхъ корольковъ.
2 тонны улитковыхъ головокъ.
1 тонна и 1 ящикъ буры, какую употребляютъ золотыхъ дѣлъ мастера.
10 бочекъ, 6 пудовъ и 36 фунтовъ ртути.
4 тонны свинцовыхъ бѣлилъ.
1 тонна, 1 ящикъ, 1 кипочка и 5 фунтовъ зелени.
4 большія зеркала.
2 ящика и 216 дюжинъ маленькихъ зеркалъ.
1 тонна ножницъ.
3 тонны и 1.005 корзинъ зеркальнаго стекла.
8 боченковъ туалетныхъ бѣлилъ[121]).

244 дюжины нюренбергскихъ письменныхъ приборовъ [122]).
30 фунтовъ сургуча.
2 ящика и 1 кувшинъ спиковаго масла.
2 тонны и 630 дюжинъ замковъ.
56 штукъ нѣмецкихъ стульевъ.
12 штукъ оловянныхъ скляницъ.
46 дюжинъ такихъ же кубковъ.
80 дюжинъ стальныхъ ложекъ.
3 тонны и 170 штукъ слоновыхъ клыковъ.
7 тоннъ игральныхъ картъ.
4 тюка хлопчатой бумаги.
460 баночекъ съ бальзамомъ.
4 тонны стеклянной и каменной посуды.
10 пудовъ канареечнаго сѣмени.
2.820 рублей нюренбергскихъ товаровъ.

На 14 корабляхъ изъ Голландіи, пришедшихъ 28-го сентября, прибыло:

6.020 дукатовъ, специесъ.
100 рейхсталеровъ, специесъ.
7 золотыхъ перстней.
1 кадильница, сдѣланная изъ серебра и хрусталя.
337 штукъ крупнаго жемчуга.
59 бунтиковъ жемчуга.
44 шнура и 1 ящичекъ красныхъ корольковъ.
735 литръ золотой и серебряной проволоки.
2 ларя съ золотыми серебряными кружевами.
80 штукъ шелковой объяри.
8 штукъ серебряной той же.
14 штукъ шелковыхъ лентъ.
4 штуки чернаго шелковаго штофа.
6 штукъ и 2 конца [107]) венеціанскаго бархата.
43 штуки атласа разныхъ цвѣтовъ.
212 штукъ амстердамской и итальянской камки этихъ цвѣтовъ.
104 штуки голландской камки.
258 штукъ венеціанской тафты.
687 штукъ камлотовъ.

11 штукъ шерстяного штофа.
4 штуки триппа.
4 штуки шерстяного гробгрина.
23 штуки наволокъ на постели.
$47^2/_2$ овинокъ и $^6/_4$ штуки кармазина, $3^1/_2$ овинокъ полукармазиннаго сукна.
$3^1/_2$ овинокъ полукармазиннаго того же.
$18^8/_2$ овинокъ фирлота.
$21^7/_2$ овинокъ и 2 $^6/_4$ штуки голландскаго сукна.
$13^6/_2$ овинокъ гамбургскаго того же.
80 штукъ раша.
28 штукъ саржи.
275 штукъ бомбазина, $^6/_2$ овинокъ сѣраго сукна [123]).
705 штукъ цвѣтной выбойки.
321 штука голландскаго полотна.
197 дюжинъ шелковыхъ пуговокъ.
32 штуки полотна на скатерти.
24 дюжинъ сафьяна.
221 штука выбойки.
22 мѣшка хлопчатой бумаги.
1 бочка и 15.707 штукъ большихъ и малыхъ бобровъ.
1 сорокъ соболей.
330 штукъ лисицъ.
40 сороковъ хорьковъ.
2.170 штукъ нѣмецкихъ шляпъ.
1.256 стопъ бумаги.
5 пудовъ, 7 ящиковъ и 24 тонны бѣлаго и сѣраго ладана.
364 бочки деревяннаго масла.
2.820 пудовъ, 1.323 штуки и 10 кипъ бразильскаго, фернамбуковаго и синяго дерева.
$2^1/_4$ пуда сурьмы.
109 бочекъ индиго гватимало.
79 бочекъ того же лауро.
12 бочекъ плохого индиго или синей краски.
16 тоннъ крахмала.
30 тоннъ желтой и синей краски.
3 ящика красной краски.
39 фунтовъ и 1 мѣшочекъ драконовой крови.
67 боченковъ кармина [88]).

11 тоннъ плохой синей краски.
8 боченковъ сурика.
6 тоннъ Siethgelb[124]) и желтой земли.
20 тоннъ плоскаго индиго[125]).
2 боченка и 2 ящика киновари.
61 тонна свинцовыхъ бѣлилъ.
39 тоннъ квасцовъ.
3 тонны зелени.
11 боченковъ ртути.
16 фунтовъ камфоры.
1 бочка чилибухи.
7 тоннъ нашатыря.
8 бочекъ и 778 кувшиновъ спиковаго масла.
149 бочекъ сѣры.
4 бочки англійскихъ оловянныхъ блюдъ.
2 бочки и 24 ящика оловянныхъ полосъ.
198 штукъ свинца.
1 вѣнецъ изъ желтой мѣди.
3 тонны котловъ и кубковъ изъ желтой мѣди.
1 тонна и 410 связокъ наперстковъ изъ желтой мѣди.
12 бочекъ жести.
4 тонны желѣзной проволоки.
8 тоннъ улитковыхъ головокъ.
4 тонны меркурія.
4 тонны всякаго рода стеклянныхъ корольковъ.
451 штука камней къ перстнямъ съ печатями.
5 штукъ большихъ зеркалъ.
419 штукъ зеркальнаго стекла.
170 дюжинъ и 8 ящиковъ маленькихъ зеркалъ.
17 тюковъ чернильныхъ орѣховъ.
14 ящичковъ лака.
9 тоннъ гумми.
1 тонна крахмала.
4 тонны, 2 корзины и 76 штукъ слоновыхъ клыковъ.
1.000 литръ мишуры[118]).
1.305 дюжинъ картъ.
50 паръ башмаковъ.
12 дюжинъ шерстяныхъ чулокъ.
72 дюжины деревянныхъ гребней.

25 фунтовъ лѣкарствъ.
248.000 иголокъ.
994.000 булавокъ.
1.176 дюжинъ замковъ.
9 тоннъ и 1 ящикъ скляницъ и большихъ рюмокъ.
2 кипы и 1 мѣшокъ корицы.
8 пудовъ, 16 фунтовъ и 3 боченка гвоздики.
11 фунтовъ шафрана.
1 пудъ и 8 фунтовъ мускатнаго цвѣта.
5 пудовъ и 15 фунтовъ такихъ же орѣховъ.
5 тоннъ и 1 кипа, 5 пудовъ и 5 фунтовъ кардамона.
2 тюка сушенаго инбиря.
18 тюковъ аниса.
50 тюковъ перца.
12 бочекъ головного сахара.
1 боченокъ дутыхъ [126]) конфетъ.
6 ящиковъ леденца.
18 бочекъ консервированнаго [103]) инбиря.
1 тонна сушеныхъ померанцовыхъ корокъ.
10 бочекъ и 16 коробокъ консервированныхъ цукатовъ.
1 тонна консервированныхъ лимоновъ.
1 ящикъ брунелей.
5 тоннъ финиковъ.
18 бочекъ винныхъ ягодъ.
3 бочки коринки.
12 тоннъ сливъ.
1 тюкъ сушеныхъ лимоновъ и яблокъ.
34 оксофта соленыхъ лимоновъ.
12 тоннъ лимоннаго сока.
433 тонны сельдей.
53 пипы испанскаго вина.
206 оксофтовъ краснаго французскаго вина.

27-го сентября на 2 голландскихъ корабляхъ прибыло:

206 золотниковъ жемчуга.
3 кисти, или кустика, крупнаго жемчуга.
920.000 иголокъ.

292 камлота.
3 штуки амстердамскаго бархата.
5 ящиковъ амстердамскаго атласа и полушелковой камки.
6/2 кармазиннаго сукна [127]).
6/2 кармазина и другого цвѣта голландскаго сукна.
6 штукъ амстердамской камки и атласа.
13 штукъ индійскихъ черныхъ медвѣжьихъ шкуръ.
1.308 штукъ большихъ и маленькихъ бобровъ.
63 литры амстердамской золотой и серебряной проволоки.
60 литръ красной венеціанской.
130 литръ той же съ короткими кистями.
6 бочекъ индиго гватимало.
8 бочекъ индиго лауро.
2 тонны нюренбергскихъ товаровъ.
5 кистей, или кустиковъ, красныхъ корольковъ.
5 стопъ александрійской бумаги.
3 тонны ладана.
2 бочки деревяннаго масла.
2 ящика игральныхъ картъ.
436 дюжинъ замковъ.
2 бочки ртути.
1/2 тонны зелени.
44 штуки синяго дерева.
21 фунтъ Kuzumile краски [128]).
5 корзинъ съ фернамбуковымъ деревомъ.
1 мѣшочекъ драконовой крови.
1 бочка нѣжнаго головного сахара.
6 маленькихъ кипъ сушенаго инбиря.
1 тонна котловъ изъ желтой мѣди.
1/2 тонны нашатыря.
1.100 дукатовъ, спеціесъ.
6 пипъ испанскаго вина.
4 оксофта краснаго французскаго вина.

Прейсъ-курантъ привезенныхъ товаровъ въ концѣ мая 1674 г. въ Москвѣ [129]).

Красный и цвѣтной сатинъ [116]), локоть—78 копеекъ.
Лукская камка—74—76 копеекъ.

Hermesin Cop. 65 door Malk.

Красный и черный флеръ въ 2 волоса—15 грив., въ 3 волоса того же—20 грив.

Объярь обыкн.—105 коп.

Та же венеціанская, локоть—16 гривенъ.

Бомбазинъ англійскій } 1 штука—13, 14—15 гривенъ.

Сукна кармазинныя красныя и цвѣтныя отъ 10 до 20 грив.

Гамб. или силезское сукно, 1 штука—7 руб.

Англійскій саетъ, или стаметъ,—6 руб.

Индиго гватимало—22—23 руб.

То же лауро—24 руб.

Перецъ—48—48 гривенъ.

Бѣлый ладанъ—7 рублей.

Тотъ же сѣрый—$3^1/_2$—4 рубля.

(Деревянное) масло—29 гривенъ.

Шафранъ—12 гривенъ.

Головной сахаръ—46 гривенъ.

Gtockvis дерево— 17 рублей
Бразильское дерево—11—12 рублей
Синее дерево— 15 рублей } 1 шифф. съ маленькимъ излишкомъ.

Длинный изюмъ—10 гривенъ.

Винныя ягоды—18 гривенъ.

Рисъ—8—$8^1/_2$ гривенъ безъ излишка.

Коринка—$4^1/_2$ рубля безъ излишка.

Ртуть—16 рублей.

Нашатырь—$5^1/_2$ рубля.

Бензой—14—15 рублей.

Болты—5 рублей съ маленькимъ излишкомъ.

Жесть—15 рублей.

Выбойка, 1 штука—3 руб.

Свинецъ—8 рублей.

Квасцы—13 рублей.

Сушеный инбиръ—4 рубля.

Мускатный орѣхъ—25 рублей
Гвоздика— 48 рублей } съ маленькимъ излишкомъ.

Корица отборная—24 рубля съ маленькимъ излишкомъ.

Бѣлила—17—18 гривенъ, ничего не прибавляя (niest vfanden).

Англійское полосовое олово—$6^1/_2$ рублей.

То же тонкое въ полосахъ—$3^1/_2$ рублей.
Котлы—5 рублей.
Тазы—6 рублей.
Красная мѣдь—5 рублей.
Бумага—отъ 8 до 13 гривенъ.
Золотая короткая проволока за унцію—6—$6^1/_2$ рублей.
Та же (Dito beschantie)—7 рублей съ маленькимъ излишкомъ.
Та же длинная—6 рублей безъ натяжки.
Та же гамбургская—$8^1/_4$ рублей.
Та же нюренбергская №—17—10 руб.
Амстердамская золотая проволока—48 гривенъ съ 2 литрами серебра въ 10 литрахъ.
Золотое и серебряное кружево, фунтъ—14—16 рублей.
Мишура (M. Muur) красная и бѣлая—30 копеекъ.
Бѣлое французское вино—18—25 рублей.
То же красное—10—14 рублей.
То же испанское—50—65 рублей.
Бобры—отъ 14 до 23 рублей.
Иголки наилучшаго сорта отъ M. Schaff—40 копеекъ 1.000.

Еще одинъ прейсъ-курантъ иностранныхъ товаровъ въ Москвѣ 30-го мая 1674 г.

	Тепе-решняя цѣна.	Наиниз-шая цѣна.	Наивыс-шая цѣна.
Венеціанскій бархатъ, самый тяжелый и наилучшаго цвѣта *(аршинъ)* рублей	$2^1/_2$	$2^1/_4$	$3^1/_4$
Итальянскій по качеству . . . . . „ „	—	—	—
Камка . . . . . . аршинъ копеекъ	74—75	70	90
Амстердамская та же „ „	40	35	55
Лукская тафта . . „ „	65	60	80
Волнистая та же . „ „	67	65	90
Болонскій атласъ . „ „	75	70	90
Амстердамскій тотъ же „ „	40—45	35	50

			Теперешняя цѣна.	Наинизшая цѣна.	Наивысшая цѣна.
Тяжелая объярь. .	„	„	160	140	190—200
Обыкновенная та же	„	„	120	110	130
Гамбургское сукно, высшій сортъ .	штука	рублей	8	7	9
То же, низшій сортъ или тангермюндское	„	„	6	6	8
Фирлотъ отъ 21 до 22 аршинъ . .	„	„	$3^1/_2$	$3^1/_2$	4
Англійская дерюга, кипа въ $^{10}/_2$ овинокъ [86]). . . .	„	коп.	150	140	190
Тотъ же кронрашъ [130]), высшій сортъ .	штука	руб.	$8^1/_2$	8	9
Тотъ же, низшій сортъ	„	„	6	$5^1/_2$	7
То же, бомазея . .	штука	„	$2^1/_2$	$2^1/_2$	3
Голландская та же	штука	коп.	150	140	200
Турецкіе камлоты въ 24 аршина. . .	„	рублей	3	—	—
Бумага наилучшая шутовской колпакъ	стопа	коп.	120	100	140
Обыкновенная та же	„	„	90	70	120
Амстердамскій гербъ та же	„	„	130	110	150
Бѣлыя лиліи или трава, кувшинъ [131]) .	„	„	85	75	90
Игральныя карты .	„	„	24	23	36
Иголки наилучшія, 1.000	„	„	40	35	80
Бобры по качеству отъ 8 до 30 рублей за десятокъ			—	—	—

			Тепе-решняя цѣна	Наиниз-шая цѣна.	Наивыс-шая цѣна.
Товары по вѣсу.					
Золотая проволока нюренбергская тяжеловѣсная *(литра)* [132])		рублей	11	10	12
Гамбургская та же, маловѣсная 56 фун. [133])	„	„	8	7$^1/_2$	9
Миланская та же, короткія кисти подъ знакомъ Ham. .	„	рублей	7$^1/_2$	7	8
Та же, длинныя кисти	„	„	6	6	7$^1/_2$
Та же, амстердамская	„	„	7$^1/_2$	7	8
Амстердамская серебряная проволока	„	„	6$^1/_2$	6	8
Мишура [134])	„	копеекъ	27	20	40
Золотыя и серебряныя кружева . .	фунтъ	руб.	15	14	18
Такіе же галуны. .	фунтъ	„	11	10	12
Индиго гватимало .	пудъ	„	23	20	35
То же лауро . . .	„	„	25	22	40
Перецъ	пудъ	„	5	3$^1/_2$	8
Ладанъ бѣлый. . .	„	„	7	6	10
Тотъ же сѣрый . .	„	„	4	3	6
Чернильные орѣхи .	„	„	3	2$^1/_2$	5
Гумми	„	„	—	—	—
Зелень [135])	„	„	14	8	20
Киноварь	„	„	20	15	30
Ртуть.	„	„	15	20	30
Камфора	„	„	18	16	25
Чилибуха	„	„	4	3	5
Бензой	пудъ	рублей	15	13	25
Синька [136])	„	коп.	150	140	200

			Теперешняя цѣна.	Наинизшая цѣна.	Наивысшая цѣна.
Сурикъ	„	коп.	100	90	150
Карминъ[88])	„	рублей	3	$2^{1}/_{2}$	4
Венеціанскій лакъ .	„	рублей	6	4	8
Красная и желтая охра.	„	коп.	120	100	150
Слоновые клыки . .	„	рублей	20	15	25
Спиковое масло . .	„	рублей	$2^{1}/_{2}$	$2^{1}/_{4}$	3
Красные корольки отъ 6 до 50 рублей фунтъ			—	—	—
Свинцовыя бѣлила .	пудъ	рублей	2	$1^{1}/_{2}$	3
Хлопчатая бумага .	„	рублей	3	$2^{1}/_{2}$	5
Деревянное масло .	„	рублей	3	2	5
Желѣзная проволока	„	рублей	3	2	4
Головной сахаръ мелисъ[137])	„	рублей	$4^{1}/_{2}$	4	6
Бѣлый сахаръ леденецъ	„	рублей	$6^{1}/_{2}$	6	10
Тотъ же бурый . .	„	рублей	$5^{1}/_{2}$	4	8
Длинный изюмъ . .	„	рублей	$1^{1}/_{5}$	1	2
Корзинный изюмъ[138])	„	коп.	80	70	120
Винныя ягоды . . .	„	рублей	2	$1^{1}/_{5}$	$2^{1}/_{4}$
Коринка[139])	„	рублей	$2^{1}/$	$1^{1}/_{2}$	3
Сливы	„	коп.	80	70	100
Рисъ	„	коп.	90	80	150
Кардамонъ	„	рублей	16	13	25
Корица	„	рублей	30	25	40
Гвоздика	„	рублей	48	25	70
Мускатный цвѣтъ .	пудъ	рублей	50	30	60
Такіе же орѣхи . .	„	рублей	25	16	30
Шафранъ	„	рублей	80	50	120
Миндаль	„	рублей	5	3	7
Сушеный инбирь . .	„	рублей	4	2	4

	Тепе-решняя цѣна.	Наиниз-шая цѣна.	Наивыс-шая цѣна
Тотъ же консервированный[103]) . . . . . . „ рублей	$6^1/_2$	4	8
Цукаты . . . . „ рублей	4	$3^1/_2$	6
Котлы изъ желтой мѣди „ рублей	5	$4^1/_2$	6
Такіе же тазы . . . . „ рублей	6	5	7
Котловъ и тазовъ можно ежегодно продавать приблизительно 100 шиффунтовъ; размѣры тазовъ отъ самыхъ маленькихъ до $3^1/_2$ фунтовъ; край долженъ быть сдѣланъ шириной въ одинъ хорошій большой палецъ[140]). Размѣры котловъ отъ самыхъ маленькихъ до такихъ большихъ, какіе могутъ быть укупорены въ тонны.			
Доски[58]) изъ желтой мѣди совершенно тонкія и длиною около 2 саженей. Этихъ досокъ, которыя шириною почти въ 1 аршинъ, можно продавать ежегодно около 50 шиффунтовъ . . . . . пудъ рублей	5	—	—
Проволока изъ желтой мѣди . . . . „ рублей	5	—	—
Колокольный металлъ . „ рублей	$4^1/_2$	4	5
Кровельная красная мѣдь „ рублей	$5^1/_2$	$4^1/_2$	6
Шведскія денежныя доски[141]) . . . . . . „ рублей	5	4	$5^1/_2$
Вѣнцы изъ желтой мѣди „ рублей	9	7	10
Бѣлая жесть . . . боченокъ рублей	16	12	20
Шведское желѣзо, шиффунтъ рублей	$5^1/_4$	$4^3/_4$	6
Свинецъ . . . . шиффунтъ рублей	8	7	12

	Тепе-решняя цѣна.	Наиниз-шая цѣна.	Наивыс-шая цѣна.
Купоросъ . . . . шиффунтъ рублей	8	5	10
Квасцы . . . . . . „ рублей	12	7	15
Stockfisch дерево [142]) „ рублей	17	12	20
То же бразильское „ рублей	13	10	18
То же синее . . . „ рублей	14	10	20
Сѣра . . . . . . „ рублей	8	6	13
Олово англійское въ блюдахъ отъ 3 до 5 фунтовъ приблизительно . . . . *(пудъ)* рублей	$6^1/_4$	$5^1/_2$	$7^1/_2$
Такая же оловянная полоса . . . . . . пудъ рублей	$5^1/_4$	5	6
Испанское вино теперь при высшей пошлинѣ, пипа рублей	65	50	80
Сектъ, пипа отъ 5 до 10 рублей *(стоитъ)* менѣе [143])	—	—	—
Аликантъ не имѣетъ расхода	—	—	—
Хорошее бѣлое французское вино . . оксофтъ рублей	25	20	30
То же красное . . . „ рублей	14	10	18
Соленые лимоны . . „ рублей	20	12	40
Фламандскія сельди . . тонна рублей	5	$4^1/_2$	7
Сѣверныя [144]) . . . . „ рублей	$4^1/_2$	$3^1/_2$	$5^1/_2$
Дукаты новые и полновѣсные [145]) . . . . *(штука)* коп.	123	114	125
Рейхсталеры . . . . „ коп.	57	55	58

Этого довольно на этотъ разъ о привозимыхъ въ Россію товарахъ и ихъ цѣнахъ. Какъ скоро корабли прибыли въ Архангельскъ, и товары заявлены въ таможенной конторѣ, купцы пріобрѣтаютъ у „подъячихъ", или писцовъ, роспись изъ таможенныхъ книгъ, а когда же они замѣтятъ недостатокъ въ одномъ или въ другомъ сортѣ, то Восточное море тотчасъ служитъ ихъ прибѣжищемъ, и таковой поскорѣе выписывается изъ Любека или Ревеля или Нарвы. И такъ какъ корабли только разъ въ годъ приходятъ въ Россію, едва ли найдется страна, въ которой цѣны такъ быстро повышаются и понижаются, такъ что иногда въ теченіе мѣсяца разнятся на сто процентовъ, подобно тому, какъ недавно было видно на корольках и испанскихъ швейныхъ иглахъ, а теперь въ наше время—на бумагѣ и другихъ вещахъ. Въ 1673 году давали въ Архангельскѣ 4 тонны бергенскихъ сельдей[146]) за 1 шиффунтъ пеньки, хотя часто могли получить столько же за 2 тонны, и обыкновенно тѣ товары, что въ прошедшемъ году такъ высоко цѣнились, въ будущемъ году бываютъ дешевы, а которые въ прошедшемъ году были дешевы, въ настоящемъ—дороги, потому что тогда каждый спекулировалъ на нихъ же, не зная одинъ о другомъ, выписалъ ли ихъ или не выписалъ. Если они тогда вдругъ вытребованы многими и привезены въ излишнемъ количествѣ, то цѣны тотчасъ падаютъ, потому что находятся нѣкоторые, часто придерживающіеся того главнаго правила, что лучше всего выписывать лишь тѣ сорты, которые находятся въ низкихъ цѣнахъ, въ надеждѣ, что другіе не позаботятся объ этихъ товарахъ, а тѣ иногда наилучше угадаютъ. Въ общемъ, желанія нѣмцевъ состоятъ въ томъ, чтобы видѣть на архангельской ярмаркѣ, что каждымъ выписано, и тогда они скоро умѣютъ сдѣлать свой разсчетъ, какую они получатъ выгоду въ томъ году. Вся ихъ торговля и работа происходитъ зимой и на архангельской ярмаркѣ, остальное время они проводятъ праздно и веселятся.

ГЛАВА II.

О персидской торговлѣ.

Положеніе города Москвы имѣетъ то удобство, что отсюда по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ и черезъ Каспійское море можно

прибыть въ Персію водой. Городъ Астрахань, лежащій при губѣ этого моря, въ Ногайѣ, есть складочное мѣсто для торговли. На маленькихъ судахъ можно въ 20 дней проѣхать изъ Москвы въ Астрахань, но обыкновенными „стругами“ и „насадами“ идетъ туда на дорогу отъ 40 до 42 дней, а назадъ, вверхъ по рѣкѣ, употребляютъ на маленькихъ судахъ отъ 6 до 7 недѣль. Струги, которые ходятъ по Окѣ между Московской рѣчкой и Нижнимъ Новгородомъ и построены совсѣмъ безъ желѣза, такъ что этому должно справедливо удивляться, возятъ до 17.000 пудовъ. Но насады между Нижнимъ Новгородомъ и Астраханью везутъ до 1.000 ластовъ, такъ что персидская торговля наиудобнѣе, а также съ меньшей опасностью могла бы производиться этимъ путемъ по Россіи и доставлять европейцамъ восточные товары, особенно потому что въ теперешнее время донскіе казаки не могутъ болѣе опустошать, какъ раньше, рѣки Волги. Но особенно эта дорога очень удобна для торговли шелкомъ, въ виду того, что шелкъ почти только добывается въ провинціи Гилянь, лежащей непосредственно у Каспійскаго моря, и что 2 тюка шелка съ провозомъ и издержками черезъ Каспійское море до Астрахани стóятъ самое большее только 4 талера. Напротивъ, если они его везутъ на верблюдахъ съ большими затрудненіями черезъ горы въ Ормузъ, бываютъ въ дорогѣ отъ 80 до 90 дней и съ каждаго верблюда, который однако можетъ нести только 2 тюка, ежедневно платятъ за провозъ и другія издержки 1/2 реала отъ восьми [147]). Этотъ самый шелкъ покупается потомъ голландской остъ-индской компаніей и англичанами. Шахъ очень неохотно видитъ, что ежегодно идетъ караванами въ Алеппо черезъ Турцію еще значительное количество *(шелка)*, которое потомъ продается изъ Смирны, Триполя, Александретты [148]) и другихъ мѣстъ въ Италію и Францію, въ виду того, что наибольшій его врагъ—турокъ извлекаетъ изъ этого такую большую пользу и этимъ увеличиваетъ свою казну; онъ потому тѣмъ болѣе и старается отвлечь эту торговлю и всецѣло направить ее въ Россію. Но русскіе сами не умѣютъ въ этомъ отношеніи соблюдать своей пользы и скорѣе тормозятъ персидскую торговлю. Въ 1667 году царь, говорятъ, заключилъ съ этимъ шахомъ такое условіе, что именно персы должны имѣть въ Россіи и черезъ нее свободную торговлю, какъ лежирскимъ, такъ и ардешскимъ шелкомъ и всѣми другими товарами, а за это платить пошлины въ Астрахани 5%, въ Москвѣ—5% и въ Ар-

хангельскѣ, Новгородѣ или Смоленскѣ—5%, а всего—15%; напротивъ того, его царское величество долженъ обѣщать принимать всѣ товары въ Астрахани и на свои издержки и рискъ доставлять оттуда въ Москву; за это шахъ обѣщалъ опять посылать пудъ за 1 рубль [149]) и ежегодно 8.000 тюковъ шелка; это могло бы приносить каждый годъ 5 тоннъ золота въ рейхсталерахъ (умалчивая о всѣхъ другихъ восточныхъ товарахъ, какъ и объ оборотныхъ идущихъ затѣмъ изъ Европы въ Россію). Съ того самаго времени персы, правда, имѣли свободную торговлю въ Москвѣ, но послѣ случилось, что бунтовщикъ Стенька Разинъ завладѣлъ городомъ Астраханью, а потомъ велѣлъ сбросить внизъ съ башни воеводу князя Ивана Семеновича Прозоровскаго [150]), отнялъ много шелка, который былъ уже сданъ царю и оцѣненъ. Когда теперь недавно персидскій государь взыскивалъ съ царя убытокъ, онъ однако не только ничего не добился, но это сдѣлало персовъ такими ненавистными, что въ 1673 году они потеряли всю свободу, и теперь ни одинъ персъ и индіецъ (такъ какъ собственно индійцы также торгуютъ черезъ Персію и персидскими товарами) не смѣетъ везти своихъ товаровъ дальше Астрахани, и теперь русскіе сами забираютъ ихъ оттуда и производятъ ими въ Москвѣ свою торговлю. Теперь также запрещено, чтобы не смѣли больше продавать красной мѣди въ Персію. И хотя теперь въ Москвѣ много персовъ, какъ и нѣсколько индостанскихъ индійцевъ, которые много лѣтъ тамъ безпрерывно жили и вели большую торговлю, но все-таки они не смѣютъ больше выписывать никакихъ товаровъ, но только тѣ распродать, которые они еще имѣли въ запасѣ. Посреди Москвы, около новаго большого гостинаго двора, есть еще другой торговый дворъ, называемый персидскимъ, или старымъ гостинымъ дворомъ; всѣ торгующіе персидскими товарами имѣютъ въ немъ свои лавки со сводами и мѣняютъ во всякое время много дукатовъ. Смотри часть IV, главу VIII.

Къ персидской торговлѣ относится:

I. **Сырецъ-шелкъ.** Раньше этотъ товаръ былъ собственной царской торговлей, и никто другой не смѣлъ имъ промышлять. Его царское величество велѣлъ пріобрѣтать его черезъ своихъ „гостей“ отъ персидскаго государя за сукна, красную мѣдь [151]), соболи и золото, а чтобы онъ могъ изъ этого извлечь больше прибыли, всѣмъ купцамъ было запрещено торговать въ Персію привозными товарами. Тогда великому князю пудъ стоилъ со всѣми

издержками до Москвы рѣдко свыше 30 рублей, а въ свою очередь продавался за 45 рублей. Теперь эта торговля стала доступной каждому изъ его подданныхъ, что приводитъ къ тому, что шелкъ теперь можно найти не только въ царской казнѣ, но тамъ и тутъ у частныхъ лицъ въ значительномъ количествѣ и по сходному торгу. Партія ардешскаго шелка, состоящая изъ 30 тюковъ, недавно продана въ казнѣ по 36 рублей за пудъ. Въ частныхъ шелковыхъ лавкахъ простые цвѣта сто́ятъ отъ 110 до 130 копеекъ за фунтъ. Черный же шелковый сдоръ [152]) можно было достать по 60 копеекъ фунтъ. Что касается швейнаго шелка, то изъ Персіи онъ совсѣмъ не приходитъ, изъ-за моря тоже очень мало и почти ничего, потому что русскіе, какъ только захотятъ шить шелкомъ, умѣютъ такъ сучить между руками шелкъ-сырецъ, что его употребляютъ, вмѣсто швейнаго шелка. Они также совсѣмъ не имѣютъ въ своемъ государствѣ позументщиковъ, такъ какъ они не носятъ шелковыхъ лентъ. Теперь 1 лотъ, или 3 золотника, чернаго швейнаго шелка сто́итъ 8 копеекъ, а одинъ золотникъ краснаго того же—4 копейки.

II. **„Сафьяны“**. Персидскіе не такъ хороши, какъ турецкіе; они бываютъ цвѣта краснаго, пурпуроваго, зеленаго, голубого и чернаго и привозятся въ большомъ количествѣ въ Россію. Каждый можетъ ими всегда торговать. Голубые, красные и желтые стоили тогда отъ 80 до 90 копеекъ пара, а зеленые и пурпуровые немного дороже. За зеленые турецкіе теперь платится отъ 130 до 140 копеекъ, а за бѣлые тѣ же — 4 рубля за пару. Въ 1671 году черезъ Архангельскъ было привезено 1.184 штуки красныхъ и желтыхъ, потому что изъ-за возмущенія Разина ихъ нельзя было тогда привозить изъ Персіи.

III. **Камка, бархатъ** и различные индійскіе и персидскіе **штофы**, изъ которыхъ нѣкоторые искусно вытканы золотомъ и серебромъ.

IV. **„Киндякъ“**, или крашеная выбойка различныхъ цвѣтовъ, какъ и травчатая выбойка и набойчатыя одѣяла и скатерти [153]). Но здѣсь однако нужно замѣтить, что изъ травчатой выбойки полотна [154]) ничего особеннаго не приходитъ изъ Персіи въ Москву, и что также ни одинъ аршинъ не продается ниже 9—10 копеекъ, что и есть причиной того, что таковую ежегодно привозятъ изъ Голландіи черезъ Архангельскъ, тѣмъ болѣе, что эта голландская

гораздо красивѣе той другой; подъ этимъ однако не слѣдуетъ подразумѣвать упомянутыхъ одѣялъ и скатертей.

V. Различные индійскіе и персидскіе шелковые носовые **платки, шарфы** и **флеръ.**

VI. Тканые столовые **ковры.**

VII. **Бирюза** и нѣкоторые другіе шлифованные драгоцѣнные **камни, безоаръ, ладанъ, индиго, нефть,** или Oleum Petri, **рисъ** и много другого.

Безоаръ они теперь цѣнили по 110 рублей за фунтъ.

Настоящая нефть была въ царской казнѣ отъ 30 до 40 копеекъ фунтъ.

ГЛАВА III.

О греческой торговлѣ.

Всѣ греки, которые торгуютъ въ Москвѣ, — молдаване и частью константинопольцы и видные честные люди. Они тамъ находятся цѣлый годъ и имѣютъ свой опредѣленный дворъ. Ихъ почти столько же, сколько персовъ, и они пользуются хорошими привилегіями. Они торгуютъ лошадьми, драгоцѣнными камнями, турецкими коврами, камлотами, шарфами, сафьянами и различными турецкими товарами, а въ свою очередь покупаютъ много хорошихъ соболей.

ГЛАВА IV.

О китайской торговлѣ.

Въ 1654 году русскіе съ усердіемъ начали стараться о торговлѣ въ „Катаѣ", или „Хинѣ", и тогда отправили первое свое посольство къ хану Великой Татаріи въ Пекинъ (по-русски „Камбалыкъ"), какъ видно ниже въ послѣдней главѣ V части [155]). Посредствомъ этого самаго они столь многаго достигли, что съ того времени установилась въ сибирскомъ городѣ Тобольскѣ между ними и китайцами торговля, которая теперь же годъ отъ году увеличивается. Китайскіе купцы привозятъ всякаго рода

пестрые татарскія и китайскія шелковыя матеріи, или штофы, плисъ разныхъ цвѣтовъ и крѣпкую выбойку, которая или совсѣмъ бѣлая или же только одного цвѣта. Она называется русскими „китайкой", и каждый кусокъ содержитъ ни больше ни меньше, какъ 8¼ аршина. Они также привозятъ драгоцѣнные камни, какъ-то, рубины, топазы и одинъ видъ, называемый „лалами", которые цвѣтомъ нѣсколько блѣднѣе рубиновъ;—также простой фарфоръ, мускусъ („кабардинъ"), бобровую струю, Radix Chinae, ревень, чай, бадьянъ, о чемъ упоминается выше въ I части, главѣ II, и многіе другіе товары, попадающіеся въ государствѣ Хинѣ и въ Великой Татаріи. Они особенно начинаютъ теперь также возить въ Сибирь шелкъ, который несравненно нѣжнѣе персидскаго. Въ 1673 году они продали царю 25 пудовъ, который былъ такъ великолѣпенъ и нѣженъ, что одинъ нѣмецъ въ свою очередь заплатилъ за пудъ его 120 рублей и отправилъ въ Гамбургъ. Эти татарскіе купцы не смѣютъ приходить со своими товарами дальше, чѣмъ въ пограничный и главный сибирскій городъ Тобольскъ, откуда русскіе везутъ купленные ими же товары или въ Москву или въ Архангельскъ. Часто упоминаемые китайцы скупаютъ всѣ сибирскіе и часть казанскихъ горностаевъ, такъ что ихъ не только совсѣмъ нельзя достать въ Москвѣ, но и всѣ горностаи вообще дороги. Они отвозятъ съ собою также много простыхъ соболей. Продолженію этой торговли теперь оказываетъ немалую услугу длинная рѣка Иртышъ, которая издалека идетъ изъ Татаріи и вливается въ рѣку Обь, и легко повѣрить, что если бы русскіе были такими любознательными, какъ другіе европейцы, то водный путь изъ рѣки Оби въ Хину и Остъ-Индію могъ быть безошибочно открытъ.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

О монетѣ, вѣсѣ, мѣрѣ, фрахтахъ, пошлинахъ, торговлѣ дукатами и рейхсталерами и вмѣстѣ съ тѣмъ о почтовомъ дѣлѣ въ Москвѣ.

ГЛАВА I.

О монетѣ.

Одинъ рубль составляетъ 100 копеекъ.
Одна полтина $1/2$ рубля.
Одна полуполтина — $1/4$ рубля.
Одна гривна — 10 копеекъ.
Одинъ алтынъ — 3 копейки.
Одинъ грошъ — 2 копейки.
Одна копейка — $1/56$ часть рейхст. или 1 эръ теперешней серебряной шведской монеты.
Одна денежка — $1/2$ копейки.
Одна полушка — $1/4$ копейки.

Изъ всѣхъ этихъ названій монетъ не имѣется ни одного in specie, какъ только копейки, денежки и полушки, остальныя не выбиваются, а ими только торгуютъ подъ голымъ названіемъ точно, какъ здѣсь, въ Швеціи, марками и полумарками. Копейки чеканятся изъ специесъ рейхсталеровъ безъ примѣси и изъ проволоки. Съ ними обращаться непріятно, такъ какъ онѣ маленькія, скользкія и легко падаютъ черезъ пальцы. Между ними подсунуто и много фальшивыхъ посеребренныхъ, мѣдныхъ и свинцовыхъ копеекъ; поэтому нужно старательно этого беречься. Онѣ также тогда бы-

вают болѣе недѣйствительны, если изображеніе и надпись уже такъ стерлись отъ старости и большого употребленія, что ихъ нельзя болѣе разобрать. На копейкѣ съ одной стороны—всадникъ Св. Георгій, на другой—царское имя и маленькій титулъ. На денежкѣ на одной сторонѣ—всадникъ съ саблей въ рукѣ, а на другой—также царское имя и маленькій титулъ. На полушкѣ же на одной сторонѣ находится только голубь, а на другой—только слово „царь".

ГЛАВА II.

О вѣсѣ.

Одинъ берковецъ—1 шиффунтъ, или 400 фунтовъ.
Одинъ пудъ—2 лисфунта, или 40 фунтовъ.
Гривенкой, или фунтомъ, называютъ они обыкновенный, или малый, фунтъ.
Одинъ золотникъ—$^1/_{56}$ часть фунта [156]), или $^1/_3$ лота.

Нѣкоторые тяжелые товары, какъ свинецъ, сѣра, пенька, поташъ и т. д., русскіе покупаютъ и продаютъ по берковцамъ, или шиффунтамъ, а всѣ другіе считаются пудами или, маленькія вещи, фунтами и золотниками. О лотахъ русскіе ничего не знаютъ. Вѣсъ приблизительно такъ тяжелъ, какъ въ Ригѣ и Ревелѣ, но легче нарвскаго отъ 14 до 15%.

400 русскихъ фунтовъ составляютъ въ Амстердамѣ 328 фунтовъ.
Одинъ русскій пудъ содержитъ въ Амстердамѣ 3 $^{24}/_5$ фунта,
въ Гамбургѣ 33$^1/_3$ фунта,
въ Стокгольмѣ — фунта,
въ Любекѣ 35 фунтовъ,
въ Нарвѣ 3$^3/_{14}$ фунта,
въ Ревелѣ — фунта [157]).
400 русскихъ фунтовъ составляютъ въ Любекѣ 350 фунтовъ.
400 новгородскихъ фунтовъ составляютъ въ Любекѣ 340 фунтовъ.
400 псковскихъ фунтовъ содержатъ въ Любекѣ 337 фунтовъ.

ГЛАВА III.

О мѣрѣ и локтяхъ [158]).

Четверть — самая большая мѣра.
Осьмина — $^{1}/_{2}$ четверти.
Четверикъ — $^{1}/_{8}$ четверти.

3 московскія четверти составляютъ 2 новгородскихъ, а 1 новгородская составляетъ 2 стокгольмскихъ тонны; псковская четверть немного больше новгородской, а четверть въ Печорѣ въ свою очередь немного больше псковской.

Ластъ французской соли въ Нарвѣ вѣситъ въ Псковѣ, если она бѣлая, отъ 13 до $13^{1}/_{2}$ шиффунтовъ, но черная—14 шиффунтовъ.

Русскій аршинъ длиннѣе брабандскаго локтя на одинъ дюймъ, какъ показываетъ приложенная четверть[159]).

№ 1 и 2 одна рижская четверть.
1 и 3 одна ревельская четверть.
1 и 4 одна гамбургская четверть.
1 и 5 одна стокгольмская четверть.
1 и 6 одна голландская четверть.
1 и 7 одна брабандская четверть.
1 и 8 одна четвертъ русскаго аршина.

ГЛАВА IV.

О фрахтахъ.

Товары, идущіе изъ Москвы въ Архангельскъ, возятся саннымъ путемъ 40 миль до Вологды, и фрахтъ стóитъ по крайней мѣрѣ по 4 копейки съ пуда. Но если иногда случается что-нибудь посылать туда въ лѣтнее время, то должны платить тоже по крайней мѣрѣ по 15 копеекъ за пудъ. Отъ Вологды они идутъ

по водному пути внизъ по Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ въ Архангельскъ; плата за фрахтъ тогда опять 15 копеекъ за пудъ, но зимой на саняхъ — 25 копеекъ. Впрочемъ совсѣмъ рѣдко что-нибудь туда посылается зимой.

За товары, отправляемые зимой изъ Москвы въ Нарву, даютъ за фрахтъ до Новгорода отъ 6 до 9 копеекъ за пудъ, а лѣтомъ—отъ 24 до 30 копеекъ, когда хорошая дорога. Отъ Новгорода до Нарвы по зимнему пути платятъ отъ $2^1/_2$ до 3 копеекъ [160]), лѣтнимъ путемъ—отъ 4 до 6 копеекъ за пудъ. Отъ Новгорода до Ніенъ зимою—отъ 3 до $3^1/_2$ копеекъ, лѣтомъ—отъ 4 до 5 копеекъ.

Замѣтка. На сани въ одну лошадь нагружаютъ 3 русскихъ шиффунта, но поташа и другихъ тяжелыхъ товаровъ до 3 шиффунтовъ нарвскаго вѣса.

ГЛАВА V.

О пошлинахъ.

Всѣ иностранцы, какой бы ни были націи, платятъ со своихъ товаровъ одинаковую пошлину, а именно съ ввозимыхъ, если они складываются въ пограничныхъ городахъ: Архангельскѣ, Новгородѣ и Псковѣ, — 6%; но если ихъ не хотятъ или не могутъ тамъ продать и посылаютъ дальше въ Москву, то должны вносить теперь и съ 21 мая 1667 года сперва въ названныхъ городахъ 10% проѣзжей пошлины, а потомъ въ Москвѣ на большой таможнѣ опять — 6%; купецъ даже еще принужденъ внести названную проѣзжую пошлину въ специесъ-монетѣ, именно, вмѣсто 10 рублей, 10 дукатовъ, хотя рубль неизмѣнно составляетъ только 100 копеекъ, а дукатъ, напротивъ, подымается отъ 114 до 125, и въ Новгородѣ ихъ часто нельзя достать, что приноситъ большой убытокъ шведской націи, въ виду того, что не только въ установленномъ въ Тявзинѣ въ 1595 г. вѣчномъ заключеніи мира вообще было постановлено, что шведскіе и русскіе поданные должны вносить со своихъ имуществъ равную пошлину, что и потомъ было одобрено и подтверждено въ слѣдующихъ договорахъ и постановленіяхъ, но и оба властелина согласились на то, чтобы платить впредь по

2%, почему потомъ русскіе въ шведскихъ городахъ до сихъ поръ никогда не облагались бо́льшимъ [161]). При этомъ также надо знать, что вина подлежатъ чрезмѣрной и очень большой пошлинѣ. За одну пипу испанскаго вина платится 20 дукатовъ, а за одинъ оксофтъ французскаго—10 дукатовъ. Что касается оборотныхъ товаровъ, то купцы въ свою очередь могутъ вывезти изъ Москвы свободно и безъ пошлины столько товаровъ, сколько составляетъ стоимость привезенныхъ; но что они высылаютъ сверхъ ея, должны за это платить, какъ и прежде, 6%. Проѣзжая пошлина въ пограничныхъ городахъ должна всегда вноситься по 6% спеціесъ-монетой, какъ со всѣхъ оборотныхъ, такъ и привозимыхъ товаровъ. Осмотръ довольно строгъ, пошлину требуютъ также съ дукатовъ и рейхсталеровъ, потому что этотъ родъ денегъ составляетъ въ Россіи особый товаръ и торговлю, какъ видно изъ слѣдующей главы, почему часто осматриваютъ платье. Когда товары заявлены въ пограничныхъ городахъ, они тутъ не должны быть въ силу договоровъ осматриваемы, но за печатью пропущены въ Москву [162]). Еще нѣсколько похвально и то, что, если купецъ находится при недостаточныхъ средствахъ, онъ легко можетъ достигнуть подъ залогъ или ручательство, чтобы ему была ссужена пошлина, пока товары не будутъ проданы.

Списокъ, что ежегодно взималось съ 1654 г. на таможнѣ въ Архангельскѣ.

1654	54.031	руб.	$62^1/_2$ коп. [163]).
1655	51.585	„	$56^1/_2$ „
1656	63.225	„	$14^1/_2$ „
1657	76.959	„	$11^1/_2$ „
1658	91.742	„	$34^1/_2$ „
1659	78.323	„	20 „
1660	89.354	„	$58^1/_2$ „
1661	84.437	„	$78^1/_2$ „
1662	58.090	„	$19^1/_2$ „
1663	61.241	„	20 „
1664	71.675	„	$41^1/_2$ „
1665	66.905	„	$78^1/_2$ „
1666	72.601	„	95 „

1667	57.800	„	$24^1/_2$	„
1668	74.660	„	$50^1/_2$	„
1669	77.872	„	$89^1/_2$	„
1670	66.021	„	12	„
1671	61.508	„	$34^1/_2$	„
1672	72.626	„	35	„
1673	52.267	„	$47^1/_2$	„

ГЛАВА VI.

О торговлѣ дукатами, рейхсталерами, половинными рейхсталерами и рейхсортами.

Русскіе имѣютъ обыкновеніе не столько спрашивать, хотятъ ли размѣнять или вымѣнять дукаты и рейхсталеры, какъ—хотятъ ли ихъ купить или продать, потому что ими производится въ Москвѣ немаловажная торговля.

Но они *(дукаты)* [164]) всѣ должны быть полновѣсны. Персы ихъ взвѣшиваютъ разомъ сотнями и обыкновенно даютъ за каждый отъ 1 до 2 копеекъ больше, чѣмъ русскіе; голландскіе берутъ охотнѣе всего, а двойные не такъ охотно, какъ обыкновенные; многіе русскіе даже совсѣмъ не хотятъ имѣть двойныхъ, а всѣ арабскіе обыкновенно отвергаются. Съ 1 января по 1 мая 1674 года они поднялись отъ 115 до 120 копеекъ, 17 мая они стоили 122, 1 іюля—123. Иногда они подымаются до 125 копеекъ. Зимой они очень ищутся сибирскими купцами, а весной при полой водѣ—тѣми, которые ѣдутъ въ Астрахань и тамъ покупаютъ персидскіе товары. Обыкновенно они также подымаются къ Пасхѣ отъ 3 до 4%, потому что тогда всякій, кто имѣетъ какое-нибудь дѣло при дворѣ и „приказахъ“, приноситъ знатнымъ и самымъ главнымъ въ упомянутыхъ „приказахъ“ дукаты или въ коробочкѣ [117]) или въ бумажкѣ вмѣстѣ съ пасхальнымъ яйцомъ и пасхальнымъ привѣтствіемъ: „Христосъ Воскресе!“ Но лѣтомъ повышаютъ ихъ нагайскіе татары, пригоняющіе въ августѣ и сентябрѣ для продажи въ Москву много тысячъ лошадей, и дукаты всякій разъ становятся дороже.

При этомъ надо замѣтить, что въ Нарвѣ можно совершенно легко получить во всякое время одинъ рейхсталеръ за 52—53 копейки и самое высокое—54 копейки, и въ Москвѣ 2 рейхсталера не такъ цѣнны, какъ одинъ дукатъ. Теперь тамъ рейхсталеры ходили въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ отъ 56 до 57 копеекъ и рѣдко подымаются выше.

Половинные рейхсталеры они мало цѣнятъ, а рейхсортовъ совсѣмъ не берутъ.

ГЛАВА VII.

О почтовомъ дѣлѣ и оплатѣ писемъ.

Такъ какъ почтовое дѣло есть такое предпріятіе, что занимающіеся торговлей не могутъ обойтись безъ него для поддержанія старательной корреспонденціи, то и объ этомъ должно быть дано краткое свѣдѣніе.

Въ 1663 году Іоганнъ фонъ Шведенъ впервые устроилъ въ Россіи почтовое дѣло, такъ какъ раньше письма посылались не иначе, какъ нарочными.

По вторникамъ къ вечеру почта идетъ въ Новгородъ, Псковъ, Ригу и т. д. Она идетъ между Москвой и Ригой 9—11 дней. Одинъ золотникъ, или 1/3 лота, въ Новгородъ стóитъ—6, въ Псковъ—8, а въ Ригу—10 копеекъ. Эта почта прибываетъ по четвергамъ опять въ Москву; польская почта отправляется черезъ Вильну [165]) по средамъ вечеромъ; съ нею можно въ свою очередь посылать письма черезъ Кенигсбергъ во всѣ мѣста римскаго государства. Тѣ же, которыя должны итти въ Гамбургъ, надо франковать до Берлина и заплатить за каждый золотникъ 25 копеекъ. Эта почта идетъ 21 день и, значитъ, на 2 дня скорѣе, чѣмъ урижская въ Гамбургъ [166]). Она опять приходитъ по средамъ утромъ. Между Новгородомъ и Нарвой не идетъ обыкновенная почта, но почти еженедѣльно въ теченіе цѣлаго года представляются случаи посылать между ними письма.

Какъ только почта прибываетъ въ Москву, пакеты должны быть отнесены въ замокъ въ „Посольскій приказъ“ (это—канцелярія) и тамъ вскрыты, чтобы частныя лица не узнали раньше

двора того, что дѣлается внѣ и внутри страны, но болѣе всего, чтобы каждый остерегался, что онъ можетъ навлечь на себя подозрѣніе въ непозволительной и вредной для государства корреспонденціи, имѣя въ виду, что всѣ письма попадаютъ въ руки главнѣйшему канцлеру. Съ почтой еженедѣльно получаютъ точно такъ правильно, какъ здѣсь, въ Швеціи, всѣ голландскія, гамбургскія, кенигсбергскія, какъ напечатанныя, такъ и написанныя вѣдомости. Онѣ всегда должны быть переведены на русскій языкъ и прочитаны царю.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Послѣ сказаннаго въ первыхъ частяхъ о вывозныхъ и ввозныхъ товарахъ и о томъ, что при этомъ иногда еще нужно знать, почему и было упомянуто о нѣкоторыхъ товарахъ настолько, насколько на этотъ разъ можно было сдѣлать вкратцѣ, теперь въ этой четвертой части желательны еще нѣкоторыя свѣдѣнія о различныхъ другихъ предметахъ, отчасти причастныхъ также къ русской торговлѣ, отчасти же могущихъ нѣкоторымъ образомъ удовлетворить любознательнаго и особенно того, кто, можетъ быть, думаетъ ѣхать въ Россію.

ГЛАВА I.

О морской гавани Архангельскѣ.

Русская морская гавань Архангельскъ лежитъ почти на разстояніи 1.000 верстъ, что составляетъ по крайней мѣрѣ 150 нѣмецкихъ миль, отъ Москвы на рѣкѣ Сѣверной Двинѣ при Бѣломъ морѣ и представляетъ маленькое болотистое мѣстечко, обнесенное деревяннымъ болверкомъ. Въ 1553 г., во времена царя Ивана Васильевича, оно было случайно открыто англійскимъ капитаномъ Ричардомъ Чанселлеромъ, а именно когда Эдуардъ VI послалъ рыцаря Виллюгби[167]), жалкимъ образомъ погибшаго со своими людьми на Сѣверномъ мысѣ, отыскать индійскій проѣздъ черезъ сѣверъ. Большіе корабли не могутъ въ томъ мѣстѣ подходить на разстояніе мушкетнаго выстрѣла. Царь теперь велѣлъ тамъ построить каменный гостиный, или торговый, дворъ. За такое благодѣяніе, какое оказали *(англичане)* русскимъ вслѣдствіе открытія этого рынка, они разрѣшили англичанамъ вѣчную свободу въ по-

шлинѣ и привилегированный дворъ въ городѣ Москвѣ. Но все это прекратилось тогда, когда англичане въ 1649 году обезглавили своего короля Карла Стюарта, потому что царь сказалъ, что такіе люди, которые своего собственнаго короля лишили жизни, не достойны его привилегій; потому льготы теперь потеряли силу, и изъ названнаго двора была сдѣлана темница, которая называется „Большою тюрьмою". Голландцы имѣютъ въ Архангельскѣ открытую реформаторскую церковь.

ГЛАВА II.

О рейсѣ въ Архангельскъ 9).

Архангельскій рейсъ совершается не русскими, а нѣкоторыми голландцами, гамбуржцами и бременцами, которые держатъ своихъ служащихъ и факторовъ, постоянно остающихся въ Москвѣ, для чего нѣкоторые изъ нѣмецкихъ купцовъ, поселившихся въ Москвѣ съ женами и дѣтьми, вносятъ свою часть, какъ-то [168]): Даніилъ Гартманъ, Генрихъ Буденантъ, Адольфъ Гаутманъ, Вернеръ Миллеръ, Конрадъ Каппенгизеръ и т. д., но другіе, изъ находящихся тамъ нѣмцевъ, какъ-то: Томасъ Келлерманъ, Петръ Арсеніусъ, Германъ фонъ Тройа, Генрихъ Минтеръ, Ердманъ Швеллингрефверъ, Нордманъ Газенкругъ и многіе другіе, по моему свѣдѣнію, не торгуютъ за моремъ, но только между Архангельскомъ и Москвою. Ежегодно прибываетъ приблизительно 30—40 кораблей [169]), между ними обыкновенно 9—10, которые одинъ только Филиппъ Ферпоортенъ выгружаетъ черезъ своего служащаго Яна Ферюнса. Къ половинѣ іюля всѣ купцы уѣзжаютъ изъ Москвы на архангельскую ярмарку и находятся въ дорогѣ на почтовыхъ лошадяхъ 14 дней. Въ нынѣшнее время они пользуются привилегіями, что въ дорогѣ не предъявляютъ болѣе паспортовъ; воеводы, кромѣ того, не смѣютъ ихъ гдѣ-нибудь остановить или задержать ни по какому дѣлу, развѣ было бы оно явно уголовное. Въ іюлѣ приходятъ корабли, и тогда ярмарка продолжается до сентября мѣсяца, такъ что корабли идутъ опять отсюда иногда только въ октябрѣ, изъ чего можно заключить, что названные купцы въ Голландіи, Гамбургѣ и Бременѣ совершаютъ свою русскую торговлю почти въ теченіе 5 мѣсяцевъ, потому что

въ іюнѣ они закупаютъ товары внѣ *(своей)* страны, въ августѣ обмѣниваютъ ихъ въ Архангельскѣ, а въ октябрѣ пользуются своимъ капиталомъ опять дома. Товары, посылаемые изъ Москвы въ Архангельскъ, идутъ 40 миль сушей до Вологды и обыкновенно зимой саннымъ путемъ; тамъ они лежатъ до полой воды и могутъ тогда прибыть въ Архангельскъ черезъ 10 дней по Верхней и Нижней Сухонѣ и внизъ по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ.

ГЛАВА III.

О гостяхъ, или царскихъ коммерцъ-совѣтникахъ.

Гости—царскіе коммерцъ-совѣтники и факторы и неограниченно управляютъ торговлей во всемъ государствѣ. Это есть корыстолюбивая и вредная коллегія, довольно многочисленная, имѣетъ начальника, или старшину, и всѣ они—купцы; они также имѣютъ среди себя нѣсколько нѣмцевъ, именно: Клинкъ Бернгардтъ и Фогелеръ въ Амстердамѣ и Томасъ Келлерманъ въ Москвѣ [170]). Они проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ по всему государству и имѣютъ подъ видомъ своего званія право повсемѣстной первой покупки, хотя это не всегда бываетъ къ выгодѣ царя, а такъ какъ однако они не въ состояніи одни одолѣть такъ далеко разсѣянной торговли, то назначаютъ во всѣхъ большихъ городахъ одного, двухъ или трехъ изъ живущихъ тамъ знатнѣйшихъ купцовъ, которыхъ подъ видомъ царскихъ факторовъ заставляютъ пользоваться, хотя не именемъ, но привилегіями гостей и препятствуютъ, по большей части ради своей частной выгоды, торговлѣ во всѣхъ концахъ. Но это замѣчаетъ и хорошо знаетъ простой купецъ, потому и говоритъ плохо о гостяхъ, и можно опасаться, что если когда-нибудь произойдетъ бунтъ, то шеи всѣхъ гостей будутъ свернуты чернью. Они оцѣниваютъ товары въ Москвѣ въ царской казнѣ, также распоряжаются въ Сибири соболиной ловлей и соболиной десятиной, какъ и архангельскимъ рейсомъ и даютъ совѣтъ царю и проекты къ учрежденію царскихъ монополій. Они безпрестанно думаютъ о томъ, чтобы совсѣмъ и совершенно притѣснить торговлю на Восточномъ морѣ и нигдѣ не позволить никакой свободной торговли, чтобы только они могли тѣмъ лучше разыгрывать хозяина и набивать свои собственные карманы.

ГЛАВА IV.

О мѣдныхъ рудникахъ[171]).

Въ Россіи теперь найдены три мѣдныхъ рудника.

Во-первыхъ, возлѣ Олонца Колонца[172]), недалеко отъ озера Онеги, къ корельскимъ границамъ, 5 или 6 лѣтъ тому назадъ открытъ рудникъ и до сихъ поръ съ большимъ убыткомъ разрабатывается самимъ царемъ. Теперь этимъ рудникомъ управляетъ нидерландецъ Денисъ Іовисъ[173]), а прежде служилъ въ шведскихъ мѣдныхъ рудникахъ въ Лапландіи.

Во-вторыхъ, съ сибирской стороны идетъ рѣка, называемая Мезень. Она протекаетъ черезъ провинцію Кондора и вливается, наконецъ, въ Бѣлое море. На 228 верстѣ вверхъ отъ этого устья, или мезенской губы, впадаютъ въ Мезень двѣ маленькія рѣчки: одна съ сѣвера подъ названіемъ Пендора[174]), а другая съ юга. На первой недавно найдена въ синей глинѣ хорошая мѣдная руда съ крупными черными жилами.

Въ-третьихъ, на другой маленькой рѣчкѣ, которая, какъ сейчасъ сказано, впадаетъ съ юга въ Мезень, недавно также найдена въ скалахъ или сѣрномъ камнѣ мѣдная руда, которая содержитъ въ себѣ много сѣры.

Эти оба мѣста лежатъ на 18 миль одно отъ другого и, говорятъ, они оба вмѣстѣ съ вышеназваннымъ рудникомъ возлѣ Олонца въ 1674 году были отданы царемъ съ привилегіями Петру Марселису, и при этомъ было обѣщано, что будутъ просить у датскаго короля рабочихъ. Изъ этихъ обоихъ послѣднихъ мѣстъ можно до 5 миль водою прибыть въ Архангельскъ; но нужно еще находиться между надеждою и страхомъ, будутъ ли жилы также продолжаться[175]).

ГЛАВА V.

О желѣзныхъ рудникахъ.

Въ Россіи, почти около Москвы, находятся теперь три желѣзныхъ завода.

Первымъ и наибольшимъ владѣетъ, какъ наслѣдственнымъ и собственнымъ, Петръ Марселисъ[176]). Онъ датскаго происхожденія,

но родился и воспитывался въ Москвѣ и въ этомъ году заплатилъ своему родственнику Томасу Келлерману за $^{3}/_{4}$ части заводовъ 20.000 рублей[177]). Этотъ рудникъ находится и разсѣянъ на тридцать слишкомъ верстъ и большею частью за Окой въ трехъ различныхъ мѣстахъ между городомъ Серпуховымъ и дорогой туда, на замокъ Тулу и также по ту сторону его[178]). Начало находится въ 20 верстахъ отъ названнаго Серпухова, и важнѣйшая часть называется de Wols[179]). Оттуда 20 верстъ до рѣки, откуда затѣмъ можно прибыть водой въ Москву. Весь заводъ состоитъ изъ трехъ плавильныхъ печей и изъ 10 молотовъ съ двойными горнилами. Двѣ печи стоятъ вмѣстѣ, а третья отдѣльно. Наилучшая руда находится по ту сторону Тулы, на той части, которая больше всего отдалена отъ Москвы. На этомъ заводѣ дѣлается:

I. **Прутовое желѣзо**[56]), какъ толстое, такъ среднее и тонкое. Толстое употребляется очень много для стѣнъ въ церквахъ, монастыряхъ и домахъ. Среднее куется до 16 футовъ длины. Изъ тонкаго дѣлаютъ вмѣстѣ съ другими вещами тоже остовы[180]) къ желѣзнымъ дверямъ и ставнямъ[181]), и такъ какъ теперь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе строятъ каменные дома и въ нихъ всѣ наружныя двери и оконныя отверстія вслѣдствіе частыхъ пожаровъ дѣлаются изъ желѣза, то изъ-за этого немало издерживается прутового и досчатаго желѣза[182]).

II. Льютъ тамъ **пушки**[59]), самыя большія въ 18 шиффунтовъ. Марселисъ однако полагаетъ, что онъ здѣсь въ ближайшемъ будущемъ въ состояніи будетъ дѣлать до 24 фунтовъ. До этого были онѣ отправлены черезъ Архангельскъ въ Голландію и тамъ на испытаніи скорѣе треснули[183]); каково теперь ихъ испытаніе въ государствѣ, и какъ теперь пушки держатъ, мнѣ неизвѣстно, но вѣрно то, что у Марселиса нѣтъ красноломкаго желѣза, напротивъ, много холодноломкаго, изъ чего легко заключить, что пушки его не могутъ быть самыми лучшими.

III. Куютъ они **пушки** различной длины и калибра съ казенниками[184]) и очень гладкія внутри, которыя заряжаются свинцовыми ядрами и дѣлаются только на показъ и, какъ рѣдкость, для большихъ господъ, потому что онѣ обходятся очень дорого. Теперь была сдѣлана пара для датскаго короля, которая была длиною въ 7 пядей и (по показанію Марселиса) обошлась въ 150 рублей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ иностранецъ, кото-

рый эти названныя пушки умѣлъ хорошо обтягивать обручами. Изъ такихъ я видѣлъ еще различныя среди стрѣлецкой артиллеріи, которыя были обтянуты 18-ю обручами[185]). Но теперь нѣтъ никого больше въ странѣ, кто обладаетъ такимъ умѣніемъ.

IV. Тамъ куютъ **двери и ставни**[186]). Онѣ обыкновенно бываютъ въ $2^1/_2$ пядей длины и такой же ширины и довольно толсты и много употребляемы.

V. **Цирены.** Величины ихъ я собственно не замѣтилъ, но измѣрилъ въ селеніи Мшагѣ на соляныхъ варницахъ нѣсколько циренъ[187]), которыя были длиною въ 9 шведскихъ локтей, шириною въ 8 и въ $^3/_4$ вышиною. Такія цирены[188]) не особенно расходятся, и теперь у Марселиса много въ запасѣ. Пудъ стóитъ обыкновенно отъ 1 до $1^1/_2$ гривны дороже, чѣмъ предыдущія двери и ставни.

VI. **Сабельные клинки.** Ихъ дѣлается не такъ много, и они совершенно плохи.

VII. **Тонкія двойныя и одинакія доски**[58]), которыя употребляются на латы, Spälten[189]), сковороды и очень много на котлы и горшки разной величины; поэтому для котловъ и горшковъ они разрѣзываютъ эти доски и соединяютъ ихъ вмѣстѣ желѣзными гвоздями такъ, какъ дѣлаютъ въ другихъ мѣстахъ мѣдники.

VIII. Льютъ они **большія толстыя доски**[58]), которыя въ каменныхъ домахъ кладутся передъ дверными порогами. До этого Марселисъ также дѣлалъ и вывозилъ нѣмецкіе заказные **клинки**. Ковали также у него маленькіе **якори**, какіе употребляются на Окѣ и Волгѣ, но такъ какъ онъ изъ-за своего холодноломкаго желѣза имѣлъ ими малый сбытъ, то такіе товары были прекращены. Всѣ якори дѣлаются въ нынѣшнее время у Тильмана Акема и тамъ и тутъ у кузнецовъ. Около этого завода построены съ немалыми издержками различныя плотины, а строительный камень нужно брать и привозить за 90 верстъ оттуда.

Марселисъ по сегодняшній день не платилъ со своихъ произведеній ни одного геллера, ни десятины, пошлины, ни никакихъ другихъ налоговъ. Царь даже подарилъ этому заводу въ наслѣдственную собственность 400 крестьянъ, которые близко вокругъ живутъ и оказываютъ большую помощь. Привилегіи окончились теперь въ этомъ году; но лишь только просили продолженія, царь

ихъ опять продолжилъ на 20 лѣтъ. Самое большое затрудненіе при этомъ то, что служащіе обходятся очень дорого, а тѣхъ, которые хорошо знаютъ горное дѣло, нельзя однако достать, изъ-за чего происходитъ то, что многое упускается и большія суммы плохо употребляются. Марселисъ даетъ своему инспектору вмѣстѣ со столомъ 300 рублей ежегоднаго содержанія.

Другой желѣзный заводъ принадлежитъ тоже нѣмцу, по имени Тильманъ Акема[190]), и называется по рѣкѣ, гдѣ онъ построенъ—Протвой[191]); лежитъ онъ въ 90 верстахъ отъ Москвы, и въ зимнее время путь 24 часовой. Тамъ, по дорогѣ на Калугу, находятся 2 плавильныя печи и 4 молота, и тутъ желѣзо вообще лучше куется, чѣмъ у Марселиса, такъ что Акема всегда получаетъ за пудъ своего желѣза на 1 гривну больше Марселиса. На этомъ заводѣ дѣлается разныхъ сортовъ прутовое желѣзо и досчатое; но теперь не льются ни орудія ни чугунные ршки, потому что онъ не можетъ найти формъ. Дѣлаются якори и большею частію четырехзубчатые отъ 7 до 8 пудовъ. Тонкое прутовое желѣзо особенно прекрасно, мягко и тягуче, такъ что можно каждый прутъ безъ труда согнуть въ кругъ. Руду добываютъ, какъ и у Марселиса, изъ чистой земли. Она немного синевата, или желѣзнаго цвѣта. Однако въ этой странѣ находятъ немного руды тоже въ скалахъ и сѣрномъ камнѣ. Этотъ заводъ подобно предыдущимъ не только совсѣмъ свободенъ отъ налоговъ, но также пользуется отъ царя 200 собственными крестьянами.

Павловскій—третій и собственный царскій заводъ лежитъ въ 52 верстахъ отъ Москвы, по дорогѣ въ Клинъ, имѣетъ 1 плавильную печь и 2 молота, но онъ плохой важности, потому что руда идетъ изъ болотъ. Мастеръ тамъ наемный[192]) и служилъ онъ прежде у Марселиса.

Впрочемъ[193]) найдена еще желѣзная руда въ 90 верстахъ по эту сторону Архангельска на Сѣверной Двинѣ въ болотахъ, но въ нынѣшнее время не употребляется.

Уголь, которымъ на этихъ заводахъ пользуются, березовый, липовый, осиновый и еловый; но березовый считается наилучшимъ, и весь уголь покупаютъ корзинами. Кузнецы не берутъ его по счету, но употребляютъ всегда, сколько хотятъ, даже до 5 корзинъ (особенно у Марселиса) на одну плавку, хотя они могли бы обойтись 3-мя. Дрова есть въ избыткѣ налицо и рубятся

крестьянами изъ провинціи Галича, которые лѣтомъ нѣсколькими сотнями приходятъ на заводы. Одинъ штабель составляетъ $3^1/_2$ аршина со всѣхъ сторонъ въ четырехугольникѣ и (какъ Марселисъ и Акема сообщаютъ) стóитъ отъ 11 до 14 копеекъ.

Рудники лежатъ на ровномъ полѣ въ чистой глинѣ или землѣ безъ сѣрнаго камня. Не знаютъ никакой гидравлики, но какъ скоро вода идетъ въ рудникъ, они занимаютъ другой и большею частью каждый годъ перемѣняютъ такъ рудники.

Они кладутъ въ печь на одинъ разъ 4 куска руды и получаютъ въ плавкѣ самое большее 100 пудовъ. На одномъ горнѣ могутъ ежедневно вытянуть до 25 прутьевъ, которые обыкновенно 6 аршинъ длины, вѣсомъ въ 1 пудъ и нѣсколько больше и они также большею частью сгибаются вмѣстѣ. Бревно, подымающее молотъ,—дубовое, а молотъ вѣситъ отъ 18 до 21 пуда. Мастеръ получаетъ платы за пудъ 1 алтынъ, работникъ 2 копейки, а носильщикъ угля $^1/_2$ копейки. Здѣсь надо знать, что въ Россіи можно найти столь же прекрасную землю *(глину)*, какъ въ Голландіи или Франціи. Кузнецы въ Москвѣ даже указали мнѣ на то, что русскіе тигли могутъ болѣе противостоять жару огня и лучше выдержать пробу, чѣмъ нѣкоторые другіе. Такая земля очень годится для плавильныхъ печей.

Ни на одномъ изъ тѣхъ заводовъ не дѣлается стали, но въ разныхъ мѣстахъ крестьяне дѣлаютъ и то и другое—желѣзо и сталь—маленькими ручными раздувальными мѣхами и причиняютъ тѣмъ значительный ущербъ Марселису и Акемѣ; по этой причинѣ они и рѣшили прекратить выдѣлку гвоздильнаго производства, потому что крестьянинъ можетъ ихъ дѣлать за болѣе дешевую цѣну. Но такое желѣзо очень плохое и совсѣмъ холодноломкое, такъ что гвозди, если по нимъ бываетъ неровный ударъ, ломаются, какъ стекло; также кочедыки, сапожныя шила [194]) и другія мелочи дѣлаются крестьянами и продаются въ Москвѣ. Все луженое листовое желѣзо [195]) привозится черезъ Архангельскъ, однако не такъ много, какъ нѣсколько лѣтъ до того, потому что они начинаютъ покрывать свои колокольни муравленными кирпичами. Желѣзная проволока привозится изъ Швеціи черезъ Новгородъ, какъ и немного черезъ Архангельскъ, а въ Россіи совсѣмъ никакой не дѣлается; какъ и сказано, ежегодно сбывается только отъ 15 до 16 шиффунтовъ.

ГЛАВА VI.

О соболиномъ промыслѣ.

Всѣ соболи идутъ изъ Сибири и иначе нигдѣ не встрѣчаются. Это—басня, что тѣ, которые въ царской немилости ссылаются въ эту страну, должны ловить этихъ звѣрей. Сибирь занимаетъ большую часть русскаго царства. Главный городъ называется Тоболь или Тобольскій, и не найти страны, которая доставляла бы болѣе разнообразные и лучшіе мѣха, чѣмъ эта. Въ Москвѣ говорятъ, какъ вѣрное, что она приноситъ ежегодно до 600.000 рублей, чему, безъ сомнѣнія, значительно способствуетъ соболиная ловля. Соболи ловятся отчасти сѣтями и силками, а отчасти *(бьются)* луками и тупыми стрѣлами, какъ и изъ ружей, не только царскими ловцами соболей, но преимущественно татарами, чувашами, вотяками и другими кругомъ тамъ живущими народами, которые это именно смѣютъ дѣлать и вносятъ царю изъ застрѣленнаго и добытаго десятину. Никакой воевода, офицеръ или купецъ не смѣетъ дерзнуть купить себѣ тамъ самыхъ лучшихъ *(соболей)*, а именно пару, стóящую болѣе 20 рублей, и одинъ сорокъ,—болѣе 300 рублей, чтобы въ свою очередь продать ихъ изъ страны, но такіе составляютъ собственную царскую торговлю, и для этого въ надлежащихъ мѣстахъ поставлена сильная стража, которая должна объ этомъ развѣдывать. Если кто нибудь пойманъ, сдѣлавшій вопреки этому, тотчасъ соболи отнимаются, но кто хочетъ подбить ими свою одежду, тому это позволено, и такимъ образомъ попадаетъ много соболей въ руки частныхъ лицъ, а потомъ черезъ нихъ—изъ страны. Если кто нибудь хочетъ ихъ спрятать или продать за меньшую цѣну, нежели они стóятъ, то равнымъ образомъ они отнимаются; такъ не менѣе жестоко наказывается тотъ, кто низкаго происхожденія и имѣетъ ихъ при себѣ. Въ теперешнее время ловятся почти только простые и посредственные соболи въ Сибири, въ мѣстахъ, лежащихъ ближе къ Москвѣ, потому что они частой охотою тамъ очень загнаны и уменьшены, а самые лучшіе находятся далеко по ту сторону сибирскихъ городовъ и во всякое время при рѣкахъ въ большихъ пустошахъ, и это есть причиною, что подобные сóболи теперь дороже, чѣмъ нѣсколько раньше.

ГЛАВА VII.

О суконномъ производствѣ и русской шерсти.

Хотя московскіе нѣмцы въ прошедшіе годы устроили въ странѣ и пустили въ ходъ нѣсколько заводовъ и мануфактуръ, какъ-то: рудники, стеклянные заводы, бумажныя и пороховыя мельницы, селитренные заводы и прочее, но, несмотря на это, до сихъ поръ не могли завести и съ пользою продолжать суконнаго производства. Іоганнъ фонъ Шведенъ, извѣстный въ Москвѣ купецъ, до этого привезъ туда суконщиковъ, но на производствѣ получился такой убытокъ, что онъ долженъ былъ отпустить обратно мастеровъ. Изъ нихъ теперь еще находится въ Москвѣ только одинъ, но не работаетъ. Русская шерсть плоха; однако опытъ показываетъ, что изъ нея можно дѣлать столь же хорошее сукно, какъ гамбургское. Въ Татаріи, по ту сторону Каспійскаго моря и къ Персіи находится прекрасная шерсть и чѣмъ ближе къ Персіи, тѣмъ лучше и нѣжнѣе. Тамъ, какъ и въ Персіи, имѣется особенная порода овецъ, имѣющихъ длинныя висячія уши, согнутый носъ, а сзади на ляшкахъ два большихъ мякиша выросшаго и внизъ висячаго жира. Эти татарскія и персидскія овцы доставляютъ, какъ упомянуто, прекрасную шерсть, и иногда нѣсколько ихъ приводится въ Москву съ „табунами“ лошадей, или съ большими стадами калмыцкихъ лошадей, прибывающими въ августѣ. Мнѣ сказали, что теперешній царь неоднократно выписывалъ множество такихъ овецъ, но многія изъ нихъ мало-по-малу погибли на московскихъ поляхъ, а шерсть остальныхъ со временемъ такъ ухудшилась, что изъ нея, наконецъ, сдѣлалась русской. Такихъ овецъ я теперь видѣлъ въ Москвѣ у окольничаго Артемона Сергѣевича Матвѣева [196]) и нѣсколькихъ нѣмецкихъ купцовъ. Что касается суконъ, которыя отправляются въ Россію, то они должны имѣть широкія покромки и быть коротко стриженными. Цвѣта́ бываютъ по большей части: мускусовые, шарлаковые, пурпуровые, травяные, фіалетово-синіе и различные подобные высокіе и яркіе цвѣта́ [197]). Однако же употребленіе сукна съ нѣкотораго времени у русскихъ выводится и становится съ каждымъ днемъ все хуже, потому что они теперь одѣваются большею частью въ камлоты, которые получаютъ отъ голландцевъ и грековъ; но стрѣльцы, составляющіе 25 полковъ, все еще одѣты въ сукно.

ГЛАВА VIII.

О гостиныхъ дворахъ[198]).

Посреди Россіи, внутри красной стѣны, часть которой называется Китай-городъ, находятся два большихъ построенныхъ изъ камня и замкнутыхъ торговыхъ двора; одинъ называется „Старый гостиный дворъ", а другой „Новый гостиный дворъ" [199]).

Этотъ новый — наилучшее зданіе во всей Москвѣ и построенъ теперешнимъ царемъ 12 лѣтъ тому назадъ, когда въ странѣ были еще въ ходу мѣдныя деньги, при чемъ была употреблена такая хитрость, что рабочимъ платили мѣдными деньгами, но тотчасъ по окончаніи постройки ихъ отмѣнили и выкупили обратно за очень низкую цѣну. Внутри онъ имѣетъ дворъ въ 180 шаговъ въ квадратѣ[200]); тамъ находятся большіе городскіе вѣсы, а кругомъ два ряда сводчатыхъ мелочныхъ лавокъ одна надъ другой, изъ которыхъ многія принадлежатъ по найму нѣмцамъ. На этомъ дворѣ иностранцы держатъ, такъ сказать, свою биржу и собраніе, и ихъ можно тамъ ежедневно встрѣтить. Зимою весь дворъ такъ заполненъ санями, всякими товарами и народомъ, что нельзя пройти, но нужно безпрестанно пролѣзать. Тогда тамъ найдешь астраханскихъ осетровъ и стерлядей, лежащихъ для продажи многими сотнями другъ на другѣ, также много кавіара и различные черкасскіе и другіе товары.

На другомъ гостиномъ дворѣ находятся также кругомъ два ряда сводчатыхъ одна надъ другой лавокъ. Тамъ теперь найдешь персовъ, какъ и много русскихъ, и всѣ эти лавки царь сдаетъ за деньги, именно: на новомъ гостиномъ дворѣ лавку отъ 18 до 25 рублей, на старомъ же отъ 6 до 12 рублей.

ГЛАВА IX.

О царской казнѣ[201]).

Между 42-мя учрежденными въ Москвѣ „приказами", или коллегіями, управляющими всѣмъ русскимъ государствомъ и по-

лучающими тоже всѣ государственные доходы, находится одинъ, который называется „Большая казна", т. е. большая казенная коллегія. Также есть еще другой, который называется „Счетный приказъ" и можетъ быть сравненъ съ камеръ-коллегіей здѣсь, въ Швеціи, потому что туда доставляются всѣ счеты государства и что ежегодно остается въ излишкѣ отъ доходовъ послѣ уплаты всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ. Однако ни одинъ изъ этихъ двухъ не есть тотъ „приказъ", который обыкновенно принято называть „Царской" казной; также эта, такъ называемая, царская казна не есть Aerarium наличныхъ средствъ [202]), какъ это слово иначе понимается при дворахъ другихъ государей, но это есть кладовая, наполненная всякими купеческими товарами, которую русскіе называютъ „Сибирскій приказъ" [203]). Сюда приходятъ не только всѣ мѣха, которые доставляютъ Сибирь и Казанское царство, но также еще другіе товары, которые царь или самъ иногда добываетъ, или получаетъ черезъ десятину, или же поручаетъ перекупать черезъ своихъ „гостей". „Гости" и нѣсколько присягнувшихъ гражданъ бываютъ смотрителями надъ нимъ, принимаютъ товары и оцѣниваютъ ихъ и имѣютъ свои опредѣленные сроки, когда они держатъ казну открытой, и тогда каждый можетъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ купить тамъ, что ему угодно. Присяга смотрителей имѣетъ цѣлью, чтобы они ничего изъ казны не крали, и между собой тайно не промѣнивали товаровъ, также не повышали цѣны изъ-за своей собственной пользы и не выдавали по дружбѣ лучшихъ товаровъ, вмѣсто худшихъ, тому, кто ассигнированъ царемъ въ казну. Въ нынѣшнее же же время жалованье большею частью всѣхъ служащихъ, особенно нѣмцевъ, уплачивается изъ этой казны товарами, однако же они обыкновенно такъ высоко оцѣниваются смотрителями, что при этомъ большею частью должны терять третью часть [204]). Когда послы иностранныхъ государей уѣзжаютъ изъ Москвы, или же когда царь посылаетъ куда-нибудь своихъ великихъ пословъ, изъ этой казны берутся и выдаются подарки и особенно чистый [205]) соболь; также большею частью уплачивается изъ этого „приказа" промѣнными товарами персидскимъ, какъ и грузинскимъ купцамъ за ихъ товары, проданные царю. Эта казна, или кладовая, находится на большомъ „гостиномъ дворѣ", посреди Москвы, въ части Китай-городѣ.

ГЛАВА X.

О торговыхъ площадяхъ и базарахъ.

Всякій, безъ сомнѣнія, долженъ признать славу города Москвы и согласиться, что въ немъ такъ же много лавокъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ городахъ, хотя большая часть изъ нихъ такъ малы и узки, что купецъ часто едва можетъ надлежащимъ образомъ повернуться между своими товарами. И подобно тому, какъ въ Бѣломъ-городѣ, или внутри бѣлой стѣны, какъ и въ Земляномъ-городѣ, или въ части между упомянутой бѣлой стѣной и землянымъ „валомъ", называемымъ „Скородумомъ", встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ почти безчисленное множество мелочныхъ и другихъ простыхъ лавокъ, такъ и въ Китай-городѣ, или въ городѣ внутри красной стѣны, какъ средоточія Москвы, назначенномъ собственно для купечества, также нѣтъ особенныхъ домовъ; но тамъ можно найти большею частью построенныя изъ камня купеческія лавки, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ царю, но больше всего частнымъ лицамъ [206]), и въ разныхъ мѣстахъ при нихъ держатъ днемъ и ночью стражу и воду для защиты отъ пожара, который въ Москвѣ болѣе обыкновененъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Самое замѣчательное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое похвальное въ Москвѣ то, что каждый сортъ товара отъ самаго высокаго до самаго низкаго имѣетъ свои опредѣленные улицы и рынки. Свой отдѣльный рынокъ имѣютъ торговцы шелкомъ, торгаши пряностями, продавцы сукна [207]), шапочники, оловянишники, колокольные литейщики, скорняки, сапожники, кнутовщики, русскіе аптекари, торговцы румянами и продавцы чеснока и т. д. Даже тряпки и разные старые, маленькіе лоскутки также имѣютъ свою постоянную и опредѣленную площадь на „базарѣ" передъ замкомъ, почему избавляешься отъ труда далеко и долго искать товаръ. Среди этихъ рынковъ есть еще и другой, лоскутный рынокъ, возлѣ вшиваго рынка, на которомъ находятъ въ продажѣ разныя вещи и много прекрасныхъ и дорогихъ вещей, такъ что онъ справедливо числится между виднѣйшими рынками и по полному праву могъ бы требовать другого названія [208]). Недалеко отъ замка и „Земскаго приказа" также находится птичій рынокъ, на которомъ имѣются въ продажѣ разныя живыя птицы: глухари, тетерки, рябчики, пиголицы, чайки-рыбалки [209]), соколы, перепел-

ки, соловьи, жаворонки, щеглы и т. д., также куры, голуби, гуси, утки и живыя кошки. По средамъ и пятницамъ бываетъ большой еженедѣльный базаръ; тогда нужно (особенно зимою) во многихъ мѣстахъ силою пробиваться сквозь толпу народа и хорошо смотрѣть за своимъ кошелькомъ. Въ эти оба дня русскіе не ѣдятъ мяса.

ГЛАВА XI.

О книгопечатняхъ.

Во всей Россіи я знаю не болѣе двухъ книгопечатенъ. Одна въ Москвѣ и состоитъ изъ восьми прессовъ, которые въ ходу изъ года въ годъ. Печатаютъ большею частью на писчей бумагѣ, и тамъ найдешь священное писаніе, древнихъ святыхъ отцовъ и учителей церкви вмѣстѣ съ очень многими другими духовными книгами; сверхъ того, въ продажѣ есть ихъ „Уложеніе“, или сводъ законовъ. Другая печатня—въ городѣ Кіевѣ. Въ обоихъ мѣстахъ печатается также много образовъ и политипажей [210]).

ГЛАВА XII.

О большомъ колоколѣ.

Русскіе имѣютъ въ Москвѣ на рѣкѣ Неглинной большой литейный дворъ, называемый „Пушечнымъ дворомъ“, гдѣ они льютъ металлическіе пушки и колокола. У нихъ нѣсколько мортиръ весьма необычайной величины и, безъ сомнѣнія, величайшій изъ всѣхъ колоколъ, какой встрѣчается во всемъ свѣтѣ. Онъ вылитъ въ 1654 году однимъ русскимъ мастеромъ и въ 1674 году въ мартѣ мѣсяцѣ въ первый разъ поднятъ въ замкѣ возлѣ большой церкви и колокольни Ивана Великаго съ помощью двухъ очень высокихъ новопостроенныхъ столбовъ и хорошо выдуманнаго царскимъ „сторожемъ“, или привратникомъ, перевѣса. Окружность его составляетъ 12 саженей, поперечникъ 4 сажени, вышина съ ушами $5^1/_4$ сажени [70]), а толщина самаго нижняго края $1^1/_4$ „аршина“,

или русскаго локтя. Вѣса нельзя такъ точно узнать, самое лучшее свѣдѣніе слѣдующее:

Сначала положено было въ печь матеріала	15.000 пудовъ.
Изъ этого высчитывается сперва утечка въ печи.	2.000 пудовъ,
а потомъ что при литьѣ оказалось лишнимъ и опять изъ земли выкопано	3.000 пудовъ.
Остается при всемъ томъ.	10.000 пудовъ.
Патріархъ и другіе великіе господа приказали бросить въ печь мѣшки съ серебромъ и многими вещами безъ взвѣшиванія, думается на [211]). . . .	1.000 пудовъ.
	Сумма: 11.000 пудовъ.

Языкъ длиною въ 22 фута, а вѣсомъ насчитывается $1^1/_2$ картауна, что составляетъ 440 пудовъ.

Употребивъ для поднятія этого колокола цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ большого усилія и труда, русскіе 2-го декабря такъ высоко его подняли, что слѣдовало лишь опустить его съ подмостковъ, которые при поднятіи устраиваются всегда внизу, на опредѣленное мѣсто церкви, но по плохому недосмотру ему придали слишкомъ стремительный ходъ, такъ что онъ на упомянутомъ мѣстѣ получилъ размахъ и упалъ опять внизъ къ другой сторонѣ церкви, уйдя ушами такъ глубоко въ землю, что $^1/_3$ всего колокола была зарыта; но это паденіе ему однако нисколько не повредило.

Прежній большой русскій колоколъ, который тоже виситъ на Иванѣ Великомъ, описываетъ Олеарій въ своемъ описаніе персидскаго путешествія, стр. 147.

ГЛАВА XIII.

О провіантѣ и съѣстныхъ припасахъ.

Провіантъ и съѣстные припасы довольно дешевы не только въ разныхъ мѣстахъ государства, но также въ Москвѣ, потому что всегда, а особенно зимою, находится большой запасъ всякаго рода мясныхъ и рыбныхъ товаровъ. Въ лавкахъ во множествѣ

имѣются въ продажѣ: глухари, тетерки, рябчики, зайцы, калькутскія куры [212]), гуси, домашнія и дикія утки, куры и голуби.

Въ мое время и зимою стоили:

1 четверть ржи 70 копеекъ, но въ маѣ	60 копеекъ.
1 четверть гречихи, или гречневой крупы въ маѣ	120 копеекъ.
1 четверть пшенной крупы въ маѣ	160 копеекъ.
1 пудъ говядины	28 копеекъ.
1 пудъ свѣжаго шпика [46])	24 копейки.
1 овца 30—36 копеекъ; но по эту сторону Новгорода, на рѣкѣ Лугѣ	12—14 копеекъ.
1 поросенокъ	5—6 копеекъ.
1 жирный гусь	9—10 копеекъ.
1 утка	5 копеекъ.
1 калькутскій пѣтухъ [213])	15—16 копеекъ.
1 обыкновенная курица	3 копейки.
1 пара молодыхъ куръ въ маѣ	2 копейки.
1 пара голубей	2 копейки.
1 заяцъ	3—4 копейки.
1 глухарь	8—9 копеекъ.
1 тетерка	3 копейки.
1 рябчикъ	1 копейку.
1 пудъ вяленаго шпика [46])	40 копеекъ.
1 пудъ трески вяленой	80 копеекъ.
1 пудъ масла	1 рубль.
1 фунтъ голландскаго масла	16—18 копеекъ.
1 пудъ самой лучшей соли	20 копеекъ.
1 пудъ бѣлой муки	1 рубль.
5 яицъ въ маѣ 1 копейку, въ іюлѣ въ Твери 14—15 яицъ	1 копейку.

Осетры и другія замороженныя рыбы зимою дешевы, живыя, напротивъ, тогда довольно дороги. Въ Москвѣ ѣдятъ „судаковъ“ [214]), карасей, пискарей, гольцевъ, лещей, окуней, щукъ и т. д. Самыя наилучшія рыбы, которыхъ они тамъ имѣютъ, есть бѣлуги, которыя ловятся въ Волгѣ, и „стерляди“, между которыми ярослав-

скія и сибирскія считаются первыми. Рѣчныхъ карповъ много не ловятъ, но однако иногда очень большихъ и прекрасныхъ.

100 раковъ лѣтомъ	3 копейки.
1 дыня отъ 10 до 12 фунтовъ въ августѣ	3 копейки.
10 огурцовъ въ срединѣ іюня 1 копейку, въ августѣ 130	1 копейку.
50 штукъ молодыхъ желтыхъ кореньевъ въ іюлѣ	1 копейку.

Спаржа, сельдерей, артишоки, портулакъ и другія подобныя кухонныя овощи находятъ только у иностранцевъ, но въ достаточномъ количествѣ; тамъ тоже растутъ во множествѣ сморчки и шампиньоны. Что касается напитка, то хотя солодъ и медъ не дороги, одна четверть солода въ маѣ—45 копеекъ, а 1 шиф. хорошаго меда—11—12 рублей, но пиво въ „кабакахъ“ и кружалахъ не дешево, потому что пивовареніе—монополія, которая принадлежитъ только его царскому величеству, хотя разумѣется, что каждый хозяинъ имѣетъ право варить извѣстное количество для своего домашняго употребленія. Одна тонна пива изъ царскаго кабака стóитъ 2 рубля, а одна кружка пивнаго уксуса 3 копейки.

ГЛАВА XIV.

О винныхъ и яблочныхъ погребахъ.

На „базарѣ“, или большой ярмаркѣ, передъ замкомъ много винныхъ погребовъ въ одинъ рядъ подъ землею и принадлежатъ отчасти его царскому величеству, а большею частью частнымъ лицамъ. Однако тамъ не продается никакого другого вина, кромѣ испанскаго и французскаго. Когда приходятъ внизъ, тотчасъ подносятъ въ маленькихъ стаканахъ разныя пробы и за то, которое выбираютъ, крѣпко торгуются. Посуда называется „гáленокъ“, половина и четверть гáленка. Они изъ луженой мѣди, безъ крышки, отвратительны, похожи на ночной горшокъ. Хозяева, какъ и всѣ русскіе, очень услужливы и даютъ при покупкѣ одинъ маленькій стаканъ вина, если это желательно. Гáленокъ почти такъ великъ, какъ шведскій стоопъ. Продается болѣе всего красное французское вино и стóитъ отъ 10 до 42 копеекъ, бѣлое то же—18 копеекъ. Гáленокъ испанскаго вина отъ 24 до 27 копеекъ.

Къ напитку можно получить хлѣбъ, изюмъ и миндаль. Каждый погребъ долженъ ежегодно давать его царскому величеству 9 рублей „оброка“, или налога.

Русскіе также имѣютъ яблочные погреба, въ которыхъ бываютъ для продажи цѣлый годъ всякія яблоки. Выбираютъ и покупаютъ, что каждому желательно. Наилучшія яблоки называются „наливными“ и часто такъ прозрачны, что, держа ихъ противъ солнца, можно видѣть внутри зернышки.

ГЛАВА XV.

О „кабакахъ“ и ледникахъ[215]).

Всѣ „кабаки“, винныя, пивныя и водочныя кружала въ такомъ обширномъ русскомъ государствѣ принадлежатъ только его царскому величеству, и содержатели ихъ должны отдавать отчетъ приказу „Большому приходу“.

Отсюда и происходитъ то, что рѣдко можно найти въ кабакахъ хорошее пиво, и несмотря на то, что ячмень, солодъ и хмель дешевы, всетаки пиво такъ дорого. Такихъ кабаковъ однако не такъ особенно много ни въ Москвѣ ни въ странѣ, и я встрѣтилъ по большой сухопутной дорогѣ между Новгородомъ и Москвою на разстояніи болѣе 500 верстъ не свыше 9—10. Даже находится много селеній изъ 40,50 и болѣе очаговъ, въ которыхъ не найти ни капли пива. Оно мѣрится „ведрами“ и „братинами“. Эта мѣра значительно меньше, чѣмъ шведскій стоопъ, и считается 8 на „ведро“ [216]).

Почти каждый, а особенно всѣ крестьяне, имѣютъ слабый напитокъ, называемый „квасомъ“. Онъ, по моему свѣдѣнію, не варится, а только замѣшивается изъ ржанаго солода теплой водой, и всегда стоитъ въ открытыхъ сосудахъ, а по вечерамъ ихъ опять доливаютъ, что они выпили за день. Когда квасъ, наконецъ, становится слишкомъ слабымъ и плохимъ, настаиваютъ его наново, и это постоянно продолжается. Подобный квасъ имѣется въ продажѣ тоже въ Москвѣ на всѣхъ улицахъ.

Равнымъ образомъ всѣ винокуренные заводы принадлежатъ царю, но не достаточны для снабженія кабаковъ, отчего его царское величество еще покупаетъ ежегодно черезъ своихъ „гостей“ большія партіи водки отъ лифляндцевъ и черкассовъ.

Русскіе славятся тѣмъ, что не только при кабакахъ, но также при каждомъ домѣ въ городахъ лѣтомъ находится ледникъ и ледъ, освѣжающій собою напитки, и они устраиваются такимъ образомъ: каждый годъ въ мартѣ въ погреба навозятъ полно льду; потомъ онъ на мѣстѣ, гдѣ долженъ лежать напитокъ, разбивается и затѣмъ поливается водою, которая за ночь замерзаетъ, и, слѣдовательно, онъ становится совсѣмъ гладкимъ и ровнымъ, а когда такъ скрѣпленъ, насыпаютъ на него солому, которая способствуетъ тому, чтобы ледъ въ лѣтнее время такъ быстро не таялъ, и чтобы также боченки отъ сырости не могли портиться и гнить.

ГЛАВА XVI.

О матеріалахъ и издержкахъ на каменную постройку.

Теперь въ Москвѣ ежедневно и чѣмъ дальше, тѣмъ больше строятся изъ жженаго кирпича церкви, монастыри и дома. Московскіе кирпичи большіе, и 1.000 подъ Москвою на кирпичныхъ заводахъ сто́итъ отъ 160 коп. до 2 рублей, а въ Москвѣ отъ 2 рублей 30 коп. до $2^1/_2$ рубля. Известь очень бѣла и хороша, но дорога́, потому что если царь не строитъ, то 1 тонна сто́итъ 12 копеекъ, а если онъ строитъ, сто́итъ зимою отъ 15 до 20 копеекъ. Также не очень далеко отъ Москвы находится нѣсколько каменоломенъ, изъ которыхъ привозятъ въ городъ бѣлые квадратные камни и употребляютъ для построекъ. Каменщикъ зарабатываетъ въ день 8 копеекъ, а носильщикъ камня или другой работникъ—3 копейки.

ГЛАВА XVII.

О врачахъ и аптекахъ [215]).

Въ Москвѣ въ нынѣшнее время находится 5 врачей, 1 хирургъ и 2 аптеки.

Врачи [217]): 1) докторъ Розенбургъ Старшій, 2) докторъ Блументростъ, 3) докторъ Граманъ, 4) докторъ Даніилъ Іевлевичъ; этотъ болѣе всего принимается при дворѣ, родомъ іудей, послѣ

былъ папистомъ, потомъ евангелистомъ, а теперь греческаго вѣроисповѣданія; 5) докторъ Розенбургъ Младшій. Хирургомъ состоитъ одинъ силезецъ, довольно разбогатѣвшій въ Москвѣ, называется Сигизмундъ Зоммеръ и, какъ тѣ врачи, состоитъ на службѣ у его царскаго величества.

Одна аптека находится въ замкѣ, но никого не обслуживаетъ, кромѣ царя и нѣсколькихъ знатныхъ господъ, и она составляетъ магазинъ, или матеріалъ-камеръ, для другой аптеки. Управляющій—нѣмецъ и называется Гутбиръ.

Другая аптека находится посреди города и принадлежитъ также царю, который выписываетъ для нея матеріалы, платитъ служащимъ и также имѣетъ пользу. Теперь при ней состоятъ: провизоръ Христіанъ Ейхлеръ, Іоганнъ Гутменшъ и Робертъ Беншомъ вмѣстѣ еще съ двумя англичанами и они имѣютъ нѣсколько парней, какъ и разныхъ русскихъ, въ работникахъ. При этой аптекѣ держитъ царь большой водочный кабакъ, который, по заявленію доктора Розенбурга, вмѣстѣ съ аптекою доставляетъ царю отъ 27 до 28.000 рублей чистаго дохода въ годъ. Однако она теперь годъ отъ году сильно падаетъ, хотя всегда хорошо снабжена хорошими и обильными товарами. Всѣ лѣкарства выдаются за печатью [218]) и неумѣренно дороги, какъ отчасти можно видѣть изъ слѣдующаго рецепта, который стóитъ 45 копеекъ:

R. Oxymel. Simpl. ℥iij.
Squillitic. ℥ij.
Aq. Hyssopi ℥j.
Laud. Opiat. in ℞ fragorum.
dissipat. gr. IV.
M. D. S. Mixtur.

ГЛАВА XVIII.

О нѣмецкой церкви и ея Exercitio Religionis.

Хотя нѣсколько нѣмецкихъ купцовъ живетъ въ самой Москвѣ, но ихъ считается не болѣе 9—10 семействъ. Всѣ другіе вмѣстѣ съ офицерами и ремесленниками живутъ въ особомъ мѣстѣ, называемомъ ими Нѣмецкой „слободой“ и лежащемъ на хорошій мушкетный выстрѣлъ отъ Москвы между рѣкою Яузою и ручьемъ Ку-

куемъ, откуда происходитъ извѣстная во всей Россіи, но презрительная для иностранцевъ, поговорка: Tschisna Kukui. Тамъ у нихъ три лютеранскихъ церкви, особеннымъ патрономъ которыхъ состоитъ нынѣ владѣтельный герцогъ готскій[219]), не только установившій для ихъ содержанія ежегодное пожертвованіе, но и всегда переписывающійся съ церковнымъ причтомъ. Священники называются: Балтазаръ Фадемрехтъ, Gedanes. Mag., Іоганнъ Готфридъ Грегоріусъ, Eislebens., Іоганнъ Дитрихъ Фокеродтъ, Thüring., Александръ Юнге, Regiomont[220]). У реформаторовъ одна церковь. Проповѣдникъ ихъ, по имени Іоганнъ Граувинкель, проповѣдуетъ на голландскомъ языкѣ. Эти 4 церкви построены изъ дерева, при нихъ нѣтъ ни колоколовъ ни органовъ, но въ каждой стоитъ большая изразцовая печь. Лютеране и реформаторы отправляютъ тамъ свое богослуженіе такъ свободно и безпрепятственно, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ, но католикамъ открытое богослуженіе не позволено. Петръ Марселисъ и Тильманъ Акема держатъ на своихъ желѣзныхъ заводахъ тоже реформаторскихъ проповѣдниковъ. Въ нѣмецкой слободѣ есть также и нѣмецкая школа. Имѣется тоже 6 главныхъ сочиненій Лютера съ толкованіями ихъ на русскомъ языкѣ, однако они по похвальному повелѣнію шведскаго правительства напечатаны въ Лифляндіи.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ.

Такъ какъ полезное свѣдѣніе о путяхъ сообщенія, какъ и о рѣкахъ и водахъ страны, тоже относится къ торговлѣ, то здѣсь, въ этой пятой и послѣдней части, желательно вкратцѣ указать, какъ обстоитъ дѣло съ расположеніемъ водъ между Нарвой и Москвой и съ Лугой въ Ингерманландіи [1]), а затѣмъ—съ разстояніемъ пути между Стокгольмомъ и Москвой, и, наконецъ, въ послѣдней главѣ—съ положеніемъ пути и съ разстояніемъ отъ Москвы до Тобольска въ Сибири, а оттуда до знаменитаго китайскаго главнаго и престольнаго города Пекина, каковое путешествіе взадъ и впередъ ежегодно совершается купцами. Этимъ описаніемъ я заключу свое сочиненіе.

ГЛАВА I.

О водахъ и рѣкахъ между Нарвой и городомъ Москвой.

Изъ Нарвы можно ходить ботами отъ 3 до 4 ластовъ черезъ проходъ Куттеркюль (Kutterkiehl) въ ямскую рѣчку, или Лугу, а потомъ по ней же вверхъ въ селеніе Онежицы [2]), о чемъ больше видно въ слѣдующей главѣ. Изъ Онежицъ везутъ товары 30 верстъ по сушѣ въ Медвѣдь [3]), каковое селеніе лежитъ на водахъ

[1]) Такое неполное предисловіе къ V части по изданію Бишинга, но мы его дополняемъ по тексту вольфенбиттельской рукописи въ изданіи Хр. Шмидта.

[2]) Онежицы (Onesitz) въ 16 верстахъ, считая по прямой линіи, ниже гор. Луги, на правомъ берегу, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него.

[3]) Медвѣдь (Miedwed)—село, на лѣвомъ берегу р. Мшаги, въ 12 верстахъ по прямой линіи къ сѣверу отъ впаденія Мшаги въ р. Шелонь, на большой дорогѣ.

Мшаги. Здѣсь надо замѣтить, что обѣ упомянутыя рѣки, Луга и Мшага, сближаются на 11—12 верстъ между названными селеніями Медвѣдь и Онежицы[1]), но онѣ не только мелки, но также каменисты и не судоходны. Мшага потомъ впадаетъ въ Шелонь въ 10 верстахъ отъ Медвѣдя, возлѣ одного селенія, которое получаетъ свое названіе отъ рѣки и называется тоже Мшагой[2]). Шелонь есть прекрасная широкая рѣка и впадаетъ въ 13 верстахъ отъ селенія Мшаги, недалеко отъ мѣстечка Голина[3]), въ Ильмень, или Ильменское озеро. Ильменское озеро длиною 60 верстъ, а шириною 40 верстъ, но наибольшая его глубина не свыше 3 саженей; оно простирается къ Новгороду на 5 верстъ и тамъ выдѣляетъ изъ себя рѣку подъ названіемъ Волховъ, который въ Новгородѣ шириной 500 шаговъ и потомъ впадаетъ въ 180 верстахъ оттуда, возлѣ Лабы (Laba), въ Ладожское озеро. Такимъ образомъ, можно добраться отъ Медвѣдя порядочнымъ ластовымъ судномъ по Мшагѣ и Шелони внизъ, а потомъ по озеру Ильмень въ Новгородъ. Приблизительно въ $6^{1}/_{2}$ верстахъ отъ Новгорода впадаетъ въ Ильменское озеро рѣка подъ названіемъ Мста, которая длиной приблизительно 240 верстъ и вытекаетъ изъ озера Мстино, лежащаго недалеко отъ дороги въ Москву. Однако надо знать, что эта Мста, говорятъ, имѣетъ чрезвычайно много падуновъ (Fälle) и только ранней весной (Vorjahr) въ полую воду судоходна. Приблизительно въ 220 верстахъ отъ Новгорода впадаютъ въ Мсту двѣ рѣчки—Шлина и Цна, послѣ того какъ онѣ соединились на разстояніи $^{1}/_{2}$ версты по эту сторону Вышняго Волочка, такъ что весною можно ходить съ значительными грузами изъ этого селенія Вышняго Волочка въ озеро Ильмень, но итти опять назадъ вверхъ по Мстѣ невозможно по причинѣ падуновъ. Въ Вышнемъ Волочкѣ, въ 75 шагахъ отъ Цны вытекаетъ Тверца

[1]) Между Онежицами и Медвѣдемъ разстояніе по прямой линіи 41 верста. Кильбургеръ тутъ не совсѣмъ ясно выразился: онъ хотѣлъ просто сказать, что рѣки Луга и Мшага сближаются на разстояніе 11—12 верстъ, и, дѣйствительно, пространство, отдѣляющее ихъ другъ отъ друга, равняется теперешнимъ 14 верстамъ.

[2]) Мшага (Mschaga)—въ верстахъ трехъ къ западу отъ сліянія Мшаги съ Шелонью, на притокѣ Мшаги, недалеко отъ большой дороги, проходящей тутъ между селеніемъ Мшагой и рѣкой Мшагой.

[3]) Голина (Gholina)—на сѣверномъ берегу лѣваго рукава Шелони.

изъ болотистаго луга и вливается, наконецъ, возлѣ города Твери въ Волгу. Упомянутый истокъ лежитъ почти 2-мя саженями (Klafter) выше Цны, и почва между ними чистый песокъ. Цна въ концѣ таянія снѣга подымается такъ высоко, что смѣшивается съ Тверцой. Если поэтому здѣсь сдѣлать перекопъ, то Ладожское море и, слѣдовательно, также Восточное море были бы соединены съ Каспійскимъ [1]). Тверца не имѣетъ падуновъ, но въ началѣ на протяженіи до 50 верстъ мелководна и потому не годна для плаванія, но въ городѣ Торжкѣ она уже имѣетъ отъ 120 до 130 шаговъ ширины. Потомъ слѣдуетъ Волга возлѣ московской дороги до селенія Шоши [2]), которое лежитъ въ 25 верстахъ отъ городка Клина или въ 125 совсѣмъ малыхъ верстахъ отъ города Москвы. Эти 125 верстъ можно зимою промчать приблизительно въ 24 часа.

ГЛАВА II.

О рѣкѣ Лугѣ въ Ингерманландіи.

Эта рѣка беретъ начало въ Россіи и въ Сомерской области [3]). Если ѣдутъ изъ Новгорода въ Нарву, ее впервые встрѣтятъ и

---

[1]) Та же самая мысль заняла вниманіе и Пальмквиста, который писалъ, что „въ 25 саженяхъ отъ р. Цны начинается болото и ручей, изъ котораго начинается и вытекаетъ р. Тверца, которая впадаетъ затѣмъ въ р. Волгу. Здѣсь слѣдуетъ хорошо замѣтить, что если прокопать эти 25 саженъ, то возможно соединить Балтійское съ Каспійскимъ моремъ. Это важное предпріятіе тѣмъ легче можно бы выполнить, что положеніе ручья Тверцы возвышается на 2 сажени надъ уровнемъ Цны, и на пространствѣ 25 саженей не встрѣчается ни одного камня".

[2]) Шоша (Soschina). Въ главѣ III этой же части Кильбургеръ пишетъ, что Шоша (Schoschia) лежитъ въ углу между рѣкой Шошей и Волгой. Тамъ же видно, что разстояніе отъ Шоши до Клина, торговаго мѣстечка, было 35 верстъ, а отъ Клина до Москвы—85 верстъ, всего—120 верстъ. Такимъ образомъ, длина разстоянія отъ Шоши до Клина въ 25 верстъ указана въ данномъ мѣстѣ невѣрно, а должно быть 125-85=40 верстъ, хотя это и не сходится съ вышеуказанной цифрой—35 в., но это можно объяснить неопредѣленностью и неточностью тогдашнихъ измѣреній.

[3]) Сомерская область—Sommerschen Gebiete. Такъ она называлась по небольшому озеру Самро, находящемуся въ Гдовскомъ уѣздѣ, прибли-

увидятъ въ селеніи Передольскомъ[1]), въ 20 верстахъ по эту сторону Медвѣдя, и тамъ она еще мала и мелководна. Въ 5 верстахъ отъ Передольскаго лежитъ селеніе Торошковичи[2]), какъ и предыдущее, слѣва на Лугѣ, которая и здѣсь еще мало годна. Но въ 5 верстахъ потомъ дальше, а именно въ селѣ Онежицахъ[3]), которое лежитъ справа, начинаетъ быть судоходной, и оттуда ходятъ въ Нарву довольно длинными „стругами". Новгородскій „воевода" заплатилъ 70 рублей за 6 такихъ „струговъ" и 28 гребцовъ, которыхъ мы имѣли отъ Онежицъ до Моравейны. Отъ Онежицъ въ 15 верстахъ внизъ по рѣкѣ лежитъ направо Слапи[4]), а налѣво Естомицы вмѣстѣ съ боярскимъ дворомъ (Bojarenhof); это—селенія. Въ двухъ верстахъ оттуда находится слѣва монастырь Усіовка (Usiofka Monastir), подъ которымъ рѣчка Усіовка впадаетъ въ Лугу; въ 18 верстахъ дальше оставляютъ справа селеніе Маклино (Maklina), и опять черезъ 18 верстъ впадаетъ въ Лугу

зительно въ серединѣ между сѣверной частью Чудского озера и среднимъ теченіемъ р. Луги. Изъ оз. Самро вытекаетъ съ сѣвера рѣчка Самра, течетъ къ сѣверу и впадаетъ въ р. Долгую, западный притокъ Луги. За Сомерскую область спорили шведскіе и русскіе послы при заключеніи мира 1617 г. Русскіе между прочимъ говорили, чтобы шведы, когда будутъ отдавать Россіи „Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Ладогу, Гдовъ, Сомерскую волость, и тѣхъ бы городовъ всякихъ людей отдати со всѣми ихъ животы". Наряду съ терминомъ „Сомерская" встрѣчается и написаніе „Сумерская". (Якубовъ, „Россія и Швеція въ первой полов. XVII в.". Чтенія Ист. и Др. Рос., 1897 г., III, с.с. 12, 16). Въ 1674 г. Сомерская область, какъ видно изъ описанія границъ самого Кильбургера, была шведской, и Кильбургеръ этой фразой хотѣлъ сказать, что Луга и ея притоки начинаются въ русской и шведской странахъ.

[1]) Передольскій (Predolska) находится на лѣвомъ берегу р. Луги, на большой дорогѣ, въ 31 верстѣ, измѣряя по прямой линіи, къ ю.-в. отъ гор. Луги и въ 27 верстахъ немного къ сѣв.-зап. отъ села Медвѣдя.

[2]) Торошковичи (Doroskowitz) лежитъ къ сѣверу отъ Передольскаго, въ 8 верстахъ отъ него, на дорогѣ, на лѣвомъ берегу Луги.

[3]) Онежицы (Onesitz)—въ 8 верстахъ къ сѣверу отъ Торошковичи, но уже на правомъ берегу Луги; въ 16 в. къ сѣверу расположенъ гор. Луга.

[4]) Слапи (Slobie)—въ 13 в. къ с. отъ Онежицъ, на правомъ берегу Луги, а въ 12 верстахъ отъ Онежицъ, но на лѣвомъ берегу, лежатъ Естомицы (Jessomitza).

почти такая же большая рѣчка, которая называется Оредежъ[1]) и которая идетъ отъ капурійскихъ границъ. Насколько Луга отъ своего истока до этого мѣста очень травяниста, грязна и такъ извилиста, что иногда компасъ обходитъ весь кругъ въ продолженіе одного часа, и имѣешь солнце то на спинѣ, то на лицѣ, то на бокахъ, настолько она отсюда становится совсѣмъ чистой и принимаетъ гораздо правильнѣе направленіе и дѣлается довольно широкой и прекрасной рѣкой; равнымъ образомъ также отсюда растетъ много дуба и липы. Въ 6 верстахъ отъ Оредежа лежитъ направо селеніе Жильцы[2]), а въ 20 верстахъ дальше налѣво—селеніе Красныя горы[3]), потомъ болѣе 3 верстъ опять направо—селеніе Бѣжана[4]). Отсюда въ 5 верстахъ слѣва съ рѣкой, изгибающейся тамъ совсѣмъ направо, сталкивается скала, на которой вырѣзано нѣсколько русскихъ и другихъ названій, а въ одной верстѣ оттуда направо шведско-ингерманландская граница. Эта область называется Ростишина (Rostischina), и знакомъ служитъ скала, на которой вырѣзаны русскій крестъ и возлѣ—три шведскія короны. Но берегъ налѣво до нижней части Муравейны[5]) все еще остается русскимъ, подобно тому, какъ теперь берегъ направо отсюда—всегда шведскій. Отъ этой границы до Вязи[6]), маленькаго селенія направо,—1 верста. Въ 5 верстахъ отсюда направо лежитъ селеніе Старица, а напротивъ налѣво—селеніе На-

---

[1]) Оредежъ (Ovidis) — „почти такая же большая рѣка", по словамъ Кильбургера, какъ и р. Луга; она, дѣйствительно, большая, начинается южнѣе Гатчина, течетъ на югъ и впадаетъ съ правой стороны въ р. Лугу, въ верстахъ 20, по направленію рѣки, выше гор. Луги. Оредежъ начинается болѣе чѣмъ въ 50 верстахъ на юго-востокъ отъ Копорья, почему Кильбургеръ и упоминаетъ о копорской (капурійской) границѣ.

[2]) Жильцы (Schelza)—направо, нѣсколько вдали отъ рѣки, въ 4 верстахъ выше по прямой линіи отъ сліянія Оредежи съ Лугой.

[3]) Красныя горы (Krasna-ghorod) лежатъ на лѣвомъ берегу Луги, въ 20 верстахъ по прямой линіи отъ Жильцовъ, у озера Красногорскаго, въ четырехверстномъ разстояніи отъ берега самой Луги.

[4]) Бѣжана (Beschana)—на правомъ берегу Луги, нѣсколько выше къ сѣверу.

[5]) Муравейна (Moravena)—къ сѣв. отъ Бѣжаны въ 4 верстахъ по прямой линіи, какъ разъ на 59⁰ широты (отъ Пулкова), на правомъ берегу Луги.

[6]) Вязь (Wäs)—къ сѣверу отъ Муравейны менѣе 6 верстъ, считая тоже по прямой линіи; расположена на правомъ берегу Луги.

колъ [1]), оба на высокихъ горахъ. Въ 12 верстахъ дальше направо впадаетъ въ Лугу рѣчка Лемовжа [2]), въ которой ловятъ семгу. Если же пройти 11 верстъ, видишь слѣва селеніе Рѣдежи [3]), отъ которой еще въ 4 верстахъ лежитъ справа Сабско [4]) и прямо напротивъ него впадаетъ слѣва въ Лугу рѣчка Саба. Тутъ рѣка очень камениста и находится водопадъ, который особенно причиняетъ судовщикамъ много хлопотъ въ лѣтнее время. Въ 2 верстахъ отъ Сабско впадаетъ съ правой стороны богатая семгой Радкена [5]) (Radkena). Далѣе—6 верстъ до селенія Сторонье [6]), которое лежитъ слѣва. Здѣсь опять довольно большое каменистое разстояніе и другой падунъ. Судовщики охотнѣе подымаются по этимъ 2 падунамъ, чѣмъ спускаются, и при подъемѣ тянутъ съ суши бичевами лодьи; они также идутъ охотнѣе по этимъ падунамъ весною при высокой водѣ, чѣмъ лѣтомъ, потому что тогда опасность отъ камней не такъ велика, а, напротивъ, при низкой водѣ иногда случается, что теченіе бросаетъ лодьи на камни и ихъ повреждаетъ, такъ какъ оно между этими камнями и по причинѣ падуновъ очень быстрое. Но эти падуны совсѣмъ не круты или не стремительны, но вода падаетъ понемногу на разстояніи хорошаго мушкетнаго выстрѣла и на верхнемъ падунѣ—высотой локтей 5—6, но на нижнемъ менѣе. Отъ Сторонье до Муравейны [7]) въ свою очередь 4 версты. Здѣсь, какъ Швеція, такъ и Россія, каждая содержитъ на своей сторонѣ караулъ солдатъ;

---

1) Старица (Staritza)—направо въ 6 верстахъ (по прямой линіи) выше Вязи, а на лѣвомъ берегу напротивъ, тоже не на самомъ берегу—Наколъ (Nako).

2) р. Лемовжа (Lämo) въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ предыдущихъ селеній впадаетъ справа въ Лугу.

3) Рѣдежи (Redieschа)—на лѣвомъ берегу Луги, въ 11 верстахъ по прямой линіи отъ устья притока Лемовжи.

4) Сабско (Satsko)—въ 6 в. отъ Рѣдежи, на правомъ берегу Луги, противъ впадающей здѣсь въ Лугу съ юга рѣчки Саба (Saba).

5) Въ 2½ верстахъ ниже по теченію отъ Сабска впадаетъ справа въ Лугу притокъ Пеледа.

6) Сторонье (Slоronnia) лежитъ въ 11 верстахъ ниже по теченію отъ Сабско, причемъ на правомъ берегу Б. Сторонье, а на лѣвомъ М. Сторонье.

7) Муравейно (Moravena) лежитъ на лѣвомъ берегу Луги, на 59° 15' широты, т. е. на ¼ градуса сѣвернѣе вышеупомянутой Муравейны. Отъ Сторонье до Муравейно 6 верстъ.

сушей въ Нарву 8 миль, но водою путь гораздо длиннѣе и извилистѣе. Въ селеницѣ Вязь мы встрѣтили нагруженный желѣзомъ, сталью, виномъ и другимъ ботъ *(дощаникъ)*, который подымался вверхъ по рѣкѣ отъ Нарвы и между тѣмъ былъ въ дорогѣ 9 дней. Въ Муравейнѣ мы условились съ русскими относительно лодьи оттуда до крѣпости Яма[1]) и заплатили за это $1^1/_2$ рубля. Потомъ отъ Яма до Нарвы[2]) 3 мили, если ѣхать сухимъ путемъ. Почти по всей Лугѣ непрерывно по обоимъ берегамъ много прекрасныхъ сѣнокосовъ или луговъ и пріятныхъ мѣстностей. Но немного въ сторонѣ отъ нихъ голыя высокія горы и песчаная и поросшая верескомъ (Heyde) земля[3]).

ГЛАВА III.

Обозначеніе пути отъ Стокгольма до Москвы.

	Миль.
Отъ Стокгольма (Stockholm) до Цибла (Cybla) черезъ Стокзундъ (Stocksundt)	$1^1/_2$
Исбигъ (Issbyg)	$2^1/_2$
Рэланда (Rölanda)	$2^1/_2$
Шванберга (Schwanberga)	2
Тофтинге (Toiftinge)	2
Здѣсь оставляютъ немного слѣва Орталу (ortala), желѣзный рудникъ.	
Griselgamнъ (Grisselhampn)	$^3/_4$
	$11^1/_4$.

[1]) Ямъ (Iama)—Ямбургъ, около 22 верстъ по направленію рѣки отъ Муравейно.

[2]) Нарва (Narva), на р. Наровѣ, находится по прямой линіи въ 20 верстахъ къ зап. отъ Ямбурга. Тутъ ошибка или скорѣе опечатка: отъ Яма до Нарвы должно быть указано не 3 мили, а 5 миль, или 25 верстъ, какъ видимъ правильно у Пальмквиста. По Кильбургеру путь сушей отъ нижней Муравейны 8 миль, а по Пальмквисту точнѣе—$7^2/_5$ мили, или 37 верстъ.

[3]) Здѣсь кончается текстъ въ изданіи Бишинга. Дальше мы помѣщаемъ продолженіе (гл. III и IV) сочиненія Кильбургера, какъ оно есть въ рукописи Вольфенбиттельской библіотеки, а именно по тексту, напечатанному Хр. Шмидтомъ.

Миль.

Здѣсь идутъ черезъ Аландскій заливъ[1]) (Alandische Hafft) въ Экренкругъ (Ekrenkrug) и платятъ на ботѣ за 5 миль, но на лошадяхъ, по льду, за $6^{1}/_{2}$ миль, а потомъ обыкновенно кормятъ *(лошадей)* въ 5 миляхъ отъ Griselгамна на островѣ, называемомъ Сингелшеръ (Singelschär) . $6^{1}/_{2}$

$1^{1}/_{4}$ мили по ту сторону Экренкруга нужно переправиться черезъ Марзундъ (Marsundt) и въ

Ейнкарбю (Einkarby) . . . . $2^{1}/_{4}$

Финнбю (Finnby) . . . . $2^{1}/_{4}$

Между Ейнкарбю и Финнбю опять нужно переправляться черезъ проливъ, а потомъ пройти королевскій замокъ Кастельгольмъ[2]) (Castelholm).

$^{1}/_{2}$ мили по ту сторону Финнбю опять кончается Аландъ; тамъ идутъ черезъ Бомарзундъ (Bomersundt) и къ

Варгата (Wargatta), островъ . . . . $1^{1}/_{4}$

Кумблинга (Kumblinga), островъ 3

Вакгольма (Vackholma), островъ . . . . $2^{1}/_{4}$

$1^{1}/_{2}$ мили отсюда—граница между Аландомъ и Финляндіей (Finland) и называется Ватерскифтетъ (waterskiftet).

Варсала (Warsala), островъ . . . . $2^{1}/_{2}$

Онекма (Oneckma), островъ . . . . $2^{1}/_{4}$

Меасъ (Meas), островъ . . . . $2^{1}/_{2}$

Рейса (Reysa) 2

Або (Åbo) . . . . $^{1}/_{2}$

$20^{3}/_{4}$.

NB. Этотъ путь отъ Варсила до Або совершается зимой. Лѣтній путь идетъ на Томоисъ (Tomois)—2 мили, Лайтисъ (Laitis)—$2^{3}/_{4}$ мили, Пурсисъ (Pursis)—1 миля и 100 саженей (Klaffter), Кайтарисъ (Kaitaris)—1 миля и 600 са-

---

[1]) Водное пространство отъ острова Экёра, принадлежащаго къ Аландскимъ островамъ, и шведскимъ берегомъ около Griselгамна называется Аландскимъ заливомъ; онъ замерзаетъ только въ самые суровые морозы; ширина его 40—45 клм.

[2]) Еще теперь видны развалины замка Кастельгольма въ Зундскомъ приходѣ на берегу Бомарзунда. До 1634 г. онъ служилъ резиденціей шведскаго намѣстника.

Миль.

женей; здѣсь—мимо Канкасъ (Kankas) въ Лаусмансгердхъ (Lausmansgärdh)—$1^1/_7$ мили, Або—$^1/_2$ мили.

Цевула (Zehwula)	$2^1/_2$
Хенделисъ (Hendelis)	2
Ферисъ [1]) (Vehris)	$2^1/_2$
Здѣсь начинается Нюландъ (Nylandt).	
Свенскбю [2]) (Schwencksby)	$2^1/_4$
Фолста (Volsta)	$2^1/_4$
Нюбю [3]) (Nyby)	$1^1/_2$
Каккисъ [4]) (Kockis)	2
Голлсъ [5]) (Tols)	3
Эспола Кула [6]) (Espola Kula)	$1^1/_2$
Хаксбэле [7]) (Haxböle)	3
Сиббо [8]) (Sibo)	$1^1/_2$
Норъ-Векосъ (Nor-Weckos)	$1^1/_4$
Борго [9]) (Borgo), городъ	$1^1/_4$
	$26^1/_2$.
Якербю (Jackerby)	$1^1/_2$
Пэрно (Pernacko)	$1^1/_2$

---

[1]) Пярисъ по десятиверстной картѣ (изд. Воен. Топ. Отдѣла Главнаго Штаба) лежитъ на почтовой дорогѣ, около 60 верстъ къ югу отъ Або, считая по дорогѣ; въ верстахъ 15 къ сѣверу проходитъ нюландская губернская граница.

[2]) Свенскбю лежитъ на почтовой дорогѣ въ верстахъ 17 къ югу отъ Пяриса, въ верстахъ 3 къ югу отъ нюландской губернской границы и въ 4 верстахъ къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ дорога дѣлаетъ подъ угломъ поворотъ и идетъ на востокъ.

[3]) Нюбю, заводъ,—около дороги, прибл. въ 30 верстахъ къ вост. отъ Свенскбю.

[4]) Каккисъ—въ верстахъ 22 къ востоку отъ Нюбю.

[5]) Голлсъ—въ 25 в. отъ Каккиса, южнѣе современной намъ дороги.

[6]) Въ 12 в. отъ Голлса находится М. Эсбо, на дорогѣ, а въ 4 в. далѣе къ востоку другое Эсбо.

[7]) Хаксбэле—въ 28 в. отъ М. Эсбо, и въ 24 в. отъ Эсбо. Хаксбэле находится къ сѣверу около дороги.

[8]) Сиббо—на дорогѣ, къ востоку отъ Хаксбэле въ верстахъ 12.

[9]) Борго—городъ нюландской губ., въ 20 в. къ вост. отъ Сиббо, на почтовой дорогѣ и на берегу моря.

	Миль.
Гессіэ-бю (Cessio, Tessio)	$2^1/_4$
Здѣсь начинается Карелія (Karelen).	
Пюттисъ (Puttis)	$1^1/_2$
Куписъ (Kupis)	1
Хэгфорсъ (Hööfors)	$1^1/_8$
Іфекелаксъ (Iveckelax)	2
Равиіоки (Rawa Jöcke)	2
Вадерма (Wadrima)	2
Лайха Кулла (Laitha Kulla)	$1^1/_2$
Вилаіоки (Willa Jöcke)	2
Выборгъ [1]) (Wyburg)	$3^1/_2$
	$21^7/_8$.
Лильперо (Bill-Pero)	$2^1/_4$
Кангаспельдъ (Kanckes Pöldh)	$2^1/_2$
Рандакюла (Randala)	$2^1/_2$
Карволя (Karwalla)	*$2^1/_4$* *)
Здѣсь начинается Ингерманландія (Ingermannlandt).	
Валке Саре (Walcke Sahre)	$1^1/_4$
Кабацкое Кружало [2]) (Habackische Krug)	2

[1]) Считая по прямой линіи, разстояніе между упомянутыми географическими пунктами отъ г. Борго до Выборга будетъ современными намъ верстами такое: отъ Борго до Бергбю—18 в., Пэрно—9 в., Гессіэ-бю—15 в., Пюттисъ—27 в., Куписъ—7 в., Хэгфорсъ—14 в., Равиіоки—32 в., Вадерма—16 в., Лайха-ярви—10 в., Вилаіоки—17 в. и Выборгъ—30 в. Почти всѣ они лежатъ на теперешней почтовой дорогѣ.

*) Въ нѣмецкомъ текстѣ тутъ пропускъ, и цифра $2^1/4$ не проставлена, но здѣсь она нами возстановлена. Карволя лежитъ въ 20 верстахъ отъ Рандакюла, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги.

[2]) На десятиверстной картѣ нѣтъ такого названія, а только Каболовка въ 15 в. къ сѣв. отъ Невы и въ 11 в. къ ю. отъ Сарженки, находящейся южнѣе Сарженскаго озера. На старой шведской картѣ, переснятой въ 1699 г., отмѣчено на этомъ мѣстѣ—Hapakongas, а Валке Саре обозначено написаніемъ —Walkisari („Карты и планы Невы и Ніеншанца...", СПБ., 1913 г., № 2).

Миль.

Досюда простираются новыя шведскія мили, считая 6.000 саженей (Klaffter) на 1 милю.

Ніеншанцъ [1]) (Nyenschantz) 2

$14\frac{3}{4}$.

Отсюда [2]) мили приблизительно на $\frac{1}{3}$ меньше, чѣмъ предыдущія.

Веннасу (Wennasuh) . . . . $2\frac{1}{2}$

---

[1]) Вышеназванные пункты отъ Выборга до Ніеншанца отстоятъ другъ отъ друга по прямой линіи на слѣдующемъ разстояніи: отъ Выборга до Лильперо—17 верстъ, Кангаспельдъ—18 в., Рандакюла—20 в., Карволя—20 в., Ніеншанцъ—45 в.

[2]) Начиная отсюда до Новгорода, у Кильбургера большая путаница въ цифрахъ, цифры отнесены не къ тѣмъ названіямъ, къ которымъ нужно. Однако мы передаемъ этотъ текстъ въ его неправильномъ видѣ. Что цифры тутъ перепутаны, это ясно видно изъ сравненія маршрута той же дороги, находящагося у Пальмквиста, который въ рубрикѣ: „Обыкновенная зимняя дорога изъ Ніеншанца прямо къ Новгороду“ указываетъ, что нужно ѣхать изъ Ніеншанца черезъ р. Неву въ Wennasüch—2 мили, потомъ черезъ рѣку—Tüsnesüch—$2\frac{1}{2}$ м., черезъ р. Tesna (Тосна)—Zaccüs или Säküla—$\frac{4}{5}$ м., Woitel или Watila—$1\frac{2}{5}$ м., Connik—$1\frac{2}{5}$ м., Schabko или Sapasko—2 м., Wilüla—1 м., Kosto или Kostüa (тутъ граница Ингерманландіи съ Россіей)—$\frac{3}{4}$ м. Отсюда Пальмквистъ даетъ разстояніе въ верстахъ и въ миляхъ. Отъ Kostüa до Liebia—10 верстъ (2 мили), Walsi—10 в. (2 м.), Borr—15 в. (3 м.), Stinza—15 в. (3 м.), Gora—20 в. (4 м.), черезъ р. Wiriascha (р. Ереша)—Новгородъ—30 в. (6 м.), а всего по Пальмквисту отъ Костуи до Новгорода 100 верстъ. Несоотвѣтствіе этихъ цифръ съ Кильбургеромъ произошло оттого, что въ началѣ этого маршрута Кильбургеръ пропустилъ цифру 2 (разстояніе отъ Ніеншанца до Веннасу), а вмѣсто нея поставилъ слѣдующую $2\frac{1}{2}$, которая указываетъ разстояніе до Tüsnesüch (или по Кильбургеру—Cusnesuh); отъ этого и произошелъ общій сдвигъ всѣхъ цифръ на одну строчку вверхъ, почему въ концѣ маршрута у Кильбургера Новгородъ остался безъ опредѣленія разстоянія (должно быть 30 в.). Въ результатѣ Кильбургеръ оказался въ такомъ положеніи, что даже не подвелъ итога пути отъ Костуи до Новгорода. Что данныя Пальмквиста вѣрны, а у Кильбургера сдвинуты внизъ, видно хотя бы изъ того, что отъ Бѣлова до Костуи теперь 4 версты, по Пальмквисту $\frac{3}{4}$ мили, а по Кильбургеру — 10 верстъ; — или отъ Вдицка до Горъ 23 современныхъ намъ верстъ, по Пальмквисту 20 верстъ того времени, а по Кильбургеру—30 в.; отъ Горъ до Новгорода теперь по прямой линіи 33 версты, по Пальмквисту 30 в., а у Кильбургера—пробѣлъ. Сдвигъ цифръ очевиденъ, однако едва ли это непосредственная вина Кильбургера, но скорѣе переписчика или наборщика. На древнихъ картахъ

	Миль.
Куснезу [1]) (Cusnesuh) — 4 русскихъ версты, которыхъ считаютъ 5 на одну нѣмецкую милю	$^4/_5$
Цакнсъ (Zackns)—7 верстъ	$1^2/_5$
Войтолово [2]) (Woittol)—7 верстъ	$1^2/_5$
Конниксъ (Konnix)	2
Шапки (Schabko) [3])	1
Вилула [4]) (Wilula)	$^3/_4$
	10 *)

	Верстъ.
Здѣсь начинается Россія, или Московское государство.	
Костуя [5]) (Kosto)	10
Липки (Liebia)	10

Массы—1633 г. и Герритса („Матеріалы по ист. русской картографіи", вып. II, карты собран. В. А. Кордтомъ, Кіевъ, 1910 г.), мы не находимъ вышеупомянутыхъ географическихъ названій, а на шведскихъ картахъ II половины XVII в. встрѣчаемъ только нѣкоторыя селенія („Карты и планы Невы и Ніеншанца, собран. А. I. Гиппингомъ и А. А. Куникомъ, съ предварительной замѣткой А. С. Лаппо-Данилевскаго", СПБ., 1913 г.).

[1]) Здѣсь, очевидно, ошибка въ первой буквѣ: должно быть Туснезу (Тосна). На картѣ 1699 г. при устьѣ рѣки стоитъ—Tusina („Карты Невы...", № 2, Tussina hoff—№ 10 а, б.). Когда въ 1733 г. Миллеръ отправлялся въ путешествіе по Сибири, онъ поѣхалъ изъ Петербурга черезъ „Тосну село" („верстъ 60" отъ Петербурга), „Новую Пристань, или Соснинку" („в.—68"! отъ Тосны), въ Новгородъ („в.—67" отъ Соснинки). (М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., портфель Миллера 530, № 9).

[2]) Войтолово—дер. Шлиссельбургскаго уѣзда, на рѣчкѣ Войтоловкѣ, впадающей съ юга въ притокъ Невы—Мгу. Мга же впадаетъ въ Неву въ верстахъ 17 отъ Шлиссельбурга, или истока Невы. Отъ Шлиссельбурга Войтолово въ 43 в. („Списки населен. мѣстъ Рос. имп.", XXVII, Петерб. губ.). Woitula находимъ и на картѣ переснятой въ 1699 г., а южнѣе его—Kenitza („Карты Невы...", № 2).

[3]) На картѣ 1699 г. есть селеніе Sposko („Карты Невы...", № 2).

[4]) Приблизительно въ 10 в. къ ю.-в. отъ Войтолово находится Кирсино, въ 6 в. отъ послѣдняго къ югу—Шапки (Покровское), а въ 5 в. къ югу отъ Шапокъ—Бѣлово (въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, отъ Шлиссельбурга въ 52 в., а Кирсино отъ Шлиссельбурга въ 43 в. „Сп. нас. мѣстъ Р. имп.", XXVII).

*) Эта сумма взята круглымъ числомъ и не точна; должно быть—$9^{17}/_{20}$ м.; у Пальмквиста же итогъ того же пути равенъ $11^1/_{10}$ м.

[5]) Это селеніе съ такимъ же написаніемъ (Kosto) находимъ и на картѣ 1699 г. („Карты Невы...", № 2).

	Верстъ.
Валси (Walsi)	15
Боръ (Borr)	15
Гинза (Hinsa)	20
Гора (Ghora)	30
Новгородъ (Novogorod)	*)
Отсюда черезъ рѣку Мсту до яма Бронницы [1]) (Brunniza)	20

---

*) Здѣсь въ текстѣ пропускъ, а также не подведенъ итогъ отъ Бѣлово (Wilula) до Новгорода. Отъ Бѣлово къ югу въ верстахъ 4—Костуя, отъ Костуя въ 13 верстахъ—Липки, отъ которыхъ въ 25 в.—Апраксинъ Боръ; далѣе отсюда, къ югу отъ Бора, слѣдуя по дорогѣ, тоже немного на ю.-з., въ верстахъ 17—Вдицка, а отъ Вдицка въ верстахъ 23, по прямой линіи, къ ю.-з.—Гора; отъ Горы на югъ, черезъ рѣчку Ерешу, слегка отклонившись къ вост., будетъ по прямой линіи до Новгорода версты 33.

Такимъ образомъ, чтобы попасть изъ Стокгольма въ Новгородъ, нужно было переправиться черезъ Аландскіе острова въ городъ Або, ѣхать по южной Финляндіи на Борго, Выборгъ и Ніеншанцъ, а отсюда, имѣя къ сѣверу Неву,—къ востоку въ нынѣшній Шлиссельбургскій уѣздъ, именно на Войтолово, далѣе къ югу на Шапки и такъ, почти не отклоняясь въ сторону, на Новгородъ. Большинство географическихъ пунктовъ, упоминаемыхъ авторомъ въ Финдляндіи, лежатъ и теперь по почтовой дорогѣ, которой и сейчасъ пользуются, но прежнія названія иногда разнятся отъ современныхъ.

Кильбургеръ пишетъ, что мили у него показаны новыя шведскія, которыя почти на 1/3 больше обыкновенныхъ, а въ обыкновенныхъ считаютъ 5 русскихъ верстъ; итакъ, выходитъ, что въ новыхъ шведскихъ миляхъ было почти 7 тогдашнихъ русскихъ верстъ. При сравненіи нѣкоторыхъ разстояній въ миляхъ, указанныхъ Кильбургеромъ, съ разстояніемъ въ современныхъ намъ верстахъ, слѣдуетъ, что 1 новая шведская миля равняется приблизительно 8 теперешнимъ русскимъ верстамъ.

[1]) Бронницы лежатъ по шоссейной дорогѣ, на лѣвомъ берегу Мсты, такъ что, отправляясь изъ Новгорода, нужно было прежде переправиться черезъ Мсту, чтобы попасть въ Бронницы. Теперь отъ Новгорода до Бронницъ считается по шоссейной дорогѣ 24 версты („Памятная книжка Новг. губ. на 1896 г.“, ч. II, с. 35), а въ концѣ XVIII в. считалось—27 в. („Турецкое посольство въ 1793 г.“, приложеніе къ „Пам. кн. Новг. губ. на 1893 г.“; тутъ дано разстояніе между географическими пунктами по пути Москва—Петербургъ). Одинъ изъ участниковъ шведскаго посольства въ Россію въ 1655 г. оставилъ намъ дневникъ своего путешествія, гдѣ именно даетъ описаніе дороги отъ Новгорода до Москвы и разстояніе между поселеніями, но не такъ подробно, какъ находимъ это у Кильбургера. (Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др., 1912 г., кн. I, с. с. 1—28).

Верстъ.

Ямъ есть такое селеніе, гдѣ берутъ свѣжихъ лошадей. Путь между Новгородомъ и Бронницами лѣтомъ очень плохой, но его можно совершить водой черезъ озеро Ильмень и вверхъ по Мстѣ, тогда будетъ 30 верстъ.

5 верстъ отъ Бронницъ нужно переправляться черезъ рѣку Нишу (Nischa), тогда до Красныхъ Станковъ (Krasna - stankoff) будетъ 10 верстъ 15

Подлитовье (Polutofia) [1] 12

Зайцево (Saiza) 3

Вины (Wiena) 10

5 верстъ отъ Винъ проходятъ черезъ рѣчку Мошно (Moschora) [2], а затѣмъ слѣва видятъ—Халову (Golowa).

Крестцы (Griesza) [3], ямъ 25

Рахино (Rachina) [4], лежащее при Халовѣ 15

Яжелбицы (Gaschobitz) [5] лежатъ при рѣчкѣ Полометь (Pogomied) 15

Миронеги (Myronnieka) 13

Валдай (Woldai), торговое мѣстечко [6] 7

Это мѣсто лежитъ при озерѣ, называемомъ „Святымъ озеромъ“ (Swiäda ozera), на которомъ построенъ, на маленькомъ островѣ, богатый и укрѣпленный Иверскій монастырь (Iverski Monastir).

135

---

[1]) У Пальмквиста правильнѣе: Podlutowa.

[2]) У Пальмквиста вѣрнѣе: Moschna. Мошна впадаетъ въ рѣку Халову.

[3]) У Пальмквиста: Crestitz. Теперь это—городъ. По шведскому дневнику 1655 г.: Kristetska Iamsk.

[4]) Рахино Старое—село, находится въ сторонѣ шоссе, а на шоссе теперь стоитъ Новое Рахино. Старое Рахино лежитъ на рѣкѣ Халовѣ, а Новое вдали отъ нея.

[5]) По Пальмквисту: Iachobitz. Теперь это—Ямъ-Яжелбицы, лежащій на шоссе, на рѣкѣ Полометь.

[6]) Marckflecken. Валдай по Пальмквисту былъ населенъ плѣнными литовцами, занимающимися торговлей. Валдайское озеро и теперь называется „Святымъ озеромъ“. Авторъ дневника 1655 г. пишетъ, что въ Валдаѣ „уже воздвигнуты торговыя лавки“. (Чтенія 1912 г., I, с. 6).

Верстъ.

Зимогорье (Simnighora), самый лучшій ямъ[1] 3

Едрово (Ietro), лежитъ при озерѣ[2] 17

Margena[3]), при рѣкѣ Березай (Beresey) 12

Между Margena и Едрово должны *(проѣзжать)* черезъ 2 болота[4]).

---

[1]) Теперь оно такъ и называется: Ямъ-Зимогорье; оно тоже на шоссе.

[2]) Ямъ-Едрово лежитъ на шоссе при небольшомъ Едровскомъ озерѣ.

[3]) Такого названія нѣтъ на десятиверстной картѣ, но въ 11 в. отъ Едрово по шоссе есть Новая Березай, а съ версту дальше, но немного южнѣе шоссейной дороги, Старая Березай, лежащая на берегу рѣчки. У Пальмквиста подъ точкой, обозначающей географическій пунктъ, написано Beresei.

[4]) По московско-новгородской дорогѣ было много болотъ, которыя приходилось гатить, и также много рѣкъ, черезъ которыя строили мосты или переправлялись посредствомъ паромовъ, и, напримѣръ, (въ 1603 г.) между ямомъ Зайцево и Бронницами было „множество длинныхъ мостовъ". („Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка", СПБ., 1896 г., с. 36). Для поддержанія этой дороги въ порядкѣ московское правительство должно было часто производить ея ремонтъ, и для исполненія этой повинности привлекались окрестныя мѣстности. Обыкновенно въ случаѣ пріѣзда иностранныхъ посольствъ принимались мѣры къ исправленію всѣхъ недочетовъ на этой дорогѣ. Такъ было и при пріѣздѣ въ Москву въ 1673 г. шведскаго посольства. У насъ сохранились мостовыя росписи этого года, изъ которыхъ узнаемъ, что пришлось „мосты мостить и гати гатить с поспешеніем, чтоб все было готово до пріѣзду свѣйских и полночных пословъ". Въ Новгородскомъ уѣздѣ, начиная отъ Новгорода, отъ рѣки Малаго Волховца, отъ Спаса Өутыня монастыря до деревни Бора и отъ этой деревни до деревни Вишеры на протяженіи 6 верстъ была нагачена дорога въ разныхъ мѣстахъ (при чемъ на рѣкѣ Вишерѣ старый плотъ, паромъ, оказался цѣлъ); отъ рѣки Вишеры до Большой Грязи, по ней и большой Московской дорогѣ до рѣки Мошны было нагачено 950 саженъ; на рѣкѣ Мошнѣ плотъ оказался въ цѣлости, но, кромѣ него, былъ сдѣланъ еще другой; отъ рѣки Мошны по Московской большой дорогѣ до деревни Холохолни были „вновь сдѣланы по выбоямъ и въ починкахъ 600 саженъ, а на рѣкѣ Ниши плотъ цѣлъ"; на рѣкѣ Шлинѣ было приказано сдѣлать „живой мостъ на срокъ на Покровъ Богородицы"; подъ Вышнимъ-Волочкомъ старый плотъ на рѣкѣ Снѣ оказался цѣлъ, но къ нему сдѣланъ еще другой; на рѣкѣ Тверцѣ старые плоты тоже были въ исправности, и вновь былъ сдѣланъ большой плотъ съ канатами (паромъ). Въ Новоторжскомъ уѣздѣ, отъ Новгородскаго уѣзда, отъ деревни Холохолни на рѣкахъ и грязяхъ до села Выдропуска было наново мощено 51 сажень мостовъ, отъ села Выдро-

Верстъ.

Куженкино (Koschenky) [1] 13

Между Margena и Куженкино проѣзжаютъ 6—7 мощенныхъ болотъ.

Хотилово (Kotielo) [2], ямъ 10

Между Куженкино и Хотилово снова пересѣкаютъ 4 болота.

Коломна (Kolomna), лежитъ при озерѣ 10

Между Хотилово и Коломной—2 болота, какъ и камень тирана Ивана Васильевича, о которомъ *(сообщаетъ)* Олеарій въ своемъ описаніи персидскаго путешествія, стр. 26 [3]).

Борозда (Barasta) [4], лежащая при Шлинѣ (Slina) . . 21

Вышній-Волочекъ (Wursne-Wolotzok), ямъ, лежитъ при Цнѣ (Sna) 4

Въ этомъ селеніи начинается Тверца (Twertza), которая у города Твери (Tweer) впадаетъ въ Волгу (Wolga).

пуска до Торжка 940 саженъ мостовъ, отъ Торжка до села Мѣдны, до рѣки Тверцы, 150 саженъ мостовъ. Подъ селомъ Мѣдной на рѣкѣ Тверцѣ въ іюлѣ 1673 г. было велѣно построить живой мостъ, что въ томъ же мѣсяцѣ и было исполнено, но „тотъ живой мостъ большой водою сломало и разнесло розно"; поэтому крестьяне села Мѣдны въ октябрѣ обязались „быть на Тверцы рѣки подъ селомъ Мѣдною перевозу", чтобы переправить шведскихъ пословъ. Отъ села Мѣдны до Твери въ разныхъ мѣстахъ было намощено 252 сажени (Моск. Гл. Арх. Иностр. Дѣлъ, шв. д., р. I, кн. 92, л. л. 110—116 об.).

[1]) У Пальмквиста правильно: Coúsenkina. Куженкино, лежащее на шоссе, отстоитъ отъ Березай (Старой) на 13 в.

[2]) У Пальмквиста: Chotiloff. Оно теперь называется Ямъ-Хотилово, лежитъ на шоссе.

[3]) Недалеко отъ Коломенскаго села голштинское посольство нашло (4 авг. 1634 г.) въ кустахъ у дороги очень большой широкій камень, лежавшій точно надгробная плита, который бросили тутъ возчики, узнавъ о смерти І. Грознаго. „Такіе камни, которые должны были быть доставлены изъ Ревеля въ Москву, лежатъ и дальше, на разстояніи одного дня пути, у рѣки, черезъ которую нужно переправляться" (Олеарій, пер. А. Ловягина, с. 26). Въ альбомѣ Мейерберга находимъ рисунокъ этого большого камня, а въ альбомѣ Пальмквиста другое изображеніе, гдѣ видимъ нѣсколько громадныхъ каменныхъ плитъ, разбитыхъ и лежащихъ одна на другой.

[4]) У Пальмквиста правильно: Borosda. Лежитъ на шоссе, на берегу р. Шлины.

	Верстъ.
„Миколы монастырь“ (Mikoli Monastir)[1]), мужской монастырь, лежащій при Тверцѣ (Twerza)	10
Холохольня (Kolokalna), лежитъ при рѣчкѣ того же имени[2])	15
Между монастыремъ и Холохольней есть болото длиной въ 3 версты.	
Выдропускъ (Wiedra buska)[3]), лежитъ при Тверцѣ .	10
Будово (Budowa)	10
Между Будово и Выдропускомъ кончается новгородская область.	
Прутня[4]), (Prutna) маленькое селеніе	18
Между Будово и Прутней проходятъ опять нѣсколько болотъ.	
Торжокъ (Torsok), городъ, лежитъ при рѣкѣ Тверцѣ и обнесенъ деревяннымъ болверкомъ	5
	158 *)
Марьина (Margena)[5]), на рѣкѣ Логовицѣ (Loschowitz)	18
Свищева[6]) (Szwitschowa), маленькое селеніе	1
Ямокъ[7]) (Iamon)	10
Мѣдное[8]) (Miedna), лежитъ при Тверцѣ	1

[1]) Это монастырь Николы Столбенскаго, лежащій у Тверцы, но въ сторонѣ, къ западу, отъ теперешняго шоссе, которое въ настоящее время пролегаетъ по болѣе прямому направленію.

[2]) Эта рѣка впадаетъ въ Тверцу, гдѣ при сліяніи ихъ и стоитъ Холохольня. Она также въ сторонѣ отъ шоссе.

[3]) У Пальмквиста правильнѣе: Wedrapiska, а внизу слова—melnitza. Выдропускъ находится на шоссе.

[4]) Будово—на шоссе, а Прутня—въ сторонѣ, около Тверцы.

*) Въ текстѣ собственно стоитъ 156, но этотъ итогъ невѣренъ, а должно быть 158, почему мы и поставили это число. Но это не ошибка Кильбургера, а чья-то описка, потому что Кильбургеръ въ концѣ этой главы правильно говоритъ, что отъ Новгорода до Москвы всего, по его подсчету,—518 верстъ.

[5]) У Пальмквиста вѣрнѣе: Marianna и Lagowitz recca. Стоитъ, какъ и Торжокъ, на шоссе, въ 18 верстахъ отъ этого города.

[6]) По правую сторону шоссе, въ 19 в. отъ Торжка.

[7]) На шоссе, въ 10 верстахъ отъ Свищева.

[8]) На шоссе, въ 3 верстахъ отъ Ямокъ.

	Верстъ.
„Миколы монастырь“ [1]) (Mikola Monastir), мужской монастырь въ лѣсной пустыни	25
Тверь, городъ, лежащій при Волгѣ и окруженный болверкомъ	5
	60 *)
Мокрыя Пожни [2]) (Mokri Poschni), маленькое селеніе .	18
Городня [3]) (Ghorodin), лежитъ при Волгѣ	12
Мелково [4]) (Mielka)	9
Слободка [5]) (Slobodka)	1
Шоша (Schoschia) [6]), лежитъ въ углу между рѣкой, которая называется тоже Шошей (Schoschia), и Волгой . .	5

Рѣка Волга тутъ не идетъ ближе къ городу Москвѣ (Moscau), но поворачивается отсюда по лѣвую руку. Почва между здѣшней мѣстностью и Москвой очень тучна и плодородна [7]).

---

[1]) Малица (Николаевскій), мужск. мон., при ручьѣ Малицѣ, въ 7 в. отъ Твери, при шоссе („Списки нас. мѣстъ“, Тверск. губ., с. 5, № 82). У Пальмквиста: Micolski Monastir.

*) По Большому Чертежу (с. 132) „отъ Торжка до Твери — 60 верстъ“. Современными же намъ измѣреніями Торжокъ считается въ 57 в. отъ Твери по бывшему петербургско-московскому шоссе.

[2]) Немного южнѣе шоссе, иначе Мятлево, въ 17 в. отъ Твери („Списки нас. мѣстъ“, Тверск. губ.).

[3]) Находится на шоссе, въ 29 в. отъ Твери. Пальмквистъ разсказываетъ, что Б. И. Морозовъ удалился сюда во время московскаго бунта и выстроилъ на холмѣ укрѣпленіе, которое при Пальмквистѣ (1674 г.) уже развалилось; поэтому и близлежащая деревня называлась Морозова Городня. Теперь она просто называется Городня.

[4]) Мелково—при Волгѣ, на шоссе, въ 38 в. отъ Твери и въ 9 в. отъ Городни.

[5]) Слободка находится къ востоку отъ шоссе.

[6]) Мейербергъ опредѣляетъ это мѣсто такъ: „Шоша... селеніе... въ 3 миляхъ отъ Горедина, на рѣкѣ Шошѣ, близъ сего селенія въ Волгу впадающей“. Въ углу между Волгой и Шошей къ сѣверу отъ шоссе теперь лежитъ дер. Низовка при р. Шошѣ, отстоящая отъ Твери на 46 верстъ. Названія же „Шоша“ нѣтъ ни въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Тверской губ.“ ни на десятиверстной картѣ, хотя лѣтопись упоминаетъ подъ 6724 г. „Шешю“.

[7]) Das Erdreich swischen hier und Moscau ist sehr fett und fruchtbar.

	Верстъ.
Завидово [1]) (Sawidowa), лежитъ при рѣчкѣ Долбицѣ (Doiwitza)	10
Спасское (Spasa-Wuki) [2])	5
Клинъ [3]) (Klin), торговое мѣстечко, лежащее при рѣчкѣ Сестрѣ (Sestra)	20
	80
Мошницы (Moschniza)	15
Пешки (Piäska)	15
Raduga и Чашниково [4]) (Tzasnikowa)	12
Черкизово [5]) (Tzarkisowa)	18
Никольское [6]) (Mikolsky), дворъ князя Михаила Яковлевича Черкасскаго	18

---

[1]) Завидово находится на шоссе, на берегу Долбицы, притока Шоши, въ 23 в. къ сѣв. отъ Клина и въ 10 в. отъ сліянія Волги съ р. Шошей. У Пальмквиста: Sawidowo на рѣкѣ Doiwitza

[2]) У Пальмквиста на картѣ это мѣсто отмѣчено такъ: Passaïski eller Saïlka Spaas. У Мейерберга есть видъ Спасъ-Заулекъ. У Олеарія тоже упоминается Спасъ-Заулки. Спасское или Спасъ-Заулки, какъ видно изъ Пальмквиста, одно и то же. Спасское находится почти въ 5 в. отъ Завидово, на шоссе.

[3]) Теперь городъ, находится тоже на шоссе, въ 20 в. отъ Спасскаго, считая по длинѣ большой дороги.

[4]) Чашниково находится отъ Пешекъ въ 12 в. и лежитъ на шоссе, какъ и Мошницы и Пешки. У Пальмквиста на картѣ немного выше Tzasnikofwa обозначена точкой Raduga. Мошницы отъ Пешекъ по шоссе въ 15 в.

[5]) Теперь отъ Чашниково до Черкизово по шоссе 15 в.

[6]) Никольское отъ Черкизово въ верстахъ 15 по шоссе. Голландскій посолъ Кленкъ, подъѣзжая къ Москвѣ, остановился въ селѣ Никольскомъ. „Это мѣсто, пишетъ Койэтъ, лежащее въ 7-ми верстахъ, т. е почти въ $1^{1}/_{2}$ миляхъ отъ Москвы, принадлежало князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому“. Посольство помѣстилось въ простыхъ избахъ, а „на слѣдующій день, 8 января (1676 г.), пошли мы во дворъ названнаго выше князя. Здѣсь уже нѣсколько разъ имѣли мѣстопребываніе послы передъ ихъ въѣздомъ въ Москву; такъ, напримѣръ, 3 или 4 года тому назадъ, шведскій посолъ и недавно персидскій“. Койэтъ нѣсколько ошибается: шведы были тутъ всего за 2 года до него (Койэтъ, с. с. XVI—XVII, 371—372). По писцовымъ книгамъ 1685—1686 г.г. село Никольское составляло вотчину Мих. Як. Черкасскаго (Ю. Готье, „Извѣстія Пальмквиста о Россіи“, с. 87).

Верстъ.

Москва (Moscau), „столица“, или царская резиденція —городъ, въ которомъ стекаются 3 рѣки: Москва (Mosqua), Неглинная (Neglina) и Яуза (Iausa) 7

85 *)

NB. Хотя русскіе вообще говорятъ, что пути между Новгородомъ и Москвой — 540 верстъ (Werst Begreiffe), однако я не могъ найти ихъ, ни ѣхавши туда, ни возвращаясь обратно, но по этому (*вышеприведенному*) подсчету не болѣе 518 **).

Отъ Стокгольма до Аланда платятъ за каждую милю 6 эръ серебряной монетой, но черезъ Аландъ, какъ и черезъ Финляндію, Нюландъ и Корелію до города Ніеншанца платится только 4 эра серебряной монетой [1]). По ту сторону Ніеншанца и черезъ всю Россію договариваются такъ, какъ могутъ.

ГЛАВА IV.

Описаніе пути и разстоянія отъ города Москвы до сибирскаго главнаго и торговаго города Тобольска, а оттуда до Пекина въ Китаѣ.

Верстъ.

Отъ Москвы до Переяславля (Pereslaw), города лежащаго при озерѣ 180

Ярославль (Ieresіaw), при Волгѣ 90

*) Отъ Клина до Москвы по Большому Чертежу (с. 133)—90 в.

**) Маршрутъ этой дороги сообщаютъ намъ также другіе путешественники, среди которыхъ былъ Мейербергъ, ѣхавшій отъ Полангена черезъ Зап. Двину на Псковъ, по сѣв. берегу Шелони, черезъ Голино, что у устья Шелони, Новгородъ, а далѣе по той же дорогѣ и черезъ тѣ же селенія, о которыхъ говоритъ Кильбургеръ въ этой главѣ. Въ своемъ альбомѣ Мейербергъ даетъ виды почти всѣхъ этихъ селеній, такъ что онъ служитъ, какъ бы иллюстраціей къ Кильбургеру, при чемъ помѣщаетъ подъ каждымъ рисункомъ свои объясненія.

Пальмквистъ также даетъ обзоръ этой дороги, снабдивъ его хорошей картой; кромѣ того, онъ даетъ еще виды и планы нѣкоторыхъ городовъ.

[1]) 1 эръ сер. монеты, по словамъ Кильбургера (ч. III, гл. 1),=1 копейкѣ.

	Верстъ.
Вологда (Wologda), при Сухонѣ (Suchana)	230
Тотьма (Totma), лежитъ при Сухонѣ, тамъ же вываривается соль	250
Устюгъ (Ustuga), лежитъ въ углу, гдѣ Сухона, Двина (Dwina) и Югъ (Iuga) сливаются; страна отъ Москвы досюда хорошо заселена (wohl bewohnet) русскими	250
Сольвычегодскъ (Solywizogda), гдѣ начинается нація, которая называется Зырянами (Sirenii)	60
400 верстъ отсюда берутъ начало народы, которые называются Пермяками (Permakoy).	
Соликамскъ (Solykamskoy)	940
Верхотурье (Wirchaturga)	250
Эти народы называются Вогуличами (Wagaltzen).	
Япанчинъ [1]) (Iopanzyen)	180
Тюмень (Tumen)	90
Здѣсь живутъ Сибирскіе татары (Tartarn).	
Тобольскъ (Tobolskoy); между Тюменемъ и здѣшней мѣстностью оставляютъ справа Башкирскихъ татаръ . . .	230
Верстъ:	2.750

Извлеченіе изъ того посольства, которое послалъ московскій царь для установленія торговли въ 1654 году послѣ Рождества Христова, а по русскому лѣтосчисленію въ 7162 г., въ китайскій престольный городъ Пекинъ, который по-русски называется „Камбалыкъ“[*]).

Въ іюнѣ [2]) Өедоръ Исакіевичъ Байковъ, какъ посолъ, изъ Тобольска, въ Сибири, отправился вверхъ (по Иртышу) и 27 іюля

---

[1]) У Витсена: „Noord en Oost-Tartarye“, среди видовъ сибирскихъ городовъ есть изображеніе „Turynsksoy of Iapanczyn“. „Епанчинъ“ произошло отъ имени одного туземнаго владѣтельнаго лица, а потомъ обратилось въ простонародное названіе Туринскъ. При проѣздѣ Беля (Белевы путешествія, I, с. с. 160—161) въ 1719 г. Епанчинъ былъ маленькимъ, но укрѣпленъ рвомъ и тыномъ.

[2]) По русской редакціи: 25 іюня.

[*]) Это „извлеченіе (Extract) изъ... посольства (Reyse)... для установленіи (einrichtung) торговли“ Россіи съ Китаемъ, безъ сомнѣнія, составляетъ неотъемлемую часть этой IV главы, такъ какъ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ ея оглавленію, изъ котораго видно, что въ этой главѣ содержится описаніе пути изъ Москвы въ Тобольскъ, а изъ Тобольска

прибылъ въ городъ Тару, послѣ того, какъ пробылъ въ пути 4 недѣли 3 дня.

въ Пекинъ. Описаніе пути Москва—Тобольскъ только что было дано, а Тобольскъ—Пекинъ еще нѣтъ, и вотъ Кильбургеръ его даетъ въ видѣ экстракта изъ описанія путешествія въ Китай Байкова; изъ этого извлеченія читатель, кромѣ того, что могъ узнать длину разстоянія, еще могъ видѣть, что русскіе съ этого года начали стараться о развитіи торговли съ Китаемъ и послали свое „первое" посольство къ хану, о чемъ говорилъ самъ Кильбургеръ еще во II части, главѣ IV „О китайской торговлѣ", при чемъ сдѣлалъ такую ссылку: „wie unten iml etzen Kapitel V Theils zu sehen" (по изд. Бишинга, S. 313).

Пальмквистъ въ своемъ альбомѣ даетъ таблицу разстоянія пути не только отъ Москвы до Тобольска, но и продолжаетъ его дальше: отъ Тобольска за Красноярскъ. По этой таблицѣ видно, что путь въ Сибири шелъ по водѣ: изъ Верхотурья въ Тюмень, вверхъ по р. Тоболу въ Тобольскъ, вверхъ по р. Иртышу въ Самаровское, которое находится недалеко отъ слiянія Иртыша съ Обью; далѣе путь достигалъ Оби и шелъ внизъ по ея теченію около Сургута, Нарыма, Кетскаго острога въ восточный притокъ Оби—Кеть, въ Енисейскъ и внизъ по р. Енисею въ Красноярскъ. Разстояніе у Пальмквиста указано въ слѣдующихъ цифрахъ: отъ Москвы до Переяславля—36 миль,—Вологды—18 миль,—Тотьмы—50, —Устюга—50, а всего 200 миль; отъ Устюга до Сольвычегодска—12 миль, —Соликамска—188,—Верхотурья—50,—Епанчина—36,—Тюмени—18,—Тобольска—46, —Демьянскаго Яма—60, —Самаровскаго Яма—70, —Оби—15,—Сургута—80, —Нарыма - 200,—Кетскаго острога—25,—Маковскаго—200,—Енисейскаго—20,—Красноярскаго—60,—Киргизской страны—80 миль.

Извлеченіе, предлагаемое Кильбургеромъ, по всей вѣроятности, сдѣлано имъ самимъ изъ полнаго описанія посольства Байкова, но едва ли можно думать, что Кильбургеръ самъ переводилъ его съ русскаго подлинника, но скорѣе всего онъ, очевидно, воспользовался существовавшимъ уже тогда какимъ-нибудь заграничнымъ изданіемъ этого посольства. Во всякомъ случаѣ извлеченіе, данное Кильбургеромъ, нужно считать однимъ изъ раннихъ по своему составленію, но оно все время хранилось лишь въ рукописи, пока въ 1781 г. его не напечаталъ Хр. Шмидтъ, какъ дополненіе къ изданному Бишингомъ въ 1769 г. сочиненію Кильбургера.

Н. Витзену принадлежитъ изданіе путешествія Байкова подъ такимъ заглавіемъ: „Eine moscowitisch Tartarische Reisebeschreibung, welche vor 7 Iahren einen Moscoviter von Ieresla gebürtig in russischer Sprache verfertigt, und im Iahre 1665 durch Nicolaes Witsen aus Moscau gebracht, und von demselben in die holländische Sprache übersetzt und mit curieusen Anmerkungen vermehrt, jetzt aus dem Holländischen Mst. in Teusche übersetzt worden". Оно помѣщено въ „Der curieusen und historischen Reisen durch Europa ander Hauptheil. Von Talandern. Leipzig, 1699", 8⁰, S. 883. Также въ книгѣ Витзена—„Noord en Oost-Tartarye..." (Амстер-

1 авг. онъ опять отправился вверхъ по Иртышу и 8 сент. пришелъ до Бѣлыхъ Водъ [1]).

6 октября отправился онъ съ 40 верблюдами и 50 лошадьми, которые ему прислали бухарцы, называемые Тайша Аблай [2]), до Кабанъ-Гусана, гдѣ живутъ калмыки, имѣютъ дома изъ жженаго камня, и былъ въ дорогѣ 3 недѣли [3]).

дамъ, 1702 г.) помѣщено сокращенное извѣстіе изъ описанія посольства Байкова на голландскомъ языкѣ; этотъ голландскій переводъ вторично былъ изданъ въ Лейденѣ въ 1707 г. У Витзена въ одномъ изданіи „Noord en Oost-Tartarye" (I изданіе голландское—Амстердамъ, 1692 г., II изд.—Амстердамъ, 1705 г. и III изд.—1785 г.), на стр. 857 читаемъ: „Краткій очеркъ путешествія посольства, которое Ихъ Цар. В-ство отправили изъ Москвы въ 1654 г. къ великому татарскому хану въ китайскую столицу Пекинъ, называемый Камбалыкъ", а въ примѣчаніи: „Это путешествіе вполнѣ издано на верхне-нѣмецкомъ языкѣ въ Гамбургѣ и на французскомъ въ Парижѣ, а въ рукописи, очень тщательно изданной, находится въ моемъ *(т. е. Витзена)* распоряженіи". Начало этого путешествія такое: „Въ іюнѣ мѣсяцѣ Ѳедоръ Исакіевичъ Байковъ, въ качествѣ посланника, выѣхалъ изъ Тобольска, въ Сибири, водой по рѣкѣ Иртышу". Французскій переводъ между прочимъ находимъ въ „Recueil de voyages au Nord...", Amsterdam, 1732, t. IV, pag. 535—555, а англійскій переводъ въ „Crurchill's Collection of Voyages", t. II, p. 547—551.

Русское изданіе находимъ въ первый разъ у Г. Миллера, который, пользуясь заграничными переводами, составилъ изъ нихъ извлеченіе съ критическимъ разборомъ; оно помѣщено Миллеромъ въ его „Sammlung Russischer Geschichte", B. IV, St. VI, 1760, S. 473—534, а по-русски въ его же „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ...", 1755 г., за іюль мѣсяцъ, с. с. 15—57.

Полностью записки Байкова были впервые напечатаны Новиковымъ въ его „Древней Россійской Вивліоѳикѣ", ч. IV (по II изданію с. с. 120—142).

Въ 1820 г. Гр. Спасскій перепечаталъ ихъ въ своемъ „Сибирскомъ Вѣстникѣ", 1820 г., ч. XI, с. с. 114—136, 137—158.

Въ 1849 г. И. Сахаровъ помѣстилъ въ своихъ „Сказаніяхъ русскаго народа", т. II, кн. VIII, с. с. 125—134, болѣе полныя записки Байкова.

Извлеченіе Кильбургера изъ путешествія Байкова по сличенію съ русскими редакціями имѣетъ нѣкоторыя новыя данныя, не упоминаемыя

[1]) По тексту Спасскаго и Сахарова Байковъ отправился изъ Тары 10 авг., а прибылъ къ Бѣлымъ Водамъ 17 августа. Бѣлыя Воды—рукавъ Иртыша, недалеко отъ Ямышевской пристани.

[2]) По вышеупомянутымъ русскимъ ред. нѣтъ упоминанія о верблюдахъ и лошадяхъ, а уходъ изъ Бѣлыхъ Водъ показанъ 8 окт. Но во франц. переводѣ („Recueil de voyages au Nord", t. IV) указано то же самое число верблюдовъ и лошадей. Въ данномъ мѣстѣ у Кильбугера стоитъ множественное число, вмѣсто единственнаго.

[3]) По рус. ред.: 3 „дня" (а не „недѣли").

29 того же *(октября)* изъ Кабанъ-Гусана до Долонъ-Карагаю, что значитъ семь деревьевъ, 2 дня хода (tags-reysen).

1 ноября отъ Долонъ-Карагаю до рѣки Енкуля 1 день хода. Эта рѣка идетъ изъ горъ и впадаетъ въ Иртышъ.

2 того же *(ноября)* [1]) изъ Енкуля по правой сторонѣ вдоль Иртыша къ калмыцкому предводителю ламѣ 3 дня хода. Этотъ предводитель живетъ налѣво у берега, въ 2 каменныхъ „палатахъ“. Страна обрабатывается бухарцами, и продукты большею частью составляютъ ячмень, просо и горохъ. Отъ Долонъ-Карагая досюда стоятъ тамъ слѣва у Иртыша кедры и сосны.

8 того же *(ноября)* пошелъ посолъ отъ ламы опять въ путь и ѣхалъ по правой сторонѣ у Иртыша къ аблаевымъ и бухарскимъ хлѣбнымъ полямъ [2]), пути 2 недѣли [3]), черезъ высокія горы; съ обѣихъ сторонъ растетъ сосновый кустарникъ. Правитель у

русскими списками Спасскаго и Сахарова или нѣсколько противорѣчащія имъ; даты и цифры дневныхъ переходовъ разнятся въ своихъ частностяхъ, но въ общемъ итогѣ всѣ сходятся; при переводѣ эти различія нѣмецкаго извлеченія съ русскими списками Спасскаго и Сахарова нами сличены и отмѣчены въ сноскахъ. Такъ какъ нѣмецкая транскрипція названій у Кильбургера иногда сильно искажена, мы сочли лишнимъ приводить ихъ въ скобкахъ и придерживались названій по русскимъ редакціямъ.

Направленіе пути Байкова и мѣстонахожденіе упоминаемыхъ имъ географическихъ пунктовъ опредѣлялось еще Миллеромъ въ его „Ежем. соч.“ 1755 г, потомъ К. Риттеръ на основаніи западно-европейскихъ списковъ пытался возстановить путь („Землевѣдѣніе Азіи“, русскій переводъ, т. II, с. с. 257 — 260), но неудачно вслѣдствіе искаженія именъ; наконецъ, Семеновъ и Потанинъ въ IV т. „Землев. Азіи“, 1877 г., СПБ., служащимъ дополненіемъ къ III т., дали маршрутъ пути Байкова, хотя и не вполнѣ убѣдительно (с. с. 218 — 226). Но общее направленіе пути совершенно ясно: Байковъ поплылъ изъ Тобольска вверхъ по Иртышу, дошелъ до его истоковъ, а отсюда черезъ пустыню Гоби къ великой каменной стѣнѣ.

Это путешествіе Байкова слѣдуетъ сопоставить съ первыми путешествіями русскихъ въ Китай [Ѳ. М. Покровскій. „Путешествіе въ Монголію и Китай сибирскаго казака Ивана Петлина въ 1618 г. (Мнимое путешествіе атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева въ 1567 г.)“, Извѣстія Отдѣленія рус. яз. и словесности Имп. Ак. Н., т. XVIII (1913 г.), кн. 4 и отд. оттискъ, П., 1914 г.].

[1]) По рус. ред. даты: 29 окт., 1 ноября и 2 ноября—не указаны.

[2]) Русская редакція вездѣ употребляетъ названіе „пашенные бухарцы“.

[3]) По рус. ред. въ общей сложности отъ ламы до Аблая 15 дней хода, и Байковъ пришелъ сюда 22 ноября.

аблаевыхъ *(бухарцевъ)* называется Аблай-Тайша. Горницы сдѣланы изъ глины; жители имѣютъ много различнаго скота, а растенія у нихъ большею частью ячмень, просо и горохъ. Между этими хлѣбными полями бѣжитъ рѣка Карбуга, идетъ изъ горъ и впадаетъ въ Иртышъ. Здѣсь у аблаевыхъ *(бухарцевъ)* посолъ перезимовалъ [1]).

1655 г. 3 апрѣля пошелъ онъ отъ упомянутыхъ хлѣбныхъ полей къ маленькой рѣкѣ, называемой Бешки, 12 дней хода [2]). Эти воды текутъ изъ горъ и бѣгутъ въ Иртышъ, и на нихъ Аблай-Тайша ставилъ на крѣпкомъ мѣстѣ два дома изъ жженыхъ кирпичей.

30 іюня онъ опять поѣхалъ отъ маленькой рѣки Бешки къ Контайшинымъ дѣтямъ, гдѣ правитель называется Сенкей-Тайша, 14 дней хода [3]).

Отсюда до Контайшина городка въ свою очередь 5 дней хода. Это мѣсто лежитъ глубоко между горами, стѣны глиняныя, и въ городѣ стоятъ построенныя изъ жженыхъ камней 2 „палаты", которыя обитаемы ламой и калмыцкими попами. Отъ этого городка до озера Мееа будетъ 4 дня хода. Оно богато рыбой, имѣетъ соленую и совершенно зеленую воду, и Иртышъ бѣжитъ черезъ него (dadurch) [4]).

---

[1]) Рус. ред.: „А у пашенныхъ бухарцовъ аблаевыхъ жилъ Ѳеодоръ Исаковичъ Байковъ съ государевой казной 4 мѣсяца и 10 дней".

[2]) По рус. ред. тутъ нѣкоторая неясность, но складывая всѣ указанные въ рус. ред. дни, т. е. 4 (съ 3 апр. по 7 апр.)+1+2+2+3, получимъ тоже 12. Это разстояніе Байковъ шелъ долго, а именно онъ ушелъ отъ пашенныхъ бухарцевъ 3 апр., а на р. Бешки пришелъ 21 мая. Р. Бешка, иначе Бески или Аблайкитка, впадаетъ въ Иртышъ. Тутъ по р. ред. Аблай тогда строилъ какой-то городъ.

[3]) По рус. ред. Албай отпустилъ Байкова въ китайское царство 29 іюня 1665 г., и р. Бешка отъ Сенкея была въ 13 дняхъ хода (10+2+1), а отъ Сенкея до Контайшина городка было 4 дня хода.

[4]) Русскія редакціи не упоминаютъ названія озера („nach der See Meea") и не говорятъ, что черезъ него проходитъ Иртышъ, и что вода въ немъ соленая, а, наоборотъ, „прѣсная, зеленая, а отъ того озера до вершины иртышской ходу полднища". Русскія ред. сравниваютъ это озеро по величинѣ съ озеромъ Переяславо-Залѣскимъ; при этомъ озеро, какъ уже замѣчено, никакъ не названо, но это, какъ можно думать, было озеро Улюнгуръ, которое лежитъ на лѣвомъ берегу Чернаго Иртыша; весной въ большую воду Улюнгуръ сливается съ Иртышомъ; въ немъ вода соленая и много рыбы („Землев. Азіи", т. IV, дополненіе къ III т., СПБ., 1877 г., с. с. 8—10, 222).

Одинъ день хода[1]) отсюда посолъ прошелъ Иртышъ и пришелъ въ страну, гдѣ было немного кустарника и полевой травы, и держался потомъ вдоль рѣки; здѣсь говорятъ еще на калмыцкомъ языкѣ. Потомъ онъ сдѣлалъ 2 дня хода до мунгальскаго тайши и опять 7 дней пути черезъ горы, въ которыхъ проживали мунгальскіе тайши и употребляли мунгальскій и калмыцкій языки. Отъ этихъ тайшъ[2]) до мунгальскаго тайши „земли“ (Zemschi) будетъ 8 дней хода, а отсюда до послѣдняго мунгальскаго тайши Добронъ будетъ 3 дня хода. Границы этого Доброна простираются затѣмъ до китайской страны, и будетъ 15 дней хода; между этими мунгальскими тайшами живутъ еще много маленькихъ тайшей. Въ китайской странѣ идутъ 2 мѣсяца до перваго города Кокотона[3]). Прибытіе посла сюда случилось 12 января 1656 г.

Стѣны этого города—глиняныя, но башни построены изъ жженыхъ камней; ворота—изъ дубоваго дерева, а проходъ ихъ—6 саженей (Klaffter) ширины[4]). Базаръ занимаетъ большое пространство, и позади мелочныхъ лавокъ, которыя построены изъ камня, живутъ купцы; они торгуютъ серебряной монетой, которая называется ланъ и бакчи. Ланъ вѣситъ 9 московскихъ копеекъ, и 14 бакчей сто́ятъ одинъ ланъ[5]). Они продаютъ всякаго

---

[1]) Начиная съ этого мѣста, всѣ цифры Кильбургера совершенно не сходятся съ данными рус. ред. Но если сложить всѣ дни, указанные въ рус. ред. отъ соленаго озера до Кокотона, то получимъ 93 дня, а у Кильбургера то же разстояніе равняется 96 днямъ, т. е. разница небольшая.

[2]) Въ текстѣ однако стоитъ единственное число.

[3]) Гр. Спасскій думалъ, что это Хуху-хотонъ близъ большого озера Хохо-норъ, но еще раньше его Миллеръ, а за нимъ Хр. Шмидтъ, говорилъ, что Куке-хотонъ есть монгольское названіе, а Гуй-хуа-чинъ есть китайское упоминаемаго тутъ гор. Кокотона, который лежитъ въ 5⁰ къ востоку отъ Пекина и почти подъ 41⁰ широты. По рус. ред. это первый китайскій городъ, сюда нужно итти горами, въ немъ живутъ тибетцы, и изъ Пекина туда посылаютъ двухъ воеводъ.

[4]) По русскимъ редакціямъ: „въ проѣздѣ въ тѣхъ башняхъ по 16 саженъ ручныхъ“.

[5]) Кильбургеръ пишетъ: Lall (т. е. ланъ) и Bugschei (т. е. бакча). Въ текстахъ Спасскаго и Сахарова говорится объ этомъ иначе: купцы „торгуютъ серебромъ ланами. А ланъ у нихъ вѣсомъ въ ихъ вѣсъ 10 золотниковъ, а нашего вѣса 9 золотниковъ, а мелочь всякую купятъ на чай, а чай купятъ по 14 бакчи на ланъ“, т. е. бакча не означаетъ монеты, а вѣсъ.

рода китайскіе штофы *(матеріи)*, много шелка и табака. Ихъ земледѣліе состоитъ въ *(воздѣлываніи)* проса, ячменя, овса, гороха, конопли и т. д.; имѣютъ также изобиліе разнообразныхъ древесныхъ плодовъ, также деревьевъ, какъ-то: дубовъ, сосенъ, елей, кедровъ и т. п., а кругомъ около—плодородную страну. Городъ лежитъ глубоко и выстроенъ вдоль маленькой рѣчки, которая бѣжитъ къ западу.

1656 года, 21 января поѣхалъ посолъ съ 2 проводниками отъ Кокотона до города Капки, 12 дней хода[1]). Здѣсь между *(ними)* живутъ опять мунгальскіе тайши, но которые отложились отъ предыдущихъ и стали покорны великому китайскому господину. Они называются тибетцами и путешествуютъ на верблюдахъ и быкахъ. Прибытіе посла въ Капки было 10 февр. Городская стѣна построена изъ жженыхъ камней и изъ извести, и городъ лежитъ между скалами, черезъ которыя сюда ведетъ съ обѣихъ сторонъ города изъ дикихъ камней, но нескрѣпленныхъ или незамазанныхъ, стѣна около 3 саженей (Klaffter) вышины и $1^1/_2$ сажени ширины, а каждая сажень считается въ 3 московскихъ „аршина". Говорятъ, что она беретъ свое начало у города Ревеннаго или называемаго Сукчея, гдѣ во множествѣ растетъ китайскій ревень[2]). Каменныя башни вдоль ея не высятся на стѣнѣ, но стоятъ отдѣльно въ одной сажени отъ нея и на 100 саженей другъ отъ друга. Онѣ высоки, изъ жженаго кирпича и скрѣплены известью. Стѣна, говорятъ, достигаетъ моря, и въ этомъ городѣ всякая провизія дорога.

21 февраля изъ Капки до великаго татарскаго хана богдыхана престольнаго города Пекина, который москвитяне называютъ Камбалыкъ,—7 дней хода. Между этими двумя городами лежатъ еще 18 другихъ, изъ которыхъ нѣкоторые обведены стѣнами изъ жженыхъ камней, но нѣкоторые съ возведенными изъ голой глины и скрѣпленными известью стѣнами. Орудія нигдѣ не видно. У воротъ сторожатъ солдаты; они имѣютъ пищали изъ 3 стволовъ, длиной $^1/_2$ „аршина", но безъ замковъ,—также пики и сабли. Черезъ рѣки (кромѣ

---

[1]) По рус. ред. тоже сказано, что онъ выѣхалъ изъ Кокотона 21 января 1656 г. и до „заставнаго города до Капокъ" было 12 дней хода, куда прибылъ 10 февр., а отъ Капокъ до Пекина—7 дней хода.

[2]) Stadt Revensko oder Suchtseae. По р. ред. читаемъ соотвѣтствующее мѣсто: „а стѣна де та ведена отъ ревенныхъ Китай, гдѣ родится корень ревень копычатой, изъ-за Сукчея города отъ моря".

большихъ) построены очень искусно каменные мосты изъ дикихъ полевыхъ камней, а въ городахъ находятся всякаго рода плоды. Губернаторы носятся на носилкахъ 4—6 лицами, изъ которыхъ одинъ идетъ возлѣ съ солнечникомъ изъ желтой бумаги, и сопровождаются по обѣимъ сторонамъ однимъ или двумя лицами, которыя имѣютъ палки, позолоченныя по концамъ, и на своемъ языкѣ кричатъ: „съ дороги, съ дороги“ [1]).

Когда Байковъ прибылъ въ Пекинъ 3 марта, справа въ воротахъ стояли 3 мѣдныхъ пушки длиной въ $1^1/_2$ „аршина“, и послѣ того, когда онъ прошелъ мимо нихъ и совсѣмъ черезъ ворота, онъ увидалъ на каждой сторонѣ опять двѣ такихъ. Затѣмъ онъ прошелъ приблизительно 3 версты черезъ суетливый базаръ до своего назначеннаго помѣщенія и расположился во дворѣ, гдѣ было два каменныхъ и покрытыхъ глиной дома; великій ханъ приказалъ ежедневно доставлять послу и его свитѣ надлежащую провизію. А городъ, говорятъ, простирается въ своей окружности на 60 верстъ, или 12 миль. Тамъ дѣлаютъ знаменитые шелковые товары и вездѣ находятъ бархатъ, камку, объяри, драгоцѣнные камни, жемчугъ, серебро и т. п. Но жемчугъ и драгоцѣнные камни приходятъ изъ Canatsche, каковыя мѣста лежатъ въ старомъ китайскомъ государствѣ въ 2 мѣсячномъ ходѣ верблюдами отъ Пекина и покорены и управляются сыномъ предыдущаго китайскаго государя—Дайбы. Всѣ дома въ Пекинѣ каменные, низкіе и покрыты муравленными кирпичами всякаго цвѣта. Но дворецъ государя высокъ, великъ, раскрашенъ многими красками и вполнѣ художественно и искусно и крытъ глазированными кирпичами, а сверху позолоченъ; имѣетъ стѣну съ 5 большими воротами, которыя полны караульныхъ. Противъ воротъ построены мосты изъ бѣлыхъ полевыхъ камней и тутъ и тамъ связаны бѣлыми связями или якорями. Противъ мостовъ возвышается каменный столбъ, приблизительно въ 6 саженей вышины, построенный изъ бѣлаго камня, на которомъ прикрѣплено нѣсколько китайскихъ позолоченныхъ словъ. Теперешній государь — монгольскаго рода, но прежній былъ китайскаго происхожденія. Когда мунгальцы нѣ-

---

[1]) Относительно пищалей (röhre) изъ 3 стволовъ (von 3 läuff) по русскому списку сказана: „оружіе у нихъ по три пищали на одномъ стягѣ“. Что же касается возгласовъ, то въ русской редакціи говорится: „а идучи кричатъ по своему языку невѣдомо что“.

сколько лѣтъ тому назадъ покорили китайское государство, тогдашній царь былъ задушенъ, а его сынъ былъ уведенъ знатнѣйшими китайскими вельможами въ Karantschi въ старый Китай. Въ Камбалыкѣ, или Пекинѣ, находятся всякіе иностранцы: нѣмцы, французы, португальцы, итальянцы и т. д. и пользуются своимъ богослуженіемъ (exercitium religionis).

7 іюля пришло 25 голландцевъ [1]) въ городъ и сказали, что приплыли изъ своей страны на 3 корабляхъ, на каждомъ изъ которыхъ находилось тогда по 100 человѣкъ, и два изъ нихъ остались съ людьми на дорогѣ. Эти голландцы не смѣли итти къ послу *(Байкову)*, и никого не было среди свиты *(Байкова)*, который понималъ бы ихъ *(голландцевъ)* языкъ. Они однажды спросили Байкова, понимаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ латынь, и когда было отвѣчено отрицательно, они послали ему одно открытое, а одно за печатью письма, которыя онъ взялъ съ собою въ Россію. Что среди этихъ голландцевъ тогда былъ и господинъ Neuhoff, который въ 1666 г. напечаталъ книгу подъ заглавіемъ: „Die Gesandschafft der Ost-Indischen Compagney in den vereinigten Niderlanden an den Grossen Tartarischen Cham und nunmehr auch Sinischen Kayser“, то это можно видѣть изъ упомянутой книги, стр. 181 и 187 [2]).

14 сентября 1656 г. поѣхалъ Байковъ съ государевымъ *(т. е. ханскимъ)* отвѣтнымъ письмомъ обратно изъ Пекина по прежней дорогѣ въ Сибирь и Россію. Ему не предоставили для отъѣзда ни подводъ ни никакого удобства, но всетаки, хотя и умѣренную, ежедневную порцію (Deputat) жизненныхъ припасовъ; *(Байковъ поѣхалъ)* съ однимъ кондукторомъ, или провожатымъ, съ 2 офицерами и 30 простыми слугами [3]). Самъ посолъ покупалъ верблюда

---

[1]) По рус. ред.: 20 голландцевъ, а по франц. р.—28.

[2]) Нѣмецкое изданіе подъ этимъ заглавіемъ: „Die Gesandtschaft die Oost-Indischen Compagney...“, изданное въ Амстердамѣ въ 1669 г., на с. 164 сообщаетъ о пребываніи Байкова въ Пекинѣ, на с. с. 169 и 170 объ отъѣздѣ Байкова, дальше же идетъ разсказъ о пребываніи Нейхофа въ Пекинѣ, описаніе Пекина и его територіи и, наконецъ, отбытіе пословъ остъ-индской компаніи изъ Пекина (с. 192).

[3]) По рус. ред. перечисляется количество корма, данное посольству; провожатыхъ было дано: „два человѣка... а съ ними служилыхъ людей тридцать человѣкъ“; далѣе по рус. ред. ничего не говорится о стоимости и числѣ павшихъ верблюдовъ и лошадей.

за 30—40 ланъ, а лошадь за 10—12 ланъ; изъ нихъ китайцы дали погибнуть отъ голода 7 верблюдамъ и многимъ лошадямъ. Овца стоила 2—3 лана. По дорогѣ встрѣчалось немного людей, потому что они имѣютъ обыкновеніе отправляться къ зимѣ въ горы. Байковъ пришелъ 4 марта 1657 г. опять къ аблаевымъ *(людямъ)* и совершилъ путь трудный и тягостный. Аблай-Тайши онъ не встрѣтилъ, потому что тотъ тогда зимовалъ оттуда въ 4 недѣльномъ пути. Здѣсь снѣгъ лежалъ вышиною въ $^1/_2$ „аршина", который былъ причиной того, что посолъ долженъ былъ не двигаться 4 недѣли и 2 дня. Жители страны начали пахать 1 апрѣля.

4 апрѣля поѣхалъ отсюда Байковъ водой и встрѣтилъ 11 того же *(апрѣля)* на рѣкѣ Бешки Аблай-Тайшу, отъ котораго онъ получилъ на мѣсяцъ 20 овецъ и 10 барановъ.

4 іюня посолъ снова отправился отъ Аблай-Тайши и пришелъ 16 іюля въ Тару.

22 іюля онъ поѣхалъ внизъ по Иртышу и прибылъ 31 того же опять въ Тобольскъ, главный сибирскій городъ, въ которомъ Байковъ былъ „воеводой", или губернаторомъ [1]).

---

[1]) По русскимъ редакціямъ слѣдуетъ, что Байковъ вышелъ изъ Пекина 4 сент. 165 г., пришелъ къ землямъ пашенныхъ бухарцевъ 4 марта 166 г. (и у Спасскаго и у Сахарова тутъ ошибка въ годѣ: 165 г.), а въ улусъ (т. е. орду) Аблая пошелъ 1 апрѣля и дошелъ до него 28 апр. Тутъ стоялъ 10 дней и 11 мая прибылъ въ Бешки. Отсюда онъ вышелъ только 4 іюня, явился въ Тару 16 іюля, откуда отплылъ внизъ по Иртышу 22 іюля и приплылъ къ Тобольску 31 іюля 7166 года.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ русскому переводу сочиненія Кильбургера.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]). „Flüssen und Strömen". Въ дальнѣйшемъ переводѣ слово Fluss вездѣ переводится „рѣчка", а Strom—„рѣка", для различія этихъ двухъ понятій.

[2]). Сѣверная Двина и Западная Двина у путешественниковъ не различаются этими именами, но иностранцы Сѣверную Двину называютъ просто Dwina, а Западную Двину—Düna. Однако тутъ, какъ и въ послѣдующемъ переводѣ, эти названія по-русски передаются общепринятой въ русскомъ языкѣ терминологіей.

[3]). „Lumpen- und Schindermarkt". [4]). Bäche. [5]). Künstler.

[6]). „Imgleichen soll noch Unterricht von einigen andern Sachen, wie nächstfolgender Innhalt der Kapitel ausweiset, und so viel die Kürze der Zeit, welche ich in Moscau sugebracht habe, wie auch meine Profession, die von den Commercien entfernet ist, hat leiden wollen, hier dargestellet werden".

[7]). У Бишинга напечатано только слѣдующее: „Kap. I. Von denen über Archangel und die Ostsee eingehenden Waaren", но мы въ переводѣ вставили передъ этими словами: „О европейской торговлѣ", съ цѣлью наиболѣе нагляднаго распредѣленія матеріала.

[8]). „Von dem Maass und Ellen".

[9]). „Von der Fahrt nach Archangel".

[10]). У Бишинга тутъ слѣдующій порядокъ оглавленія:

„XIII. Von Wein- und Aepfelkellern.
XIV. Von Kabacken und Eisskellern.
XV. Von Proviant und Lebensmitteln".

Такой порядокъ главъ не соотвѣтствуетъ дальнѣйшему изложенію, почему въ переводѣ онъ измѣненъ согласно послѣдующему распредѣленію главъ.

[11]). Въ текстѣ Бишинга имѣется только I и II главы, а III и IV совершенно нѣтъ, но вольфенбиттельская рукопись заключаетъ въ себѣ всѣ четыре главы, и въ ея „Содержаніи“ онѣ носятъ такое заглавіе:

„Pars V. . . . . .

„ Cap. 3. Designation des Wegs und der Meilen von Stockholm biss Moscau.

„ Cap. 4. Beschreibung des Wegs und der ferne von Moscau biss Tobolskoy in Sibirien und von dannen biss Peking in China“.

Благодаря этому обстоятельству мы и помѣстили въ настоящемъ „Содержаніи“ тѣ двѣ послѣднія главы V части, которыхъ недостаетъ у Бишинга.

[12]). Весь этотъ отрывокъ („Туземные товары въ Россіи троякаго рода... должна покупать у другихъ націй“) помѣщенъ по изданію Бишинга не тутъ, а выше, въ концѣ „Содержанія“, гдѣ онъ напечатанъ непосредственно за „Примѣчаніемъ“. Но мы сочли возможнымъ и нужнымъ помѣстить его въ данномъ мѣстѣ, т. е. въ началѣ I части, потому что онъ какъ бы служитъ ея оглавленіемъ или краткимъ предисловіемъ, которыя находимъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ.

[13]). „... selbige fallen in den benachbarten beyden Fürstenthümern Plescow und Nowogorod, und an dem Düna-Strom, wiewohl etwas weniges auch durch Moscau dahin kommt“.

[14]). Lottien.

[15]). „... von Sücken, Hechten“, вмѣсто „von Sücken, oder Hechten“.

[16]). „... von dannen er 46 Meilen über Land nach der Wolga“. Здѣсь очевидная ошибка—Wolga, вмѣсто Wologda.

[17]). Philipp Verpoorten. [18]). Jan Verpuis.

[19]). „... Henrich Budenant... dessen Schwager Hieronymus Fradel“. Слово Schwager имѣетъ растяжимое понятіе при опредѣленіи родственныхъ отношеній: зять, шуринъ, своякъ.

[20]). „... ein Zimmer zubereitet kostet daselbst 20 Copecken". Тутъ ошибка, такъ какъ цѣна неправдоподобна, при чемъ дальше, въ прейсъ-курантѣ, приложенномъ въ концѣ этой главы, сказано, что сорокъ горностаевъ стóитъ—$3^1/_2$, 4, 5 рублей.

[21]). „Die Russen streichen böse und rothe Augen damit", т. е. русскіе лѣчатъ бѣличьей шкуркой свои больные глаза.

[22]). Minken. Языковъ оставилъ это слово безъ перевода на русскій языкъ. Брэмъ (нѣм. изд. 1877 г., II т. о млекопитающихся, S. 95) пишетъ: „unser Nörz und sein amerikanischer Vertreten, der Mink". Но и самъ Родесъ писалъ: „Norkin oder Minken".

[23]). „In jedem Zimmer sind 12 bis 15 Stück, platte oder ganz kurzhärige mit untergemischet". Это мѣсто нужно сопоставить съ прейсъ-курантомъ въ концѣ этой главы, гдѣ сказано: „Mincken mit 10 bis 15 Platten, das Zimmer 14 bis 15 Rubel".

[24]). „Die Lüchse sind dreyerley, als Katzen-Wolf und Kälberlüchse".

[25]). Punten. У Родеса—Pünten.

[26]). „... mittelmässig Vieh". См. ч. I, гл. II, п. III и примѣч. 47.

[27]). „... bis aufs Vorjahr".

[28]). Hanf. Это слово означаетъ два разныя русскія понятія: пенька и конопля, а поэтому въ данномъ мѣстѣ, какъ и въ дальнѣйшемъ переводѣ, Hanf переводится соотвѣтственно смыслу текста, главнымъ образомъ—„пенька".

[29]). „Past- oder Seretzhanf", но въ росписи нарвскихъ товаровъ, приложенной къ концу этой главы, напечатано: „Past- und Seretzhanf", т. е. тутъ оба понятія не однородны.

[30]). Leinwand. По-русски Leinwand означаетъ холстъ и полотно, но въ нашемъ переводѣ вездѣ берется второе значеніе.

[31]). „30.000 аршинъ"—это ошибка или скорѣе опечатка, потому что Кильбургеръ, слѣдуя за Родесомъ, долженъ былъ поставить цифру 300.000, такъ какъ у Родеса показано, что въ одинъ годъ вывезено изъ Архангельска 325.980 аршинъ полотна.

[32]). „... zu gutem Preiss" (къ с. 101); „... um guten Preiss" (къ с. 115).

[33]). „Die beste findet man itzo in Sibirien, bey Morossoff, und nach derselbigen hat des Zaaren seine den Preiss“.

[34]). „Wattman, oder russische Lacken“. Слово Lacken (старое правописаніе) мы передаемъ русскимъ понятіемъ — „сукно“, хотя это противорѣчитъ тому, что обыкновенно теперь понимаютъ подъ этимъ словомъ. По словарю Павловскаго: „Laken, n. (m.) (—s,—) (Leinen) полотно; холстъ; холстина; (Tuch) платокъ,—ка; (Bett) простыня“. Но Кильбургеръ употребляетъ слово Laken въ значеніи—„сукна“, въ чемъ убѣждаемся изъ слѣдующихъ соображеній.

I. Кильбургеръ уже раньше говорилъ о полотнѣ—Leinwand, что означаетъ также и холстъ, и поэтому было бы страннымъ, если бы онъ черезъ страницу опять помѣстилъ данныя о холстѣ; если бы ватманъ былъ холстомъ, онъ о немъ сказалъ бы послѣ „полотна“ или „пеньки“. Въ дѣйствительности же Кильбургеръ, сказавъ о полотнѣ, т. е. легкой матеріи, черезъ страницу говоритъ о тяжелой матеріи, именно о сукнѣ-ватманѣ и послѣ него о войлокѣ, какъ имѣющемъ къ нему отношеніе.

II. Далѣе Кильбургеръ отмѣчаетъ цѣнность аршина Leinwand отъ 2 до 5—6 копеекъ, а аршина Laken—отъ 5 до 6 коп., т. е. Laken цѣнился въ общемъ дороже и не имѣлъ такихъ низкихъ цѣнъ, какъ иногда Leinwand, а отсюда естественно заключить, что Laken не могъ быть полотномъ (или холстомъ), а былъ болѣе цѣнной матеріей, т. е. это могло быть сукно. Впрочемъ есть одно сильное возраженіе противъ этого, а именно у Родеса, какъ разъ, наоборотъ, выходитъ, что Laken стоилъ дешевле (арш.— 4 коп.), чѣмъ Leinwand (арш.—5 коп.). Такимъ образомъ, или Кильбургеръ или Родесъ ошибается.

III. Во II ч., 1 гл., въ началѣ росписи 1673 г. (25 и 30 іюля) говорится, что въ Россію привезли черезъ Архангельскъ: „$^8/_2$ gen Carmosin Lacken. $2^6/_2$ gen Holländischen Lacken. 66 Stück Camelotten...“, т. е. „8 половинокъ кармазиннаго Lacken, 26 половинокъ голландскаго Lacken, 66 штукъ камлота...“ Тутъ Lacken, очевидно,=сукно, потому что оно привозилось половинками и оно, при сравненіи съ подобными мѣстами другихъ росписей, гдѣ прямо говорится о сукнѣ (Tuch), болѣе всего подходитъ по смыслу къ данному мѣсту.

IV. Кромѣ того, можно еще указать на слѣдующее обстоятельство: Родесъ писалъ, что царскіе гости пріобрѣтаютъ въ

Персіи шелкъ-сырецъ „gegen Lacken, Kupfer, Zobeln und Gold erhandeln lassen“ (по изданію Эверса S. 242; по нашему изданію с. 150), а Кильбургеръ (ч. II, гл. II, о персидской торговлѣ, пунктъ I) передаетъ это мѣсто въ такихъ словахъ „...gegen Tücher, Köpfe (ошибка: должно быть—Kupfer), Zobel und Gold erhandeln“, т. е. слово Lacken Кильбургеръ замѣняетъ словомъ Tücher, значитъ, эти слова—однозначущія, и Lacken=сукно.

V. Но важнѣе всего установить, какъ понимали слова Laken сами русскіе.

Обратимся къ автору торговой книги около конца XVI или начала XVII в. в., который писалъ о сукнахъ (глава 14, 16, 28, 29):

„Настрафиль... цѣна по сукну и по цвѣту и по мѣрѣ, а настрафиль по-нѣмецки ангельсъ лакенъ...“

„Рословское двоепечатное зовутъ по-нѣмецки гярло схелакененъ...“

„Лимбарскія сукна, по-нѣмецки штеньдень схелакененъ...“

„Англійская меньшая, по-нѣмецки мынстеръ лакененъ...“

Отсюда видимъ, что то, что иностранцы называли Laken, русскіе называли сукномъ.

Но это свидѣтельство автора, жившаго болѣе полвѣка до Кильбургера, могло бы казаться недостаточнымъ, а поэтому обратимся къ почти одновременнымъ даннымъ съ Кильбургеромъ, а именно къ голландскому тексту посольства Кленка. Этотъ текстъ для насъ тѣмъ болѣе интересенъ, что голландцы привозили въ Россію большое количество своего сукна. Въ 1676 г. Кленкъ привезъ съ собой въ подарокъ царю много голландскихъ матерій. Койэтъ, описавшій это посольство, помѣстилъ въ своей книгѣ списокъ этихъ подарковъ, а мы къ тому же имѣемъ перечень этихъ же подарковъ, сдѣланный русскими, когда они ихъ принимали. Койэтъ перечисляетъ большое количество разнаго цвѣта Laken, напр.: Een Portiese wit Laken... Een Portiese Carmoziyn—root Laken и т. п., а въ русской голландской книгѣ они всѣ отмѣчены, какъ „сукна“, всего 20 портищъ цвѣтного сукна (но „Tien Portieses gout en zilver Laken“ передано такъ:—„10 портищъ золотыхъ и серебряныхъ алтабасовъ“). (Койэтъ, „Посольство... Кленка“, с. с. 106—107, 394—397, прим. 23).

Итакъ, здѣсь Laken несомнѣнно означаетъ сукно.

Вышеприведенные доводы кажутся намъ достаточными, чтобы считать слова Laken не за „холстъ“ или „полотно“,

а за „сукно“, или, по крайней мѣрѣ, за „матерію“ плотную, а не легкую. Поэтому вездѣ въ нашемъ переводѣ Laken передано черезъ слово „сукно“. Впрочемъ лица, несогласныя съ этимъ, легко могутъ возстановить желаемое имъ значеніе Laken, такъ какъ вездѣ въ такихъ случаяхъ сдѣланы сноски на это примѣчаніе.

Такимъ образомъ, „ватманъ“—русское сукно (а не холстъ или полотно). Къ тому же само названіе—Wattman показываетъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ легкой матеріей, холстомъ, а толстой, плотной. Въ словарѣ Даля нѣтъ однако такого слова, а только близкое по созвучію къ нему: „Вато́ла, вату́ла (вото́ла, воту́ла) ж. вор. ряз. тмб. самая толстая и грубая крестьянская ткань. Основа изъ самой толстой пряжи, утокъ изъ легкоскрученныхъ охлопковъ, толщиною въ гусиное перо; ряднина, дерюга, вослище, торпище, вере́тье, но грубѣе и толще; идетъ на покрышку возовъ, на подстилку и одѣяла“.

Кильбургеръ, безъ сомнѣнія, взялъ слово Wattman у Родеса, а Родесъ откуда? Навѣрно, это слово тогда было и въ Прибалтійскомъ краѣ. Изъ энцикл. слов. Брокгауза узнаемъ, что: „Ватмалъ или вадмалъ (у эстовъ)—грубая шерстяная ткань, употребляемая на одежду въ Лифляндіи, Швеціи, Даніи и Сѣв. Германіи и сохранившаяся потомъ въ Эстляндской губ. Тутъ она бываетъ почти всегда чернаго цвѣта, за что латыши и прозвали эстовъ чернокафтанниками“.

Можно думать, что словомъ „ватманъ“ Родесъ и Кильбургеръ обозначали то сукно, которое мы называемъ сермяжнымъ, однорядочнымъ; эти простыя сукна дѣлались русскими крестьянами для себя и для продажи на сельскихъ торгахъ. Въ архивныхъ документахъ часто встрѣчаются указанія, что во II половинѣ XVII в. ихъ возили даже въ далекую Сибирь. Сермяжныя сукна были бѣлыя и сѣрыя и также окрашивались крестьянами въ разные цвѣта.

Было бы странно, если бы Кильбургеръ, перечисляя разнообразные товары туземнаго производства, упоминая даже о незначительныхъ русскихъ товарахъ, не упомянулъ о русскомъ (сермяжномъ) сукнѣ. Разъ онъ говоритъ о полотнѣ (или холстѣ; холстомъ собственно называется тоже полотно, но только цѣлый кусокъ полотна, который бывалъ длиной въ 10, 12 аршинъ и пр.) и также о войлокѣ, то естественно было бы ждать отъ него извѣ-

стій и о русскомъ сукнѣ, и вотъ онъ дастъ ихъ, какъ мы думаемъ, подъ названіемъ „ватманъ".

Языковъ переводитъ слово Laken—холстъ, откуда у него и слѣдуетъ, что „ватманъ" есть русскій холстъ. Костомаровъ, пользуясь переводомъ Языкова, только повторяетъ за нимъ, говоря, что былъ холстъ, называемый „ватманъ", шедшій заграницу („Оч. торг. моск. госуд.," II изд., с. 252).

Очевидно, указаніе Кильбургера, что аршинъ Leinwand стоилъ и 2 коп. и 6 коп., ясно показываетъ, что это полотно было высокаго сорта и низкаго, то есть низкій сортъ полотна былъ грубымъ и тѣмъ, что у насъ часто называютъ холстомъ, опредѣляя этимъ худшіе сорта полотна.

[35]). Unschlitt. Это слово означаетъ топленое сало. Что тутъ говорится о топленомъ салѣ, видно и изъ текста, гдѣ сказано, что сало смѣшиваютъ съ водой и испорченными веществами и изъ него дѣлаютъ свѣчи; тутъ же говорится, что быкъ даетъ сало, т. е. здѣсь Кильбургеръ пишетъ именно о говяжьемъ салѣ.

У Родеса на соотвѣтствующемъ мѣстѣ стоитъ не слово Unschlitt, а Talch. Въ одномъ изъ своихъ донесеній, хранящихся въ Стокгольмскомъ Королевскомъ Архивѣ, Родесъ различаетъ Talch топленый и Talch нетопленый, но въ данномъ мѣстѣ онъ не опредѣляетъ, о какомъ онъ говоритъ Talch. Кильбургеръ же въ концѣ I ч., I гл., въ пр.-кур., написалъ: „Unschlitt oder Talch", т. е. придаетъ обоимъ словамъ однородное значеніе: топленое говяжье сало.

[36]). „Gesalzen Leder, Büffelshäute und Bockfelle".

[37]). Flaschenfutter.

[38]). Hausblase. Теперь говорятъ Hausenblase, т. е. бѣлужій (или рыбій) клей (Hausen, m., = бѣлуга, Blase, f., = пузырь).

[39]). „Губнымъ клеемъ"—Mundleim.

[40]). У Бишинга опечатка въ цифрѣ: „Siehe oben № 3".

[41]). У Бишинга ошибочно имя отдѣлено запятой отъ фамиліи: „Werner, Müller".

[42]). „... hat auch seithero und nun zwei Jahre nach einander vier Schiffe in Archangel damit gelastet".

[43]). Heide.

[44]). Значеніе этого слова на русскомъ языкѣ не подыскано.

[45]). Dröge. По-голландски „droge"—сушеный.

[46]) Speck. Это слово по-русски означаетъ „сало", обыкновенно, свиное, и отсюда въ русскомъ языкѣ употребляется слово „шпикъ", „шпекъ", „нашпиговать". Кромѣ того, по русско-нѣмецкому словарю Павловскаго (Рига, изд. 1900 г.)—„солонина s. f. 1, das Salz-, Pökelfleisch; 2, (Westrussl.) der Speck". Но кажется вѣрнѣе было бы передавать въ данномъ русскомъ переводѣ слово Speck понятіемъ—„свинина". Въ виду важности установленія дѣйствительнаго значенія Speck, какъ оно понималось Кильбургеромъ, нужно подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ.

Приведемъ всѣ тѣ мѣста изъ текста Бишинга, гдѣ упоминается Speck.

I. Въ I ч., въ концѣ I гл. помѣщена роспись нарвскихъ вывозныхъ товаровъ за 1673 г., и въ ней находимъ:

„43 Tonnen gesalzen Fleisch.

38 Schiffpfund geräuchert Fleisch.

73 Seiten Speck".

II. Въ I ч., II гл., пунктъ III озаглавленъ: „Speck und Fleisch". Далѣе говорится, что русскій скотъ посредственной величины, но въ Россіи уже заботятся о разведеніи крупнаго голландскаго и недавно въ Архангельскѣ былъ заколотъ быкъ, „welcher hackenrein 36 Pud soll gewogen haben. Im Moscowischen und andern Gebieten wird kein Speck geräuchert, sondern nur in der Luft und Sonne getrocknet. Im Winter wird in Moscau ein ganzes Schwein hackenrein vor 1 bis 1 und ein halb Rubel, auch wohl etwas darüber und darunter, nachdem es gross ist, verkaufet, anitzo hat das Pud frisch 24 Copecken, und getrocknet 40 Copeken gekostet..."

III. Въ концѣ этой же главы въ прейсъ-курантѣ сказано:

„Speck und Fleisch getrocknet 40 Copecken, pro Pud".

IV. Въ IV ч., XIII гл. Кильбургеръ писалъ:

„1 Pud Ochsenfleisch 28 Copecken.

1 Pud frischer Speck 24 Copecken.

1 Schaaf 30 bis 36 Copecken; aber diesseit Novogorod am Luga-Strom 12 bis 14 Copecken.

1 Spanferkel 5 bis 6 Copecken.

. . . .

1 Pud getrockneter Speck 40 Copecken".

Если въ I выдержку мы поставимъ, вмѣсто Speck, значеніе „сало“, то нельзя будетъ перевести и понять—Seiten Speck. Съ другой стороны значеніе „солонина“ тоже не подойдетъ, такъ какъ всего двумя строчками выше ясно сказано—„43 тонны солонины“ (gesalzen Fleisch), и, значитъ, подъ Speck Кильбургеръ подразумѣваетъ что-то другое, отличающееся отъ соленаго мяса, почему и ставитъ отдѣльно эти два понятія, а не соединяетъ ихъ вмѣстѣ, какъ однородныя. Если же мы подставимъ третье значеніе—„свинина“, то текстъ станетъ ясенъ. Дѣло въ томъ, что Seite, значитъ, „сторона“, „бокъ“, и, такимъ образомъ, можетъ обозначать и русское „полоть“, которое означаетъ половину животнаго, разрѣзаннаго по хребту отъ хвоста до головы, т. е. одну его „сторону“. Отсюда слѣдуетъ, что было вывезено: „73 полти свинины“. Кромѣ того, замѣтимъ, что если бы Speck тутъ означало „сало“ или „солонину“, то ихъ необходимо было бы везти въ тоннахъ, т. е. въ бочкахъ въ переводѣ на русскій языкъ, а тутъ просто сказано „73 Seiten Speck“; полтевую же свинину можно было везти прямо поштучно. Торговая книга (Временникъ, VIII, с. 6) сообщаетъ: „Мясо свиное полтевое солено не въ бочкахъ безъ разсолу, а кое по-русски некопчено солятъ, нѣмцамъ де то ся непригожаетъ“. Итакъ, изъ Нарвы было вывезено: 13 бочки солонины, 38 шиф. копченаго мяса и 73 полти свинины. [По нѣм.-рус. словарю Павловскаго (Рига, 1902 г.): „Speckseite, f. (—, —n) пóлость ветчины“].

Во II выдержкѣ „Speck und Fleisch“ слѣдовало бы въ переводѣ передать словами: „свинина и мясо“, при чемъ мясо подразумѣвается говяжье. Дѣйствительно, въ этой части Кульбургеръ и разсказываетъ о говядинѣ (о скотѣ, быкѣ) и о свиньяхъ. При этомъ онъ говоритъ, что русскіе не коптятъ Speck, но только вялятъ на воздухѣ и солнцѣ. Далѣе Кильбургеръ совершенно ясно указываетъ, что цѣлая (очищенная) „свинья“ стоила около 1—1½ р., пудъ свѣжей—24 копейки, а пудъ вяленой 40 коп. Въ IV ч., гл. XIII Кильбургеръ приводитъ тѣ же самыя цѣны (выдержка IV), однако не говоритъ Schwein или Schweinfleisch, а Speck, т. е. эти слова онъ считаетъ одозначущими, и, значитъ, Speck=свинина. Такимъ образомъ, мы узнаемъ, что пудъ говядины стоитъ 28 коп., свинины свѣжей—24 коп., овцы 30—36 и 12—14 коп., поросенокъ—5—6 коп., а пудъ вяленой свинины—40 коп. Если бы Speck означало сало, то вышло бы, что Кильбургеръ сообщаетъ сколь-

ко стоитъ только говядина, а о свининѣ умалчиваетъ, говоря, вмѣсто этого, о салѣ, чего не могло быть. Недаромъ же Кильбургеръ тотчасъ послѣ цѣны говядины ставитъ frischer Speck, т. е. свѣжую свинину, какъ и слѣдовало ожидать. Кромѣ того, если бы тутъ Speck означало „сало“ (свиное), то Кильбургеръ этимъ противорѣчилъ бы себѣ, такъ какъ раньше (въ I ч., гл. II, п. III) онъ ясно говорилъ, что такая цѣна стоитъ на свиное мясо. На это можетъ быть возраженіе, что у Кильбургера въ ч. I, гл. II, п. III могла быть обмолвка или что подъ „ein ganzes Schwein hackenrein“ нужно считать свинью очищенную отъ мяса, т. е. свиное сало со всей свиньи, и, такимъ образомъ, выходитъ, что сало со всей свиньи стóитъ 1—1½ р., и что цѣны 24 коп. и 40 коп. относятся къ салу, но въ дѣйствительности такое возраженіе непріемлемо уже потому, что, принимая 24 к. за цѣнность свѣжаго сала, мы должны прійти къ заключенію, что одна свинья имѣла сала 4—6 пудовъ, откуда, считая вѣсъ сала—„шпика“ равнымъ 27,6% вѣса всей свиной туши (это процентное отношеніе найдено при опытахъ въ Ельцѣ надъ русскими свиньями, имѣвшихъ въ среднемъ живой вѣсъ 12 п. 21 ф. „Справочная книга русскаго хозяина“. Ѳ. А. Баталинъ. Изд. Девріена, 1892 г., с.с. 345—346), получаемъ, что вся свинья вѣсила болѣе 14—21 пуда, что является невозможнымъ, такъ какъ вообще русскій скотъ былъ мелокъ, именно „посредственной величины“, какъ самъ выражается нѣсколькими строками выше Кильбургеръ. Если же мы будемъ считать, что Speck, какъ вытекаетъ изъ текста, означаетъ свинину, то получимъ, что вся свинья вѣсила 4—6 пудовъ, и, конечно, могла быть и легче и тяжелѣе, „смотря, какъ она велика“, по выраженію самого Кильбургера. Такой вѣсъ для русской крестьянской свиньи (XVII в.) не представляетъ ничего страннаго. Къ изложеннымъ соображеніямъ слѣдуетъ еще прибавить, что „Schwein hackenrein“ ни въ коемъ случаѣ нельзя понять, какъ свиное сало, очищенное отъ мяса и костей, уже по одному тому, что нѣсколько выше сказано о заколкѣ въ Архангельскѣ быка, который „hackenrein“, т. е. очищеннымъ, вѣсилъ 36 пудовъ. Тутъ уже не можетъ быть сомнѣнія, что рѣчь идетъ не о салѣ, а просто о тушѣ, такъ какъ убойный скотъ даетъ сала всего отъ 1,5 до 12,2% своего живого вѣса. Интересно отмѣтить, что по опытамъ, сдѣланнымъ въ концѣ XIX в. на скотопригонномъ дворѣ въ Петербургѣ, оказалось, что порода скота „холмогорка“ имѣла живого вѣса 36 п.

10 ф. (при чемъ мяса было 20 п., а сала всего 2 п. 26 ф., остальное же вѣсило—голова, кожа, внутренности и пр.) („Справочн. кн. рус. сельск. хоз.“, с. 339.), т. е. почти столько, сколько указано Кильбургеромъ—36 п., при чемъ онъ даже говоритъ не о живомъ вѣсѣ, а о тушѣ.

Итакъ, Кильбургеръ, говоря объ очищенной свиньѣ не говоритъ объ ея салѣ, а именно о свининѣ, т. е. тутъ нельзя видѣть никакой описки или ошибки.

Можно также отмѣтить, что Родесъ пишетъ, а вслѣдъ за нимъ и Кильбургеръ, о вывозѣ сала (Talich, Talg—у Родеса, а у Кильбургера—Unschlitt) въ размѣрѣ свыше 115 тыс. пудовъ, по 1,1 р. за пудъ, и также указываетъ, что Speck вывозили 5.500 пудовъ по 0,6 р. за пудъ. Нужно думать, что въ первомъ случаѣ рѣчь у Родеса (а вслѣдъ за нимъ и у Кульбургера) идетъ о салѣ топленномъ и говяжьемъ, а во второмъ случаѣ—о свининѣ.

Вышеприведенные доводы кажутся довольно убѣдительными, чтобы думать, что Speck у Кильбургера (и Родеса) означаетъ не сало свиное въ узкомъ смыслѣ, а вообще свинину, какъ она есть, т. е. вмѣстѣ съ саломъ, мясомъ и костями.

Но, несмотря на все это, мы не переводили „Speck“—„свинина“, а словомъ, произшедшимъ отъ него, „шпикъ“, предоставляя читателю понимать подъ этимъ словомъ, что ему кажется болѣе вѣроятнымъ (въ настоящее же время „шпикъ“ употребляется въ сельскихъ книгахъ для обозначенія наружнаго свиного сала).

[47]). „... von mittelmässiger Grösse“. См. ч. I. гл. I, п. IV.

[48]). „Biella Ribba, oder Weissfisch“. Вообще въ русскомъ переводѣ всѣ нѣмецкія поясненія русскихъ названій нами опущены.

[49]). Strandkarpfen. [50]). Eberschildt. [51]). Mordwa.

[52]). Süssholz, т. е. сладкій дубецъ, или солодковый корень.

[53]). Хотя по изданію Бишинга: „in Cathaja und China“, но это, очевидно, ошибка, потому что второе названіе должно служить поясненіемъ перваго; въ главѣ же IV части II эти названія уже правильно приводятся: „in Cathaja oder China“. Впрочемъ, по показанію сибирскихъ казаковъ Тюменца и Петрова (1616 г.), они „у Алтына царя провѣдывали про Китайское и про иные

государства... А за Китайскимъ де государствомъ Катайское государство". (Θ. И. Покровскій, „Путешествіе въ Монголію и Китай сиб. казака Ив. Петлина въ 1618 г.", П., 1914 г., с.с. 24—25).

54). „Zur Präservirung kann man des Kräutleins ein halb Quentlein des Wassers, so viel man auf einmal trinken will, und des Zuckers nach Belieben nehmen". Знаки препинанія поставлены, согласно тексту Бишинга.

55). „погребцовъ... подголовковъ"—„Flaschenfutter... Pulpete".

56). Stangeneisen.

57). „Двери и ставни"—Thurm- und Fensterplatten (къ с. 116). Тутъ, очевидно, ошибка, и, вмѣсто Thurm, должно быть „Thüren und Fensterplatten", какъ видимъ въ ч. IV, гл. V, п. IV. Лучше было бы перевести: „дверныя (или башенныя: Thurm) и оконныя доски (Platten)".

58). Platten. Русскіе обыкновенно говорили не „желѣзный листъ", а „желѣзная доска", „дощатое желѣзо", „мѣдныя доски".

59). „Gegossene Stücke" (къ с. 116). Stücke (къ с. 166).

60). „... von Moscau... in die Mosqua", т. е. тутъ начертаніе разное: гор. Москва—Moscau, а рѣка Москва—Mosqua. Въ дальнѣйшемъ наблюдается то же самое, а потому, когда встрѣчается Mosqua, то въ переводѣ передъ нимъ сдѣлано поясненіе въ скобкахъ курсивомъ „рѣка". Къ слову сказать, по голландски тоже различное начертаніе: городъ — Mosko, а рѣка — Mosqua (Койэтъ, „Посольство... Кленка", гл. XXXIIX, с.с. 215—216).

61). Johann von Schweden.

62). „Gut Narren - Kapppapier." По-русски правильнѣе было бы сказать: „хорошая бумага съ филигранью (водянымъ знакомъ), изображающей шутовской колпакъ". На бумагѣ бывали тогда разные водяные знаки и между прочимъ изображеніе колпака шута. Языковъ перевелъ это мѣсто—„хорошо оклеенная бумага".

63). „... im Niesischen", сокращенное, вмѣсто „in Niesen-Nowgorodischen". Такія сокращенія встрѣчаются и въ дальнѣйшемъ.

64). Это слово нужно вставить въ переводъ для ясности, потому что это вытекаетъ изъ предыдущаго текста, а также изъ

архангельской росписи 1672 г. (ч. II, гл. I), гдѣ указано въ числѣ другихъ привезенныхъ моремъ въ Архангельскъ иностранныхъ товаровъ „6 тоннъ воска“.

[65]). „... auf dem Lande und an kleinen Plätzen“.

[66]). Mignot. [67]). Julius Cojet. [68]). Bank.

[69]). „... zu Wocksell“. [70]). Klaftern.

[71]). Flaschen. Русскіе въ XVII в. обыкновенно говорили „скляница“. Кильбургеръ еще употребляетъ терминъ—„Bouteillen“, которое переводится въ нашемъ переводѣ—„бутылки“.

[72]). „... sie daselbst beschraubet worden“.

[73]). Grünspan (къ с. 119, с. 124). Языковъ перевелъ—„ярь мѣдянка“. Кильбургеръ пишетъ иногда и Spangrün, а въ нѣмецкомъ прейсъ-курантѣ 1674 г., 30 мая, (ч. II, гл. I)—Spanischgrün (с. 144).

[74]). Lichtputzen. Щипцы для снимания нагара со свѣчей, главнаго тогда освѣщенія домовъ.

[75]). „... und scheinet dennoch, dass diese Sachen dahin zu führen, die Fracht nicht allemal leiden will, weil die Ausländer zuweilen dergleichen über See nach Archangel bringen“. У Языкова это мѣсто передано такъ: „но кажется, что перевозъ сихъ вещей не убыточенъ, потому что иностранцы иногда...“

[76]). Этихъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ, но они вставлены нами въ настоящій переводъ съ цѣлью болѣе нагляднаго распредѣленія матеріала II части, гдѣ въ I гл. говорится объ европейской, во II—о персидской, въ III—о греческой и, наконецъ, въ IV—о китайской торговлѣ.

[77]). Смыслъ этой фразы тотъ, что архангельскія и лифляндскія росписи не показываютъ дѣйствительнаго количества ввезенныхъ товаровъ, потому что иностранные товары также ввозились и самими русскими черезъ Неву и Ладожское озеро, а, кромѣ того, много товаровъ проходило контрабандой.

[78]). Въ этой росписи, какъ и въ послѣдующихъ росписяхъ и прейсъ-курантахъ встрѣчаются наименованія разныхъ предметовъ и мѣръ, которыя считаемъ не лишнимъ здѣсь привести. Во

всемъ переводѣ строго и послѣдовательно проведена мысль, чтобы извѣстному слову въ подлинникѣ всегда соотвѣтствовало въ русскомъ переводѣ только одно нижеслѣдующее значеніе:

Бомбазина — Bomseiden.
Бомазея—Bomseyen, Bomsayen.
Бочка—Fass.
Боченокъ—Fässgen.
Ботъ — Both.
Бунтъ—Bund.
Бутылка—Bouteille.
Выбойка—Cattun.
Вѣнецъ—Krone.
Зелень—Grünspan. Примѣч. 73.
Кипа—Pack.
Коробка—Schachtel.
Корзина—Korb.
Кружево—Spitze.
Кубокъ—Becher.
Ларь—Lade.
Литра—Littere. Русскіе считали волоченное золото, серебро и подобныя вещи почти всегда на литры. Въ росписи 1671 г. почти въ самомъ ея началѣ, вмѣсто Littere, сказано—Pfund: 3.931 фунтъ. Языковъ вездѣ переводитъ Littere словомъ „кисточки" или же, чаще, „катушки".
Мѣдь желтая—Messing.
Мѣдь красная—Kupfer.
Мѣхъ — Fell и Futter. Fell собственно означаетъ отдѣльная шкурка отъ пушного звѣря, а Futter—нѣсколько сшитыхъ шкурокъ, что иначе называется подбоемъ. Но мы переводили оба слова однимъ значеніемъ—„мѣха", потому что при чтеніи, по смыслу, легко отличить идетъ ли рѣчь объ отдѣльной шкуркѣ (напр., „бобровый мѣхъ") или о сшитомъ мѣхѣ (напр., „бѣличій мѣхъ").
Наволока—Bürwerk.
Оксофтъ—Oxhoft (=12 Wedro).
Пипа—Pipe.
Половинка - Halbgen.
Полоса—Stab.
Прутъ—Stange.
Свертокъ—Rolle.
Скляница—Flasche.
Стопа (бумаги)—Riess.
Тазъ—Becken.
Тонна—Tonne. „Тонна" у Кильбургера означаетъ не опредѣленіе вѣса, какъ это слово понимается теперь на русскомъ языкѣ, а просто—бочка. У Павловскаго: „Tonne, f, (—, —n) бочка (als Schiffsmass) тонна; мѣра въ 2.000 фунтовъ..." Въ нашемъ переводѣ „Tonne" передается черезъ „тонна", въ отличіе отъ „Fass"—„бочка".
Тюкъ — Ballen.
Штука—Stück.
Ящикъ — Kasten.

79). Mass—единица вѣса для драгоцѣн. камней и металловъ.

[80]). Въ подлинникѣ число десятковъ плохо оттиснулось, и только замѣтна слабая черточка, схожая лишь съ цифрой 1. Поэтому въ переводѣ и возстановлено это число въ видѣ 4.419, какъ и у Языкова.

[81]). Spitzen. У Языкова—„бахромами“.

[82]). „Petschierringe mit Saphiren“.

[83]). Rosen-Diamanten. У Языкова—„брилліантовыхъ розъ“.

[84]). „Tailet oder Tobinen“ (къ с. 123). Въ росписи 1672 г. (с. 127) правописаніе другое: „Taylét oder Tobynen“. По словарю „Muret-Sanders encyclopädisches Wörterbuch der englischen und deutschen sprache“, „Tobin (— ´—) m. (gewässerter Doppeltaffet) tobine, tabby (silk)“. Въ русскихъ спискахъ путешествія Байкова въ Китай 1653 г. сказано, что тамъ „дѣлаютъ бархаты и камки и *объери*...“, а у Кильбургера въ его нѣмецкомъ извлеченіи изъ этого путешествія эти слова переведены такъ: „findet mann allda Sammet, damast, *tobin*...“, т. е. Tobin=объярь (с. 210).

[85]). Ellenguth, т. е. товаръ, продаваемый на локти (аршины).

[86]). „... овинокъ“—сокращенное изъ „пол-овинокъ“. Относительно тѣхъ дробныхъ цифръ съ знаменателемъ 2 и числителемъ, который очень часто больше своего знаменателя, встрѣчающихся у Кильбургера, надо замѣтить слѣдующее. По всѣмъ соображеніямъ и сопоставленіямъ это у Кильбургера употребляется не для обозначенія дѣйствительной неправильной дроби, а лишь какъ удобное обозначеніе слова: „половинка“—Halbgen, такъ какъ знаменатель—2, соотвѣствуетъ первой части слова: „пол.“—Halb, а недостающій слогъ прибавляется тутъ же въ видѣ „овинокъ“—gen. Итакъ, вмѣсто того, чтобы писать слово „Halbgen“, пишется „/2 gen“ (по-русски это соотвѣтствуетъ: „/2 овинокъ).

Для большей ясности необходимо привести тутъ подлинный нѣмецкій текстъ (S. 280):

„22 Packe und 587 Halbgen Carmosintücher.
8 Packe und 248 Halbgen halbCarmosintuch.
81 Packe und 64 /2 gen Englisch dito.
9 Packe und $22^{8}/_{2}$ gen Holländisch dito.
41 Packe und $267^{1}/_{2}$ gen Hamburger Tuch.
8 Packe und $171^{6}/_{2}$ gen Vierlothen“.

Эти условныя обозначенія нужно читать: „$22^{8}/_{2}$ gen“ — 228 половинокъ, „$267^{1}/_{2}$ gen“—2.671 половинка, „$171^{6}/_{2}$ gen“— 1.716 половинокъ. Цифра „64 $/_{2}$“, можно думать, есть типографская ошибка, потому что числитель отсутствуетъ. Въ другихъ росписяхъ встрѣчаются и нулевые числители, напр. „$4^{0}/_{2}$ gen“, т. е. 40 половинокъ (с. 133), и т. д.

Въ настоящемъ русскомъ переводѣ частица—„gen“ передается вездѣ черезъ русскую частицу—„овинокъ“ (отъ слова „пол-овинокъ“). Языковъ же въ своемъ переводѣ просто не принималъ во вниманіе дробныхъ знаковъ, отбрасывая ихъ совершенно, такъ, „$28^{8}/_{2}$ gen“ у него передано просто—„28“ и т. д.

Правильность нашихъ разсужденій относительно значенія этихъ дробей со знаменателемъ—2 и съ частицей „gen“ вполнѣ подтверждается той фразой, которую находимъ въ концѣ этой главы, въ нѣмецкомъ прейсъ-курантѣ 1674 г., 30 мая, гдѣ сказано: „Англійская дерюга, кипа въ $^{10}/_{2}$ овинокъ“—„Englische Packtücher, das Pack von $^{10}/_{2}$ gen“. Тутъ ясно видно, что знаменатель съ частицей „gen“ означаетъ: „пол(2)-овинки (gen)“, а числитель показываетъ, сколько было такихъ половинокъ, т. е. въ данномъ случаѣ кипа дерюги состояла изъ 10 половинокъ.

[87]). Leinen. У Языкова—„льняного тканья“.

[88]). Rosenroth. У Языкова тоже—„карминъ“. Очевидно, это можно было бы переводить и понятіемъ „румяна“.

[89]). Staffzinn. Это слово заимствовано изъ голландскаго языка, гдѣ Staf означаетъ нѣмецкое Stab. Дальше въ голландскомъ прейсъ-курантѣ мая 1674 г. встрѣчается — Stafftinn. Языковъ перевелъ вышеприведенное слово—„олово въ кружкахъ“.

[90]). „300 Stück so klein“. У Языкова тоже—„мелкаго“.

[91]). Значеніе для Amdam, какъ и у Языкова, не подыскано. Въ нѣмецкомъ есть только слово, близкое по созвучію съ даннымъ словомъ: Amidan, Amidon—крахмалъ.

[92]). „чистаго серебра“ — Brandsilber (Техническій словарь Папенгутъ, 1905 г.). Оно также означаетъ „выженое серебро“, „очищенное серебро“. Языковъ переводитъ: „очищенное серебро“.

[93]). Buchspiegel. Это небольшія зеркала, закрывающіяся въ видѣ книжки. Наши предки не любили имѣть открытымъ зеркало, и оно всегда пряталось или закрывалось.

94). Mast. Очевидно, должно быть Maas (какъ въ примѣч. 79). Языковъ перевелъ—„ластовъ“.

95). Rechenpfennige. По словарю Павловскаго Rechenpfennig—счетная марка, жетонъ. Языковъ перевелъ—„шелеговъ“.

96). Gezeuge.

97). Banquetzucker. У Языкова—„сахарныя заѣдки“.

98). Bilder. 99). Confitürter Ingber.

100). „Gold- und Silberplatten“. 101). „мелкаго“—Unzperlen.

102). Vermillion. Языковъ перевелъ это словомъ „сурикъ“.

103). „консервированный“—eingemacht. У Языкова—„вареный“.

104). Korbrosinen (къ с. 129). У Языкова—„горшечнаго“. Въ росписи 1673 г. (с. 134) написано: „834 Tonnen und 1.608 Körbe Rosinen“.

105). Kiste. 106). Tafelringe. У Языкова—„столовыхъ гаекъ“.

107). Stufgen. У Языкова тоже—„концовъ“.

108). Примѣч. 86; „кирза“—Kirsayen.

109). Bomersin. То же и у Языкова. Однако едва ли это понятіе съ точностью передастъ значеніе Bomersin.

110). „отрѣзковъ“—„abgeschnittene Stücke“.

111). „1 Schwein mit gesponnener Seide“. „Свинья“ употреблялось въ смыслѣ мѣры. Языковъ перевелъ Schwein—„щетка“.

112). „въ 1673 году“—въ нѣмецкомъ текстѣ опечатка: 1763.

113). Lacken. Примѣч. 34, п. III. 114). Tücher.

115). Примѣч. 86. Тутъ въ текстѣ типографская неясность:

„6^{2}_{2} gen . . . .

13^{3} gen . . . .“.

116). Sattin (къ с. 133). Sattyen (къ с. 140). Русскіе въ 1676 г. назвали матерію Sattyn (по-голландски) „атласомъ“ (Койэтъ. „Посольство... Кленка“, с. 395). Языковъ тоже переводитъ

Sattin—„атласъ“, но въ нашемъ переводѣ оно переводится словомъ „сатинъ“, потому что въ росписяхъ встрѣчается и „Atlas“, т. е. „атласъ“.

[117]). „21 Dos. wollene Strümpfe“ (къ с. 134). „Dos.“ сокращенное изъ Dosen—коробка. Это слово полностью встрѣчается дальше (с. 135): „120 Dosen messingne Cantillen und Flittern“. Языковъ въ первомъ случаѣ перевелъ: „21 дюжина...“, а во второмъ: „120 коробочекъ...“ Въ III ч., IV гл. у Кильбургера также сказано, что русскіе приносятъ приказнымъ людямъ денежные подарки „въ коробочкѣ (in einem Dössgen) или бумажкѣ“ (с. 159). У Кильбургера встрѣчается чулки и другіе товары, привезенные и дюжинами—Dutzend.

[118]). Messur (къ с. 134), въ другихъ мѣстахъ: Mestur (с. 138, с. 144). У Языкова тоже—„мишура“.

[119]). Rauchfässer. У Языкова переведено—„курильницъ“.

[120]). Tafelkränze. У Языкова переведено—„подблюдниковъ“.

[121]). „туалетныхъ бѣлилъ“—„weisse Schminke“.

[122]). Schreibbüchsen. Были ли это чернильницы, или песочницы, или и то и другое, нельзя сказать. Языковъ же перевелъ:—„чернильницъ“.

[123]). Въ подлинникѣ въ серединѣ фразы такой же пробѣлъ.

[124]). Соотвѣтствующее русское значеніе не подыскано. У Языкова же это слово просто пропущено.

[125]). „20 Tonnen Platt-Indigo“.

[126]). „... geblasen“. У Языкова переведено—„сахарныхъ“.

[127]). Здѣсь говорится, какъ и въ слѣдующей строкѣ, о „половинкахъ“ сукна, именно о 6 половинкахъ; въ подлинникѣ должно было быть „6/2 gen“, но „gen“ тутъ пропущено. Примѣч. 86.

[128]). „Kuzumile краски“. Значеніе для Kuzumile не подыскано. Языковъ все это пропустилъ.

[129]). Въ своемъ переводѣ Языковъ совсѣмъ пропустилъ этотъ голландскій прейсъ-курантъ. Въ виду трудности и возможности

неточностей при переводѣ этого прейсъ-куранта, цѣликомъ приводимъ его подлинный текстъ (S. 302—303):

Preis-Courant von den eingehenden Güthern am Ende des May 1674 in Moscau.

Roede et gecouleurde Sattyen d'Ell Copek 78.
Lukeeser Damasten Copek 74 76.
Ermesin Cop. 65 door Malk.
Root et Swart Flourd 2 Haar 15 Griw. 3 Haar 20 dito.
Tobyn ordin. Cop. 105.
Dito Venetiansche d'Ell 16 Griwen.
Bombastin d'Engelsche } 1 Piece 13. 14 a 15 Griwen.
Lakens Carmasin Root et gecouleurde van 10 tot 20 Griwen.
Hamb. of. Slesier Laken 7 Rub. 1 Piece.
Engelsche Sayen of Stammelen 6 Rubel.
Indigo Guatimalo Rub. 22 a 23.
Dito Lauro Rubel 24.
Peeper 48 a 48 Griwen.
Witt Wyrook Rubel 7.
Dito grouwe Rubel $3^1/_2$ a 4.
Oly 29 Griwen.
Saffran 12 Griwen.
Broot-Suyker 46 Griwen.
Stockvis Hout 17 Rubel. Brasilien Hout 11 a 12 Rubel. Blauw hout 15 Rubel. } 1 Schpf. met cleyn vtier.
Lange Rosynen 10 Griwen.
Vygen 18 Griwen.
Rys 8 a $8^1/_2$ Griwen Sonder vtier.
Corinten Rubel $4^1/_2$ geen vtier.
Qwicksilwer Rubel 16.
Sal Ammoniacum Rubel $5^1/_2$.
Benjuin Rubel 14 a 15.
Boutems 5 Rubel met cleyn vtier.
Blecken Rubel 15.
Catton Rubel 3 de Piece.
Loot Rubel 8.

Alluyn Rubel 13.
Droge Gember Rubel 4.
Noote Muskaten Rubel 25. } met cleyn vtier.
Cryt Nagelen Rubel 48. }
Canel Puyk Rub. 24 met cleyn vtier.
Lootwit 17 a 18 Griwen niets vfanden.
Engelss Stafftinn Rubel $6^1/_2$.
Dito Finn in Staven Rubel $3^1/_2$.
Kietels Rubel 5.
Beekens Rubel 6.
Root Cooper Rubel 5.
Bapier van 8 tot 13 Griwen.
Gout-Draet Cortte pr. Ons 6 a $6^1/_2$ Rubel.
Dito beschantie Rubel 7 cleyn vtier.
Dito Lange 6 Rybel geen aptreck.
Dito Hamburger Rubel $8^1/_4$.
Dito Norimberger No. 17 a 10 Rub.
Amsterdammer Gout-Draet 48 Griwen met 2 Littere Silver in de 10 Littre.
Gout et Silwer Cant. 14 a 16 Rub. pro Pf.
M. Muur root et witt Copek. 30.
Witt Fransse Wyn. 18 a 25 Rubel.
Dito Roode 10 a 14 Rubel.
Dito Spaensse Rub. 50 a 65.
Bevers a 14 tot 23 Rubel.
Naelden de beste Sorte van M. Schaff 40 Kepek. het 1000.

[130]). Cronraschen. Языковъ же перевелъ—„рашъ“.

[131]). Бумага имѣла водяные знаки, которые изображали или шутовской колпакъ (Narrenkapp), или амстердамскій гербъ (Amsterdamische Wappen). или бѣлыя лиліи, или траву, кувшинъ (Weisse Lilien oder Kraut, Pott).

[132]). „*(Литра)*“—нѣтъ въ подлинникѣ, но нами вставлено. Въ таблицѣ цѣнъ у Родеса отъ іюля 1652 года указана стоимость проволоки въ Москвѣ:

Проволока золотая	миланская, литра	—6	руб.	— коп.
„ „	венеціанская, литра	—7	„	50 „
„ „	венеціанская, литра	—6	„	5 „

[133]). „Hamburger dito klein Gewicht 56 Pf.“.

[134]). Примѣч. 118. [135]). Примѣч. 73.

[136]). Blausel; или „синій камень“, какъ перевелъ Языковъ.

[137]). „Topfzucker Melis“. „Мелисъ“ называется полурафинадъ.

[138]). „Korb Rosinen“. Языковъ перевелъ: „коробочный изюмъ“. Примѣч. 104.

[139]). Цѣна коринки по тексту Бишинга не ясна, потому что отсутствуетъ знаменатель: 2¹/.

[140]). Daumen. Можно перевести и „дюймъ“.

[141]). Geldplatten. Языковъ перевелъ — „денежныя бляхи“. Ср. примѣч. 100 и 58.

[142]). Stockfischholz. Оставляемъ Stockfisch, какъ и въ предшествовавшемъ голландскомъ прейсъ-курантѣ (Stockvis Hout) безъ перевода (Языковъ оставилъ безъ перевода все слово Stockfischholz). Stockvis Hout, или Stockfischholz, безъ сомнѣнія, означаетъ названіе дерева и въ буквальномъ переводѣ значитъ „тресковое дерево“, потому что голландское (и англійское) Vis=нѣм. Fisch, а нѣм. Stockfisch означаетъ—треска (an der Luft an Stöcken getrocknet). Нельзя сомнѣваться, что это слово—Stockfisch взято Кильбургеромъ изъ голландскаго прейсъ-куранта, на что указываетъ одинаковая цѣнность всѣхъ трехъ родовъ дерева въ обоихъ прейсъ-курантахъ. Въ предыдущихъ росписяхъ упоминалось дерево трехъ родовъ—бразильское, фернамбуковое и синее, но при этомъ нужно замѣтить, что Пернамбуко находится въ Бразиліи, а потому названіе бразильское и фернамбуковое какъ бы однородны; очевидно, отъ этого то въ другихъ мѣстахъ росписей упоминается дерево только фернамбуковое и синее.

[143]). „Sect die Pipe 5 bis 10 Rubel weniger“, т. е. вино сектъ (это сладкое канарское вино) стоило на 5—10 руб. дешевле предыдущаго испанскаго вина (которое стоило—65, 50, 80 р.) и, такимъ образомъ, сектъ при Кильбургерѣ стоилъ 55—60 руб., наинизшая цѣна его была 40—45 р., а наивысшая 70—75 р.

[144]). „Die Nordischen“.

[145]). „... wichtige“. Думаемъ, что должно быть vollwichtige, почему и переводимъ—полновѣсные.

146). „Berger Heringe“.

147). „... für Fracht und andre Unkosten $^1/_2$ Real vom Achten“.

148). Собственно слѣдовало бы перевести „Александрія“, потому что у Бишинга въ текстѣ стоитъ „Alexandria“, но это или ошибка Кильбургера или опечатка, а должно быть „Alexandrette“, согласно соотвѣтствующему мѣсту Родеса.

149). „... abermal 1 Rubel pro Pudo“.

150). Iwan Semenowitz Porosoffskoy.

151). У Бишинга напечатано: „... gegen Tücher, Köpfe, Zolel und Gold erhandeln“. Тутъ ошибка въ словѣ „Köpfe“, должно быть „Kupfer“; у Родеса соотвѣтствующее мѣсто: „... gegen Lacken, Kupfer, Zoleln und Geld erhandeln lassen“ (нѣм. текстъ Эверса, S. 242; нашъ текстъ, с. 150). Кромѣ того, у самого Кильбургера выше шла рѣчь о красной мѣди, что частныя лица не имѣютъ права продавать ея въ Персію (потому что она была казенной монополіей, и сама казна продавала ее персамъ).

152). „шелковый сдоръ“—Flockseide.

153). „... набойчатыя одѣяла и скатерти“—„... auf Cattun gedruckte Bett- und Tischdecken“.

154). „выбойки-полотна“—Catunleinwand. Cattunleinwand собственно передается на русскій языкъ словомъ „миткаль“; терминъ „миткаль“ встрѣчается въ русскихъ документахъ того времени. Относительно же слова Cattun слѣдуетъ замѣтить, что оно передавалось словомъ „выбойка“. изрѣдка „каттунь“.

155). „... wie unten im letzten Kapitel des IV. Theils zu sehen“, но въ этомъ текстѣ Бишинга невѣрно обозначена часть, почему нами это исправлено, согласно послѣдующему содержанію и волфенбиттельскому списку, по которому читаемъ: „wie unten Part V. cap: ult zu sehen“.

156). „...—$^1/_{56}$ часть фунта“ — „... ist der 56ste Theil von einem Pfund“. Языковъ думаетъ, что тутъ типографская ошибка и, вмѣсто „56“, должно быть „96“. Примѣч. 133.

[157]). Вся эта фраза расположена у Бишинга во всю длину строкъ:

„Ein Pud Russisch bringt in Amsterdam $32^{4}/_{5}$ Pfund, in Hamburg $33^{1}/_{3}$ Pfund, in Stockholm—Pfund, in Lübeck 35 Pfund, in Narva $3^{3}/_{14}$ Pfund, in Reval—Pfund".

[158]). „Von Maass und Ellen". Во всемъ переводѣ „Elle" передано черезъ слово—„локоть", а „Arschin"—„аршинъ".

[159]). „Die Russische Arschin ist einen Daumenbreit länger als die brabantische Elle, wie beystehendes Quartier ausweiset". Приложенный масштабъ точно снятъ съ изданія Бишинга.

[160]). Въ цифрѣ $2^{1}/_{2}$ по изд. Бишинга числитель пропущенъ.

[161]). „... beyde Potentaten sich ferner dahin vergleichen, dass 2 pro Cent bezahlet werden sollen; immassen dann die Russen in den schwedischen Städten niemals mit mehr bis dato sind beleget worden".

[162]). „... sondern versiegelt nach Moscau durchgelassen werden". Смыслъ фразы ясенъ: на таможняхъ товары не вскрываются, но тамъ только накладываютъ на нихъ таможенныя печати и пропускаютъ ихъ дальше.

[163]). Въ изданіи Бишинга списокъ таможенныхъ сборовъ расположенъ въ слѣдующемъ видѣ:

„1654 = = = = Rubel 54031 $62^{1}/_{2}$
1655 = = = = Rubel 51585 $56^{1}/_{2}$" и т. д.

[164]). Этого слова нѣтъ въ изданіи Бишинга, но въ русскомъ переводѣ его слѣдуетъ вставить для большей ясности изложенія. У Бишинга вся эта глава написана безъ красныхъ строкъ, но нами она разбита на соотвѣтствующія части. Что въ вышесказанномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о дукатахъ, слѣдуетъ изъ того, что высота курса такая же, какъ и въ предыдущей V главѣ, гдѣ говорилось, что дукаты колеблются отъ 114 до 125 коп.

[165]). „... über Wilda".

[166]). „... und also 2 Tage geschwinder, als..." Изъ этой фразы какъ бы слѣдуетъ, что Кильбургеръ уже выше говорилъ о продолжительности почты изъ Риги въ Гамбургъ, но въ дѣйствительности въ предыдущемъ текстѣ по изданію Бишинга этого нѣтъ.

[167]). „... Richard Chancellier... Willougby“.

[168]). Имена и фамиліи, встрѣчающіяся въ этой главѣ, по изданію Бишинга имѣютъ такое написаніе: Daniel Hartmann, Heinrich Budenant, Adolph Hautmann, Werner Müller, Conrad Cannengieser, Thomas Kellermann, Peter Arsenius, Hermann von Troja, Heinrich Münter, Erdmann Schwellinggräfwer, Nordmann Hasenkrug, Philipp Verpoorten, Jan Verjuys.

[169]). „... etliche dreyssig bis 40 und mehr...“

[170]). „... Klinck Bernhardt und Vogeler im Amsterdam, und Thomas Kellermann in Moscau“.

[171]). Вся эта глава въ подлинникѣ не имѣетъ подраздѣленій на красныя строки, но въ нашемъ переводѣ она разбита на нихъ для большей ясности.

[172]). „... bei Alonitz Colonetz“. Текстъ вольфенбиттельской рукописи (Blatt 97 b.) нѣсколько иной, чѣмъ у Бишинга: „Erstlich ist bey Olonitz, nicht weit von der See onega, nach dem Schwedischen oder Kexholmischen gräntzen für 5 oder 6 jahren eine grube aufgenommen und biss dato vom Tzaren selbsten mit vielen verlust getrieben worden“. Слово „olonitz“ написано въ этой вольфенбиттельской рукописи латинскими буквами, а слова „Colonetz“ совсѣмъ нѣтъ.

[173]). Denys Jovis. [174]). Pendora. Языковъ перевелъ—„Пенза“.

[175]). „Von diesen beyden letztern Plätzen kann man bis auf 5 Meilen zu Wasser nach Archangel kommen; man muss aber noch swischen Hoffnung und Furcht stehen, ob die Striche auch dauren werden“. Смыслъ этой фразы не вполнѣ ясенъ. Языковъ совсѣмъ опустилъ ее въ своемъ переводѣ.

По вольфенбиттельской рукописи (Blatt 98 a) текстъ этого отрывка (начиная со словъ: „Эти оба мѣста лежатъ...“) вполнѣ сходенъ съ изданіемъ Бишинга за исключеніемъ начала: „Diesse zwey Ertze *(У Бишинга—Gegenden)* liegen 18 Meilen von einander und sollen alle beyde in diessem *(У Бишинга—in dem)* 1674-ten jahre zugleich mit obbemelter grube bey olonitz von Tzaren an Peter Marselis mit privilegium gegeben...“

[176]). „Das erste und grösste besitzet Peter Marselis erblich und eigen“.

177). „... hat in diesem Jahr an seinen Schwager Thomas Kelermann fur $^3/_4$ Theil in den Werken 20.000 Rubel bezahlet“. О словѣ Schwager см. примѣч. 19.

178). „... zwischen der Stadt Tschirpekoff und den Weg hin, nach und auch jenseit dem Schloss Tule“. Смыслъ этой фразы не ясенъ. См. слѣд. примѣч.

179). „... und der vornehmste Theil heisset de Wols“. У Беннинга эти слова напечатаны готическимъ шрифтомъ, а „de Wols“ латинскимъ. Языковъ поставилъ при этомъ словѣ вопросъ.

По вольфенбиттельской рукописи (Blatt 99) текстъ этой и предыдущей фразы слѣдующій: „Zwischen der Stadt Czirpekoff und den weg hin nach und auch jenseit dem Schloss Tule Der Anfang ist 20 Werst von Bemeltem Czirpekoff und der principalste theil heisset de Wols, von dannen seind 20 Werst an einen strom, wo mann hernach zu wasser Biss nach Moscau kommen kan“. Слово „de Wols“ написано готическими буквами и вполнѣ отчетливо.

180). Gestelle. 181). Fensterladen.

182). „... Stang- und Platteneisen“.

183). „... ehr zersprungen“. Тутъ, очевидно, фраза не договорена: русскія пушки, „скорѣе (ehr) треснули“, чѣмъ пушки другого производства. Также неясно выражено въ предыдущей фразѣ соотношенія вѣса пушекъ: „18 Schiffpf.“ и „bis auf 24 pfundige“ (очевидно, 24 шиффунтовъ).

184). „... mit Schwanzschrauben“. 185). „... mit Reifen“.

186). „... Thüren und Fensterplatten. Sie sind gemeiniglich...“ Примѣч. 57.

187). Salzpfannen.

188). Salzplatten. Этотъ V п. озаглавленъ этимъ же словомъ— Salzplatten.

189). Значеніе не подыскано, а у Языкова это слово просто пропущено. По вольфенбиттельской рукописи (Blatt 101a) ясно стоитъ тоже—„spälten“. Это слово можетъ означать или „лопаты“, „заступы“ (Spaten), или (топоры) „колуны“ (отъ глагола Spalten— колоть, расщеплывать), или же „заслонки“ (для печей).

190). Tilman Ackema. Въ I ч., II гл., въ пр.-кур.—Ackmann.

191). Proddewa. 192). „Der Meister daselbst ist ein Umgekaufter".

193). Начиная отсюда до конца этой главы, въ подлинникѣ все напечатано сплошнымъ текстомъ, безъ красныхъ строкъ, но въ настоящемъ русскомъ переводѣ, какъ и отчасти выше и въ предыдущихъ главахъ, содержаніе для большей ясности разбито на соотвѣтствующія, по смыслу, части.

194). „... кочедыки, сапожныя шила" — „Pfriemen, Schusteraalen". „Кочедыками" называются шила для плетенія лаптей, которыя, конечно, отличаются отъ обыкновенныхъ „сапожныхъ шилъ", употребляемыхъ при шитьѣ кожаной обуви.

195). Eisenblech.

196). Въ текстѣ Бишинга эти слова приняты за отдѣльныя фамиліи: „... bei dem Okolnitz, Artemon, Zergewitz, Mattffeoff".

197). „... Eskarlakenfarbe... hohe und abstehende Farben". Вмѣсто шарлаковый, можно сказать эскарлатовый.

198). Въ изданіи Бишинга вся эта глава не имѣетъ красныхъ строкъ, но въ настоящемъ переводѣ для удобства она раздѣлена на соотвѣтствующія части. Начинается она словами: „Mitten in Russland innerhalb der rothen Mauer..."

199). „... und beschlossene Handelshöfe, der eine wird Gostinoy Dwor Staroy, oder der alte Gasthof, und der andre Gostinoy Dwor Nowoy, oder der neue Gasthof genennet". Въ настоящемъ переводѣ слова Кильбургера, объясняющія по-нѣмецки смыслъ упоминаемыхъ имъ русскихъ названій, опущены.

200). „... von 180 Schritten ins Viereck". 201). Schatz.

202). „Aerarium von contanten Mitteln". Въ изданіи Бишинга Aerarium напечатано латинскимъ шрифтомъ, а прочее—готическимъ. Языковъ перевелъ: „не есть то мѣсто, въ которомъ хранятся деньги". Смыслъ всего сказаннаго Кильбургеромъ тотъ, что русскіе называютъ царской казной собственно не денежную наличность или находящееся у царя въ данное время дѣйствительное количество денежныхъ средствъ, какъ это понималось на Западѣ, гдѣ раньше Россіи развилась денежная система, но всякаго рода

товары и предметы, собираемые именемъ царя и складываемые въ „Сибирскомъ приказѣ“, который собою собственно и представлялъ царскую казну.

203). „... welches die Russen Sibirsky oder die sibirische Pricas nennen“.

204). Фраза эта не совсѣмъ ясна; смыслъ ея тотъ, что служилые люди теряли треть своего жалованія, такъ какъ получали изъ Сибирскаго приказа, вмѣсто жалованія деньгами, товары, которые были оцѣниваемы цѣловальниками выше ихъ дѣйствительной цѣнности.

205). Тутъ „lauter“ („чистый“) употреблено въ смыслѣ „только“, „единственно“.

206). „Und gleichwie zwar in Bielogorod, oder innerhalb der weissen Mauer, wie auch in Semlanoygorod oder dem Theil zwischen gedachter weissen Mauer und dem erdenen Wall, Skorodum genannt, hin und wieder fast unzählig viele Höcker- und andre gemeine Buden anzutreffen: so ist doch Kithaigorod, oder die Stadt innerhalb der rothen Mauer, als des Mittelpunkts von Moscau der Kaufmannschaft eigentlich gewidmet, gestalten auch nicht so sonderliche Häuser, sondern grösstentheils von Stein erbaute Kaufbuden, davon ein und andre dem Zaaren, die meisten aber Privatleuten zugehören, darinnen zu finden sint, und...“

207). Lackenverkäufer. Переведено такъ на основаніи соображеній, высказанныхъ въ примѣчаніи 34.

208). Charakter.

209). Fischmösen. Тутъ, очевидно, опечатка, и должно быть—Fischmöven, что означаетъ морскія чайки, чернокрылыя, чайки-рыбалки. Языковъ перевелъ это слово —„скопы“.

210). „Bilder und Holzstücke.“ „Рѣзьба на деревѣ“ по-нѣм.—Holzstich.

211). „... wird geschätzt auf...“

212). „kalekutische Hüner“. Иначе онѣ называются—индейскія куры, индейки.

213). Калкунъ, индюкъ.

214). „Suddaky oder Sandarn“. 215). Примѣч. 171.

216). „Es wird mit Wedro oder Spannen und Brattin gemessen. Das Maas ist ein ziemliches kleiner, als ein schwedisches Stoop, und werden 8 auf ein Wedro gerechnet“. Тутъ говорится, что „брати́на“ значительно меньше шведскаго стоопа, и въ 1 ведрѣ считается 8 братинъ.

217). У Бишинга всѣ имена и фамиліи переданы въ этой главѣ слѣдующимъ образомъ: Rosenburg Senior, Bluhmentrost, Gramann, Daniel Jeflöwitz, Rosenburg Junior, Sigismund Sommer, Guthbier, Christian Eichler, Joh. Gutmensch, Robert Benschom.

218). „... versiegelt“, т. е. запечатанными установленной печатью, съ цѣлью контроля за доброкачественностью лѣкарствъ.

219). „... regierende Herzog von Gotsa“.

220). Имена священниковъ переданы у Бишинга такъ: „Balthasar Fademrecht, Gedanes. Mag. Johann Gottfried Gregorius, Eislebens. Johann Dietrich Vockerodt, Thüring. Alexander Junge, Regiomont.“ „Johann Grauwinkel“.

ОБЪЯСНЕНІЯ и ДОПОЛНЕНІЯ

къ русскому переводу сочиненія Кильбургера.

ОБЪЯСНЕНІЯ и ДОПОЛНЕНІЯ[1]).

КЪ ПРЕДИСЛОВІЮ.

Отношеніе русскихъ къ торговлѣ, какъ къ роду занятія, было весьма благопріятно, и еще въ первые вѣка существованія русскаго государства великіе князья учитывали большое значеніе торговыхъ сношеній, которыя въ слѣдующія столѣтія неуклонно развивались, по мѣрѣ приложенія труда къ использованію природныхъ богатствъ страны. Ко времени кончины Грознаго размѣры торговли были уже настолько велики, по сравненію съ торговлей другихъ государствъ, что иностранцы отзывались о ней, какъ „о большой торговлѣ, или мѣнѣ со всѣми народами“, служившей

[1]) Не стремясь привести здѣсь исчерпывающихъ свѣдѣній изъ сочиненій другихъ иностранцевъ по вопросамъ, затронутымъ Кильбургеромъ, мы въ „Объясненіяхъ и дополненіяхъ“ даемъ только необходимые и не лишніе, на нашъ взглядъ, комментаріи къ сочиненію Кильбургера, основанные главнымъ образомъ на современныхъ иностранныхъ извѣстіяхъ и отчасти архивныхъ матеріалахъ. Наши объясненія распредѣлены по возможности въ послѣдовательномъ порядкѣ соотвѣтственно содержанію сочиненія Кильбургера. При этомъ, конечно, нужно всегда имѣть въ виду, что извѣстія иностранцевъ отличаются относительной достовѣрностью, дѣйствительная цѣнность которыхъ можетъ быть выяснена лишь при полномъ изученіи каждаго отдѣльнаго вопроса, изслѣдуемаго съ привлеченіемъ всѣхъ относящихся къ нему матеріаловъ. Выдержки изъ сочиненій иностранцевъ о гор. Москвѣ собраны И. Ивакинымъ: Таннеръ—„Опис. путеш.“, Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. Рос., 1891 г., III, приложенія. Такія же извлеченія о строѣ экономическомъ, политическомъ и пр. изданы П. Фальковичемъ—„Картины жизни въ Московскомъ государствѣ“, М., 1913 г. и В. Н. Бочкаревымъ—„Московское государство XV—XVII в.в.“, П., 1914 г., но оба эти изданія (особенно первое) не отличаются полнотой и научными достоинствами. Сочиненія иностранныхъ путешественниковъ, помѣщенныя въ Чтеніяхъ (Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. при Моск. Унив.), выходили также и отдѣльно. А. Суворинымъ хорошо изданы: Гербер-

къ обогащенію страны [1]). Русскій народъ, несомнѣнно, обладалъ способностями къ торговой дѣятельности, и Кильбургеръ вполнѣ правъ, что всѣ русскіе, знатные и простые, любятъ торговать. Поэтому нельзя согласиться съ Рейтенфельсомъ (1671—1673 г.г.), что „занятіе торговлей или какими-либо иными пристойными ремеслами дворяне почитаютъ ниже своего достоинства“ [2]). Подобнаго взгляда не могло существовать, когда самъ царь былъ первымъ купцомъ своей страны. Крижаничъ (1661—1676 г.г.) и объясняетъ намъ, что только „нѣкои люди на время (порою) говорятъ: владетелемъ и племенитымъ людемъ торгованіе не быть лѣпо, ни пристойно. Али треба есть знати: яко торговство само по себѣ есть честно и годно, а нечестна есть мерзкая лакомость, кая часто вкупѣ ходитъ съ торговствомъ“ [3]). Родесъ (которому слѣдуетъ въ этомъ Кильбургеръ) совершенно ясно указываетъ на господствующее значеніе торговли въ московскомъ государствѣ и на скромные жизненные запросы русскаго торговца, старавшагося даже изъ ничтожной вещи извлечь выгоду [4]). Олеарій тоже подмѣтилъ, что русскіе „въ общемъ живутъ плохо, и у нихъ немного уходитъ на ихъ хозяйство... Большинство, особенно простонародье, проживаетъ весьма немного“ [5]). Съ этимъ вполнѣ согласуется показаніе Главинича (1661 г.), что въ „московскомъ народѣ такая вы-

штейнъ и Іовій Новокомскій (введеніе, пер. и указ. А. І. Маленна, 1908 г.), Горсей (пер. Н. Бѣлозерской, 1909 г.), Флетчеръ (1905 г.), Олеарій (введ., пер. и указ. А. М. Ловягина, 1906 г.) и Корбъ (пер. и примѣч. А. І. Маленна, 1906 г.). „Посольство Кунрада фанъ-Кленка...“, описанное Койэтомъ, (введ., примѣч. и указ. А. М. Ловягина) издано Археографической Комиссіей, П., 1900 г. Стокгольмская рукопись Родеса —„Подробное донесеніе о происходящей въ Россіи коммерціи“ издана въ нашей книгѣ — „Состояніе Россіи въ 1650—1655 г.г. по донесеніямъ Родеса“ (Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. Рос., 1915 г., II и отдѣльно).

[1]) Горсей (пер. Ю. Толстого), Чтенія, 1907 г., II, с. 44.

[2]) Чтенія, 1905 г., III, с. 122.

[3]) „Русское государство въ половинѣ XVII в.“, М., 1859 г., издалъ П. Безсоновъ (отдѣльное приложеніе къ Русской Бесѣдѣ за 1859 г. къ №№ 1—5). № 1, с.с. 9—10. Выдержки изъ этого рѣдкаго изданія перепечатаны въ общедоступномъ изданіи: „Юрій Крижаничъ. Экономическіе и политическіе его взгляды. Съ предисловіемъ В. И. Пичета“, П., 1914 г.

[4]) Родесъ, с.с. 149—150.

[5]) Олеарій, с. 202.

носливость къ труду и голоду, какой нѣтъ ни у одного изъ другихъ народовъ... довольствуются однимъ хлѣбомъ, солью да водой"[1]).

Размѣръ лавокъ въ г. Москвѣ было очень малымъ. По даннымъ 1626 г. въ Китай-городѣ преобладали лавки незначительной величины:

15	помѣщеній	было	въ	$3^3/_4$—$1^3/_4$	лавки.
63	"	"	"	$1^1/_2$ - $1^1/_8$	"
307	"	"	"	1	"
76	"	"	"	$^7/_8$— $^3/_4$	"
328	"	"	"	$^1/_2$	"
27	"	"	"	$^1/_2$— $^1/_4$	"

Одна же лавка со времени Θеодора Ивановича $= 2 \times 2^1/_2$ сажени[2]). Это ярко иллюстрируетъ слова Кильбургера, что „изъ одной амстердамской лавки можно сдѣлать десять и болѣе московскихъ". Такая дробность лавокъ обратила на себя вниманіе и Корнилія де-Бруина, бывшаго при Петрѣ I въ Россіи: „А такъ какъ народу въ Москвѣ великое множество, то для лавочекъ ихъ по этимъ улицамъ они должны довольствоваться небольшими помѣщеніями, которыя вечеромъ и запираютъ, уходя домой"[3]).

Характеръ русскихъ купцовъ не нравился иностранцамъ. Барберини (1565 г.) предупреждалъ, чтобы торгующіе съ русскими были очень осторожны, потому что русскіе умѣютъ обманывать и подмѣнивать лучшіе товары худшими[4]). „Иностранцамъ, жаловался Герберштейнъ, они продаютъ каждую вещь гораздо дороже, такъ что за то, что при другихъ обстоятельствахъ можно купить за дукатъ, они запрашиваютъ 5, 8, 10, иногда 20 дукатовъ. Впрочемъ и сами они въ свою очередь иногда покупаютъ у иностранцевъ рѣдкую вещь за 10 или 15 флориновъ, а на самомъ дѣлѣ она врядъ ли стоитъ 1 или 2 флорина"[5]). Такимъ образомъ, иностранцы и русскіе въ одинаковой мѣрѣ умѣли надувать другъ

---

[1]) Чтенія, 1875 г., I, с. 9.

[2]) М. В. Довнаръ-Запольскій, „Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII в.в.", М., 1910 г., с.с. 53, 43.

[3]) Чтенія, 1872 г., II, с. 86.

[4]) Сынъ Отечества, журналъ, 1842 г., ч. III, № 7, с. 22.

[5]) Герберштейнъ, с. 94.

друга. Несмотря на это, почти каждый путешественникъ считалъ своею обязанностью указать, что русскій „народъ по природѣ склоненъ къ обману“ [1]); другіе иностранцы только повторяютъ эту же мысль: русскій народъ „отъ природы склоненъ ко лжи, обману и всякаго рода порокамъ“ [2]). Одинъ ремесленникъ въ Москвѣ ловко надулъ въ 1661 г. Главинича, укравъ большую часть ваты, данной ему для шитья одѣяла [3]), и, какъ кажется, можно вѣрить словамъ Якова Рейтенфельса, что въ Россіи „сильно господствуетъ нынѣ обманъ и подкупъ“ [4]). Но нельзя согласиться съ свидѣтельствами тѣхъ иностранцевъ, которые думали, что „русскій народъ чрезвычайно тупъ“ [5]) и не можетъ вести заграничной торговли, вслѣдствіе „природнаго своего неспособія и тупа разума“ [6]). Путешественники могли бы только говорить объ отсутствіи у русскихъ извѣстной гибкости ума, но отрицать у нихъ наличность умственныхъ дарованій могли только тѣ иностранцы, которые были лишены способности вѣрно и безпристрастно отнестись къ пониманію духа чуждаго имъ народа. Поэтому отзывы о русскихъ такихъ умныхъ и наблюдательныхъ путешественниковъ, какъ Олеарій, весьма выгодно отличаются отъ другихъ иностранныхъ извѣстій. Онъ писалъ: „Что касается ума, русскіе, правда, отличаются смышленностью и хитростью, но пользуются не для того, чтобы стремиться къ добродѣтели и похвальной жизни, но чтобы искать выгодъ и пользы и угождать страстямъ своимъ... Ихъ смышленность и хитрость, наряду съ другими поступками, особенно выдѣляется въ купляхъ и продажахъ, такъ какъ они выдумываютъ всякія хитрости и лукавства, чтобы обмануть своего ближняго. А если кто желаетъ ихъ обмануть, то у

[1]) Ченслеръ (1553—1555 г.г.), Чтенія, 1884 г., IV, „Извѣстія англ. о Рос. во второй половинѣ XVI в.“, с. 10.

[2]) Какашъ и Тектандеръ (1602—1603 г.г.), Чтенія, 1896 г., II, с. 13.

[3]) Чтенія, 1875 г., I, предисловіе.

[4]) Чтенія, 1905 г., III, с. 111.

[5]) Коллинсъ (1667 г.), с. 165. Переводъ сочиненія Коллинса помѣщенъ въ Запискахъ Московскаго Археологическаго Института, т. XV: П. М. де Ламартиньеръ, „Путешествіе въ сѣверныя страны“ (1653 г.), перев. и примѣч. В. Н. Семенковича, М., 1912 г.; въ этой книгѣ В. Семенковичъ далъ, въ качествѣ прибавленія, со с. 127 по 178 переводъ сочиненія неизвѣстнаго ему автора, которое именно и принадлежитъ Коллинсу.

[6]) Крижаничъ, „Русское госуд. въ полов. XVII в.“, № 1, с. 9.

такого человѣка должны быть хорошіе мозги... того, кто ихъ обманетъ, они хвалятъ и считаютъ мастерами. Поэтому какъ-то нѣсколько московскихъ купцовъ упрашивали голландца, обманувшаго ихъ въ торговлѣ на большую сумму, чтобы онъ вступилъ съ ними въ компанію и сталъ ихъ товарищемъ по торговлѣ", съ цѣлью научиться отъ него искусству обмана[1]). Этотъ поступокъ со стороны купечества былъ весьма удачнымъ шагомъ для улучшенія постановки своей торговли, потому что трудно остеречься обмана, когда неизвѣстна сама его система. Но, конечно, русскіе тутъ болѣе стремились не къ обезпеченію себя отъ обмановъ, а къ тому, чтобы обманывать другихъ.

Сами русскіе не разъ попадались въ ловушки, разставленныя иноземцами, особенно голландцами. Такъ, напримѣръ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ одинъ ярославецъ, желая продать свой мѣховой товаръ непосредственно въ Амстердамѣ, чтобы сохранить наиболѣе прибыли, отправился изъ Риги туда на кораблѣ, но долженъ былъ, не найдя покупателей, вернуться моремъ же въ Архангельскъ, гдѣ тотчасъ купили у него, даже по высокой цѣнѣ, весь товаръ тѣ самые голландцы, которые ѣхали вмѣстѣ съ нимъ изъ Амстердама, откровенно заявивъ, что они устроили стачку въ Амстердамѣ для того, чтобы русскіе не ѣздили туда и тѣмъ не отнимали у нихъ прибыли. Въ то же царствованіе ѣздилъ заграницу гость Наз. Чистой съ шелкомъ-сырцомъ, и иностранцы тоже нарочно не купили у него шелка, но, когда онъ вернулся съ нимъ въ Архангельскъ, купили его полностью[2]). И подобныхъ случаевъ отношенія иностранцевъ къ русскимъ было много, а это вело къ тому, что русскіе торговцы не могли жить за границей и именно вслѣдствіе главнымъ образомъ „нѣмечского завидѣнія и злобы, кою суть многи наши отвѣдали". Также несомнѣнно, что „инородны торговцы лехко насъ перехитряли и обмамляли нещадно во всяко время"[3]), и, не ошибаясь, можно сказать, что со стороны западныхъ европейцевъ было больше обмана въ торговлѣ, чѣмъ со стороны русскихъ. И русскимъ приходилось клинъ клиномъ выбивать! Торгуя съ иноземцами, они, благодаря своей большой воспріимчивости,

---

[1]) Олеарій, с. 181.

[2]) Акты Археогр. Эксп., IV, с.с. 19, 20.

[3]) Крижаничъ, „Рус. госуд.", № 1, с.с. 9, 8.

быстро перенимали ихъ торговыя сноровки, особенно если они касались обмана. Голландцы въ этомъ отношеніи были ихъ хорошими учителями, и это вліяніе голландцевъ замѣтилъ Коллинсъ, который нехорошо отзывался о русскихъ: они „вообще лукавы, не держатъ мирныхъ договоровъ, хитры, алчны, какъ волки и съ тѣхъ поръ, какъ начали вести торговлю съ голландцами, еще болѣе усовершенствовались въ коварствѣ и обманахъ“ [1]). Но, вѣроятно, русскіе скоро превзошли своихъ невольныхъ учителей, потому что въ 1660 г. царскій комиссаръ Иванъ Гебдонъ писалъ изъ Голландіи, что голландцы боятся обмановъ со стороны русскихъ, такъ какъ „во всякой русской товаръ такой оманъ, что стидно слышеть, не токмо видеть“, и голландцы даже жаловались на это своимъ властямъ [2]). Особенно характерную бытовую картину пріемовъ русской торговли въ самой Москвѣ дастъ Павелъ Алеппскій: „Въ большей части лавокъ есть маленькіе мальчики... при продажѣ они насъ надували хуже, чѣмъ ихъ старшіе... большинство этихъ мальчиковъ—невольники, турки и татары изъ тѣхъ, которыхъ берутъ въ плѣнъ донскіе казаки; мы узнавали ихъ по ихъ глазамъ, лицамъ и волосамъ... При покупкѣ мы часто одерживали верхъ надъ взрослыми людьми, но эти мальчики оставляли насъ въ дуракахъ, и мы были противъ нихъ безсильны. Одинъ еврей... говорилъ намъ..., что евреи превосходятъ всѣ народы хитростью и изворотливостью, но что московиты и ихъ превосходятъ и берутъ надъ ними верхъ въ хитрости и ловкости“ [3]). Вообще Стрюйсъ вѣрно выразился о русскихъ, что „обманъ въ

---

[1]) Чтенія, 1846 г., I, с. 38. Согласно переводу В. Семенковича, Коллинсъ былъ убѣжденъ, что „большинство русскихъ грубы, невѣжественны и безчестные люди, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которые цивилизовались, ведя торговлю съ иностранцами или путешествуя къ польскому двору“, и имъ „ничего не стоитъ нарушить договоръ, если только это имъ выгодно“ (Ламартиньеръ, „Путеш. въ сѣв. страны“, с.с. 166, 168). Объ этомъ же писалъ и Олеарій (с.с. 184, 185),

[2]) И. Я. Гурляндъ, „Иванъ Гебдонъ, комиссаріусъ и резидентъ (матеріалы)“, Ярославль, 1903 г., с. 73.

[3]) Павелъ Алеппскій, „Путешествіе антіох. патр. Макарія въ Россію въ полов. XVII в.“, М., 1896—1900 г.г. (отдѣльно и въ Чтеніяхъ, при чемъ II вып. въ Чт. 1897 г., IV, а III и IV вып. въ Чт. 1898 г., III и IV) вып. III, с. 45.

торговлѣ слыветъ у нихъ хитрой штукой и дѣломъ умнымъ" [1]). Того же мнѣнія былъ и Корбъ (1698 г.) [2]).

Понятно, что иностранцы не могли быть безпристрастны въ своихъ отзывахъ о характерѣ русскихъ. Часто, входя лишь во внѣшнее соприкосновеніе съ русскими, они получали неблагопріятное впечатлѣніе о нихъ по единичнымъ поступкамъ, свидѣтелями которыхъ они были. Болѣе сблизиться съ ними не позволяла національная и религіозная рознь. Сами русскіе не любили иностранцевъ, которые въ свою очередь называли „русскій народъ самымъ недовѣрчивымъ и подозрительнымъ въ мірѣ" [3]). Русская подозрительность рѣзко бросалась въ глаза путешественникамъ. По сообщенію Павла Алеппскаго, всѣ русскіе, отъ мала до велика, были коварны: „ни одному чужестранцу ни о какомъ предметѣ ничего не сообщаютъ ни хорошаго ни дурного, такъ что, когда нашъ владыка патріархъ спрашивалъ ихъ, отъ вельможъ и священниковъ до простолюдиновъ, о дѣлахъ царя, то никто изъ нихъ ничего не говорилъ, кромѣ слова «не знаемъ», какъ дѣти", и никто не смѣлъ разсказывать чужеземцамъ о государственныхъ и своихъ дѣлахъ [4]). Эту скрытность русскихъ подмѣтилъ и Рейтенфельсъ, который разсказываетъ, что иностранныхъ пословъ „посѣщаютъ почетные русскіе сановники, бесѣдуютъ о разныхъ предметахъ, и, если разговоръ коснется ихъ отечества, съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ въ хорошую сторону, но съ такимъ умѣніемъ, что возвратившіеся иностранцы по совѣсти не могутъ похвалиться знаніемъ настоящаго положенія дѣлъ въ Московіи" [5]).

Но, ознакомившись съ вышеприведенными нелестными отзывами иностранцевъ о русскихъ, было бы ошибочно думать, что

---

[1]) Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 40.

[2]) „Мы не можемъ вполнѣ надивиться всей испорченности нравовъ русскаго народа: ложь и клятвопреступленіе безнаказанны въ этомъ краѣ. Среди русскихъ всегда и вездѣ найдешь людей, готовыхъ лжесвидѣтельствовать; понятія москвитянъ тамъ и сямъ до того извращены, что искусство обманывать считается у нихъ признакомъ высокихъ умственныхъ способностей" (Чтенія, 1866 г., IV, с.с. 77—78).

[3]) Маржеретъ, „Сказ. совр. о Д. Самозв.", П., 1859 г., (изд. III, исправл.), I, с. 264.

[4]) Павелъ Алеппскій, вып. II, с.с. 199—200.

[5]) Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XXIII, 1839 г., с.с. 30—31.

ни одинъ путешественникъ не замѣтилъ положительныхъ качествъ великаго русскаго народа и не распространилъ понятія о части на цѣлое. Мы уже знаемъ, что Олеарій признавалъ за русскими умъ и смышленность. Рейтенфельсъ, который называетъ русскихъ льстивыми, подозрительными, трусливыми, жестокими, обманывающими, въ то же время указываетъ на безпримѣрную благотворительность русскихъ къ бѣднымъ, на твердость духа въ несчастіи, равнодушіе въ счастіи, на надежду во всемъ на Бога [1]). По „Описанію Московіи“ (1663—1664 г.г.), русскіе „хитры и не лишены ума“ и хотя „въ высшей степени вѣроломны“, но „не имѣютъ недостатка въ дарованіяхъ“ [2]). Особенно вѣрно подмѣтилъ русскія качества Вименъ да Ченеда (1657 г.): „русскіе нѣкоторые лживы, вороваты, но въ деревняхъ нѣтъ такихъ испорченныхъ нравовъ, какъ въ городахъ и среди богачей“ [3]). Но, очевидно, Кампензе (1523—1524 г.г.) преувеличивалъ, говоря, что „обмануть другъ друга почитается у нихъ ужаснымъ и гнуснымъ распутствомъ“ [4]).

[1]) Чтенія, 1906 г., III, с.с. 141—142.

[2]) Историческая Библіотека, учено-литер. журн., П., 1879 г., № 5, с.с. 13—14.

[3]) Отечествен. Зап., 1829 г., ч. 37, с. 230.

[4]) „Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи“, (В. Семенова), П., 1836 г., I, Кампензе, с. 34. Правительство вмѣстѣ съ духовенствомъ, дѣйствительно, принимало мѣры къ искорененію обмана и насажденію добрыхъ нравовъ. Въ 1564 г. Іоаннъ Грозный велѣлъ „по торгамъ кликати, чтобъ православніи христіанѣ от мала до велика именемъ Божіимъ во лжу не клялись и на криве креста не целовали и иными неподобными клятвами не клялись и матерны бы не лаялись и отцомь и матерью скверными рѣчами другъ друга не оупрѣкались и всякими бъ неподобными рѣчми скверными другъ друга не оукоряли и бородъ бы не брили и не обсѣкали и усовъ бы не подстригали“, къ волхвамъ не ходили и т. п. (М. Гл. Арх. Ин. Дѣлъ, портф. Малиновскаго 3, № 58). Но необходимость и привычка скверно ругаться и браниться до того вкоренились въ русскую натуру, что, по словамъ Олеарія (с. 187), несмотря даже на весьма строгія запрещенія и публичное немедленное тѣлесное наказаніе ругающихся, правительству не удалось вывести этого порока. Насаждая хорошіе нравы, правительство также обращало вниманіе на бани, и, напримѣръ, въ 1646 г. велѣно было, чтобы въ Нижнемъ Новгородѣ въ торговыхъ баняхъ мужики съ женками вмѣстѣ не парились, „а на Москвѣ і в ыных городѣх мужики и жонки парятца в особых банях, а не вмѣсте“ (Чтенія, 1907 г., I, Смѣсь, с.с. 30—31). О характеристикѣ русскаго народа по запискамъ иностранцамъ см. Е. Замысловскій, „Герберштейнъ и его

Торговыя операціи русскихъ вызывали справедливое удивленіе иностранцевъ. Русскому купцу при тяжелыхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ, вызываемыхъ московскою жизнью, приходилось всячески ухитряться, чтобы удачно вести свои дѣла. Олеарій слегка раскрываетъ намъ систему русской торговли: „Торговцы хитры и падки на наживу. Внутри страны они торгуютъ всевозможными необходимыми въ обыкновенной жизни товарами. Тѣ же, которые съ соизволенія его царскаго величества путешествуютъ по сосѣднимъ странамъ, какъ-то: по Лифляндіи, Швеціи, Польшѣ и Персіи, торгуютъ, большею частью, соболями и др. мѣхами, льномъ, коноплей и юфтью. Они обыкновенно покупаютъ у англійскихъ купцовъ, ведущихъ большой торгъ въ Москвѣ, сукно по 4 талера за локоть и перепродаютъ тотъ же локоть за $3^1/_2$ или 3 талера и все-таки не остаются безъ барыша. Дѣлается это такимъ образомъ: они за эту цѣну покупаютъ одинъ или нѣсколько кусковъ сукна съ тѣмъ, чтобы произвести расплату черезъ полгода или годъ, затѣмъ идутъ и продаютъ его лавочникамъ, вымѣривающимъ его по локтямъ, за наличныя деньги, которыя они потомъ помѣщаютъ въ другихъ товарахъ. Такимъ образомъ они могутъ съ теченіемъ времени съ барышомъ 3 раза и болѣе совершить оборотъ своими деньгами“ [1]).

историко-географическія извѣстія о Россіи“, П., 1884 г., с.с. 401—410 и др.; С. Середонинъ, „Сочиненіе Джильса Флетчера, какъ историческій источникъ“, П., 1891 г., с. 156 и слѣд.; В. Ключевскій, „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ госуд.“, с.с. 8—9 (Моск. Унив. Извѣстія, 1866 г., № 7).

[1]) Олеарій, с.с. 206—207. Если эти цифровыя данныя Олеарія взяты имъ изъ дѣйствительной жизни, а не приведены только какъ примѣрныя цифры, то отсюда можно прійти къ интереснымъ соображеніямъ о величинѣ *бытового процента* въ купеческомъ мірѣ въ I-й половинѣ XVII вѣка. Олеарій говоритъ, что купецъ бралъ товаръ въ кредитъ на годъ или на полгода за 4 рубля и продавалъ его, совершая первый оборотъ своего капитала, за 3 р. или $3^1/_2$ р.; значитъ, 3 р. и $3^1/_2$ р. была дѣйствительная цѣна товара, по мнѣнію торговыхъ людей, покупающихъ его отъ оперирующаго купца; остальная же сумма до 4 рублей, т. е. 1 р. или $^1/_2$ р., и составляла для купца тѣ процентныя деньги, которыя онъ долженъ былъ уплатить за свой кредитъ иностранцу; далѣе, если размѣръ этихъ процентныхъ денегъ (1 р. и $^1/_2$ р.) стоитъ въ соотвѣтствующей зависимости отъ годового и полугодового срока кредита, то слѣдуетъ, что купецъ съ 3 рублей капитала уплачивалъ въ годъ 1 р. процентныхъ денегъ, что составитъ всего 4 рубля; отсюда, произведя со-

Но приведенный Олеаріемъ примѣръ все-таки не вполнѣ объясняетъ слова Кильбургера, что „русскій тотъ товаръ, который онъ пріобрѣлъ на архангельской ярмаркѣ, тотчасъ опять имъ можетъ продать съ прибылью на наличныя деньги". По Олеарію, купецъ нѣкоторое время, а то и цѣлый годъ, производитъ обороты, выручая тѣмъ капиталъ, а по Кильбургеру, онъ „эти же заграничные товары тотчасъ такъ дешево продастъ опять нѣмцамъ", что тѣ везутъ ихъ безъ убытка обратно. Нѣмцамъ это казалось невѣроятнымъ, а между тѣмъ оно легко объясняется характеромъ русской торговли. Въ самомъ дѣлѣ, будучи хорошо знакомъ съ русскимъ внутреннимъ рынкомъ, а также пользуясь тѣмъ главнымъ своимъ преимуществомъ, что иностранцы были лишены возможности непосредственно стать въ сношенія съ русскимъ промышленникомъ, русскій купецъ, съ затратой наименьшаго капитала, накупивъ русскія произведенія страны, отправлялся къ иностранцамъ мѣнять ихъ на заграничные товары, при чемъ, зная истинную стоимость своего товара, цѣнилъ его гораздо выше заплаченной имъ суммы. Но такъ какъ иностранцы требовали много рус-

---

отвѣтствующія вычисленія, увидимъ, что купецъ бралъ въ кредитъ по 33¹/₃%; тотъ же размѣръ процента получимъ, если примемъ во вниманіе, что купецъ съ 3¹/₂ рублей уплачивалъ въ полгода ¹/₂ рубля процентныхъ денегъ, т. е. всего тоже 4 рубля. Итакъ, получился весьма большой процентъ—33¹/₂, который купецъ долженъ былъ заработать быстротой и удачностью своихъ оборотовъ, а кромѣ того, еще получить на всемъ прибыль для издержекъ на свою жизнь и улучшенія своего торговаго предпріятія. Это, конечно, заставляло купца быть изворотливымъ. Но величина процента не всегда была одинакова. Герберштейнъ сообщаетъ, что общепринятымъ процентомъ было 20%, но церкви брали меньше—10%; Флетчеръ даже приводитъ документъ объ обыкновенномъ ростѣ, „какъ ходитъ въ людехъ, на пять шестой", т. е. 20% (Герберштейнъ, с.с. 43, 96. Флетчеръ, с. 60). Намъ извѣстно, что ростовый приговоръ 1558 г. установилъ наивысшій процентъ именно въ 20%. Но голландцы, желая заинтересовать своимъ торговымъ благополучіемъ высшихъ придворныхъ лицъ, нарочно брали у нихъ деньги въ долгъ, платя по 25%, т. е. болѣе законнаго (Баусъ, 1583—1584 г.г., „Изв. англ. о Рос.", Чтенія, 1884 г, IV, с. 96). Судебныхъ 1589 г. (статья 23) и законъ 1626 г. подтвердили законный размѣръ процента въ 20%; но этотъ процентъ былъ для долгосрочныхъ займовъ, а краткосрочный заемъ (именно о немъ и говоритъ Олеарій) былъ тяжелѣе: по 48% и даже по 156% (М. Богословскій, „Кредитъ въ земскомъ хозяйствѣ въ XVII в."—въ «Сборникѣ статей, посвящ. В. О. Ключевскому», 1909 г., с.с. 40—42).

скаго товара, то взамѣнъ его въ свою очередь давали такъ много заграничнаго товара, что его нельзя было съ желательной выгодой продать русскому потребителю, который былъ въ общей своей массѣ экономически несостоятеленъ и невзыскателенъ въ жизни, довольствуясь небольшимъ. Оттого и въ Москвѣ можно было купить заграничные товары по такой же цѣнѣ и даже дешевле, какъ и въ Италіи, Франціи, Персіи и др. странахъ, т. е. предложеніе ихъ превышало спросъ [1]). Учитывая это, а также дороговизну перевозки, затрату труда и времени (при чемъ товаръ легко могъ даже залежаться) и вообще коммерческій рискъ, русскій купецъ, стремясь получить наибольшую выгоду, и совершалъ именно тотъ ловкій пріемъ, сути котораго никакъ не могли понять иностранцы. Именно онъ, не теряя времени, полученные въ промѣнъ заграничные дорогіе товары: шелкъ, стриженный бархатъ и пр., предлагалъ купить тѣмъ же иностранцамъ, отъ которыхъ ихъ только что вымѣнялъ, и при томъ по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ самъ ихъ принялъ; иностранцамъ былъ прямой смыслъ ихъ взять и снова промѣнять по высокой цѣнѣ другому русскому на нужныя имъ сырыя произведенія русской страны или же, если нѣтъ уже желающихъ, отвезти свои же товары, не терпя никакого убытка, домой и тамъ продать ихъ съ прибылью; они такъ и дѣлали; но, получая отъ русскаго свои же товары, иностранцы не могли дать за нихъ тѣхъ же заграничныхъ товаровъ, такъ какъ русскій потому и возвращалъ ихъ, что они ему не были нужны, при чемъ ради этого даже терпѣлъ для себя убытокъ, отдавая ихъ по меньшей цѣнѣ, что и изумляло иноземцевъ; такимъ образомъ, принимая обратно свой атласъ, бархатъ и прочее, заграничному купцу ничего другого не оставалось, какъ уплатить русскому деньгами, что именно и хотѣлъ русскій, потому что деньги для него представляли наиболѣе выгодное помѣщеніе своего капитала и давали ему возможность успѣшнѣе и гибче вести свои торговыя дѣла. И при всей этой длительной операціи русскій все-таки оставался въ выгодѣ, потому что онъ былъ въ состояніи играть на пониженіе до такой суммы, которая равнялась бы той, которую онъ затратилъ, запасаясь отечественными товарами, а такъ какъ онъ умѣлъ ихъ выгодно покупать, онъ могъ играть на большое

---

[1]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 132.

пониженіе, довольствуясь даже небольшой прибылью. Русскимъ приходилось пускаться на такія сложныя операціи для полученія денегъ, потому что иностранцы вели съ русскими „по большей части“ [1]) или „почти исключительно“ мѣновую торговлю [2]) и рѣдко и неохотно совершали денежныя сдѣлки, такъ какъ имъ это было невыгодно; кромѣ того, разъ иностранецъ прибылъ со своими заграничными товарами, ему было даже убыточно расплачиваться деньгами, такъ какъ онъ былъ бы принужденъ свои же товары отвозить обратно. И вотъ русскій поневолѣ долженъ былъ брать мало интересныя для него чужеземныя матеріи, но, продавая ихъ тутъ же тому же или другому иностранцу, силой обстоятельствъ заставлялъ заморскихъ купцовъ расплачиваться уже деньгами.

Такъ смышленный русскій купецъ, незамѣтно для иностранцевъ и противъ ихъ желанія, добивался посредствомъ хитрой торговой операціи того, что иноземцы ему платили за его товаръ деньгами. Вполнѣ вѣрно поэтому путешественники писали, что русскій человѣкъ отличается „самостоятельностью и упрямствомъ“ [3]), что купцы „весьма способны къ торговымъ дѣламъ и крайне искусны во всякаго рода хитростяхъ и обманахъ“ [4]) и „въ дѣлахъ торговыхъ хитры и оборотливы“ [5]). И это несмотря на то, что, какъ жаловались въ то время, „самыя аритметики и чисельныя умѣтели не учатся наши торговцы“ „и потому не умѣютъ разцѣнить таковыхъ прeторговъ, кои ся ведутъ на много сотъ тысучь“ [6]).

---

[1]) Даніилъ Принцъ, Чтенія, 1874 г., IV, с. 71.
[2]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 132.
[3]) Масса (1610 г.), „Сказанія Массы и Геркмана“, П., 1874 г., с. 259.
[4]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 134.
[5]) Лизекъ (1675 г.), Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 16, 1837 г., с. 381.
[6]) Крижаничъ (1661—1676 г.г.), „Рус. госуд.“, № 1, с.с. 8, 13.

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Къ главѣ I.

Вывозная русская торговля производилась главнымъ образомъ по речнымъ системамъ, благодаря дешевизнѣ и удобству водныхъ сообщеній. Значеніе Волги, Сѣверной и Западной Двины для внѣшней торговли Россіи было хорошо замѣчено и очерчено Мейербергомъ [1]). Кильбургеръ же даетъ намъ длинный перечень русскихъ товаровъ, которые вывозились за границу, вслѣдствіе ихъ изобилія въ Московскомъ государствѣ. Этотъ перечень распредѣленъ не по важности вывоза каждаго вида товаровъ, а по роду производства. Такъ цѣнность вывоза икры была меньше цѣнности вывоза юфти и мѣховъ, но тѣмъ не менѣе авторъ начинаетъ свой обзоръ именно съ икры.

Кавіаръ русскіе называли икрой и различали икру щучью, паюсную, осетрью свѣжую, осеннюю, линевую, севрюжью, стерляжью, сиговую, луконную, ряпушью, красную ряпушью, зернистую черную и др. [2]). Коллинсъ полагалъ, что икра, добываемая изъ

---

[1]) Такъ о Западной Двинѣ онъ писалъ, что „изъ Россіи и Литвы она отвозитъ твердые, сплавленные огнемъ куски еловой, вязовой и ивовой золы, на которую большое требованіе у суконщиковъ и мыловаровъ (поташъ), коровъ и кожи превосходной выдѣлки, пшеницу, смолу, коноплю, ленъ, медъ, сало и разные дорогіе мѣха; все это раздѣляется между пруссаками, шведами, датчанами и нѣмцами. А привозитъ рѣка Двина—соль, вино, цѣльные золотые серебрянные іоахимки (іоахимс-талеры) въ Литву и Москву, гдѣ нѣтъ никакихъ металловъ, кромѣ желѣза“. Въ такихъ же общихъ выраженіяхъ Мейербергъ говоритъ о Сѣверной Двинѣ и Волгѣ. (Чтенія, 1873 г., III, с. 32).

[2]) Временникъ Имп. М. О. И. и Др. Рос., VI, 1850 г., „Книги во весь годъ въ столъ ѣствы подавать“ (дополненіе къ Домострою благовѣщенскаго попа Сильвестра), с.с. 16, 18, 23, 31, 35.

волжскихъ осетровъ, „называется армянской, можетъ быть, потому что армяне ее первые приготовляли“ [1]). Икра добывалась въ большомъ количествѣ на Волгѣ изъ рыбъ: бѣлуги, осетра, севрюги и стерляди, и французскіе, нидерландскіе и отчасти англійскіе купцы отправляли много икры въ Италію и Испанію [2]). Особенно много икры шло въ Италію [3]), и ее итальянцы очень любили [4]).

Олеарій, который послужилъ Кильбургеру однимъ изъ источникомъ объ икрѣ [5]), сообщаетъ намъ о ней интересныя данныя: „Есть у нихъ весьма обыкновенная ѣда, которую они называютъ «икрой»; она приготовляется изъ икры большихъ рыбъ... Этой икры солится больше всего на Волгѣ у Астрахани; частью ее сушатъ на солнцѣ. Ею наполняютъ до 100 бочекъ и разсылаютъ ее затѣмъ въ другія земли, преимущественно въ Италію, гдѣ она

---

1) Чтенія, 1846 г., I, с. 40. Коллинсъ также сообщаетъ, какъ изъ молокъ бѣлугъ и осетровъ астраханцы дѣлаютъ икру: „Сначала кладутъ они молоки въ большую кучу соли, и когда они немного перебродятъ, ихъ прессуютъ и набиваютъ въ боченки. Есть еще сортъ икры, которую не прессуютъ, и оттого она болѣе тонкаго вкуса, но такая не сохраняется столь долго. Турки приготовляютъ икру изъ яицъ осетра, которыя черны, состоятъ изъ маленькихъ зернышекъ, липкихъ, какъ potargo. Русскіе называютъ это—«икра». Армяне, которые, я думаю, начали впервые приготовлять икру, дѣлаютъ ее еще другимъ способомъ. Начинаютъ съ того, что очищаютъ молоки и удаляютъ изъ нихъ все безполезное; потомъ ихъ солятъ и раскладываютъ на изогнутыхъ доскахъ, чтобы дать стечь съ нихъ наиболѣе жирнымъ и маслянистымъ частицамъ; послѣ того молоки складываютъ въ боченки, гдѣ ихъ прессуютъ, пока они не затвердѣютъ. Бѣлуга имѣетъ въ себѣ 150 штукъ молокъ и 200 пезановъ (pesant) по вѣсу яичекъ, что армяне называютъ «армянской икрой»“. (Ламартиньеръ, „Путеш. въ сѣв. страны“, прибавленіе, с.с. 159—160; это же извѣстіе Коллинса напечатано и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1841 г., № 9, с.с. 575—576).

2) Флетчеръ, с. 13.

3) Маржеретъ, „Сказ. совр. о Д. Самозв.“, I, 1859 г., с. 272.

4) „Описаніе Московіи при реляціяхъ гр. Карлейля“, Историческая Библіотека, 1879 г., № 5, с. 19. Спутникъ Карлейля и Лизекъ свидѣтельствуютъ, что русскіе умѣли приготовлять икру великолѣпно и весьма вкусно; при этомъ первый сообщаетъ, что русскіе ее ѣли съ салатомъ, перцемъ, лукомъ, масломъ и уксусомъ. Замѣтимъ, что еще не такъ давно икра, посылаемая къ намъ съ нашего Дальняго Востока, приходила уже испорченной, но когда были посланы туда для солки икры волжскіе спеціалисты, сибирская икра стала въ свѣжемъ видѣ въ большомъ количествѣ поступать въ европейскіе русскіе города.

5) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с. 23.

считается деликатесомъ и называется Caviaro. Имѣются люди, которые должны арендовать этотъ промыселъ у великаго князя за извѣстную сумму денегъ“ [1]). Но еще больше Кильбургеръ воспользовался извѣстіями Родеса по этому вопросу, при чемъ Родесъ пишетъ, что бочка вѣситъ 40—60 пудовъ [2]), а по Кильбургеру (по изданію Бишинга)—40—50 пудовъ. Что астраханская торговля икрой исключительно принадлежала царю, подтверждаетъ Коллинсъ [3]). „Отжатая тисками и сгущенная“, она нерѣдко вывозилась за границу и продавалась царемъ во всѣ страны съ громаднымъ барышомъ [4]). Въ 131 и 132 г.г. гость Надѣй Свѣтешниковъ покупалъ въ Астрахани на 24.000 рублей икры и продавалъ ее въ Архангельскѣ иноземцамъ, выручивъ за эти два года 28.000 р. „Да онъ же Надѣя впредь со 133 году сторговалъ у Архангельскаго города съ иноземцы той же икры на 6 лѣтъ, по 139 г., и у того икряного промыслу великому государю ево Надѣинымъ промысломъ и радѣніемъ въ тѣ 6 лѣтъ прибыли будетъ (зачеркнуто: «семдесятъ восемь тысячъ») многая“ [5]). Въ 166 г. слѣдовало взять за проданную казенную икру 25.707 соимковъ [6]). По словамъ Родеса, изъ Архангельска ежегодно вывозилось 20.000 пудовъ икры (по $1^1/_2$ рубля бочка) на сумму въ 30.000 рублей [7]). При Петрѣ I икра была отдана на откупъ одному голландцу за 80.000 рейхсталеровъ [8]).

---

1) Олеарій, с. 203.
2) Родесъ, с.с. 157 159, „Икра“.
3) Чтенія, 1846 г., I, с. 18.
4) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с.с. 154, 191.
5) „Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты“, в. II, 1913 г., с. 393.
6) Н. Гурляндъ, „Ив. Гебдонъ“, с. 50.
7) Родесъ, с. 165.
8) P. Marperger, „Moscowitischer Kauffmann“, Lübeck, 1723, S. 241 (первое изданіе 1705 г.). Корбъ (1698—1699 г.г.) тоже сообщаетъ, что въ его время одинъ голландецъ ежегодно платилъ въ казну за право вывоза икры 80.000 имперіаловъ, а имперіалъ, по словамъ того же Корба, при немъ стоилъ 50—55 коп. („Дневникъ поѣздки... введенный І. Г. Корбомъ“, пер. Женева и Семевскаго, П., 1866 г., с.с. 251, 252; пер. А. І. Маленна, 1906 г., с.с. 213, 214. Ключевскій неточно приравнивалъ имперіалъ къ рублю, почему у него и выходило, что голландецъ платилъ 80.000 рублей: „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“, М., 1866 г., с. 145, отд. и въ Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1866 г., № 8). Рейхсталеръ стоилъ столько же.

Особенно много икры шло въ Италію. Какъ сильно интересовались итальянцы русской икрой, видно изъ обзора тѣхъ переговоровъ, какіе они вели по этому вопросу съ русскимъ правительствомъ. Въ 1654 г. флорентійскій герцогъ предлагалъ Россіи вступить съ нимъ въ торговлю съ цѣлью получить икру. Спустя 2 года герцогъ даже просилъ отдать икряной промыселъ его подданнымъ на 5 лѣтъ. Такая же просьба была повторена въ 1658 г., и, наконецъ, въ 1659 г. русскіе послы объявили герцогу, что царь дозволяетъ его подданнымъ торговать не только въ Архангельскѣ, какъ просилъ герцогъ, но и пріѣзжать въ Москву со всякими товарами; что икряной промыселъ позволено отдать флорентійскимъ промышленникамъ, но съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ явился въ Москву. Въ 1667 году герцогъ просилъ дозволить ливорнскимъ купцамъ взять въ Россіи икряной промыселъ на откупъ на 12 лѣтъ [1]). Въ этомъ же 1667 году посолъ Потемкинъ объяснялъ въ Испаніи, что „тотъ корабль, на которомъ мы ѣхали, по вся годы ходитъ съ арменской икрой отъ Архангельскаго города въ Италію, для того мы на немъ и шли въ Кадиксъ... тоя арменская икры многія тысячи приходитъ великаго государя нашего... изъ Астраханскаго великаго царства въ великихъ насадѣхъ Волгой рѣкой... по тысячѣ человѣкъ и больше на тѣхъ судахъ людей бываетъ“ [2]).

Кильбургеръ сообщаетъ, что отъ Ярославля до Вологды икру везли сухопутьемъ 46 миль; въ главѣ же II, ч. IV (с. 164) онъ пишетъ, что отъ Москвы до Вологды сушей 40 миль. Самъ авторъ по этой дорогѣ не ѣхалъ, а потому это опредѣленіе разстоянія долженъ былъ взять изъ второстепеннаго источника. По даннымъ же „Большого Чертежа“, „отъ Ярославля до Вологды 200 верстъ“ [3]), т. е. менѣе указаннаго Кильбургеромъ, считая въ милѣ—5 верстъ.

Ярославль и Вологда были тогда двумя очень важными городами по торговлѣ. Кильбургеръ даетъ Ярославлю эпитетъ „знаменитаго“ (berühmte), и Родесъ говоритъ, что „это есть одинъ изъ наиважнѣйшихъ торговыхъ городовъ, который имѣетъ

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній“, II, с.с. 245—247.
[2]) Вивліоѳика, изд. II, 1788—1791 г.г., ч. IV, с. 381.
[3]) „Книга, глаг. Б. Чертежъ“, изд. Гр. И. Спасскій, М., 1846 г., с. 200.

послѣ Москвы, по сравненію со всѣми другими городами, большой привозъ, какъ сушей, такъ и водой вверхъ по Волгѣ“ [1]). Но еще въ половинѣ XVI в. Ярославль казался Ченслеру „очень большимъ городомъ“ [2]); въ немъ, по словамъ уже позднѣйшаго путешественника въ Смуту, „ведется значительная торговля разными товарами“, такъ какъ онъ лежалъ по пути въ Архангельскъ [3]). Вологда тоже славилась въ XVI в. Въ серединѣ этого столѣтія здѣсь торговали саломъ, воскомъ, льномъ, но все-таки не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ Новгородѣ [4]). Вологда была въ то время большимъ, длиннымъ и обширнымъ городомъ, въ которомъ жило много богатыхъ купцовъ, перевозившихъ сюда соль отъ моря; здѣсь тогда производилась „большая торговля“ [5]), а по отзыву нидерландскихъ пословъ 1630—1631 г.г., этотъ городъ былъ „одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ торговыхъ центровъ Россіи“ [6]).

Семга, по извѣстіямъ Кильбургера, ловилась на р.р. Колѣ, С. Двинѣ и Мезени, при чемъ тони, бывшія „выше“ Архангельска и Холмогоръ [7]), а также на Мезени, не находились въ арендѣ. Кольскія же тони были издавна на откупу, и еще въ 1618 г., когда шведы просили, чтобы имъ „волно было торговати въ Усть-Колѣ и въ Сиверскихъ странахъ и подлѣ Усть-Колы рыба ловить въ Сѣверскомъ морѣ“, имъ въ этомъ отказали, заявивъ: „А рыбныя ловли въ Сиверскомъ морѣ въ откупу и на оброкѣ у торговыхъ людей и у рыбныхъ ловцовъ“ [8]). Соловецкій монастырь, вла-

---

1) Родесъ, с. 201.

2) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Россіи“, с. 2.

3) Петрей, Чтенія, 1865 г., IV. с. 40.

4) Ченслеръ, Чтенія, „Изв. англ. о Россіи“, 1884 г., IV, с. 2.

5) Дженкинсонъ (1557 г.), Рандольфъ (1568—1569 г.г.), Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос.“, с.с. 31, 93.

6) Отчетъ Бурха и Фелтдриля въ Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ., т. 116, с. 24.

7) Холмогоры, согласно Родесу (с. 189), а вслѣдъ за нимъ и Кильбургеру (с. 114, п. 6), отстояли отъ Архангельска на 12 миль, т. е. 60 верстъ.

8) К. И. Якубовъ, „Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII в. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ и Шведскаго Госуд. Арх. и касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 г.г.“ (Чтенія, 1897 г., III, IV, 1898 г., I, и отд.), с. 91.

дѣвшій, по Кильбургеру, этими тонями, былъ при немъ еще осажденъ, потому что этотъ монастырь, поднявъ въ 1668 г. возстаніе, былъ „взятъ взятіемъ“ только въ 1676 г. [1]).

Семга, ловимая на этихъ тоняхъ, продавалась бочками, при чемъ „семги кольскія, по-нѣмецки соленою, входитъ въ бочку по 20 семогъ“. Ее отправляли въ Брабантъ, Голландію, Францію, а въ Испанію „не возили за тѣмъ, что тепло, развѣ на гостинцы отъ немного“ [2]).

Самъ Архангельскъ славился богатствомъ рыбы, на что обращали вниманіе иностранцы. Койэтъ, описавшій посольство Кленка, писалъ, что въ этотъ городъ „на ряду съ большой массой говядины привозятся окуни въ $1^1/_2$ фунта величиной, прекрасная лососина, которая, соленая или копченая, въ большомъ изобиліи вывозится въ Голландію и другія мѣста“. Нѣкоторые изъ свиты Кленка на обратномъ пути въ Голландію купили въ Архангельскѣ семгу по 10 стейферовъ (1 стейф. = 1 коп.) [3]). Наличность въ Архангельскѣ большого количества рыбы подтверждаетъ и путешественникъ начала XVIII в. Корнилій де Бруинъ, по словамъ котораго, „вся эта рыба ловится въ 4 часахъ отъ города, въ заливѣ, образуемомъ рѣкой, гдѣ вода спокойная, стоячая“; въ его время архангельскіе лососи, соленые и копченые, шли за границу [4]).

Треска различалась: сушеная на вѣшалахъ и камняхъ, а также соленая (безъ головы) въ стопахъ и бочкахъ [5]).

Жемчугъ въ Россіи употреблялся болѣе, нежели во всей Европѣ [6]). Имъ украшались весьма богато и густо платья, кафтаны

---

[1]) Двинская лѣтопись, изд. Титова, 1889 г., с.с. 30, 35. Также и посольство Кленка прибыло въ 1675 г. въ Бѣлое море во время этой осады, и только впослѣдствіи голландскіе послы узнали, что „Соловки“ сдались („Посольство К. фанъ-Кленка“, с. 289).

[2]) Торговая книга, Записки Отдѣл. рус. и славянской археологіи Имп. Археологич. Общества, I, II., 1851 г., с. 135, гл. 216. Временникъ, VIII, с. 3.

[3]) „Посольство К. фанъ-Кленка“, с.с. 313, 568.

[4]) Чтенія, 1872 г., I, с. 28.

[5]) Торговая книга, Зап. Отд. рус. и слав. археол. Имп. Археол. Общ., I, II., 1851 г., с. 135. Временникъ, VIII, с. 3.

[6]) Маржеретъ, „Сказ. совр. о Д. Самозв.“, I, 1859 г., с. 273.

по краямъ, сапоги мужскіе и женскіе, шапки, головныя женскія лѣтнія покрывала, ожерелья на шеѣ и запястья на рукахъ [1]). Для этого употреблялся жемчугъ привозной, восточный (крупный) и русскій. Русскіе его собирали на Варзугѣ, и такой жемчугъ сборовъ 163—165 г.г. былъ и у Никона [2]). Бруину „сказывали также, что въ рѣкахъ — Колѣ, Варзугѣ (Warsigha), Ваймугѣ (Wusma) и Солзѣ (Solia) находятся раковины, въ которыхъ есть достаточно и жемчуга. Есть такія, которыя стоятъ по 25 гульденовъ жемчужина и вдвое болѣе этого, особенно въ окрестностяхъ Омфала (de plaets Ombacy)" [3]).

Мѣха въ изобиліи добывались въ Россіи. Въ лѣсахъ Европейской Россіи водилось много дикихъ звѣрей, а еще болѣе ихъ было въ Сибири. Шкурками ихъ русскіе вели „обширную торговлю" [4]), и въ нихъ не было недостатка для предохраненія отъ холода [5]). Но мѣха, добываемые въ Европейской Россіи (при чемъ въ половинѣ XVII в. ихъ больше всего добывалось въ казанской области), были плохими, такъ что даже не могли итти въ сравненіе съ сибирскими; соболь же даже и не ловился тутъ, а въ Сибири, откуда и шла лучшая и бóльшая часть мѣховъ [6]). Однимъ изъ мѣховыхъ центровъ этой пушной торговли былъ „знамени-

---

1) Неизв. англич., Чтенія, 1884 г., IV, с. 21. Флетчеръ, с.с. 125—127. Babкочъ, Чтенія, 1874 г., IV, с.с. 20—21. Таннеръ, Чтенія, 1891 г., III, с. 102.

2) „Переписная кн. дом. казны патр. Никона", Времен., XV, с. 28.

3) Чтенія, 1872 г., I, с. 30. Объ извѣстіяхъ Герберштейна о привозѣ въ Москву съ Двины и Югріи жемчуга—Е. Замысловскій, „Герберштейнъ и его ист.-геогр. изв. о Р.", с. 314.

4) Олеарій, с.с. 163—164: „Лѣса также богаты разными дикими животными, за исключеніемъ оленей, которыхъ или совсѣмъ нѣтъ, или, какъ другіе говорятъ, удается видѣть рѣдко. Лосей, барановъ, зайцевъ большое изобиліе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, здѣсь и во всей Лифляндіи, зайцы лѣтомъ обычнаго сѣраго цвѣта, а зимой бѣлоснѣжной окраски... На ряду съ этой хорошей дичью также много хищныхъ и нечистыхъ животныхъ, какъ-то: медвѣдей, волковъ, рысей и тигровъ, лисицъ, соболей и куницъ, шкурками которыхъ русскіе ведутъ обширную торговлю". Общій очеркъ „Торговли пушнымъ товаромъ въ XVII в.", Н. Ф. Яницкаго въ Унив. Извѣстіяхъ, Кіевъ, 1912 г., № 9 или въ Сборникѣ статей Ист.-Этногр. Кружка, Кіевъ, 1913 г., вып. I. О цѣнахъ на мѣха въ 1652 г. въ Москвѣ см. Родесъ, с.с. 117—118.

5) „Опис. Московіи...", Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 10.

6) Родесъ, с. 161.

тый и торговый городъ“ Устюгъ, въ которомъ въ сентябрѣ и октябрѣ бойко торговали мѣхами, такъ какъ тогда пріѣзжали туда изъ Сибири и Перми русскіе купцы со своими пушными товарами [1]). Русская мѣховая торговля особенно развилась въ XVI и XVII в.в. Первоначально мѣха, продаваемые, какъ украшенія, европейцамъ и другимъ народамъ, были дешевы, но уже при Іовіѣ (1525 г.), вслѣдствіе усиленнаго спроса на нихъ въ Европѣ, они весьма вздорожали [2]). Флетчеръ передаетъ, какъ слухъ, что нѣсколько лѣтъ до него восточные и западные купцы вывезли изъ Россіи мѣховъ на 400 или 500 тысячъ рублей [3]). Въ половинѣ же XVII в. ежегодный вывозъ мѣховъ изъ Архангельска опредѣлялся Родесомъ почти въ 100.000 рублей [4]).

Соболи цѣнились высоко европейцами, такъ что русскіе могли имъ продавать ихъ съ прибылью въ 150% [5]). „Служа для женской роскоши, писалъ путешественникъ 1698 г., эти мѣха иногда имѣютъ огромную цѣнность въ Европѣ“ [6]). Особенно цѣнились цѣльныя соболиныя шкурки, которыя за границей дамы носили на шеѣ [7]). Цѣна соболей зависѣла отъ качества мѣха [8]).

---

[1]) Отчетъ Бурха и Фелтдриля 1630—1631 г.г., Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. 116, с. 23.

[2]) „Библіотека иностр. пис. о Россіи“, I, П., 1836 г., с. 49.

[3]) Флетчеръ, с. 12. Критика С. Середонинымъ „Сочиненія Джильса Флетчера, какъ историческаго источника“, П., 1891 г.. с. 209.

[4]) Родесъ, с. 165.

[5]) Торговая книга, Зап. Отд. р. и слав. археологіи Имп. Арх. Общ., I, с. 133. Временникъ, VIII, с. 5.

[6]) Корбъ, с. 225.

[7]) Торговая книга, с. 133.

[8]) „Переписная книга домовой казны патр. Никона“ (Временникъ, XV, с. 54—55) упоминаетъ такія цѣны сороковъ соболей съ хвостами: 300, 180, 100 р., а сороки соболей безъ хвостовъ по 18, 17, 15, 13 р. Павелъ Алеппскій (в. III, с.с. 37—38, 63—64) сообщаетъ, что его спутникамъ выдали изъ русской казны сорокъ соболей по 50, 40, 30 и 20 р., а служители ихъ получили по 2 пары соболей, стоимостью болѣе 4 р.; „самый цѣнный соболь стоитъ 100 динаровъ и идетъ для царя; пониже достоинствомъ имѣютъ соотвѣтственную цѣну... Самый низкій сорокъ стоитъ сорокъ („пятьдесятъ“ въ англ. переводѣ) динаровъ, самый лучшій сто, двѣсти и пятьсотъ; таковой принадлежитъ царю и не выпускается изъ казны его, но виситъ передъ нимъ постоянно. Впрочемъ черезъ нѣсколько лѣтъ его вывозятъ на продажу, ибо свойство его таково, что онъ еже-

Лучшіе соболи находились, по словамъ еще Герберштейна, около Печоры, но къ западу отъ Устюга и Двинской области ихъ было весьма мало. Торговая книга тоже говоритъ о „соболяхъ, кои въ Перми сорокъ по 10 рублей, на Мурманскомъ продати сорокъ въ 25 рублей“ [1]), но неизвѣстно, упоминается ли тутъ Пермь, какъ мѣсто только скупки товаровъ или же какъ мѣстопребыванія соболей. Во всякомъ случаѣ, если въ XVI в. Сѣверное Пріуралье было важнѣйшимъ мѣстомъ добычи лучшаго соболя, въ XVII в. Сибирь была главной поставщицей наилучшихъ соболей. Поэтому слова путешественника конца XVII вѣка Корба, что лучшіе соболи идутъ изъ Печорской области, слѣдуетъ считать лишь непровѣреннымъ повтореніемъ сообщенія Герберштейна, потерявшаго уже свою достовѣрность для этой эпохи [2]).

Мѣха, въ частности соболь, требовали за собой большого ухода. Павелъ Алеппскій разсказываетъ, что, когда онъ отдавалъ русскимъ мастерамъ соболей, „на каждую лапку соболя накладывали печать и дѣлали надпись по краямъ на задней сторонѣ, чтобы нельзя было украсть его и убавить что-нибудь отъ его ширины, а печать, чтобы не подмѣнили, т. е., взявъ хорошую пару соболей, не положили бы на мѣсто ея плохую. Эту хитрость придумали греческіе купцы, ибо большинство здѣшнихъ мастеровъ— люди лукавые. Чтобы сдѣлать надписи и приложить печати на шкуркахъ, мы развязывали каждый сорокъ, который былъ связанъ и отдавали шкурки по счету мастерамъ, чтобы они... вырвали щипцами бѣлые волоски“, смочили, разгладили, растянули и

годно теряетъ въ цѣнности“, превращаясь изъ чернаго въ красный, т. е. худшій. Кленку были выданы изъ казны подаркомъ сорокн соболей въ 500, 400, 300, 150, 130, 120, 110, 100, 99, 85, 80, 75, 70 и 22⁴/₅ р.; свита же получила соболи парами по 12, 7, 5 и 4 р. пара („Посольство К. ф.-Кленка“, с. 514, прим. 8). Котошихинъ опредѣляетъ стоимость соболей болѣе типично; по настоящей казенной цѣнѣ бывали сороки по 300. 250, 150, 80, 50, 40, 30 р., а пары соболей по 20, 15, 7, 5 и 3 р. (изд. III, гл. V, статья 12). Однако только изслѣдованіе богатѣйшаго архивнаго матеріала дастъ возможность изучить исторію мѣховыхъ цѣнъ, которыя отличались замѣчательнымъ разнообразіемъ; такъ въ 1649 г. казна продавали у Архангельска соболей, оцѣненныхъ ею каждый сорокъ по 15, 23, 25, 27, 33 р. и т. д. до 290 р. (Моск Арх. Мин. Юстиціи, Сиб. пр., столбецъ 151, л.л 313—316).

[1]) Торг. книга, Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. Общ., I, с. 133.

[2]) Корбъ, с. 225. Герберштейнъ, с. 95.

подобрали, „отсчитывая по сороку. За каждый сорокъ мастера получаютъ по динару. Каждые десять сороковъ соединяютъ вмѣстѣ и называютъ «коробьею». Оцѣниваютъ въ ней каждый сорокъ отдѣльно и ставятъ на нихъ нумера отъ одного до десяти: первый «башъ», т. е. голова, второй ниже и т. д. до конца. Послѣ этого мы складывали каждые два сорока въ мѣшки очень плотно, съ большимъ трудомъ и стараніемъ, какъ это принято“ для предохраненія отъ пыли и жары. Въ этомъ же году (1656 г.) царь позволилъ продать имъ самый лучшій сорокъ, какой только нашли, по сибирской цѣнѣ за 480 динаровъ, а динаръ, по словамъ П. Алеппскаго, то же, что и рубль [1]). Каждый сорокъ соболей помѣщался въ „мешечкѣ выбойчатомъ“ [2]). Когда І. Грозный посылалъ своихъ пословъ къ герм. имп. Максимиліану, то нѣмцы сохранили намъ раскрашенныя изображенія этого посольства, откуда видимъ, какъ послы подносятъ въ мѣшкахъ по сороку и парѣ соболей [3]).

Соболей русскіе считали сороками, парами и штуками. Герберштейнъ писалъ о русскихъ, что „способомъ счета они пользуются такимъ, что считаютъ и дѣлятъ всѣ предметы по сорока или девяноста (Sorogk aut Devuenosto), т. е. или по сороковому или девяностому числу, такъ же, какъ мы по сотнямъ... сорокъ на ихъ языкѣ соотвѣтствуетъ латинскому quadraginta... девяносто на ихъ языкѣ — nonaginta“ [4]). Но счетъ для мѣховъ по девяноста намъ неизвѣстенъ. „Сорокъ“ же соболей означало, что вмѣстѣ положено 40 соболиныхъ шкурокъ [5]). Пара соболиныхъ

---

[1]) П. Алеппскій, в. IV, с. 159.

[2]) С. Кологривовъ, „Матеріалы для ист. сношеній Россіи съ иностр. державами въ XVII в.“, П., 1911 г., с. 137.

[3]) Русскія Древности, подъ ред. В. Прохорова, кн. I, П., 1802 г.

[4]) Герберштейнъ, с. 90.

[5]) Что „сорокъ“ слѣдуетъ понимать въ прямомъ смыслѣ, а не въ переносномъ, т. е. какъ извѣстную мѣру, въ которой могло и не входить 40 шкурокъ, видно изъ того, что русскіе фанъ-деръ Гейдену, ѣздившему въ 1615 г. въ Москву, „подарили тюкъ или связку изъ 40 соболиныхъ шкуръ“ (verret met een tymber ofte buszel sabelen van veertich vellen) (Донесенія нидерл. пословъ, бывшихъ въ Россіи и Швеціи въ 1615 и 1616 г.г. Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. XXIV, с. 147). Этотъ тюкъ и есть сорокъ (Zimmer по-нѣм., Timmer по-гол.), который заключалъ въ себѣ 40 единицъ, подобно тому, какъ „десятокъ“ (декеръ) — 10 (См. Л. Х. Штида, „О различныхъ именахъ сортовъ мѣховъ въ ганзейское время“, Труды Арх. Съѣзда въ Вильнѣ, т. II, с. 45). Въ многочисленныхъ архивныхъ докумен-

хребтовъ составляла „четь“, а $2^1/_2$ сорока—полный мѣхъ [1]). Рѣдкіе экземпляры соболей продавались поштучно по весьма высокимъ цѣнамъ.

Кромѣ соболей, сороками авторъ Торговой книги считаетъ куницъ, норокъ земныхъ, отчасти кошекъ; десятками—песцовъ бѣлыхъ, выдръ и зайцевъ бѣлыхъ; сотнями—горностаевъ и лисицъ; тысячами—бѣлокъ и шевеней, а остальные мѣха—штуками [2]).

Горностаи имѣли „какіе-то знаки вокругъ головы и хвоста“, по которымъ можно было узнать, своевременно ли они пойманы, а поэтому русскіе, желая обмануть, вырывали волосинки; самыя же шкурки выворачивались мѣхомъ внутрь, чтобы волосъ не вытерся [3]).

Бѣлка при Герберштейнѣ привозилась связками по 10 штукъ, куда входила часть хорошихъ, а часть плохихъ, изъ Перми, Вятки, Устюга и Вологды, но наибольшія—изъ Сибири, а наилучшія—„недалеко оть Казани“ [4]). Въ 1623 г. велѣно Казанскому дворцу ежегодно покупать въ городахъ, принадлежащихъ его вѣдѣнію, на посольскіе отпуски и расходы 160.000 „бѣлки чистыя“, но Казанскій дворецъ въ слѣдующемъ году прислалъ всего 95.863 бѣлки; ему тогда было приказано добрать недохватъ, и на другіе годы присылать въ Казенный приказъ сполна 160 т. бѣлокъ [5]).

такъ XVII в. видимъ такое же соотношеніе. Напримѣръ, въ 184 г. В. Терентьевъ, собирая въ Дауріи ясакъ, бралъ у ясашныхъ людей послѣдовательно: 2 сорока 17 соболей + 17 соб. + 20 соб. + 67 соб. и „ту ясашную казну въ острогъ (Албазинскій) препроводилъ пять сороковъ два соболя“, т. е. подсчетъ соболей лишь на 1 соболь не сходится, если бы мы сами подвели итогъ этому ясаку — 201 соболь (Моск. Гл. Арх. Иностр. Дѣлъ, портфель Баснина, IX).

[1]) П. Алеппскій, в. III, с. 63. Въ англійскомъ переводѣ этого сочиненія читаемъ: „Спинка—самая лучшая часть соболя и очень дорога, нижняя же часть мѣха, покрывающая брюхо, продается дешево. Складываютъ по двѣ спинки вмѣстѣ и называютъ ихъ «четь»“. Этого мѣста нѣтъ въ арабской рукописи, съ которой сдѣлалъ переводъ Г. Муркосъ, и въ которой дальше слѣдуетъ: „Каждыя сорокъ спинокъ, составляющія двадцать паръ (въ анг. перев. «четь»), называется сороками, а каждые два съ половиной сорока образуютъ полный мѣхъ“.

[2]) Торг. кн., Зап. Отд. р. и сл. арх. Имп. Арх. Общ., I, с.с. 132—133. Временникъ, VIII, с.с. 4—5.

[3]) Герберштейнъ, с. 95.

[4]) Герберштейнъ, с. 95.

[5]) „Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты“, в. II, 1913 г., с. 371.

При Павлѣ Алеппскомъ мѣхъ сибирскихъ бѣлокъ стоилъ динаровъ 20 и болѣе, а мастера брали за дубленіе каждой тысячи по 4 динара[1]). Въ бѣличьемъ мѣху могло быть разное количество шкурокъ, напримѣръ, „въ мѣху 1.060 бѣлокъ“ [2]).

Лисицы, главнымъ образомъ черныя, шли для изготовленія шапокъ. Какъ и самый лучшій соболь, такъ и „черная лисица, пишетъ П. Алеппскій, никогда не вывозятся въ другія страны, и никто не смѣетъ торговать ими... говорятъ, что цѣна каждой лисицы высокаго сорта полтораста динаровъ (рублей) въ своей странѣ (въ Сибири) а здѣсь (въ Москвѣ) она стоитъ вдвое дороже. Для цѣльнаго мѣха требуется 30 шкурокъ лисицы, чтобы вышла полная шуба, такъ какъ шкурки ея велики“ [3]). Лисьи хвосты во множествѣ украшали зимой лошадиную упряжь, и это было самымъ роскошнымъ украшеніемъ бояръ и царя[4]).

Россомаха употреблялась русскими длл производства шапокъ и рукавицъ, и ея шкурка сохранялась долго[5]).

Волки уже при Герберштейнѣ продавались дорого. Изъ Россіи ихъ вывозили за границу, и во времена Торговой книги считалось выгоднымъ „волка продати на Мурманскомъ по 3 ефимка, а въ Брабанѣхъ ихъ купятъ по 8 ефимковъ“ [6]).

Кошки, согласно той же Торговой книгѣ, отвозились въ Брабантъ, Францію и Италію[7]).

Перевозчики извѣстны были и Коллинсу, долго прожившему въ Россіи. Въ степяхъ „Полуденной Сибири, писалъ онъ, есть звѣрь, называемый Перевозчикъ (Perivoshick); мѣхъ его желтобурый съ бѣлыми и черными оттѣнками, очень красивъ въ шубахъ, но мало здѣсь употребляется, потому что волосъ его коротокъ, и онъ

---

1) П. Алеппскій, в. IV, с. 160.
2) Забѣлинъ, „Домашній бытъ русскихъ царицъ“, М., 1901 г., с. 617.
3) П. Алеппскій, в. III, с. 66.
4) Дженкинсонъ, Чтенія, 1884 г., IV, с. 36. Олеарій, с. 55.
5) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 189.
6) Торг. кн., Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. Общ., I, с. 132 Временникъ, VIII, с. 5.
7) Тамъ же.

мало согрѣваетъ; эти звѣри, какъ говорятъ, перевозятъ бѣлокъ и горностаевъ черезъ рѣки и потому называются перевозчиками... Русскіе говорятъ, что перевозчики имѣютъ страсть перевозить другихъ животныхъ. Этого я никогда не слыхалъ отъ очевидца“ [1]). Олеарій упоминаетъ о странныхъ полевыхъ мышахъ на Кавказѣ, особенно вокругъ г. Терокъ, похожихъ на хомяковъ въ Саксоніи, ок. Магдебурга [2]). Это, очевидно, сурки, которыхъ при Батыѣ татары ловили въ большомъ количествѣ, такъ какъ ихъ много водилось въ странѣ [3]).

Выхухоли имѣютъ хвостъ, издающій сильный мускусный запахъ, что происходитъ отъ мѣшечковъ съ пахучей жидкостью, которые находятся у выхухоля подъ хвостомъ. Моль не выноситъ этого запаха, и оттого русскіе, оберегая мѣха отъ порчи, клали среди нихъ выхухоль.

Количество мѣховъ, характеризующее вывозъ изъ Архангельска, заимствовано Кильбургеромъ у Родеса. Таблица Кильбургера (по изданію Бишинга) отличается отъ Родеса ошибками въ цифрахъ (въ количествѣ куницъ, норокъ, собольихъ хвостовъ, пупковъ и кончиковъ, а особенно кошекъ). Кромѣ того, Кильбургеръ даетъ только количество мѣховъ, опуская ихъ цѣны и общую стоимость [4]).

Юфти, по даннымъ Родеса, черезъ Архангельскъ въ одинъ годъ прошло: „75.000 свертковъ юфти, составляющихъ 225.000 паръ, а свертокъ, вѣсомъ $1^1/_4$ пуда, по $3^1/_2$ руб. — 335.125“ [5]). Между тѣмъ у Кильбургера вѣсъ свертка ошибочно обозначенъ въ $1^1/_2$ пуда (1 und einen halben) [6]). Все остальное, что говоритъ

---

1) Чтенія, 1846 г., I, с. 26.

2) Олеарій, с. 514.

3) Рубрукъ (1253 г.), „Путеш. въ восточныя страны“, введ., пер. и примѣч. А. І. Малеина (вмѣстѣ съ соч. Плано Карпини — „Ист. монголовъ“), II, 1911 г., с. 75.

4) Родесъ, с.с. 163, 165.

5) Родесъ, с. 165.

6) Для начала XVIII в. Юстъ Юль сообщаетъ (1711 г.) намъ цѣну юфти и систему ея счета: „Юфть, тюкъ въ 20 свертковъ,—10 гривенъ, а полтюка—7 гривенъ, будетъ ли (ея) меньше (полтюка) или больше.

NB. Все, что свыше 12 свертковъ, должно считаться за цѣлый тюкъ, остальное за полтюка“. (Чтенія, 1899 г., III, с. 314).

Кильбургеръ объ этомъ товарѣ, также цѣликомъ взято у Родеса, и при томъ почти безъ всякаго измѣненія текста[1]). Новостью для насъ является у Кильбургера лишь слова: „но теперь вывозится (юфти) еще болѣе".

Россія славилась выдѣлкой кожъ, и, по словамъ автора „Описанія Московіи", „это есть вещь, столь извѣстная повсюду, что я не считаю нужнымъ о ней говорить" [2]). Изъ свидѣтельства Родеса видимъ, что многія области Россіи занимались этимъ производствомъ. При Хуанѣ Персидскомъ (1599—1600 г.) въ „многолюдномъ" Муромѣ главнымъ промысломъ было дубленіе кожъ [3]). Въ Суздалѣ тоже были кожевники, которые въ 1620 г. даже жаловались на грабежъ кожъ со стороны своего архіепископа [4]). Въ 1653 г. купцы Фохелааръ (Фоглеръ) и Кленкъ имѣли монополію на юфть [5]). Но Крижаничъ не довольствовался тѣмъ, что въ Россіи „дѣлаютъ юхти" („что уже есть заведено"), и совѣтовалъ научиться отъ иностранцевъ также выдѣлывать лосиныя и оленьи кожи, красить бѣлыя овечьи кожи въ красный, зеленый и синій цвѣта, и тогда кожи пріобрѣли бы бо̀льшую цѣнность, „да дворяномъ нѣсть стыдно изъ нихъ носить шубъ"; также ихъ тогда можно было бы продавать иностранцамъ, калмыкамъ, литовцамъ, и др.; слѣдовало бы и умѣть красить бѣлыхъ сибирскихъ песцовъ въ желтый, зеленый и синій цвѣта, а отъ персовъ научиться дѣлать сафьяны и пр.[6]).

Пенька, какъ терминъ, неизвѣстенъ Торговой книгѣ, но она употребляетъ слово „конопля трепаная, головы чесаны"; эта же

[1]) Родесъ, с.с. 167, 169.

[2]) „Описаніе Московіи при реляціяхъ гр. Карлейля" (1663—1664 г.г.), Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 10.

[3]) Чтенія, 1899 г., I, с. 11.

[4]) Чтенія, 1863 г., I, Смѣсь, с.с. 2—3, челобитная.

[5]) „Посольство К. фанъ-Кленка", Введеніе, с. XI (Scheltema, „Russland en de Nederlanden in derzelver wederkeerige betrekkingen", 1817, I, 228).

[6]) „Русское госуд. въ пол. XVII в.", № 1, с.с. 35—36. Самъ Крижановичъ однако упоминаетъ, что въ Сибири были „нѣкои дивьи люди, кои умѣютъ изящно добро выправлять кожи" (хотя и инымъ способомъ, чѣмъ это дѣлали иностранцы), и русскіе могли бы у нихъ изучить это искусство.

книга также знаетъ „пряжи канатныя и готовые канаты, сквозь смолу волоченые“[1]).

Согласно Ченслеру, около Новгорода и Пскова было большое изобиліе конопли и льна[2]). Ульфельдъ (1575 г.) также говоритъ о великомъ множествѣ въ Псковѣ воска, полотна и пеньки[3]). Имѣя въ большомъ количествѣ эти предметы, русскіе въ этомъ столѣтіи „во всякую страну Европы“ посылали „превосходный ленъ и коноплю для веревокъ“[4]). Кажется, можно повѣрить словамъ Флетчера, что до него (1588—1589 г.г.) „льномъ и пенькой (по увѣренію купцовъ) ежегодно нагружались въ Нарвской пристани до 100 большихъ и малыхъ судовъ, теперь не болѣе 5“, вслѣдствіе завоеванія шведами Нарвы[5]). Что конопли и льна Россія производила въ большомъ количествѣ и въ XVII в., подтверждаютъ Олеарій, П. Алеппскій и спутникъ Карлейля[6]). Особенно коноплей и льномъ изобиловала ярославская область[7]), а лучшій сортъ пеньки, по Корбу, доставляли Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьма[8]).

При обиліи пеньки и дешевизнѣ рабочихъ рукъ, естественно было завести въ Россіи ея обработку, и, дѣйствительно, при І. Грозномъ англійской компаніи было дозволено устроить въ Вологдѣ канатную фабрику[9]). Англичане въ томъ же столѣтіи также и въ Холмогорахъ построили домъ для канатнаго производства, и 8 мастеровъ ежегодно передѣлывали въ канаты болѣе 90.000 фунтовъ пеньки, потому что везти въ Англію сырую пеньку обходилось дорого[10]). Въ XVII в. въ Холмогорахъ занимался канат-

---

1) Зап. Отд. рус. и слав. археол. Имп. Археол. Общ., I, с. 131. Временникъ, VIII, с. 4.

2) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос.“, с. 2.

3) Чтенія, 1883, I, с. 11.

4) Іовій, с. 264.

5) Флетчеръ, с. 14. С. М. Середонинъ, „Сочиненіе Джильса Флетчера, какъ историческій источникъ“, П., 1891 г., с.с. 209—210.

6) Олеарій, с. 162. П. Алеппскій, в. II, с. 125. „Описаніе Московіи“, Ист. Библ. 1879 г., № 5, с. 10.

7) Чтенія, 1906 г., III, с. 184.

8) Корбъ, с. 225.

9) Костомаровъ, „Очеркъ торг. Моск. госуд. въ XVI и XVII ст.“, П., 1889 г., с. 20.

10) Ключевскій. „Сказ. иностр. о Моск. госуд.“, М., 1866 г., с. 242 (Hakl. 332, 338).

нымъ производствомъ Карлъ де Молинъ, ежегодно изготовляя до 1.000 и болѣе пудовъ; въ 1623 г. ему было позволено покупать смолу для канатнаго дѣла, но только не вывозить за границу ни ея ни канатовъ, а употреблять ихъ лишь на починку прибывавшихъ въ Архангельскъ кораблей[1]). Въ 1653 г. конопля, какъ и юфть, была монополіей купцовъ Фогелаара и Кленка[2]). Самъ царь производилъ ею значительную торговлю, и, напримѣръ, иноземецъ Мартынъ Бихлингъ въ 1660 г. былъ долженъ царю 8.800 рублей за пеньку. Въ этомъ году царскій комиссаръ Гебдонъ продалъ въ Амстердамѣ 100.000 пудовъ литовской доброй, чистой трепанной пеньки по 9 рублей берковецъ, всего на 180.000 ефимковъ, т. е. 90.000 рублей, съ условіемъ отпустить ее въ Архангельскѣ безъ пошлины. По отпискѣ видно, что цѣна эта не высокая, но ему никто больше не давалъ. Такая низкая цѣна на пеньку, какъ и на другіе русскіе товары, по Гебдону, была оттого, что голландцы боялись со стороны русскихъ обмана; они жаловались, что русскіе даютъ пеньку, которая въ серединѣ бунта гнилая, и пока на рынкѣ была лифляндская пенька, не было обмановъ, а потомъ появилась русская, которая сначала была хорошей, но потомъ становилась все хуже и хуже, такъ что нужно было ее осматривать[3]). Въ самой Россіи иностранцы въ большомъ количествѣ скупали этотъ товаръ для вывоза[4]).

---

[1]) Рус. Ист. Библ., VIII, с.с. 160—161.

[2]) „Посольство К. ф.-Кленка", Введ., с. XI.

[3]) И. Я. Гурляндъ, „Ив. Гебдонъ, комиссаріусъ и резидентъ" (матеріалы), Яросл., 1903 г., с.с. 50, 65—76.

[4]) Во время пребыванія Кильбургера въ Москвѣ голландецъ Адольфъ Альферевъ Гутманъ купилъ въ послѣдній зимній путь, въ мартѣ 1674 г., на Гостиномъ дворѣ въ Москвѣ у кадашевца Дм. Степ. Колушкп брянской доброй пеньки, половину трепанной, а половину нетрепанной, всего 1.525 пудовъ, и она была отвѣшена въ важнѣ. Но для отправки ея въ Вологду было уже поздно, а такъ какъ на Новомъ Гостиномъ дворѣ не было порозжихъ амбаровъ для сложенія этой пеньки, то Гутманъ „изъ Гостина двора для пожарнаго времени свезъ и положилъ подъ церковь у Троицы, что на рву, въ полату". Эта была въ Китай-городѣ ц. Покрова Пресвятой Богородицы, что на рву. Такимъ образомъ пенька ему обошлась съ покупкой, пошлинами и со всякими харчами берковецъ по 3½ рубля. Послѣ того голландецъ поѣхалъ въ Архангельскъ по торговымъ дѣламъ, но въ его отсутствіе потребовалась пенька Пушкарскому приказу, и, по его указу, ее взяли изъ палаты, несмотря на то, что

Однако русскіе не только вывозили пеньку и ленъ, но сами ихъ обрабатывали. По совѣту Торговой книги, слѣдовало заранѣе сговориться съ иностранцемъ, „сколько ему въ какую толщину и въ длину дѣлати“ канаты[1]). Русскіе также платили иностранцамъ всякаго рода сдѣланными ими веревками и пенькой[2]). Благодаря наличности большого количества конопли и льна, русскіе также добывали изъ нихъ масло, приготовляли „пряжу для сорочекъ и для веревокъ“, ткали холстъ и полотно[3]). Крижаничъ выражалъ пожеланіе совсѣмъ не вывозить изъ Россіи сырья конопли и льна, а обрабатывать для вывоза у насъ же: „Да изъ лна и конопели наши люди масло выжимаютъ, верви всякія, тонкія и дебелыя корабельныя да плетутъ, конопли или запалы пищальные да сучатъ, платна всякакова да ткутъ, тонкая на платье, писана и

она была за печатью и замкомъ. По произведенному потомъ разслѣдованію, оказалось, что въ прошлые годы въ палаты и подъ придѣлы этой церкви было положено на фитильное и канатное дѣло ленъ и пенька, для пушечной стрѣльбы пеньковое и льняное отрепье, а также подъемные канаты; въ 179 и 180 г.г. въ эти палаты было сложено 372 пуда пеньки за казенной печатью и замками, а когда въ августѣ 182 г. она потребовалась, то нашли, что у 2 придѣловъ замки сбиты, печать снята, и сверхъ казенной пеньки въ этихъ палатахъ оказалось лишней пеньки 1.418 пудовъ 30 гривенокъ (изъ нея было потомъ израсходовано 410 пудовъ). Церковные причетники Василья Блаженнаго отозвались невѣдѣніемъ, кто это сдѣлалъ. Спросили Колушку, и онъ заявилъ, что самъ вмѣстѣ съ голландцемъ складывалъ пеньку въ палату, а позволилъ это сдѣлать безъ найма протопопъ этой церкви, и тамъ тогда ничего не было, и самъ Колушка съ голландцемъ запечатали пеньку печатью голландца и заперли на замокъ. Произведя разборъ дѣла, царь велѣлъ (янв. 183 г.) за использованную пеньку уплатить голландцу по рыночной цѣнѣ, а оставшуюся вернуть ему подъ росписку; по наведенной справкѣ, выяснилось, что въ 182 г., въ февралѣ и мартѣ, въ разныхъ числахъ, покупали въ Москвѣ брянскую пеньку по 2 р. 10 к. и 2 р. 40 к. берковецъ. Но голландецъ потомъ заявилъ, что ему изъ Пушкарскаго приказа выдали всего 1.027 п., не додавъ 498 п., и уже ц. Ѳедоръ пожаловалъ его, велѣвъ уплатить за недодачу по 3½ р. за берковецъ, т. е. по цѣнѣ голландца, или выдать ему въ то число такой же пеньки. Впрочемъ Пушкарскій приказъ утверждалъ, что онъ взялъ на государево дѣло только 410 п., а не 498 (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, пр. д. ст. лѣтъ, 7183—1674 г., дек., № 382).

[1]) Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с. 131.

[2]) Маржеретъ, „Сказ. совр. о Д. Самозв.“, 1859 г., I, с. 272.

[3]) Олеарій, с. 162. П. Алеппскій, в. II, с. 125. „Описаніе Московіи“, с. 10.

узоровата на обрусы, густая на блажины, грубая на парусы, бумагу писатную и всякую да дѣлаютъ“ [1]). Это пожеланіе Крижанича уже тогда отчасти исполнялось. Самъ Алексѣй Михайловичъ завелъ около Москвы обработку пеньки и льна [2]).

Ленъ, какъ уже было упомянуто, росъ въ Россіи въ большомъ количествѣ. Павелъ Алеппскій писалъ, что его въ Россіи „очень много“, и „изъ льна дѣлаютъ рубашки: его бѣлятъ и изготовляютъ одежду, чѣмъ занимаются женщины. Въ этой странѣ московитовъ онъ прекраснаго качества, чрезвычайно дешевъ и долго носится“ [3]). По словамъ Корба, ленъ въ большомъ количествѣ и особой доброты росъ въ волжской области [4]).

Полотно, по отзыву Олеарія, было „очень дешево“ въ Россіи, благодаря обилію льна и конопли, что подтверждаетъ и Павелъ Алеппскій [5]). Но, имѣя эти растенія, большинство русскихъ тѣмъ не менѣе не знали ни перинъ ни тюфяковъ, а спали на войлокѣ, шубахъ, землѣ, скамьяхъ, печахъ; „только немногіе спятъ на постеляхъ, набитыхъ сѣномъ“ [6]). И хотя русскіе при Кильбургерѣ „не особенно много“ употребляли постелей [7]), но все-таки все болѣе и болѣе обзаводились по примѣру Запада кроватями, выписывая все необходимое къ нимъ изъ-за границы, такъ что въ Россію ежегодно ввозились иностранные наволоки и тики, хотя, какъ вѣрно замѣтилъ Кильбургеръ, сама Россія успѣшно могла бы вырабатывать свою парусину, наволоки и тикъ. Впрочемъ уже Алексѣй Михайловичъ выстроилъ въ 7 верстахъ отъ Москвы „для обработки льна и пеньки красивые дома“, находившіеся въ большомъ порядкѣ и очень обширные, при чемъ царица должна была „завѣдывать женщинами въ этомъ заведеніи для своихъ пользъ и выгодъ“ [8]). По Котошихину, сочиненіемъ котораго пользовался Кильбургеръ, узнаемъ подробности объ этой русской мануфак-

1) „Рус. госуд. въ пол. XVII в.“, № 1, с. 33.
2) Коллинсъ, Чтенія, 1846 г., I, с. 34.
3) П. Алеппскій, в. II, с. 125.
4) Корбъ, с. 225.
5) Олеарій, с. 162.
6) Ченеда (1657 г.), Отеч. Зап., 1829 г., ч. 37, с. 226.
7) Ч. I, гл. II, п. XI, с.с. 112—113.
8) Коллинсъ, Чтенія, 1846 г., I, с. 34. Зап. Моск. Археол. Инст., XV, с.с. 173, 175.

турѣ: въ Царицыной Мастерской „Палатѣ вѣдомо на Москвѣ слобода Кадашево, болши 2.000 дворовъ, да слобода жъ Бреитово отъ Москвы съ полъ-300 верстъ, болши 1.000 дворовъ. И съ тѣхъ слободъ въ тотъ Приказъ денежныхъ доходовъ нѣтъ никакихъ, а идутъ доходы, полотна, и скатерти, и убрусы, и иное, по указу, на царской обиходъ, и на царицынъ и царевичамъ и царевнамъ; а платятъ тѣ люди въ царскую казну деньги съ торговли своей и съ лавокъ; а для пріему полотенъ здѣланъ въ слободѣ на Москвѣ дворъ, и принимаетъ тѣ полотна и расправу межъ тѣми людями чинитъ бояриня, вдова. А дѣлаютъ про царской обиходъ полотна мастеровые люди немногіе, русскіе и поляки, а иные люди въ свое мѣсто наймуютъ дѣлать ихъ же мастеровъ“ [1]). Кромѣ кадашевскаго полотна, пользовалось извѣстностью тверское [2]).

Льняное сѣмя именно при Родесѣ вывозилось изъ Архангельска въ количествѣ 600 ластовъ. Кильбургеръ объ этомъ продуктѣ только повторяетъ цѣликомъ слова Родеса [3]).

Поташъ русскій былъ „необходимъ въ Англіи и Голландіи для мочки чернаго сукна, для масловареннаго и стекольнаго производства“ [4]). Въ одной изъ архангельскихъ книгъ находимъ объясненіе этого слова: „зола, по нѣмецки—поташъ“ [5]). Она шла не только для приготовленія сукна, мыла и стекла, но и для выдѣлки кожъ. Во время Торговой книги смоляне калили золу въ печахъ и продавали ее въ Ригѣ и Архангельскѣ. Ею тогда торговали брабанцы и голландцы, но „московская неперекаливанная зола на нѣмецкую руку“ не годилась [6]). Въ 1630 г. Карлъ де Молинъ получилъ монополію на 10 лѣтъ для выдѣлки въ тотьемскомъ лѣсу золы и вывоза ея изъ Россіи, съ платой по 1 рублю оброка за бочку золы въ 3 четверти московской мѣры и съ уплатой проѣзжей пошлины; но тотьемскій лѣсъ оказался плохимъ для золянаго производства, и поэтому Молинъ выпросилъ въ 1633 г. деся-

---

[1]) „О Рос. въ царст. А. Мих.“, изд. III, П., 1884 г., гл. VIII, статья 13, с. 120.

[2]) Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царей“, М., 1895 г., с.с. 646, 679.

[3]) Родесъ, с.с. 167, 163.

[4]) Главиничъ (1661 г.), Чтенія, 1875 г., I. с. 9.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., арх. кн., № 3, л. 168.

[6]) Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с. 135—136.

тилѣтнюю монополію на выработку золы около р. Суры (въ Василегородскомъ уѣздѣ), гдѣ онъ нашелъ подходящій лѣсъ [1]). Морозовъ въ своихъ нижегородскихъ вотчинахъ завелъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ производство поташа [2]); особенно много поташа производилось въ Сергачѣ, и сергачскій поташъ часто упоминается въ архангельскихъ документахъ. Большое развитіе въ XVII в. золяного дѣла въ Московскомъ государствѣ позволили Крижаничу сказать, что Россія изобилуетъ „отъ нѣкоего времени пепеломъ" [3]). Въ 1669 г. (177 г.), по показанію таможеннаго головы, черезъ Архангельскъ было вывезено 776 бочекъ поташа, вѣсомъ 26.047 пудовъ $32^1/_2$ фунта, а зато въ 1670 г. (178 г.) иноземцы совсѣмъ не покупали поташа [4]).

Ворвань наиболѣе всего добывалась около С. Двины [5]). Какъ поморяне охотились на тюленей, подробно разсказываетъ Флетчеръ. Убивъ звѣря, промышленники съ собою брали только содранную кожу съ приставшимъ къ ней жиромъ, а остальное оставляли на мѣстѣ; потомъ они растапливали на берегу въ ямахъ жиръ; лучшая и очищенная ворвань шла на смазываніе шерсти для суконъ, а изъ худшаго сорта, который былъ краснаго цвѣта, дѣлали мыло [6]); имъ также смягчали кожу [7]). Гамбургскіе купцы цѣнили лапландскую ворвань дороже гренландской, и при Петрѣ I торговля ею на лапландскихъ берегахъ стала монополіей барона Шафирова, принося ежегодно 12—15 т. р. [8]). Но эта откупная торговля ворвани была и въ XVII в. Въ 1646 году торговые люди просили, чтобы ворвань и сало не было на откупу у Петра Марселиса и Еремѣя Фельца, потому что они давали $^1/_2$, $^1/_3$ и $^1/_4$ цѣны, а отъ этого торговля и пошлинный сборъ палъ до 200 р., между тѣмъ какъ раньше съ сальной торговли сбирали таможен-

1) Сб. И. Р. Ист. Общ., т. 116, с.с. CCCVI—CCCVII.

2) І. А. Ясинскій, „Нижегородскіе будные станы", Сборникъ статей Ист.-Этногр. Кружка при Унив. Св. Влад., 1915 г., в. VII.

3) „Рус. госуд. въ пол. XVII в.", № 1, с. 9.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, арханг. кн., № 5, 7178—1670 г., л.л. 29—30.

5) Ченслеръ, Чтенія, 1884 г., IV, с. 1.

6) Флетчеръ, с. 13.

7) „Опис. Моск. при рел. гр. Карлейля", Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 12.

8) Фоккеродтъ, Чтенія, 1874 г., II, с. 70.

ныхъ пошлинъ по 4 и 5 тыс. р. и больше [1]). Относительно вывоза 1669 г. намъ извѣстно, что иноземцы купили много ворваннаго сала и ворванныхъ кожъ, по $2^1/_2$ р. за бочку сала и дороже (за что было взято въ Архангельскѣ пошлинъ 2.340 р. 23 к.), а въ 1670 г. они купили мало ворваннаго сала и то дешево, по 2 р. съ небольшимъ за бочку (за что было взято всего 491 р. $61^1/_2$ к. пошлинъ) [2]). Свѣдѣнія Кильбургера о ворвани полностью заимствованы имъ у Родеса [3]).

Смола и деготь еще въ XVI в. въ большомъ количествѣ вывозились изъ Россіи. Вся смола, получаемая въ Европѣ, шла „черезъ Ливонію изъ московскихъ владѣній“ [4]). При Флетчерѣ много дегтя гналось въ двинской и смоленской областяхъ, и его въ большомъ количествѣ отправляли за границу [5]). Данныя Кильбургера о смолѣ и дегтѣ взяты имъ у Родеса [6]), и только цѣны нѣсколько другія; по Родесу, въ Архангельскѣ ластъ этихъ товаровъ стоилъ 20 р., а по Кильбургеру, 18—20 р., но тонна смолы въ г. Москвѣ—1 р. Въ виду того, что Кильбургеръ, вслѣдъ за Родесомъ, не дѣлаетъ различія между понятіями „бочка“, „четверть“ и „тонна“, а ластъ считали равнымъ 20 четвертямъ [7]), слѣдуетъ, что ластъ въ Москвѣ стоилъ тоже 20 руб. Что касается русскаго производства самихъ бочекъ, то онѣ славились въ Англіи. Русскіе при Дженкинсонѣ (1557 г.) дѣлали ихъ по берегу С. Двины, къ югу отъ Холмогоръ изъ осины и тутъ же ихъ засмаливали [8]). Продажу смолы въ Архангельскѣ вѣдали таможенные головы, но въ 1649 г. (157 г.) смоляной промыселъ былъ отданъ безпошлинно иноземцу гостю Андрею Денисовичу Виніусу на 6 лѣтъ, и всѣ англичане должны были смолу „покупать для ихъ шеемнаго дѣла у него Ондрѣя, явя въ та-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., IV, с.с. 18—19.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, арханг. кн., № 5, 7178—1670 г., л. 30.

[3]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с. 29. Родесъ, с.с. 171, 165.

[4]) Кампензе (1523 — 1524 г.г.), „Библ. ин. пис. о Рос.“, I, П., 1836 г., с. 31.

[5]) Флетчеръ, с. 14.

[6]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с. 30. Родесъ, с.с. 171, 167.

[7]) Родесъ, с. 212, прим. 19.

[8]) Чтенія, 1881 г., IV, „Изв. англ. о Р.“, с. 30.

можнѣ“ [1]). Въ 1660 г. смоляной подрядъ, бывшій за Ив. Гебдономъ, былъ продленъ ему еще на 3 года съ платой оброка за все это время 900 р. [2]). Когда смола не была на откупу, то, по указу ц. Алексѣя, двинскіе таможенные головы сами должны были покупать смолу у русскихъ и продавать ее иноземцамъ. Въ дек. 1664 г. (173 г.) велѣно было „смоляной промыслъ отдать со 173-го году сентября съ 1-го числа на откупъ, охочимъ людямъ, хто похочетъ, а откупу положить на них сверхъ прежнего с наддачею, а будетъ откупщиковъ не будетъ и тотъ смоляной промыслъ велено держать таможенпымъ головамъ на в-ого г-ря на вѣре“. Дѣйствительно, каждый годъ объявляли объ откупѣ, но откупщиковъ не находилось, и съ 1664 по 1674 г. (182 г.) включительно смоляной промыселъ вѣдали двинскіе таможенные головы. Въ 1674 г. бочка со всѣми расходами обходилась казнѣ менѣе 33 к., а она продавала ее за 90 к., и на всей этой монополіи получила 175% прибыли [3]). Такимъ образомъ изъ архивныхъ данныхъ

[1]) Доп. къ А. Ист., III, с. 199.

[2]) И. Гурляндъ, „Ив. Гебдонъ“ (матеріалы), Ярославль, 1903 г., с.с. 56—57.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., арханг. кн., 7182—1674 г., № 8, л.л. 36 об.—37. Въ этомъ 182 г. смоляной промыселъ именно вѣдалъ двинскій таможенный голова Дороѳей Мелцовъ съ товарищами. „А въ росписи ж головъ Дороѳея Мелцова съ товарищи написано:

У важанина у Сидорка Карпова куплено 17 бочекъ смолы, денегъ за ту смолу дано 5 р. 3 а. 2 д. по 10 а. за бочку.

Къ той же смолѣ вышло в росходѣх: вожена та смола с плота на гору и куплено к бочкам на прибавку для укрѣпленья обручей дано за покупку цены і от воски извощиком найму 15 а. 4 д.

И всего той смолы по купле цены с росходы 5 р 19 а.

И та вся смола продана на Колмогорах руским людемъ врознь для смоленья судов и судовыхъ снастей.

Денегъ по продаже за ту смолу взято 15 р. 10 а.

Прибыли в-ого г-ря в казну у той смолы 9 р. 24 а. 2 д.“ (л. л. 76 об.—77).

Въ предшествующемъ же 1673 г. двинскій таможенный голова произвелъ слѣдующія операціи съ смолой. Было куплено послѣдовательно у двухъ важаниновъ:

26½ бочекъ за 8 р. 74½ к. по 33 к. бочка.
4½ — — 1 р. 35 к. — 30 к. —

На укрѣпленіе обручей пошло 76 к.

Всего за 31 бочку истрачено 10 р. 85½ к.

И вся та смола продана русским людем врознь для смоленя су-

видимъ, что ластъ въ 1674 г. продавался въ Архангельскѣ за 18 р., что замѣчательно подтверждаетъ указанную Кильбургеромъ цѣну въ Архангельскѣ ласта въ 18—20 р., между тѣмъ какъ у Родеса видимъ цѣну только въ 20 р. Это еще разъ свидѣтельствуетъ, что нашъ авторъ сознательно заимствовалъ матеріалъ у своего предшественника.

Ватманъ шелъ на одежду простого народа. Какъ русскіе научились искусству дѣлать сукно, нельзя сказать, и Ю. Гагеймейстеръ относительно „вадмаля“ считалъ возможнымъ замѣтить: „переняли ли русскіе отъ нормановъ дѣланіе вадмаля, нѣкотораго рода толстаго сукна,—неизвѣстно“ [1]). Русское самодѣльное сермяжное сукно было бѣлое, сѣрое и вообще „крашеное“. Въ 1469 г. Іоаннъ III послалъ въ Устюгъ 300 сермягъ. По правой грамотѣ 1547 г., на одномъ холопѣ было „платье сермяга бѣла ржевская“. Въ этомъ столѣтіи сермяга употреблялась и для дворцовыхъ нуждъ [2]). Сами крестьяне, которые жили бѣдно, были одѣты, по словамъ Д. Принца (1577 г.), „въ толстѣйшее сукно“ и обуты въ самодѣльные лапти [3]). Флетчеръ тоже писалъ, что мужики носятъ платье „изъ грубаго бѣлаго или синяго сукна“ [4]). „Знатные, писалъ спутникъ Карлейля о русскихъ, обыкновенно носятъ платье изъ атласа, шарлаха или парчи, мѣщане—изъ темно-краснаго, фіолетово-краснаго или темно-зеленаго, лица же низшаго сословія—изъ грубаго темно-краснаго сукна, приготовляемаго въ ихъ же странѣ. Зимой... крестьяне по большей части довольствуются одеждой изъ кожи барановъ, которая имѣетъ ту невыгоду, что испускаетъ весьма непріятный запахъ“ [5]). Съ этимъ согласуется показаніе Рейтенфельса (1671—1673 г.г.), что крестьяне употреблютъ для одежды „грубыя шерстяныя ткани, а зимой овечьи шкуры“—зипуны; „лѣтомъ они носятъ легкія рубахи, хол-

довъ і судовыхъ снастей“ за 27 р. 90 к., по 90 к. за бочку, и прибыли получилось 17 р. 4½ к. Такимъ образомъ, казна въ данномъ случаѣ имѣла 165% чистой прибыли (Арханг. кн. 7181—1673 г., № 7, л. л. 87—88.).

[1]) „Разысканія о финансахъ др. Руси“, П., 1833 г., с. 226, прим. 18.
[2]) П. Савваитовъ, „Опис. старин. рус. утварей“, П., 1896.
[3]) Чтенія, 1876 г., IV, с. 71.
[4]) Флетчеръ, с. 127.
[5]) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 16.

щевыя или шерстяныя, большею частью бѣлаго цвѣта". Тотъ же иностранецъ даже говоритъ, что „въ тканьѣ сукна они уже стали весьма опытны" и „искусно ткутъ сукно, идущее на исподнее платье" [1]). По Родесу, ватманъ дѣлался въ вологодской и ярославской областяхъ, и въ количествѣ 168½ тыс. аршинъ вывозился черезъ Архангельскъ по 4 коп. за аршинъ, но въ Москвѣ онъ стоилъ въ 1652 г. 5—7 коп. [2]).

Войлокъ при Петреѣ, современникѣ Смуты, вырабатывался въ Торжкѣ; именно тамъ „дѣлались хорошія войлочныя накидки, также какъ и въ другихъ мѣстахъ этого края"; также и въ Козельскѣ выдѣлывали „прекраснѣйшія войлочныя накидки изъ шерсти разныхъ цвѣтовъ" [3]). Что „въ гор. Козельскѣ... валятся плащи или шинели, непромокаемые и теплые", подтверждаетъ и Рейтенфельсъ [4]).

Сало какъ слѣдовало приготовить „на нѣмецкій обычай", толково объясняетъ Торговая книга [5]). До времени Флетчера его вывозилось до 100.000 пудовъ, а при немъ всего около 30.000 п. Тогда лучшее сало добывалось въ смоленской, ярославской, углицкой, новгородской, тверской и городецкой областяхъ [6]). Спустя почти столѣтіе, Корбъ писалъ, что „сало поставляется изъ Ярославля и Вологды" [7]). Часть своихъ извѣстій о салѣ Кильбургеръ позаимствовалъ у Родеса, который опредѣлялъ вывозъ сала черезъ Архангельскъ въ 115.080 пудовъ [8]). У Кильбургера, по тексту Бишинга, упоминается валдайская область добычи сала, а должна

---

[1]) Чтенія, 1906 г., III, с. с. 138, 135, 136. И. Тарнава-Боричевскій въ своемъ переводѣ этого же сочиненія также перевелъ соотвѣтствующее мѣсто словами: въ „тканьѣ сукна русскіе искусны" (Ж. Мин. Н. Просв., ч. XXIII, 1839 г., № 7, с. 46).

[2]) Родесъ, с.с. 169, 165, 119. Въ нѣм. текстѣ Эверса донесенія Родеса о торговлѣ (S. 258) ошибочно говорится, что ватманъ дѣлается въ валдайской области, вмѣсто вологодской.

[3]) Чтенія, 1865 г., IV, с.с. 46, 33.

[4]) Чтенія, 1906 г., III, с. 208.

[5]) Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с.с. 130—131.

[6]) Флетчеръ, с. 12.

[7]) Корбъ, с. 225.

[8]) „Изслѣд. о Кильбургерѣ", с. 30. Родесъ. с.с. 171, 165.

быть—вологодская, согласно тексту Родеса по стокгольмской и рижской рукописямъ [1]).

Что русскіе не ѣли телятины, объ этомъ намъ сообщаютъ многіе иностранцы. Русскіе употребляли „весьма много“ говядины, свинины и баранины, отъ телятины постоянно воздерживались, но бѣдные „очень рѣдко питались мясомъ“, а только чернымъ хлѣбомъ и квасомъ [2]). Вслѣдствіе того, что русскіе считали телятину запрещенной [3]) и грѣшнымъ кушаніемъ, рогатый скотъ у нихъ чрезвычайно размножался [4]). Но Лже-Димитрій „велѣлъ поварамъ своимъ готовить телятину и другія кушанія, которыхъ русскіе не ѣдятъ, считая ихъ мерзостью“ [5]). Однако, хотя русскіе, по словамъ долго жившаго въ Россіи доктора Коллинса, считали за поганое (pogano) ѣсть телятину, но ѣли ягнятъ [6]). Иностранцы разсказываютъ, что І. Грозный даже сжегъ въ Вологдѣ рабочихъ, строившихъ тамъ крѣпость, за то, что они во время голода съѣли теленка [7]). Невилль (1689 г.) тоже говоритъ, что русскіе не ѣдятъ телятины [8]). Наиболѣе вѣрное объясненіе, почему русскіе не ѣли телятины, далъ намъ Родесъ [9]).

Мыло было вологодское, борисо-глѣбское [10]), костромское, нижегородское и др., а также употреблялось привозное: шпанское, индѣйское, халяпское, грецкое [11]). Изъ русскихъ мылъ наилучшимъ и дешевымъ было костромское, которое, вслѣдствіе большого спроса, развозилось по всей Россіи [12]).

---

[1]) Родесъ, текстъ стокгольмской рукописи, с. 170; текстъ рижской рук., Эверсъ, S. 258.

[2]) Д. Принцъ, Чтенія, 1876 г., IV, с. с. 68—69.

[3]) Беръ, „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, 1859 г., с. 58.

[4]) Маржеретъ, тамъ же, с. 253.

[5]) Олеарій, с. 236.

[6]) Чтенія, 1846 г., I, с. 18.

[7]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 151.

[8]) Русская Старина, т. 72, ноябрь, с. 267.

[9]) „Изслѣд. о Кильбургерѣ“, с. 32.

[10]) Торговая кн.: косякъ мыла вологодской вари покупали за 60—70—80 коп., а борисо-глѣбской—87—90 коп. и дороже и дешевле, смотря по спросу и качеству мыла (Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с. с. 136, 127).

[11]) „За брусъ мыла бѣлого нижегородского“ платили въ 157 г. гривну (Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царицъ“, с. 707, „Д. бытъ р. царей“, с. 271).

[12]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. с. 205, 203.

Свиная щетина еще не упоминалась въ Торговой книгѣ, какъ предметъ вывоза, но зато эта книга говоритъ о продажѣ волоса лошадинаго, гривнаго, хвостоваго и варенаго воловьяго[1]). Кильбургеръ, по сравненію съ Родесомъ, ничего новаго не сообщаетъ намъ о щетинѣ[2]).

Лосиныя кожи продавали русскіе иностранцамъ невыдѣланными за 3—4 р., а при обратной покупкѣ отъ иностранцевъ этой же кожи, но уже выдѣланной, русскіе должны были давать 30—40 р. Поэтому Крижаничъ убѣдительно совѣтовалъ русскимъ самимъ заняться выдѣлкой оленьихъ, а особенно лосиныхъ кожъ[3]). Лосей въ Россіи было „множество"[4]), шкуры которыхъ были „очень хороши и велики"[5]), но оленей было очень мало[6]). При Варкочѣ (1593 г.) возлѣ Москвы на царской охотѣ было убито въ два дня 121 лось, при чемъ одинъ лось былъ съ рогами о 22 отросткахъ[7]). По вопросу о лосиныхъ кожахъ Кильбургеръ использовалъ Родеса[8]).

Соленыя кожи дѣлались, вслѣдствіе солки, толще и крѣпче сырыхъ кожъ. Крижаничъ предлагалъ скупать у калмыковъ ежегодно по 30—40 тыс. воловьихъ и овечьихъ кожъ, свозить къ Ямышевскому соляному озеру и тамъ же ихъ солить въ бочкахъ, чтобы потомъ продать въ Архангельскѣ иностранцамъ[9]). Россія вообще славилась вывозомъ кожъ, и еще въ первой половинѣ XVI в. изъ нея вывозилось „много бычачьихъ кожъ"[10]).

---

1) Торг. кн., с. 134, глава 207.
2) „Изслѣд. о Кильбургерѣ", с. 31. Родесъ, с. с. 171, 165.
3) „Рус. госуд.", № 1, с. 35.
4) Д. Принцъ, Чтенія, 1876 г., IV, с. 68. Маржеретъ, „Ск. совр. о Д. Сам.", I, 1859 г., с. 252. Олеарій, с. 163.
5) Флетчеръ, с. 13.
6) Хотя Д. Принцъ сообщаетъ, что оленей „совершенно" не было въ Россіи, но это невѣрно, и Олеарій былъ ближе къ истинѣ, указывая, что оленей „или совсѣмъ нѣтъ, или, какъ другіе говорятъ, удается видѣть рѣдко" (Д. Принцъ, с. 68. Олеарій, с. 163). Торговая книга говоритъ о продажѣ лосины и оленины (Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с. 132).
7) Варкочъ, 1874 г., IV, с. 19.
8) Родесъ, с. с. 167, 165.
9) „Рус. госуд.", № 1, с. 11.
10) Іовій, с. 264.

Подробнѣе объ этомъ для слѣдующей половины столѣтія узнаемъ отъ Флетчера, по словамъ котораго, до его пребыванія въ Россіи купцы вывезли за границу до 100.000 лосиныхъ, воловьихъ и коровьихъ кожъ, а при немъ всего около 30.000, а также „значительное количество козьихъ кожъ“; дѣлая сравненіе кожъ, Флетчеръ указываетъ, что самыя большія кожи—лосиныя, а „воловьи и коровьи меньше (ибо бычачьи кожи у нихъ не выдѣлываются)“ [1]). Согласно Корбу, воловьи и буйволовыя кожи доставлялись со всей страны [2]). Что же касается извѣстій Кильбургера объ этихъ товарахъ, ими нельзя пользоваться, не сличивъ съ Родесомъ. Послѣдній говоритъ о „бараньихъ, или соленыхъ кожахъ“ (т. е. Кильбургеръ опустилъ слово—„бараньи“), вывозъ которыхъ опредѣляетъ въ 4.500 штукъ, а по Кильбургеру слѣдуетъ, что столько вывозится вообще всякихъ кожъ [3]). Но зато Родесъ совсѣмъ не упоминаетъ объ испанскихъ кожахъ [4]). Цѣны 1652 г. всякихъ „сушеныхъ и соленыхъ кожъ“ записаны Родесомъ [5]).

Тюленьи кожи, по таблицѣ Родеса, вывозились въ количествѣ 31.060 штукъ [6]).

Кожаныя рукавицы стоили въ Москвѣ въ 1652 г. 4 р. сотня („русскія рукавицы“) [7]). Павелъ Алеппскій разсказываетъ о русскихъ, что „они не снимаютъ съ рукъ большихъ вязанныхъ изъ шерсти перчатокъ съ мѣхомъ, обтянутыхъ кожей, согрѣвающихъ, какъ огонь, зимой... Это дѣлаютъ бѣдные. Богатые же носятъ перчатки изъ дорогого сукна съ собольимъ и инымъ мѣхомъ“ [8]).

---

[1]) Флетчеръ, с. 13.

[2]) Корбъ, с. 225.

[3]) Родесъ, с. с. 169, 165; по рукописи Эверса, S. 254, невѣрно опредѣлена стоимость воловьихъ кожъ въ 220 р., вмѣсто 270 р.

[4]) Въ Испаніи, въ г. Кордуи, на р. Гвадалквивирѣ, приготовляли кожи, называемыя кордуанскими, или просто кордуанъ; это были козловыя кожи, выдѣланная съ лоскомъ и окрашенныя („Словарь коммерч.“, пер. Левшинымъ, 1787—1792 г.г., III, IV, „Сафьянъ“).

[5]) Родесъ, с. 117.

[6]) Родесъ, с. 165; здѣсь общая стоимость кожъ не соотвѣтствуетъ вычисленіямъ.

[7]) Родесъ, с. 119.

[8]) П. Алеппскій, в II, с. 185.

Рогожи дѣлались не въ „валдайской“ области, а въ „вологодской“, какъ слѣдуетъ по Родесу [1]). Стѣны знатныхъ русскихъ завѣшивались цыновками [2]). Въ 159 г. иноземцы увѣряли, что они покупаютъ въ Вологдѣ рогожи за 8—10 руб. тысячу, но вологодскіе таможенные головы цѣнятъ ихъ по 30 руб. [3]).

Слюда, по Родесу, добывалась „между Новой Землей и Архангельскомъ за Сибирью“ и вывозилась изъ Архангельска въ количествѣ 250 пудовъ [4]). О добываніи слюды на сѣверѣ Россіи говорятъ и другіе иностранцы [5]). Барберини (1565 г.) передаетъ, что русскіе употребляютъ въ избахъ на окнахъ стекло и слюду, „которая находится только въ Московіи“ [6]), но, согласно Д. Принцу, у русскихъ совсѣмъ не было стекла, и они затягивали окна холстомъ, пропитаннымъ масломъ, или бычачьимъ пузыремъ [7]). Слюда среди русскихъ ископаемымъ занимала самое важное мѣсто, и ею пользовались для оконъ по всей Россіи [8]). По Павлу Алеппскому, именно въ Соловецкомъ монастырѣ добывали въ горѣ пласты слюды („хрусталя“), и „персидскіе купцы вывозятъ ихъ во множествѣ, равно купцы франкскіе и греческіе и всякій, кто пріѣзжаетъ сюда, потому что этотъ камень имѣется только здѣсь“. Монахъ изъ этого монастыря разсказывалъ Павлу, что лѣтомъ рудникъ наполняется водой, а зимой ее оттуда вычерпываютъ, разводятъ внутри огонь, а потомъ, по охлажденіи рудника, добываютъ изъ него плиты слюды [9]). До Петра Великаго даже въ

[1]) Родесъ, с. 169; размѣръ вывоза=389.000 штукъ (с. 165).

[2]) Доп. къ Акт. Ист., III, с.с. 124—125, V, с. 198.

[3]) Олеарій, с. 202.

[4]) Родесъ, с.с. 171, 165.

[5]) Авторъ „Опис. Московіи при рел. гр. Карлейля“ пишетъ объ употребленіи въ Кореліи около Архангельска талька, который „добывается изъ горъ, легко раскалывается на мелкіе и тонкіе пласты, также прозраченъ, какъ стекло, и никогда не разбивается“ (Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 11). Рейтенфельсъ сообщаетъ о добываніи слюды по берегамъ Двины изъ скалъ (Чтенія, 1906 г., III, с. 185), Корбъ—о слюдѣ, „огромное количество которой высѣкается изъ скалы въ корельской провинціи и на берегу Двины по направленію къ Сѣверному океану“ (Корбъ, с. 225).

[6]) Сынъ Отечества, 1842 г., ч. III, № 7, с, 28.

[7]) Чтенія, 1876 г., IV, с. 69.

[8]) Олеарій, с. 164.

[9]) П. Алеппскій, в. III, с.с. 126—127.

царскомъ дворцѣ стекла не были въ большомъ употребленіи, и ихъ вполнѣ замѣняла русская слюда [1]). Она не только славилась въ XVII в., но и въ XVIII в. писали, что „самая лучшая въ свѣтѣ находится въ Россіи, на Соловкахъ и въ Сибири, около рѣки Витимы, впадающей въ Лену“ [2]).

Рыбій клей, или „клей карлукъ“ [3]), при Коллинсѣ исключительно принадлежалъ царю [4]). Этотъ клей добывался на Волгѣ, а Сибирь производила „извѣстный клей, которымъ склеиваютъ бумагу; смочивъ его, проводятъ по краямъ двухъ листовъ, и они такъ крѣпко прилипаютъ другъ къ другу, что съ трудомъ повѣришь, что они склеены“; имъ русскіе и склеивали свои столбцы [5]).

Бобровая шерсть, согласно таблицѣ Родеса, вывозилась въ количествѣ 3.000 фунтовъ по $3^1/_4$ рубля [6]). Кильбургеръ же говоритъ, что съ 1672 г. шерсть стала дешевой и опредѣляетъ ее цѣну въ 3—$3^1/_2$ рейхсталера (т. е. $1^1/_2$—$1^3/_4$ рубля) и $1^1/_{10}$—$3^3/_{10}$ рубля (прейсъ-курантъ, с. 109). Въ эпоху Петра В. русскіе также вычесывали шерсть изъ шкуръ канадскихъ бобровъ, привозимыхъ французами, а потомъ продавали ее англичанамъ, голландцамъ и французамъ, которые дѣлали изъ нея касторовыя шляпы [7]). Впрочемъ еще въ 1701 г. было строго приказано не отпускать изъ Сибири „за море бобрового пуха“, потому что было велѣно въ самой

[1]) Забѣлинъ, „Дом. бытъ р. царей“, с. 138. Объ употребленіи слюды въ саняхъ писалъ Олеарій. Она именно была удобна для каретъ и повозокъ, потому что при передвиженіи не лопалась.

[2]) „Словарь коммерч.“, пер. Левшинымъ, VII, с. 22.

[3]) Торг. кн., Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с. 135. Временникъ, VIII, с. 7.

[4]) Чтенія, 1846 г., I, с. 18. Болѣе поздній путешественникъ Бруинъ сообщаетъ подробности о карлукѣ: „Изъ Архангельска вывозятъ икру (Kavejaer) и карлекъ (Karloek), т. е. пузырь (Blacs) рыбы стерляди (Steur), которая во множествѣ ловится въ Астрахани и другихъ мѣстахъ Волги. Этотъ карлекъ употребляется для очистки вина, но изъ него добывается и хорошій клей. Онъ употребляется и красильниками при окрашиваніи вещей“ (Чтенія, 1872 г., II, с 94).

[5]) „Оп. Моск. при рел. гр. Карлейля“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. с. 12, 40.

[6]) Родесъ, с. 167; ср. с. 169—бобровая струя.

[7]) Marperger P., „Moscowitischer Kauffmann“, Lübeck, 1723, S. 219.

Россіи „дѣлать изъ бобрового пуху да изъ овечьей шерсти шляпы противъ нѣмецкого образца двумъ человѣкомъ иноземцомъ“ [1]).

Бобровая струя, по Родесу, шла только изъ Сибири, а Кильбургеръ упоминаетъ еще украинскую струю [2]). По объясненію Торговой книги, бобровая струя „пригожается нѣмцамъ на краски къ сукнамъ“, и, кромѣ того, нѣмцы ее „кладутъ въ мускусъ, а пытаютъ въ коемъ бы ядро было въ середкѣ внутри“ [3]).

Мускусъ есть вещество, получаемое изъ звѣря, называемаго кабарга, или мускусный звѣрь, о которомъ выше (с. 99) говорилъ Кильбургеръ подъ словомъ „Кабардинъ“ [4]). Въ половинѣ

---

1) Чтенія, 1901 г., I, Смѣсь, с.с. 6—7.

2) Родесъ, с. 169; вывозъ струи, с. 165.

3) Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с. 133, гл. 192. Изъ „Словаря коммерч.“, пер. Левшинымъ, узнаемъ, что бобровой струей называется „жидкость, находящаяся у бобровъ пониже дѣторpřípadных частей въ маломъ пузырькѣ, а не самыя ядры, какъ нѣкоторые мнили, потому что ее имѣютъ бобры всѣ мужескаго и женскаго рода. Лучшая идетъ изъ Россіи. Употребляется, какъ лѣкарство“.

4) Кабарга (Moschus moschiferus) на Ленѣ извѣстна подъ именемъ „сайги“ (хотя настоящая „сайга“ совсѣмъ другое), у тунгузовъ—„дсанго“ или „дшига“, у калмыковъ и монголовъ—„кудари“. Кабарга отличается отъ козули (или дикой козы) тѣмъ, что ни самецъ ни самка не имѣютъ роговъ, и у самца изо рта, именно изъ верхней челюсти, высовываются на 5—7 сантиметровъ клыки, очень острые и нѣсколько загнутые по направленію къ шеѣ. Самка хотя имѣетъ тоже клыки, но они небольшіе и скрыты подъ губами. Кромѣ того, у самца находится въ задней части живота, между пупкомъ и половыми органами, мускусный мѣшокъ, въ видѣ сумки, нѣсколько выдающійся, кругловатый, длиной почти 6 сантим., шириной 3 сантим. и вышиной 4—5 сантим. Мѣшочекъ покрытъ съ обѣихъ сторонъ густыми волосами, за исключеніемъ середины, которая голая. На этой голой серединѣ расположены одинъ позади другого два маленькихъ отверстія, которыя короткими каналами соединены съ самимъ мѣшкомъ, и черезъ нихъ мѣшокъ опоражнивается, когда онъ слишкомъ полонъ. Только у выросшаго мускуснаго звѣря послѣдній достигаетъ своей полной величины и своего полнаго содержанія. Получается среднимъ количествомъ 30 граммъ драгоцѣнной жидкости; иногда находятъ въ отдѣльныхъ мѣшкахъ и болѣе, чѣмъ двойное количество. Молодые самцы даютъ почти восьмую часть. При жизни звѣрей мускусъ въ видѣ мази; его сушатъ для зернистой и порошкообразной массы, которая первоначально красно-бураго цвѣта, но со временемъ темнѣетъ до черной, какъ уголь. Въ этой массѣ запахъ ослабѣваетъ и совершенно пропадаетъ, если это вещество смѣшать съ сѣрой, сѣрнистой сурьмой или камфорой (Brehm A., Säugethiere, B. III, 1877, S. 92—93).

XVII в. самъ царь продавалъ мускусъ иностраннымъ купцамъ [1]).

Лиственничная губка упоминается Родесомъ подъ словомъ „агарикъ"; онъ приравниваетъ ея свойства ревеню и оцѣниваетъ пудъ ея въ 5 рублей. Опредѣленіе мѣста произрастанія губки и размѣра ея вывоза изъ Архангельска взято Кильбургеромъ у Родеса [2]). Большой Чертежъ точнѣе указываетъ на мѣстонахожденіе этой губки: „А промежъ Пушенги Двинской и рѣчки Ваенги (т. е. Ваги) и рѣки Двины ростетъ древо листвица" [3]). При Коллинсѣ трутъ, такъ назывался въ Россіи агарикъ, принадлежалъ исключительно къ царской торговлѣ [4]).

---

[1]) Павелъ Алеппскій дважды разсказываетъ о мускусѣ и ревенѣ, и во второй разъ, въ связи съ событіями 1656 г., пишетъ изъ Сибири пришли въ Москву татары-магометане, и греки тайкомъ видѣлись съ ними. „Они (татары) сообщили, что обязаны платить царю ежегодно подать въ 6.000 динаровъ (а въ другомъ мѣстѣ у Павла написано: 3.000 дин.), на каковую сумму привозятъ ему ревеня и чистаго мускуса [по первому разсказу: «...мускуса перваго сорта, который онъ (царь) продаетъ франкамъ. Они разсказали, что дикое животное, отъ котораго получается мускусъ, водится въ пустыняхъ между Сибирью и Татаріей... Представивъ свою подать царю, они начали тайно продавать мускусную воду»]... Пузырьки мускуса они продавали тайно, и мы покупали у нихъ фунтъ по 22 динара... Московиты не любятъ мускуса, не берутъ и не покупаютъ его [по первому разсказу: «Московиты не любятъ ея (мускусной воды) и не пьютъ, потому что она очень дешева»]; поэтому онъ былъ очень дешевъ, такъ какъ изъ персіянъ, которые скупаютъ его у татаръ по 40 динаровъ, ни одного не было. По этой цѣнѣ царь продаетъ мускусъ и ревень франкамъ" (в. IV, с.с. 137—138; в. III, с. 72).

[2]) Родесъ, с.с. 169, 165.

[3]) „Книга, глаг. Большой Чертежъ", изд. Гр. И. Спасскимъ, М., 1846 г., с. 196.

[4]) Чтенія, 1846 г., I, с. 18. По „Словарю коммерческому", пер. Левшинымъ („Агарикъ", II), „лучшимъ считается тотъ (агарикъ), который бѣлъ, великъ, легокъ, удобно растирается въ порошокъ, вкусомъ горекъ и запаху остраго и проницательнаго. Въ Россіи «агарикъ» называется «трутомъ» или «губкой». Обыкновенно употребляютъ его для черной краски. Онъ во многомъ подобенъ чернильному орѣху, который также есть выростокъ на деревѣ. Одинъ родъ употребляется въ пищу, другой, какъ слабительное, въ аптеку, и послѣдніе растутъ на лиственничныхъ деревьяхъ; другіе употребляются для дѣланья трута къ высѣканію огня и прочее. Лучшіе агарики идутъ съ востока. Голландцы торгуютъ получаемыми изъ Россіи, но они менѣе уважаемы, такъ какъ бывали обтерты пилой и набиты мѣломъ".

Ревень, по Родесу, вывозился изъ Архангельска иногда въ количествѣ 150 пудовъ (на 7.500 рублей)[1]. Ревень, считаясь, „какъ и Agaricus, за Purgantia primaria“, т. е. слабительное, шелъ также на настой водки[2]. По свидѣтельству Марпергера, ревень при Петрѣ В. былъ отданъ на откупъ почти за столько, какъ и икра, т. е. 80.000 рейхсталеровъ[3].

Мачты, при обиліи лѣсовъ въ Россіи, были еще въ XVI в. однимъ изъ предметовъ выгоднаго вывоза[4]. Многіе путешественники говорятъ, что Россія „изобиловала лѣсами“ въ частяхъ даже хорошо населенныхъ и вообще „почти вся страна была покрыта“ ими[5]. Авторъ описанія путешествія Томаса Смита (1604 г.) любовался на С. Двинѣ „видомъ поразительныхъ по своей прямотѣ елей, сосенъ, величественныхъ кедровъ и цѣлыхъ сосновыхъ лѣ-

1) Родесъ, с. 165; о ревенѣ, с. 153.

2) П. Алеппскій. Его извѣстія о ревенѣ, какъ и о мускусѣ, о которомъ уже выше упоминалось, отличаются двойственностью. Онъ говоритъ, что изъ Сибири „привозятъ (въ Москву) и продаютъ здѣсь по 40 динаровъ за пудъ, т. е. за 13 окъ, самаго высокаго сорта, а если онъ низкаго сорта и легкій, то за пятнадцать“. Павелъ узналъ, что греческіе купцы, закупавшіе его для Константинополя, „немного отъ него наживаютъ“ (но въ англійскомъ переводѣ вѣрнѣе: „получаютъ большіе барыши“). Въ другомъ же мѣстѣ Павелъ сообщаетъ, что пріѣхавшіе татары продавали ревень по иной цѣнѣ: „Пудъ лучшаго ревеня, составляющій 13 окъ, продавали за 30 динаровъ; худшаго качества—дешевле, до 12 динаровъ... Московиты пьютъ водку не иначе какъ съ ревенемъ, который кладутъ маленькими кусочками въ посуду съ водкой, и она дѣлается желтой, какъ шафранъ. Ревень уничтожаетъ ея вредъ и дѣлаетъ ее весьма полезной. Высшій и самый вѣскій сортъ ревеня скупаютъ греческіе купцы для Константинополя, гдѣ продаютъ его съ большимъ барышомъ“ (в. III, с. 70, в. IV, с. с. 137—138).

3) Marperger P., „Moscowitischer Kauffmann“, Lübeck, 1723, S. 241.

4) Русскія сосны, писалъ Кампензе (1523—1524 г.), были „величины невѣроятной“ и шли на мачты самыхъ большихъ кораблей; русскій дубъ и кленъ тоже считался лучше западныхъ деревьевъ; поэтому купцы вывозили эти деревья изъ Россіи въ „большомъ количествѣ“ и продавали по весьма высокимъ цѣнамъ („Библ. иностр. пис. о Рос.“, I, 1836 г., с. 30). Кильбургеръ указываетъ на существованіе сортовъ мачтъ на Двинѣ въ 26—28 пальмовъ (Palmen), а по „Словарю коммерч.“ XVIII в.—„пальма, или ладонь, содержитъ 2 вершка“ (V, с. 304).

5) „Описаніе Московіи при рел. гр. Карлейля“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 5. Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 182.

совъ[1])". Масса въ 1624 г. просилъ позволенія завести ему по Двинѣ водяныя лѣсопильныя мельницы, чтобы вывозить доски за границу, но, очевидно, его проектъ не осуществился. Въ 1631 г. русское правительство позволило голландцамъ рубить по берегамъ С. Двины и у Архангельска лѣсъ, нужный въ Голландіи для кораблей и домовъ, „а именно: дубовый и сосновый въ 2 дюйма толщины и тоньше, длиной же въ 40 или 30 футовъ, но не короче 20"; однако это разрѣшеніе не имѣло никакихъ послѣдствій. Поэтому въ 1633 г. Карлъ де Молинъ получилъ десятилѣтнюю монополію на рубку въ галицкомъ уѣздѣ и на Ветлугѣ дубоваго лѣса для вывоза его за море[2]). Голландецъ Вахромей (Вернеръ) Петровичъ Меллеръ (Миллеръ)[3]) получилъ 10 іюня 1670 г. грамоту „на отпускъ на 10 лѣтъ корабельныхъ деревьевъ съ дозволеніемъ вывозить оныя въ Голландію"[4]). Онъ имѣлъ право покупать безъ перекупки корабельный лѣсъ въ двинскихъ и въ иныхъ уѣздахъ, гдѣ „большой лѣсъ" найдется, а платить откупу со всякаго дерева по 10 соимковъ. Онъ посылалъ его изъ Архангельска въ Голландію, но въ 1674 г. другія лица стали покупать тоже большой корабельный лѣсъ въ смоленскомъ и въ иныхъ уѣздахъ и возить Зап. Двиной черезъ Ригу въ Голландію же, а такъ какъ они его покупали безпошлинно и безъ откупа, то онъ имъ обходилось дешево, и они за моремъ продавали его дешево, отчего чинился Меллеру убытокъ. Поэтому въ декабрѣ 1674 г. грамотой безъ царскаго указа „такого большого лѣсу Двиною рѣкою черезъ Ригу возить никому не велѣли"[5]). Для эксплоатаціи двинскаго лѣса были построены на р. Вавчугѣ пильныя мельницы, которыя въ 1694 г. осматривалъ Петръ В.[6]). Въ самомъ Архангельскѣ строевой лѣсъ былъ вообще дешевъ, и поэтому дощаники и барки, разгруживаясь тамъ, шли на сломъ; сажень дровъ стоила

[1]) „Сэра Томаса Смита путешествіе и пребываніе въ Россіи" (съ англ. подлинника 1605 г.), перев. И. М. Болдакова, П., 1893 г., с. 22.

[2]) В. А. Кордтъ, Отчетъ Бурха и Фелтдриля, Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. 116, с.с. CCCIV, 88—90, CCCVI—CCCVII.

[3]) „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ П. Менезія", изслѣд Н. Чарыкова, приложенія, с. 493.

[4]) Бантышъ-Каменскій, „Обз. внѣшнихъ сн.", I, с. 188.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, прик. дѣла ст. лѣтъ, 1674 г., № 376.

[6]) Лѣтопись Двинская, сост. А. А. Титовымъ, М., 1889, с. 71.

всего 10—12 копеекъ (стейферовъ)[1]. При Алексѣ Михайловичѣ иностранцы предлагали дешево строить въ Россіи корабли (проектъ француза Грона 1651 г.)[2], хотя впослѣдствіи капитанъ Дж. Перри, состоявшій (1698—1715 г.г.) на службѣ у Петра В. по кораблестроенію, увѣрялъ, что „царскіе корабли, несмотря на то, что рабочій трудъ цѣнится дешево, что канаты, веревки и весь желѣзный матеріалъ получается въ Россіи, корабли эти все-таки обходятся такъ дорого, что дешевле было бы выписывать ихъ готовыми изъ Англіи"[3].

Къ главѣ II.

Соль, по Герберштейну, добывалась въ Старой Русѣ, на Соловкахъ и вообще по Двинѣ, у Переяславля, Ростова и въ Нижнемъ Новгородѣ[4]. Флетчеру же были извѣстны, какъ мѣста добычи соли,—Старая Руса, Астрахань, Пермь, Вычегда, Тотьма, Кинешма, Соловки, Окона (Ocona), „Bóbasey" и Ненокса[5]. Рейтенфельсъ въ II половинѣ XVII вѣка еще упоминаетъ Галичъ и также Нижній Новгородъ[6].

Астрахань издавна славилась своею солью. Батый получалъ большой доходъ съ соляныхъ озеръ (очевидно, у Астрахани), изъ которыхъ русскіе и другіе вывозили соль[7]. Въ XV в. русскіе ежегодно отправляли свои суда въ Астрахань за солью[8], и Астрахань снабжала тогда „превосходной солью почти всѣ россійскія владѣнія"[9]. Съ завоеваніемъ русскими Астрахани, значеніе этой соли, конечно, увеличилось, и неудивительно, что въ началѣ XVII в. „вся Московія снабжалась отсюда солью"[10]. Олеарій называетъ

---

1) „Посольство К. ф.-Кленка", с. 315.
2) Родесъ, с.с. 80—81.
3) Чтенія, 1871 г., I, с. 28.
4) Герберштейнъ, с.с. 120, 122, 124, 125, 127, 136—137.
5) Флетчеръ, с. 14.
6) Чтенія, 1906 г., III, с.с. 184—185.
7) Рубрукъ (1253 г.), пер. А. Маленна, 1911 г., с.с. 68—69.
8) Барбаро, „Библ. ин. пис. о Рос.", I, 1836 г., с. 57.
9) Контарини (1473 г.), тамъ же, с. 88.
10) Какашъ и Тектандеръ (1602—1603 г.г.), Чтенія, 1896 г., II, с. 26. Маржеретъ, „Сказ. совр. о Д. Самозв.", I, 1859 г., с. 251.

эту соль „великолѣпнѣйшей“ и указываетъ на 3 самыхъ замѣчательныхъ озера, въ которыхъ она добывалась: въ 10 верстахъ отъ Астрахани — Мочаковское, въ 15 — Каинково и въ 30—Гвоздовское [1]). Рейтенфельсъ же говоритъ о 6 озерахъ и тоже сообщаетъ, что въ Астрахани получается лучшая самосадочная соль [2]). Ее могъ собирать всякій желающій, но съ уплатой царю пошлины за 2 пуда—1 копейки [3]), а спустя около 20 лѣтъ уже по $2^1/_2$ коп. [4]). „Русскіе, пишетъ Олеарій, ведутъ обширную торговлю солью, свозятъ ее на берегъ Волги, насыпаютъ большими кучами и развозятъ по всей Россіи, но не всей Мидіи, Персіи и Арменіи, какъ говоритъ Петрей въ своей «Московской хроникѣ». Дѣло въ томъ, что въ этихъ странахъ имѣются собственныя великолѣпныя соляныя розсыпи“ [5]). Въ 1670 г. астраханскую соль возили на лодкахъ въ Тарки, пограничный городъ съ Персіей, въ 2 миляхъ отъ Каспійскаго моря [6]). Въ іюнѣ 1672 г. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ астраханскому воеводѣ „прочно и постоянно и цѣною невысокою высылать по вся годы на насадахъ или на ладьяхъ и въ стругахъ и въ поускахъ до Синбирска или до Нижнего по двѣстѣ тысячъ пудъ соли“ [7]).

Кромѣ астраханской соли, русскіе пользовались солью съ Соляной горы, лежавшей на правомъ берегу Волги, недалеко отъ устья притока р. Усы (между Казанью и Самарой). Эта соль, „добываемая изъ сосѣднихъ копей“, вываривалась въ котлахъ и „въ большомъ количествѣ“ отвозилась по Волгѣ въ Москву [8]).

Старая Руса также была извѣстна своей солью. Въ XVI в. тутъ вываривалось „довольно большое количество соли“ [9]). Но тогда не только здѣсь, а вообще около Новгорода были соляныя варницы [10]). Перштейнъ (1575 г.) писалъ, что въ „настоящее вре-

---

[1]) Олеарій, с. 400.
[2]) Чтенія, 1906 г., III, с.с. 184—185.
[3]) Олеарій, с. 400.
[4]) Стрюйсъ, Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 85.
[5]) Олеарій, с. 400.
[6]) „Копія съ письма Д. Бутлера... о взятіи Астрахани—1670 г.“, Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 121.
[7]) Зап. Отд. рус. и сл. арх. И. Арх. Общ., 1861 г., II, с. 379.
[8]) Олеарій, с. 379. Стрюйсъ, Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 77.
[9]) Барберини, Сынъ Отечества, 1842 г., ч. III, № 7, с. 38.
[10]) Ульфельдъ (1575 г.), Чтенія, 1883 г., I, с. 12.

мя моск. в. князь строитъ соляные магазины на ливонской границѣ, въ виду полученія до одного миллiона золотой монетой въ годъ, и этимъ онъ значительно подорветъ французскую промышленность, сильно торговавшую по сю пору солью въ тѣхъ мѣстахъ" [1]). Старая Руса приносила князю большіе доходы, и здѣсь, по сообщенію Гейденштейна (1583 г.), было большое населеніе и обширная торговля [2]). Объ устройствѣ самихъ солеваренъ мы получаемъ понятіе изъ альбома инженера Пальмквиста, бывшаго вмѣстѣ съ Кильбургеромъ въ шведскомъ посольствѣ. Пальмквистъ обратилъ вниманіе на 2 солеварни на р. Мшагѣ и снялъ ихъ общій видъ, съ виднѣющимся на заднемъ планѣ сплошнымъ лѣсомъ; при этомъ Пальмквистъ еще далъ поперечный разрѣзъ одной варницы и подробный чертежъ ея устройства, откуда можно видѣть размѣры и формы всѣхъ частей соляного завода, а также представить себѣ самый ходъ выварки соли. Въ своихъ поясненіяхъ къ рисунку Пальмквистъ передаетъ, что въ одинъ городъ Нарву отправляли ежегодно болѣе 1.000 ластовъ соли. „Самая лучшая соль добывается близъ Старой Русы и по берегамъ Ильменя; что же касается соли съ р. Мшаги, то она хотя и мелка, но менѣе солона". Въ другомъ мѣстѣ своего альбома Пальмквистъ говоритъ, что изъ 8 варницъ, бывшихъ раньше на р. Мшагѣ, въ его время существовали только три [3]). По даннымъ Моск. Архива Мин. Юстиціи, извѣстный Ордынъ-Нащокинъ, бывшій псковскимъ воеводой всего за 8 лѣтъ до Пальмквиста, желая поднять псковскую торговлю и промышленность, обратилъ вниманіе на старыя соляныя варницы на р. Губѣ, въ 12 верстахъ отъ Пскова, на дворцовой пустоши Селинѣ Соленикѣ и приказалъ осмотрѣть ихъ вызванному изъ Старой Русы мастеру соляного дѣла и, если возможно, привести ихъ снова въ ходъ. Изъ отписки Ордына-Нащокина въ Москву видно, что, „по сказкѣ государевыхъ дворцовыхъ крестьянъ окольныхъ людей, слышали они отъ старыхъ людей, что тѣ соловары больше 100 лѣтъ, какъ покинуты по челобитью городовыхъ и

---

[1]) Чтенія, 1876 г., II, с. 18.

[2]) Р. Гейденштейнъ, „Записки о московской войнѣ 1578—1582 г.г." II, 1889 г., с.с. 171—172.

[3]) Erich Palmquist, „Någre widh Sidste Konigl. Ambassaden till Tzaren i Miskou 1674. Stockholm, 1898".

уѣздныхъ для оскудѣнія дровъ"[1]). Въ самомъ дѣлѣ, недостатокъ и дороговизна дровъ (для выварки $10^1/_2$ пудовъ соли требовалась 1 сажень дровъ) не разъ служилъ къ прекращенію дѣятельности варницъ[2]).

Соловецкій монастырь еще въ I половинѣ XVI в. въ изобиліи вываривалъ соль[3]). Соль съ сѣвера возилась въ Вологду и требовала для этого большого числа барокъ; большинство барокъ, находившихся на С.Двинѣ, принадлежало Вологдѣ, потому что именно тутъ жило много купцовъ, занимавшихся этой перевозкой[4]). Въ 1630—1631 г.г. въ Тотьмѣ „промышленность главнымъ образомъ состояла въ винокуреніи и солевареніи"[5]). Въ половинѣ XVII в. Соловецкій монастырь могъ продавать до 130.000 пудовъ соли, платя оброку 659 р. (безъ полуденьги). Кирилловъ же монастырь получилъ право на безпошлинный провозъ обиходной соли 7.560 пудовъ[6]). Въ 1684 г. Антоніевъ Сійскій монастырь просилъ дозволить ему продавать въ Холмогорахъ и Вологдѣ до 30.000 пудовъ своей соли безъ платежа пошлины или же по полуденьгѣ съ пуда, по примѣру Соловецкаго монастыря[7]). Суда, нагруженныя этой солью, въ большомъ количествѣ ходили по С. Двинѣ. Койэтъ, авторъ описанія посольства Кленка, въ іюлѣ 1676 г. видалъ на этой рѣкѣ разнаго рода соляныя суда,

---

[1]) Ю. Готье, „Извѣстія Пальмквиста о Россіи", Археологич. извѣстія и замѣтки, издаваемыя Имп. Моск. Археол. Общ. подъ ред. Д. Н. Анучина и А. И. Кирпичникова, годъ VII, 1899 г. (№ 3—4), с.с. 91—92.

[2]) С. Коломинскій, „Торговля солью на Руси въ 16—17 в. и общее состояніе соляныхъ промысловъ въ указанный періодъ времени", Сборникъ статей Ист.-Этногр. Кружка при Унив. Св. Владиміра, К., 1913 г., с.с. 124, 131 (или въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, К., 1912 г., № 12).

[3]) Герберштейнъ, с. 122.

[4]) Дженкинсонъ (1554 г.), Чтенія, 1884 г., IV, с. 31.

[5]) Отчетъ Бурха и Фелтдриля, Сб. И. Рус. Ист. О., т. 116, с. 24.

[6]) Акты Арх. Эксп., III, с. 426. „Опыты и изслѣдованія" В. Ключевскаго, сборникъ I, М., 1912 г., с. 36. Доп. къ Акт. Ист., III, с. 414. Въ 182 г. съ соляныхъ промысловъ и угодій Соловецкаго монастыря было взято противъ 179 г.—9 р. 27 а. 4 д. (Моск. Гл. Арх. М. Ин. Дѣлъ, арханг. кн., 7182—1674 г., № 8, л. 98). Соляной промыселъ Соли-Камска имѣлъ такое большое значеніе, что онъ былъ выдѣленъ въ отдѣльную службу гостей (Распредѣленіе между гостями службъ въ 1675 г., Чтенія, 1913 г, III, Смѣсь).

[7]) Доп. къ Акт. Ист., XI, № 5.

шедшія изъ Соловокъ, Соль-Вычегодска, а иногда съ Кильдина и Вардегуза (Вардегузъ—островъ на Ледовитомъ океанѣ на высотѣ 70½°/₀, къ востоку отъ Нордкапа, а къ востоку отъ Вардегуза лежитъ остр. Кильдинъ). Койэтъ сообщаетъ при этомъ интересныя подробности: онъ встрѣтилъ эти суда къ сѣверу отъ Тотьмы, и „тѣ лодки, которыя мы встрѣтили, находились уже въ пути цѣлыхъ 15 недѣль. Каждый человѣкъ за каждую поѣздку получаетъ не болѣе 8 гривенъ, или 4 гульдена, помимо пищи, которая очень скудна и состоитъ въ хлѣбѣ, чеснокѣ, соли и водѣ“. Въ Вологдѣ же Койэтъ упоминаетъ „великолѣпнѣйшій монастырь, великолѣпно построенный; въ немъ распредѣляется соль отъ богатаго Соловецкаго монастыря, и тутъ живетъ и архіепископъ“. Этотъ монастырь былъ, очевидно, Духовъ монастырь (Галактіонова пустынь Знаменской Богородицы). Въ Тотьмѣ Койэтъ видалъ русскаго купца Іосифа Андреевича, очень богатаго, имѣвшаго 8 солеваренъ, дававшихъ ежегодно 8.000 рублей дохода [1]).

Спустя нѣсколько десятилѣтій, Бруинъ осматривалъ „въ 30 верстахъ материкомъ“ отъ мон. Николая (очевидно, это Прилуцкій Николаевскій мон. въ 43 верстахъ отъ Устюга, въ заливѣ Двины) солеварни, находящіяся недалеко отъ рѣки, гостя Василія Грутина (Groetin) и описываетъ ихъ устройство: „Надъ ней (печью) стоитъ большой четырехугольный чанъ въ 15 футовъ, коего каждый уголъ въ окружности имѣетъ 60 футовъ и глубиной въ 1½ фута.... Каждый такой чанъ доставляетъ за одинъ разъ 60 путовъ, что составитъ 1.333 фунта“. Чановъ было 20, хотя водой при Бруинѣ было наполнено всего 6, а изъ нихъ въ ходу былъ лишь одинъ. Воду получали изъ 4 колодцевъ, глубиной „на 27 саженъ“ [2]).

Кромѣ вышеперечисленныхъ соляныхъ промысловъ, были еще и другіе. Герберштейнъ говоритъ, что „въ 2 миляхъ отъ Нижняго Новгорода было очень много домовъ, наподобіе города или поселка, гдѣ вываривалась соль. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они были выжжены татарами и возстановлены по приказу государя“ [3]). Петрей воспользовался этими свѣдѣніями для своего со-

---

1) „Посольство К. ф.-Кленка“, с.с. 560—561, 357, 352.
2) Чтенія, 1873 г., I, с.с. 273—274.
3) Герберштейнъ, с.с. 136—137.

чиненія о Россіи[1]). О нижегородской соли, какъ уже выше отмѣчено, также писалъ Рейтенфельсъ.

О соли въ Переяславлѣ и Ростовѣ послѣ Герберштейна сообщалъ Барберини (1565 г.)[2]), и Стрюйсъ (1668—1670 г.г.) относительно ростовской области подтверждаетъ, что тамъ было много соли[3]). У насъ даже есть чертежъ Даниловскаго соляного завода, находившагося недалеко отъ московской дороги, между рѣкой Иши и рѣкой Устье, недалеко отъ г. Ростова; на этомъ заводѣ было 4 варницы, 2 амбара и 1 колодецъ[4]). Также около Москвы были соляные заводы, а именно въ 1669 г. видимъ ихъ на Дѣвичьемъ Полѣ и подъ Хамовниками, а въ 1675 г., сверхъ этихъ заводовъ, упоминается соляной заводъ въ Коломенскомъ селѣ[5]).

Изъ сибирской соли славилась добываемая въ богатомъ соляномъ Ямышевскомъ озерѣ, около Иртыша, при чемъ при Крижаничѣ приходилось русскимъ „съ полъ дня хода соль на своемъ хребту носить или на тачкахъ возить отъ озера къ рѣкѣ“[6]). Сюда изъ Тобольска ходили партіи служилыхъ людей запасаться солью.

Невзирая однако на большое количество соли въ Россіи, иностранцы ввозили въ нее свою соль, о чемъ говоритъ самъ Кильбургеръ[7]). Шведы тоже ввозили ее и въ I половинѣ XVII в. они жаловались, что русскіе невѣрно вѣсятъ ихъ привозные товары, особенно соль[8]).

Хлѣбъ, благодаря плодородію почвы, о чемъ въ общемъ свидѣтельствуютъ иностранные путешественники, хорошо родился въ Россіи. Герберштейнъ вѣрно замѣтилъ, что московская область не слишкомъ плодородна, вслѣдствіе песчаной почвы, засухи, из-

1) Чтенія, 1865 г., IV, с. 28.
2) Сынъ Отечества, 1842, ч. III, № 7, с. 38.
3) Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 37.
4) „Сборникъ чертежей Москвы, ея окрестностей и города Пскова, XVII ст.“ (приложеніе ко II т. Зап. Славяно-Русскаго Отд. Арх. Общ.), П., 1861 г., чертежъ № XXIX.
5) Р. Ист. Библ., XXIII, с.с. 18, 353.
6) „Рус. госуд...“, № 1, с. 15.
7) С.с. 120—121. Крижаничъ писалъ, что нѣмцы привозятъ себѣ соль изъ Португальской земли („Рус. гос...“, № 1, с. 15).
8) К. Якубовъ, сборникъ матеріаловъ по ист. „Рос. и Шв.“, с. 133.

лишней влажности и холодовъ[1]). Даніилъ Принцъ считалъ, что, вслѣдствіе плодородія, земля, воздѣлываемая посредственно, тѣмъ не менѣе приноситъ обильные плоды[2]). Маржеретъ даже говоритъ, что русская почва такъ тучна и плодородна, что ее удабриваютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ[3]). Еще ярче выражается Олеарій: „Въ виду добраго свойства почвы, страна, гдѣ она хоть немного обработана, чрезвычайно плодородна (исключая лишь немногія мили вокругъ города Москвы, гдѣ почва песчаная), такъ что получается громадное изобиліе хлѣба и пастбищъ", и отъ этого провіантъ въ Россіи былъ вообще дешевъ[4]). Отзывъ же Мейерберга, что московская область не плодородна, вслѣдствіе холодовъ и засухъ песчаной почвы, какъ будто заимствованъ у Герберштейна[5]). Большой вѣрностью отличается опредѣленіе спутника Карлейля, что страна не вездѣ одинаково плодородна, и болѣе сѣверныя и сѣверо-западныя, а также восточныя провинціи почти не производятъ ржи, однако остальныя производятъ ее не только для своего государства, но и для другихъ[6]). Нѣкоторые иностранцы опредѣляютъ плодородіе разныхъ областей Московскаго государства урожайностью[7]). Стрюйсъ увѣряетъ, что во владимірской области пшеница производитъ 20 и часто 25, а въ рязанской „на каждое зерно по два колоса, когда три и болѣе"[8]). Можно подумать, что цифры, приводимыя предшественниками Стрюйса, показались ему малыми, и онъ ихъ увеличилъ. Дѣйствительно, отъ Петрея (его сочиненіе издано въ Лейпцигѣ въ 1620 г.) узнаемъ, что владимірская область приноситъ самъ 12, 16, 18 и даже 20 урожая, а въ рязанской области „каждое высѣеваемое зерно даетъ иногда три колоса"[9]). Рейтенфельсъ о рязанской области повторяетъ то же самое: „часто выра-

---

1) Герберштейнъ, с. 97.
2) Чтенія, 1876, IV, с. 71.
3) „Сказ. совр. о Д. Сам.", 1859 г., I, с. 253.
4) Олеарій, с.с. 159, 18.
5) Мейербергъ, Чтенія, 1873 г., IV, с 120.
6) Ист. Библ., 1879, № 5, с.с. 9, 41.
7) Данныя писателей XVI в. о степени плодородія и урожайности областей Россіи приведены Е. Замысловскимъ: „Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи", П., 1881 г., с.с. 213—226, 250—254.
8) Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 37.
9) Чтенія, 1865 г., IV, с.с. 2, 30.

стаетъ на одномъ зернѣ два—три колоса“ [1]). Павелъ Алеппскій разсказываетъ, что „московиты“ сѣютъ рожь, которая, какъ и пшеница, вырастаетъ „около трехъ аршинъ, такъ что въ ней можетъ скрыться всадникъ. Въ землѣ казаковъ посѣвъ этотъ (ржи)—очень изобиленъ“. При паханіи русскіе запрягали одну лошадь въ плугъ на 2 колесахъ съ желѣзнымъ острымъ рѣзакомъ; для бороньбы они употребляли плетеный четырехугольникъ съ длинными деревянными гвоздями, при жатвѣ же пользовались серпами и граблями [2]). Рейтенфельсъ говоритъ, что именно мѣстами, вслѣдствіе мягкой почвы, русскіе работали плугомъ въ одну лошадь, большею же частью производили работы быками [3]). Сжавъ хлѣбъ, русскіе сушили его воздухомъ или вѣтромъ, а также подвергали просушкѣ огнемъ и дымомъ, отчего онъ твердѣлъ и сохранялся многіе годы. Молотьба производилась на обледенѣвшей зимой землѣ, на которой и выбивались зерна [4]). Конечно, это не былъ единственный способъ молотьбы у русскихъ хлѣба. П. Алеппскій указываетъ, что сложенные въ скирды снопы и прикрытые досками лежали зиму и лѣто, а потомъ молотились посредствомъ длиннаго бревна, приводимаго въ движеніе лошадью [5]). Зерна, по словамъ Д. Принца, каждый перемалывалъ себѣ домашними своими ручными мельницами, такъ какъ „мучныхъ мельницъ у рѣкъ у нихъ (было) очень мало“ [6]). Но въ Москвѣ на р. Яузѣ еще до Д. Принца было, какъ пишетъ Герберштейнъ, „очень много мельницъ для общаго пользованія гражданъ“, а также на рвахъ Кремля и Неглинной стояли мельницы [7]). Хотя Герберштейнъ не говоритъ, были ли это вѣтряныя или водяныя мельницы, но на приложенномъ имъ видѣ г. Москвы нарисованы противъ Троицкихъ воротъ, по обѣимъ сторонамъ Неглинной (на ея мѣстѣ теперь находится Александровскій садъ, а сама она течетъ подъ нимъ въ трубахъ),

---

[1]) Чтенія, 1906 г., III, с. 184.

[2]) П. Алеппскій, в. II, с.с. 124—125. По Даніилу Принцу, русскіе „для бороньбы сколачиваютъ сучья и ими разбиваютъ комья“ (Чтенія, 1876 г., IV, с. 71).

[3]) Чтенія, 1906 г., III, с. 137.

[4]) Д. Принцъ, Чтенія, 1876 г., IV, с.с. 71—72.

[5]) П. Алеппскій, в. II, с. 126.

[6]) Д. Принцъ, Чтенія, 1876 г., IV, с. 72.

[7]) Герберштейнъ, с. 100.

двѣ мельницы, и на одной ясно видны два водяныхъ колеса. Кромѣ того, Іовій прямо говоритъ, что Неглинная приводитъ въ дѣйствіе зерновыя мельницы[1]). Въ виду этого неточное извѣстіе Петрея, современника Смуты, что на р. Яузѣ было много водяныхъ мельницъ, введенныхъ и построенныхъ иностранцами[2]), нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что ихъ вообще не было въ XVI в. При Рейтенфельсѣ р.р. Москва, Яуза и Неглинная—всѣ имѣли мельницы, обслуживающія москвичей, хотя тѣ еще имѣли и ручныя мельницы[3]). Кромѣ того, весь холмъ на берегу Москвы былъ усѣянъ вѣтряными мельницами[4]).

Ржаной и пшеничный хлѣбъ были главною пищей крестьянъ[5]), но русскіе, по сообщенію доктора Коллинса, считали ржаной хлѣбъ „гораздо питательнѣе" пшеничнаго[6]), и его любили и почитали больше бѣлаго[7]). Современникъ Карлейля признавалъ, что русскіе „ѣдятъ хорошій хлѣбъ"[8]).

Такъ какъ Россія производила „много ржи"[9]), ею производилась оживленная внутренняя и отчасти внѣшняя торговля. Согласно Ченслеру, изъ области между Москвой и Ярославлемъ, изобилующей хлѣбомъ, русскіе возили хлѣбъ „въ громадномъ количествѣ въ Москву", и можно было утромъ встрѣтить 700—800 саней, везущихъ хлѣбъ, а отчасти рыбу. Также и изъ Москвы въ свою очередь везли хлѣбъ въ отдаленныя мѣста государства, нуждающіяся въ хлѣбѣ[10]). Но русскіе, по словамъ Маржерета, „не взирая на чрезвычайное изобиліе" хлѣба, котораго „собирали много", и на то, что онъ „не былъ дорогъ", не вывозили его за границу и особенно не смѣли вывозить его со стороны Ливоніи[11]). Въ Рос-

---

[1]) Іовій, с. 263.

[2]) Чтенія, 1865 г., IV, с. 2.

[3]) Чтенія, 1905 г., III, с. 93.

[4]) Лизекъ (1675 г.), Ж. Мин. Нар. Пр., ч. 16, 1837 г., с. 343.

[5]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 138. Д. Принцъ обратилъ вниманіе, что черный хлѣбъ—главная крестьянская пища (Чтенія, 1876 г., IV, с. 71).

[6]) Чтенія въ Имп. О. Ист. и Др. Рос., 1846, I, с. 17.

[7]) П. Алеппскій, в. II, с. 124.

[8]) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 19.

[9]) Тамъ же, с. 8.

[10]) Чтенія, 1884 г., IV, с. 2.

[11]) „Сказ. совр. о Д. Сам.", I, с.с. 253, 272—273.

сіи вообще рѣдко можно было слышать, по увѣренію Олеарія, о дороговизнѣ хлѣба [1]). Въ Казани хлѣбъ былъ дешевъ, какъ нигдѣ [2]). Но уже совсѣмъ иное слышимъ отъ Коллинса „Лучшія земли въ Россіи почти ничего не приносятъ, такъ какъ имъ не даютъ отдыхать, а недостатокъ людей является причиной, что прочія земли не воздѣлываются. Путешественники, поднимающіеся вверхъ по Волгѣ, на протяженіи цѣлыхъ 500 в., находятъ одного мужчину на десятокъ женщинъ. Цѣны на всѣ предметы поднялись въ шесть разъ выше, чѣмъ были до всѣхъ этихъ несчастій (войнъ ц. Алексѣя и чумы), а мѣдная монета не имѣетъ уже почти никакой цѣны въ Россіи" [3]). Рейтенфельсъ, спустя нѣсколько лѣтъ прямо признавалъ существующую дороговизну хлѣба, вслѣдствіе чего „иногда" цѣлыя толпы нищенствовали по городамъ, что, неожиданно добавляетъ онъ, „случается чуть не изъ года въ годъ" [4]).

Что касается вывоза хлѣба изъ Россіи, то въ XVII в. видимъ усиленный хлѣбный отпускъ въ иностранныя государства [5]). По опредѣленію Родеса, которымъ по этому вопросу пользуется Кильбургеръ, вывозъ хлѣба, случавшійся „не всякій годъ, но только при высокой цѣнѣ", равнялся 200.000 четвертямъ. Хотя представители западныхъ державъ, часто одновременно, хлопотали о большомъ отпускѣ хлѣба, но русское правительство лишь частично удовлетворяло ихъ просьбы, ссылаясь на скудость. Голландское правительство въ 1630—1631 г.г. даже стремилось, но тщетно, добиться у царя разрѣшенія завести въ Россіи обширныя голландскія земледѣльческія колоніи, чтобы поставлять хлѣбъ во всѣ части свѣта [6]). Нидерландцы, дѣйствительно, сильно нуждались въ русскомъ хлѣбѣ и открыто признавали, что Россія во время большой дороговизны помогала имъ хлѣбомъ [7]). Въ 1661 г., когда голландцы

---

[1]) Олеарій, с. 159.

[2]) Стрюйсъ, Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 75.

[3]) Зап. Моск. Археол. Инст., XV, с. 196. Русскій Вѣстникъ, 1841 г., № 7, с. 177.

[4]) Чтенія, 1906 г., III, с. 138.

[5]) О размѣрѣ вывоза въ 135—141 г.г.: Е. Д. Сташевскій, „Очерки по исторіи царств. Михаила Ѳеодоровича", ч. I, К., 1913 г. с.с. 277—296; о вывозѣ хлѣба въ половинѣ XVII в.: Родесъ, с.с. 11, 159, 163, 212 и др.

[6]) Отчетъ Бурха и Фелтдриля, Сб. Имп. Рус. Ист. О., т. 116; о вывозѣ хлѣба въ 1627 и 1631 г.г., с.с. 122—123, CCCXLV, 64, 159.

[7]) Олеарій, с. 159.

узнали, что „быдто ржи продажного есть изъ Московскаго государства“, никто не хотѣлъ покупать у царскаго комиссара поташа и смольчуги, но „всякъ просилъ ржи“ [1]). Въ 1675 г. (183 г.) было вывезено въ Голландію 30.000 четвертей, да „голанские земли торговому иноземцу московскому жителю Вагромѣю Меллеру, чтобъ амстердамскихъ жителей не допустить до конечной в хлѣбе скудости“, царь Алексѣй далъ 15.000 рублей взаймы, чтобы „въ поморскихъ городѣхъ купить хлѣба и за море весть“; однако Меллеръ возвратилъ этотъ заемъ „ефимками самыми худыми“, почему правительство приказало больше не отпускать хлѣба за море [2]). Съ этимъ слѣдуетъ сопоставить свидѣтельство Кильбургера о вывозѣ хлѣба, что „теперь такая торговля прекратилась, и весь хлѣбъ потребляется въ странѣ и много винокурнями“. Также въ связи съ этимъ стоитъ вышеприведенное извѣстіе Рейтенфельса (1671—1673 г.г.) и отчасти Коллинса (1667 г.) о дороговизнѣ хлѣба. Что само населеніе смотрѣло съ большимъ неудовольствіемъ на отпускъ за границу хлѣба, находимъ яркое доказательство въ народномъ объясненіи новгородско-псковскаго бунта [3]).

Шпикъ и мясо, по донесенію Родеса, доставлялись со всей страны въ Вологду, гдѣ ихъ солили и отправляли въ Архангельскъ (вывозъ = 5.500 шиф.); при этомъ копченая свинина (шпикъ) заготовлялась осенью и на мѣстахъ же заколки свиней коптилась и солилась; больше всего ее доставляли изъ казанской и нижегородской областей [4]). Почти одновременное свидѣтельство даетъ и Павелъ Алеппскій: „Московиты обыкновенно рѣжутъ свиней осенью, разрубаютъ пополамъ, т. е. изъ одной свиньи получается 2 половинки [5]), и вѣшаютъ въ высокихъ помѣщеніяхъ, чтобы онѣ сдѣлались, какъ бастырма (вяленое мясо). Находясь въ походѣ, отрѣзаютъ отъ нея куски и варятъ“. Въ Коломну привозили изъ окрестностей 2 раза въ недѣлю на базаръ „свиней большихъ и

[1]) И. Я. Гурляндъ, „Ив. Гебдонъ“, с. 74.

[2]) „Посольство К. ф.-Кленка“, Введеніе, с.с. LXXVIII, LXXVIX.

[3]) Родесъ, с. 23, примѣч.

[4]) Родесъ, с.с. 165, 171.

[5]) Полть (полоть) могла имѣть разный вѣсъ; такъ Никонъ (въ апр. 7161 г.) купилъ въ Вологдѣ 20 полтей свиного мяса, вѣсомъ 18¾ пуда (по 33 коп. пудъ), т. е. въ данномъ случаѣ полоть была среднимъ вѣсомъ почти 1 пудъ (Временникъ, XIII, с. 52).

малыхъ, зарѣзанныхъ и очищенныхъ, уже замерзшихъ", и онѣ были „весьма дешевы" [1]).

Свинину, которую русскіе приготовляли „по-русски", наши предки солили, не прокоптивши, но такая свинина иностранцамъ не годилась, потому что на морѣ портилась, почему авторъ Торговой книги совѣтовалъ „полти дымомъ закоптить и вывѣшати надъ дымомъ" [2]). Самъ Кильбургеръ говоритъ, что русскіе не коптили шпика (т. е. свинины), а вялили. Русскіе вялили и сушили даже куръ [3]). Сушка играла большую роль въ старомъ русскомъ хозяйствѣ. Посреди двора на Кормовомъ дворцѣ въ Москвѣ было построено высокое сушило для провѣтриванія рыбы, языковъ, ветчины [4]). Ветчина приготовлялась для дворца въ громадномъ количествѣ, и разъ въ одномъ царскомъ магазинѣ пропало 60.000 окороковъ [5]).

Что касается величины русскаго туземнаго скота, онъ былъ, несомнѣнно, небольшимъ. Уже изъ Кильбургера ясно видно, что русскій скотъ былъ посредственной величины, и иноземцы и русскіе богатые люди выписывали въ Холмогоры крупный иноземный скотъ, способствуя тѣмъ разведенію знаменитаго потомъ холмогорскаго скота. Какъ уже нами было раньше замѣчено [6]), въ концѣ XIX в. по опытамъ нашли, что порода скота „холмогорка" имѣла живого вѣса—36 п. 10 ф., что вполнѣ согласуется съ Кильбургеромъ, по которому вѣсъ туши (но не живой вѣсъ)=36 пудамъ. Такимъ образомъ, мнѣніе, что холмогорскій скотъ заведенъ Петромъ Великимъ [7]), невѣрно. Кромѣ того, у насъ еще есть русскій документъ отъ 1664 г., изъ котораго видно, что въ Холмогорахъ тогда уже былъ породистый заграничный скотъ; именно въ этомъ году царь приказалъ прислать живыхъ „нѣмецкихъ коровъ" и быковъ въ Москву, и при переписи всѣ архангельскія коровы были оцѣнены въ 3 р. 30 к., $3^1/_2$ р., 4 р., 5 р., 7 р., 9 р., 15 р.

---

[1]) П. Алеппскій, в. IV, с. 136, в. II, с. 184.

[2]) Зап. Отд. р. и сл. арх. Имп. Арх. Общ., I, с. 134. Временникъ, VIII, с. 6.

[3]) Книги о ѣствахъ (1656 г.), Временникъ Имп. М. Общ. Ист. и Др. Рос., кн. VI (1850 г.), с. 40.

[4]) Забѣлинъ, „Дом. бытъ р. царей", с. 87.

[5]) Коллинсъ, Чтенія, 1846 г., I, с. 18.

[6]) С. с. 224—225.

[7]) Напр., проф. Кулешовъ, „Крупный рогатый скотъ", 1904 г., с. 62

и 18 р.; въ ихъ числѣ были коровы „малы и худы“, но зато коровы, оцѣненныя дорого—въ 15 и 18 р., принадлежали иноземцамъ [1]). Вообще птица и русскій скотъ въ Архангельскѣ былъ мелокъ, какъ передаетъ извѣстный естественникъ и очевидецъ Традескантъ (1618 г.); по его показанію, говядина и баранина здѣсь были тощими, куры и пѣтухи мелкими, каплуновъ совсѣмъ не было, поросятъ русскіе ѣли слишкомъ молодыми, а свиней кормили очень много рыбой, отчего ветчина отзывалась ворванью [2]). Такой же мелкій скотъ былъ и въ другихъ областяхъ Россіи, и Олеарій вѣрно замѣтилъ, что „вообще во всей Россіи скотъ мелокъ“ [3]); въ частности „коровы были очень малы, съ теленка, по причинѣ сильнаго холода“ [4]). Впрочемъ еще Герберштейнъ писалъ о русскихъ домашнихъ животныхъ, что они „гораздо мельче нашихъ“ [5]).

Однако, если русскій скотъ былъ мелокъ, зато его было, по отзывамъ иностранцевъ, много. Если вѣрить Іовію, у русскихъ въ первой половинѣ XVI в. было „крупнаго и мелкаго скота вездѣ неимовѣрное количество“, и жизненные припасы „весьма дешевы“ [6]). Но Ченслеръ, говоря о сѣверныхъ странахъ, куда возили изъ Москвы хлѣбъ, указываетъ, что „въ этихъ странахъ и скота немного“ [7]). Въ первой половинѣ XVII в. Олеарій, посѣтившій среднюю и южную Россію, вынесъ убѣжденіе, что въ Россіи „много имѣется ручного скота: коровъ, быковъ, овецъ, которые продаются весьма задешево“ [8]). Спутникъ Карлейля (онъ пользовался Олеаріемъ) также признаетъ, что въ Россіи встрѣчалось „очень много скота“ [9]). Рейтенфельсъ только подтверждаетъ, что въ Россіи „повсюду виднѣются стада домашнихъ животныхъ: овецъ, свиней, быковъ, коровъ, лошадей и большія стаи голубей, курицъ, утокъ,

[1]) Чтенія, 1907 г. I, Смѣсь, с.с. 34—38, сообщ. Ст. Веселовскаго.
[2]) Гамель, „Англ. въ Россіи въ XVI и XVII ст.“, с.с. 140—141 (прилож. къ Зап. И. Ак. Н., VIII, кн. I).
[3]) Олеарій, с. 161.
[4]) П. Алеппскій, в. II, с. 124.
[5]) Герберштейнъ, с. 99.
[6]) Іовій, „Библ. ин. пис. о Р.“, I (1836 г.), с. 49. Пер. А. Маленна (П., 1908 г.), с. 272.
[7]) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос.“, с. 2.
[8]) Олеарій, с. 164.
[9]) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 9.

павлиновъ и гусей“ [1]). О томъ же еще раньше (1657 г.) писалъ Вимена да Ченеда [2]).

Соленыя и другія рыбы въ пропитаніи русскаго народа имѣли очень большое значеніе. На торжественныхъ обѣдахъ, по увѣренію Мейерберга, русскіе считали, что пиръ не пышенъ, „если вмѣстѣ съ мясами и птицами не подано будетъ множества блюдъ съ разной рыбой, за которую москвитяне... платятъ дорого“, хотя при этомъ не гнушались и испорченной [3]). Торговцы приходили съ астраханской рыбой на судахъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ становились на зимовье, и уже сюда пріѣзжали оптовщики закупать рыбу. Съ ноября 1625 г. по февраль 1626 г., напримѣръ, здѣсь было куплено для царскаго обихода осетровъ и бѣлугъ на 883 р. $50^1/_2$ к., а вязиги на 91 р. 8 к.; впрочемъ до этого года рыбу для дворца покупали на такую же сумму въ Казани [4]). При Котошихинѣ же, если вѣрить его цифрамъ, смѣтныя издержки на пріобрѣтеніе для царскаго обихода рыбныхъ запасовъ, достигали ежегодно болѣе 100.000 рублей. Тогда доставляли для дворца рыбу изъ Колы, Архангельска, Вологды, Ладоги, Великаго и Нижняго Новгорода, Казани, Астрахани и Терка; оставшаяся за царскимъ расходомъ рыба и икра продавалась купцамъ [5]). Въ Москву также много привозили рыбы

---

[1]) Чтенія, 1906 г., III, с. 187.

[2]) Русскіе „имѣютъ невѣроятное множество скота, овецъ, козъ и коровъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь нѣтъ обыкновенія убивать телятъ“ (Отечественныя записки, 1829 г., ч. 37, с. 21).

[3]) Чтенія, 1873 г., III, с. 36.

[4]) Столбцы бывшаго Арх. Оруж. Палаты, в. II, 1913 г., с.с. 483—493.

[5]) Котошихинъ Гр., „О Россіи въ царст. Ал. Михайловича“, гл. VI, статья 3, изд. III, П., 1884 г., изд. IV, П.. 1906 г., с. 79. Для дворца „рыбные запасы привозятъ зимой и лѣтомъ исъ Понизовыхъ городовъ, изъ Нижнего Новагорода и исъ Казани, и изъ Астарахани, и исъ Терка, съ царскихъ рыболовныхъ промысловъ; и что остается за царскимъ расходомъ всякихъ рыбныхъ запасовъ и то продаютъ. А бываютъ исъ Понизовыхъ городовъ рыбные запасы привезены: бѣлуги и осетры просолные, болшіе и середніе и малые, да бѣлуги жъ и осетры розсѣчены по звенамъ въ росолѣ въ бочкахъ, да бѣлужьи же и осетрьи спины и черева сухіе и вялые, да въ бочкахъ же просолные стерляди, ксени, максы бѣлужьи и осетрьи, да бѣлужья жъ и осетрья икра зернистая и паюсная стуламп, вязига, бѣлая рыбица вялая прутьемъ. Да изъ Великого Новагорода и изъ Ладоги рыбныхъ же запасовъ, сиговъ, и лодоги, и сиговые икры, съ 400 бочекъ на годъ. Да съ Вологды, и отъ Архангелского города, и исъ Кол-

частныя лица, и зимой на московскомъ рынкѣ виднѣлись цѣлыя горы рыбъ, лежавшихъ на снѣгу, и особенно были поразительны длинные ряды астраханскихъ осетровъ [1]).

Въ Россіи вообще было „большое изобиліе рыбъ всяческихъ породъ, за исключеніемъ карповъ", которыхъ Олеарій однако много видалъ въ Астрахани, и при томъ „необыкновенной величины", хотя „вкусъ ихъ, въ виду грубаго и жесткаго мяса, не очень былъ пріятенъ" [2]). Кильбургеръ тоже указываетъ, что карповъ мало ловили [3]). „О множествѣ рыбъ, которыя весьма хороши на вкусъ и бываютъ различнаго вида", упоминаетъ и спутникъ Карлейля [4]). Главной поставщицей рыбы была Волга. Стрюйсъ на Волгѣ около Камы встрѣтилъ „рыболововъ, наловившихъ множество форели"; они сказали, что „это—единственная рыба, которая ловится въ этомъ мѣстѣ, но зато въ большомъ изобиліи"; ее ловили переметомъ [5]). Между Казанью и Астраханью были „многіе рыбные промыслы" [6]). „Чрезвычайно богатая ловля рыбы всевозможныхъ сортовъ" въ особенности совершалась между Астраханью и Каспійскимъ моремъ, почему рыба тутъ была „весьма дешева"; здѣсь ловились судаки съ локоть длиной [7]). Эта рыба, какъ и соль, въ половинѣ XVII в. находилась въ рукахъ царскихъ гостей. Пойманные у Астрахани осетры, бѣлуги и стерляди тамъ же солились, а потомъ развозились гостями по всей Волгѣ и Окѣ во всѣ большіе и малые города, гдѣ только могли пристать суда, и продавались мелкимъ мѣстнымъ купцамъ небольшими партіями, а тѣ продавали уже по мелочамъ разнощикамъ [8]).

На сѣверѣ—на Колѣ, С. Двинѣ и Мезени тоже были большія тони [9]). Ченслеръ и замѣтилъ, что „между жителями очень

ского острогу лососи, семги просолной съ 20,000 берковескъ. И по смѣтѣ тѣхъ рыбныхъ запасовъ изойдетъ въ годъ, про царской обиходъ, числомъ противъ продажные торговые цѣны, болши ста тысечь рублевъ".

1) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 191.

2) Олеарій, с. 164.

3) С с. 112, 178.

4) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 9.

5) Рус. Архивъ, 1880 г., I, с. 76.

6) К. Якубовъ, матеріалы по ист. сн. „Рос. и Шв. въ I пол. XVII в.", с. 48; слова русскихъ пословъ 1617—1618 г.г.

7) Олеарій, с.с. 400, 414.

8) Родесъ, с. 157.

9) Кильбургеръ, с. 95.

много рыбаковъ, ловящихъ семгу и треску"[1]). Около острова Кильдина, а также губы рѣки Териберка (оба эти мѣста лежатъ нѣсколько къ в. отъ р. Колы), много русскихъ судовъ занималось ловлей рыбы, и въ Архангельскъ „привозились окуни въ 1½ фунта величиной, прекрасная лососина, которая соленая или копченая въ большомъ изобиліи вывозилась въ Голландію и другія мѣста"[2]). Именно преимущественно изъ Архангельска доставлялась въ Москву семга[3]). Въ Оби же, по даннымъ Коллинса, водилось „огромное количество осетровъ и бѣлуги"[4]).

Медъ и воскъ „отъ Рязани до Нижняго Новгорода, по обѣимъ берегамъ р. Оки добывался больше, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи"[5]). Рязанскій медъ Рейтенфельсъ считалъ „превосходнѣйшимъ"[6]). По Флетчеру, медъ главнымъ образомъ получался изъ Мордвы и Кадома, близъ земли Черемисскихъ татаръ, а также изъ областей—сѣверской, рязанской, муромской, казанской, дорогобужской и вяземской; хотя его много употреблялось жителями, но еще въ концѣ XVI в. „вывозился въ довольно большомъ количествѣ за границу"[7]). Большой вывозъ меда, несмотря на его усиленное внутреннее потребленіе, подтверждаетъ и Олеарій, указывая, что медъ и воскъ вывозились большею частью черезъ Псковъ[8]).

---

[1]) Чтенія, 1884 г., IV, с. 1.

[2]) „Посольство К. ф.-Кленка", с. с. 286—287, 313.

[3]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 191.

[4]) Зап. Моск. Археол. Инст., XV, с. 159. Рус. Вѣстн., 1841 г., № 9, с. 575.

[5]) Дженкинсонъ (1558 г.), Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос.", с. 36.

[6]) Чтенія, 1906 г. III, с. 205. Согласно Рейтенфельсу, медъ добывался въ нижегородской области и въ лѣсахъ Мордвы (с. 183). Но въ самой московской области, какъ узнаемъ отъ Герберштейна, не было меда; „говорятъ, что нигдѣ, кромѣ Самогитіи, нѣтъ меда лучше, вкуснѣе и бѣлѣе и съ меньшимъ количествомъ воска" (Герберштейнъ, с.с. 99, 180). Что „Московія очень богата медомъ", какъ дикимъ, такъ и домашнимъ, передаетъ и Альбертъ Кампензе (1523 г.) („Библ. ин. пис. о Рос.", I, 1836 г., с.с. 30—31). Также спутникъ Карлейля (1663—1664 г.г.) писалъ, что въ Россіи „много меда" (Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 9).

[7]) Флетчеръ, с. 12.

[8]) „Медъ и воскъ, правда, часто находимые въ лѣсахъ, имѣются у нихъ въ такомъ изобиліи, что они, несмотря на количество, потребное имъ для медовыхъ питей и для восковыхъ свѣчей, которыми они пользуются и для собственныхъ надобностей и въ большихъ размѣрахъ для богослу-

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя Родесъ и Олеарій иногда писали объ одновременныхъ событіяхъ [1]), тѣмъ не менѣе Родесъ не упоминаетъ въ числѣ архангельскаго вывоза меда, а только воскъ, очевидно, потому что, если при немъ медъ и вывозился, то черезъ западъ Россіи, въ виду дороговизны его провоза черезъ Архангельскъ [2]). Но Кильбургеръ, какъ мы видимъ, уже ясно говоритъ, что меда и воска изъ Россіи не вывозятъ. Извѣстія же Корба (1698—1699 г.г.) о медѣ лишь являются пересказомъ словъ Флетчера [3]).

Порохъ русскіе часто покупали за границей, и цѣны на него быстро мѣнялись, что, конечно, болѣе зависѣло отъ международнаго политическаго положенія, чѣмъ отъ экономическихъ причинъ. Въ 1653 г. А. Виніусъ покупалъ „въ нѣмецкихъ земляхъ порохъ больши і четырехъ рублевъ пудъ и бесь проторей". Въ 1659 г. Гебдонъ купилъ за границей порохъ по 2 р. 90 к. пудъ, и въ слѣдующіе два года въ Архангельскъ прибыло этого пороха 761 бочка вѣсомъ по 6 пудовъ каждая, не считая дерева, и провозъ пуда изъ Голландіи въ Архангельскъ обошелся въ 40 к. Когда же въ 1661 г. (169 г.) пришлось произвести новую закупку иностраннаго пороха, оказалось, что селитра вздорожала, и поэтому нельзя было произвести покупки пороха по прежней цѣнѣ въ 2 р. 90 к. или же по тогдашней цѣнѣ московскихъ зелейныхъ мельницъ, пудъ которыхъ обходился съ расходами по 2 р. 10 к. и 2 р. 70 к. [4]). Въ Москвѣ продавался порохъ въ лавкахъ, и въ 1660 г. отъ его воспламененія произошелъ пожаръ, при чемъ погибло 300 человѣкъ [5]).

Кильбургеръ пишетъ, что русскіе никогда не устраивали торжественной пальбы, но это невѣрно. Правда, что, какъ разсказы-

---

женія, тѣмъ не менѣе могутъ продавать большими партіями и то и другое за границу. Въ большинствѣ случаевъ эти товары вывозятся черезъ Псковъ" (Олеарій, с. 162).

[1]) Напримѣръ, о крещеніи полк. Лесли, о французѣ Антонѣ де Гронѣ и Анкидиновѣ (Олеарій, с.с. 304—306, 242—254. Родесъ, с.с. 97—98, 67, 71—76 и др.).

[2]) Кильбургеръ именно и говоритъ, что провозить сушей въ Архангельскъ медъ и воскъ было убыточно, и эти товары доставлялись моремъ. (С.с. 121, 117, Воскъ).

[3]) Корбъ, с. 225. „Медъ точно также въ такомъ изобиліи, что, хотя большая часть его потребляется туземцами въ видѣ напитка, однако очень значительное количество вывозится ежегодно въ сосѣдніе края".

[4]) И. Гурляндъ, „Ив. Гебдонъ", с.с. 55—56.

[5]) „Дневникъ Мих. Обуховича съ 1660 г.", Кіевъ, 1862 г., с. 11.

ваетъ Котошихинъ, котораго читалъ Кильбургеръ, при царской свадьбѣ, рожденіи царевичей и вообще въ царскіе дни русскіе только звонили въ колокола и „играютъ въ трубы и въ суренки и бьютъ въ литавры... жгутъ дрова..., а иныхъ игръ и музыкъ и танцовъ на царскомъ веселіи не бываетъ никогда“ [1]). Тѣмъ не менѣе русскіе въ дѣйствительности производили салюты. Такъ Кобенцель отбылъ съ пира, даннаго І. Грознымъ, „при ужасномъ громѣ орудій“ [2]); когда Горсей пріѣхалъ изъ Москвы въ Архангельскъ, воевода приказалъ привѣтствовать его торжественной пальбой изъ орудій и пищалей [3]); голштинское посольство было встрѣчено въ 1634 г. на русской границѣ салютами стрѣльцовъ [4]); въ 1655 г. въ честь русскихъ побѣдъ надъ поляками въ Москвѣ былъ произведенъ рядъ пушечныхъ салютовъ, а наканунѣ пріѣзда въ Москву царя пушечная пальба извѣстила москвичей объ этомъ событіи [5]); во время праздника Пасхи русскіе рано утромъ въ знакъ радости стрѣляли изъ пушекъ, что въ обыкновенное время было запрещено [6]); при Петрѣ В., „когда вздумали позабавиться пальбой“ изъ пушекъ, ставили ихъ на базарѣ передъ Кремлемъ и стрѣляли [7]).

Моржовая кость, т. е. клыки моржей, называлась рыбьимъ зубомъ. Она продавалась на вѣсъ, и изъ нея русскіе, татары и главнымъ образомъ турки искусно приготовляли рукоятки мечей и кинжаловъ [8]). Поэтому „множество“ этой кости шло въ Турцію [9]). Также персы и бухарцы вывозили эти рыбьи зубы за границу „для дѣланья четокъ, ножей, сабельныхъ рукоятокъ... и др. вещей. Нѣкоторые употребляли тертый изъ нихъ порошокъ, какъ проти-

---

1) „О Рос. въ царст. Ал. Мих.“, изд. Ш, П., 1884 г., гл. I, статья 11, с. 17.

2) Ж. М. Н. Пр., 1842 г., ч. 35, отд. II, с. 146.

3) Чтенія, 1907 г., II, с. 73 (по пер. Бѣлозерской, с. 80).

4) Олеарій. с. 17.

5) Г. Форстенъ, „Снош. Швеціи и Россіи во II пол. XVII в.“, Ж. М. Н. Пр., 1898 г, февраль, с.с. 245, 248.

6) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., Ш, с. 173. При Рейтенфельсѣ царь на масленицу ходилъ вечеромъ на Москву-рѣку смотрѣть летающіе потѣшные огни (Чтенія, 1905 г., III, с. 98).

7) Бруинъ, Чтенія, 1872 г., II, с. 80.

8) Герберштейнъ, с. 191.

9) Барберини (1565 г.), Сынъ Отечества, 1842 г., № 7, с. 39.

воядіе"; зубы бывали длиной въ 2 фута, а вѣсомъ въ 11—12 фунтовъ [1]). Въ началѣ II половины XVII в. „пудъ высшаго сорта стоилъ въ Москвѣ 50 динаровъ (рублей) и менѣе, до десяти" [2]). При этомъ моржовая кость цѣнилась дороже слоновой [3]). Спутникъ Карлейля опредѣляетъ мѣсто добычи моржа около Печоры [4]).

Гусиный пухъ, по объясненію „Словаря коммерческаго", съ битыхъ гусей не такъ хорошъ, какъ съ живыхъ, потому что отъ него бываетъ непріятный запахъ; вслѣдствіе этого пухъ съ живыхъ гусей цѣнится выше, чѣмъ съ битыхъ; тотъ же „Словарь" (XVIII в.), указываетъ, что въ Россіи гусями изобилуетъ Архангельскъ [5]).

Русскіе первоначально не знали кроватей. Когда пріѣхалъ въ Москву Герберштейнъ, онъ хотѣлъ на свой счетъ пріобрѣсти на рынкѣ кровати для своей свиты [6]). „У очень немногихъ, разсказываетъ Олеарій, имѣются перины; лежатъ они поэтому на мягкихъ подстилкахъ, на соломѣ, на цыновкахъ или на собственной одеждѣ. Спятъ на лавкахъ, а зимой на печи"; въ посольскихъ дворахъ „нѣтъ кроватей, и кто не желаетъ спать на соломѣ и жесткихъ скамьяхъ, долженъ везти съ собой свои собственныя кровати" [7]). Мейербергъ (1661 г.) въ Москвѣ „съ любопытствомъ замѣтилъ, что тамъ люди знатные и дворяне позажиточнѣе пользуются мягкими постелями, потому что подушки, сголовья и перины набиваются самымъ нѣжнымъ лебяжьимъ пухомъ, такъ какъ лебедей тамъ изобиліе. Однако же всѣ эти вещи не льняныя, но у однихъ изъ шерстяной, у нѣкоторыхъ изъ шелковой ткани, смотря по состоянію, и кладутся на придѣланной къ стѣнѣ лавкѣ, къ ко-

[1]) Флетчеръ, с. 14.

[2]) П. Алеппскій, в. III, с. 70.

[3]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 192.

[4]) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 12. Относительно „щадры" авторъ Торговой книги писалъ, что для иностранцевъ сырыя яловичьи кожи „дѣлати ихъ надобѣ учиться по ихъ черно, съ щадрой, ино лучше купятъ" (Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с. 131. Временникъ, VIII, с. 4). Среди туалета царицы (1631 г.) былъ „черенъ у опахала дерево черно, по концамъ кость рыбей зубъ съ щедрой" (Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царей", с. 701). Щадра=щедра, щедрина, т. е. оспинка, знакъ, рубчикъ (Словарь Даля).

[5]) „Словарь коммерческій", II, „Гусь", V, „Пухъ".

[6]) Герберштейнъ, с.с. 198—199.

[7]) Олеарій, с.с. 202, 229.

торой плотно придвигають подвижную и изнутри задергиваютъ растянутымъ надъ постелью завѣсомъ изъ трехъ полосъ... А простой народъ, не только бѣдняки, но и купцы..., растянувшись на тюфякахъ, набитыхъ шерстью или соломой, многіе даже на голой лавкѣ, или кровати, или на полатяхъ храпятъ во всю ивановскую“ [1]). Что русскіе въ то время начали обзаводиться, по примѣру Запада, кроватями, упоминаетъ также и Кильбургеръ [2]). Спутникъ Карлейля [3]), Рейтенфельсъ [4]) и Койэтъ ничего новаго не сообщаютъ: „Простой народъ, грубый и закаленный, рѣдко спитъ на кроватяхъ, но обыкновенно на скамьѣ, иногда даже на жесткихъ скамьяхъ и можетъ вынести большія невзгоды“ [5]).

Изъ чего состояла постель нашихъ предковъ, видно изъ описанія 1634 г. постели Михаила Θеодоровича: „Бумажникъ (тюфякъ изъ хлопчатой бумаги, который всегда лежалъ подъ постелью), наволока тафта червчата, верхняя наволока полотняная ж полосата. Взголовье (длинная подушка во всю ширину постели), пуховое... двѣ подушки пуховые“. Взголовье также бывало бумажнымъ [6]).

Liquiritia — солодковый корень, лакрица, лакричникъ. Его собирали въ разныхъ мѣстахъ, въ частности у Воронежа, для лѣкарственныхъ цѣлей и присылали въ Москву пудами, напримѣръ, 20—25 пудовъ [7]). О воронежскомъ корнѣ сообщалъ уже Петрей: „На берегу Дона растутъ знаменитыя травы и превосходная лакрица (Lacrizia), за которую даютъ большія деньги въ аптекахъ“; онъ, подобно ревеню, росъ также „на островахъ“ Волги

[1]) Чтенія, 1873 г., III, с. 78.

[2]) С. 101, п. VII.

[3]) Ист Библ., 1879 г., № 5, с.с. 20—21. „Они не имѣютъ кроватей, исключая только нѣкоторыхъ знатныхъ“.

[4]) Чтенія, 1906 г., III, с. 138

[5]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 527.

[6]) Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царей“, с.с. 262—263. Относительную цѣну постели въ 1616 г. узнаемъ изъ описи имѣнія Мих. Татищева (Временникъ, VIII, Смѣсь, с.с. 8, 31): „Постеля, зголовье, 3 подушки, наволоки на всѣхъ бѣлые, цѣна полъ 2 рубля“; „пуховикъ, 5 подушекъ, на подушкахъ наволоки тафтяные, одна черлена, другая зелена, а на 3 подушкахъ наволоки бѣлые, цѣна рубль. Простыня бѣлая, цѣна 2 алтына и 4 деньги“.

[7]) Н. Я. Новомбергскаго „Матеріалы по исторіи медицины“, I, П., 1905 г., с.с. 104—105

и Ногайской страны [1]). Лакрицу видали у Астрахани Олеарій и Стрюйсъ [2]).

Чай сталъ распространяться въ Россіи только съ половины XVII в. Русскіе послы, бывшіе въ 1616 г. у Алтына-царя, показали въ Москвѣ, что во время обѣда, даннаго посламъ Алтыномъ, „пить в столъ носили молоко коровье топлено, съ масломъ, а въ немъ листье, невѣдомо какіе“ [3]); это былъ чай, неизвѣстный еще тогда нашимъ предкамъ. Но Коллинсъ (1659—1667 г.г.) въ своихъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ о Россіи разсказываетъ, что онъ бесѣдовалъ съ русскимъ, торговавшимъ съ китайцами: „Онъ привезъ изъ Сибири «чай» и бадьянъ. «Чай» это то, что мы называемъ the, а бадьянъ есть индійскій звѣздчатый анисъ. Мѣстные купцы пьютъ чай съ сахаромъ, какъ и мы, и употребляютъ его, какъ прекрасное лѣкарство противъ болѣзни легкихъ, противъ скопленія вѣтровъ въ животѣ и разстройства желудка. Его привозятъ въ бумажныхъ пакетахъ съ китайскими надписями, и въ каждомъ заключается 1 фунтъ“ [4]). Въ 1658 г. (166 г.) Ѳ. Байковъ привезъ въ Москву изъ Китая „травы чаю“. Въ предшествующемъ же году Ярышкинъ купилъ въ Китаѣ среди другихъ китайскихъ товаровъ также „травы чаю“. Въ 1663 г. (171 г.) Перфильевъ привезъ изъ Китая 10 пудовъ „травы чаю“ [5]). И чѣмъ ближе къ концу XVII в., тѣмъ чаще встрѣчаются въ сибирскихъ таможенныхъ книгахъ замѣтки о провозѣ торговцами китайскаго чая. Въ XVIII в. цѣны на чай, бывшія весьма перемѣнчивыми, увеличивались, вслѣдствіе его „непомѣрнаго расходу“ въ сѣверныхъ и другихъ странахъ [6]).

О способѣ приготовленія чая подробно писалъ Нейхофъ [7]). Кильбургеръ совѣтовалъ взять для заварки чая половину квентика; квентъ же=¼ лота [8]).

---

[1]) Чтенія, 1865 г., IV, с.с. 77—78.

[2]) Олеарій, с. 394. Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 81.

[3]) Ѳ. И. Покровскій, „Путешествіе въ Монголію и Китай сиб. казака Ив. Петлина въ 1618 г.“, П., 1914 г., с. 21.

[4]) Зап. Моск. Археол. Инст., XV, с.с. 158—159. Рус. Вѣстн., 1841 г., № 9, с.с. 573—574.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. пр., ст. 535, л.л. 178, 12, 152.

[6]) „Словарь коммерческій“, пер. Левшинымъ, VII.

[7]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с.с. 25, 26.

[8]) Языковъ полагалъ, что Quentlein тутъ употреблено въ смыслѣ щепотки.

Бадьянъ, по-латыни Anisum stellatum, т. е. звѣздчатый анисъ, по объясненію Койэта, находили въ Сибири[1]). Привозимые большіе сѣроватые отрубки дерева бадьяна употреблялись въ наклейную и токарную работу, бадьяновыя же сѣмена давали масло, укрѣпляли и слабили желудокъ[2]).

Капъ, т. е. каповое дерево, служилъ московскимъ токарямъ матеріаломъ для выработки ложекъ (которыя, если ими ѣли горячее, дѣлались мягкими) и оригинальныхъ кубковъ[3]). Капъ собственно есть березовый выплавокъ, наростъ на березѣ[4]). Онъ былъ красноватаго цвѣта, и, кромѣ него, еще славилось дерево, росшее около Калуги, какъ бы источенное отъ природы червями; изъ него русскіе дѣлали очень красивые сосуды для домашняго обихода[5]).

Палатки были хорошей работы. Койэтъ купилъ въ Москвѣ одну изъ нихъ (1676 г.), и она оказалась очень плотной, и онъ укрывался ею въ дорогѣ отъ дождя[6]).

Сѣтки отъ комаровъ, на множество которыхъ жаловался еще Барбаро (XV в.)[7]), служили большой защитой отъ комаровъ, мухъ и осъ. „Гнуса этого, пишетъ Олеарій, въ лѣтнее время во всей Лифляндіи и Россіи такъ много, что путешественники принуждены раскрывать въ защиту отъ комаровъ свои сѣтки или палатки, приготовленныя изъ тонкаго или особымъ способомъ сотканнаго, съ мелкими дырочками, холста; тамъ, гдѣ желаютъ отдохнуть, разбиваютъ эти палатки и скрываются подъ ними". Крестьяне же спасались отъ комаровъ дымомъ костровъ[8]). Эти же насѣкомыя („мухи"), днемъ и ночью безпокоили Вимена да Ченеда, особенно поблизости лѣсовъ и стоячихъ водъ[9]). Русскіе для защиты отъ нихъ также прибѣгали къ медицинскимъ средствамъ:

---

[1]) „Посольство К. ф.-Кленка", с. 340.

[2]) „Словарь коммерч.", I, „Анисъ звѣздчатый, или бадьянъ".

[3]) Tanner (1678), „Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam..., Norimbergae. Anno 1689", XIII, § 2, p. 63.

[4]) П. Савваитовъ, „Опис. стар. утварей...".

[5]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 183.

[6]) „Посольство К. ф.-Кленка", с. 554.

[7]) „Библ. иностр. пис. о Рос.", I, 1836 г., с. 59.

[8]) Олеарій, с. 21. Такія палатки, четырехугольной формы, изображены Олеаріемъ на рисункѣ города Твери, с. 28.

[9]) Отечеств. Записки, 1829 г., ч. 37, с. 24.

„Аще хошь, чтобы тя комары не кусали, сотри полыни съ масломъ деревяннымъ и тѣмъ мажи. Аще хошь да мшица не яла, то возьми платъ и омочи въ дегать и держи на главѣ на шапкѣ“ [1]).

Сундуки и другія издѣлія русскаго производства пользовались заслуженной славой. Русскіе ремесленники [2]) поражали иностранцевъ своими способностями. Михаилъ Литвинъ (1550 г.) писалъ о русскихъ, что „города ихъ славятся ремесленниками“, которые снабжали Литву чашками, посохами, сѣдлами, конской сбруей, оружіемъ [3]). Сѣдла у русскихъ дѣлались изъ дерева и жилъ, а сидѣніе покрывалось узорчатымъ сукномъ, иногда сафьяномъ, вышитымъ золотомъ [4]). Русскіе архангельскіе плотники, несмотря на свои плохіе инструменты, очень ловко ими владѣли [5]). Маскѣвичъ (1610 г.) также лестно отзывается о русскихъ: „Всѣ русскіе ремесленники превосходны, очень искусны и такъ смышлены, что все, чего съ рода не видывали, не только не дѣлывали, съ перваго взгляда поймутъ и сработаютъ столь искусно, какъ будто съ малолѣтства привыкли, особенно турецкія вещи: чапраки, сбрую, сѣдла, сабли съ золотой насѣчкой“ [6]). То же самое слышимъ и отъ Олеарія: русскіе „очень воспріимчивы, умѣютъ подражать тому, что они видятъ у нѣмцевъ, и, дѣйствительно, въ нѣсколько лѣтъ высмотрѣли и переняли у нихъ многое, чего они раньше не знавали. Выработанные подобнымъ (усовершенствованнымъ) путемъ товары они продаютъ по болѣе дорогой цѣнѣ, чѣмъ раньше. Въ особенности изумлялся я золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые теперь умѣютъ чеканить серебряную посуду такую же глубокую и высокую и почти столь же хорошо сформированную, какъ у любого нѣмца“ [7]). Впрочемъ, по замѣчанію Ченеды (1657 г.), русскія

[1]) М. Ю. Лахтинъ, „Старинные памятники медицинской письменности“, Зап. Моск. Археол. Института, XVII, 1912 г., с. 44.

[2]) М. В. Довнаръ-Запольскій, „Организація московскихъ ремесленниковъ въ XVII в.“, Ж. М. Н. Пр., 1910 г., сент. Т. П. Ефименко, „Очеркъ организаціи городскихъ ремеслъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ“, Ж. М. Юст., 1914 г., № 4.

[3]) „Мемуары, касающіеся (относящіеся къ) исторіи южной Россіи“ Кіевская Старина, 1889 г., августъ, с. 29.

[4]) Дженкинсонъ (1557 г.), Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Р.“, с. 35.

[5]) Традескантъ (1618 г.), Гамель—„Англ. въ Рос. въ XVI и XVII ст.“.

[6]) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, II, 1859 г., с. 47.

[7]) Олеарій, с. 207.

ремесла были въ довольно плохомъ состояніи[1]). Согласно Крижаничу, иностранные ремесленники и мастера, хотя и заводили въ Россіи свои предпріятія, однако нарочно не посвящали русскихъ въ свое ремесло или же учили ихъ несущественному, скрывая суть[2]). Но Рейтенфельсъ совершенно вѣрно счелъ возможнымъ указать, что въ его время число искусныхъ мастеровъ, прежде небольшое, „сильно увеличилось, и самыя мастерства въ высокой степени усовершенствовались, вслѣдствіе все болѣе и болѣе свободныхъ сношеній съ иностранцами и принятія и приглашенія всякихъ европейскихъ и азіатскихъ мастеровъ за большое вознагражденіе. Русскіе отличаются природной понятливостью и способностью и такъ успѣшно подражаютъ имъ (иностранцамъ), что нерѣдко превосходятъ ихъ новыми изобрѣтеніями. Въ кузнечномъ мастерствѣ, въ искусствѣ приготовлять порохъ и тканьѣ сукна они уже стали весьма опытны“, а также умѣли строить „чрезвычайно изящные дома, вытачивать изъ дерева разнаго рода утварь“ и пр.[3]); кромѣ того, въ Москвѣ были „золотыхъ дѣлъ мастера и разные ремесленники по разнымъ отраслямъ, какъ-то: попонщики, сапожники и особенно токари“, которые искусно дѣлали, какъ уже выше упоминалось, изъ капа кубки и ложки[4]).

Сундуки холмогорской работы, какъ и разнаго рода шкатулки, погребцы, раскрашенные, обтянутые кожей и обитые жестью или окованные желѣзными полосами расходились по главнымъ торговымъ городамъ Россіи. Самъ Кильбургеръ уже выше писалъ, что въ Холмогорахъ много сундуковъ и погребцовъ обтягивалось тюленьей кожей[5]). Кромѣ того, по его словамъ, въ Холмогорахъ дѣлали Pulpete,

---

1) Отеч. Зап., 1829 г., ч. 37, с. 229.

2) В. Вальденбергъ, „Госуд. идеи Крижанича“, П., 1912 г., с. 191.

3) Чтенія, 1906 г., Ш, с.с. 135–136.

4) Tanner, „Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam...“, Norimbergae, Anno 1689, XIII, § 2, p. 63.

5) С. 104, п. XX. При описи имущества боярина А. А. Матвѣева между прочимъ были найдены: „Шкатуна колмогорская зеленая, обита желѣзомъ кованымъ, прорезнымъ полуженымъ з замкомъ и с ухватами, а в ней шесть сулей хрустальныхъ лосчатых, тиски корневые обложены серебромъ, чепочки серебреные“ и „3 скрынки колмогорскихъ, окованы прорѣзнымъ желѣзомъ, одна по красной кожѣ, а двѣ безъ кожи порозжи“ (Чтенія, 1900 г., II, с.с. 19, 20). О погребцахъ часто упоминается въ быту царей: „Погребчикъ обитъ нерповой кожей, по нерпѣ обитъ желѣзомъ бѣ-

т. е. подголовки. Въ расходной книгѣ митр. Никона какъ разъ есть любопытная замѣтка: „На Комогорахъ починиванъ митрополичь келейный подголовокъ, отъ починки дано мастеру 5 алтынъ“ [1]). Подголовки клали, какъ сообщаетъ Кильбургеръ, въ сани подъ голову [2]), а также они ставились въ хоромахъ на лавкахъ подъ головы, подъ подушку, когда ложились спать, отдыхать, отчего и назывались „подголовками“. О подголовкахъ Мѣховскій пишетъ, что они были въ большомъ употребленіи у новгородскихъ богатыхъ купцовъ, которые прятали въ нихъ серебро, золото и другія драгоцѣнности и ставили эти сундуки, черепаховидной формы, вблизи стола, вѣроятно, въ переднемъ углу подъ иконами [3]). Форма подголовковъ не позволяла на нихъ писать, въ чемъ, впрочемъ, русскіе и не нуждались, и Коллинсъ подтверждаетъ Кильбургера, что русскіе всегда писали на колѣняхъ, хотя бы и стоялъ передъ ними столъ [4]); то же утверждаетъ Рейтенфельсъ: дьяки „обыкновенно пишутъ, положивъ бумагу на колѣни“ [5]).

Русскія издѣлія, продаваемыя въ Москвѣ, по мнѣнію Кильбургера, были недороги. Того же мнѣнія былъ Мейербергъ, отмѣтившій ихъ изобиліе въ Москвѣ [6]). Русскіе искусно выдѣлывали кожаныя вещи, тулупы [7]). Среди московскихъ сапожниковъ при Таннерѣ наибольшее число было плетущихъ лапти для людей

лымъ нѣмецкимъ, на поперечныхъ сторонахъ прибиты по скобѣ желѣзныхъ“; въ томъ же 149 г. „взяты въ сапожномъ ряду у торговыхъ людей два барана красные, даны 12 алтынъ; а обиты тѣми баранымн кожами три вставика, въ которые вставнки вставливаютъ водяные скляницы“. Погребцы были разной вмѣстимости, напримѣръ, „погребчикъ на 12 четвертныхъ скляницъ“, „на сулейки три погребца шестерныхъ“ (Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царей“. с.с. 670—671, 621—622)

[1]) Временникъ, XIII, с. 53.

[2]) Въ русскихъ саняхъ можно было лежать и спать во время переѣздовъ (Невилль, Рус. Старина, 1891 г., т. 72, с. 268). Но, оговаривается спутникъ Карлейля, сани („онѣ стоятъ очень дешево, и потому очень мало есть домовъ, даже бѣдныхъ, которые не имѣли бы однѣхъ саней и болѣе“) только дорожныя были сдѣланы такъ, что въ нихъ можно было лежать, городскія же сани имѣли мѣсто для сидѣнія (Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 21).

[3]) Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царей“, с. 231.

[4]) Зап. Моск. Археол. Инст., XV, с. 144. Чтенія, 1846 г., I, с. 21.

[5]) Чтенія, 1905 г., III, с. 100.

[6]) Мейербергъ, Чтенія, 1873 г., IV, с. 122.

[7]) Барберини, Сынъ Отечества, 1842 г., ч. III, № 7, с. 23.

низшаго состоянія [1]), но высшій классъ населенія обувался въ сапоги, которые были „зелеными, голубыми и черными до самыхъ колѣнъ, на высокихъ каблукахъ съ желѣзными подковами“ [2]); обыкновенно же цвѣтъ сапогъ былъ красный; впрочемъ знатные носили „по большей части башмаки, сдѣланные по ихъ собственной модѣ, съ шелковыми или льняными чулками“; шапки же дѣлались изъ дорогихъ матерій, изъ простого сукна, изъ войлока и даже разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, смотря по средствамъ покупателя. Мужики одѣвались въ зипуны, а богатые въ суконныя платья, подбитыя мѣхами [3]). Какъ украшеніе для одежды, служили большія золотыя, серебряныя и мѣдныя пуговки. Домашняя утварь у русскихъ была крайне скудна: глиняные горшки, деревянныя, рѣже оловянныя, блюда, чарки для водки и меда, нѣсколько ложекъ, роговыхъ, деревянныхъ или оловянныхъ, ножъ, солонка, при отсутствіи тарелокъ и вилокъ составляли весь столовый приборъ русскихъ; только при торжественныхъ пирахъ знатнымъ подавали тарелки, ножи, вилки и салфетки, и столы богатыхъ вельможъ уставлялись всякаго размѣра сосудами для питья [4]). И для такой невзыскательной жизни русскіе въ преизбыткѣ находили на своихъ рынкахъ всѣ предметы домашняго обихода туземнаго произ-

---

[1]) Tanner, „Legatio....“, XIII, § 3, p. 66.

[2]) Рейтенфельсъ, Ж. М. Нар. Пр., ч. XXIII (1839 г., № 7), с. 48. Олеарій разсказываетъ (с. 176), что русскіе большею частью носили короткіе, спереди заостренные сапоги изъ юфти или персидскаго сафьяна. „О кордуанѣ они ничего не знаютъ“. Женщины, особенно дѣвушки, носили башмаки съ очень высокими каблуками. Стрюйсъ объясняетъ, что именно вслѣдствіе страшной грязи на московскихъ улицахъ мужчины и женщины должны были носить сапоги.

[3]) „Описаніе Московіи при реляціяхъ гр. Карлейля“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с.с. 16—17.

[4]) Д. Принцъ („Знатные очень часто ставятъ на своихъ столахъ деревянныя чаши и стаканы, которыя однако монахи въ нѣкоторыхъ монастыряхъ дѣлаютъ весьма изящно и искусно украшаютъ кругомъ золотомъ“), Варкочъ (У русскихъ, даже у в. к-я, „тарелки совсѣмъ не въ употребленіи“), Олеарій, П. Алеппскій, Рейтенфельсъ, Мейербергъ (въ извлеченіяхъ В. Бочкарева, с.с. 116—117, 111—112, 68). Изъ ложекъ пользовались извѣстностью кирилловскія, и Никонъ въ Вологдѣ купилъ много кирилловскихъ красныхъ ложекъ по 0,4 коп. штуку и „на выборъ съ костьми“ по 1,2 к.—1,9 к. штуку (Временникъ, XIII, Расх. кн. митр. Никона 7160 г., с.с. 48—49).

водства, включая „гробы, выдолбленные изъ одного дерева; такіе гробы, писалъ Койэтъ, какъ бы въ подтвержденіе Кильбургера, въ разныхъ мѣстахъ города открыто продаются, большіе и малые“ [1]).

Къ главѣ III.

Бумага въ XVII в. шла къ намъ черезъ Архангельскъ при посредничествѣ англичанъ и голландцевъ. Въ этомъ столѣтіи голландская бумага вытѣснила французскую и преобладала во II половинѣ этого вѣка, особенно при Петрѣ Великомъ. Она имѣла разные водяные знаки—филиграны. Въ I половинѣ XVII в. появилась бумага голландскаго происхожденія—„la folie“ (колпакъ шута), весьма частая и разнообразная, и держалась въ употребленіи до конца этого вѣка. Но въ послѣдней четверти XVII в. въ приказномъ дѣлопроизводствѣ была въ большомъ употребленіи бумага съ филиграномъ въ видѣ герба города Амстердама, которая постепенно смѣнила знаменитую филигранъ „la folie“. Амстердамскій гербъ изображаетъ щитъ, увѣнчанный сверху короной и подерживаемый съ обѣихъ сторонъ львами [2]). Кромѣ того, часто встрѣчается въ документахъ названіе „александрійская бумага“, какъ называли въ Россіи бумагу бо́льшихъ противъ обыкновенія размѣровъ. На ней писались грамоты, чертежи, и она цѣнилась

[1]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 436. Раскольники имѣли обыкновеніе хоронить покойниковъ въ колодахъ. Въ 1705 г. правительство отняло у торговцевъ дубовые гробы, продало ихъ вчетверо дороже, а новые гробы запретило совсѣмъ дѣлать изъ дуба. Въ 1723 г. было позволено выдалбливать гробы только еловые, березовые и ольховые, а сосновые дѣлать лишь изъ досокъ.

[2]) Изображеніе знака „la folie“ дано Н. П. Лихачевымъ—„Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ“, ч. I, гдѣ, напримѣръ, подъ № 3.540 помѣщенъ снимокъ филиграна 1680 г.: „Голова шута въ нарядѣ съ бубенцами (la folie). Типъ съ 5 бубенцами“. Снимки герба Амстердама даны Н. П. Лихачевымъ въ той же книгѣ (ч. II, рис. № 3 547—1689 г.; въ ч. I, подъ № 4.228 переснятъ знакъ 1681 г.—„Геральдическая лилія въ гербовомъ щитѣ“) и въ сочиненіи: „Бумага и древнія бумажныя мельницы“ (напр., рис. № 553 и 554—1686 года).

дороже другихъ. Въ XVII в. въ Москвѣ „александрійской" называли лучшіе сорта западно-европейской бумаги [1]).

Въ Россіи же попытки завести бумагу туземнаго производства извѣстны намъ со временъ Грознаго. Именно Барберини (1565 г.) разсказываетъ о русскихъ, что „затѣяли они также ввести дѣланіе бумаги, но все еще не могутъ ея употреблять, потому что не довели этого искусства до совершенства" [2]). Какъ видно изъ купчей 1576 г., одинъ помѣщикъ держалъ на рѣкѣ Учи бумажную мельницу. Въ I половинѣ XVII в. Бурцевъ завелъ бумажную мельницу и пригласилъ изъ-за границы пруссака Фрума, „который въ бумажныхъ снастяхъ учениковъ русскихъ людей научилъ", но въ 1641 г. Фрумъ получилъ отпускъ на родину [3]). Въ 1655 г. Никонъ завелъ для московскаго печатнаго двора свою бумажную мельницу на р. Пахрѣ въ государевой Зеленой слободѣ (теперь село того же имени въ Бронницкомъ у., моск. губ.), но въ 1657 г. наводненіе ее разрушило. Очевидно, по этому поводу было написано Крижаничемъ (1661—1676 г.г.): „Невѣмъ, коею хитростію нѣмцы ослѣпиша нашихъ людей, да заверженъ (т. е. заброшенъ) бысть заводъ бумажного дѣланія на Руси" [4]). Но, вѣроятно, эта мельница была потомъ возстановлена, и также построена Шведеномъ другая [5]). Этотъ „Иванъ фанъ Сведенъ" пригласилъ изъ Вестфаліи двухъ иноземцевъ для бумажнаго дѣла, и они прибыли

[1]) Н. П. Лихачевъ, „Бумага и др. бум. мельницы", с.с. 28, 93, 79, 80, 81, 31 и прим. 2.

[2]) Сынъ Отечества, 1842 г., ч. III, № 7, с. 23.

[3]) Н. Лихачевъ, уп. соч. Н. Рожковъ, „Происх. Самодержавія въ Россіи", М., 1906 г., с. 157 (ссылка на М. Гл. Арх. М. И. Д., пр. д. ст. л., св. 77, № 77).

[4]) „Рус. госуд.", № 1, с. 34.

[5]) Въ 1666 г. Ивану фонъ Сведену были отданы въ Моск. у. на р. Пахрѣ бумажная и хлѣбная мельница, взятыя изъ Патріаршаго приказа въ 1660 г. (168 г.), на 6 лѣтъ, съ условіемъ оборудовать мельницы, обучить русскихъ, а потомъ отдать ему ихъ еще на 10 лѣтъ, но съ оброкомъ по 100 стопъ самой лучшей писчей бумаги по нѣмецкому образцу; при отдачѣ этихъ (бумажной и хлѣбной) мельницъ, онѣ были по описи оцѣнены въ 290 р. 32 к. Въ 1667 г. Сведенъ получилъ для своихъ мастеровъ 145 десятинъ пашни и сѣнокосовъ по р. Пахрѣ, съ условіемъ платить за эти земли соотвѣтствующій оброкъ бумагой и стекломъ, когда будетъ устроено бумажное и стеклянное производство. Сведенъ умеръ 177 г., а его жена въ 1684 г. попрежнему продолжала владѣть всѣми своими заводами и мельницами (Доп. къ Акт. Ист., XI, № 31, с.с. 111—112).

въ началѣ 1673 г. въ Москву; въ маѣ этого года царь приказалъ построить на р. Яузѣ мельницу на томъ мѣстѣ, гдѣ была раньше „для зелейной и пороховой казны“ мельница. Ив. Шведенъ скоро умеръ, дѣлами стала руководить его жена, которая и должна была уплатить вышеупомянутымъ двумъ иноземцамъ удержанныя уговоренныя деньги. Въ 1675 г. (183 г.) мельница на Яузѣ сдѣлала клееной бумаги и отослала въ приказъ Новой Аптеки—бѣлой писчей 87 стопъ, а сѣрой—69 стопъ, всего—156 стопъ, да на мельницѣ осталось еще неклееной всякой бумаги 230 стопъ. Эта мельница была отдана, очевидно, вслѣдствіе смерти Шведена, Еремѣю Левкину (Hermann Leefken). Бумага дѣлалась изъ тряпокъ, а скрѣплялась клеемъ изъ бараньихъ ногъ[1]). Таннеръ (1678 г.) упоминаетъ о ней: среди заведеній нѣмцевъ находилась „близъ рѣки Яузы, впадающей за городомъ въ Москву, бумажная мельница“ [2]).

Для поощренія бумажнаго производства неутомимый Юрій Крижаничъ, настаивая на заведеніи въ Россіи бумажной фабрики, совѣтовалъ, запретить ввозъ иностранной бумаги, убѣждая, что домашняя бумага, „изъ домашнего холстенаго лоскутья зделаная“, будетъ впослѣдствіи даже дешевле иностранной. „Не одну сотню, писалъ онъ, аще и не тысяче рублевъ на всякій годъ изнесутъ нѣмцы изъ Руси за писатную бумагу“ [3]). Но фабрикація бумаги плохо прививалась въ Россіи, и отъ Посошкова слышимъ ту же жалобу, что деньги идутъ иностранцамъ за ихъ бумагу.

Въ самомъ дѣлѣ расходъ бумаги, при увеличивающейся системѣ канцелярской отчетности, былъ въ Россіи великъ, и усиливался съ половины XVII в. При этомъ дьяки, какъ замѣтилъ Коллинсъ, „оставляли большіе промежутки между строчками письма, а это является причиной того, что они изводятъ невѣроятное количество бумаги“ [4]). Несомнѣнно, что результатомъ большого потребленія приказами бумаги является громадное обиліе архивныхъ дѣлъ XVII в. Въ 1651 г. было указано казеннымъ купчинамъ

---

[1]) Н. П. Лихачевъ, „Бум. и др. бум. мельн.“, с.с. 83—85. Чтенія, 1907 г., II, Смѣсь, с.с. 44—62, сообщ. С. А. Бѣлокурова.

[2]) Чтенія, 1891 г., III, с. 70.

[3]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 34.

[4]) Зап. Моск. Археол. Инст., XV, с. 144.

покупать въ Архангельскѣ „не менѣе по 300 стопъ на годъ“ [1]). Въ то время для Сибирскаго приказа шло въ годъ по 50 стопъ, въ Казанскій приказъ по столько же, въ Разрядъ по 200 стопъ или на 200 рублей [2]). Въ 1673 г. (181 г.) въ двинской таможнѣ вышло бумаги на 28 р. 95 к. [3]).

Воскъ, который въ XVI в. потреблялся въ Зап. Европѣ, весь привозился туда черезъ Ливонію изъ Россіи [4]). Какъ говорили, тогда ежегодно отъ насъ вывозили за границу до 50.000 пудовъ воска, но къ концу этого столѣтія вывозъ простирался „только до 10.000 пудовъ“ [5]). Однако еще при Олеаріи, несмотря на большое употребленіе воска самими русскими для освѣщенія и богослуженія, его отпускъ за границу, какъ и меда, производился большими партіями, при чемъ онъ большею частью шелъ черезъ Псковъ [6]). Въ половинѣ XVII в., по опредѣленію Родеса, ежегодно вывозили черезъ Архангельскъ 3.500 пудовъ воска [7]), а по словамъ Кильбургера, который по этому вопросу отчасти воспользовался данными Родеса, въ его время морской отпускъ совсѣмъ прекратился. Корбъ же, который пользовался Флетчеромъ и другими писателями и которому не всегда можно вѣрить, передаетъ, что въ Россіи добывался „воскъ въ такомъ изобиліи, что въ нѣкоторые годы, какъ говорятъ, его вывозили по 20.000 фунтовъ. Огромное количество его доставляется обыкновенно изъ Пскова, но и другія области изобилуютъ большимъ количествомъ воска“ [8]).

Олеарій и Родесъ указываютъ на громадное потребленіе воска самими русскими. Его много шло при религіозныхъ обрядахъ. Одинъ англичанинъ видѣлъ въ Троицкомъ монастырѣ, въ церкви „до 13 восковыхъ свѣчей, въ 2 аршина длины и около сажени въ толщину; тутъ же стоитъ котелъ съ воскомъ, около 100 *(ф.)* воску,

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., Спб. пр., ст. 402. Родесъ, с. 225.

2) Тамъ же. Закупка бумаги въ Архангельскѣ для Разряда (1647—1678 г.г., 1654—1656 г.г., 1665—1667 г.г.)—Опис. док. и бум., хран. въ М. Арх. Мин. Юст., кн. XV, XVI.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., арх. кн., 7181 (1673) г., № 7, л. 168.

4) Альбертъ Кампензе, „Библ. ин. пис. о Рос.“, I, с. 31.

5) Флетчеръ, с. 12.

6) Олеарій, с. 162.

7) Родесъ, с. 165, ср. с. 169 о воскѣ.

8) Корбъ, с. 225.

въ которомъ постоянно горитъ свѣтильня, какъ бы лампада, непогасимая ни днемъ ни ночью“ [1]). Русскіе въ своихъ домахъ передъ своими иконами также зажигали свѣчи, а знатные даже имѣли еще подсвѣчники съ большими мѣдными сосудами наверху, которые наполнялись воскомъ, и въ него вставлялись фитили, которые горѣли очень долго [2]). Во время религіозныхъ ходовъ молящіеся несли по горящей свѣчѣ [3]); при похоронахъ ц. Алексѣя Михайловича „пучки восковыхъ свѣчъ... въ огромномъ количествѣ были брошены въ народъ для раздачи“ [4]). Но не только для религіозныхъ цѣлей употреблялись восковыя свѣчи, онѣ также служили освѣщеніемъ для помѣщеній. Дворецъ освѣщался восковыми свѣчами [5]); эти свѣчи вставлялись въ паникадила, висѣвшія съ потолка, или же въ подсвѣчники (яшмовые, хрустальные, оправленные въ серебро), подававшіеся на столъ; также спеціальныя лица держали въ рукахъ большія свѣчи [6]). По однѣмъ царскимъ церквамъ и палатамъ ежегодно выходило болѣе 100 берковцевъ воска, который привозился вмѣстѣ съ медомъ изъ понизовыхъ городовъ и волостей [7]). Но только знатные употребляли при освѣщеніи дорогія восковыя свѣчи, средній же классъ пользовался сальными свѣчами, а крестьяне простой лучиной [8]).

Водка, какъ названіе, употреблялось въ XVII в. въ русскихъ рецептахъ [9]), а въ обыденной жизни она называлась „виномъ“, „горячимъ виномъ“, что вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣмецкому слову „Brandwein“, которымъ пользуется Кильбургеръ въ этомъ отдѣлѣ для опредѣленія того понятія, которое у насъ обозначено въ переводѣ спеціальнымъ и общепринятымъ терминомъ въ наше время— „водкой“.

---

[1]) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос.“, с. 23.
[2]) П. Алеппскій, в. Ш, с. 32.
[3]) Олеарій, с. 24. Родесъ, с. 106.
[4]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 432.
[5]) Мейербергъ, Чтенія, 1874 г., IV, с. 188.
[6]) Варкочъ, Чтенія, 1874 г., IV, с. 28,
[7]) Котошихинъ, гл. VI, ст. 2, изд. Ш, с. 85; изд. IV, с. 76.
[8]) Флетчеръ, с. 12. „Опис. Моск. при рел. гр. Карлейля“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 21.
[9]) Напр., „Матеріалы по ист. медицины въ Россіи“ Н. Новомбергскаго, I, (П., 1905 г.), № 10.

Катошихинъ указываетъ, какое большое количество вина расходовалось при дворцѣ; казна пріобрѣтала отъ подрядчиковъ ведро по 24—30 к., а продавала, конечно, за гораздо большую цѣну [1]). Павелъ Алеппскій прямо говоритъ, что правительству ведро водки обходилось въ 30 к., а продавалось имъ по 100—120 к., т. е. съ прибылью въ 233—300% [2]). Естественно, что водочная монополія приносила казнѣ громадный доходъ, разъ водка занимала „у русскихъ среди напитковъ первое мѣсто"; для лучшаго вкуса въ нее клали разныя пряности и травы [3]). При Бруинѣ (нач. XVIII в.)

---

[1]) При царскомъ дворцѣ каждый день шло „вина простого и съ махомъ—то есть вино съ махомъ, двѣ доли простого, а третья двойного,— и двойного, и тройного блиско 100 ведеръ... А на иной день, когда бываютъ праздники и иные имянинные и родилные дни, исходитъ вина съ 400 и съ 500 вѣдръ... А вино подряжаются поставить уговорщики на дворцѣ, торговые люди и кабатцкіе откупщики, на годъ по 30.000 рублевъ и болши, и даютъ имъ изъ дворца на покупку и на заводъ денги, кто на сколко рублевъ подрядитца поставить; а на нихъ собираютъ поручные записи, въ томъ что имъ поставить на срокъ, противъ уговору, все сполна, виномъ добрымъ, пѣннымъ, а не пригорѣлымъ... А подряжаются всякое вѣдро поставить на царскомъ дворѣ на Москвѣ по 8 алтынъ, а противъ здѣшнего (т. е. шведскаго) счотомъ канна будетъ въ два алтына; а когда бываетъ хлѣбу недородъ и дороговь, и тогда ведро бываетъ въ 10 алтынъ" (Котошихинъ, изд. Ш, гл. VI, ст. 2, с.с. 84—85; изд. IV, с.с. 75—77).

[2]) „Московиты", пишетъ П. Алеппскій (в. II, с.с. 124—125, в. IV, с. 13), сѣяли рожь, которая, какъ и пшеница, выростала „около трехъ аршинъ... Въ землѣ казаковъ... посѣвъ этотъ—очень изобиленъ. Эту рожь крупно мелютъ, даютъ ей стоять въ водѣ и варятъ изъ нея водку вмѣстѣ съ цвѣткомъ растенія, называемаго ихмиль (хмель), который дѣлаетъ водку весьма острой. По указанной причинѣ водка въ землѣ казаковъ очень дешева, какъ вода; въ этой же странѣ московитовъ она весьма дорога, ибо мадра, т. е. десять окъ (примѣч. переводч.: 34¼ фунта), продается за одинъ золотой и дороже"; „...винокурные заводы во всемъ государствѣ принадлежатъ царю. Выкуриваютъ ночью и днемъ въ удивительныхъ заводахъ, коихъ большая часть находится на берегу рѣкъ. Вся ихъ водка получается изъ размоченной въ водѣ ржи, изъ которой дѣлаютъ хлѣбъ. Никто, ни изъ вельможъ царскихъ, ни изъ простолюдиновъ не смѣетъ выкуривать водки въ домѣ, но всѣ покупаютъ ее изъ казенныхъ винныхъ лавокъ. Каждое ведро обходится въ 30 коп., а продается за 100 или 120 коп. Эта прибыль тоже идетъ въ пользу государства. Ведро содержитъ около 8 стамбульскихъ окъ".

[3]) Рейтенфельсъ, Ж. М. Н. Пр., XXIII, с. 51.

русская водка была „очень хороша и цѣны умѣрены; иностранцы не пили, кромѣ этой послѣдней, никакой другой водки“ [1]).

О табакѣ Кильбургеръ не упоминаетъ, потому что онъ въ то время былъ запрещенъ [2]).

---

[1]) Чтенія, 1872 г., I, с. 29.

[2]) Олеарій пишетъ, что русскіе „являются большими любителями табака, и нѣкоторое время тому назадъ всякій носилъ его при себѣ: бѣдный простолюдинъ столь же охотно отдавалъ свою копейку за табакъ, какъ и за хлѣбъ. Когда однако увидѣли, что отсюда для людей не только не получалось никакой пользы, но, напротивъ, проистекалъ вредъ“, вслѣдствіе потери времени для куренія и пожаровъ отъ искръ, „то, по предложенію патріарха, великій князь въ 1634 г., на ряду съ частными корчмами для продажи водки и пива, совершенно запретилъ и торговлю табакомъ и употребленіе его. Преступники наказываются весьма сильно...“ „Пойманные нарушители этого постановленія, смотря по положенію своему, или наказываются высокою денежною пенею или кнутомъ и ссылаются въ Сибирь. Нѣмцамъ же разрѣшается свободно курить табакъ и продавать его другъ другу“ (Олеарій, с.с. 194, 283). Между прочимъ русскіе жаловались, что шведскій резидентъ Крусбіорнъ тайно торговалъ табакомъ. Въ 1653 г. А. Д. Виніусъ долженъ былъ, какъ доносилъ Родесъ, купить за границей большое количество табака, но только для войскъ, потому что, по мнѣнію русскихъ, войска не могли быть „совсѣмъ безъ табака, который не мало лѣтъ тому назадъ былъ весьма строго запрещенъ во всей Россіи къ употребленію, такъ что тѣхъ, которые его употребляли, били кнутомъ...“ Отъ этой табачной операціи Виніусъ думалъ получить въ годъ свыше 100 тыс. рублей (Родесъ, с.с. 8,138). Авторъ „Описанія Московіи при реляціяхъ гр. Карлейля“ (1663—1664 г.г.), повторяя слова Олеарія о табакѣ, однако добавляетъ, что „въ настоящее время табакъ употребляютъ свободно, такъ какъ за этимъ мало слѣдятъ и вовсе не штрафуютъ за его продажу“ (Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 20). Но Рейтенфельсъ указываетъ, что русскіе, по приказанію царя, должны были воздерживаться отъ табака (Чтенія, 1906 г., Ш, с. 187). Объ этомъ же писалъ и Крижаничъ, который былъ сильно недоволенъ политикой правительства по табачному вопросу. Онъ удивлялся, почему табакъ воспрещенъ въ Россіи, разъ онъ допущенъ среди русскихъ войскъ и въ рудникахъ. Очевидно, какъ думалъ Крижаничъ, табакъ въ Россіи запрещенъ, потому что русскіе за него платили иностранцамъ много денегъ и товаровъ, отчего государство бѣднѣло, но такой запретъ мало помогалъ этому вслѣдствіе того, что „инородники несмѣрно много того зѣлья привозятъ на Русь ежегодъ, и страшно драго е продаютъ: что бы имали взять за десять или за двадесять пудовъ, то возмутъ за еденъ пудъ и тѣмъ единымъ прѣметомъ нѣкои дивно богатѣютъ“; всякіе послы, и иноземные торговцы и даже сами русскіе „не едну сотню пудовъ (е)го привезутъ на Русь по всякій годъ“. Крижаничъ высказывалъ мнѣ-

Бобры, какъ еще замѣтилъ Герберштейнъ, дорого цѣнились русскими, такъ какъ „всѣ одинаково имѣли опушку платья изъ этого мѣха, потому что у него черный цвѣтъ и при томъ естественный“ [1]). Сообщеніе Кильбургера о вычесываніи русскими изъ бобровыхъ мѣховъ шерсти взято у Родеса [2]).

Стекло до Петра В. не было въ большомъ употребленіи для оконъ, и его вполнѣ замѣняла слюда, даже въ царскихъ покояхъ, но развитіе русской стеклянной промышленности постепенно вытѣснило ее. Однако стекло главнымъ образомъ было необходимо для выдѣлки посуды. Правительство постоянно заботилось о приготовленіи стекла русскими руками, подъ руководствомъ опытныхъ иноземцевъ; такъ въ концѣ 1660 г. Гебдону было поручено привезти изъ нѣмецкихъ странъ „земли, въ чемъ дѣлается веницейское стекло, мастеровъ стклянишныхъ самыхъ добрыхъ“ [3]). Знаменитая гжельская глина обратила на себя вниманіе царя Алексѣя въ 1663 г., когда онъ указалъ „во Гжелской волости для апекарскихъ и алхимискихъ глиняныхъ сосудовъ пріискать глины“, „а въ иные дѣла тое глины никуда не давать“. Эту глину крестьяне данной волости возили въ Москву, по мѣрѣ ея надобности въ Аптекарскомъ приказѣ. Эта же глина, о которой Кильбургеръ говоритъ, что она крѣпостью превосходитъ иностранную, привозилась и на стеклянные заводы, расположенные около Москвы. Эти заводы поставляли въ Москву стеклянную посуду; въ 1666 г. указано: „дать... подъ скляничные сосуды 35 подводъ съ телѣги и проводники“ [4]). Духаниновскій заводъ, по словамъ Кильбургера, былъ основанъ Юліемъ Койэтомъ. Въ 1650 г. возникло дѣло по челобитью датчанина стекляннаго заводчика Антона Коета (Елисѣева Койэта) о пропускѣ

ніе, что, если разводить табакъ въ Россіи, „нѣсколико бо сотъ или тысучь рублевъ на годъ бы остало на Руси, что ся извозитъ вонъ за табакъ“. Самъ Крижаничъ видалъ табакъ, очень хорошо уродившійся въ Тобольскѣ изъ греческихъ сѣмянъ и почти равный по качеству греческому („Рус. госуд...“, № 1, с.с. 55, 56, 54). Авторъ описанія „Посольства К. ф.-Кленка“ (с. 529) сообщаетъ, что, несмотря на запретъ, русскіе, страстные любители табака, курили его тайкомъ.

[1]) Герберштейнъ, с. 96.

[2]) Родесъ, с. 169, „Бобровая струя“.

[3]) И. Я. Гурляндъ, „Ив. Гебдонъ“, с. 47.

[4]) Н. Новомбергскій, „Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси“, Томскъ, 1907 г., с.с. 161—162.

стеклянпаго мастера Юрья Кункеля въ свое отечество за своимъ семействомъ; этотъ Кункель явился въ Россію изъ Даніи въ 157 г.; проѣзжая ему была выдана[1]). Въ 1667 г. упоминается вдова Антона Койэта, которая писала, что ея мужъ былъ пожалованъ государемъ „скляничнымъ заводомъ, а дѣлалъ съ того завода въ Аптекарскую палату реторти и колвы“ и всевозможные скляничные сосуды, продавая ихъ безпошлинно, потому что раньше „въ Аптекарскую палату тѣ скляничные суды покупали за моремъ дорогою цѣною“. Въ іюлѣ 1670 г. упоминается Петръ Койэтъ, которому было заказано сдѣлать для Аптекарскаго приказа 2.720 разныхъ скляницъ по присланнымъ ему образцамъ, а въ августѣ того же года было приказано „Аптекарскіе палаты скляничному мастеру Петру Койэту отъ Москвы до скляничныхъ заводовъ дать три подводы добрыхъ съ телѣги и проводники, а на тѣхъ подводахъ привезть ему къ Москвѣ про аптекарскій обиходъ всякіе скляничные сосуды; а до тѣхъ скляничныхъ заводовъ отъ Москвы сорокъ верстъ“. Отсюда ясно видно, что рѣчь идетъ именно о Духанинскомъ заводѣ, потому что, по указанію Кильбургера, онъ отстоялъ отъ Москвы на 40 верстъ. Когда Балтазаръ Койэтъ былъ съ нидерландскимъ посольствомъ Кленка въ Москвѣ, онъ посѣтилъ (1676 г.) на стеклянномъ заводѣ своего двоюроднаго брата (Neef), а отсюда поѣхалъ съ нимъ „въ монастырь Іерусалимъ, болѣе, чѣмъ въ 5 верстахъ оттуда и въ верстахъ 60 отъ Москвы, построенный патріархомъ Никономъ“[2]).

Другой заводъ, упоминаемый Кильбургеромъ, былъ Измайловскій. Именно о немъ говорилъ Таннеръ (1678 г.), когда писалъ, что „въ числѣ... заведеній нѣмцевъ есть въ одной милѣ отсюда (т. е. отъ Нѣмецкой слободки) большой стеклянный заводъ“[3]). Въ 178 г. изъ деревни Духанчиково, моск. у., по Волоцкой дорогѣ, возили золу (по 20 коп. четь золы и по 12 к. за провозъ каждой чети) на Измайловскіе стеклянные заводы[4]). Изъ описи 195 г. видимъ, какого размѣра былъ Измайловскій заводъ. Онъ состоялъ изъ амбара съ тремя дверьми; въ немъ была „печь кирпичная, въ

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла о выѣздахъ въ Россію иностранцевъ, 1650 г., № 1, генв. 23—24.

[2]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 464, прим. 2.

[3]) Чтенія, 1891 г., III, с. 70.

[4]) Рус. Ист. Библ., XXIII, с. 1342.

которой стоятъ горшки, изъ нихъ дѣлаютъ стеклянные суды; у ней труба для каленья стеклянныхъ судовъ... печь кирпичная, съ трубою, въ которой стекло обжигаютъ; 4 очага кирпичныхъ съ трубою, въ нихъ 4 котла литыхъ желѣзныхъ, въ которыхъ золу варятъ, 2 котла малыхъ литыхъ худы; 3 тчана большихъ, въ которыхъ бываетъ щелокъ; очагъ кирпичной, въ которой изъ печи кладутъ уголье... подлѣ анбара изба... на дворѣ же 2 анбара..." Въ этихъ амбарахъ были разныя принадлежности къ стеклянному производству. Повидимому, этотъ Измайловскій заводъ устроился въ началѣ 1668 г. изъ домашнихъ мастеровъ, но въ 1670 г. появляются спеціально вызванные стекляннаго дѣла 4 мастера, среди которыхъ былъ Ловисъ Маетъ (иначе Міотъ). Несомнѣнно, что этотъ мастеръ „Міотъ" есть тотъ же Mignot, о которомъ упоминаетъ Кильбургеръ. Онъ получалъ кормового содержанія больше всѣхъ (15 р. 15 алт. 5 ден. въ мѣсяцъ).

По описи 195 же года (она приведена Забѣлинымъ) узнаемъ о существованіи третьяго завода—Черноголовскаго, однако подвѣдомственнаго Измайловскому. Онъ находился въ селѣ Воскресенскомъ, Черноголовской волости, а Черноголовская волость, по писцовымъ и переписнымъ книгамъ XVII вѣка, была по р. Черноголовкѣ, въ предѣлахъ нынѣшняго Богороцкаго уѣзда; названіе сохранилось въ названіи деревни „Черноголовка" [1]). Въ „росписномъ спискѣ" вышеназваннаго 195 г. (1687 г.) дается описаніе черноголовскаго завода; онъ былъ меньше Измайловскаго; песокъ былъ воробьевскій, глина бѣлая гжельская.

Измайловскій и Черноголовскій заводы выдѣлывали всевозможное зеленое и бѣлое стекло; такъ въ описи бѣлаго измайловскаго стекла перечисляется до 40 разныхъ формъ и названій сосудовъ: стаканы, рюмки, сулеи, фляги, чарки, склянки, кувшинцы и т. п. Стеклянная посуда шла въ аптеки, во дворецъ для хозяйства, для подарковъ боярамъ и пр. („росходъ стекляннымъ судамъ 185 г."); измайловская посуда даже продавалась желающимъ въ Москвѣ на Гостиномъ Большомъ Дворѣ [2]). Но еще въ половинѣ XVII в. даже въ далекій Томскъ привозили „зеркала въ книжкахъ",

---

[1]) Ю. Готье, „Матеріалы по историч. геогр. Моск. Руси", с.с. 34—35.
[2]) Забѣлинъ, „Дом. бытъ р. царей", с.с. 534, 518—519, 547—549, 527.

очевидно, заграничнаго производства и „зеркала ярославскія“, вѣроятно, русскаго изготовленія [1]).

Хинный корень употреблялся противъ болѣзни, занесенной въ Россію, по словамъ доктора Коллинса, долго проживавшаго въ Москвѣ, послѣ взятія русскими Вильны (1655 г.); „завоевавъ, пишетъ онъ, ...польскіе города и области, русскіе взяли въ плѣнъ госпожу Lues Venerea... Прежде этой войны она здѣсь въ теченіе тысячи лѣтъ не была извѣстна“ [2]). Другой же иностранецъ—Данкаартъ, два раза посѣтившій Россію еще въ началѣ XVII в., написалъ подробную книгу о Россіи (первое изданіе 1615 г.), гдѣ онъ говоритъ „о большой опытности русскихъ въ излѣченіи французской болѣзни“ [3]).

Лошади издавна поставлялись въ Россію татарами. Въ половинѣ XVI в. русскіе получали отъ нихъ каждую весну „много тысячъ лошадей“ [4]). Эти татары были ногаи, жившіе по правому берегу Волги и разводившіе, кромѣ лошадей, верблюдовъ и мелкій скотъ [5]). Ногайскіе татары, по словамъ Маржерета, по два или три раза въ годъ пригоняли лошадей въ большемъ или меньшемъ числѣ; русскіе изрѣдка покупали и красивыхъ черкасскихъ лошадей, но тѣ не были такъ выносливы, какъ ногайскія; кромѣ того, у русскихъ были еще турецкія и польскія лошади; туземныя же русскія лошади, особенно у Вологды, были крѣпки и понятливѣе ногайскихъ [6]). Вообще у русскихъ было „лошадей такое множество, что трудно найти ихъ въ подобномъ количествѣ въ другомъ государствѣ“ [7]). Въ августѣ 1661 г. расположился на лугахъ около

---

[1]) Г. Потанинъ, „Привозъ и вывозъ товаровъ г. Томска въ пол. XVII, в.“, Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ., 1859 г., XII, с. 137.

[2]) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 167. Чтенія, 1846 г., I, с. 29.

[3]) „Посольство К. ф.-Кленка“, Введеніе, с. XXIX.

[4]) М. Литвинъ, „Мемуары, кас. ист. ю. Р.“, Кіевская Старина, 1889 г., авг., с. 26.

[5]) Хуанъ Персидскій (1599—1600 г.г.), Чтенія, 1899 г., I, с. 7.

[6]) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с.с. 272, 282.

[7]) Ченеда (1657 г.), Отечеств. Записки, ч. 37, с. 21. Спутникъ Карлейля тоже объ этомъ сообщаетъ: „Въ Московіи встрѣчается также множество лошадей, которыя вообще росту небольшого, что впрочемъ нисколько не мѣшаетъ имъ быть крѣпкими и нести очень хорошую службу“ (Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 11). Русскіе пользовались лошадьми для своихъ

Москвы огромный табунъ лошадей, которыхъ, какъ говорили, было 36.000, и татары распродали ихъ въ теченіе недѣли, „исключая лишь немногихъ лошадей“ [1]). Мейербергъ же говоритъ, что погайцы ежегодно пригоняли въ Москву до 40 тысячъ лошадей, гдѣ продавали ихъ по сходной цѣнѣ; онъ прибавляетъ, что было просто заглядѣніе смотрѣть на персидскихъ лошадей знатныхъ русскихъ, когда на нихъ надѣта нарядная сбруя [2]). Недаромъ же Кленкъ хотѣлъ купить въ Москвѣ 1—2 красивыхъ персидскихъ лошадей [3]). Котошихинъ, съ сочиненіемъ котораго Кильбургеръ былъ знакомъ, даетъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія о торговлѣ лошадьми: „...присылаются исъ Казани и изъ Астрахани конскіе табуны, нагайскіе и татарскіе, къ Москвѣ, ежегодь, лошадей тысечь по 30 и по 40 и по 50 и болши на годъ, на продажу, и будучи въ Астрахани и въ Казани, у тѣхъ нагайскихъ людей и татаръ исъ табунныхъ лошадей выбираютъ воеводы про царской обиходъ лошадей тысечь по 5 и по 6 и по 8, и записавъ и запятнавъ присылаютъ къ Москвѣ съ ними жъ табунными людми, а на Москвѣ взявъ у нихъ тѣхъ лошадей, на царскомъ дворѣ цѣнятъ противъ ихъ тамошней цѣнѣ, и даютъ денги изъ царскіе казны, а досталные лошади велятъ имъ продать всякому чину служилымъ людемъ и инымъ чиномъ...; а покупаютъ и продаютъ тѣ табунные лошади рублевъ по 5 и по 7 и по 10 и по 15 лошадь, и покормя мѣсяцъ времяни или другой, продаютъ тѣ лошади русскіе люди своей братьѣ, дорогою цѣною“; татаръ и ногайцевъ, пригонявшихъ табуны въ Москву, бывало „на годъ человѣкъ по 200 и больше“ [4]).

полевыхъ (П. Алеппскій, Ченеда) и др. работъ; они ихъ не подковывали (Герберштейнъ, с.с. 75, 87. Флетчеръ, с. 15. Маржеретъ, с. 282), но Таннеръ уже видалъ, что лошади спальниковъ „украшались подковами,... производившими звукъ отъ привѣшенныхъ къ нимъ серебряныхъ цѣпочекъ“ (Чтенія, 1891 г., Ш, с. 45).

[1]) Главиничъ, Чтенія, 1875 г., I, с. 4.

[2]) Чтенія, 1873 г., Ш, с. 38.

[3]) „Посольство К. ф.-Кленка“, Введеніе, с. XLШ.

[4]) „О Рос. въ царств. Ал. Мих.“, изд. Ш, гл. VII, ст. 6, с.с. 103—104. Гордонъ въ своемъ дневникѣ указываетъ цѣны за лошадь въ 50, 30, 20, даже 6½, 5 рублей и т. д. (Gordon, Tagebuch, I, S. 307, 313, 338 и др. Брикнеръ, „Къ ист. цѣнъ въ Р. въ XVII в.“, Ист. Вѣстн., 1885 г., май, с. 266). Рейтенфельсъ сообщаетъ, что казна получала „десятую часть лошадей, изъ Татаріи выведенныхъ“ (Чтенія, 1905 г., Ш, с. 110).

Что же касается каретъ, упоминаемыхъ Кильбургеромъ, то для царскихъ выѣздовъ, по описанію Олеарія, употребляли „деревянную, раскрашенную рѣзьбой, сверху обтянутую краснымъ сукномъ, а съ боковъ желтой тафтой, большую повозку, которую везли 16 бѣлыхъ лошадей“; придворныя дамы слѣдовали въ такихъ же деревянныхъ повозкахъ (каретахъ), выкрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ и также обтянутыхъ краснымъ сукномъ; жены знатныхъ лицъ даже лѣтомъ ѣздили въ такихъ „закрытыхъ каретахъ, обтянутыхъ красной тафтой“ [1]). Таннеръ подтверждаетъ, что знатныя женщины „обыкновенно ѣздятъ въ небольшой колымагѣ, въ родѣ маленькой кареты, въ одну лошадь въ хомутѣ...“ [2]). Спутникъ же Карлейля осторожно замѣчаетъ: „Если не ошибаюсь, никто, за исключеніемъ царя, не имѣетъ кареты“; бояре ѣздили верхомъ, а „женщины, и преимущественно знатныя, зимой ѣздятъ въ крытыхъ саняхъ, ...лѣтомъ въ коляскахъ, похожихъ на французскія и фландрскія“ [3]). Но Яковъ Рейтенфельсъ уже ясно говоритъ, что лишь немногіе ѣздятъ „въ красивыхъ чужеземнаго издѣлія крытыхъ каретахъ на 4-хъ колесахъ“, а вообще повозки русскихъ были весьма простыя [4]). Согласно запискамъ Невилля, при немъ уже было „въ Москвѣ также нѣсколько колясокъ въ родѣ французскихъ, которыя болѣе богатые люди выписали изъ Голландіи и Данцига“; тогда же всѣ царскія кареты были уже очень старыя, потому что русскіе ихъ не покупали, надѣясь получить ихъ въ подарокъ отъ пословъ иностранныхъ державъ; женщины ѣздили „въ коляскахъ въ родѣ паланкина“, обыкновенно въ одну лошадь; сюда садилось 5—6 женщинъ, „какъ будто въ ящикъ, потому что скамеекъ внутри нѣтъ“. „Хотя въ Москвѣ, продолжаетъ тотъ же иностранецъ, находится до 500 даже, можетъ быть, до 600.000 жителей, но въ ней нѣтъ и 300 такихъ колясокъ, но зато имѣется съ 1.000 маленькихъ телѣжекъ, запряженныхъ въ одну лошадь, для перевозки публики за небольшую плату съ одного мѣста на другое“ [5]). Эти „извощики въ безчисленномъ множествѣ, говоритъ

[1]) Олеарій, с.с. 52, 218.
[2]) Чтенія, 1891 г., Ш, с. 102.
[3]) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 21.
[4]) Чтенія, 1906 г., с. 152.
[5]) Невилль, Русская Старина, т. 72, ноябрь, с. 268.

Мейербергъ, стояли на каждой почти улицѣ въ Москвѣ со своими наемными повозками“ [1]). Рейтенфельсъ и Таннеръ тоже считали взимаемую извощиками плату малой [2]). При Маскѣвичѣ (1611 г.) такихъ извощиковъ на рынкѣ въ Москвѣ всегда стояло, по его подсчету, до 200 [3]).

---

[1]) Бывало, что извощики отвозили домой валявшихся на улицѣ пьяныхъ, съ цѣлью получить плату отъ домашнихъ за доставку, хотя весьма часто случалось, что они завозили пьянаго въ глухой переулокъ и, ограбивъ его, убивали (Чтенія, 1873 г., Ш, с. 79).

[2]) Авторъ же „Описанія Московіи при рел. гр. Карлейля“ писалъ, что сани можно всегда нанять, „хотя впрочемъ за дорогую цѣну“ (Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 21). „На каждомъ перекресткѣ, разсказываетъ Рейтенфельсъ, и у каждыхъ воротъ города стоитъ съ санями, или колымагами, наготовѣ много «извощиковъ», т. е. возницъ, которые, договорившись за весьма малую плату, быстро доставляютъ пріѣзжаго къ мѣсту, имъ указанному“ (Чтенія, 1905 г., Ш, с. 92). Таннеръ о томъ же пишетъ: „У москвитянъ большая ѣзда изъ одной части города въ другую, чѣмъ кормится множество не знающихъ никакого ремесла извощиковъ. Все ихъ имущество—лошадь да деревянная повозка. Они поджидаютъ на городской площади сѣдоковъ и задешево, за нѣсколько нашихъ крейцеровъ, возятъ далеко. Народъ этотъ до того упрямъ, что, встрѣтившись, переломаютъ скорѣе другъ другу колеса, чѣмъ свернутъ съ дороги, коли встрѣчный сѣдокъ не вельможа“ (Чтенія, 1891 г., Ш, с. 71).

[3]) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, II, 1859 г., с. 59.

КЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Къ главѣ I.

Европейская торговля, доставлявшая Россіи много иноземныхъ товаровъ, достигла въ XVII в. большихъ размѣровъ. Русскіе не довольствовались пріѣздомъ къ себѣ иностранцевъ, но сами совершали торговыя путешествія въ чужія страны. „Могутъ, разсказываетъ Рейтенфельсъ, однако и русскіе купцы выѣзжать за предѣлы отечества, но непремѣнно съ разрѣшенія царя и съ обязательствомъ вернуться обратно. Они имѣютъ даже внѣ своего отечества нѣсколько складочныхъ мѣстъ, пользующихся необычайной свободой, какъ, напримѣръ, въ Гольмѣ, въ Швеціи, въ Вильнѣ, въ Литвѣ, въ Ревелѣ и Ригѣ, въ Ливоніи и другихъ сосѣднихъ городахъ, куда они свозятъ товары и продаютъ ихъ безъ всякаго стѣсненія“ [1]). Швецію русскіе посѣщали въ значительномъ количествѣ, и, напримѣръ, въ 1681 г. „русскихъ людей новгородцовъ, олонченовъ, тихвинцевъ было въ Стекольнѣ... съ русскими разными товары человѣкъ с 40 и болши“ [2]). Поэтому невполнѣ вѣрно замѣчаніе Крижанича, что „русы, ляхи и весь народъ словенскій отнюдь не знадутъ далекого торгованія ни по морю ни по суху“ [3]).

Само московское правительство принимало большое участіе во внѣшней торговлѣ, и „на поташъ, воскъ и медъ царь (Алексѣй Михайловичъ) вымѣнивалъ бархатъ, атласъ, камку, золотыя матеріи (парчу) и тонкое сукно, которыми награждалъ своихъ чиновниковъ за службу“ [4]). Правительство посылало своихъ комиссаровъ

---

[1]) Чтенія, 1906 г., III, с. 133.

[2]) Е. Замысловскій, „Снош. Рос. со Шв. и Даніей“, Рус. Вѣстн., 1889 г., январь, с. 27.

[3]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 8.

[4]) Коллинсъ Чтенія, 1846 г., I, с. 34.

за границу дѣлать закупки иностранныхъ товаровъ иногда на громадныя суммы. Такъ въ докладѣ царю по отчетамъ, присланнымъ Гебдономъ по поводу возложеннаго на него въ концѣ 1660 г. порученія купить европейскіе товары, сказано: „А на тое мушкетную и суконную покупку надобно 104.000 рублей, опричъ иныхъ покупокъ"; именно Гебдонъ долженъ былъ купить „30.000 аршинъ суконъ разныхъ цвѣтовъ по 26 алтынъ по 4 деньги аршинъ, итого 24.000 рублей" [1]). Часто правительство покупало матеріи, вина и пр. въ Архангельскѣ [2]).

Виды европейскихъ товаровъ, ввозимые въ Россію, были весьма разнообразны, и среди нихъ встрѣчаются даже такіе предметы, которые производила сама Россія, но по тѣмъ или другимъ соображеніямъ они все-таки ввозились въ Россію, хотя иногда и въ небольшомъ количествѣ (напр., соль, лисицы). По росписямъ Кильбургера (1671, 1672 и 1673 г.г.) и его прейсъ-курантамъ (май 1674 г.) можно составить почти полный перечень товаровъ, доставляемыхъ тогда Европой Россіи [3]). На нѣкоторыхъ изъ этихъ товаровъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться [1]).

---

[1]) И. Я. Гурляндъ, „Ив. Гебдонъ", с.с. 51, 50.

[2]) Родесъ, с. 221 и др.

[3]) Даемъ ниже такой перечень, придерживаясь данныхъ Кильбургера за 1671—1674 г.г. При этомъ пользуемся для опредѣленія названій товаровъ и ихъ объясненій тѣми свѣдѣніями, которыя находимъ у Кильбургера же, а тѣ объясненія, которыя заимствуемъ изъ другихъ источниковъ, приведены нами въ скобкахъ; въ скобкахъ же для ясности приводимъ нѣмецкую терминологію нѣкоторыхъ товаровъ, употребляемую Кильбургеромъ.

Шелковыя матеріи: тафта—черная гладкая и волнистая, венеціанская, лукская; объярь (Tobynen, Tobinen)—шелковая и серебряная; бархатъ—венеціанскій, амстердамскій; атласъ—амстердамскій, голландскій, травчатый, нетравчатый, брикс-атласъ; сатинъ (Sattin, Sattyen—сатинъ, атласъ); парча.

Шелковыя и шерстяныя матеріи: камка (Damast)—шерстяная, полушелковая, амстердамская, итальянская; флеръ (шелковая, шерстяная ткань, совершенно прозрачная); штофъ (Stoff)—шелковый, шерстяной, гладкій, травчатый; гробгринъ (Grobgrün)—шелковый, шерстяной; дрогетъ (есть

[1]) Для этого въ дальнѣйшемъ изложеніи отчасти пользуемся Savary Des Bruslons, J., „Dictionnaire universel de commerce...", 6-ое ed., T. I—IV, Geneve, 1750, и „Словаремъ коммерческимъ" половины XVIII в., переведеннымъ съ французскаго В. Левшинымъ въ 1787—1792 г.г., ч.ч. I—VII, Москва.

Тафта была тонкой шелковой матеріей, чистой и обыкновенно лоснящейся.

чисто шелковый и чисто нитяный, съ золотомъ и серебромъ; это собственно полусукно изъ шерсти, съ примѣсью нитокъ).

Шерстяныя матеріи: сукно—кармазинное, полукармазинное, свѣтло-сѣрое, сѣрое и „другого цвѣта", голландское, гамбургское, тангермюндское (Тангермюндъ—гор. въ округѣ Магдебурга, при впаденіи р. Тангеръ въ Эльбу), силезское (Slesier), англійское; камлоты, среди которыхъ встрѣчаются нѣмецкіе и турецкіе; полемитъ (очень легкая матерія, родъ полукамлота); дерюга (Packtücher) англійская; саржа (саржа могла быть также суконной и шелковой); рашъ (шерстяная завивчатая матерія; родъ очень плотной саржи безъ ворса); кронрашъ; кирза (Kirsayen); каразея (Herensayen; рѣдкая грубая шерстяная ткань; у Кильбургера она упоминается на ряду съ камлотами); фирлотъ (Vierlothen, или Vier Loden)—матерія (въ Шотландіи „фирлотъ"—мѣра сыпучихъ тѣлъ); могеръ (Mageyers—упоминается среди шерстяныхъ матерій; это—англійское слово, и могеромъ англичане называютъ ангорскую шерсть; въ торговлѣ же такъ называется матерія изъ этой шерсти и вообще матерія, содержащая козью шерсть); „англійскій саетъ (Sayen), или стаметъ (Stammelen)"; триппъ (шерстяной бархатъ); платки (Tücher) женскіе; суконные отрѣзки, лоскутья, тряпки, покромки.

Шерстяныя и бумажныя матеріи: байка (Boy; бай, шерстяная матерія, косматая съ одной или съ двухъ сторонъ, но есть байка также бумажная и полушелковая); бомбазинъ (Bomersin, Bomseiden, Bombastin; родъ легкой бумазеи и шелковой ткани, пополамъ съ хлопчатой бумагой).

Бумажныя матеріи: бомазея (Bomseyen, Bomsayen; бомазея, или бумазея,—хлопчато-бумажная матерія); плисъ (бумажный бархатъ).

Бумажныя и льняныя матеріи: выбойка (Cattun; полотно бумажное и льняное, набитое красками)—крашеная, цвѣтная, персидская.

Льняныя матеріи: полотно (Leinwand)—голландское, гамбургское, нѣмецкое, полотно на скатерти, на салфетки; наволоки на постели (Bürwerk zu Betten).

Прочее: одѣяла, среди которыхъ упоминаются данцигскія; локтевой товаръ (Ellenguth), т. е. товаръ, который мѣрялся и продавался на локти, аршины.

Товары изъ шелка, шерсти и пр.: чулки шелковые и шерстяные, ленты шелковыя, галуны шелковые, шелкъ пряденый, шляпы нѣмецкія, свѣтильни выбойчатыя.

Мѣха: соболи, бобры, выдры, лисицы—среди нихъ упоминаются черныя лисицы; хорьки, индійскія медвѣжьи черныя шкуры, выдѣланныя лосьи кожи, сафьянъ красный и желтый, рукавицы кожаныя.

Драгоцѣнные камни и издѣлія изъ нихъ: жемчугъ—мелкій, крупный; розы-алмазы (Rosen-Diamanten); сапфиры; перстни съ печатью

Объярь (объеръ)—подражаніе волнамъ на шерстяныхъ и шелковыхъ матеріяхъ, но главнымъ образомъ на гродетурѣ, который

(Petschierringe) съ сапфирами, рубинами и др. камнями; серьги съ драгоцѣнными камнями; украшенія (Geschmücke) золотыя съ драгоцѣнными камнями; корабликъ и карета—осыпанные драгоцѣнными камнями; фальшивые драгоцѣнные камни; корольки стеклянные, красные и разныхъ цвѣтовъ.

Драгоцѣнные металлы, издѣлія изъ нихъ и поддѣлка подъ нихъ: species рейхсталеры (рейхсталеръ=ефимокъ), species дукаты (дукатъ==червонецъ); русскія деньги изъ Украйны; счетные пфенниги (Rechenpfennig); шведскія денежныя доски (Geldplatten); золотыя и серебряныя выкованныя доски (Platten); золото и серебро кованое, намотанное на катушки; проволока золотая и серебряная—голландская и венеціанская; проволока золотая—нюренбергская, гамбургская, миланская, амстердамская; проволока серебряная амстердамская; поддѣльная золотая и серебряная проволока; мишура (Mestur, Messur):—„поддѣльное золото и серебро"; канитель (Cantillie); блестки (Flinter); шумиха (Flattergold); кружева (Spitzen) золотыя и серебряныя и поддѣльныя; галуны золотые и серебряные; шнурки серебряные поддѣльные для кафтановъ; чапракъ обшитый золотомъ и серебромъ; ножи выжженнаго серебра (Brandsilber); серебряные—кружки (Kannen), кубки (Becher), чаши (Schalen), солонки; серебряная посуда (Silberzeug).

Простые металлы и вещи изъ нихъ:

Мѣдь: красная мѣдь (Kupfer), кровельная красная мѣдь (Deck-Kupfer), колокольная мѣдь; желтая мѣдь (Messing); изъ желтой мѣди: колокола, доски (Platten), проволока, струны, трубы, рукомойники (Handbecken), умывальники (Handfässer), котлы (Kessel), тазы (Becken), подсвѣчники, фонари, столовыя кольца (Tafelringe), наперстки, вѣнцы (Kronen).

Желѣзо шведское; проволока желѣзная.

Сталь: ложки стальныя.

Жесть; жесть бѣлая оконная.

Олово: оловянныя полосы (Stabzinn), англійскія оловянныя блюда (Schüsselzinn),—тарелки и др. вещи, оловянные кубки (Becher), скляницы (Flaschen).

Свинецъ.

Металлическія и другія вещи: колокола, кадильницы (Rauchfässer), пилы, съёмцы (Lichtputzen), замки, подносы, кружки штофныя, ножницы, ножи, ножны, булавки, иголки, сабли, карабины, пистолеты, погребцы (Flaschenfutter), столовые кружки (Tafelkränze), посуда (Gezeug) каменная испанская, подсвѣчники каменные, нюренбергскія бездѣлушки (мелочи), письменные приборы (Schreibbüschsen); улитковыя головки (Schneckenköpfe, т. е. раковины отъ улитокъ) и маленькія раковины (Muscheln), „которыми украшаютъ конскую сбрую"; слоновая кость (Elfenbein) и слоновые клыки

собственно и называется объярью. Согласно „Переписной книгѣ (7166 г.) домовой казны патр. Никона“, объяри были широкія и

(Elephantenzähne); корзины плетеныя; стулья нѣмецкіе; дерево Stockfisch (Stockfischholz), дерево бразильское, фернамбуковое, синее.

Стекло: скляницы (Flaschen), бутылки (Bouteillen), хрустальная посуда, гельбрюнскія рюмки и тонкія (feine) кружки; зеркальное стекло (Spiegelglas), зеркала большія, маленькія, книжныя (Buchspiegel); очки.

Бумага: бумага со знакомъ (филиграномъ): шутовской колпакъ (Narrenkapp), амстердамскій гербъ, „бѣлыя лиліи или зелень, кувшинъ“ (Weisse Lilien oder Kraut, Pott); александрійская бумага; бумага хлопчатая; карты игральныя [По словамъ Петрея, „нѣкоторые (русскіе) играли въ карты“, другіе—въ шашки. При Таннерѣ именно „высшій классъ игралъ въ французскія карты, купцы—въ шахматы“ (Чтенія, 1891 г., III, с. 103)].

Лѣкарства, краски, всякія вещества и пр.: лѣкарства, чилибуха (Kransaugen; „цилибуха“ или „цѣлибуха“—рвотный орѣхъ), масла всякія для лѣкарствъ, баночки съ бальзамомъ, мышьякъ; бензой („бензуй“, какъ и ладанъ,—твердая смола), камфора, нашатырь (Sal Armoniacum; или аммоніакъ—соль бѣлая; его привозили изъ Сиріи, Египта и Индіи), квасцы, крахмалъ, ладанъ бѣлый и сѣрый, гумми (древесный клей), лакъ венеціанскій, ртуть, меркурій (названіе ртути), сѣра, бура („...ящикъ буры, какую употребляютъ золотыхъ дѣлъ мастера“), купоросъ, галмея (цинковая или шпіаутеровая окись); краски—синяя, желтая, красная и „всякая краска“, краска Kuzumile, зелень (Grünspan, Spangrün, Spanischgrün), синька (Blausel), бѣлила свинцовыя (Bleyweis), бѣлила туалетныя (weisse Schminke); карминъ (Rosenroth), киноварь, вермильонъ (Vermillion, франц., мелко истертая красная краска, киноварь), сурикъ, охра желтая и красная, чернильные орѣхи, драконовая кровь (Drachenblut или змѣиная кровь; такъ называется красная смола дерева „дракониска“—Calamus draco), индиго, индиго гватимало (Indigo Guatimalo), индиго лауро (Indigo Lauro), плоскій индиго (Platt-Indigo), „плохой индиго, или синяя краска“, „Ammulirung, или финифть“, „Sietgelb и желтая земля“, воскъ.

Пряности, фрукты, сладости и пр.: перецъ, шафранъ, коринка, корица, гвоздика, мускатные орѣхи, мускатный цвѣтъ, анисъ, корень фіалковый, сладкій стручокъ; кардамонъ, инбирь сушеный; миндаль, финики, винныя ягоды (фиги) изюмъ длинный, корзинный (Korbrosinen), каперсы, оливки, сливы, брунели, яблоки сушеныя; лимоны свѣжіе, сушеные, соленые, лимонный сокъ; корки померанцевыя сушеныя; консервированные (eingemacht): инбирь, лимоны, цукаты; сахарное печенье (Banquetzucker), конфеты; сахаръ—конфетный, головной (Topfzucker), головной сахаръ мелисъ; леденецъ—бѣлый, бурый и красный; сиропъ; медъ; хмель; канареечное сѣмя; рисъ; масло—деревянное, анисовое и спиковое; соль люнебургская; сельди.

Вина: вино французское бѣлое и красное, мальвазія (Malvasier), мускатель (Muskateller), аликантъ (Alicant), сектъ (Sect—сладкое канар-

узкія, а по цвѣту—лимонныя, вишневыя, таусинныя, гвоздичныя, двоелишныя, черныя, зеленыя, лазоревыя, съ травами, „по серебряной землѣ травы золотые съ разнымъ шелкомъ". Мѣрой онѣ были большею частью въ 10 аршинъ, а также въ 4, 5, 8, 12, 13 аршинъ съ вершками [1]).

Парчой прежде называли матерію изъ одного золота, потомъ это названіе перешло къ штофамъ съ золотыми и серебряными цвѣтами, а около половины 18 вѣка парчой стали называть во Франціи всякую шелковую матерію съ травами или разводами. Парча лукская—былъ французскій штофъ, дѣлаемый въ подражаніе производимымъ въ Лукѣ.

Сатинъ, какъ терминъ, былъ извѣстенъ русскимъ еще въ 119 г.: „2 сатыни по портищу" [2]).

Камка была амстердамская, а также кизильбашская и индійская („индѣйская"); была также матерія „камкасѣй" [3]).

Гробгринъ, очевидно, соотвѣтствуетъ искаженному русскими названію сукна „графинъ" [4]).

Дрогетъ, или драгетъ,—полусукно изъ шерсти, иногда съ примѣсью нитокъ, шелка; есть драгеты и чисто „шелковые" и чисто „нитяные", съ золотомъ и серебромъ.

Жемчугъ бывалъ мелкій, средній, крупный; различались зерна гурмыцкія, кафимскія, зерно раковинное, зерно не алмазное; жем-

---

ское вино), тинтъ (Wein de Tint), бастертъ (Bastert), петеръ-сцеменъ (Peter-Scemen), испанское; уксусъ винный.

[1]) Временникъ, XV, с.с. 50—51.

[2]) Забѣлинъ, „Дом. бытъ р. царицъ", с. 617.

[3]) „Переп. кн. дом. казны патр. Никона", Временникъ, XV, с.с. 52, 54. О названіяхъ камокъ во время Торговой книги: Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, отд. III, с. 128.

[4]) Именно Торговая книга упоминаетъ, что „въ городѣ Махеленъ" дѣлаютъ „сукно, по-нѣмецки зовутъ графинъ" (по др. списку—графунъ) (Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, отд. III, с. 120. Временникъ, VIII, с.с. 13—14). По-польски Grubryn—турецкая матерія („Словарь древ. актоваго яз. сѣв.-зап. края и царства Польскаго", Н. Горбачевскаго). По словарю Даля, „Гро ср. нескл., фр. [gros], названіе шелковыхъ, самыхъ плотныхъ тканей, нынѣ измѣняющихся по обыку; грогро́ [фр. gros-gros], гроденапль [gros de Naples] и пр. разные виды ихъ. Гродетуръ [gro de Tours] одна изъ такихъ бывшихъ тканей".

чугъ считался по зернамъ, половинкамъ и золотникамъ[1]). Жены бояръ и богатыхъ лицъ много употребляли жемчуга на свою одежду и украшенія. На платье бояръ и ихъ сапоги тоже шелъ жемчугъ; бояре даже одѣвали на шею широкое ожерелье изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней[2]).

Перстни съ драгоцѣнными камнями привозили изъ-за границы. У царевны Анны Михайловны было (139 г.) много золотыхъ перстней съ благородными камнями, напр., „перстень золотъ съ финифтомъ чернымъ, на печати въ середкахъ алмазъ четвероуголенъ да около его 8 искорокъ яхонтовыхъ червчаты“[3]). Перстни были необходимымъ украшеніемъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ слоевъ русскаго населенія. Перстень съ рѣзной вставкой назывался жиковиной (или жуковиной), и жиковиной запечатывали грамоты[4]).

Вѣнцы изъ желтой мѣди тоже ввозились въ Россію. „Повязка, устроенная сплошною, напр., жемчужною каймой вокругъ головы, называлась вѣнкомъ. Особый видъ вѣнка, который дѣлался обыкновенно изъ металлической цки (т. е. доски) и прорѣзывался насквозь какимъ-либо узоромъ съ городками или зубцами вверху, назывался вѣнцомъ... Такой вѣнецъ (т. е. съ острыми углами вокругъ) употреблялся у насъ исключительно въ дѣвичьемъ уборѣ, по той причинѣ, что его носили только на открытыхъ волосахъ“. Вѣнецъ могъ быть и изъ золота, серебра, украшенъ финифтью, камнями и пр.[5]). Невѣстѣ, разсказываетъ Олеарій, одѣвали корону; „корона приготовлена изъ тонко выкованной золотой или серебряной жести, на матерчатой подкладкѣ; около ушей, гдѣ корона нѣсколько согнута внизъ, свисаютъ четыре, шесть или болѣе нитокъ крупнаго жемчуга, опускающихся значительно ниже грудей“[6]). Согласно Рейтенфельсу, „дѣвушки украшали себя красивыми вѣнками изъ золотыхъ шнурковъ, драгоцѣнныхъ камней и коралловъ“[7]). Таннеръ видалъ, какъ русскія дѣвушки „на лобъ надѣваютъ обо-

---

[1]) „Переп. кн. д. казны патр. Никона“, Времен., XV, с. 22.
[2]) Флетчеръ, с.с. 125—126.
[3]) Забѣлинъ, „Д. б. р. царей“, с. 708.
[4]) П. Савваитовъ, „Опис. ст. русскихъ утварей...“, П., 1896 г.
[5]) Забѣлинъ, „Д. б. р. царицъ“, с.с. 480—482.
[6]) Олеарій, с.с. 213—214.
[7]) Чтенія, 1906 г., III, с. 151.

докъ въ 3 пальца шириной съ золотомъ и серебромъ и съ висящими кругомъ звѣздочками, такъ что нельзя шевельнуть головой безъ того, чтобы онъ не засіялъ лучами“ [1]). Что же касается серегъ изъ серебра или другого металла, то, по увѣренію Флетчера, нельзя было увидѣть безъ нихъ ни одной женщины и дѣвушки [2]).

Золото и серебро продавалось на литры [3]). По мнѣнію Крижанича, русскимъ слѣдовало бы научиться дѣлать пряденое золото, потому что въ Россіи „много ся прошьетъ и проплететъ того злата на петлицы, на рубачи и на ино“ [4]).

Проволока золотая и серебряная дѣлалась въ волосъ толщиной и навивалась на шелковинку и тогда называлась цѣвочнымъ золотомъ или серебромъ.

Канитель—проволока золотая или серебряная, настоящая или мишурная, которую навивали на желѣзную проволоку, такъ что, по вынутіи желѣзной проволоки, канитель оставалась въ видѣ трубочки.

Галунъ золотой, серебряный или шелковый шелъ на обивку мебели, стѣнъ, занавѣсей и т. п. [5]).

Листы золотые были доставлены въ 1669 г. гамбургскимъ купцомъ для Коломенскаго дворца „къ стѣннымъ дѣламъ“ [6]). Въ казнѣ Никона было: „золото сусальное листовое по связкамъ, а въ связкахъ по 6 тетрадей, а въ ней 300 листовъ“; „серебро листовое 27 тетрадей, а въ тетради 15 листовъ“. Пряденое золото мѣрялось на цѣвки, золото и серебро волоченое и канитель—на фунты и золотники, кружева золотыя и серебряныя и тесьмы золотыя съ серебромъ волоченыя—на аршины [7]).

---

[1]) Чтенія, 1891 г., III, с. 47.

[2]) Флетчеръ, с. 127.

[3]) Напр., Доп. къ А. Ист., III, с. 143. „Къ инокѣ Марьѣ отнесъ (124 г.)... три литры золота, одна 10 р., а два по 9½ р.“ (Забѣлинъ, „Д. б. р. царицъ“, с. 629).

[4]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 36.

[5]) Забѣлинъ, „Д. б. р. царей“, с.с. 672, 679.

[6]) „Листового золота въ указное число по счету принято 154.000 статьями, а на листы то золото не считано“ (Забѣлинъ, „Д. б. р. царей“, с. 447).

[7]) „Переписн. кн...“, Временникъ, XV, с.с. 22, 59.

Мѣдь привозили въ Россію въ необработанномъ видѣ и въ дѣлѣ [1]). Сосуды изъ мѣди были разные, какъ по величинѣ, такъ и по названіямъ, напр., котелъ мѣдный пивной въ 50 ведеръ, „ѣстовной"—1½, 4, 7 ведеръ, лохани, „тазишки" [2]). Въ 1649 г. Христина шведская русскимъ торговымъ людямъ въ Стокгольмѣ „поволили безпошлинно отсюда к Руси вывесть денежныхъ и венгерскихъ мѣдяныхъ досокъ, такожъ и литую старую мѣдь, которую они здѣсь своимъ торговымъ промысломъ доступили" [3]). Но въ 1676 г. русскіе жаловались, что въ Швеціи было запрещено шведскимъ правительствомъ покупать красную мѣдь у частныхъ лицъ, а только въ казнѣ, и послѣ Кардискаго договора (1661 г.) русскіе платили по 50 и 60 рублей за берковецъ, а прежде покупали вольной цѣной по 30 рублей [4]).

Желѣзо иностраннаго производства разнаго рода въ большомъ количествѣ было обнаружено въ казнѣ Никона: „77 листовъ желѣза нѣмецкаго двойного, 3 пуда 11 гривенокъ желѣза листоваго, 41 листъ желѣза нѣмецкаго двойного бѣлаго", „8 бочекъ нѣмецкаго бѣлаго двойного желѣза цѣлыхъ" и „желѣза свицкаго 52 доски" [5]).

Сукно англійское, разсказываетъ Коллинсъ, при немъ „совершенно пало въ цѣнѣ, потому что оно дороже голландскаго, а голландское сукно, хотя непрочно и въ мочкѣ ссѣдается на шестую долю, но нравится русскимъ, которые говорятъ, что ссѣдается только новое сукно. Напрасно и мы (англичане) не ввозимъ имъ такого же. Къ тому же мы все торгуемъ сукномъ, а голландцы привозятъ шелки и всякаго рода мелочные товары, расходящіеся больше, нежели сукно, которое теперь выходитъ изъ употребленія" [6]). Сукно привозилось въ кипахъ (Pack) и половинкахъ (Halbgen).

[1]) Цѣна мѣди въ Брянскѣ была въ сент. 177 г. за пудъ мѣди „въ дѣлѣ" 4 рубля, а за пудъ „вѣтоши"—3 рубля (Времен., XV, Смѣсь, с. 30).

[2]) Опись 116 г., Временникъ, VIII, Смѣсь, с. 22—„Суды мѣдные".

[3]) К. Якубовъ, „Рос. и Шв.", с. 226.

[4]) Е. Замысловскій, „Снош. Рос. съ Дан. и Шв. въ царств. Ѳед. Алекс.", Р. Вѣстникъ, 1889 г., янв., с. 9.

[5]) „Переписн. кн...", Времен., XV, с.с. 69, 134—135.

[6]) Чтенія, 1846 г., I, с. 38.

Величина половинокъ была разная: въ 17, 20, 22, 27 арш. и пр. [1]). Кармазинныя сукна были разныхъ цвѣтовъ [2]). О нѣмецкихъ названiяхъ суконъ даетъ объясненiя авторъ Торговой книги, который отожествляетъ „лакенъ" съ сукномъ; кромѣ того, по стариннымъ нѣмецкимъ словарямъ Laken=Tuch [3]).

Краски между прочимъ шли на крашенiе матерiй. Кармазиннымъ (или кармазинновымъ) цвѣтомъ называется красный цвѣтъ съ синеватымъ оттѣнкомъ, въ отличiе отъ шарлака, краснаго цвѣта съ желтоватымъ оттѣнкомъ. Шарлахъ же есть цѣлый рядъ азопигментовъ разнообразнаго химическаго состава, растворимыхъ въ водѣ, съ красивымъ краснымъ цвѣтомъ. „Замѣчается, сообщаетъ „Словарь коммерческiй", что «крамозинными» называются всѣ цвѣта, дѣлаемые изъ кошенили". Хорошихъ красныхъ цвѣтовъ насчитывали семь, а именно: 1) экарлатный красный французскiй или гобелинскiй, 2) красный кармазинный, 3) красный краповый, 4) красный полузернистый 5) полукармазинный, 6) красный накаратный, 7) экарлатный кошенильный или голландскаго фасону. Экарлатъ, одна изъ красныхъ красокъ, дѣлалась изъ агарика, кваса, пастели и зеренъ экарлатныхъ или вермильона. Кармазинный цвѣтъ для шелка

---

[1]) Въ царскомъ быту, напримѣръ, въ 175 г. „на окна сукна пошло 1 половинки темнозеленыхъ амбургскихъ по 22 аршина въ половинкѣ"; въ 172 г. на обивку 2 дверей пошло „сукна аглинского червчатого половинка, мѣрою 27 аршинъ" (Забѣлинъ, „Д. б. р. царей", с. 641—642). По „Переписной книгѣ дом. казны патр. Никона" половинки были въ 27 аршинъ 8 вершковъ, 27 а. 4 в., 20 а., 17 а. 12 в.; тутъ же упоминаются сукна мѣрой: 1 а. 3 в., 1 а. 8 в., 4 а., 4 а. 4 в., 4 а. 8 в., 5 а., 5 а. 4 в., 7 а., 8 а. 9 в., 8 а. 12 в., 9 а. 1 в., 9 а. 12 в., 18 а., 21 а., 22 а. 12 в., 30 а., 30 а. 2 в; по цвѣту же сукна были: черныя, малиновыя, красныя, свѣтловишневыя, лазоревыя, зеленыя (Временникъ, XV, с.с. 55—57). О названiяхъ многочисленныхъ цвѣтовъ на тканяхъ—Записки Отд. р. и сл. арх. Имп. Арх. Общ., I, 1851 г.: „Записка для обозрѣнiя русскихъ древностей", с. 70.

[2]) Напримѣръ, въ 183 г. „скроены... полавочники въ сукнахъ розныхъ цвѣтовъ кармазиновыхъ, въ кроенiи вышло суконъ": червчатаго, вишневаго, темноосиноваго, малиноваго, желтаго, свѣтлозеленаго, зеленаго, голубаго (Забѣлинъ, „Д. б. р. царей", с. 647).

[3]) Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О, I, 1851 г., с.с. 118—120 Временникъ, VIII, с.с. 11—14. Объясненiе испорченныхъ русскими названiй иностранныхъ матерiй—Зап. И. Арх. О., XI, 1865 г. (II отд.): „Опис. старин. царскихъ утварей...", П. И. Савваитовъ, с. 546, прим. 432. (Также „Опис. ст. русскихъ утварей", П., 1896 г., П. И. Савваитовъ).

приготовлялся изъ фернамбука (краснаго, или бразильскаго дерева). Наибольшее значеніе въ красильномъ дѣлѣ имѣютъ слѣдующія краски: кампешъ, или синій сандалъ; фернамбуковое, или красное, или бразильское дерево; сандальное дерево, или сандалъ; желтое дерево, или фустикъ; физетовое, или венгерское. Этими красками окрашиваются шерстяныя, шелковыя, хлопчатобумажныя ткани и шерсть [1]).

Краски, употребляемыя русскими, были разнообразнѣйшими [2]). Изъ нихъ туалетныя краски, судя по отзывамъ иностранцевъ, были крайне необходимы для русскихъ женщинъ, которыя, какъ пишутъ путешественники, считали для себя обязательнымъ подкрашиваться, хотя бы онѣ и были красивы [3]). Какъ повѣствуетъ авторъ описанія Россіи 1557—1558 г.г., русскія женщины „такъ намазываютъ свои лица, что почти на разстояніи выстрѣла можно видѣть налѣпленныя на лицахъ краски; всего лучше сравнить ихъ съ женами мельниковъ, потому что онѣ выглядятъ, какъ будто около ихъ лицъ выколачивали мѣшки муки; брови онѣ раскрашиваютъ въ черную краску подъ цвѣтъ «гагата»“ [4]). Не раскрашивать лица считали даже за стыдъ, и поэтому „молодыя и старыя, богатыя и бѣдныя румянились и бѣлились, но очень грубо“ [5]). Олеарій замѣтилъ, что русскія женщины „въ общемъ красиво сложены, нѣжны лицомъ и тѣломъ, но въ городахъ онѣ всѣ румянятся и бѣлятся, при томъ такъ грубо и замѣтно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршней муки провелъ по лицу ихъ и кистью выкрасилъ щеки въ красную краску. Онѣ чернятъ также, а иногда окрашиваютъ въ коричневый цвѣтъ, брови и рѣсницы“. Эта кос-

---

1) „Словарь коммерческій“, VII, с. 289, III, с.с. 371, 361 и др. Словарь Энцикл. Брокгауза - „Красильное дерево“ и др.

2) Изъ нихъ сурикъ шелъ между прочимъ на раскрашиваніе печей, а драконовая кровь (Drachenblut) употреблялась въ стеклянномъ производствѣ; напр., въ амбарѣ Измайловскаго завода было „къ фигурному дѣлу“ „12 золотниковъ краски дракомблюда“ (Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царей“, с.с. 140—141, 520).

3) Флетчеръ, с. 125. „Опис. Московіи при рел. гр. Карлейля“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 17. Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с.с. 140—141. Лизекъ, Ж. М. Нар. Пр., ч. 16, с. 382.

4) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос. во II пол. XVI в.“, с. 26.

5) Маржеретъ, „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с.с. 268—269. (О томъ же пишетъ Маскѣвичъ).

метика, по словамъ Олеарія, была обязательной, и женихъ присылалъ своей невѣстѣ ящикъ съ румянами; при гостяхъ или выходя на улицу, напр., въ церковь, женщины великолѣпно одѣвались, „и лицо и шея должны быть густо и жирно набѣлены и нарумянены“ [1]). Мейерберъ повторяетъ, что „этотъ ложный обычай подкрашивать себѣ цвѣтъ лица до того укоренился, что даже въ числѣ свадебныхъ подарковъ глупый женихъ посылаетъ невѣстѣ также и румяна, чтобы она себя поддѣлывала“ [2]). Но въ смыслѣ достовѣрности болѣе интересенъ отзывъ доктора Коллинса, много лѣтъ прожившаго среди москвичей: „Румяна ихъ похожи на тѣ краски, которыми мы украшаемъ лѣтомъ трубы нашихъ домовъ и которыя состоятъ изъ красной вохры и испанскихъ бѣлилъ. Они чернятъ зубы“ [3]). Койэтъ тоже разсказываетъ о русскихъ женщинахъ, злоупотреблявшихъ косметикой [4]). Дѣвушки также румянились и бѣлились [5]).

Пряности русскіе покупали отъ иностранцевъ, которые привозили ихъ изъ Индіи окружнымъ морскимъ путемъ, а между тѣмъ, какъ справедливо говоритъ Крижаничъ, русскіе сами могли бы черезъ калмыковъ получать всѣ индійскіе товары (пряности и драгоцѣнные камни) и даже перепродавать ихъ иностранцамъ [6]). Впрочемъ, какъ свидѣтельствуетъ Рейтенфельсъ, у русскихъ „пища приготовлялась безъ всякихъ приправъ, кромѣ соли, а если подается на столъ еще перецъ и уксусъ, то это уже роскошь“ [7]). Конечно, богатые люди употребляли приправы. Во II пол. XVI в. русскіе ѣли къ жаркому соленыя сливы, а лимоны „считали за лакомство при

[1]) Олеарій, с.с. 173—174, 210, 217.
[2]) Чтенія, 1873 г., Ш, с. 84.
[3]) Чтенія, 1846, I, с. 21.
[4]) Этотъ авторъ въ данномъ случаѣ только воспользовался сочиненіемъ Олеарія. Женщины, пишетъ Койэтъ, „тѣ, что живутъ въ городахъ, румянятся до такой степени, что лица ихъ кажутся какъ будто осыпанными мукой, а румяна какъ будто кисточкой размазаны по щекамъ“; „когда онѣ ходятъ въ церковь, то ...накладываютъ густыя и жирныя бѣлила на лицо и даже на шею“ („Посольство К. ф.-Кленка“, с.с. 525—526, 529).
[5]) Таннеръ, Чтенія, 1891 г., Ш, с.с. 47, 102.
[6]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 15.
[7]) Ж. М. Н. Пр., XXIII, с. 50.

рыбахъ и другой пищѣ"[1]). Голландцы для сбереженія лимоновъ солили ихъ въ разсолѣ и посылали во всѣ сѣверныя страны[2]).

О характерѣ русско-европейской торговли Кильбургеръ говоритъ въ заключеніи главы относительно этой торговли, жалуясь, что иностранцы дѣйствуютъ врозь, не знаютъ, кто выписалъ какой товаръ и въ какомъ количествѣ, отчего и происходитъ большое паденіе и повышеніе цѣнъ[3]); вслѣдствіе этого нѣмцы желали бы, чтобы было извѣстно, кто что выписалъ, потому что тогда можно было бы правильно строить свои коммерческіе разсчеты, т. е. чтобы торговля была открытой и правильно организованной. Совершенно другого мнѣнія былъ Родесъ, заявлявшій, что „молчаливость и величайшая таинственность—самое важное дѣло въ торговлѣ"[4]). Русскіе собственно и слѣдовали этому правилу, и каждый дѣйствовалъ самостоятельно, на свой страхъ и рискъ, такъ что у нихъ наблюдалась большая разобщенность. Такая несплоченность русскаго купечества не могла не отзываться вреднымъ образомъ на внѣшней торговлѣ, потому что она при такихъ условіяхъ подвергалась всевозможнымъ случайностямъ и отличалась крайней неустойчивостью, неопредѣленностью и запутанностью. Поэтому Кленкъ во время своего посольства въ Россію (1675—1676 г.г.) предложилъ русскимъ устроить въ Архангельскѣ ком-

---

[1]) Д. Принцъ, Чтенія, 1876 г., IV, с. 69.

[2]) „Словарь коммерч.", Ш. Въ Россію въ XVII в. также привозили кардамонъ и каперсы. Кардамонъ—трехгранный плодъ семейства инбирныхъ; сѣмена его содержатъ кардамоновое жидкое (эфирное) масло, сильно дѣйствующее на желудокъ. Каперсъ—цвѣтъ и плодъ каперсоваго дерева; плодъ похожъ на маленькую оливку; каперсы мариновали, и они шли въ кушанье и на лѣкарства.

[3]) Объ этомъ же писалъ еще Герберштейнъ: „Иногда своевременно ввозятся какія-нибудь дешевыя вещи, которыя приносятъ не мало прибыли. Часто также случается, что всѣхъ охватываетъ желаніе имѣть какую-нибудь вещь, и вотъ, кто первый привезъ ее, выручаетъ гораздо болѣе надлежащаго. Затѣмъ, если нѣсколько купцовъ привезутъ большое количество однихъ и тѣхъ же предметовъ, то иногда слѣдствіемъ этого является такая дешевая цѣна на нихъ, что тотъ, кто успѣлъ продать свои товары возможно дорого, снова покупаетъ ихъ по понизившейся цѣнѣ и съ большой выгодой для себя привозитъ обратно въ отечество" (Герберштейнъ, с. с. 90—91).

[4]) Родесъ, с. 199.

панію и ставить общія цѣны, какъ это было въ заграничныхъ городахъ. Русскіе гости дали на это предложеніе очень характерный отвѣтъ: „А чтобы русскимъ людемъ о товарехъ заговоръ имѣть і торговать і на товары цѣну накладывать кампаниею і то де дѣло нестаточное, для того что обыкновенья таково межь русскими людьми напередъ сего не бывало и иные такой твердости межь ими уставить никоторыми мѣрами немочно, потому что иноземцы пріѣзжаютъ со многими товары небольшие люди, а русскіе люди многимъ числомъ всякой с своимъ товаромъ, что у кого есть, і поползновение і всякая нетвердость бываетъ отъ молодчихъ людей"; гости привели въ примѣръ, какъ въ 175 году Аверкей Кирилловъ рѣшилъ составить компанію и уговорился съ русскими продавать юхотный товаръ по общей опредѣленной цѣнѣ; но не прошло и 2 недѣль послѣ сговора, какъ, „не дождався послѣднихъ кораблей, молодчие люди свои товары распродали і договоръ поставили ни во что". Выслушавъ это, бояре заявили гостямъ, что государь прикажетъ смотрѣть за нарушителями уговора и конфисковать ихъ товаръ; тогда гости согласились на устройство компаніи, прибавивъ, что „хотя сперва, за необыклостью, і трудно покажетца" это для русскихъ купцовъ, но потомъ они сами признаютъ всю выгоду компаніи, подобно тому, какъ при царѣ Алексѣѣ „імали юхотный товаръ у всѣхъ торговыхъ людей въ его великого государя казну і продавали у города (т. е. Архангельска), і в то время іноземцы купили по 6 рублевъ с полтиной пудъ, а ныне врознь покупаютъ по 3 рубля с полтиной пудъ, а иное и меньше" [1]).

Къ главѣ II.

Персидская торговля въ русской внѣшней торговлѣ XVII в. занимала послѣ европейской торговли второе мѣсто. Она удовлетворяла съ одной стороны потребностямъ самихъ русскихъ, съ другой—западныхъ европейцевъ, служа передаточнымъ звеномъ между Персіей, Индіей и Западомъ.

---

[1]) „Пос. К. ф.-Кленка", Введеніе, с.с. CLIV, CLV. У Родеса (1653 г.) цѣна пуда юфти тоже показана въ $3^1/_2$ р. (Родесъ, с. 165).

Астрахань въ этой торговлѣ была главной пристанью, благодаря своему выгодному географическому положенію при устьѣ Волги. О значеніи самой Волги, Мейербергъ писалъ, что она доставляла восточнымъ народамъ мѣха, а передавала отъ нихъ „разныя ткани, льняныя, хлопчатобумажныя и шелковыя, золотыя и серебряныя парчи, ковры, самый лучшій шелкъ, окрашенный въ разные цвѣта, рубины, бирюзу и жемчугъ, ревень, закаленные въ бактріянскомъ Низапурѣ клинки" [1]). Русскіе издавно торговали въ Астрахани, славившейся въ XIV в. своею обширностью и богатствомъ; она отправляла шелкъ и пряности въ Тану, откуда они шли въ Италію, однако послѣ вашествія Тамерлана 1395 г. Астрахань пала, но все-таки русскіе купцы ее посѣщали въ XV в., и Контарини въ 1473 г. даже занялъ тутъ у нихъ деньги. Въ этомъ столѣтіи шелкъ и пряности шли уже черезъ Сирію (а не черезъ Астрахань и Тану) [2]). Но, очевидно, торговля Астрахани постепенно поднялась, и купецъ Тедальди, ѣздившій въ 1554 г. въ Персію, разсказывалъ Поссевину, что въ Астрахани „бываетъ большое стеченіе народа и прославленная торговля" [3]). Масса тоже говоритъ, что Астрахань, при завоеваніи ея русскими, была „значительнымъ", „большимъ и многолюднымъ торговымъ городомъ", куда стекались азіатскіе и русскіе купцы [4]). Но послѣ полнаго покоренія Астрахани Грознымъ (1556 г.) торговля ея ослабѣла. Когда ее посѣтилъ въ 1558 г. Дженкинсонъ, торговля тутъ была въ малыхъ и ничтожныхъ размѣрахъ; сюда съѣзжались купцы изъ разныхъ странъ: русскіе, татары и персы; русскіе привозили красныя кожи, бараньи шкуры, деревянную посуду, уздечки, сѣдла, ножи и т. п. бездѣлушки, хлѣбъ, свинину и др. припасы; татары доставляли сюда товары, выдѣланные изъ хлопка, шерсти, шелка; персы, именно изъ Шемахи, привозили шелковыя нитки, которыя весьма употреблялись въ Россіи, пестрые шелка для поясовъ, кольчуги, луки, мечи и т. п., иногда хлѣбъ, грецкіе орѣхи, но „все это въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, что торговля здѣшняя ничтожна и бѣдна" [5]). Но впослѣдствіи астраханская торговля возроди-

---

[1]) Чтенія, 1873 г., III, с. 54. Низапуръ—въ Персіи, въ Харасанѣ.
[2]) „Библ. ин. пис. о Рос.", I, Барбаро, с. 56, Контарини, с.с. 89—91.
[3]) Ж. М. Н. Пр., 1891 г., № 5, с. 128.
[4]) „Сказ. Массы и Геркмана", II., 1874 г., с. 18.
[5]) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Р.", с.с. 40—41.

лась. Если вѣрить донесенію Шиля (1598 г.), въ Казани и Астрахани въ концѣ XVI в. „торговля приносила великому князю до 100 тысячъ золотыхъ ежегоднаго дохода въ пошлинахъ и мытахъ“ [1]), а по словамъ Маржерета, Астрахань „производитъ очень дѣятельную торговлю, болѣе чѣмъ всѣ прочіе города русскіе и снабжаетъ почти все государство солью и соленой рыбой“ [2]). Однако въ началѣ XVII в. городъ Астрахань былъ „не особенно великъ“ [3]), но царь Михаилъ увеличилъ его „почти на треть“ [4]). Тутъ русскіе, персы и индійцы имѣли свои отдѣльные рынки. „Такъ какъ, разсказываетъ Олеарій, и бухарскіе, крымскіе и ногайскіе татары, а также армяне (христіанскій народъ) со всякими товарами ведутъ тутъ большую торговлю и промыслы, то, какъ говорятъ, городъ этотъ и приноситъ ежегодно его царскому величеству большую сумму,—даже однѣхъ пошлинъ 12.000 рублей, или 24 тысячи рейхсталеровъ“ [5]). „Объ его торговлѣ, пишетъ Стрюйсъ (1668—1670 г.г.), можно сказать, что она очень велика“, и „государь получаетъ съ него большіе доходы, вслѣдствіе постояннаго ввоза и вывоза различныхъ товаровъ, обложенныхъ большой пошлиной“ [6]).

---

[1]) Чтенія, 1875 г., II, с. 17. Флетчеръ (1589 г.) не говоритъ о пошлинахъ въ Астрахани, а только въ Казани (11.000 р.) и Н. Новгородѣ (7.000 р.) (с. 45. Середонинъ, „Соч. Д. Флетчера“, с.с. 332—333).

[2]) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с. 250.

[3]) Какашъ и Тектандеръ, Чтенія, 1896 г., II, с. 25.

[4]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 451. О расширеніи города Астрахани „нынѣшнимъ великимъ княземъ“ (т. е. Алекс. Мих.) сообщалъ Олеарій (с. 402), а Стрюйсъ писалъ, что „на цѣлую треть онъ былъ расширенъ покойнымъ царемъ“ (т. е. Мих. Ѳеод.), а „послѣ его смерти еще болѣе увеличился“ (Рус. Архивъ, 1880 г., I, с. 83).

[5]) Олеарій, с. 402. Одинъ изъ спутниковъ Олеарія написалъ оду въ честь Астрахани (с. 524):

„....Хоть ты не велика, но торгъ тебя прославилъ
И дальнихъ множество племенъ къ тебѣ направилъ“.

По недостовѣрному извѣстію Корба, Архангельскъ и Астрахань приносили вмѣстѣ до 10 милліоновъ рублей (Ключевскій, „Сказ. иностр. о М. госуд.“, с. 144, отд. и въ Московскихъ Универс. Извѣстіяхъ, 1866 г., № 8, прилож.).

[6]) Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 83. „Не только бухарцы, черемисы, ногайцы, калмыки и другіе татары, но даже персіане, армяне и индусы способствуютъ ея процвѣтанію. Индусы прибываютъ сюда по Каспійскому морю на грузовыхъ судахъ въ 80 тоннъ“.

Дѣйствительно, во II половинѣ XVII в. „въ Астрахани производилась большая торговля иностранцами: персіанами, индійцами, бухарцами, армянами и др.“, и „здѣсь было большое судоходство и торговля“ [1]). Болѣе поздній путешественникъ—Бель (1716 г.) подтверждаетъ, что „Астрахань производитъ знатную торговлю съ Персіей, Хивой, Бухарой и Индіей“ [2]).

Что касается общей характеристики восточной торговли, то о ней П. Алеппскій получилъ такое впечатлѣніе, что русскій царь не нуждается въ торговцахъ, пріѣзжавшихъ изъ Турціи и покупающихъ соболей и другіе мѣха, „быть можетъ, на сумму въ милліонъ золотыхъ“, потому что кизылбаши привозятъ свои рѣдкіе товары „на сумму въ тысячи золотыхъ“, а также пріѣзжаютъ купцы изъ Австріи и изъ Европы (откуда они „пріѣзжаютъ тысячами“ въ Архангельскъ) [3]). Но болѣе спокойный наблюдатель Крижаничъ справедливо доказывалъ, что хотя „нынѣ добываемъ перскихъ товаровъ, али не толико, нить тако, како бы можно было при своихъ ладіяхъ, коими бысмо обходили по всѣхъ градехъ

---

[1]) „Извѣстіе“ (1671 г.) о бунтѣ Разина, Чтенія, 1895 г., III, с. 8. „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 451.

[2]) „Белевы путешествія черезъ Россію въ разныя азіятскія земли“, изд. 1776 г. „Астраханскій сборникъ, изд. Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей астрах. края“, 1896 г., в. I, с. 224. Здѣсь даны выдержки изъ сочиненій иностранцевъ объ Астрахани.

П. Мельгуновъ думалъ, что „сношенія съ Персіей въ XVI ст. были необыкновенно оживлены, но около первой половины XVII ст. они начали падать“ („Очерки по ист. р. торговли IX—XVII в в.“, М., 1905 г., с. 223), однако для подобнаго вывода у насъ нѣтъ серьезныхъ основаній. Флетчеръ въ концѣ XVI в., перечисляя „главные города по торговлѣ“, не упоминаетъ Астрахани. а только Казань (Флетчеръ, с. 45). Развитіе астраханской торговли нужно скорѣе отнести именно на долю XVII в. Временное же ослабленіе казенной торговли къ концу царств. Алексѣя Михайловича (цѣнность персидскихъ товаровъ, купленныхъ казной, равнялась въ 1663—1665 г.г.—73.378 р., въ 1666—1670 г.г.—63.979 р., въ 1670—1672 г.г.—22.561 р. и въ 1674—1675 г.г.—15.949 р.; казна же вывезла въ Персію русскихъ товаровъ въ 1663 г.—1665 г.г. на 76.544 р. А. Шпаковскій, „Торговля Моск. Руси съ Персіей въ XVI—XVII в.в.“, Сборникъ статей Ист.-Этнограф. Кружка, Кіевъ, 1915 г., в. VII, с.с. 46, 53, 45, 49) также не даетъ поводовъ считать русско-персидскую торговлю во всемъ ея объемѣ въ то время уже ослабѣвающей.

[3]) П. Алеппскій, в. II, с. 103.

и странахъ, лежащихъ околъ Хвалынского моря. А разумно поступаючь, добывали бысмо и волны тонкія на тканіе суконъ добрыхъ. А волны грубыя и кожуховъ бысмо добывали безъ трудности“ [1]).

Самъ царь производилъ торговлю „съ персидцкими купчинами—шолкомъ, сырцомъ и вареннымъ, и всякими тамошними товарами, въ Астарахани и въ Казани и на Москвѣ. А цѣнятъ тѣ персидцкіе товары по тамошней ихъ цѣнѣ, по чему купятъ въ Персіи, а на Москвѣ за тѣ деньги даютъ исъ царскіе казны соболи и иную мяхкую рухлядь, а цѣнятъ тоѣ мяхкую рухлядь противъ роздачи съ прибавкой. А какъ тѣ купчины бываютъ въ Астарахани, и въ Казани, и на Москвѣ: и имъ даетца до поѣзду ихъ царское жалованье, кормъ и питье, и суды, въ чемъ имъ ѣхать водой, и гребцы безденежно“ [2]). Принимая у себя восточныхъ купцовъ, „великій князь, разсказываетъ Олеарій, почти каждый годъ посылаетъ къ шаху персидскому посланниковъ или малыхъ пословъ, которые, при своихъ зачастую неважныхъ порученіяхъ, занимаются и торговлей (впрочемъ купцовъ своихъ великій князь посылаетъ еще особо); эта торговля даетъ имъ тѣмъ бо̀льшія выгоды, что шахъ даетъ имъ въ своей странѣ полное содержаніе“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ Олеарій тоже говоритъ, что великій князь „пользуется услугами извѣстныхъ лицъ, которымъ онъ довѣряетъ и товары и большія суммы наличныхъ денегъ: онъ посылаетъ этихъ людей въ сосѣднія страны, особенно въ Персію и Турцію, и велитъ торговать въ пользу своей казны“ [4]). Одинъ изъ такихъ купцовъ—Котовъ въ 131 г. „хо-

---

1) „Рус. госуд.“, № 1, с. 17.

2) Котошихинъ, изд. III, с. 165 (гл. XV, статья 3).

3) Олеарій, с. 229. По переводу Барсова (Чтенія, 1868 г., III, с. 224) получается иной смыслъ словъ Олеарія: „Великій князь почти ежегодно отправляетъ къ персидскому шаху посланника или незначительнаго посла по торговымъ дѣламъ, вообще ведущимся у нихъ довольно плохо, хотя, кромѣ того, онъ посылаетъ туда особо и простыхъ купцовъ“.

4) Олеарій, с. 258. Въ Персіи Олеарій встрѣтилъ такого купчину, по имени Савелія, посланнаго туда съ суммой въ 2.000 рублей, но въ три года растратившаго тамъ казенныя деньги, и поэтому принявшаго потомъ персидское подданство (с.с. 258—259). Койэтъ, пользовавшійся Олеаріемъ, повторяетъ, что царь посылаетъ „купчинъ“ въ сосѣднія государства съ большимъ количествомъ товаровъ и денегъ, „особенно

дилъ за море въ Персицкую землю въ купчинахъ зъ государевой казной" и оставилъ описаніе этого путешествія, гдѣ между прочимъ говоритъ о Шемахѣ: „А въ Шемахѣ семь гостиныхъ дворовъ, всѣ каменные... а стоятъ гостиные дворы промежъ рядами: тезичей, армяньской, на томъ русскіе торгуютъ, гилянской и иные дворы и мѣстомъ велики" [1]). Въ 1637 г. Олеарій посѣтилъ Шемаху, въ которой русскіе продавали на своемъ дворѣ олово, мѣдь, юфть и соболи [2]).

Плаваніе по Волгѣ было труднымъ и продолжительнымъ. Русскіе послы въ Швеціи въ 1617—1618 г.г. считали „отъ Московскаго государства до ц. в-ва отчины, до Нижняго Новгорода"—500 верстъ, отъ Нижняго до Казани—500, а отъ Казани до Астрахани—2.000 верстъ [3]). Англійскіе купцы плыли отъ Св. Николая въ Вологду 14 сутокъ, отъ Вологды до Ярославля ѣхали сушей 2 сутокъ, а отъ Ярославля до Астрахани водой—30, т. е. весь путь отъ Архангельска до Астрахани совершали лѣтомъ въ 46 сутокъ [4]). Отъ Москвы же до Астрахани русскіе обыкновенно плыли на стругахъ и насадахъ, согласно Кильбургеру, 40 - 42 дня, а обратно на маленькахъ, т. е. быстроходныхъ, судахъ 42—49 дней, что не противорѣчитъ русскимъ источникамъ. Для плаванія по своимъ рѣкамъ

въ Персію и Турцію, чтобы вести тамъ для него прибыльную торговлю" („Посольство К. ф.-Кленка", с. 494).

[1]) „О ходу въ Персидское царство...", Временникъ, XV, с. 4.

[2]) Олеарій, с.с. 462—463. Главное занятіе шемахинцевъ было „пряденіе, тканье и вышиванье шелкомъ и бумагой. Въ южной сторонѣ города имѣется большой рынокъ, или «базаръ», съ нѣсколькими различнаго вида крытыми улицами, въ которыхъ помѣщаются ихъ лавки съ разнымъ товаромъ: пестрой бумажной тканью, шелкомъ, серебряной и золотой парчей, луками, стрѣлами, саблями и другой ручной работой; все это можно купить по дешевой цѣнѣ. Тутъ же на рынкѣ 2 пакгауза, или гостиныхъ двора съ разными ходами и каморками, куда являются чужіе купцы и торгуютъ оптомъ. Одинъ изъ нихъ называется Шахъ-караван-серай; здѣсь останавливаются русскіе, торгующіе оловомъ, мѣдью, юфтью и соболями. Другой называется Лозги-каравансерай; сюда заходятъ черкасскіе татары, ведущіе здѣсь свою торговлю: они продаютъ лошадей, женщинъ, малолѣтнихъ или взрослыхъ дѣвицъ, мальчиковъ и дѣвочекъ..."

[3]) К. Якубовъ, „Рос. и Шв.", с. 48.

[4]) Ключевскій, „Сказ. иностр. о М. госуд.", с. 228 (отд. и въ Моск. Унив. Извѣстіяхъ, 1866 т., № 9). Соловьевъ, „Исторія Россіи", VII, 1870 г., с. 63. Отъ Бѣлаго моря до Вологды зимой было 8 дней пути.

русскіе употребляли разныя суда. „Суда, называемые «насадами», были длинными, широкими, плоскодонными, сидѣли не свыше 4 футовъ надъ водой, могли возить до 200 тоннъ; на нихъ не было никакихъ принадлежностей изъ желѣза, но все изъ дерева; при попутномъ вѣтрѣ они плыли на парусахъ, въ противномъ же случаѣ, для ихъ движенія требовалось много людей: одни тащили судно, обвязавъ вокругъ шеи длинные канаты, прикрѣпленные къ баркѣ, другіе на самой баркѣ двигали ее длинными шестами“; такихъ судовъ было много на С. Двинѣ[1]). Русскіе не только для рѣчныхъ судовъ не употребляли гвоздей, но и для плаванія на морѣ дѣлали суда, скрѣпляя ихъ только прутьями и лозой[2]). Русскіе, кромѣ бурлацкой тяги, шли противъ теченія по Волгѣ, когда нельзя было пользоваться парусами, занесеніемъ впередъ на 1/4 мили одного якоря за другимъ, но такимъ способомъ проходили въ день не болѣе 2 миль; волжскіе струги, плоскіе внизу, поднимали 400—500 ластовъ; они большею частью нагружались солью, икрой и грубой соленой рыбой; на большихъ стругахъ помѣщалось 200 рабочихъ[3]). Однако волжскія суда были и въ 1.000 ластовъ[4]) или 1.000 тоннъ[5]). Но вообще у русскихъ были въ употребленіи „небольшіе“ плоскодонные „струги, которые могли подымать до 300 тюковъ шелку, составлявшихъ 15 ластовъ, и имѣли довольно значительную полость, или вмѣстимость“, и шли на парусахъ или на 16 веслахъ[6]). Впрочемъ это извѣстіе относится къ эпохѣ Петра I, при Кильбургерѣ же были суда въ 1.000 ластовъ. Родесъ (1653 г.) подробно останавливается на этомъ вопросѣ. Онъ говоритъ, что по Волгѣ соль и рыбу возили на большихъ „насадахъ“, „изъ которыхъ нѣкоторые такъ велики, что на нихъ можно отправлять по 1.000 ластовъ“. Они ходили только до Нижняго Новгорода и

---

1) Дженкинсонъ (1557 г.), Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Р.“, с. 31.

2) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., Ш, с. 152.

3) Олеарій, с. 362. Голштинское посольство въ Астрахани „купило двѣ большія лодки, каждую въ 12 саженъ длиной и 2½ шириной. Онѣ стоили въ готовомъ видѣ до 600 рейхсталеровъ; для каждой послы наняли 30 рабочихъ для гребли; изъ нихъ каждый отъ Астрахани до Казани получилъ 6 рублей, или 12 рейхсталеровъ“ (с.с. 525—526).

4) Масса, „Сказ. Массы и Геркмана“, П., 1874 г., с. 101.

5) Перри (1698—1715 г.г.), Чтенія, 1871 г., II, с. 51.

6) Бруинъ, Чтенія, 1872 г., Ш, с. 150.

лишь при высокой водѣ до Ярославля[1]). Обыкновенно же отъ Нижняго грузы шли на болѣе мелкихъ судахъ. Несмотря на то, что на упомянутыхъ громадныхъ насадахъ бывало до 600—800 чел. экипажа, на нихъ часто нападали донскіе казаки небольшими шайками въ 50—60 человѣкъ и требовали большой откупъ[2]). Разъ 400 казаковъ напали на русскій караванъ въ 1.500 человѣкъ и половину ихъ перебили, хотя лодки шли подъ охраной стрѣльцовъ. Когда Олеарій плылъ по Волгѣ, казаки не разъ нападали на плывущихъ, которые должны были постоянно ихъ опасаться[3]). Московское правительство энергично боролось съ этимъ зломъ, строило остроги по Волгѣ противъ казаковъ, и во время Кильбургера донскіе казаки, которые обыкновенно съ Дона переправлялись на Волгу по Иловли и Камышинкѣ[4]), уже не могли опустошать Волги, какъ это было, напримѣръ, при Разинѣ. Что казаки замышляли итти воровать на Волгу, было дано знать государю еще въ 1667 г., и, дѣйствительно, вскорѣ они начали свой грабежъ подъ предводительствомъ Разина, но въ 1671 году онъ былъ

[1]) О значеніи Нижняго Новгорода—Д Богородицкій, „Очеркъ торговли Нижняго Новгорода за XVI и XVII в.", Университетскія Извѣстія, К., 1912 г., № 7 или въ Сборникѣ статей Ист.-Этногр. Кружка, вып. I, К., 1913 г. Е. Д. Сташевскій, „Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Моск. госуд.", Ж. М. Н. Пр., 1912 г., № 5. На основаніи сбора пятины невозможно судить объ истинномъ торговомъ значеніи городовъ, потому что сборъ пятины не стоитъ въ соотвѣтствіи съ торговыми операціями, производимыми въ городѣ, и, напримѣръ, въ 142 г. было собрано болѣе:

	Пятины.	Таможенныхъ пошлинъ.
Архангельскъ, Двина, Холмогоры и Двинскій уѣздъ	4.666 р.	23.865 р.
Нижній Новгородъ	8.414 р.	18.511 р.
Устюгъ Великій.	5.381 р.	3.499 р. (въ 143 г.)
Астрахань	2.273 р.	? (по извѣстіямъ Олеарія – 12 т. р.).

Торговлю въ Казани Стрюйсъ считалъ „довольно развитой" (Р. Архивъ, 1880 г., I, с. 72).

[2]) Родесъ, с. 157. По рижской рукописи, изданной Эверсомъ, невѣрно сказано, что насады поднимали 100 ластовъ (вмѣсто 1.000). Кильбургеръ данныя о насадахъ, конечно, заимствовалъ у Родеса.

[3]) Олеарій, с.с. 395, 374, 385, 386, 393 и др.

[4]) Олеарій, с.с. 387—388.

казненъ. Койэтъ, какъ и Стрюйсъ, много разсказываетъ о Стенькѣ Разинѣ и передаетъ, что, когда Разинъ измѣной взялъ Астрахань (1670 г.), князя Ивана Семеновича Прозоровскаго „схватили и повели въ четырехугольную башню въ замкѣ, служившую маякомъ для судовъ, шедшихъ съ Каспійскаго моря, и сбросили сверху внизъ... Имущество многихъ заграничныхъ купцовъ, бывшихъ тогда въ городѣ, персовъ, индійцевъ, турокъ, армянъ, бухарцевъ и другихъ, было разграблено и растаскано, а сами они частью перебиты“ [1]). По извѣстіямъ одного иностранца (1671 г.), въ обвинительномъ актѣ Разина было сказано: „Ты предалъ смерти многихъ знатныхъ купцовъ персидскаго шаха и многихъ другихъ иностранныхъ торговцевъ, персіанъ, индійцевъ, турокъ, армянъ и бухарцевъ, которые были въ то время въ Астрахани ради торговыхъ цѣлей, и разграбилъ ихъ богатства, подавъ тѣмъ великому шаху персидскому поводъ къ раздору“ [2]).

Торговыхъ путей въ Персію было нѣсколько. Какъ доносилъ Родесъ, шелкъ, добываемый только въ одной провинціи Гилянь, шелъ въ Европу ближайшимъ путемъ черезъ Каспійское море на Астрахань и далѣе по Волгѣ. Другой путь былъ длиннѣе и дороже и шелъ на Ормузъ, лежащій въ проливѣ, соединяющемъ Персидскій заливъ съ Аравійскимъ моремъ. Отсюда шелкъ англичане и голландцы везли моремъ вокругъ Африки въ свои страны. Третій путь лежалъ черезъ г. Алеппо, откуда шелкъ черезъ гавани Александретту, Триполи и др. вывозился въ Италію и Францію. Изъ всѣхъ этихъ путей самымъ удобнымъ былъ на Астрахань, какъ наиболѣе короткій, и доставка сюда 2 тюковъ шелка обходилась среднимъ всего въ 1 р. 50 к., а доставка тѣхъ же 2 тюковъ въ Ормузъ обходилась среднимъ въ 2 р. $63^1/_2$ коп. и требовала 80—90 дней времени; доставка же черезъ Александретту, Триполи и Смирну была, несомнѣнно, еще дороже. Такимъ образомъ, самымъ удобнымъ путемъ былъ путь на Астрахань. Конечно, провозъ товаровъ изъ Астрахани въ европейскія государства (черезъ Балтійское или Бѣлое моря) требовалъ еще дальнѣйшихъ расходовъ, но, слѣдуетъ думать, они все же были по расчетамъ купцовъ меньше, чѣмъ по другимъ направленіямъ, разъ, какъ мы

[1]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с.с. 446, 452.
[2]) Чтенія, 1895 г., III, с. 18.

знаемъ, иностранцы многократно и настойчиво пытались установить черезъ Россію провозъ персидскихъ товаровъ, главнымъ образомъ шелка. Кильбургеръ въ данномъ вопросѣ ничего новаго не сообщаетъ, такъ какъ онъ тутъ пользуется лишь извѣстіями Родеса [1]). Но зато у насъ есть другой цѣнный источникъ: „О ходу въ Персидское царство и изъ Персиды въ Турскую землю и въ Индію и въ Урмузъ, гдѣ корабли приходятъ", который подробно указываетъ на продолжительность пути, и черезъ какіе города идутъ торговыя дороги. Отъ Астрахани купчина Котовъ плылъ (въ августѣ 131 г.) на бусахъ до Низовой Пристани (южнѣе Дербента) около 7 дней (однако былъ и сухопутный путь, который Котовъ тоже описываетъ). Отъ Дербента до Шемахи было хода 6 дней, отсюда до Ардевиля — 10 дней, отсюда до Казбина (Казвинъ)—11 дней, отъ него до Кумъ (Комъ)—7 дней; тутъ путь раздваивался: на югъ шелъ къ столицѣ Испагани—7 дней, а на востокъ—къ Ормузу. Путь на Ормузъ длился отъ Кумъ на востокъ (черезъ Ваирамѣя, Тайрань) до Ѳарабата—11 дней, отсюда къ востоку до Мешети—15 дней (въ сѣв.-вост. углу нынѣшней Персіи), отъ Мешети на юго-востокъ, въ область современнаго южнаго Афганистана, до Кандагара—40 дней. Въ Кандагарѣ (тутъ была персидская „грань отъ Индѣи") путь снова раздваивался: шелъ на Индію (для этого нужно было „отъ того города Кандагари все итьтить на восходъ солнца") и на Ормузъ; чтобы достигнуть Ормуза, нужно было повернуть отъ Кандагара на ю.-з.—40 дней. Такимъ образомъ, путь изъ Гиляни на Ормузъ дѣлалъ большой кругъ, такъ какъ прежде нужно было итти далеко на ю.-в., а потомъ поворачивать назадъ, на ю.-з. Слѣдовательно, согласно этимъ даннымъ, отъ Казвина (т. е. недалеко отъ области Гилянь) до Ормуза шли 124 дня, а отъ Казвина до Астрахани 34 дня, т. е. гораздо скорѣе, чѣмъ на Ормузъ. По Родесу однако путь отъ Гиляни до Ормуза длился 80—90 дней, а не 124 дня, но эта разница въ количествѣ дней одного и того же пути можетъ быть объяснена тѣмъ (если всѣ эти данныя вѣрны), что Родесъ считалъ отъ болѣе близкаго пункта, или же, можетъ быть, направленіе дороги при Родесѣ было измѣнено, и разстояніе сократилось. О самомъ Ормузѣ разсматриваемый памятникъ такъ отзывается: „А на томъ Бѣломъ морѣ стоитъ городъ

[1]) Родесъ, с.с. 151, 155, 157, 208, 209.

Урмузъ, и къ тому городу пристань корабельная, приходятъ нѣмецкіе люди Англійскіе и Ѳрянцовскіе, изъ того города Урмуза приходятъ (въ Испагань) на вьюкахъ на верблюдахъ...; пріѣзжаютъ въ Испагань въ Персидское царство Нѣмецкіе люди съ товары и съ ѳоимки для сырого шелку. А былъ тотъ городъ Урмузъ Индѣйской, да взяли его Шахъ и Нѣмцы вмѣстѣ; а нынѣ сказываютъ, что тотъ городъ Урмузъ весь за Шахомъ" [1]).

Бухарская торговля была на мѣстѣ изучена Дженкинсономъ (1558 г.), который даетъ для того времени интересныя свѣдѣнія о ней. Тогда ходили въ Бухару караваны отъ Мертваго Култука (на Каспійскомъ морѣ) въ 1.000, 600 верблюдовъ, принадлежащихъ христіанамъ, персамъ и татарамъ, но они постоянно находились подъ угрозой нападенія степняковъ. Русскіе привозили въ Бухару кожи, деревянную посуду, сѣдла и т. п., но не сукна, потому что ихъ никто не бралъ бы, такъ какъ индійцы и персы получали сукна отъ португальцевъ, изъ Алеппо и др. турецкихъ городовъ и привозили ихъ въ Бухару. Поэтому и важно отмѣтить, что въ XVII в. русскіе уже имѣли возможность сами ввозить въ Персію сукна, завоевавши такимъ образомъ новый рынокъ сбыта. Изъ Бухары русскіе вывозили при Дженкинсонѣ хлопчатобумажныя ткани, шелкъ, краски, но все въ небольшомъ количествѣ; тутъ же персы покупали у русскихъ ихъ товары, напр., кожи [2]).

Индійская торговля стала развиваться только въ XVII в. Въ предыдущемъ же столѣтіи генуэзскій капитанъ Павелъ, какъ сообщаетъ Іовій, узналъ по слухамъ, что индійскія благовонія можно провозить не черезъ Океанъ и Средиземное море, какъ дѣлали португальцы и испанцы, а вверхъ по р. Инду и далѣе до Каспійскаго моря, Астрахани, Москвы, Риги и черезъ Балтійское море, и этотъ путь былъ дешевле. Но его попытки получить раз-

---

[1]) Временникъ, XV, с.с. 21—22. Отъ Шемахи до Царьграда нужно было ѣхать 50 дней (с.с. 20—21). Кромѣ Временника, путешествіе Котова издано лучше и полнѣе въ 1907 г. въ Извѣстіяхъ Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. XII, кн. I, а въ т. XV, кн. IV (1910 г.) помѣщена статья: „О новомъ спискѣ путешествія Ѳ. А. Котова".

[2]) Чтенія, 1884 г, IV, с.с. 42, 51—55. Общій очеркъ С. В. Жуковскаго—„Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе", П., 1915 г.

рѣшеніе у Василія III на открытіе черезъ Москву торговыхъ сношеній съ Индіей окончились неудачей [1]). Въ 1647 г., получивъ извѣстіе, что въ Астрахани можно спокойно торговать, туда пріѣхало 25 индійцевъ, „а товары съ ними небольшіе, тысячи по три, четыре, потому что еще пріѣхали они въ первые провѣдати", какая въ Россіи торговля и можно ли безопасно торговать; пошлинъ съ нихъ было взято въ Астрахани 4.000 рублей. „А индѣяне привозятъ свои товары: шелкъ, дороги, киндяки и миткали и бязи и иные товары и каменье дорогое", а покупаютъ „соболи не самые дорогіе, шубы бѣльи, которыя дѣланы на ихъ индѣйскую руку, а умѣютъ де тѣ шубы дѣлать въ Казани, мѣдь и иные товары". Въ 1650 г. уже въ Ярославль индійцы привезли киндяки, кушаки, кумачи, выбойки гилянскія и индійскія, фаты бумажныя, шелкъ ряскій, завѣсы арабскія и пр. [2]).

Шелкъ во время составленія Торговой книги еще не являлся вполнѣ установившимся передаточнымъ персидскимъ товаромъ, и русскіе тогда только наводили справки у англичанъ и другихъ иностранцевъ, „надобно ли привозити его" [3]). Но при Стрюйсѣ уже „главную отрасль торговли въ Астрахани составлялъ шелкъ изъ Персіи и другихъ мѣстъ" [4]). Иностранцы въ XVII в. не разъ пытались получать персидскіе товары черезъ Россію. Такъ англичане въ 1614 г. и 1620 г., а нидерланды въ 1631 г. домогались разрѣшенія свободной торговли съ Персіей по Волгѣ, но неудачно, вслѣдствіе того, что русскіе купцы заявили, что это повредитъ ихъ торговлѣ и казнѣ, „потому что изъ Московскаго государства

---

[1]) Іовій, с.с. 252—254. „Донесеніе о Московіи второй половины XVI в.", пер., пред. и прим. В. Огородникова, Чтенія, 1913 г, II, с. 21, приложенія, XLII.

[2]) Ульяницкій, „Снош. Рос. со Ср. Азіей и Индіей", Чтенія, 1888 г, III, с с. 32—34.

[3]) „Распрашивати у англинцовъ и у иныхъ нѣмцовъ: по чему вамъ сырой и некрашеной шелкъ въ толстой и средней нити дадутъ за фунтъ? И по чему въ чистой и тонкой нити дадутъ за фунтъ? И пытати, насколько пудовъ купцы будутъ подлинно про шелкъ и про цѣну сговариваться? И распрося, что скажутъ, вели у себя подлинныя ихъ рѣчи написати, чтобы намъ впередъ про шелкъ вѣстно было и надобѣ ли привозити его? И пытати англинцы: съ Шемахи много ли его вывозятъ, гдѣ продаютъ и по чему за фунтъ?" (Зап. Отд. р. и сл. арх. Имп. Арх. О., I, 1851 г., с. 136, глава 225).

[4]) Рус. Архивъ, 1880 г., I, с. 83.

ѣздятъ въ Персію для торговли многіе торговые (русскіе) люди"[1]. Столь же печальные результаты имѣла уже учрежденная Голштинская компанія, обязавшаяся въ 1634 г. платить ежегодно царю по 300.000 рублей за право передаточной торговли съ Персіей. Но компанія могла покупать въ Персіи только „шелкъ сырой, каменье дорогое, краски и иные большіе товары, которыми русскіе торговые люди не торгуютъ"; послѣдніе же покупали у персовъ всякія матеріи, крашеные шелки, сафьяны и мн. др. товары; такимъ образомъ, компанія была сильно ограничена выборомъ товаровъ, а громадная плата за право торговли съ Персіей не соотвѣтствовала дѣйствительнымъ выгодамъ[2]. Поэтому Крижаничъ былъ не правъ, когда по поводу неосуществленія голштинскаго проекта думалъ, что этимъ „помиловалъ бо есть Богъ тогда нашъ народъ: да не бысть нѣмцемъ дано сею землею въ конецъ завладать и выбирать нашія корысти съ нашею остудой"[3]. Русскіе не такъ были просты, какъ могъ бы полагать Крижаничъ, и они заключили съ Голштиніей договоръ на весьма выгодныхъ для Россіи условіяхъ, такъ что нарушеніе этого договора Голштиніей было лишь къ невыгодѣ Россіи. Для голштинской компаніи главный интересъ, конечно, представлялъ сырецъ-шелкъ, который можно было обрабатывать на западно-европейскихъ фабрикахъ, и извлекать изъ этого большую прибыль. Московское правительство учитывало это значеніе шелка для Запада и сдѣлало его казенной монополіей. Но въ половинѣ XVII в., несмотря на царскую монополію, шелкъ изъ Персіи шелъ въ Европу большею частью черезъ Турцію, а не Россію. Въ виду явной дешевизны доставки шелка черезъ Россію, Родесъ тогда сдѣлалъ попытку къ осуществленію этого провоза. Онъ заявилъ И. Д. Милославскому, что если бы московское правительство достигло того, чтобы весь шелкъ, добываемый въ Персіи, поступалъ въ царскую казну, то иностранные купцы покупали бы у царя весь этотъ шелкъ; при этомъ Родесъ прибавилъ, что это не ограничилось бы однимъ шелкомъ, но притянуло еще многіе другіе персидскіе товары, а также „значи-

[1]) Отчетъ Бурха и Фелтдриля, Сбор. Имп. Рус. Ист. О., т. 116, с.с. 167—168.

[2]) Олеарій, Введеніе А. М. Ловягина, с.с. VIII, XII.

[3]) „Рус. госуд.", № 1, с. 13.

тельную часть индійской, особенно китайской торговли". Милославскому все это очень понравилось, но, очевидно, дѣло на этомъ и заглохло. Въ то время (1653 г.) въ Архангельскѣ обыкновенно получалось среднимъ въ каждые три года по 120—150 тюковъ (900 пудовъ) шелка, который казна продавали по 45 рублей за пудъ, а ей самой онъ обходился всего по 30 рублей [1]). Но въ торговлѣ персидскимъ шелкомъ-сырцомъ наступила перемѣна, когда въ маѣ 1667 г. армянская компанія во главѣ съ армяниномъ Ромодамскимъ и Григоріемъ Лусиковымъ получила льготы: неограниченный ввозъ шелка въ Россію, единственный путь черезъ Россію (а не черезъ Турцію), непроданный шелкъ въ Россіи можно везти за море, но возвращаться съ заморскими товарами должно черезъ Россію же; при всемъ этомъ платится отъѣзжая и провозная пошлина [2]). Однако едва успѣла наладиться торговля компаніи, какъ она была прекращена продолжительнымъ бунтомъ Разина и смертью шаха Аббаса II. Именно благодаря главнымъ образомъ этимъ обстоятельствамъ, наблюдается въ этотъ періодъ упадокъ русско-персидской торговли. Въ 1673 г. (февраля) была совершена договорная торговая подтвердительная запись съ армянской компаніей о возстановленіи съРоссіей прежней торговл и, но, вслѣдствіе совѣтовъ рускихъ гостей, безъ права сквозного провоза, чтобы предоставить тѣмъ русскому купечеству всю выгоду передачи, и чтобы европейскіе еомки могли задерживаться въ Россіи [3]). Торговля не замедлила возобновиться на этихъ условіяхъ [4]).

---

[1]) Родесъ, с.с. 151, 153, 167. Въ 153 г., когда уже было продано изъ приказа Большой Казны Давиду Микулаеву съ тов. 900 слишкомъ пудовъ шелка-сырца по 77 ефимковъ за пудъ, то русскіе торговцы предложили бо́льшую цѣну и тѣмъ перекупили шелкъ и повезли его въ Архангельскъ. Однако иноземцы, сговорясь, въ Архангельскѣ нарочно ничего у нихъ не купили, говоря, что русскихъ „заставимъ торговать лаптями, и забудутъ де у насъ перекупаться всякими товары" (Акты Арх. Эксп., IV, с. 20).

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., IV, № 56. П. С. З., I, № 409.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Дог., IV, № 83. П. С. З., I, №№ 514, 539.

[4]) Спустя почти годъ, именно 31 янв. 1674 г. армянинъ Егупко Григорьевъ привезъ „шолку-сырцу и цветного" 72 пуда. Этотъ шелкъ приняли въ казну и заплатили по уговору. Однако этотъ армянинъ подалъ слѣдующую жалобу. По договору 1667 г., чего армяне въ Астрахани не продадутъ, они на казенный счетъ могутъ везти въ Москву. Е. Григорьевъ заплатилъ въ Астрахани всѣ пошлины и получилъ проѣзжую

Однако главное преимущество компаніи—право на транзитъ было ею потеряно, и, можетъ быть, отъ этого армяне привозили въ Россію мало шелка. Впрочемъ въ 1676 г. (184 г.) они привезли „въ Московское государство шолку-сырцу хотя і не по договору, однако жъ многое число“. Гости предлагали самую дешевую, по ихъ же словамъ, плату (червчатаго цвѣта ансырь, т. е. фунтъ, по 26 алтынъ 4 деньги, а иныхъ цвѣтовъ по 20 алтынъ и меньше), но армяне просили дорого, потому что они привезли, „чтобы продать ево болшой цѣною, чая то, что прежъ сего къ Москвѣ в привозе его бывало малое число и купятъ его съ охотой... Знатно, что имъ нѣкоторое обнадеживаніе есть отъ заморскихъ иноземцевъ“, т. е. что армяне вошли въ стачку съ иностранцами. Въ этомъ же 1676 г. Кленкъ снова поднялъ старый вопросъ о персидской торговлѣ черезъ Россію и поддерживалъ его почти такою же мотивировкой, какъ и Родесъ. Именно голландскій посолъ говорилъ, что если бы Россія дозволила армянамъ и персамъ свободный торгъ въ государствѣ всякими персидскими товарами, а также вольный проѣздъ въ Архангельскъ и „за море в Голанскую землю“ (при чемъ пошлины брать постарому, а „новой торговой вредной уставъ отставить“, такъ какъ онъ казнѣ прибыли не принесъ, а только разорилъ купцовъ и оттогналъ иноземцевъ), то тогда бы „весъ шолкъ и іные персидцкие товары, которые с великими трудами и проторами чрезъ турскую землю трудными путьми кизыльбаши возятъ, обратились в государство великого

грамоту, которой ему велѣно давать отъ Астрахани до Царицына, Саратова, Самары, Симбирска и Казани подъ шелкъ-сырецъ и персидскіе товары, вѣсомъ въ 72 п., стругъ съ кормщикомъ и 12 гребцами, а для сухопутнаго передвиженія 3 телѣги, а зимой сани, „для того, что с того ево Егупова товара за провоз с пуда по рублю взято в казну в. к. в Астрахани“. Армянинъ приплылъ въ Царицынъ въ началѣ ноября 1673 г., но царицынскій воевода, несмотря на проѣзжую, не далъ ему подводъ, потому что всѣ онѣ были въ то время розосланы изъ Царицына, а армянинъ не хотѣлъ дожидаться, самъ нанялъ 7 саней и съ первымъ зимнимъ путемъ двинулся на Саратовъ. Въ Саратовѣ ему было дано всего 3 подводы (согласно проѣзжей), такъ что онъ долженъ былъ самъ принанять еще 4. По его словамъ, онъ издержалъ на наемъ всѣхъ подводъ 45 р. 5 к. По разсмотрѣніи этой жалобы, было велѣно зачесть армянину въ Астрахани эти расходы въ пошлину за его товары (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, пр. дѣла ст. л., 1674 г., № 170).

государя нашего его царского величества, и, послышавъ о томъ, учали сверхъ того многие товары привозить изъ государствъ и индѣйского Могала“ и другихъ странъ, отчего русское купечество разбогатѣетъ, султанъ лишится большихъ доходовъ и не будетъ въ состоянiи вести безъ денегъ войнъ, которыя тогда тревожили Россiю; при этомъ Кленкъ высчитывалъ, что, если по договору 1667 г. армяне будутъ привозить „шолку сырцу на всякой годъ по осмы тысячь тай“ (голл.—baelen), то за эти только 8.000 тюковъ царь получитъ 204.000 р. пошлинъ и 33.600 р. провозныхъ денегъ, всего 237.600 рублей въ годъ, не считая пошлинъ съ другихъ персидскихъ товаровъ. Кленкъ еще предложилъ послать изъ Голландiи корабельныхъ мастеровъ для постройки судовъ на Хвалынскомъ морѣ для перевозки персидскихъ товаровъ, потому что персы не имѣли хорошихъ судовъ. На все это Кленку отвѣтили, что государь указалъ „персидскимъ купецкимъ людямъ по прежнимъ армянскимъ договорамъ, каковъ договоръ учиненъ, по ихъ челобитью на Москвѣ в прошлыхъ во 175 i во 181 годѣхъ с шолкомъ сырцомъ и с ыными персидцкими товары прiѣзжати в росиское государство поволно“, „на Москвѣ тѣ свои товары продавать рускимъ торговымъ людемъ поволною торговлею, а пошлины платить имъ с шолку сырцу по ихъ армянскому договору, а с иныхъ персидцкихъ товаровъ по новому торговому уставу“, т. е. новый уставъ не отмѣнялся, и армяне и персы не могли въ Москвѣ продавать иноземцамъ, о разрѣшенiи чего именно и хлопоталъ Кленкъ. Но зато, если армяне (и даже тѣ, „которые нынѣ на Москвѣ“) не хотѣли продать въ Москвѣ шелка русскимъ, имъ было позволено ѣхать въ Архангельскъ продавать его всякимъ иноземцамъ, а если бы и тамъ не продали его, они могли ѣхать за море, куда хотятъ; возвращаясь черезъ Россiю съ заграничными товарами, армяне и персы должны были „пошлину заплатить по новому жъ торговому уставу, а чтобы тотъ его ц. велич. указъ и поволную торговлю в персидцкой земли купецкие люди вѣдали, i в будущiй годъ с шолкомъ сырцомъ и с иными персидцкими товары оставя путь черезъ турскую землю были в росиское государство, велено в Персиду писати тѣмъ армяномъ с нарочнымъ своимъ посыльщикомъ наскоро“, а у Кленка русскiе попросили поскорѣе прислать обѣщанныхъ корабельныхъ мастеровъ; въ Англiю же и Голландiю были посланы въ томъ же году грамоты съ извѣщенiемъ, что армяне привезли въ этомъ и въ предыдущемъ году въ Москву „шолку

сырцу двѣсти тай", но не захотѣли продать его въ Москвѣ русскимъ, а повезли въ Архангельскъ, гдѣ иноземные купцы могутъ его купить [1]). Такимъ образомъ, персы получили возможность возить шелкъ въ Архангельскъ, уплачивая по дорогѣ туда по 5% въ разныхъ городахъ (всего 15%), но, по словамъ Невилля (1689 г.), кн. Голицынъ позволилъ имъ возить шелкъ болѣе прямымъ путемъ—на Ригу, съ уплатой пошлинъ въ 15% только въ Москвѣ; персы приплывали въ Астрахань въ концѣ октября, оттуда ѣхали на счетъ царя на саняхъ въ Москву. Изъ Испагани въ Ригу было 3 мѣсяца пути [2]).

Въ то время, когда шведы и голландцы (въ лицѣ Родеса и Кленка) хлопотали о транзитной торговлѣ съ Персіей черезъ Россію, англичанинъ Самуилъ Коллинсъ при царѣ Алексѣѣ высказывалъ боязнь, что, „если здѣсь окончательно распространится торговля съ Персіей и Индіей шелкомъ, то я сильно опасаюсь, что англичанамъ придется много потрудиться, чтобы возстановить свои льготы и привилегіи". Нащокинъ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ этотъ авторъ, „завелъ по всей Россіи торговлю шелкомъ, которая привлечетъ сюда весь шелкъ изъ Индіи" [3]). Дѣйствительно, русское правительство старалось о развитіи персидской торговли, и въ 1668 г. Стрюйсъ отправился въ Москву, потому что „московскій царь повелѣлъ снарядить въ Амстердамѣ нѣсколько кораблей для слѣдованія въ Каспійское море въ Персію. Цѣль этой экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы направить торговлю персидскимъ шелкомъ въ Московское государство, на путь болѣе безопасный и удобный, потому что купцы, слѣдуя по прежнему пути, нерѣдко разорялись, вмѣсто того, чтобы извлекать пользу изъ этой торговли. Такъ какъ нельзя было перевозить шелкъ иначе, какъ совершая большой объѣздъ, то нерѣдко случалось, что, кромѣ чрезвычайныхъ издержекъ на перевозку, часть его грабили татары и другіе народы, черезъ земли которыхъ доводилось проѣзжать купцамъ" [4]). Петръ Великій даже хотѣлъ „овладѣть областями на

[1]) „Посольство К. ф.-Кленка", Введеніе А. Ловягина съ прилож. документовъ, с.с. CLII, CXLVIII, LXXV—LXXVIII, XCIII—XCIV.

[2]) Невилль Русская Старина, 1891 г., т. 72, ноябрь, с. 276.

[3]) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с.с. 176, 171. Чтенія, 1846 г., I, с. 38. Рус. Вѣстникъ, 1841 г., № 9, с. 592.

[4]) Стрюйсъ, Рус. Архивъ, 1880 г., I, с. 17.

Каспійскомъ морѣ, гдѣ добывается лучшій шелкъ, и привлечь въ свои земли главную торговлю этимъ товаромъ, которая до тѣхъ поръ имѣла направленіе въ Европу", но ужасы войны способствовали лишь тому, что послѣ завоеванія областей Ширвани и Гиляни „выгодная перевозная (транзитная) армянская торговля остановилась совсѣмъ, прежнее шелководство въ завоеванныхъ имъ областяхъ (Ширвань, Гилянь, Мазандеранъ, Астрабатъ и лишь юридически Ферабатъ) упало и развилось въ сосѣдственныхъ персидскихъ" [1]).

Русскіе также старались добывать шелкъ въ своихъ областяхъ. Крижаничъ предлагалъ разводить шелковичныхъ червей въ избахъ [2]). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ упоминаются (въ 1671 г.) тутовые сады въ с. Измайловѣ [3]). Въ Астрахани, по словамъ Крижанича, шелковичные черви не могли разводиться въ „толикой множинѣ, дабы ся могла отъ нихъ корысть имать", вслѣдствіе того, что они легко тамъ вымирали отъ болѣзней [4]). Въ 1666 г. въ Астрахани у разныхъ чиновъ оказалось 415 тутовыхъ деревьевъ. Въ этомъ же году было велѣно воеводѣ Симбирска (въ которомъ были тутовыя деревья, какъ въ Царицынѣ и Астрахани) посадить присланныя тутовыя сѣмена, „чтобъ за милостью Божіею завесть тутовой самой болшой заводъ". Въ 1672 г. царь Алексѣй приказалъ астраханскому воеводѣ призывать въ Астрахани, Теркахъ или за моремъ садовниковъ, могущихъ завести въ Москвѣ тутовый садъ и шелковичныхъ червей, арбузные сады, наподобіе астраханскихъ; подрядить у астраханскихъ иноземцевъ хлопчатой бумаги по прежней цѣнѣ съ пошлинами по 8 руб., а если нельзя, то по 9—12 руб.; также пріискать „садовника знающаго, самого жъ доброво и смирнова, который бы умѣлъ завесть бумагу на Москвѣ"; пріобрѣсти въ Астрахани у иноземцевъ краски для крашенія шелка; пріискать шелководовъ и мастеровъ, чтобы „за помощію бъ Божіей завесть шолкъ на Москвѣ"; найти „ткачей, которые бъ исъ хлопчатой бумаги умѣли дѣлать миткали, кисеи, киндяки, ѳереспири, бязи и бумагу, ковры шерстяные болшіе и шолковые зъ золотомъ

---

[1]) Фоккеродтъ, Чтенія, 1874 г., II, с. 66.
[2]) „Рус. госуд.", № 1, с. 53.
[3]) Рус. Ист. Библ., XXI, с. 1551.
[4]) „Рус. госуд.", № 1, с. 53.

и безъ золота; красильниковъ, которые бъ умѣли красить шолкъ всякими цвѣты..., сафьянныхъ мастеровъ...“ [1]).

Предметы русско-персидской торговли были вообще многочисленны. Перечень товаровъ, которыми торговали русскіе данъ въ „записи“ о персидско-голштинской торговлѣ, а также въ донесеніи Родеса [2]), которымъ пользовался Кильбургеръ. Болѣе подробныя свѣдѣнія находимъ въ книгахъ о персидскихъ товарахъ 1663 г.—1675 г., среди которыхъ есть также „Книга 1674—1675 г.г. персидскихъ товаровъ“, т. е. какъ разъ относящаяся ко времени Кильбургера, и цѣны, указанныя ею, не противорѣчатъ даннымъ нашего автора. Изъ сопоставленія цифръ этихъ книгъ видно, что въ персидскомъ вывозѣ первое мѣсто занимали дешевыя матеріи: киндяки и дороги [3]). И въ самомъ дѣлѣ, Родесъ въ 1652 г. доносилъ относительно прекращенія русско-персидской торговли, что русскіе, особенно простонародіе, не могутъ обходиться безъ дорогъ и киндяковъ, потому что главнымъ образомъ одѣваются въ нихъ; это были легкія, красивыя и прочныя ткани, которыя можно было купить за недорогую цѣну [4]). *Киндякъ* („или крашеная выбойка“) есть бумажная, набойчатая ткань. Она у русскихъ шла (какъ и каттунъ, тафта, дамастъ или атласъ) на кафтаны и ферязи [5]); кафтанъ опоясывался „персидскимъ кушакомъ, на которомъ вѣшали ножи и ложку“ [6]). Въ Испагани, по словамъ автора „О ходу въ Персицкое царство“, въ одномъ изъ рядовъ „киндяки дѣлаютъ, красятъ, а миткали привозятъ изъ Индѣи и изъ Арапъ“ [7]). *Ковры*

[1]) Зап. Отд. р. и сл. арх. Имп. Рус. Арх. О., II, 1861 г., с.с. 385—387, 380—381, 379.

[2]) Олеарій, Введеніе, с. VIII. Родесъ, с.с. 151—155.

[3]) Рус. Ист. Библ., XXIII, с.с. 1563—1583. А. Шпаковскій, „Торг. Моск. Руси съ Персіей въ XVI—XVII в.в.“, с.с. 45—46.

[4]) Родесъ, с. 133.

[5]) Олеарій, с. 174.

[6]) Флетчеръ, с. 125. Киндякъ также шелъ на подкладку къ мебели, опушки, оторочки и занавѣсы (Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царей“, с.с. 643, 645).

[7]) „А платье персы и кизылбаши носятъ каѳтаны озямные, киндячные и дорогильные и кутняные... А жонки ходятъ, закрывшеся въ тонкіе миткали, лицъ и глазъ не видать“ (Временникъ, XV, с. 9). Миткали различались: „миткали арабскіе“, „миткали узкіе“ (Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царицъ“, с. 629. „Череп. кн... Никона“, Времен., XV, с. 54).

занимали тоже одно изъ главныхъ мѣстъ въ персидскомъ вывозѣ [1]). Изъ Персіи среди остальныхъ товаровъ также вывозили *безуй*, или безоаръ; такъ назывался камень, находимый въ желудкѣ нѣкоторыхъ животныхъ въ количествѣ 1 - 6, величиной въ бобъ, а иногда даже въ голубиное яйцо. Въ виду цѣнности этого камня, какъ лѣкарства, были безоары и поддѣльные [2]). *Нефть*, черная и бѣлая, еще во время Торговой книги привозилась русскими изъ Шемахи и продавалась иностранцамъ [3]). Она добывалась у моря около Баку и горы Бармахъ, и при Олеаріи въ послѣднемъ мѣстѣ было до 30 нефтяныхъ колодцевъ, дававшихъ бѣлую и бурую нефть [4]). *Рисъ*, или, какъ его тогда русскіе называли, сорочинское пшено, тоже получался изъ Персіи [5]).

Къ главѣ III.

Греческая торговля имѣла для Россіи большое значеніе для сбыта мѣховъ. Русскіе, по словамъ Рейтенфельса, „гораздо раньше" открытія португальцами морского пути въ Индію, вели въ Колхидѣ и по всей Греціи широко распространенную торговлю высоко цѣнимыми собольими мѣхами [6]). „Турки бо и греки, объ

---

[1]) Такъ у Никона было много турскихъ и кизылбашскихъ ковровъ: золотые, бархатные, малиновые съ каймами разныхъ цвѣтовъ и кистями, а нѣмецкихъ всего одинъ, на которомъ были „дѣланы городы и звѣри разныхъ цвѣтовъ" („Переп. кн...", с.с. 57, 58).

[2]) „Словарь коммерческій", перев. Левшинымъ.

[3]) Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с. 134. Временникъ, VIII, с. 6.

[4]) Олеарій, с.с. 447, 483.

[5]) Между Дербентомъ и Шемахой, пишетъ Олеарій, лежала деревня Соратъ, („которую нѣкоторые зовутъ Бахель"). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о „деревнѣ Бахель, обыкновенно въ виду плодородія мѣстности и роста пшена, весьма здѣсь изобильнаго, именуемой Сурратъ" (Олеарій, с.с. 445, 483). Отсюда и могло произойти названіе „сорочинское пшено". Крижаничъ спрашивалъ, нельзя ли найти въ Россіи почву для его произрастанія, и объяснялъ, что „пшено сарачинско ся родитъ на низкихъ мовчарныхъ мѣстехъ и затоняхъ, кая ся могутъ и затопить, напустивши воду, и осушить, опустивши воду, для жатвы и для тежанія" („Рус. госуд.", № 1, с. 54).

[6]) Чтенія, 1906 г., III, с. 131.

этомъ же замѣчаетъ Крижаничъ, рады покупаютъ соболя и иная драгая корзна, коихъ нѣмцы не веле любятъ“ [1]). Этимъ какъ бы подтверждаются слова Кильбургера, что греки покупали хорошихъ (цѣнныхъ) соболей, а не дешевыхъ (послѣдніе шли въ Персію). Когда греческіе архимандриты и свѣтскія лица пріѣзжали за милостынею въ Москву, большинство изъ нихъ привозило съ собой много денегъ для покупки мѣховъ, распродаваемыхъ потомъ ими въ Турціи, и такъ какъ они въ теченіе всего пребыванія въ Россіи, начиная съ Путивля, кормились русскимъ правительствомъ, получали даровыхъ лошадей и не платили пошлинъ со своихъ товаровъ, то „они выгадывали большую пользу, если имѣли съ собой товары или много денегъ“, потому что сама милостыня иногда не покрывала расходовъ, сдѣланныхъ пріѣзжими, и только на нее полагаться было рискованно. Путивль былъ городъ, черезъ который тогда лежала единственная дорога въ Москву изъ турецкихъ странъ. Чтобы проникнуть въ Россію и вести тамъ безпошлинную торговлю, греки прибѣгали къ разнымъ хитростямъ: они то ѣздили въ качествѣ добровольныхъ пословъ, то просто присоединялись къ свитѣ какого-нибудь патріарха или архіерея и потомъ вели въ Москвѣ тайную торговлю [2]). Греки, разсказываетъ Родесъ, ежегодно пріѣзжали, вывозя изъ Турціи, Персіи, Аравіи и Греціи „всякаго рода драгоцѣнные товары, какъ-то: превосходныя богатыя золотыя ткани, ковры, тканые золотомъ и серебромъ, одѣяла, бархаты и т. п.; также всякаго рода драгоцѣнные подобные шелковые товары, какъ и турецкіе камлоты изъ верблюжьей шерсти“. Они только тогда могли вступать въ торговлю съ кѣмъ хотѣли, когда царь выбралъ, въ промѣнъ на мѣха, нужные ему товары. Но греки требовали мѣховъ на большую стоимость, чѣмъ сами привозили товаровъ, а поэтому доплачивали арабскими дукатами. Эти мѣха они продавали въ Турціи и Греціи [3]). Что греки ежегодно пріѣзжали къ намъ, объ этомъ говоритъ и Котошихинъ, согласно которому, они привозили съ собою „сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные, съ каменьемъ съ алмазы и съ яхонты и с-ызумруды и съ лалы, и золотные портища, и конскіе наряды,

---

[1]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 18.
[2]) П. Алеппскій, в. Ш, с. 39.
[3]) Родесъ, с. 161.

сѣдла и муштуки и узды и чапраки со всякимъ каменьемъ, и царицѣ и царевнамъ вѣнцы и зарукавники и серги и перстни съ розными жъ каменьи, немалое число". Эти греческіе товары никто не смѣлъ покупать, кромѣ царя, для чего торговые люди, иноземцы и мастера оцѣнивали ихъ, и покупали въ казну на соболи и другую рухлядь. Такихъ товаровъ ежегодно покупалось „множество". „А бываетъ тѣхъ гречанъ на годъ по 50 и по 100 человѣкъ, и живутъ на Москвѣ для продажи многіе годы, и даетца имъ кормъ и питье доволное. А которые товары подносятъ они царю, а въ царскую казну тѣ товары не годятца, и имъ тѣ товары отдаютца назадъ, и волно имъ продати всякого чину людемъ" [1]).

Къ главѣ IV.

Китайская торговля съ Россіей первоначально была посреднической. Нельзя сомнѣваться, что русскіе стали знакомиться съ китайскими матеріями издавна. Татары одѣвались въ мѣха, получаемые изъ Россіи и др. странъ, а также въ всевозможныя матеріи, доставлявшіяся изъ Китая [2]); отсюда понятно, что русскіе еще отъ татаръ могли получать за свои мѣха китайскія ткани. До открытія португальцами морского пути въ Восточную Индію „товары китайскіе, индійскіе и персидскіе большею частью шли черезъ Астрахань и Тану (Азовъ), города на Черномъ морѣ, и отсюда уже распространялись по всей Европѣ" [3]). При Іовіи Новокомскомъ же португальцы уже знали китайцевъ, такъ какъ торговали съ ними въ Индіи и привозили отъ нихъ собольи мѣха. Но Іовій былъ убѣжденъ, что до самого Китая возможно доплыть и черезъ Ледовитый океанъ [4]). Неизвѣстный авторъ одного донесенія, упоминая объ этомъ мнѣніи Іовія, добавляетъ, что „Иванъ (Грозный) назна-

---

[1]) Котошихинъ, изд Ш, гл. XII, статья 4, с. 165.

[2]) Рубрукъ (1253 г.), пер. А. Маленна, 1911 г., с. 76.

[3]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., Ш, с. 131. Торговая книга среди тафтъ упоминаетъ китайку, которая была самой плохой тафтой (Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. О., I, с. 128).

[4]) Іовій, с. 262.

чилъ большія награды“ для открытія этого воднаго пути [1]). Однако для половины XVI в. мы уже несомнѣнно знаемъ, что наши предки имѣли возможность вести непосредственную торговлю съ китайскими караванами; именно караваны изъ Китая ходили въ Бухару, куда же ѣздили русскіе купцы продавать свои туземные товары; караваны изъ Китая привозили въ Бухару мускусъ, расписныя матеріи и пр.; путь этихъ каравановъ лежалъ черезъ Ташкентъ и Кашгаръ и длился 9 мѣсяцевъ; но съ 1555 г. въ районѣ этихъ городовъ началась война, такъ что никакой караванъ не могъ пройти, не будучи ограбленнымъ, и поэтому до 1558 г. изъ Китая въ Бухару не пришло ни одного каравана [2]). Непосредственныя же сношенія Россіи съ Китаемъ начались лишь въ слѣдующемъ столѣтіи. Мильтонъ въ своей компиляціи о Россіи передаетъ, что „въ 1611 г. нѣсколько жителей Катая и другіе, посланные отъ царя Алтына, который называлъ себя «Золотымъ царемъ», прибыли на рѣку Обь въ Сургутъ (Zergolta or Surgot) и торговали тамъ, привезя съ собой плиты серебра“ [3]). Къ сожалѣнію, русскіе смѣшивали китайцевъ съ монголами и др. Въ 1616 г. В. Тюменецъ и Ив. Петровъ изъ Томска пошли провѣдывать Китайское царство, но дошли только до страны царя Алтына, гдѣ получили интересующія ихъ свѣдѣнія о Китаѣ, и въ 1617 г. въ Москвѣ, куда они прибыли съ послами Алтына, ихъ показанія о Китаѣ были записаны въ Посольскомъ приказѣ. Въ 1618 г. русскіе послы, бывшіе въ Швеціи, воспользовались этими показаніями и преувеличенно заявили шведамъ, что русскіе уже дошли до самого Китая, но это было невѣрно, потому что только въ сентябрѣ этого же 1618 г. посолъ толмачъ Ив. Петлинъ впервые достигъ Пекина, а вернулся въ Москву черезъ годъ [4]).

---

[1]) „Донесеніе о Московіи второй половины XVI вѣка“, Чтенія, 1913 г., II, с.с. 21, 43, 44. Извѣстія этого автора недостойны полнаго довѣрія.

[2]) Дженкинсонъ, Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос.“, с. 52.

[3]) „Московія... по изв. англ. путеш.“, Чтенія, 1847, III, с. 14.

[4]) Русскіе въ Швеціи такъ разсказывали шведамъ о разныхъ подвластныхъ царю сибирскихъ народахъ и земляхъ: „Да за тѣми жъ за всѣми далними землями объявились новоприбылые государства—Китайское государство, которое в кронникахъ описуетъ великимъ государьствомъ, и нынѣ великого государя нашего люди и до того великого государства дошли, а в томъ Китайскомъ государствѣ царь, а имя ему Тайсынь, а городъ Китай стоитъ на морской губѣ, а около него конемъ добрымъ ѣзду 10 дней, опричь его уѣзду и земли Китайской. Да тутъ же х Китай-

Хотя уже Петлинъ собралъ въ Китаѣ данныя о китайской торговлѣ, но явное развитіе русско-китайскихъ сношеній намъ приходится вести только съ половины этого столѣтія. Самъ Кильбургеръ пишетъ, что русскіе начали серьезно работать надъ созданіемъ русско-китайской торговли съ 1654 г., когда отправили въ Китай свое посольство. Называя это посольство „первымъ“, Кильбургеръ говоритъ правду и передаетъ лишь мнѣніе московскихъ канцелярскихъ круговъ. Посольство Петлина было отправлено не самимъ московскимъ правительствомъ и не изъ Москвы, а по замыслу тобольскаго воеводы и именно изъ Томска. Поэтому то, какъ необходимо думать, московскіе приказы не считали этого посольства офиціальнымъ и началомъ посольскихъ сношеній съ Китаемъ. Но когда въ самой Москвѣ возникла мысль о посылкѣ такого посольства въ Пекинъ, и отсюда былъ отправленъ посломъ дворянинъ Ѳ. Байковъ, снабженный полномочіями центральнымъ московскимъ правительствомъ, то московское правительство стало смотрѣть на это посольство, какъ на первое. Это видно изъ грамоты, которую Байковъ долженъ былъ вручить богдыхану: „Съ предки вашими, китайского государьства съ цари и съ вами богдыханомъ царемъ, за дальнымъ разстояніемъ пути, у нихъ, великихъ государей, предковъ нашихъ, и у отца нашего, блаженныя памяти великого государя, ссылки и любви не бывало, и послы и посланники не посылываны“; по наказу же Байкову, онъ долженъ былъ

скому государству подошли государства великіе жъ Катанское царство, а в немъ царь именемъ Акапрыкъ, а городъ каменной же, за Китайскимъ государствомъ ходу мѣсяцъ; да блиско Китайсково жъ государства Топинское государство, а в немъ два царя, одному имя Ишимъ, а другому Блатырь, а городы у нихъ всѣ каменные и богаты добре, всякими узорочьи дорогими наполнены. Да у Китайсково жъ государства блиско за мѣсяцъ отъ него кочевные два государства великіе, Жолтово царя да Алтына царя, а по ихъ языку—Золотого царя“. Этотъ Алтынъ царь прислалъ къ Михаилу пословъ съ просьбой о подданствѣ царю и взаимной торговлѣ: „И нынѣ тѣ Алтына царя послы у государя нашего, его ц. в-ства, были при насъ на Москвѣ“ (К. Якубовъ, „и Рос. Шв.“, Чтенія, 1897 г., III, с.с. 47—48). Этотъ документъ слѣдуетъ сличить съ подлинными показаніями Тюменца и Петрова, чтобы видѣть, какъ русскіе искажали имена и вообще въ своемъ умѣ претворяли полученныя ими изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія (Ѳ. И. Покровскій, „Путешествіе въ Монголію и Китай сиб. каз. Ив. Петлина въ 1618 г.“, П., 1914 г., с.с. 24—25; оттискъ изъ Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н., XVIII, 1913 г., кн. 4).

въ свою очередь сказать богдыхану, что „учинилась нынѣ ссылка первая, а напередъ сего... ссылокъ николы не бывало“. Цѣль этого посольства была, какъ видно изъ сохранившихся архивныхъ документовъ, завязать торговыя сношенія съ Китаемъ. Посолъ долженъ былъ собрать свѣдѣнія о товарахъ и торговлѣ Китая и пригласить китайскихъ купцовъ ѣздить въ Россію безпошлинно торговать [1]). Хотя это посольство не имѣло полнаго успѣха, но дальнѣйшія настойчивыя попытки русскихъ установить прочныя торговыя связи съ Китаемъ и отыскать туда самый удобный путь [2]) привели еще въ XVII в. къ большому развитію русско-китайской торговли. Это понятно способствовало процвѣтанію главнаго города Сибири—Тобольска, который велъ, „сообразно своему положенію, большую торговлю“ [3]). Онъ былъ средоточіемъ сибирской торговли. Сюда особенно пріѣзжали бухарцы со своими туземными и китайскими товарами; „они (татары) не хотѣли отдавать своихъ товаровъ за деньги, а только мѣняли на другіе, привезенные изъ Архангельска“ [4]). Но сами китайцы не пріѣзжали торговать въ сибирскіе города, и русскіе должны были ѣздить къ нимъ. При Петрѣ I эта торговля съ китайцами вполнѣ окрѣпла, и, по словамъ Перри (1698—1715 г.г.), въ Китай ежегодно шли русскіе караваны, нагруженные мѣхами и мелкимъ товаромъ, получаемымъ черезъ Архангельскъ, а изъ Китая русскіе привозили чай, шелковую камку, китайку (это была „особаго рода льняная ткань, съ примѣсью бумаги“, разныхъ цвѣтовъ), а также небольшое количество жемчуга и слитки золота; китайку русскія женщины употребляли на одежду [5]). Невилль (1689 г.) еще раньше писалъ, что русскіе одѣвались лѣтомъ въ китайскія

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юстиціи, дѣла Сибирскаго приказа, ст. 1663; это маленькій столбецъ, всего изъ л.л. 72—142, весь состоитъ изъ копій XVII вѣка съ памяти февраля 162 г. дьякамъ о п сылкѣ въ Китай посольства Ѳ. Байкова, съ указа 175 г. о присылкѣ изъ Посольскаго приказа въ Сибирскій приказъ списковъ съ грамоты, данной Байкову для врученія богдыхану, и наказа самого Байкова, которые тутъ же и приводятся. Этотъ столбецъ цѣликомъ изданъ Н. Ивановымъ, „Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива“, М., 1842 г., с.с. 387—429. Въ Архивѣ Оружейной Палаты, судя по неточному предметному указателю (Опись 26, д. 131), есть также документы съ упоминаніемъ имени Ѳедора Байкова.

[2]) См. „Объясненія и дополненія“ къ пятой части.

[3]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 341.

[4]) Мейербергъ, Чтенія, 1873 г., IV, с. 135.

[5]) Чтенія, 1871 г., II, с. 52.

и персидскія шелковыя ткани [1]). Изъ китайскихъ товаровъ русскіе также привозили лалы, яхонты и другіе камни.

Драгоцѣнные камни вообще играли въ русской торговлѣ съ иностранцами большую роль, потому что русскіе были ихъ любителями. Въ виду такого значенія торговли этими камнями, авторъ „Книжки описательной, како молодымъ людемъ торгъ вести“ даетъ подробные совѣты, какъ узнать цѣнность каждаго камня [2]), посвящая этому почти столько же вниманія, сколько и сукнамъ. Въ Москву пріѣзжали изъ разныхъ странъ ювелиры съ драгоцѣнностями, и нужно было обладать превосходными знаніями, чтобы не быть ими обманутымъ [3]). Изъ европейскихъ государей никто не могъ сравняться съ русскимъ царемъ по богатству имѣющихся у него драгоцѣнныхъ камней, хотя у него было и много камней не очень дорогихъ [4]). Впрочемъ, по словамъ одного иностранца эпохи Іоанна Грознаго, русскіе не столько обращали вниманія на пропорціональность частей камней, сколько на ихъ величину [5]). Таннеръ подтверждаетъ наличность у русскихъ большого количества камней: „Разныхъ драгоцѣнностей у москвитянъ много—жемчугу, смарагдовъ, бирюзы, сапфировъ, благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ съ персіанами. По крайней мѣрѣ, мелкіе граненые рубины до того у нихъ дешевы, что продаются на фунты,—по 20 московскихъ или 6 нѣмецкихъ флорина за фунтъ“ [6]). Русскіе такъ интересовались камнями, что когда въ Москвѣ узнали, что Ив. Петровъ, путешествовавшій къ Алтынъ-хану въ 1616 г., сказалъ, что видалъ одно озеро, „в коемъ озерѣ самоцвѣтъ камень“, то московское правительство поспѣшило приказать послать къ озеру нѣсколько служилыхъ людей набрать этого камня [7]).

---

[1]) Русская Старина, т. 72, ноябрь, с. 267.

[2]) Зап. Отд. р. и сл. арх. Имп. Арх. О., I, с.с. 120—122. Временникъ, VIII. с.с. 14—15.

[3]) Родесъ, с.с. 163, 224.

[4]) Коллинсъ, Чтенія, 1846 г., I, с. 20.

[5]) Чтенія, 1882 г., IV, „Изв. англ. о Рос.“, с. 21.

[6]) Чтенія, 1891 г., III, с. 70.

[7]) Рукописное I Отдѣл. Библ. Имп. Акад. Наукъ, кн. I Томскаго Архива (изъ бумагъ Миллера), ч. I, № 60, л.л. 74 об.—75 об. (Грамота также приведена Ѳ. И. Покровскимъ въ упом. соч.).

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Къ главѣ I.

О монетѣ сообщаютъ многіе иностранцы [1]), но Кильбургеръ даетъ болѣе стройную схему монетной системы. Такъ какъ ему было извѣстно сочиненіе Котошихина, приведемъ для сравненія изъ него соотвѣтствующую выдержку: „А дѣлаютъ деньги серебряные, мелкіе: копейки, на одной сторонѣ царь на конѣ, а на другой сторонѣ подпись: «царь и великій князь» имя царское и титла самая короткая; денги, половина копеекъ, на одной сторонѣ человѣкъ на конѣ съ саблей, на другой подпись царская такая жъ что и на копейкахъ; полушки, четвертая доля копеекъ, денегъ половина, на одной сторонѣ голубь, а на другой написано: «царь» изъ ефимочного серебра, ежегодь. А привозятъ ефимки и серебро, прутовое и тянутое, къ Архангельскому городу изъ Галанской земли и изъ Венецыи и изъ Любка, и изъ Амбурга...“ Далѣе Котошихинъ разсказываетъ о злополучныхъ монетныхъ мѣропріятіяхъ царя Алексѣя, о появленіи фальшивыхъ мѣдныхъ денегъ, при чемъ подозрѣніе пало въ поддѣлкѣ „на денежныхъ мастеровъ, и на серебряниковъ, и на котельниковъ, и на оловянищниковъ, и на иныхъ людей“, внезапно разбогатѣвшихъ [2]). Коллинсъ

[1]) Напримѣръ, Герберштейнъ (с.с. 88 – 89), Д. Принцъ (Чтенія, 1876 г., IV, с. 70), Маржеретъ („Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с. 275), Олеарій (с.с. 227—228), П. Алеппскій (в. II, с. 116; III, с. 155; в. IV, с. 12), Вименъ да Ченеда (Отечествен. Зап., 1829 г., ч. 37, с.с. 422—423), „Опис. Моск. при рел. гр. Карлейля“ (Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 42), Рейтенфельсъ (Чтенія, 1906 г., III, с. 135), „Посольство К. ф.-Кленка“ (с. 493), Корбъ (пер. Женева и Семевскаго, с. 252; пер. Малеина, с. 214), Юстъ Юль (Русскій Архивъ, 1892 г., I, с. 285) и др.

[2]) Котошихинъ, изд. III, гл. VII, статья 9, с. 109 и слѣд. Н. Булычовъ, „Опытъ классификаціи мѣдныхъ монетъ ц. Ал. М.“, 1910 г.

въ мрачныхъ краскахъ описываетъ послѣдствія вообще неудачныхъ финансовыхъ мѣропріятій этого царствованія: „Московская торговля прошедшимъ лѣтомъ была въ большомъ упадкѣ по причинѣ недавней войны, которая лишила купцовъ пятой части денегъ, кромѣ того, что они потеряли отъ возвышенія пошлинъ. У нихъ силой брали товары за мѣдныя деньги, а мѣдныя деньги упали сначала отъ ста до одного, и когда казна снова захотѣла ихъ вывести, многіе разорились, многіе повѣсились, другіе пропили свои имущества и померли въ пьянствѣ“ [1]).

Русскія монеты были круглыя и продолговатой, овальной формы, потому что бились изъ проволоки. Онѣ были неправильной формы и вѣса, и даже при Юлѣ (1709 г.) иногда 2 копейки по вѣсу равнялись 3 коп. Полушки (¹/₄ коп.) уже при авторѣ Торговой книги не дѣлались, потому что былъ „имъ росходъ малъ“ [2]), а Рейтенфельсъ (1671—1673 г.г.) заявляетъ, что полушки прежде были въ большомъ употребленіи, „но теперь ихъ болѣе не видно“. Олеарій разсказываетъ, что, такъ какъ русскія деньги „очень мелки, то ими трудно вести торгъ, онѣ легко проваливаются сквозь пальцы; поэтому у русскихъ вошло въ привычку, при осмотрѣ и мѣряніи товаровъ, брать зачастную до 50 копеекъ въ ротъ, продолжая при этомъ такъ говорить и торговаться, что зритель и не замѣчаетъ этого обстоятельства“. Кильбургеръ, можетъ быть, подъ вліяніемъ Олеарія, тоже говоритъ, что русскія деньги непріятны, вслѣдствіе своихъ маленькихъ размѣровъ; по его словамъ, русскіе чеканили только копейки, денежки и полушки, а остальныя монетныя названія были лишь отвлеченными понятіями (какъ, напр., въ Англіи фунтъ стерлинговъ, въ Швеціи марка, полумарка), т. е. не in specie. Слово species, прибавляемое къ названію монетъ (специесъ-рейхсталеръ, специесъ-талеръ), именно и показываетъ, что эти названія (рейхсталеръ, талеръ) были не отвлеченными понятіями, но соотвѣтствовали специальнымъ, дѣйствительно вычеканеннымъ монетамъ; именно въ такомъ смыслѣ и нужно понимать упоминаніе въ росписяхъ Кильбургера о ввозѣ столькихъ-то тысячъ специесъ-рейхста-

---

[1]) Чтенія, 1846 г., I, с. 38.
[2]) Временникъ, VIII, гл. 2, с. 10.

леровъ или спеціесъ-дукатовъ. При Петрѣ I, какъ пишетъ Юль, въ Россіи чеканились монеты уже всѣхъ цѣнностей.

Для производства мѣдной монеты русскіе пріобрѣтали въ Швеціи красную мѣдь, а для серебряныхъ—посредствомъ казенной торговли получали у иностранцевъ серебро и серебряную монету, которую перечеканивали, получая при этомъ большую прибыль, при чемъ никто не смѣлъ торговать въ Россіи серебряной иностранной монетой, „не размѣнявъ ее предварительно на копейки... по причинѣ большой выгоды для царской казны". По даннымъ Родеса, перечеканка иностранной монеты (талеровъ, или, иначе говоря, ефимковъ) давала царской казнѣ $31^1/_2$—32% прибыли[1]), по Павлу Алеппскому, эта прибыль = 24—28% (реалъ, стоимостью въ 50 коп., равнялся по вѣсу 62—64 коп.), а по Котошихину, даже 58—60% (изъ ефимка получалось 64 коп., а ефимокъ брался у иностранцевъ за русскіе товары и въ пошлину по принудительному курсу въ 40—42 коп.)[2]). Корбъ писалъ о русскихъ, что „полновѣсный имперіалъ они обмѣниваютъ на 50 или 55 копеекъ, а вычеканиваютъ изъ одного имперіала 100, а иногда и 120 коп., какъ мы убѣдились въ свое время на мѣстѣ, сравнивъ вѣсъ имперіала и копеекъ"[3]).

Хотя русскіе обыкновенно привозили себѣ „свѣйскую" мѣдь, но и въ Россіи были мѣдные рудники, о которыхъ говоритъ Кильбургеръ въ IV ч., IV гл. Золотыхъ же и серебряныхъ рудниковъ въ Россіи не было, „хотя и въ кроникахъ писали, что русская земля на золото и серебро урожайная", а если ихъ и находили, то мало, да и къ тому дѣлу русскіе люди не были „промышлены", а иноземцы боялись производить розыски и затрачивать свой капиталъ, опасаясь, что русское правительство можетъ потомъ отнять у нихъ ихъ рудники[4]). Впрочемъ еще въ XVI в. иностран-

1) Родесъ, с.с. 159, 161.

2) Котошихинъ, изд. IV, 1906 г., гл. VII. статья 9, с. 98.

3) Корбъ, с. 214.

4) Котошихинъ, изд. IV, гл. VII, ст. 9, с. 99. Крижаничъ тоже думалъ, что въ Россіи, вслѣдствіе ея равниннаго характера, мало надежды найти „добрыя руды, опрочь желѣза, али и она не бываетъ добра. И мѣдь ся обрѣтаетъ; али чаю вездѣ въ мѣстехъ гороватыхъ и каменныхъ: якоже въ Свѣдскихъ рудокопинахъ; и при Камскихъ горахъ" („Рус. госуд.", № 1, с. 58).

цы говорили, что въ Россіи нѣтъ серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ. Правда, Кампензе (1523—1524 г.г.), упоминая о монетѣ, говорилъ, что у русскихъ въ рудникахъ „нѣтъ недостатка“, подразумѣвая драгоцѣнные рудники [1]), но уже Герберштейнъ отрицалъ это: „Нѣкоторые писали, что въ этой области весьма рѣдко встрѣчается въ изобиліи серебро... Подлинно, эта область не имѣетъ вовсе серебра, за исключеніемъ того, которое... ввозится туда“ [2]). Іовій прямо утверждалъ, что у русскихъ нѣтъ „рудниковъ золота и серебра“, кромѣ желѣза [3]). Барберини увѣрялъ, что въ Россіи не было „ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни свинца, ни олова“ [4]); также по словамъ Д. Принца (1576—1578 г.г.), русскіе „не имѣли никакихъ рудниковъ: ни золотыхъ ни серебряныхъ“ [5]); то же самое слышимъ въ 1661 г. отъ Главинича [6]). Но при Яковѣ Рейтенфельсѣ, „недавно“ царь позволилъ нѣсколькимъ иностранцамъ осмотрѣть за Казанью, по направленію къ Сибири, горы, гдѣ была найдена серебряная и золотая руда [7]), а въ 1674 г. стряпчій Зиновьевъ пріѣхалъ въ Архангельскъ, чтобы ѣхать въ вотчину Кириллова мон., въ волость Умбу и другія мѣста для сыска серебряной и золотой руды [8]). Крижаничу разсказывали, что при Красномъ Яру въ Сибири нашли серебряную руду, давшую при пробѣ восьмую часть серебра [9]). Но въ 1678 г. въ Москвѣ былъ Таннеръ, который не говоритъ объ этомъ: „Еще и понынѣ есть слѣды, что они когда то искали золотой и серебряной руды, но напрасно: все золото и серебро, какое только у нихъ есть, ввозится изъ другихъ странъ“ [10]).

Какъ извѣстно, русскіе не имѣли золотой монеты, а если ее били, то только въ торжественныхъ случаяхъ въ знакъ отли-

1) „Библ. ин. пис. о Рос.“, I, 1836 г., Кампензе, с. 32.
2) Герберштейнъ, с. 89.
3) Іовій, с. 267.
4) „Путеш. въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 г.“, пер. Любича-Романовскаго, Сынъ Отечества, журналъ, П., 1842 г., № 7 (іюль), с. 23.
5) Чтенія, 1876 г., IV, с. 70.
6) Чтенія, 1875 г., I, с. 9.
7) Журн. М. Н. Пр., ч. XXIII, с. 47.
8) Лѣтопись Двинская, сост. Титовымъ, с. 33.
9) „Рус. госуд.“, № 1, с. 59.
10) Чтенія, 1891 г. III, с. 70.

чія, и ее рѣдко можно было встрѣтить въ Россіи (Олеарій, Рейтенфельсъ). Не упомянувъ о золотой монетѣ, Кильбургеръ также не перечислилъ другихъ менѣе употребительныхъ монетъ. Такъ у насъ еще въ концѣ XVII в. въ мелочной расцѣнкѣ считали на „пироги“, „мортки“ и пр., т. е. на денежные знаки равные $^{1}/_{8}$ моск. копейки. Что касается „пулъ“, то онѣ бухарскаго происхожденія, и Дженкинсонъ ихъ встрѣтилъ въ Бухарѣ; это была мѣдная монета (Poole), и 120 ихъ = 12 англійскимъ пенсамъ, причемъ чаще расплачивались ими, чѣмъ серебромъ [1]). При Герберштейнѣ 60 пулъ по стоимости были равны московской деньгѣ [2]). По разсказу англійскаго путешественника Ричарда Джемса, бывшаго въ Архангельскѣ въ 1618—1620 г.г., монета, чеканенная въ Новгородѣ съ изображеніемъ „сабли“, раньше называлась „сабляницей“, а съ перенесеніемъ ея чеканки въ Москву,—„копейкой“; но у новгородцевъ (такъ можно понимать текстъ Джемса) чеканилась еще монета съ булавой, „которую (т. е. булаву) называютъ мечъ“, и это есть, очевидно, мечевая деньга, и эту монету, по перенесеніи ея чеканки въ Москву, стали называть „деньгой московской“ [3]).

Кильбургеръ пишетъ, что 1 копейка есть 56-ая часть рейхсталера, или же = 1 эру серебряной шведской монетѣ. Такое соотношеніе выведено Кильбургеромъ согласно тогдашнему курсу, а именно въ его время въ Москвѣ рейхсталеръ ходилъ по 56—57 копеекъ, какъ онъ самъ удостовѣряетъ въ VI гл. этой же части [4]).

Относительно описанія русской „полушки“, даннаго Кильбургеромъ, слѣдуетъ указать, что онъ для этого, несомнѣнно, воспользовался описаніемъ Котошихина, который писалъ, что на одной сторонѣ полушки изображенъ „голубь“ [5]). Между тѣмъ,

---

[1]) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос.“, с. 50.

[2]) Герберштейнъ, с. 89.

[3]) Нумизматическій Сборникъ, I, М., 1911 г., В. Трутовскій, „Старинныя названія нѣкоторыхъ денежныхъ знаковъ“, с. 557.

[4]) С. 160. Въ 1664 г. въ Швеціи было установлено соотношеніе: 1 рейхсталеръ=52 эрамъ сер. или 130 эрамъ мѣди, дукатъ=100 эрамъ сер. или 250 эрамъ мѣди (Э. Берендтсъ, „Госуд. хоз. Шв.“, П., 1890 г., I, с. 286).

[5]) Олеарій пишетъ: „У нихъ имѣются и болѣе мелкіе сорта монетъ, а именно въ $^{1}/_{2}$ и $^{1}/_{4}$ копейки, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка; ихъ называютъ полушками и московками“ (с. 227), т. е. онъ полушки не-

очевидно, Котошихинъ, какъ замѣчаетъ С. Чижовъ, неправильно назвалъ голубемъ изображеннаго на полушкѣ орла, который однако, дѣйствительно, по первому взгляду скорѣе напоминаетъ голубя, чѣмъ орла [1]).

Русскіе при записываніи на бумагѣ денежныхъ счетовъ иногда пользовались условнымъ обозначеніемъ, размѣщая цифры по клѣткамъ [2]). Въ русскихъ приказахъ, какъ пишетъ Олеарій, было „очень много писцовъ, пишущихъ красивымъ почеркомъ и довольно хорошо обученныхъ, по ихъ способу, счетному искусству. Вмѣсто марокъ для счета, они употребляютъ косточки отъ сливъ, которыя каждый имѣетъ при себѣ въ небольшомъ кошелькѣ“ [3]). Однако Кильбургеръ въ числѣ ввоза упомянулъ 4 ящика счетныхъ пфенниговъ (марокъ) [4]). „Числа они (русскіе), разсказываетъ Корбъ, считаютъ и изображаютъ инымъ, чѣмъ другіе народы способомъ. Они имѣютъ доску, раздѣленную многими рядами зеренъ; пользуясь ими они съ удивительной скоростью достигаютъ очень высокаго и вѣрнаго итога. Этотъ способъ нисколько не разнится отъ счетовъ, которые примѣняютъ обыкновенно и другіе народы, выражая при помощи разнообразнаго размѣщенія костяшекъ различныя числа“ [5]).

Къ главѣ II.

Вѣсъ въ Россіи былъ разнообразенъ. Гривенка равнялась или фунту (въ 96 зол.) или полуфунту (въ 48 зол.), и оба эти

вѣрно приравниваетъ 1/2 коп. Котошихинъ же полушку приравниваетъ 1/4 коп., а поэтому и у Кильбергера полушка=1/4 коп.

1) Въ Нумизматическомъ Сборникѣ, I, на с. 388 С. Чижовъ далъ изображеніе подобной полушки, которую отнесъ ко времени Алексѣя Михайловича. Олеарій помѣстилъ рисунокъ русскихъ монетъ, и какъ москвичъ изо рта выбрасываетъ деньги (с. 228).

2) П. И. Саввантовъ, „Русскій денежный счетъ въ XVI и XVII ст.“, Зап. Имп. Археолог. Общ., т. XI, II., 1865 г., с.с. 609—615.

3) Олеарій, с. 284.

4) С. 125.

5) Корбъ, с. 239. Русскіе считали предметы по сорока и девяноста (а не сотнямъ) и 10 тысячъ называли „тьмой“. При счетѣ они пользовались камешками и кораллами, нанизанными на проволоку и расположенными въ два ряда (Герберштейнъ, с. 90. Коллинсъ, Чтенія, 1846 г., I, с. 21. Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с.с. 158—159).

вѣса встрѣчаются рядомъ въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ безъ всякаго внѣшняго различія, но гривенка въ 96 зол. употреблялась для взвѣшиванія хмела, олова и др. товаровъ, а гривенка въ 48 зол. — для серебра, золота и пр.[1]). Торговецъ Барберини (1565 г.) опредѣленно говоритъ, что жемчугъ, драгоцѣнные металлы, шелкъ, пряности и разные мелочи взвѣшивались въ Москвѣ гривенкой въ 48 зол. (6 золотниковъ=1 унціи), а крупныя вещи—фунтомъ, въ которомъ было 2 гривенки[2]). Зная, что гривенкой въ XVII в. называли фунтъ въ 96 зол. и 48 зол. (скаловая гривенка), мы, очевидно, въ послѣднемъ смыслѣ должны понимать слова Кильбургена, что „Griwencka oder Pfund nennen sie ein ordinaires oder kleines Pfund". Вѣсъ одного золотника указанъ у него (по изданію Бишинга) равнымъ 56-ой части фунта, но это опечатка, такъ какъ должно быть—96-ой части фунта[3]). Ричардъ Джемсъ (1618—1620 гг.) прямо сообщаетъ, что золотникъ есть 96-ая часть фунта, а „грѐвинка"—фунтъ[4]).

Первоначально русскіе имѣли разные вѣсы, но, по указу Алексѣя, „на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и въ иныхъ городахъ учиненъ одинъ вѣсъ, и велѣно купити и продавати рускимъ иноземцомъ въ тотъ одинъ вѣсъ, а разныхъ вѣсовъ, большихъ и малыхъ, не указано"[5]). Кильбургеръ однако не упоминаетъ о всѣхъ названіяхъ вѣса, которыя еще въ его время знала Россія, напр., объ ансырѣ, которымъ мѣрялся шелкъ, и безмѣнѣ, которымъ взвѣшивался воскъ; самъ Кильбургеръ въ своихъ рос-

[1]) Напр., опись 116 г., Временникъ, VIII, с.с. 34—35. Торговая книга, тамъ же, с.с. 9—10, Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. Общ., I, отд. III, с. 114 („Въ фунтѣ одна большая гривенка, а малыхъ въ фунтѣ 2 гривенки, а золотниковъ 96 золотниковъ въ фунтѣ").

[2]) Сынъ Отечества, 1842 г., № 7, с.с. 47—48.

[3]) Напр, въ янв. 1674 же года была куплена дюжина достакановъ „вѣсомъ въ 5 фунтовъ 69 золотниковъ съ 1/2 зол." (Р. Ист. Библ. XXIII, с. 206), а въ 1644 и 1654 г.г. датскій королевичъ и шведы поднесли серебряный кубокъ золоченый въ 4 ф. 56 зол., серебряный разсольникъ въ 2 ф. 56 зол. и пр. (С. Н. Кологривовъ, „Матеріалы для ист. сн. Рос. съ иностранными державами въ XVII в.", П., 1911 г., с.с. 116, 139), т. е. фунтъ не могъ равняться 56 зол.

[4]) Нумизмат. Сборникъ, I, М., 1911 г., с. 557.

[5]) К. Якубовъ, сборн. мат. по ист. снош. „Рос. и Шв.", с. 133, наказъ русскимъ 1649 г.

писяхъ европейскихъ товаровъ считаетъ золото и серебро на литры [1]). Русскіе не знали кантаровъ, или нѣмецкихъ безмѣновъ, съ нарѣзанными на желѣзѣ числами, съ подвижнымъ желѣзнымъ вѣскомъ и съ крючками, висящими на цѣпяхъ; русскій же безмѣнъ былъ „грубый домашній“, которымъ легко было обманывать [2]).

Что касается сравненія русскаго вѣса съ иностраннымъ, то Павелъ Алеппскій сравнилъ его съ турецкимъ: такъ какъ русскій пудъ=40 фунтамъ, а 1 ф.=133 драхмамъ, то „пудъ= полнымъ 13 константинопольскихъ окамъ“ [3]). Юль сличилъ его съ датскимъ вѣсомъ: „Обыкновенный нарвскій или шведскій фунтъ, которымъ взвѣшиваютъ грубый товаръ, на одинъ квинтинъ легче датскаго фунта, (употребляемаго) для взвѣшиванія серебра. Нарвскій же или шведскій фунтъ для взвѣшиванія серебра, а также мелкаго товара, на 3 лота и одинъ квинтинъ легче датскаго фунта для взвѣшиванія серебра. Русскій же фунтъ, какъ для взвѣшиванія грубаго товара, такъ и для взвѣшиванія серебра, одинъ (и тотъ же) и на $4^1/_2$ лота легче датскаго, (употребляемаго) золотыхъ дѣлъ мастерами. Русскій фунтъ содержитъ 96 русскихъ золотниковъ“; „...я нашелъ, что русскій лисфунтъ, заключающій въ себѣ *30* фунтовъ, равенъ датскому, т. е. 16-ти (датскимъ) фунтамъ; нарвскихъ же или шведскихъ фунтовъ въ датскомъ лисфунтѣ содержится $17^3/_4$“ [4]). Кильбургеръ же приравнивалъ пудъ 2 лисфунтамъ, или 40 фунтамъ, т. е. лисфунтъ имѣлъ 20 фунтовъ [5]). Родесъ въ

---

[1]) Древній ансырь бухарскій=128 зол., а во время Торговой книги также былъ („нынѣшній“) ансырь въ 96 зол. (По книгамъ перс. товаровъ 1674—1675 г.г., ансырь=гривенкѣ, фунту. Рус. Ист. Библ., XXIII, с.с. 1577—1579). Безмѣнъ=$2^1/_2$ фунтамъ (240 зол.) (Вѣсъ по безмѣнамъ воска: Приходная книга Богословской церкви 1653—1656 г.г., Рус. Ист. Библ., XII, с.с. 276—290). Литра=72 зол. (Торговая кн., Зап. Отд. рус. и сл. арх. И. Арх. О., I, отд. III, с.с. 114. П. Савваитовъ, „Русскій денежный счетъ..“, Зап. Имп. Археол. Общ., XI, с. 614).

[2]) Крижаничъ, „Рус. госуд.“, № 1, с. 52.

[3]) П. Аллепскій, в. III, с. 70.

[4]) Чтенія, 1899 г., II, с.с. 79—80, 82.

[5]) По нѣмецкому тексту Эверса донесенія Родеса о торговлѣ (S. 242): „die Pudo, soviel als 2 Ltѣ,..“. Этого объясненія нѣтъ по нашему изданію (Родесъ, с. 151, 13 строка сверху: „Пудъ шелка...“; ср. с. 213, прим. 24). „По нѣмецки пудокъ полпуда московскаго тянетъ“ (Торговая книга, Зап. Отд. р. и сл. арх. И. А. О., I, с. 120).

1652 г. доносилъ, что русскій пудъ содержитъ по голландскому вѣсу $33^1/_2$ фунта, и это вполнѣ соотвѣтствуетъ показанію Кильбургера о вѣсѣ русскаго пуда въ Гамбургѣ [1]).

Но чему равнялся въ Нарвѣ русскій пудъ по имѣющемуся у насъ экземпляру изданія Бишинга, нельзя сказать, потому что въ изданіи произошла въ данномъ мѣстѣ типографическая неясность: $3\frac{3}{\cdot 4}$ ф., въ то время, какъ въ самомъ дѣлѣ это число должно соотвѣтствовать $34^3/_4$ (въ нашемъ же текстѣ перевода и въ примѣчаніи къ нему—157 мы передали эту цифру черезъ $3^3/_{14}$ что, конечно, является въ дѣйствительности невѣрнымъ) [2]).

Къ главѣ III.

О мѣрахъ сыпучихъ тѣлъ и длины лишь немногіе иностранцы сообщаютъ данныя, и поэтому извѣстія Кильбургера по этому вопросу имѣютъ большую цѣнность.

Четверть, мѣра сыпучихъ тѣлъ, была разнаго вѣса. Въ 1615 г. (123 г.) томскіе служилые жаловались, что „хлѣбного жалованья намъ, холопемъ государевымъ, прежде сего съ Руси приходило въ наши оклады на прошлые годы четь муки по пяти пудъ съ четью и по семи пудъ съ четью, а крупъ и толокна по тому жъ. А нынчи государевъ запасъ приходитъ малъ, четь муки по три пуда и по четыре, а крупъ четь и толокна по тому жъ“ [3]). Въ 1649 г. шведы просили у русскихъ „дать имъ у Архангельского города ржи, а имать бы хлѣбъ по пяти пудъ четверть...“ [4]). Н. Оглоблинъ привелъ роспись 164 г. переложенія четей, осминъ и т. д. на вѣсъ, согласно чему четверть=4 пудамъ 23 гривенкамъ съ полугривенкой [5]).

---

[1]) Родесъ, с. 123.

[2]) Въ нѣкоторыхъ другихъ экземплярахъ изданія Бишинга (напр., Библ. Рум. Музея, гдѣ имѣется нѣсколько его экземпляровъ) упомянутая дефектная цифра оттиснута болѣе ясно и несомнѣнно есть 4.

[3]) Г. Катанаевъ, „Зап.-сиб. казачество“, в. I, П., 1908 г., с.с. 100—101.

[4]) К. Якубовъ, сборн. матеріаловъ о „Рос. и Шв.“, с.с. 233—236.

[5]) „Обозрѣніе ст. и книгъ Сиб. пр.“, ч. III, М., 1900 г., с.с. 277 и 71, челобитныя устюжскихъ, еренскихъ, соликамскихъ и др. земскихъ вла-

Въ 1678 г. въ Холмогорахъ и въ Архангельскѣ „хлѣбная мѣра была учинена меньше старой, противъ московскія мѣры“ [1]). Въ 1711 г. Юль вымѣрилъ русскій четверикъ и узналъ, что четверикъ=26 датскимъ литрамъ и 2 пэлямъ, а отсюда русская четверть (8 четвериковъ)=212 литрамъ, между тѣмъ какъ датская=всего 144 литрамъ [2]).

Три московскія четверти, какъ пишетъ Кильбургеръ, равнялись двумъ новгородскимъ, т. е. новгородская четверть была больше московской (иначе говоря, 1 новг. четв.=$1^1/_2$ моск. четв.), съ чѣмъ не соглашался Никитскій [3]). Но псковская четверть, по указанію Кильбургера же, въ свою очередь была немного больше московской, а еще немного больше псковской была печорская. Такимъ образомъ, самая малая четверть была московская, а самая большая—печорская (zu Petzur).

—

стей и всѣхъ волостныхъ людей, 164—168 г.г.

Четь = 4 п. 23 гривенки съ полугривенкой.
Осмина = 2 п. 12 гр. безъ чети.
Пол-осмины = 1 п. 5 гр. 84 зол.
Четверикъ= — 22 гр. 90 зол.
. . . .
Третникъ = 1 п. 21 гр. 16 зол.
Пол-третника = — 30 гр. 56 зол.
. . . .

[1]) Лѣтопись Двинская А. А. Титова, М., 1889 г., с. 39.

[2]) Чтенія, 1899 г., Ш, с. 294. Флетчеръ (с.с. 11, 44) приравнивалъ четверть „почти тремъ англійскимъ бушелямъ“, „или нѣсколько менѣе“.

[3]) Никитскій („Къ вопросу о мѣрахъ въ др. Руси“, Ж. М. Н. Пр., 1894 г., апр., с.с. 393—394) утверждалъ, что новгородской четверти никогда не было и „не могло быть, вопреки свидѣтельству Кильбургера, и въ XVII ст. Это ясно теоретически, но мы можемъ представить и документальныя доказательства, что и во II половинѣ XVII в. въ Новгородѣ господствовала московская таможенная мѣра и что съ 1624 г. она не подвергалась никакимъ измѣненіямъ. Въ 1672 г. именно новгородскіе стрѣльцы жаловались государю, что со времени польскаго похода неправильно уменьшено жалованье, и просили, чтобы это хлѣбное жалованіе по прежнему выдавалось въ московскую таможенную мѣру, которая была прислана въ Новгородъ въ таможню еще въ 1624 г.“. Однако уже самый фактъ, что стрѣльцы въ 1672 г. жаловались (Доп. къ Ак. Ист., IV, № 52) на перемѣну мѣры показываетъ, что въ Новгородѣ пользовались разными четвертями. Ключевскій не подвергалъ сомнѣнію извѣстія Кильбургера о размѣрѣ четвертей и доказывалъ существованіе въ Новгородѣ нѣсколькихъ четвертей („Русскій рубль XVI—XVII в.“, Чтенія, 1884 г., I или „Опыты и изслѣдованія В. Ключевскаго“, I, М., 1912 г., с.с. 130, 133).

Печора, упомянутая Кильбургеромъ, лежала вблизи Пскова, почему Кильбургеръ и сравниваетъ псковскую четверть съ печорской. Спутникъ Кильбургера Пальмквистъ, при проѣздѣ черезъ эту Печору, снялъ ея виды и даже планъ. Это былъ торговый пунктъ, а также крѣпость. Въ 1618 г. шведы предложили „всѣмъ псковичамъ, такожъ и печерскимъ и гдовскимъ, всего псковского княжества, ...с юрьевскими ливонского и с лиолянскими, которые поданные корунѣ польской, въ ссылкѣ не быти... и не торговати и не съѣзжатися..., а торговали бъ они послѣ сего въ Иванѣ городѣ да в Ругодіевѣ". На это русскіе имъ отвѣтили, что „псковичи и печерскіе люди съ Ригою и с иными лиолянскими и курляндскими городами" взаимно торгуютъ и этого нельзя запретить [1]). Мейербергъ въ своемъ альбомѣ ничего не говоритъ о торговлѣ Печоры: „Печора (Pitschur), монастырь и городокъ въ Бѣлой Россіи, принадлежащій великому князю московскому. Монахи пользуются имъ, но должны содержать солдатъ и отбывать службу начальству. Онъ находится въ 3 миляхъ отъ Нейгаузена. Это первый пограничный городъ, встрѣченный нами: за одну милю отъ него находится граница между Россіей и Лифляндіей... Вышеозначенный замокъ построенъ изъ камня" [2]). Около монастыря, какъ видно по альбому, раскинулась деревня. Голландецъ Стрюйсъ обратилъ вниманіе (1668 г.) на большое торговое значеніе Печоры (Pitsiora): „Печоры—небольшое, но очень удобное село, которое лежитъ первымъ при въѣздѣ изъ Ливоніи въ Московское государство. Населеніе въ немъ живетъ въ достаткѣ, а хорошая почва даетъ ему возможность вести торговлю. Лишь только жители узнали о нашемъ прибытіи, какъ пришли освѣдомиться, нѣтъ ли у насъ для продажи жемчуга или брилліантовъ. Этотъ вопросъ заинтересовалъ насъ и побудилъ погулять по селу, гдѣ мы увидали такіе же лавки и магазины, какъ въ самыхъ большихъ городахъ. Подивившись видѣнному, я спросилъ у нихъ о томъ, какое бы употребленіе они сдѣлали изъ шелковыхъ и узорчатыхъ тканей. На это они отвѣчали мнѣ, что продаютъ товары во сто разъ дороже ко двору царя, средоточію богатствъ; что они ѣздятъ туда отъ времени до времени и возвращаются весьма довольные своей поѣздкой" [3]).

---

[1]) К. Якубовъ, матеріалы по ист. „Рос. и Шв.", с. 87.

[2]) „Альбомъ Мейерберга... Объяснительныя примѣчанія...", П., 1903 г., рис. 4, с. 10.

[3]) Русскій Архивъ, 1880 г., I, с. 20.

Ластъ—мѣра ёмкости, а не вѣса, имѣла разный вѣсъ, смотря по роду товара. Поэтому Кильбургеръ говоритъ, что ластъ соли=13—13$^{1}/_{2}$ или 14 шиф.; смотря по тому, бѣлая ли она или черная. Въ княженіе Іоанна III, какъ жаловались новгородцы, нѣмцы привозили въ Новгородъ ластъ соли по „90 пудовъ московскихъ, а въ иномъ менши, а напередъ того въ ласту приходило по 100 пудовъ и по 120" [1]). По Торговой книгѣ, „въ ластѣ 12 бочекъ, а бочка по 6 пудъ, а всего въ ластѣ 72 пуда" [2]). Хлѣбъ, вывозимый за границу, тоже считался на ласты. Въ Данцигѣ въ ластѣ считалось 120 пудовъ. Въ отчетѣ Бурха и Фелтдриля 1630—1631 г.г. сказано, что „19 или 20 такихъ (т. е. московскихъ) четвертей составляетъ ластъ"; однако въ этомъ же отчетѣ всѣ дальнѣйшіе переводы четвертей на количество ластовъ совершаются, принимая ластъ=20 четвертямъ; такое же соотношеніе (ластъ хлѣба=20 четвертямъ) видимъ и изъ другихъ памятниковъ [3]). Для болѣе поздняго времени находимъ у Юля (1711 г.) интересныя свѣдѣнія въ его „спискѣ ластовъ для русскихъ судовъ", гдѣ указано, какое количество русскихъ товаровъ приходится на одинъ ластъ [4]).

---

[1]) Карамзинъ, „Ист. госуд Рос.", VI, прим. 421.
[2]) Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Арх. Общ., I, II., 1851 г., отд. III, с. 114.
[3]) Сб. Имп. Р. Ист. О., т. 116, с. 64. Родесъ, с. 212.
[4]) Поташа 120 пудовъ.
Вайдаша 6 кадей.
Юфти на Амстердамъ и Ливурно—60 свертковъ.
Лосиныхъ кожъ 70 штукъ.
Соленыхъ кожъ 60 штукъ.
Высушенныхъ кожъ 200 штукъ.
Малыя того же 60 штукъ.
Карлукъ мѣшками или 6 кадей.
Сало 120 пудовъ.
Щетина 6 кадей или пудами.
Большія рогожи 400 штукъ.
Малыя того же 600 штукъ.
Кульки 600 штукъ.
Лошадиные хвосты и гривы 60 пудовъ.
Деготь 14 тоннъ.
Русская пряжа 60 пудовъ.
Льняное сѣмя } 16 четвертей.
Рожь }

Мѣры длины—аршинъ и локоть встрѣчаемъ въ памятникахъ вмѣстѣ, напр., въ новгородской описи имѣнія Татищева 116 г. матеріи мѣрялись на локти и аршины [1]). По указанію Торговой книги, „мѣра сукнамъ у многихъ на печатяхъ подписана: любскіе локти, смѣчать ихъ въ аршинный счетъ, въ 25 локтяхъ вымѣрить русскихъ 43 аршина, а нѣмцы мѣрятъ сукна по спинѣ, а по нашему по-русскому мѣряти подлѣ покроми, ино прибудетъ всего у аршина на полвершка"; „аршинъ 16 вершковъ, саженъ 3 аршина, локоть 10 вершковъ и $^{2}/_{3}$ вершка, 2 аршина будетъ 3 локтя" [2]). При Алексѣѣ Михайловичѣ повсемѣстно были введены

Русскія матеріи 6 тючковъ въ 500 локтей (каждый?).

Полотно 6.600 (локтей).

Шелкъ, съ кипы.

Брюшки сибирскихъ бобровъ, съ тючка.

Бобровая шерсть, съ корзиночки (? carpie).

Мѣха тючками, смотря по величинѣ, или по 6-ти кадей (Чтенія, 1899 г., III, с. 316).

Указаніе Юста Юля, что на ластъ ржи приходится 16 четвертей, расходится, какъ видимъ, съ вышеприведенными нами данными, что, очевидно, зависитъ отъ происшедшаго измѣненія въ вѣсѣ четверти. По Коммерческому словарю I. Сенигова, П., 1898 г., ластъ—единица куб. мѣры лѣса = 80 кб. футовъ, корабельная мѣра = 200 кб. футовъ, на 1 корабл. ластъ обыкновенно считается 120 пудовъ или меньше (100, 80 и 60 пудовъ) брутто товара.

Иностранцы говоря, что вывезено столько-то тоннъ хлѣба или другого товара, подъ словомъ тонна подразумѣвали четверть или бочку. Бочки были разнаго вѣса. Бочки поташа, отпускаемаго изъ Архангельска, вѣсили среднимъ 50 пудовъ безъ дерева (Родесъ, с. 210). Для своихъ погребовъ русскіе дѣлали бочки громадной величины. Въ винномъ погребѣ Троицкаго монастыря были „бочки неизмѣримой величины; нѣкоторыя имѣли по 3 и болѣе аршинъ въ высоту и 2 и больше аршинъ въ діаметрѣ на днѣ; каждая бочка содержала отъ 6 до 7 тоннъ" (Неизвѣстный англичанинъ, Чтенія, 1884, IV, с.с. 23—24).

Свинья была другой неопредѣленной мѣрой. Свиньями привозили къ намъ свинецъ, а иногда пряденый шелкъ (см. росписи Кильбургера. с. 131, прим. 111). Костомаровъ говоритъ, что въ 10 свиньяхъ свинца было $82^{1}/_{4}$ пуда („Оч. торг. М. госуд.", П., 1889 г., с. 225). По нашимъ свѣдѣніямъ, въ 1 свиньѣ было среднимъ около 4 пудовъ (М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., $\frac{7161}{1653}$—$\frac{7162}{1653}$ г.г., № 37, л.л. 197—198).

[1]) Временникъ, VIII, Смѣсь.

[2]) Зап. Отд. р. и сл. арх..., с.с. 120, 115. По тексту болѣе древней рукописи, изданной въ Временникѣ Им. М. Общ. Ист. и Др. Рос., 1850 г.,

желѣзные аршины съ орломъ въ видѣ клейма; „старые же аршины подъ угрозой большой пени были воспрещены“ [1]).

Кильбургеръ даетъ чертежъ мѣры длины, показывая, чему равнялся въ его время рижскій, ревельскій и другіе локти. Но чертежъ, находящійся у Бишинга, отличается недостатками, потому что не имѣетъ всѣхъ тѣхъ дѣленій, на которыя ссылается въ текстѣ Кильбургеръ [2]). Однако возникаетъ вопросъ, насколько вѣренъ въ изданіи Бишинга самъ чертежъ? Сравнивая его съ болѣе полной вольфенбиттельской рукописью, находимъ тамъ совершенно другой размѣръ и безъ недостатковъ, такъ какъ на немъ нанесены всѣ дѣленія. Приводимъ тутъ же его снимокъ. Размѣръ его, какъ видно, значительно короче, чѣмъ у Бишинга, и равняется длинѣ послѣдняго отъ цифры 1 до 5, а кромѣ того, распредѣленіе (соотвѣтственное) дѣленій совершенно не сходится. Если взять длину четверти русскаго аршина, обозначенную по изданію Бишинга, и увеличить ее въ четыре раза, чтобы получить размѣръ цѣлаго аршина, получимъ мѣру почти равную нашему современному русскому аршину. Если же возьмемъ четверть аршина по масштабу вольфенбиттельской рукописи, получимъ русскій аршинъ равный $12^{1}/_{4}$ вершка, современнаго намъ [3]).

VIII, с. 14, напечатано не 25 локтей, а 52, т. е. цифры переставлены: „Мѣра сукнамъ у многихъ на печатѣхъ подписывано любскіе лохки, смѣчать ихъ в аршинной счетъ, въ 52 локтѣхъ русскихъ вымѣритъ 43 аршины, а нѣмци сукна мѣрять по спинѣ, а по нашему меряти подле покроми, ино прибудетъ всего у аршина на пол вершка“.

[1]) Олеарій, с. 264.

[2]) Языковъ въ своемъ переводѣ совсѣмъ не помѣстилъ этого чертежа, а только текстъ, который при такихъ условіяхъ является непонятнымъ и загадочнымъ.

[3]) Замѣтимъ, что на чертежѣ вольфенбиттельской рукописи не показано дѣленіемъ, гдѣ нужно считать начало мѣры, а стоитъ только цифра 1; основываясь на томъ, что остальныя цифры поставлены какъ разъ надъ дѣленіями, слѣдуетъ думать, что и подъ цифрой 1 тоже должно быть дѣленіе, и поэтому именно отъ 1 нужно считать начало мѣры, а не отъ начала самой линіи.

У насъ еще есть, хотя и отъ болѣе поздняго времени, другія чертежи, оставленные намъ Юлемъ[1]), который сравнилъ (1709 г.) свой датскій локоть съ иностранными; при этомъ для каждаго локтя онъ рисовалъ отдѣльную линію, но мы для удобства соединили всѣ его данныя въ одну линію, нанеся на нее соотвѣтствующія дѣленія. По объясненію этого иностранца:

Четверть ($^1/_4$) зеланскаго (датскаго) локтя равняется всей линіи: 1—10.

Датскій локоть короче нарвской мѣры, на которую продаютъ полотно, на 1—2.

Датскій локоть короче		брабантскаго	локтя	на	1—3
„	„	голландскаго	„	„	1—4
„	„	русскаго аршина		„	1—5
Но датскій локоть длиннѣе		нарвскаго	локтя	на	1—6
„	„	гамбургскаго	„	„	1—7
„	„	любекскаго	„	„	1—8
„	„	ревельскаго	„	„	} 1—9
„	„	рижскаго	„	„	

Изъ „Словаря коммерческаго“ XVIII в. узнаемъ, что локоть, которымъ пользовались во многихъ странахъ, вмѣсто аршина, имѣлъ (локоть простой) 10 вершковъ, локоть ревельскій—13, рижскій—$13^1/_2$, а парижскій—26 вершковъ[2]).

Къ главѣ IV.

О фрахтѣ находимъ извѣстія у Родеса. Онъ въ 1653 г. въ донесеніи шведской королевѣ проводилъ мысль, что русскіе выиграли бы, перенеся торговлю изъ Архангельска на Балтійское море, чего такъ сильно хотѣла Швеція. Отъ перевода сюда торговли, писалъ Родесъ, русскіе меньше тратились бы на провозъ и дру-

[1]) Чтенія, 1899 г., II, с.с. 73—74.
[2]) „Словарь коммерческій“, пер. Левшинымъ, IV, с. 305.

гія издержки, путь былъ бы безопаснѣе, потому что на Сухонѣ опасные пороги, на С. Двинѣ не менѣе злополучныя мели, около Архангельска волненія, корабли нагружаются вдали отъ берега, такъ какъ около него мелко; для торговли мало времени, потому что, при наступленіи холодовъ, корабли должны быстро уходить, чтобы не быть разбитыми льдомъ; на самой же Двинѣ и Сухонѣ приходится перегружать суда, смотря по характеру воднаго пути; противъ теченія нужно съ трудомъ тянуть суда; обмелѣніе и зима иногда застаютъ ихъ въ пути, гдѣ и приходится зимовать; бываютъ и крушенія на порогахъ и подводныхъ камняхъ и т. п. Путь же изъ Москвы къ Балтійскому морю гораздо удобнѣе, безопаснѣе, короче, дешевле, лишь бы привести дороги въ хорошее состояніе. Въ подкрѣпленіе своей мысли Родесъ привелъ таблицу расходовъ при перевозкѣ товаровъ по бѣломорскому и балтійскому путямъ [1]). Кильбургеръ и тутъ остался вѣренъ себѣ и заимствовалъ у Родеса, что ему казалось нужнымъ, при чемъ онъ, какъ часто вообще поступалъ, сдѣлалъ эти данныя лишь болѣе растяжимыми. Напримѣръ, Родесъ въ своей таблицѣ обозначилъ: „Фрахтъ отъ Новгорода до Ніенъ съ пуда лѣтомъ—4 коп., зимой—3½ коп.“, а у Кильбургера читаемъ: „Отъ Новгорода до Ніенъ зимою отъ 3 до 3½ копеекъ, лѣтомъ отъ 4 до 5 копеекъ“. Конечно, это не можетъ служить указаніемъ, что данныя Кильбургера невѣрны, потому что цѣны, бывшія при Родесѣ, могли въ дѣйствительности быть и при Кильбургерѣ, который вообще самъ собралъ много матеріала, дополняя лишь недостающія свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ. Сходныя цифры укажемъ слѣдующія:

	Отъ Москвы до Вологды.		Отъ Вологды до Архангельска.	
	Лѣтомъ.	Зимой.	Лѣтомъ.	Зимой.
Родесъ . . .	15 к.	4 к.	4, 6 и 10 к.	25 к.
Кильбургеръ . .	15	4	15	25

Данныя Кильбургера отъ Вологды до Архангельска оттого не вполнѣ сходятся съ Родесомъ, что Кильбургеръ ошибся и привелъ тотъ фрахтъ, который указанъ Родесомъ отъ Архангельска до Вологды, а именно: лѣтомъ—15 коп., зимой—25 коп. Такимъ об-

[1]) Родесъ, с.с. 191, 193, 179. Журн. М. Нар. Пр., 1912 г., № 3, „Донесенія Родеса...“, с. 99.

разомъ, Кильбургеръ, говоря, что лѣтній фрахтъ отъ Вологды до Архангельска (т. е. внизъ по теченію рѣки) стоилъ 15 коп., ошибается, потому что этотъ фрахтъ былъ отъ Архангельска до Вологды (т. е. противъ теченія, почему и дороже), а отъ Вологды до Архангельска нужно было платить за пудъ всего по 4, 6, 10 коп., такъ какъ товары шли по теченію. Но въ дѣйствительности платили и меньше. Такъ въ 1673 г. за провозъ 10.000 пудовъ желѣза (купленнаго у П. Марселиса для постройки архангельскихъ гостиныхъ дворовъ) „съ Москвы до Вологды извощикомъ дано (по зимнему пути) по 9 денегъ съ пуда", а отъ Вологды до Архангельска на дощаникахъ по 4 деньги съ пуда (просили же по 6 денегъ) [1]).

По показанію Кильбургера, на сани въ одну лошадь клали грузъ въ 30 пудовъ и меньше [2]), но намъ извѣстно, что клали и больше и меньше. Именно въ 1662 г., чтобы не отягощать лошадей чердынскихъ ямщиковъ, было велѣно соликамскому воеводѣ класть, согласно прежнему, на сани по 20 пудовъ, а на телѣгу—15 пудовъ, потому что служилые люди злоупотребляли и клали „клади болшіе, пудовъ по 30 и по 40 и болши, а къ Москвѣ возятъ съ собою рыбы и иные клади тяжелые; а подводы наймуютъ на Верхотурской волокъ рублевъ по 7 и по 8 и по 10 и болши, а вешней послѣдней путь и по 12 рублевъ, и отъ тяжелыхъ де кладей на Верхотурскомъ волоку на крутыхъ подъемахъ лошади надсажаюца и падутъ" [3]). Въ 1690 г. приказано накладывать тульскаго желѣза путемъ „зимнимъ по 20 пудъ съ саньми, а лѣтнимъ—по 15 пудъ съ телѣгой" [4]). Такимъ образомъ, зимою 20, а лѣтомъ 15 пудовъ можно считать нормальной кладью на одну лошадь.

Къ главѣ V.

Пошлины съ товаровъ вмѣстѣ съ конфискованными товарами, по словамъ Рейтенфельса, приносили царю „гораздо болѣе"

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист., VI, с. 141.

[2]) Именно 3 шиффунта нарвскаго вѣса, и, если русскій пудъ будемъ считать равнымъ въ Нарвѣ 34¾ ф. (см. ч. Ш, гл. II и „Объясненія и дополненія" къ ней, с. 377), это составитъ около 26 п.

[3]) Доп. къ Ак. Ист., IV, с.с. 268—269.

[4]) Чтенія, 1913 г., Ш, Смѣсь, с. 2.

доходовъ, чѣмъ другіе налоги, хотя съ кабаковъ получался еще большій доходъ [1]). Прежде московское правительство опредѣляло правила взиманія пошлинъ посредствомъ заключенныхъ съ отдѣльными державами договоровъ, но въ XVII в. видимъ усиленное стремленіе съ его стороны систематизировать свое пошлинное законодательство и выработать общія правила для всѣхъ иностранцевъ и русскихъ. Для этого пришлось вести борьбу съ иностранцами за уничтоженіе ихъ привилегій и между прочимъ съ Швеціей, которая къ концу XVI в. заключила съ Россіей выгодный для себя въ торговомъ отношеніи Тявзинскій договоръ и поэтому въ теченіе XVII в. добивалась отъ Россіи его исполненія.

Тявзинскій миръ былъ постановленъ въ 1595 г. между Россіей и Швеціей „близъ Нарвскаго озера, на сторонѣ Ивань-города, въ Тявзинѣ“ [2]); русскіе и шведы взаимно имѣли право ѣздить съ товарами въ Швецію и Россію и при этомъ „платить пошлину со своихъ товаровъ одинаково, какъ тѣ, такъ и другіе“, но самый размѣръ пошлинъ не былъ указанъ [3]). Впослѣдствіи (напр., въ 1617 г.) шведы часто ссылались на этотъ актъ, домогаясь, чтобы все было большею частью, „какъ де мирное постановленіе было въ Тявзинѣ“ или какъ „въ Тявзинѣ лѣта 1595 договореноея“ [4]). Столбовскій договоръ подтвердилъ Тявзинскій, и обѣ стороны могли вольно и безъ помѣхи торговать въ Россіи и Швеціи [5]), но шведамъ потомъ не разъ прихо-

---

[1]) Чтенія, 1905 г., III, с.с. 109—110. Царь, писалъ также Коллинсъ, получалъ съ таможенъ „чрезвычайно великую сумму“ (Зап. М. Арх. Инст., XV, с. 153. Рус. Вѣстн., 1841 г., № 9, с. 568).

[2]) Тявзинъ (Теузинъ), по мнѣнію академика Кеппена, есть нынѣшняя дер. Извозъ (по-фински Tiesun), Петр. губ., Ямбургскаго у., въ 20 верстахъ на с.-з. отъ уѣзднаго города, при р. Лугѣ (Энц. слов. Брокгауза). Въ 1616 г. шведы требовали между прочимъ отъ русскихъ островъ Тявзинъ (Teusin), лежащій при устьѣ Наровы, между Флюгомъ (Vluga) и Лоппи (Loppi)“, предлагая за него „20 боченковъ золота“ (Отчетъ нидерландскихъ посланниковъ 1615—1616 г., Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., XXIV, с.с. 254—256).

[3]) Переводъ шведскаго подлинника договора въ Чтеніяхъ, 1868 г., II, Смѣсь, сообщ. А. Чумикова. См. Родесъ, с. 235, прим. 46.

[4]) К. Якубовъ, с.с. 8, 58 и др.

[5]) П. С. З., I, № 19, с.с. 178, 185. Выписка изъ мирнаго договора между русскими и нѣмцами относительно торговли въ Швеціи и Москвѣ помѣщена, по-нѣмецки, въ Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, Pet., 1848, p.p. 242—244.

дилось указывать русскимъ, что они не соблюдаютъ Тявзинскаго договора. Шведы именно потому всегда ссылались на миръ въ Тявзинѣ, что, согласно ему, было постановлено взимать съ обѣихъ сторонъ пошлины въ одинаковомъ размѣрѣ, но русская таможенная политика въ XVII в. неуклонно возвышала русскія пошлины, а Швеція, наоборотъ, стремилась для развитія своей торговли понизить свои пошлины, и поэтому требовала, чтобы и русскіе взимали пошлины въ размѣрѣ равномъ шведскимъ пошлинамъ. Однако русскіе обыкновенно отвѣчали, что всякій государь воленъ въ своей землѣ дѣлать, что угодно, и король тоже можетъ, если ему желательно, возвысить свой тарифъ [1]). И даже болѣе: царь въ 1674 г. выражалъ сильное недовольство, что шведы самовольно „пошлину с нашихъ, царского величества, подданныхъ изволили збавить в прошломъ въ 1668 году“ [2]).

Притѣсненія въ русско-шведской торговлѣ существовали съ обѣихъ сторонъ. Но шведскіе ученые склонны считать стѣсненія, причиняемыя русскими, чрезвычайными, между тѣмъ какъ шведы не препятствовали русской торговлѣ. Шведское правительство весьма заботилось о развитіи съ Россіей торговли, которая для Швеціи была особенно важна главнымъ образомъ изъ-за провоза персидскаго шелка [3]). Поэтому оно внимательно относилось къ таможенной борьбѣ. По заявленію шведовъ, они раньше не платили пошлинъ, но со времени ц. Михаила съ нихъ стали брать съ вѣсчихъ товаровъ 4½%, съ невѣсчихъ 3½%, а при Алексѣ русскіе еще болѣе стѣснили ихъ торговлю. Шведскіе послы въ 1656 г. жаловались, что за рейхсталеръ русскіе даютъ, вмѣсто 50 коп., 45 коп., а часто совсѣмъ ихъ не принимаютъ или же цѣнятъ по вѣсу; особенно шведовъ обвѣшиваютъ на товарахъ въ Псковѣ; таможенные сборы безпричинно повышаются, въ то время какъ русскіе ничего не платятъ, торгуя въ Ревелѣ, Нарвѣ и Ніенѣ, и только когда русскіе отправляютъ свои товары изъ этихъ городовъ въ Стокгольмъ или въ другіе города, уплачиваютъ лишь разъ пошлину въ 2%; поэтому русскимъ слѣдовало бы вернуться къ таможенному тарифу 1595 г. (т. е. взимать съ обѣихъ сто-

---

[1]) Родесъ, с. 207.
[2]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., шв. д., кн. 93, л. ѾКА.
[3]) Э. Берендтсъ, „Госуд. хоз. Шв.“, П., 1890 г., I, с. 250.

ронъ одинаковый размѣръ пошлинъ); теперь шведы имѣютъ право торговать только въ Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ, а между тѣмъ по Тявзинскому и другимъ договорамъ они получили право торговать во всѣхъ городахъ; воеводы своевольничаютъ, судятъ шведскихъ купцовъ, задерживаютъ ихъ, не выдавая паспортовъ (проѣзжихъ грамотъ), а за паспорты взимаютъ большія суммы и т. п. [1]). Послѣ Кардискаго мира 1661 г. нѣкоторое время шведская торговля не испытывала стѣсненій. Напримѣръ, въ 1662 г. новгородскій воевода велѣлъ игумену Свирскаго монастыря наблюдать за порядкомъ торговли шведскихъ купцовъ на Александросвирской ярмаркѣ, чтобы шведовъ пропускали по имѣющимся уже у нихъ проѣзжимъ грамотамъ, вѣрно вѣсили товары, справедливо брали въ пошлину еоимки и допускали шведовъ къ воеводамъ лично подавать жалобы. Согласно Кардискому миру, русскіе могли торговать во всѣхъ шведскихъ городахъ (въ Стокгольмѣ, Ригѣ, Выборгѣ, Ругодивѣ, Ижерѣ, Корелѣ, Канцахъ и др. лифляндскихъ, финскихъ и шведскихъ городахъ), шведы же въ свою очередь также могли торговать въ Россіи, „гдѣ имъ годно, в каково время ни случится, лѣтомъ и зимой", особенно въ Москвѣ, В. Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ, Холмогорахъ, Тихвинѣ, Александровой пустыни и въ иныхъ во всѣхъ городахъ [2]). Но скоро снова слышимъ прежнія сѣтованія шведовъ. Они жаловались, что возы съ ихъ товарами часто вскрывались на дорогахъ, отчего товары портились, за талеры давали 48 коп. и даже 46, 45, 44 коп.; уплата пошлины требовалась русской мелкой монетой, а если она производилась еоимками и дукатами, то русскіе скидывали 25% ихъ цѣнности; съ цѣлью отрѣзать шведскихъ купцовъ отъ Балтійскаго моря, русскіе требовали въ Новгородѣ архангельскую и проѣзжую пошлины; царь то стѣснялъ, то разрѣшалъ шведскую торговлю; онъ монополизировалъ ее, заставляя шведскихъ купцовъ торговать только съ его купцами и факторами; шведы не имѣли права, находясь въ

---

[1]) Родесъ, с.с. 207, 235—236, прим. 51.

[2]) Такая же память относительно объявленія торговли въ Тихвинѣ со шведами была дана Тихвинскому монастырю въ 1662 г. Доп. къ Ак. Ист., IV, № 115, с.с. 269—272, № 117, с.с. 273—274.

Россіи, торговать съ иностранцами, какъ только за вновь введенную пошлину въ 10% [1]). Такъ какъ, по силѣ Торговаго устава 1667 г. (7 мая), иноземцамъ въ Москвѣ и въ другихъ русскихъ городахъ была строго запрещена розничная продажа [2]), это подало Швеціи поводъ въ 1669 г. (177 г.) сдѣлать Россіи представленіе, что „въ торговле с стороны царского в-ства после мирного договору противно чинится, потому что вновь уставъ учиненъ и заказано въ городѣхъ и въ уѣздехъ с приѣзжими людьми торговать, а велено тѣхъ городовъ зъ жителями торговать и продавать товаръ оптомъ и вольность вся отнята, которая была послѣ войны немногое время, и наложена незвычайная великая пошлина: со 100 рублевъ емлютъ блиско 30 рублевъ, а напередъ сего было толко по 8 рублевъ“ [3]). Были жалобы и на случайные запреты. Такъ одинъ шведъ купилъ въ Псковѣ 200 бочекъ извести, сложилъ ее на судно, но вдругъ ему запретили вывезти ее за границу, хотя раньше „всегда пропущали безъ задержанія“, и только благодаря его жалобѣ, въ іюлѣ 1675 г. было приказано пропустить известь, взявъ съ нея пошлину [4]). Когда въ 1674 г. въ Москвѣ были шведскіе послы, они предъявили русскимъ рядъ подобныхъ жалобъ на стѣсненія шведской торговли и старались доказать цифрами, что русскіе облагаются пошлинами въ Швеціи меньше другихъ [5]). Послы также переслали русскимъ заявленіе, подданное имъ тогда бурмистрами и ратманами Канцъ, которые писали, что, когда торговцы Канцъ въ этомъ году поѣхали по своимъ торговымъ дѣламъ на ярмарку въ Тихвинъ, русскіе не давали имъ торговать, даже арестовали ихъ людей, а на Лавѣ не хотѣли ихъ пропустить въ Канцы, требуя проѣзжіе листы, и когда

[1]) Г. Форстенъ, „Сп. Шв. и Рос. во II пол. XVII в.“, Ж. М. Н. Пр, 1898 г., февр., с.с. 255—257. „Жалоба на притѣсн. русскими шведскихъ купцовъ, поданная барону и послу госп. Спарре“, сообщ. А. Чумиковъ, Чтенія, 1901 г., IV, Смѣсь, с.с. 18—24.

[2]) С. Гос. Гр. и Дог., IV, № 55, п.п. МК, ПГ. П. С. З., I, № 408, п. 42, с. 684.

[3]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., шв. д., реестръ II, 7181—1673 и 7182—1674 г.г., № 6, св. 111. „Выписка изъ грамотъ, присланныхъ въ его ц. в.-ству отъ шведскаго короля о мирныхъ договорахъ, о межѣ, о полонянникахъ, о торговлѣ и о долгахъ“.

[4]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 88, л.л. 37—38.

[5]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 95, л. 267. См. соотвѣтствующее приложеніе.

шведы показали проѣзжія, выданныя имъ въ Канцахъ, „целовалникъ на тѣ проѣзжія плюнулъ“, требуя проѣзжей, выданной изъ Новгорода; шведскіе купцы также жаловались, что царь приказалъ русскимъ продавать шведамъ товаръ только крупными партіями[1]). Шведы, отправленные Швеціей на пограничный съѣздъ 1676 г., должны были указать русскимъ, что систематическое повышеніе московскихъ пошлинъ уже достигло 16%, считая и транзитную, не говоря уже о неслыханныхъ пошлинахъ на вино—до 60%[2]). Объ этой „чрезвычайной“ пошлинѣ пишетъ и Кильбургеръ, но при немъ заграничные товары уже не распечатывались на русской границѣ, и иностранецъ только долженъ былъ заявить количество и родъ своихъ товаровъ, послѣ чего на нихъ лишь накладывалась таможенная печать. Это дѣлалось съ цѣлью, чтобы иностранцы, проѣзжая по Россіи въ тотъ городъ, гдѣ они хотѣли торговать, не продавали по дорогѣ своего товара, который вѣдь еще не былъ осмотрѣнъ; по пріѣздѣ же въ желаемый пунктъ, таможенныя власти вскрывали тюки и сличали, насколько купецъ вѣрно опредѣлилъ количество и родъ товаровъ.

Вышеприведенныя жалобы раздавались со стороны шведовъ на русскую торговую политику. Русскіе же въ свою очередь горько сѣтовали на притѣсненія, которымъ они подвергались въ шведскихъ владѣніяхъ. Напримѣръ, въ 1647 г. они указывали на злоупотребленія шведовъ въ Ригѣ[3]). Въ 1673 г. русскіе пограничные жители были опрошены московскимъ правительствомъ объ обидахъ, нанесенныхъ имъ шведами. Нѣкоторые заявили, что имъ не уплачено за товаръ, другіе, что у нихъ отнятъ товаръ, что, работая на шведскихъ мызахъ, имъ не уплатили денегъ и

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 93, л.л. ѵ҃ѯв—ѵ҃ѯє. См. соотвѣтствующее приложеніе. Шведскій псковскій комиссаръ сообщилъ посламъ, что товаровъ, приходившихъ изъ Риги въ Псковъ, не пропускаютъ въ Москву, а если и пропускаютъ, то съ нихъ берутъ большія пошлины. Въ числѣ политическихъ жалобъ были также касающіяся бѣгства: изъ города Яма шведскія власти донесли, что „мужики многіе бѣжатъ“ на русскія земли, такъ что, если это не прекратится, и русскіе воеводы не будутъ противодѣйствовать этому, „у насъ (шведовъ) ни одного мужика не останетца“ (Тамъ же, л. ѵ҃ѯл и об.).

[2]) Г. Форстенъ, „Сн. Шв. и Р.“, Ж. М. Н. Пр., 1899 г., іюнь, с. 311.

[3]) Г. Форстенъ, „Сн. Шв. и Р.“, Ж. М. Н. Пр., 1898 г., февраль, с. 212.

т. п. Но были города, напримѣръ, псковскіе прирубежные пригороды—Гдовъ, Изборскъ, Островъ, которые совсѣмъ не имѣли жалобъ на шведовъ [1]). Также были опрошены торговые люди новгородской и псковской областей и они между прочимъ жаловались, что „въ Стекольнѣ повольного торгу нѣтъ, в рознь ничево продавать не даютъ и съ иноземцами, которые въ Стеколне пріѣзжаютъ и ихъ свѣйские иногородные уѣздные люди, и имъ съ тѣми пріѣзжими людьми торговать не даютъ и малыхъ статей, а велятъ торговать в неволю съ тутошными посадскими людми грунымъ дѣломъ, а в рознь ничего не смѣть“ [2]). Впрочемъ русскіе тоже не позволяли иностранцамъ торговать въ Россіи въ розницу, а только оптомъ [3]). Въ 1676 г. русскіе жаловались, что они терпятъ въ Стокгольмѣ убытки, шведы не предоставили имъ дворовъ въ Стокгольмѣ (онъ то былъ, но внѣ города и на низинѣ, такъ что товары подмачивались во время дождя), Ригѣ (тутъ тоже былъ дворъ, но въ верстѣ отъ города), Колывани и Ругодивѣ; сверхъ пошлинъ, берутъ постоялое въ недѣлю по 13 алтынъ 2 деньги съ человѣка, съ работниковъ по 5 алт. 2 деньги, а между тѣмъ по Кардискому договору въ этихъ городахъ русскимъ должны быть отведены дворы; шведы имѣютъ свой дворъ въ Москвѣ—въ Бѣломъ городѣ, и съ нихъ не берутъ постоялаго, какъ и въ Псковѣ, гдѣ тоже имѣютъ дворъ и не платятъ постоялаго. Въ 1681 г. въ Стокгольмѣ было болѣе 40 русскихъ купцовъ, которые заявили, „что въ торговомъ дѣлѣ, будучи въ Стекольнѣ, передъ прежнимъ чинится великая обида... и ни во что ихъ русскихъ людей не ставятъ“ [4]).

Такимъ образомъ, русскіе и шведы, каждые со своей точки зрѣнія, имѣли основанія быть недовольными другъ другомъ.

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 89. (Книга содержитъ сказки псковичей и уѣздныхъ людей объ обидахъ, учиненныхъ имъ шведами. 7181—1673 г.).

[2]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 90. (Сказки новгородцевъ, ладожанъ и тихвинцевъ о торговыхъ обидахъ со стороны шведовъ. 7181—1673 г.).

[3]) А. Мулюкинъ, „Очерки по ист. юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ въ Моск. госуд.“, Одесса, 1912 г., с. 23.

[4]) Е. Е. Замысловскій, „Снош. Рос. со Шв. и Даніей...“, Рус. Вѣстн., 1889 г., январь, с.с. 10—11, 20, 27.

Взиманіе пошлинъ производилось сложнымъ путемъ. Первоначально проѣздъ черезъ Новгородъ требовалъ меньшей уплаты русскихъ пошлинъ, но послѣ половины XVII в. новгородская пошлина была уравнена съ архангельской. Введеніе новаго Торговаго устава 1667 г. еще болѣе ухудшило положеніе иностранцевъ и легло тяжелымъ бременемъ на ихъ товары. Напрасно они протестовали противъ него. Такъ Кленкъ просилъ „новой торговой вредной уставъ отставить, которой по се время малой образъ в пошлинахъ царского величества казнѣ", но только ко вреду послужилъ, разоренію русскихъ торговцевъ и ихъ промысловъ и „ко отгнанию всякихъ чюжеземцовъ точию х корысти нѣкоторого числа самолюбивыхъ человѣкъ" [1]). Систему взиманія пошлинъ въ 1653 г. дастъ намъ Родесъ [2]), а для болѣе поздняго времени находимъ свѣдѣнія объ этомъ у Юста Юля. Хотя Юль говоритъ о пошлинахъ въ свое время (1711 г.), однако нарисованная имъ картина таможенныхъ сборовъ можетъ служить поясненіемъ къ словамъ Кильбургера (1674 г.).

Согласно Юлю, русскій купецъ, покупая въ Архангельскѣ у иностранца товаръ, уплачивалъ въ таможню русскими деньгами 5% со всей затраченной суммы; потомъ, привезя свой товаръ въ Москву или какой-нибудь другой городъ, гдѣ онъ хотѣлъ торговать, купецъ платилъ снова 5%, а продавъ товаръ,—еще 5%, т.е. всего 15%.

Иностранный же купецъ былъ обложенъ другой пошлиной. Пріѣхавъ съ товарами въ Архангельскъ, онъ могъ тамъ продать ихъ, но если не хотѣлъ этого сдѣлать, уплачивалъ въ таможню 10%, при чемъ подсчетъ процентовъ производился на рубли, однако уплачивался непремѣнно species-рейхсталерами, а species-рейхсталеръ русское правительство считало равнымъ всего 50 коп.; но если у иностранца не было species-рейхсталеровъ, онъ долженъ

---

1) „Посольство К. ф.-Кленка", Введеніе, с.с. LXXV—LXXVI.

2) О пошлинахъ черезъ Архангельскъ и Балтійское море по даннымъ Родеса говорится въ нашей статьѣ: „Донесенія Родеса и архангельско-балтійскій вопросъ въ половинѣ XVII вѣка", Ж. М. Нар. Пр., 1912 г., мартъ (№ 3). Олеарій въ изданіи 1656 г. писалъ: „Теперь купцы, какъ русскіе, такъ и иностранные, должны платить въ Архангельскѣ и въ Астрахани 5 со 100, что составляетъ за годъ большую прибыль" (с. 228).

былъ платить рубль за каждый species-рейхсталеръ; такимъ образомъ, купецъ обязанъ былъ уплатить 20 рейхсталеровъ въ счетъ 10% пошлины. Въ дѣйствительности же рейхсталеръ стоилъ не 50 коп., а цѣлый рубль, т. е. иностранецъ, платя 20 рейхст., въ самомъ дѣлѣ платилъ 20 рублей, иначе говоря, не 10%, а 20%. Далѣе, иностранецъ, привезя товары въ Москву или другой городъ, въ которомъ думалъ торговать, платилъ 6%, но уже русскими деньгами, а продавъ товаръ, — еще 5%, тоже русскими деньгами. Итакъ, купецъ за все въ дѣйствительности платилъ: 20% + 6% + 5% = 31% со стоимости товара, а не 10% + 6% + 5% = 21%, какъ можно было бы подумать на первый взглядъ, и какъ оффиціально считало само русское правительство. Отсюда видимъ, что туземный купецъ всего платилъ 15% со стоимости товара, а иностранный—31%, „т. е. болѣе, чѣмъ вдвое больше". „Чтобы избавиться отъ такой огромной пошлины, иностранные купцы почти всегда ввозили товаръ въ Москву и другіе русскіе города, выдавая себя за русскихъ купцовъ", т. е. платя всего 15% пошлинъ. При Юлѣ, какъ и при Кильбургерѣ, если иностранцы вывозили русскіе товары изъ Россіи, они платили пошлины (но уже только 4% рублями съ переводомъ ихъ на рейхсталеры, т. е. съ товаровъ въ 100 рублей—8 рейхст.) лишь съ суммы, оставшейся за вычетомъ той суммы, на какую иностранецъ ввезъ въ Россію свои товары; пошлина съ ввезенныхъ товаровъ платилась въ Архангельскѣ только послѣ ихъ продажи и закрытія рынка, которое бывало лишь къ Новому Году [1]).

Пошлины на вино прежде были не велики. Но Торговый уставъ 1667 г. удостовѣряетъ фактъ, что вина и другіе напитки, по сравненію съ прежнимъ, „гораздо много привозятъ", отчего казенной монополіи причинялся большой убытокъ. Поэтому государь велѣлъ брать съ винъ болѣе высокія пошлины, чѣмъ съ другихъ товаровъ, и тутъ же уставъ даетъ таксу пошлинъ на вина [2]). Бруинъ сообщаетъ, что „съ 1667 по 1699 г. платили по 20 рикссталеровъ съ боченка", а съ 1699 г. всего по 5 рст., но съ боченка водки—36 рст., а съ пипы (въ 2 боченка)—40 рст. [3]). Въ 1711 г.,

---

[1]) Чтенія, 1899 г., III, с.с. 318—321.
[2]) С. Гос. Гр. и Дог., IV, № 55, п. ЙХ.
[3]) Чтенія, 1872 г., I, с. 30.

какъ только свозили въ Архангельскѣ вино съ судна, независимо отъ того, продано ли оно или нѣтъ, бочка французскаго вина оплачивалась 5 рст., бочка французской водки—12 рст., пипа венгерскаго вина (Sec)—36 рст.; кромѣ того, при продажѣ ихъ съ нихъ взималось то же, что и при продажѣ другихъ товаровъ, т. е. съ русскаго купца 5% (рублями), а съ иностранца—10% (рейхсталерами), „обращающихся для него въ 20%" (рублями); при ввозѣ вина въ другіе города съ него взимались остальныя слѣдуемыя пошлины; только съ одного краснаго вина всѣхъ сортовъ не взималось никакой пошлины, потому что оно шло на причастіе, отчего и было въ Россіи гораздо дешевле остальныхъ [1]).

Архангельская таможня вызывала постоянныя заботы московскаго правительства. Для улучшенія внѣшней торговли архангельскія таможенныя власти должны были слѣдить, чтобы иностранцы не продавали поддѣльнаго и плохого товара, а русскіе, въ свою очередь, привозили бы товары только хорошіе и вѣсили и считали бы вѣрно. Для точной регистраціи иноземцы должны были всѣ проданные ими товары, кромѣ водки и вина, „записывать въ таможнѣ въ книги имянно прямой цѣною всякой товаръ почему будетъ проданъ" [2]). Таможенныя власти были обязаны вести подсчетъ сбора пошлинъ, недоимокъ и отдавать объ этомъ отчеты по истеченіи каждаго года. Въ 1674 г. таможенныя недоимки были слѣдующія:

За 142 г. съ голландца Елисѣя Ульянова съ товарищи на прикащикѣ его голл. Корнилѣ Корниловѣ за гречневую крупу и просо—57 р. 1 д.

За 143 г. на голл. Петрѣ Деладалѣ за сѣмя льняное, купленное въ Архангельскѣ—22 р. 27 а. пошлинъ

За 144 г. на вологжанинѣ Агѣйкѣ Мартемяновѣ Крутковѣ съ тов.—14 р. 7 а. 1 д.

За 156 г. на голл. Филимонѣ Филимоновѣ сынѣ Акемѣ, на Еромѣѣ Андреевѣ сынѣ Ѳелцелѣ—60 р. 30 а. 1 д. На Елисѣѣ Филимоновѣ сынѣ Акемѣ—30 р. 19 а. 2 д.

За 157 г. на ладожанинѣ Ѳедькѣ Кондратевѣ—2 р. 6 а. $^1/_2$ д.

---

1) Юстъ Юль, Чтенія, 1899 г., III, с. 320.

2) Торговый уставъ 1667 г., С. Г. Гр. и Дог., IV, № 55, п.п. ме, мз.

За 158 г. на гол. Романѣ Романовѣ, Иванѣ Андріяновѣ —1 р. 30 а. 4 д.

За 160 г. на даниловцѣ Ѳедосѣйкѣ Мосѣевѣ—1 р. 9 а. 1 д.

За 162 г. на Ненилѣ Денисовой, сестрѣ моск. иноземца Андрея Виніуса, и на гол. Еремѣѣ Фантроинѣ—94 р, 10 а. 1 д. На ярославцѣ Гришкѣ Фокинѣ—32 а. 5 д, устюжанинѣ Исачкѣ Шелыхановѣ—3 р. 13 а. ½ д.

А всего пошлинныхъ недоимокъ „со 142 году по 163 годъ—289 р. 20 а. 1 д., и тѣхъ денег взять нѣ на комъ...“ [1]).

Это количество невзысканныхъ недоимокъ за указанный періодъ должно быть признано незначительнымъ, по сравненію со всей суммой взысканныхъ за это время пошлинъ.

Сборъ самихъ пошлинъ колебался, и архангельская таможня обязана была въ своихъ отчетахъ оправдываться въ случаѣ недобора сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Такъ таможенныя власти сообщили въ Москву, что въ 1647 г. „торговыхъ и промышленныхъ людей на Колмогоры въ пріѣздѣ осенью передъ прошлыми годы гораздо было мало“ съ Мурманскаго берега, а изъ Устюга, изъ Поморскихъ волостей и съ Новой Земли даже „не было нисколько“ [2]). Но на такія причины недобора иногда изъ Москвы слѣдовалъ строгій выговоръ, что это неправда. Въ архангельскихъ отчетахъ иногда встрѣчаемъ указанія на цѣлый рядъ причинъ недобора. Напримѣръ, въ корабельную пристань 178 г. у гостя Ив. Климшина учинился недоборъ въ 2.545 р. 32 а. 2½ д., и у него, какъ узнаемъ изъ своднаго отчета о пошлинномъ сборѣ въ Архангельскѣ, въ росписи было написано:

1) Въ 177 г. у таможеннаго сбора гость Ѳедоръ Юрьевъ бралъ амбарщину съ товаровъ, лежавшихъ въ новопостроенныхъ казенныхъ амбарахъ, а въ 178 г. было велѣно не брать этой амбарщины.

2) Въ прошломъ 177 г. пришло къ Архангельску 47 англійскихъ, голландскихъ, гамбургскихъ и бременскихъ кораблей со многими товарами, а въ нынѣшнемъ 178 г. къ Архангельску прибыло всего 30 кораблей и при томъ еще съ „самымъ малымъ числомъ, а иные в томъ числѣ корабли были і бес товаровъ“.

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., арх. кн., № 8, л.л. 12—22 об.

2) Доп. къ А. Ист., III, с.с. 117—118.

3) У Архангельска въ 178 г. не было нѣкоторыхъ иноземцевъ и ихъ прикашиковъ.

4) Въ 177 г. иноземцы вывезли изъ верховыхъ городовъ черезъ Архангельскъ за море 776 бочекъ поташа и много иныхъ русскихъ товаровъ, а въ 178 г. не покупали поташа, а русскихъ товаровъ изъ верховыхъ городовъ иноземцы везли малое число.

5) Въ 177 г. иноземцы покупали много сала, ворвани и кожъ ворванныхъ, а въ 178 г. купили мало, и то дешево, ворваннаго сала.

6) „За плохими торгами“ въ нынѣшнемъ 178 г. въ Архангельскѣ было весьма мало всякихъ русскихъ товаровъ, по сравненію съ прошлымъ годомъ, и иностранцы торговали съ русскими только до Семена дня, а послѣ—ничѣмъ не торговали, такъ что осталось много русскихъ товаровъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, непроданными [1]).

Отсюда видно, насколько просты были объясненія гостей происшедшихъ при нихъ недоборовъ, и какъ они часто считали слѣдствіе причиной уменьшенія пошлиннаго сбора: первопричину имъ еще было трудно уловить. Но другіе гости иногда вовсе не указывали причинъ недобора, и, напримѣръ, въ сводномъ отчетѣ 1678 г. читаемъ, что въ корабельную пристань 186 г., по сравненію съ прошлымъ годомъ, былъ недоборъ въ 17.776 р. 12 а. 1 д., но что въ таможенныхъ книгахъ и въ росписи гость Ст. Горбовъ не написалъ, отчего учинился этотъ недоборъ [2]).

Размѣръ архангельскихъ пошлинъ, по извѣстіямъ путешественниковъ, былъ очень великъ. Олеарію „разсказывалъ видный нѣмецкій купецъ въ Москвѣ, что главный торговый городъ Архангельскъ однажды въ теченіе одного года далъ невѣроятное количество денегъ, а именно триста тысячъ рублей, т. е. шесть тоннъ золота“ [3]). Однако истинный смыслъ этого извѣстія Олеарія намъ удается вполнѣ раскрыть, благодаря его критическому разбору. Въ самомъ дѣлѣ, Олеарій писалъ и обрабатывалъ II изданіе сво-

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., арх кн., № 5, 7178 — 1670 г., л. л. 26 — 31.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., арх. кн., № 13, 7186—1678 г., л. л. 25 — 26.

[3]) Олеарій, с. 258.

его сочиненія въ 1654 г., а всего годъ до этого, въ 1653 г., Родесъ доносилъ шведской королевѣ, что московское правительство продаетъ всѣ свои казенные товары только за рейхсталеры, и, „по самому точному разслѣдованію, оказывается, что уже нѣсколько лѣтъ получается ежегодно свыше 600.000 специесъ-рейхсталеровъ“, (а когда нѣтъ вывоза хлѣба—всего 150.000 рейхсталеровъ) [1]). Несомнѣнно, что „видный нѣмецкій купецъ“, жившій въ Москвѣ, и слыхалъ объ этомъ, т. е. что казенная торговля, которая производилась именно черезъ Архангельскъ, доставляла казнѣ ежегодный доходъ въ 300.000 руб. (=600.000 рейхст.); онъ и сообщилъ Олеарію, что Архангельскъ приноситъ казнѣ 300 т. рублей, но Олеарій ошибочно подумалъ, что казна получаетъ эти деньги съ Архангельска въ качествѣ пошлинъ [2]). Извѣстіе, что Архангельскъ приноситъ 300 т. р. пошлинъ, съ легкой руки Олеарія повторяютъ его преемники, напр., Рейтенфельсъ [3]) и Койэтъ [4]). Корбъ также сообщаетъ о невѣроятномъ доходѣ съ таможенъ [5]). Но на рубежѣ XVII—XVIII ст. Корнилій де Бруинъ уже опровергаетъ это неосновательное мнѣніе: „Говорили прежде, что доходы эти (съ Архангельска) простирались до 300.000 рублей, но это невѣрно; я нашелъ по точнымъ справкамъ, что въ прошлое время они не выходили за 180 или 190 тысячъ рублей“, а въ „нынѣшній годъ“ (1701 г.) ожидали, что пошлинъ получится до 130 тыс. рублей [6]). Но и даже цифры Бруина нужно считать весьма преувеличенными.

---

[1]) Родесъ, с. 159.

[2]) Нельзя предположить, что упомянутый Олеаріемъ купецъ самъ думалъ, что это—доходъ съ пошлинъ, а не съ казенной торговли. Если объ этомъ зналъ шведъ Родесъ, постоянно жившій въ Москвѣ, то и другіе московскіе иностранцы, тѣмъ болѣе купцы, должны были объ этомъ знать и этимъ интересоваться, потому что они вели торговлю черезъ Архангельскъ. Олеарій же, какъ не торговый человѣкъ, конечно, могъ быть введенъ въ заблужденіе и приписать доходъ съ русской казенной торговли пошлинному сбору съ Архангельска.

[3]) Чтенія, 1905 г., III, с. 109.

[4]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 491.

[5]) „Первой доходной статьей (царя) является пошлина отъ Астраханской и Архангельской гавани, отъ чего, какъ говорятъ, царь извлекаетъ ежегодно десятъ милліоновъ имперіаловъ“. За имперіалъ русскіе тогда давали 50—55 коп., т. е. 10 мил. имп.=5 мил. руб. (Корбъ, пер. Маленна, 1905 г., с. 212; пер. Женева и Семевскаго, 1869 г., с. 250).

[6]) Чтенія, 1872 г., I, с. 29.

Изъ пограничныхъ городовъ Архангельскъ въ XVII в. давалъ наибольшое количество таможенныхъ пошлинъ [1]). Точныя свѣдѣнія объ ихъ размѣрахъ даетъ Кильбургеръ за 1654—1673 г.г. [2]). При этомъ авторъ иногда сообщаетъ сборъ вмѣстѣ съ писчими деньгами [3]). Въ сохранившихся книгахъ, въ которыхъ дѣлались сводки по таможенному управленію Архангельска (М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., архангельскія книги), сборъ осенній и зимній всегда отдѣлялся отъ лѣтняго, и общій итогъ не выводился. Можно полагать, что и у Кильбургера его данныя касаются только лѣтняго сбора, какъ это несомнѣнно видно по даннымъ 1670 и 1673 г.г. [4]). Осенніе и зимніе сборы въ Архангельскѣ рѣдко превышали тысячу рублей. Такъ осенью и зимою 1668—1669 г.г. было собрано болѣе 718 р., 1669—1670 г.г.—1.075 р., 1671—1672 г.г.—2.472 р., 1672—1673 г.г.—946 р., 1673—1674 г.г.—1.567 р., а въ послѣдующіе годы эти сборы достигали большею частью всего нѣсколькихъ сотъ рублей. Лѣтніе же сборы исчислялись уже десятками тысячъ, и, по ежегоднымъ отчетамъ архангельскихъ таможенныхъ гостей, общій итогъ таможенныхъ поступленій въ теченіе лѣта равнялся:

1669 г. (177 г.)—69.224 р. 28 а. $1^1/_2$ д. (Арх. кн., № 5, л. 23).
1670 г. (178 г.)—66.678 р. 29 а. 1 д. (Тамъ же).

---

[1]) Таблица таможенныхъ сборовъ Архангельска за 1614—1694 г.г составлена А. Изюмовымъ: „Размѣры русской торговли XVII в. черезъ Архангельскъ въ связи съ необслѣдованными архивными источниками“, Архангельскъ, 1912 г. (Извѣстія Арханг. Общ. изуч. Русскаго Сѣвера, 1912 г., № 6, с.с. 250—258 и отд.).

[2]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с.с. 56—58.

[3]) 13 авг. 1646 г. на Двину изъ Новгородскаго приказа за подписью думнаго дьяка Алмаза Иванова было написано: „На Двинѣ у Архангелсково города в корабленую пристань і на Колмогорах в таможнях таможенные дьячки емлютъ со всяких торговых людей писчую денгу большую і тѣмъ в-ого г-я таможенному збору чинят убыль немалую, а торговым людем убытки болшие, а в Великомъ Новгороде и в ыных во многих городѣх дают таможенным дьячком жалованье, а писчую денгу збираютъ на в-ого г-я, и у Архангелского города таможенным дьячком велено давать ево в-ого г-ря жалованья іс писчей денги по 100 рублев на годъ, а писчую денгу велено збирать на в-ого г-я, а буде таможенные дьячки сверхъ г-ва жалованья учнутъ с торговыхъ людей писчее збирать і про них велено, сыскивая, имъ чинить наказанье“. 21 мая 1673 г. приказано давать имъ жалованья лишь 70 рублей въ годъ (Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., арх. кн., 7182—1674 г., № 8, л.л. 145—147).

[4]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с. 58.

1671 г. (179 г.) — 61.550 р. 11 а. $2^1/_2$ д. (Арх. кн., № 6, л.л. 21—22).
1672 г. (180 г.) — 70.068 р. 28 а. $5^1/_2$ д. (Арх. кн., № 7, л. 30 и сл.).
1673 г. (181 г.) — 51.597 р. 20 а. „ (Арх. кн., № 8, л. 31 и об.).
1674 г. (182 г.) — 75.243 р. 7 а. $3^1/_2$ д. (Тамъ же, л. 32 об.).
1675 г. (183 г.) — 80.931 р. 5 а. $4^1/_2$ д. (Арх. кн., № 9, л. 30 и сл.).
1676 г. (184 г.) — 82.180 р. 14 а. $3^1/_2$ д. (Арх. кн., № 11, л. 37).
1677 г. (185 г.) — 82.359 р. 30 а. 2 д. (Тамъ же).
1678 г. (186 г.) — 64.582 р. 18 а. 1 д. (Арх. кн., № 13, л.л. 20—22).

Данныя Двинской лѣтописи объ архангельскихъ сборахъ съ 1688 г. совпадаютъ съ архивными, и, согласно этой лѣтописи, пошлины достигали такихъ предѣловъ:

1688 г.—82.600 р. 22 а. $1^1/_2$ д.
1689 г.—84.937 р. 19 а. 3 д.
1690 г.—80.751 р. 27 а. $2^1/_2$ д.
1691 г.—82.803 р. 19 а. $2^1/_2$ д.
1692 г.—84.970 р. 8 а.
1694 г.—80.274 р. 17 а. [1]).
1700 г.—95.122 р. 13 а. 4 д. [2]).

Обозрѣвая эти сборы за II половину XVII ст., видимъ ихъ въ общемъ незначительный ростъ. Въ самомъ дѣлѣ, по таблицѣ Кильбургера, уже въ 1658 г. и 1660 г. архангельскій доходъ достигалъ около 90 т. р., потомъ же понизился и только въ 1700 г. поднялся до 95 т. р. [3]). Такимъ образомъ, намъ не приходится говорить о быстромъ послѣдовательномъ увеличеніи архангельскихъ пошлинъ въ теченіе второй половины XVII ст., но, если сравнимъ размѣръ этихъ пошлинъ со сборами I половины этого же столѣтія, не можемъ не замѣтить, какъ они страшно быстро, за

---

1) Но по сборнымъ книгамъ арханг. головы съ товарищами, бывшихъ въ 202 г. у Архангельскаго города въ корабельную пристань, „пошлинъ и пищихъ денегъ мелкими деньгами и золотыми и ефимками написано въ сборѣ 66.237 р. 16 алт. полтретьи деньги“ (Доп. къ Акт. Ист., XII, № 81, с.с. 384—386).

2) Лѣтопись Двинская А. А. Титова, М., 1889 г., с.с. 54, 56, 61, 62, 71, 115.

3) Костомаровъ („Оч. торг. Моск. гос.“, изд. II, с. 87), ссылаясь на перечн. роспись тамож. сбора, хранящ. въ рукоп. въ Румянц. музеѣ, писалъ, что доходъ, доставляемый архангельской таможней, до 1689 г. не превышалъ 72.000 рублей, такъ какъ въ перечневыхъ росписяхъ этого года говорится, что до такой суммы сборъ не доходилъ въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ со времени установленія Новоторговаго устава, а въ слѣдующіе годы сумма увеличилась до 74.936 р., но затѣмъ стала падать. Это мнѣніе Костомарова, какъ видимъ, ошибочно.

какое-нибудь десятилѣтіе, возросли. Именно въ 1640—1645 г.г. пошлины въ Архангельскѣ простирались отъ 22 т. до 33 т. р.[1]), но съ 1650-хъ г.г. произошелъ (правда съ колебаніями) сильный скачокъ на повышеніе: въ 1651 г. Архангельскъ далъ болѣе 59 т.[2]), 1656 г.—63 т., 1658 г.—91 т., но въ 1660 г.—89 т. р., а въ слѣдующіе годы еще меньше[3]). Этотъ несомнѣнный ростъ пошлинъ главнымъ образомъ былъ обусловленъ новой торговой политикой московскаго правительства съ половины XVII в., началомъ чему послужило отнятіе привилегій у иностранцевъ.

Къ главѣ VI.

Торговля дукатами, рейхсталерами и другими иностранными монетами имѣла для московскаго правительства большое значеніе, потому что только этимъ путемъ оно получало возможность чеканить свою монету. Кампензе считалъ, что „Московія весьма богата монетой..., ибо ежедневно привозятъ туда изъ всѣхъ концовъ Европы множество денегъ за (русскіе) товары", и „къ тому же вывозъ золота и серебра за предѣлы государства строжайше запрещенъ"[4]). По свидѣтельству Герберштейна, русскіе не чеканили золотыхъ монетъ, а обыкновенно пользовались венгерскими, иногда рейнскими золотыми; также они пользовались рижскими рублями (=2 московскимъ); иностранные товары большею частью состояли

[1]) Согласно таблицѣ А. Изюмова. Въ 1614 г. собрано пошлинъ болѣе 9 т., 1621 г.—20 т., 1625 г.—15 т., 1631 г.—32 т., $163^5/_6$ г.—31 т. р.

[2]) Родесъ, с.с. 226—227.

[3]) Въ 1661 г.—84 т. р. пошлинъ, 1662 г.—58 т. р., 1663 г.—61 т. р., 1664 г.—71 т. р., 1665 г.—66 т. р. и т. д. Коллинсъ писалъ, что „въ прошломъ году торговля не процвѣтала въ Москвѣ, по причинѣ послѣдней войны, которая истощила двѣ пятыхъ ея населенія. Кромѣ новыхъ пошлинъ, которыя ввели, не переставали отбирать товаровъ силой, платя мѣдной монетой. Это обезцѣнивало товары на 99 процентовъ до тѣхъ поръ, пока серебро, сильно поднявшееся въ цѣнѣ, не спустилось до своей обыкновенной стоимости. Это разорило много частныхъ купцовъ и повергло ихъ въ столь великое отчаяніе, что нѣкоторые повѣсились, а другіе пропили свое состояніе и умерли отъ пьянства" (Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с.с. 175—176. Рус. Вѣстн., 1841 г., № 9, с.с. 591—592).

[4]) „Библ. ин. пис. о Р.", I, Кампензе, с. 32.

изъ серебряныхъ слитковъ, суконъ и пр.; серебряная монета, которую русскіе тогда чеканили была изъ чистаго хорошаго серебра, хотя уже тогда ее стали поддѣлывать[1]). Барберини слыхалъ, что все иностранное золото царь скупалъ за хорошую цѣну, „потомъ кладетъ его въ сундукъ, и уже никто больше того не видитъ"; изъ Австріи и Польши купцы привозили „чрезвычайное множество талеровъ монетой" для покупки русскихъ товаровъ, и эти талеры русскіе тотчасъ же „расплавливали и перечеканивали" въ свою монету-деньгу[2]).

Дукатомъ русскіе обыкновенно называли червонецъ. Дукаты были простые (обыкновенные, ординарные) и двойные. Обыкновенный венгерскій дукатъ долженъ былъ вѣсить 0,818 зол., а двойной—1,636 зол. Цѣнность ихъ въ XVII в. была различной. При Маржеретѣ дукатъ цѣнился въ 54—63 коп., при Мейербергѣ (1661 г.) давали за него 94 коп., въ 1672 г.—1 р. 10 коп. и т. д. Кромѣ этихъ монетъ, въ Россіи ходили нобели, реалы, энджелсы (корабельники); реаломъ и корабельникомъ въ половинѣ XVII в. называли двойной червонецъ[3]). Русскіе ввозили въ Персію монету большею частью въ дукатахъ[4]).

Рейхсталеры, или, иначе говоря, еѳимки, приносили русской казнѣ, при перечеканкѣ, большую прибыль[5]). У Мейерберга въ альбомѣ есть изображенія цѣлыхъ рейхсталеровъ, клейменныхъ, четвертныхъ и др. московскихъ монетъ (рис. 61, 62). Рейхсталеры также считались на боченки (тонны, бочки), и „1 бочка золота"= 100.000 рейхсталеровъ, т. е. 50.000 рублей[6]). Цѣнность рейхс-

---

1) Герберштейнъ, с.с. 89—90.

2) Сынъ Отечества, журналъ, 1842 г., № 7, с.с. 23—24 („Путеш. въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 г.", пер. Любича-Романовича).

3) Прозоровскій, „Монета и вѣсъ въ др. Россіи до конца XVIII в.", П., 1865 г., с.с. 447—452.

4) Родесъ, с. 155.

5) „Объясненія и дополненія" къ III ч., 1 гл., с. 371.

6) Отчетъ нидерландскихъ пословъ и посланниковъ 1615—1616 г., Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., XXIV, с. 257. К. Якубовъ, „Рос. и Шв.", с. 1 (50 бочекъ золота, „а еѳимками доведетца пятьдесятъ сотъ тысячъ"). Такое же соотношеніе видимъ и у Олеарія (с. 258). Въ проектѣ же Грона 1651 г. о кораблестроеніи сдѣлано на поляхъ поясненіе, что голландская бочка золота=2.000 руб. (Родесъ, с. 80, прим. 1).

талеровъ постоянно колебалась, отчего между Швеціей и Россіей часто происходили по этому поводу пререканія. Шведскія монеты были плохія, неполновѣсныя, и само шведское населеніе жаловалось на это [1]). Въ 1649 г. русскіе давали за ефимокъ по 48—46 коп., но были согласны платить дороже: за любекскій ефимокъ по 50 коп., а за крыжовой—48 коп. [2]). Самъ Родесъ считалъ ефимокъ равнымъ 50 коп., и, по „самымъ точнымъ" вычисленіямъ, царь ежегодно получалъ за отпускъ за границу казеннаго хлѣба и другихъ казенныхъ товаровъ 600.000 спеціесъ-рейхсталеровъ, а если хлѣбъ не вывозился, то за остальные казенные товары получалъ все-таки 150.000 спеціесъ-рейхсталеровъ [3]). Но стоимость ефимковъ постепенно повышалась. По словамъ Гебдона, въ 1660—1661 г.г. въ Голландіи ефимокъ уже стоилъ не 50 коп., а 60 коп., и за русскій рубль не давали больше 80 к. Это произошло оттого, какъ объясняетъ Гебдонъ, что въ Голландіи оказалось много тысячъ серебряныхъ русскихъ денегъ, такъ какъ иностранцы взяли въ Архангельскѣ за свои товары русскими серебряными монетами, а русскихъ товаровъ, вслѣдствіе ихъ дорогой цѣны, не купили [4]). Въ 1667 г. уплата иноземцамъ и производилась уже по оцѣнкѣ 60 коп. за ефимокъ [5]). А при взиманіи пошлинъ, какъ разсказываетъ Юстъ Юль (1711 г.), съ иностранцевъ требовали уплаты ихъ спеціесъ-рехсталерами по принудительному курсу въ 50 коп.; при этомъ этотъ авторъ правильно замѣчаетъ, что „подобный расчетъ полновѣснаго рейхсталера въ 50 коп. восходитъ къ тому времени,

---

1) Э. Берендтсъ, „Гос. хоз. Шв.", П., 1890 г., I, с. 253.

2) К. Якубовъ, „Рос. и Шв.", с. 137.

3) Родесъ, с. 158. Такимъ образомъ, по Родесу, слѣдуетъ, что ежегодный вывозъ хлѣба=450.000 рейхсталеровъ.

4) „А у Архангельскова городу в прошломъ во 168-мъ году і в нынѣшнемъ во 169-мъ году всякій товаръ былъ в дорогой цѣнѣ, потому что иноземцы золотые свои продали на русские серебряные деньги по сорокъ алтынъ з гривной и безъ гривны по полтора рубля, а ефимки такъ жь продали онѣ по 20 алтынъ". „И такие притчи, чего искони не бывало". Проф. Гурляндъ видѣлъ въ этомъ указаніе на неблагопріятный для Россіи торговый балансъ, такъ какъ вывозная торговля развивалась медленно, а закупки, сдѣланныя царемъ въ теченіе 50-хъ годовъ, доходили дѣйствительно до громадныхъ размѣровъ, напр., до 107 т. р. („Ив. Гебдонъ", с.с. 70, 73, 31). О балансѣ при Родесѣ см. его донесеніе 1653 г., с. 173, прим. 30.

5) Доп. къ Акт. Ист., V, с. 185.

когда, вслѣдствіе полновѣсности и доброкачественности копеекъ, онъ (дѣйствительно) стоилъ не болѣе этого. Расчетъ этотъ остается въ силѣ и теперь, хотя копейки такъ убавились (въ размѣрѣ) и (стали настолько) малоцѣннѣе, что даже въ Архангельскѣ рейхсталеръ (никогда не) продается (дешевле) 90—100 копеекъ, въ самомъ же дѣлѣ стоитъ дороже". Самому же Юлю русское правительство „выплачивало за каждый рейхсталеръ всего по 80 копеекъ, тогда какъ (въ самомъ дѣлѣ) онъ стоилъ въ Москвѣ 93 копейки"[1]).

Однако если въ XVII в. цѣнность ефимка измѣнялась, то, съ другой стороны, въ продолженіе всего этого столѣтія русскимъ правительствомъ неизмѣнно считалось въ одномъ фунтѣ 14 ефимковъ[2]).

Переводъ иностранныхъ монетъ на современныя имъ русскія иногда встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ путешественниковъ. Стювершъ равнялся 2 деньгамъ, согласно Торговой книгѣ[3]). По Флетчеру, „алтынъ=5 пенсамъ стерлингъ или около того", деньга=пенсу, рубль=маркѣ[4]). Въ описаніи путешествія Какаша и Тектандера алтынъ приравнивается къ дюнкеру (Dürcken)[5]). Маржеретъ (онъ издалъ свою книгу въ 1607 г.) считалъ 1 деньгу=1$^1/_3$ су[6]). Джемсъ, бывшій въ Архангельскѣ въ 1618—1620 г.г., даетъ слѣдующее соотношеніе монетъ: „copéka—minus aliq. 2 denar. ang.; moskoveski dingo—denari ang.; poluski—obolus"[7]). У Олеарія находимъ такія данныя: 1 коп.=6 пфеннигамъ („въ мейссенской монетѣ"), 1 коп.= =$^1/_2$ мейссенскаго гроша, 1 коп.=1 шиллингу, 1 коп.=1 штиверу[8]). П. Алеппскій считалъ, что стоимость рубля соотвѣтствуетъ динару, и рубль составляетъ 2 реала, или „пятьдесятъ копеекъ составляетъ одинъ реалъ"[9]). Мартиньеръ писалъ, что ду-

---

1) Чтенія, 1899 г., III, с.с. 321, 323, 405.
2) Торговая кн., Временникъ, VIII, с. 9. Родесъ, с. 159. Юль, с. 319.
3) Зап. Отд. р. и сл. арх..., I, с. 122, гл. 45, с. 117, прим. 10.
4) Флетчеръ, с.с. 46, 11, 36.
5) Чтенія, 1896 г., II, с. 26.
6) „Сказ. совр. о Д. Сам.", с. 275.
7) Нумизматич. Сборникъ, I, М., 1911 г., В. Трутовскій, „Старин. назв. нѣкот. ден. знаковъ", с. 557.
8) Олеарій, с.с. 301, 358, 164, 264, 265, 400, 227.
9) П. Алеппскій, в. II, с.с. 177—178, 116. „Динаръ они (русскіе) называютъ рублемъ".

катъ=6 французскимъ ливрамъ, или 2 французскимъ экю [1]), т. е. экю=50 к., такъ какъ тогда дукатъ равнялся 1 рублю. Спутникъ Карлейля и говоритъ, что „50 копеекъ составляетъ экю“ [2]). Кильбургеръ упоминаетъ о рейхсортахъ, которыхъ никто не покупаетъ; какъ выше уже было замѣчено, у Мейерберга въ альбомѣ изображена четверть рейхсталера съ надписью „пол-пол-полтина“, при чемъ ея цѣнность приравнена рейхсорту, т. е. рейхсортъ=„пол-пол-полтинѣ“. Рейхсортами же называли во многихъ частяхъ Германіи четверть рейхсталера [3]). Современникъ Кильбургера, авторъ описанія посольства Кленка, считаетъ дукатъ и рубль одной цѣнности, гульденъ=1/5 рубля [4]), рубль=2 имперскимъ талерамъ, 1 копейку=1 стейферу [5]). Таннеръ сопоставляетъ „20 московскихъ или 6 нѣмецкихъ флорина“ [6]). По Корбу, русскіе давали за полновѣсный имперіалъ 50—55 коп. [7]).

Эти соотношенія иностранныхъ и русскихъ монетъ интересны для насъ между прочимъ въ томъ смыслѣ, что они даютъ возможность перевести на русскія деньги тѣ цифровыя данныя, которыя приводятъ иностранцы въ названіяхъ монетъ своей страны [8]). Вслѣдствіе разнообразія въ Россіи монетъ и мѣръ, Крижаничъ совѣтовалъ завести по городамъ особаго мѣрника для наблюденія за ихъ правильностью, выставить повсюду образцы всякихъ мѣръ и вѣсовъ, чтобы всѣ могли свѣряться по нимъ, а также денежные вѣски и по одному образцу иностранныхъ и русскихъ монетъ, хорошихъ и плохихъ, чтобы каждый былъ въ состояніи судить по нимъ о достоинствѣ денегъ [9]).

---

1) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 55.

2) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 42.

3) „Альбомъ Мейерберга... Объяснит. прмѣч. къ рис. составлены Аделунгомъ...“, П., 1903 г., с. 90.

4) Русскіе въ 1670 г. тоже считали „гульденъ по 6 алтынъ и 4 деньги еѳимками“ (Б.-Каменскій, „Обзоръ внѣшн. сн.“, I, с. 188).

5) „Посольство... Кленка“, с.с. 440, 495, 318, 345.

6) Чтенія, 1891 г., III, с. 70.

7) Корбъ, с. 214.

8) Напримѣръ, Невилль сообщаетъ, что каждый крестьянинъ приносилъ помѣщику дохода около 8 экю въ годъ, т. е., переведя на русскія деньги того времени,—4 рубля (Русская Старина, 1891 г., т. 71, с. 429).

9) „Рус. госуд.“, № 1, с.с. 20—21.

Взяточничество, о которомъ пишетъ Кильбургеръ, было въ Россіи всеобщимъ явленіемъ, но вовсе не имѣло современнаго намъ характера, потому что тогда кормленіе отъ дѣлъ своихъ было еще государственной системой. Но это, конечно, не мѣшало господству настоящихъ взятокъ, поборовъ, вымогательствъ, о чемъ говорятъ и иностранцы. Объ обычаѣ подносить на Пасхѣ узнаемъ еще отъ Маржерета, долго прожившаго въ Россіи: „Въ продолженіе Святой недѣли русскіе, слѣдуя обычаю христосоваться другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ красными яйцами подносятъ вельможамъ и своимъ покровителямъ какія-нибудь драгоцѣнныя вещи, жемчугъ или червонцы. Этотъ праздникъ—единственное въ году время, когда сановники могутъ принимать подарки рублей въ 10 или въ 12; берутъ и болѣе, но тайно: въ противномъ случаѣ подвергаются наказанію“. И хотя судьи, сановники и дьяки не смѣли брать отъ просителей никакихъ подарковъ, а то очень строго наказывались, но взятки все-таки не прекращались [1]). Объ „алчности къ подаркамъ“ русскихъ чиновниковъ сообщалъ раньше также Барберини [2]). Олеарій разсказываетъ, какъ подъячіе тайкомъ брали посулы, сообщая иностранцамъ (хотя иногда ложно) интересующія ихъ государственныя тайны [3]). При судопроизводствѣ же, какъ замѣчаетъ Коллинсъ, „для судей подкупъ деньгами имѣлъ большое значеніе, чѣмъ законъ и судебные преценденты“ [4]).

Къ главѣ VII.

Почта возникла послѣ обособленія ямского дѣла въ отдѣльное вѣдомство лѣтъ черезъ сто. По словамъ Горсея, Грозный построилъ 300 ямовъ [5]). При немъ же, по мнѣнію И. Я. Гурлянда, и произошло „обособленіе ямского центральнаго органа отъ вѣдомства казначеевъ“, именно между концомъ 60-хъ

---

1) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с.с. 275—276, 266.
2) Сынъ Отечества, журн., 1842 г., № 7 (іюль), с. 21.
3) Олеарій, с.с. 284, 285.
4) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 144.
5) Чтенія, 1907 г., II, с. 46.

и концомъ 70-хъ г.г. XVI в.[1]). Въ дальнѣйшемъ ямское дѣло расширялось, и Олеарію нравился „хорошій порядокъ" на большихъ дорогахъ[2]). Разстояніе между ямами было наименьшее въ 30 верстъ, а наибольшее въ 100 в. и даже больше[3]). По словамъ Бруина, „мили эти измѣрялись количествомъ пѣшеходнаго пути, пройденнаго въ добрый часъ времени"[4]). Плата за ѣзду, по Котошихину, бралась съ подводы за 1 версту по 0,15 коп., что вполнѣ сходится съ той платой, которую платилъ въ декабрѣ 1651 г. митр. Никонъ во время поѣздки изъ Новгорода въ Москву[5]). Передвиженіе совершалось весьма быстро. Слуга Герберштейна проѣхалъ разстояніе между Новгородомъ и Москвой (120 нѣм. миль=600 верстамъ) въ 72 часа, т. е. въ 3 сутокъ[6]). Горсей зимой проскакалъ (онъ очень спѣшилъ) 600 верстъ (отъ Москвы черезъ Новгородъ, Псковъ до Неугаза на границѣ съ Ливоніей) тоже въ 3 дня[7]). Олеарій говоритъ, что отъ Новгорода до Москвы (разстояніе это онъ опредѣляетъ въ 110 и 120 нѣмецкихъ миль) можно было „совершенно спокойно" проѣхать лѣтомъ въ 6—7 дней, а зимой еще быстрѣе[8]); именно зимній путь совершали въ 4—5 сутокъ, такъ какъ тогда ямщики ѣздили по кратчайшему направленію. Отъ Москвы же до Вологды на саняхъ бывали въ дорогѣ не болѣе 5 сутокъ, а отъ Вологды до Архангельска—8 сутокъ[9]). Койэтъ разсказываетъ, что въ іюлѣ нѣсколько нѣмецкихъ купцовъ совершили путь отъ Москвы до Вологды менѣе, чѣмъ въ 3 сутокъ (drie etmalen); пасторъ Фадем-

---

1) „Ямская гоньба въ Моск. госуд. до конца XVII в.", Ярославль, 1900 г., с. 299.

2) Олеарій, с. 230.

3) Д. Принцъ, Чтенія, 1876 г., IV, с. 72. Котошихинъ, гл. VII, ст. 26, с. 121 (изд. III). Рейтенфельсъ. Чтенія, 1906 г., III, с. 134.

4) Чтенія, 1872 г., II, с. 91. Флетчеръ указываетъ, что верста по русскому счету содержала 1.000 шаговъ и была на четверть меньше англійской мили (Флетчеръ, с. 7). 1 верста=1/4 лье (Маржеретъ, „Сказ. совр. о Д. Сам.", I, с. 219).

5) Котошихинъ, с. 121. Временникъ, XIII, „Расходн. кн...", с. 3 и др.

6) Герберштейнъ, с. 88.

7) Горсей, пер. Бѣлозерской, с. 48.

8) Олеарій, с. 230. Зимой Олеарій прибылъ въ Новгородъ изъ Москвы на шестой день (с. 58).

9) Ключевскій, „Сказ. иностр...", с. 225 (Моск. Унив. Изв., 1866 г., № 9).

рехтъ по хорошей зимней дорогѣ ѣхалъ 6 дней изъ Вологды въ Великій Устюгъ, а купцы Гоутманъ и Плескоу, „ѣхавшіе очень спѣшно", проѣхали это разстояніе всего въ 3 дня[1]). Вообще бѣгъ ямскихъ лошадей былъ быстрымъ, и онѣ могли зимой при одной кормежкѣ пробѣжать въ день постоянной рысцой 50, 60 верстъ[2]), а по словамъ Павла Алеппскаго, въ морозные дни сани дѣлали даже „верстъ по сто въ день", но, очевидно, съ перемѣнной лошадей[3]). Вообще купцы, благодаря тому, что они могли на ямахъ получать рѣзвыхъ лошадей, совершали „чрезвычайно быстрыя поѣздки", „внося за это небольшую плату"[4]). Эти ямщики ѣздили и „подъ гонцами, и подъ всякими людьми, и подъ извозомъ"[5]). Естественно, что они отчасти исполняли тѣ обязанности которыя потомъ перешли на почту. Но еще въ половинѣ XVII в. въ Россіи не было отдѣльной почты, а между тѣмъ, при развитіи сложныхъ торговыхъ и политическихъ отношеній, стала чувствоваться необходимость въ учрежденіи почты. Должностныя лица, частные купцы и люди пользовались для пересылки бумагъ своими нарочными. Родесъ предлагалъ въ 1653 г. шведской королевѣ завести тайнымъ образомъ почтовое сообщеніе между Лифляндіей и Москвой черезъ Новгородъ, благодаря чему шведская, и вообще иностранная корреспонденція могла бы удобно доставляться на московскій шведскій дворъ, и королева имѣла бы тогда возможность получать отъ шведскихъ агентовъ „точныя извѣстія изъ Россіи, доставки которыхъ иначе совершенно нельзя поддерживать, потому что приходится посылать письма съ ямщиками или другими путешественниками, которые при томъ ѣздятъ весьма неопредѣленно, медленно и большею частью въ неподходящее время, и имъ нужно довѣряться съ немалымъ страхомъ"[6]). Необходимость учрежденія почты чувствовалъ и Крижаничъ, который совѣтовалъ завести въ Россіи почтовыхъ гонцовъ, какъ въ другихъ странахъ; „по тѣхъ гонцѣхъ поспѣшается торгованіе и торговеческо взаемное проразумѣніе; однакоже чаю не быть совѣтно въ семъ царству

---

[1]) „Посольство... Кленка", с.с. 346, 348.
[2]) Олеарій, с. 58.
[3]) П. Алеппскій, в. II, с. 115.
[4]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 134.
[5]) Котошихинъ, с. 124.
[6]) Родесъ, с.с. 201, 203.

держать таковыхъ гонцевъ и для иныхъ причинъ“ [1]). Но начало почтовому учрежденію пришлось положить все-таки иностранцамъ. Именно въ 1665 г. голландецъ Іоганнъ фонъ Шведенъ, по-русски Иванъ Сведенъ, предложилъ черезъ каждыя 2 недѣли привозить своими людьми и лошадьми заграничныя вѣдомости черезъ Ригу; по договору онъ за это получалъ 1.200 рублей въ годъ. Въ 1668 г. царь приказалъ „почту, которую на Москвѣ держитъ иноземецъ Иванъ фонъ Сведенъ, держать иноземцу Леонтію Петрову сыну Марселису“ [2]). Эта почта шла черезъ Курляндію, пока тамъ велъ переговоры о мирѣ Ордынъ-Нащокинъ съ поляками и шведами, а потомъ она должна была итти черезъ Смоленскъ на Вильно [3]). Марселисъ однако долженъ былъ производить почту на ямскихъ, а не на своихъ лошадяхъ; онъ завелъ форму для почтарей; почта ходила въ опредѣленные дни, хотя бы и не было корреспонденціи; за письма была установлена плата; всѣ торговые люди и офиціальныя лица должны были посылать бумаги черезъ почту. „Неслыханное дѣло, восклицаетъ въ 1668 г. шведскій резидентъ въ Москвѣ Эбершильдъ, чтобы нельзя было отправлять писемъ съ кѣмъ и когда пожелаешь“ [4]), и иностранные купцы, какъ сѣтовалъ Л. Марселисъ, тайно посылали своихъ нарочныхъ за границу, а иностранцы жаловались, что Марселисъ вскрываетъ почту; гамбургская компанія указывала на излишнюю вѣсовую плату и просила позволенія пользоваться своими нарочными [5]). Какъ видно

---

[1]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 20.

[2]) Договорныя статьи 1668 г., авг. 21, иностр. Леонтія Петрова Марселиса съ рижскимъ почтмейстеромъ объ учр. почты отъ Москвы въ Ригу, Ругодивъ, Колыванъ, Юрьевъ-Ливонскій и Вольмаръ—С. Гос. Гр. и Д., IV, № 61.

[3]) Вильно Вундерерь называлъ Wildawa (Ф. Аделунгъ, „Критико-литер. обозрѣніе путеш. по Рос. до 1700 г.“, М., 1864 г., ч. I, с. 271, въ Чтеніяхъ и отд.).

[4]) Г. Форстенъ, „Сн. Шв. и Рос. во II пол. XVII в.“, Ж. М. Н. Пр., 1899 г., іюнь, с. 283.

[5]) Злоупотребленія съ почтой происходили и въ послѣдующее время и между прочимъ въ годъ пребыванія Кильбургера въ Москвѣ. Такъ датскій резидентъ М. Гей жаловался, что рижская почта украла изъ пересланныхъ ему червонныхъ золотыхъ 73 червонныхъ. Петръ Петр. Марселисъ самъ жаловался, что деньги, посланныя имъ въ Псковъ рижской почтой, оказались украденными, а когда эта почта пришла обратно въ Москву, то вручила сумку безъ золотыхъ, которые были посланы изъ Риги

по документу царей Іоанна и Петра, плата взималась за золотникъ изъ Москвы за границу 2 алт. 4 деньги, изъ Москвы въ Новгородъ — 8 денегъ, изъ Риги въ Псковъ — 2 алт. и т. д. Когда въ 1672 г. умеръ Леонтій Марселисъ, почтой сталъ завѣдывать Петръ Петровичъ Марселисъ [1]), а въ 1675 г. она перешла въ вѣдомство Посольскаго приказа переводчика Андрея Виніуса (сына коммерсанта Андрея Денисовича Виніуса), который управлялъ почтой до 1701 г. Почта должна была ѣздить безпрерывно днемъ и ночью, въ часъ лѣтомъ по 7 верстъ, а осенью и зимой по 5 верстъ. Тракты были: изъ Москвы черезъ Смоленскъ въ Вильно и изъ Москвы черезъ Новгородъ, Псковъ въ Ригу. Въ 1693 г., по просьбѣ иноземцевъ, учреждена почта и на Архангельскъ, куда она должна была прибывать изъ Москвы на десятый или одиннадцатый день [2]). Въ 1698 г. уже существовало почтовое сообщеніе изъ Москвы въ Сибирь до Нерчинска [3]).

одному иноземцу въ Москвѣ (завязки и ремень были перерѣзаны, а печать цѣла, какъ и верхнія завязки); и раньше этого изъ почтовыхъ рижскихъ сумокъ много крали. Поэтому П. П. Марселисъ просилъ назначить слѣдствіе и отставить иноземца переводчика Якова Гетнера, который въ Новгородѣ вѣдалъ почту, потому что онъ дескать „тѣ сумки распечатывалъ“. По этому случаю было произведено строгое слѣдствіе (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. лѣтъ, 7182—1674 г., іюль, № 196).

[1]) Н. В. Чарыковъ, „Посольство въ Римъ... П. Менезія“, П., 1906 г. с. 492.

[2]) Выписка Посольскаго приказа объ учрежд. въ 201 г. архангелогородской почты издана въ „Памятной книжкѣ Арханг. губ. на 1910 г.“, с.с. 134—139. Леонтій Марселисъ еще въ 1669 г. пытался учредить почту въ Архангельскъ, но неудачно (И. П. Козловскій, „Первыя почты и первые почтмейстеры въ Моск. госуд.“, Варшава, 1913 г., I, с. 137, II, матеріалы, с. 207 и сл., дѣло объ учр. арханг. почты).

[3]) И. Хрущовъ, „Къ ист. р. почтъ“, П., 1884 г. A. Fabricius, „Zur Geschichte des russischen Postwesens“, Riga, 1865. Въ 1700 г. было указано, чтобы торговые люди для потребы и распространенія своихъ торговъ и увеличенія пошлинъ посылали изъ Москвы въ Сибирь и другія мѣста письма въ Сибирскій приказъ, вмѣсто посылки своихъ нарочныхъ людей, при чемъ имъ было обѣщано, что письма не будутъ распечатываться и Сибирскій приказъ будетъ отсылать ихъ вмѣстѣ съ отправкой государевыхъ грамотъ; плата за это была отъ Москвы до Верхотурья, Тюмени и Тобольска по 6 алт. 4 деньги съ золотника вѣса (Н. Оглоблинъ, „Обозрѣніе ст. и кн. Сиб. пр.“, IV, с.с. 181—182). По таксѣ 21 окт. 1697 г. отъ Москвы до Верхотурья, Тюмени и Тобольска взи-

Такимъ образомъ, во время Кильбургера были двѣ почтовыя линіи: Москва—Смоленскъ—Вильно и Москва—Новгородъ—Псковъ—Рига. Въ архивныхъ документахъ 1674 г. и упоминаются „новгородская почта“ и „рижская почта“ [1]). Онѣ были учреждены, какъ для правительственныхъ пересылокъ, такъ и торговыхъ. Уже въ русско-польскомъ договорѣ 1667 г. говорится о необходимости устроить почту ради торговыхъ и другихъ интересовъ, а въ трактатѣ 1686 г. (29 статья) повторяется та же мысль: „также и для пріумноженія торговыхъ избытковъ“. Но это обстоятельство именно и возмущало въ 1701 году Посошкова: „Что въ нашемъ государствѣ не сдѣлается, то во всѣ земли разнесетца... А если бы почты иноземской не было, то бъ и торгъ ровный былъ: какъ наши русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде и они о нашихъ товарѣхъ не зналижь бы, и торгъ бы былъ безъ обиды“; поэтому Посошковъ совѣтовалъ загородить эту „диру“—почту [2]). Однако такая мѣра была невозможной, потому что почта была насущнѣйшей необходимостью того времени. Это хорошо видно по большой корреспонденціи, которую велъ Патрикъ Гордонъ; такъ, напримѣръ, въ 1666 г. онъ въ одинъ только день отправилъ до 17 писемъ, въ 1684 г.—14 писемъ, а въ 1687 г. въ одинъ день не менѣе—25; при этомъ Гордонъ по опыту зналъ, что письмо идетъ изъ Москвы въ Гамбургъ 4 недѣли, а въ Данцигъ—3 недѣли. Оплата писемъ была высокой. Отправляясь въ 1666 г. въ Англію, Гордонъ долженъ былъ израсходовать на корреспонденцію не менѣе 74 рублей на деньги того времени [3]). Кромѣ того, по почтѣ шли иностранныя газеты. Голландскіе и германскіе куранты и заграничныя письма шли уже

малось по 6 алт. съ золотника, а до Нерчинска—13 алт. 2 д. (П. Собр. Зак., Ш, № 1654. с. 515. О почтовомъ дѣлѣ въ Сибири во II пол. XVII в.— В. К. Андріевичъ, Исторія Сибири. П., 1889 г., ч. II, с.с. 35—37). Также устраивались временныя почты по случаю важныхъ событій, напр., во время походовъ противъ турокъ и татаръ въ 203 и 205—206 г.г. была установлена почта черезъ Тулу, Елецъ и Воронежъ („Опис. док. и бум., хр. въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи“, кн. XVII. ст. 2.246, II).

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 92, л.л. 629, 648 об.

[2]) „Сочиненія Ив. Посошкова“, изд. М. Погодинымъ, М., 1842 г., с.с. 273, 274.

[3]) А. Брикнеръ, „Къ ист. цѣнъ въ Рос. въ XVII в.“, Ист. Вѣстн.,

изъ Москвы въ Устюгъ и въ Архангельскъ [1]). Черезъ рижскую почту еженедѣльно приходили въ Россію иностранные печатные куранты: Кенигсбергскіе, Гданскіе, Еженедѣльные ординарные, Еженедѣльный Меркурій, Сѣверный Меркурій—всѣ на нѣмецкомъ языкѣ, Амстердамскіе и Гарлемскіе—на голландскомъ, и, сверхъ того, рукописные нѣмецкіе [2]). Русское правительство интересовалось ходомъ событій на Западѣ, и для этого иностранныя извѣстія переводились на русскій языкъ. Такъ въ 1652 г. въ распоряженіи русскихъ были куранты и вѣсти изъ Парижа, Дрисы, Гамбурга, Вѣны, Кельна, Гааги, Гданска, Леванта, Риги, Лондона и пр. [3]). Какъ пишетъ Кильбургеръ, вся почта относилась въ Посольскій приказъ, такъ что всѣ письма попадали въ руки высшему канцлеру (dem obersten Canzler). Въ то время начальникомъ этого приказа былъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ [4]).

1885 г., май, с. 279. Fabricius, уп. соч. Gordon, Tagebuch, I, S. 406, II, S. 17, 37, 54, 167, III, S. 101, II, S. 251, I, S. 631 и др.

1) „Пос. К. ф.-Кленка", с. с. 318, 308.

2) И. Хрущовъ, „Къ ист. р. почтъ", с.с. 15, 16.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. лѣтъ, 7160—1652 г., № 122. Здѣсь имѣются выписи изъ „тетради", присланной Аѳ. Нащокинымъ, „переводъ съ нѣмецкихъ курантовъ, что привезъ Иванъ Желябужскій" (переведено въ Москвѣ 27 мая 169 г.), изъ Амстердама, Любека, Гданска, Вильны (напр., „Изъ Вильны марта въ 11 де. После завтрея марта въ 15 де быть силному приступу к замку, а 7 подкопов уже готовы... а что учинитца впред, услышимъ"), изъ Венеціи, Царьграда и Стекольны. Были переводы и съ „печатныхъ курантовъ", каковы прислалъ изъ Юрьева Нащокинъ въ 169 г., 26 дек.

4) Онъ прежде былъ стрѣлецкимъ головой (11 апр. 1651 г., 9 окт. 1653 г., янв., авг., сент. 1654 г. и т. д.), думнымъ дворяниномъ, впослѣдствіи (съ мая 1672 г.) окольничимъ и (съ окт. 1674 г.) бояриномъ. Посольскимъ приказомъ ему было велѣно вѣдать 22 февр. 1671 г. (онъ смѣнилъ Ордына-Нащокина) и оставался во главѣ его до 3 іюля 1676 г. (С. А. Бѣлокуровъ, „О Посольскомъ приказѣ", Чтенія, 1906 г. III, с. 112).

КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Къ главѣ I.

Архангельскій портъ, благодаря развившейся въ XVI—XVII ст. внѣшней торговлѣ Россіи съ Западной Европой, имѣлъ для русскаго правительства значеніе, какъ морская гавань, черезъ которую можно было, ни отъ кого не завися, вести морскую торговлю со всѣми государствами. Впрочемъ не сразу палъ выборъ на Архангельскъ, какъ на главное мѣсто „сѣверныхъ воротъ“ Россіи, потому что на Ледовитомъ побережьѣ намѣчалось нѣсколько такихъ торговыхъ мѣстъ, но устье С. Двины все-таки оказалось наиболѣе выгоднымъ. Именно иностранцы между прочимъ пытались завести свою торговлю съ Россіей въ Лапландіи и на Печорѣ.

„Нѣсколько лѣтъ“ до 1564 г. монахъ Трифонъ построилъ у Печенгской губы монастырь, и монахи ѣздили отсюда въ датскую крѣпость Вардегусъ (г. Варде на сѣв. Норвегіи) продавать рыбу, ворвань и пр. сырье, добытое ими за зиму и лѣто; изъ Вардегуса же суда Бергена и Дронтгейма отвозили все это къ себѣ. Когда же въ 1564 г. въ Вардегусѣ появилось первое судно изъ Антверпена, фогтъ Вардегуса арестовалъ его, обвиняя въ нарушеніи привилегіи Бергена и Дронтгейма. Печенгскій монастырь, узнавъ объ этомъ, предложилъ арестованнымъ пріѣзжать за товарами прямо къ нему, и монахи обѣщались приготовить голландцамъ рыбу и другое сырье. Поэтому въ 1565 г. образовалась нидерландская компанія для этой торговли, и первый голландскій корабль съ товарами явился къ Печенгскому монастырю въ томъ же году и отвезъ оттуда рыбу, ворвань, семгу и другіе товары. Въ то время сами русскіе ходили на ладьяхъ по Сѣверному морю, перевозили русскіе товары и торговали такимъ образомъ съ иностранцами. Въ этомъ же 1565 г., но уже осенью, компанія послала къ монастырю еще два корабля съ товарами. Но монахи поспѣшили одинъ ко-

рабль отослать обратно въ Антверпенъ, чтобы извѣстить компанію относительно убійства одного изъ ея членовъ съ его людьми, произведеннаго неизвѣстными русскими съ цѣлью грабежа. Другой же корабль монахи отправили зимовать въ Колу (Мальмусъ), гдѣ тогда было всего 3 дома, но жители Колы въ то время были еще столь дики, что первоначально испугались моряковъ и убѣжали; такъ какъ въ Колѣ не оказалось товаровъ, корабль вернулся въ слѣдующемъ 1566 г. къ Печенгскому монастырю, куда пришло еще 2 судна этой голландской компаніи. Въ этомъ монастырѣ въ 1565 г. было около 20 монаховъ, а монастырскихъ служекъ около 30, но съ появленіемъ тамъ голландцевъ въ 1566—1567 г.г. туда стали приходить съ товарами многіе изъ Холмогоръ, Каргополя и Шуи (Suyen), такъ что въ 1572 г. (въ этомъ же году сюда пришли голландскія суда), тамъ было уже 50 монаховъ и 200 служекъ. „И монастырь и вся торговля въ Лапландіи вскорѣ послѣ того стала съ каждымъ годомъ все больше и больше разрастаться". Сама Кола въ 1566—1567 г.г. вновь была посѣщена голландскими кораблями, но въ 1568 г. изъ-за испано-англійской войны „всѣ суда большею частью" сюда не явились, хотя „русскіе съ большимъ количествомъ товаровъ приходили изъ Россіи въ Лапландію и прочее". Въ 1569 г. сюда опять пришли суда голландцевъ, также судно бергенцевъ въ Суму, а въ 1570 г. даже итальянцевъ и другихъ. Лапландіей, т. е. и Колой, управляли сборщики податей, но съ 1582 г. въ Колѣ появился первый воевода, который построилъ для норвежцевъ гостиный дворъ, сталъ собирать таможенныя пошлины и вообще ввелъ административное управленіе. Въ 1588 г. былъ впервые построенъ острогъ, и такимъ образомъ Кола стала уже совершенно русскимъ городомъ. Однако попытка голландской компаніи пробиться изъ Колы черезъ Кандалакшу и Каргополь въ Москву, чтобы непосредственно торговать въ Москвѣ, окончилась неудачей вслѣдствіе интригъ англичанъ, ревниво оберегавшихъ монополію двинскаго пути [1]). Тѣмъ не менѣе въ Колѣ производилась небольшая торговля. Въ 1608—1611 г.г. въ 2 посадахъ Колы и въ окрестностяхъ было 94 двора посадскихъ, стрѣ-

---

[1]) А. М. Филипповъ, „Русскіе въ Лапландіи въ XVI в." (Сообщеніе Симона ванъ-Салингена), Литературный Вѣстникъ, т. I, 1901 г., кн. 3, т. IV, 1902 г., кн. 6.

лецкихъ и монастырскихъ; посадскихъ людей было 150, стрѣльцовъ и бобылей 56 человѣкъ [1]). По переписнымъ же книгамъ 1647 г. (155 г.) въ Кольскомъ острогѣ было 32 двора посадскихъ (67 чел.), 9 дворовъ крестьянскихъ (17 чел.), 43 двора бобыльскихъ (87 чел.), а всего 84 двора съ 171 чел. [2]). По архангельскимъ наказамъ (1649 г. и др.) было позволено кораблямъ приставать и торговать на сѣверѣ только въ Колѣ и Архангельскѣ [3]). Такимъ образомъ эти два города были главными торговыми сѣверными портами, но, конечно, Архангельскъ имѣлъ первенствующее значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1653 г. очевидецъ Мартиньеръ такъ описываетъ Колу: „Это—небольшой городокъ, скорѣе пригородъ, очень захолустный, построенный между горами, на берегу небольшой рѣчки, удаленной отъ Сѣвернаго моря приблизительно на 10 льс [4]); на востокъ отъ города—огромные лѣса и пустыни, на западъ—Мурманское море, а на югъ—очень высокія горы. Всѣ дома очень низенькіе, построены изъ дерева, крыши очень чисто сдѣланы изъ рыбьихъ костей; наверху, спереди, есть отверстіе, черезъ которое и проникаетъ свѣтъ; здѣсь всего одна улица“. Тутъ датчане продавали свое полотно взамѣнъ мѣховъ [5]).

Устье рѣки Печоры, по мнѣнію нѣкоторыхъ иностранцевъ, также могло бы служить мѣстомъ торговли съ русскими. Флетчеръ, неизвѣстно почему, опредѣлялъ размѣръ ярмарки на этой рѣкѣ до 16.000 фунтовъ стерлинговъ [6]). Въ 1619 г. нѣсколько копенгагенскихъ гражданъ хотѣли даже завязать морскія торговыя сношенія съ Печорой, и поэтому датскій король просилъ царя разрѣшить построить тамъ купеческій дворъ, но ему было отвѣчено, что въ Печору съ моря корабельнаго хода нѣтъ, мѣсто тамъ пустынное и пристани „для пустоты и лихаго проѣзду“ быть невозможно, а датчанамъ лучше всего пріѣзжать торговать въ Архангельскъ [7]).

---

1) П. де-Ламартиньеръ, „Путешествіе въ сѣверныя страны“, пер. и прим. В. Н. Семенковича, Зап. Моск. Арх. Инст., XV, 1912 г., с. 30, прим.

2) Доп. къ Акт. Ист., VIII, с. 134.

3) Доп. къ Акт. Ист., III, с.с. 196—197.

4) 1 верста = 1/4 (с. 406, прим. 4).

5) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 29.

6) Н. Костомаровъ, „Оч. торг. Моск. госуд.“, П., 1889 г., с. 30.

7) „Датскій Архивъ. Матеріалы по ист. др. Рос., хр. въ Копенгагенѣ. 1326—1690 г.“, Ю. Н. Щербачевъ, М., 1893 г., с.с. 186—187.

И, дѣйствительно, лучшаго мѣста на сѣверѣ для порта, кромѣ Архангельска, нельзя было тогда найти, потому что сообщеніе его съ Москвой было наиболѣе удобнымъ, благодаря выгодному направленію Сѣверной Двины, которая могла быстро доставлять товары изъ Вологды въ Архангельскъ и обратно.

Сѣверная Двина, по характеристикѣ Мейерберга, была „совсѣмъ завалена перевозкой: привозятъ то выдѣланныя воловьи кожи, то слѣдующія еще къ выдѣлкѣ лосиныя, то коноплю и смолу, то льняное сѣмя и сало, то воскъ, то приготовляемую на Волгѣ бѣлужью, осетровую и другихъ рыбъ икру, то липовую, ясеневую, вязовую и ивовую очищенную золу для суконнаго и мыловарнаго дѣла, то медвѣжьи, волчьи, лисьи, бѣльи, рысьи, хорьковые, куньи, собольи и др. мѣха; все для англичанъ и голландцевъ, пріѣзжающихъ каждый годъ туда моремъ въ извѣстную пору лѣта. Они берутъ всѣ эти вещи, да еще слюду, добываемую изъ горъ на берегу Двины и вытопленное изъ тюленьяго жира масло, и, либо уговорившись сначала объ обмѣнѣ на свои товары, либо тутъ же сторговавшись въ цѣнѣ, отдаютъ за то привезенные по Средиземному морю и океану разныя благовонныя вещества: сахаръ, шафранъ, соленыя сельди, мальвазію, испанскія и французскія вина, сукна разнаго рода и цвѣта, голландское полотно, зеркала, ножи, сабли, пистолеты, ружья, пушки, мѣдь, свинецъ, олово, шелковыя ткани, атласъ, аксамитъ, камку, объярь, золотой, серебряный алтабасъ, полотняные, бумажные и шелковые чулки, пряденое золото, жемчугъ, перлы, рубины, смарагдъ, сапфиры, хризалиты, аметисты, топазы, наконецъ, огромное количество золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Все это отвозится вверхъ по рѣкѣ, къ гор. Вологдѣ, а потомъ по зимней дорогѣ въ Москву въ продолженіе 8 дней пути“ [1]).

Англичане, открывшіе путь къ Бѣлому морю, получили за это, какъ говоритъ Кильбургеръ, право свободной, безпошлинной торговли въ Россіи. Они были убѣждены, что ихъ „открытіе торговли черезъ пристань Святого Николая“ дало возможность русскимъ имѣть свободный открытый портъ, черезъ который всегда можно было получать товары, въ то время какъ черезъ Нарву русская торговля могла быть прекращена „при первомъ неудо-

---

[1]) Чтенія, 1873 г., IV, с.с. 133—134.

вольствіи Швеціи, Польши или Даніи, распоряжавшихся всею торговлею въ Зундѣ“ [1]). Такое мнѣніе англичанъ, высказанное еще въ началѣ царствованія Бориса, конечно, справедливо, но было бы ошибкой думать, что, не будь англичанъ, бѣломорскій путь не былъ бы скоро открытъ, потому что въ этомъ же направленіи, какъ мы видѣли выше, успѣшно дѣйствовали голландцы, но англичане вовремя успѣли перебить имъ дорогу и завязать непосредственныя сношенія съ Москвой наиближайшимъ сѣвернымъ путемъ. Но еще задолго до иностранцевъ русскіе мореходы смѣло бороздили воды Ледовитаго моря, а потомъ давали объясненія иностранцамъ во время ихъ сѣверныхъ путешествій. Русскіе послы въ концѣ XV или началѣ XVI в. совершили свое путешествіе въ Данію, отплывши изъ устья Сѣверной Двины на четырехъ судахъ и обогнувши Норвегію [2]). Это вполнѣ доказываетъ, что уже въ XV в. бѣломорскій путь въ Зап. Европу былъ хорошо извѣстенъ русскимъ, разъ они этой дорогой рѣшили отправить посольство въ Данію, и такимъ образомъ „открытіе“ англичанами сѣвернаго пути явилось открытіемъ лишь для самой Англіи, въ заслугу которой нужно только поставить, что она сумѣла для своей выгоды сорганизовать по этому трудному пути оживленныя торговыя сношенія съ Москвой. Голландцы, столь же энергично дѣйствовавшіе въ развитіи своей торговли съ Россіей, начали еще въ XVI в. соперничать съ англичанами за преобладаніе въ сѣверно-русской торговлѣ. Въ 1630—1631 г.г. они даже просили русскихъ разрѣшить всѣмъ голландцамъ торговать по всей Россіи, и русское правительство готово было согласиться допустить ихъ торговать, но только въ такомъ количествѣ, какъ и англичанъ (т. е. въ числѣ 23 купцовъ, такъ какъ англійская компанія состояла тогда именно изъ столькихъ англійскихъ гостей); вообще же русскіе позволяли торговать въ Россіи всѣмъ тѣмъ голландцамъ и иностраннымъ купцамъ, которые выхлопотали себѣ на это за свои заслуги жалованныя грамоты [3]). Однако англійская компанія, пользуясь большими льготами и своею

[1]) И. Любименко, „Ист. торг. снош. Россіи съ Англіей“, в. I, Юрьевъ, 1912 г., с. 77.

[2]) Е. Замысловскій, „Герберштейнъ и его ист.-геогр. изв. о Рос.“, П., 1884 г., с.с. 88—89, 98. 115.

[3]) Отчетъ Бурха и Фелтдриля, Сб. И. Р. Ист. О., т. 116, с. 77.

сплоченностью, сумѣла въ сильнѣйшей степени овладѣть русскимъ рынкомъ. Англійскій проектъ 1612 г. опредѣлялъ ежегодный англійскій ввозъ въ Россію въ 40.000 фунтовъ стерлинговъ [1]). Являясь господами положенія, иностранцы сильно поднимали цѣны. Въ 1641 г. торговые люди жаловались, что прежде „нѣмецкіе всякіе товары въ Московскомъ государствѣ дешевле нынѣшняго были вполы“, и что нѣмцы таили много товаровъ отъ пошлинъ, записывая товары въ проѣздъ, а между тѣмъ безпошлинно торговали между собой и т. п. [2]). Такъ въ болѣе позднѣе время, именно въ 1668 г., было конфисковано въ архангельской таможнѣ у русскихъ и иноземцевъ „незаписных, неявленых і утаенных товаров і денегъ и золотыхъ и ѳоимковъ по ценѣ на 2.680 р. на 10 а. пол 3 де“ [3]). Засилье русской торговли англійскими купцами вызвали со стороны русскихъ гостей ропотъ, и въ „157-м году вѣдомо государю учинилось, что англичане всею землею учинили болшое злое дѣло: государя своего Карлуса короля убили до смерти, и за такое злое дѣло въ Московскомъ государстве имъ быть не довелось“, а было позволено имъ пріѣзжать только въ Архангельскъ и тамъ торговать, но жить въ Архангельскѣ, какъ и въ Москвѣ, было строго запрещено [4]). Указъ 1649 г., которымъ объявлялось англичанамъ о прекращеніи ихъ льготной торговли въ Россіи, приводитъ убѣдительные доводы этой мѣры; именно, согласно указу, царь Михаилъ разрѣшилъ англичанамъ повсюду торговать въ Россіи, но теперь, въ 1649 г., многіе прежніе пожалованные англичане умерли; англичане составили между собой союзъ, сами скупаютъ у иностранцевъ товары и перепродаютъ ихъ русскимъ; англичане, постоянно живя въ Россіи и дѣйствуя сообща, поднимаютъ высоко цѣны, завели въ Россіи много своихъ собственныхъ промысловъ, безпошлинно провозятъ чужіе товары подъ видомъ своихъ, тайно

---

[1]) И. Любименко, „Англійскій проектъ 1612 г. о подчиненіи русскаго сѣвера протекторату Іакова I“, Научн. ист. журн., изд. подъ ред. Н. И. Карѣева, т. II, в. 3, 1914 г, № 5, с. 6. Въ 1631 г. одинъ англичанинъ исчислялъ „ежегодный коронный доходъ русскаго государства въ 8 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ“ (с. 3).

[2]) Акты Арх. Эксп., IV, с. 18.

[3]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., арх. кн., № 4, 7176—1668 г., л. 50.

[4]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., пр. д. ст. л., 7163—1655 г., № 18, л.л. 31, 5.

торгуютъ табакомъ и иными заповѣдными товарами, отчего всѣ русскіе торговцы бѣднѣютъ, а англичане богатѣютъ. Выставивъ всѣ эти главныя обвиненія, грамота только въ концѣ вполнѣ правильно добавляетъ, что вѣдь московское правительство дало льготы англичанамъ по договору съ Карломъ, но теперь это не имѣетъ силы, потому что они убили этого государя. Торговать въ Архангельскѣ англичане могли лишь съ платежомъ обычныхъ пошлинъ [1]). При выселеніи англичанъ изъ Москвы въ 1649 г., было позволено остаться только двумъ англичанамъ, арендовавшимъ у казны икру и поташъ. Но хотя еще въ этомъ году было рѣшено выселить англійскихъ и голландскихъ купцовъ изъ Москвы, однако только въ 1652 г. было отведено мѣсто у Яузы для Иноземной Слободы, и всѣ иностранцы должны были туда переселиться, что и было окончательно исполнено въ 1654 г. [2]). Однако этимъ русскимъ не удалось освободить своей торговли отъ иноземнаго засилья. Скверно отзывается хорватъ Крижаничъ, сторонникъ русскаго протекціонизма, о вредной дѣятельности иностранцевъ, которые дешево скупали на Руси все необходимое и полезное, а продавали лишь предметы роскоши; торговлю вели нечестно, съ обманами, захватывали въ свои руки всѣ торговыя дѣла въ какомъ-нибудь городѣ, а русскихъ выживали изъ него [3]). По словамъ этого же автора, въ средѣ самихъ иностранцевъ была въ употребленіи характерная пословица: „Кто хочетъ де бездѣльно хлѣбъ ѣсть, да придетъ на Русь“ [4]). Поэтому всѣ русскіе были враждебно настроены противъ англичанъ, и Коллинсъ считалъ „единственнымъ покровителемъ англичанъ“ только Нащокина. „Я слышалъ отъ

---

[1]) Собр. Гос. Грам. и Дог., III, с.с. 455—456. Доп. къ Акт. Ист., V, с. 187.

[2]) Родесъ, с. 225, прим. 12, с.с. 126—127, 237, 238.

[3]) В. Вальденбергъ, „Госуд. идеи Крижанича“, П., 1912 г., с. 190. Взглядъ Крижанича на значеніе участія иностранцевъ во внутренней торговлѣ Россіи служитъ отраженіемъ мнѣнія самихъ русскихъ купцовъ объ этомъ вопросѣ. Крижаничъ писалъ, что плохо, „аще кій краль препуститъ инороднымъ торговцемъ въ своей державѣ пребывать или жить, своды и склады держать и вездѣ по землѣ торговать. Тѣ бо вездѣ въ дешеву пору нашіе товары выкупаютъ и иноземцемъ своимъ нарожаномъ всякія нашія тайности проявляютъ не только въ торговныхъ, но и во владательскихъ тайныхъ дѣлехъ“ („Рус. госуд.“, № 1, с. 3).

[4]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 14.

самого Нащокина, разсказываетъ Коллинсъ, что царь имѣетъ больше выгоды поддерживать добрыя отношенія съ англійскимъ королемъ, чѣмъ со всякимъ другимъ христіанскимъ государемъ"[1]). Когда просили Нащокина о пропускѣ англійскихъ товаровъ въ Россію, онъ, показавъ лондонскій отчетъ о смертности (хотя и небольшой) отъ чумы, дипломатически заявилъ, что сами англичане виноваты: „Кто объявляетъ о чумѣ, предостерегаетъ другихъ, чтобы не имѣли съ нимъ никакихъ сношеній". Коллинсъ особенно жаловался на соперничество голландцевъ. „Голландцы, какъ саранча, напали на Москву, и отбиваютъ у англичанъ хлѣбъ. Они гораздо многочисленнѣе, богаче англичанъ, и ничего не щадятъ для достиженія своихъ видовъ". „Въ Россіи ихъ принимаютъ лучше, чѣмъ англичанъ, потому что они подносятъ подарки боярамъ и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ ихъ покровительство", а также клевещутъ и осмѣиваютъ англичанъ. Однако Коллинсъ не терялъ надежды на возвращеніе англичанамъ ихъ преимуществъ[2]). Другой англичанинъ—П. Гордонъ не менѣе жаловался на нидерландцевъ, которые подкупали англичанъ возить ихъ товары, отчего голландскіе товары проходили безпошлинно, но за это англичане едва не лишились привилегій; голландцы даже получили преимущество передъ англичанами и стали запутывать ихъ въ разныя дѣла, а потомъ доносить на нихъ; послѣ этого англичане стали осторожнѣе, вели знакомство съ знатными людьми, а бѣдныхъ купцовъ и торговцевъ располагали дачей кредита; однако послѣ отнятія у англичанъ привилегій дружба съ русскими не налаживалась[3]). И хотя впослѣдствіи

[1]) Зап. Моск Археол. Инст., XV, с.с. 171—172.

[2]) Чтенія, 1846 г., I, с.с. 33, 38, 39. Рус. Вѣстн., 1841 г., № 9, с. 592. По переводу В. Семенковича, слова Коллинса пріобрѣтаютъ еще болѣе рѣзкій характеръ: „Если здѣсь окончательно утвердится торговля съ Персіей и Индіей шелкомъ, то я сильно опасаюсь, что англичанамъ придется много потрудиться, чтобы возстановить свои льготы и привилегіи, ибо русскіе сдѣлались умнѣе и достаточно развращены голландцами, которые отлично обдѣлывали съ ними свои дѣла, а имѣя въ этой странѣ болѣе богатыхъ (купцовъ) и въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ англичане, они ничего не жалѣютъ, чтобы окончательно ихъ погубить, въ чемъ они успѣваютъ лучше, чѣмъ это можно себѣ представить. Они выигрываютъ благодаря подаркамъ, дружбѣ и покровительству дворянства, а насъ дѣлаютъ презрѣнными и смѣшными", высмѣивая англичанъ (Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 176).

[3]) Чтенія, 1892 г., III, с. 63

англичанамъ удавалось заключать выгодные для себя торговые договоры съ Россіей[1]), тѣмъ не менѣе старыя привилегіи они безвозвратно потеряли, и именно монопольный характеръ англійской компаніи повредилъ интересамъ торговли Англіи съ Россіей[2]).

Исторія Архангельска есть не что иное, какъ исторія русской внѣшней торговли съ З. Европой со времени Іоанна Грознаго до преобладанія петроградской торговли. Въ XVI в. русская торговля производилась черезъ Лифляндію. При Герберштейнѣ литовскіе и польскіе купцы могли свободно торговать въ Россіи, а шведы, ливонцы и приморскіе нѣмцы только въ Новгородѣ. Но въ Холопьемъ городѣ, „куда во время ярмарки собирались различные люди изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ", „бывалъ самый многолюдный базаръ изо всѣхъ существующихъ во владѣніи московскаго государя", потому что сюда сходились шведы, ливонцы, татары, турки и другіе восточные и сѣверные народы[3]). Съ половины же этого столѣтія центръ внѣшней торговли сталъ перемѣщаться на далекій

---

[1]) Такъ договоръ 1734 г. предоставилъ всѣ преимущества англійскимъ купцамъ, а интересы русскихъ купцовъ даже потерпѣли нѣкоторый ущербъ. П. А. Остроуховъ, „Англо-русскій торговый договоръ 1734 г. Очеркъ по ист. рус. торг. политики (на основаніи архивныхъ источниковъ)". П., 1914 г. (Труды студ. Экономич. Отдѣл. Пет. Политехн. Инст. Петра Великаго, № 13), с.с. 181—182.

[2]) W. R. Scott, The Constitution and Finance of Englisch, Scottisch and Irisch Joint-Stock Companies to 1720. Vol. I. The general development of the Joint-Stock System to 1720. Cambridge, 1912. Vol. II. Compagnies for Foreign Trade, Colonization, Fishing and Mining. Cambridge, 1910. И. Любименко, уп. соч., „Англичане въ допетровской Руси", Русская Мысль, 1915 г., мартъ, с.с. 67—93. Хотя пребываніе англичанъ въ Россіи способствовало ея культурному росту, но, несомнѣнно, нельзя идеализировать благотворное вліяніе англійской торговли на Россію и умалять культурное значеніе сношеній русскихъ съ голландцами и съ другими иностранцами. Дѣла англійской компаніи ухудшились еще въ XVI в. Вслѣдствіе наложенія русскими большихъ пошлинъ, компанія даже пріостановила свою торговлю. Но Горсей въ 1585 г. выхлопоталъ ей важныя льготы, и, „управляясь мудро и дѣйствуя, какъ слѣдуетъ, пишетъ Горсей о членахъ этой компаніи, они спокойно пользовались бы ими съ этихъ поръ", и, „если бы они поддерживали свою падающую торговлю", получили бы хорошую прибыль, а Англіи принесли бы выгоду. Горсей обвинялъ этихъ купцовъ въ „непохвальномъ и дурномъ веденіи торговли" (пер. Бѣлозерской, с.с. 78, 137, 83).

[3]) Герберштейнъ, с.с. 90, 124.

сѣверъ. Ченслеръ, дѣйствительно, случайно заброшенный къ устью Сѣверной Двины, возымѣлъ счастливую мысль отсюда вести съ Москвой торговлю. Здѣсь уже существовалъ древній торговый городъ Холмогоры. Согласно Ченслеру, сѣверные охотники за пушиной и моржевой костью, „привозятъ свою добычу въ Лампожню для продажи, а оттуда ее везутъ въ Холмогоры, гдѣ въ Николинъ день бываетъ большая ярмарка“ [1]). Англичане же обосновались около монастыря Св. Николая, лежавшаго на лѣвомъ берегу Двины. Однако лифляндская торговля не ослабѣла, и Грозный упорно стремился получить балтійское побережье въ свое обладаніе. Здѣсь, въ Нарвѣ, бывшей тогда русской, въ большихъ размѣрахъ велась торговля, сюда прибывало до 300 и болѣе кораблей, купцы получали большія прибыли, но, какъ говорится въ проектѣ Энгельстадта 1589 г., послѣ 1581 г., „когда великій князь долженъ былъ уступить Нарву шведамъ, торговля тамъ совсѣмъ пала, и теперь царь хочетъ сосредоточить ее исключительно въ Холмогорахъ“. Такъ началась усиливаться сѣверная торговля. Какъ уже выше было упомянуто, голландцы еще въ 1566 г. завязали торговлю съ русскими черезъ Колу, и хотя англичане старались помѣшать этой торговлѣ, но русское правительство ее поддерживало; въ 1578 же году голландскій корабль впервые явился въ Пудожемское устье, которое было гораздо удобнѣе для торговли и стоянки кораблей, чѣмъ пристань англичанъ у мон. Св. Николая, и въ 1583 г. было приказано построить тутъ, на правомъ берегу Двины, Архангельскій городъ, въ которомъ потомъ и сосредоточилась вся внѣшняя торговля русскихъ съ западными государствами. Въ 1586 г. французскій корабль впервые посѣтилъ Архангельскъ [2]). Но Пудожемское устье, черезъ которое ходили къ этому городу, было занесено пескомъ, и поэтому голландцы же просили позволенія оставить его, а ходить въ Березовское устье, что и было приказано въ 1647 г. [3]). Архангельскъ первоначально не имѣлъ самостоятельнаго торговаго значенія. Флетчеръ, бывшій въ Россіи въ 1588 г., не говоритъ о пошлинахъ, взимаемыхъ въ Архангельскѣ или Холмогорахъ, и даже ни разу не упоминаетъ названія Архангельска, а только пристань Св. Ни-

---

[1]) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ.“, с. 2.

[2]) В. А. Кордтъ, „Оч. снош. Моск. гос. съ респ. С. Нид.“, Сб. Имп. Р. Ист. О., т. 116, с.с. LXX—LXXI и др.

[3]) Б.-Каменскій, „Обз. внѣшнихъ снош.“, I, с. 182, прим. 2.

колая[1]). Но, съ развитіемъ внѣшней торговли, Архангельскъ въ XVII в. сталъ играть большую роль. Нѣкоторые иноземцы ежегодно привозили туда, по словамъ одного иностранца (1613 г.), товаровъ на 500, 600 руб. пошлинъ, а по словамъ другого (1629 г.),—на 1.000 и даже болѣе рублей[2]). При Олеаріи, который, кажется, первый изъ иностранцевъ сообщилъ въ печати описаніе Архангельска[3]) и далъ его видъ и карту Бѣлаго моря, нарисованные лицомъ, „не разъ туда ѣздившимъ", самъ Архангельскъ, по разсказамъ, былъ не великъ, но зато его посѣщало много иностранныхъ купцовъ и голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ судовъ, а также туда пріѣзжали нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, и русскіе купцы со всей Россіи. „Нынѣшній великій князь, пишетъ Олеарій, подразумѣвая подъ княземъ Алексѣя Михайловича, перенесъ сюда большую таможню", и мы, дѣйствительно, видимъ съ половины XVII в. удвоенное возрастаніе сбора архангельскихъ пошлинъ. Впрочемъ Олеарій сообщаетъ, что, какъ полагали, вслѣдствіе нѣкоторой обременительности архангельскихъ пошлинъ, а съ другой стороны, вслѣдствіе того, что Швеція брала черезъ Лифляндію къ Нарвѣ всего 2% пошлины, большая часть архангельской торговли направится въ будущемъ черезъ Лифляндію, тѣмъ болѣе, что тутъ для торговли меньше было опасности; въ самомъ дѣлѣ, во время англо-голландской войны въ Нарву пришло много товаровъ и изъ Германіи и изъ Россіи, и Олеарій даже думалъ, что Ревель по своему торговому значенію падетъ, а Нарва усилится[4]). Въ 1646 г. русскіе торговые люди даже жаловались своему правительству, что анбурцы, брабанцы и голландцы, сговорясь съ шведской королевой,

---

[1]) Значеніе другихъ торговыхъ городовъ, по даннымъ Флетчера, (с. 45), было слѣдующее. Ежегодно платили пошлины: Старая Руса—18 тыс. руб., Москва—12 т. р., Псковъ—12 т. р., Казань—11 т. р., Смоленскъ—8 т. р., Н. Новгородъ—7 т. р., В. Новгородъ—6 т. р., Вологда—2 т. р., Кострома—1,8 т. р., Ярославль—1,2 т. р., Торжокъ—0,8 т. р., Тверь—0,7 т. р. „Пошлина съ другихъ торговыхъ городовъ бываетъ иногда болѣе, а иногда менѣе значительна, смотря по ихъ торговымъ оборотамъ и барышамъ въ теченіе года".

[2]) Сб. Имп. Р. Ист. О., т. 116, грамоты, с.с. CCCXXIII, CCCXL.

[3]) Почти одновременное описаніе Архангельска сдѣлалъ въ 1653 г. въ донесеніи къ шведской королевѣ Родесъ, лично бывшій въ 1652 г. въ этомъ городѣ (Родесъ, с. 189).

[4]) Олеарій, с.с. 156—157, 118—119.

предоставили торговымъ людямъ Московскаго государства безпошлинно торговать въ Ивангородѣ, чтобы перевести архангельскую ярмарку въ этотъ городъ. При этомъ жалобщики признавали большое значеніе Ивангорода и указывали, что при Іоаннѣ Грозномъ, когда онъ былъ русскимъ, въ немъ собиралось въ годъ таможенныхъ пошлинъ по 50 тыс. и больше рублей[1]), т. е. „предъ нынѣшнимъ, какъ нынѣ сбирается у Архангельского города, вдвое“ [2]). Такимъ образомъ сборъ Архангельска тогда былъ равенъ 25 тыс. руб. Однако усиленіе въ то время лифляндской торговли было лишь временное, въ особенности вызванное англо-голландской войной, но стоило ей только прекратиться, а русскимъ увеличить въ Новгородѣ пошлины, сравнивъ ихъ этимъ съ архангельскими, какъ прежней широкой волной товары пошли по сѣверному пути. Самъ Родесъ, усиленно развивавшій мысль о перенесеніи бѣломорской торговли на Балтійское море, въ 1653 г. хотя и заявлялъ, что балтійскій путь выгоднѣе и удобнѣе сѣвернаго, но сознавался, что иностранцы все-таки предпочитаютъ послѣдній, такъ какъ при рейсѣ черезъ Балтійское море имъ приходилось бы считаться также съ пошлинами на Зундѣ и въ Лифляндіи, а при рейсѣ на Архангельскъ—только съ русскими[3]). Кромѣ того, при плаваніи черезъ Зундъ, кораблямъ могла грозить конфискація товаровъ или задержка со стороны Даніи. Напримѣръ, при Горсеѣ „датскій король остановилъ и задержалъ англійскіе купеческіе корабли и имущество въ Зундѣ, у Копенгагена, за противозаконный ввозъ черезъ его таможню полотенъ и другихъ товаровъ, которые при этомъ были конфискованы. Купцы просили (англійскую) королеву письменно требовать отъ короля удовлетворенія“ [4]). Такихъ случаевъ было много. Русскіе же не хотѣли торговать черезъ Лифляндію, чтобы не зависѣть отъ шведской политики[5]). Сами шведы, конечно,

---

[1]) При чемъ пошлины были „иманы нынѣшняго времени менши, всего по 3 денги съ рубля противъ торговой записки“.

[2]) Акты Арх. Эксп., IV, с.с. 20, 14.

[3]) Родесъ, с. 187.

[4]) Горсей, пер. Бѣлозерской, с. 85.

[5]) Причины нежеланія русскихъ и иностранцевъ перемѣнить Бѣлое море на Балтійское выяснены въ нашей статьѣ: „Донесенія Родеса и архангельско-балтійскій вопросъ въ пол. XVII в.“, Ж. М. Н. Пр., 1912 г., № 3, с.с. 102—104.

хорошо понимали, что удерживаетъ русскихъ торговать черезъ Балтійское море. Въ посольство 1673—1674 г., т. е. въ пребываніе Кильбургера въ Москвѣ, шведскіе послы должны были поднять вопросъ и объ архангельской торговлѣ; при этомъ, если бы русскіе сослались на опасность пріѣзжать во время войны въ шведскія гавани или выразили опасеніе произвольныхъ повышеній пошлинъ и тарифовъ со стороны Швеціи, послы должны были отвѣтить, что король готовъ обѣщать никогда не увеличивать со своей стороны пошлинъ выше уже установленной таксы, и что гарантію въ этомъ возьмутъ на себя Англія, Франція и Германія [1]). Конечно, это не могло прельстить Россіи, знавшей истинную цѣнность международныхъ обязательствъ, но она совсѣмъ иначе отнеслась бы къ этому предложенію, если бы прибалтійскія земли были подъ ея властью. Взгляды русскаго правительства на этотъ вопросъ нашли себѣ очень хорошее освѣщеніе въ частномъ разговорѣ, который велъ со шведскими послами въ Новгородѣ (въ 1655 г.) одинъ важный русскій (но изъ иностранцевъ) купецъ—Петръ Николаевъ; именно онъ имъ неофиціально заявилъ, что для шведовъ и для русскихъ было бы, дѣйствительно, важно перевести торговлю изъ Архангельска на Балтику, и это можно было бы осуществить, если бы король уступилъ царю Ингерманландію, которая королю приноситъ мало пользы, а царь отказался бы за это отъ своихъ притязаній на Литву [2]). Конечно, шведы не могли на это согласиться, и русскіе должны были заботиться о развитіи своего единственнаго сѣвернаго порта. Насколько тягостно чувствовалось въ Россіи отсутствіе свободнаго незамерзающаго выхода къ морю, ясно сказывается въ слѣдующихъ словахъ умнаго печальника о русской землѣ Юрія Крижанича: „Русь заперта отовсюдъ. Сіе преславное государство, будучь тако широко и безмѣрно долго, однакожь отъ всѣхъ странъ есть заперто въ торгованію. Отъ сѣвера насъ пашетъ Студеное море и пустыя земли. Отъ востока и полудня окружаютъ дивіи народы, съ коими никаково торгованіе быть не можетъ. Отъ запада, въ Литвѣ и въ Бѣлой Руси, ничто ся не родитъ оныхъ вещей, коихъ мы потребуемъ; развѣ единая мѣдь у Свѣдовъ. Тор-

---

[1]) Г. Форстенъ, „Сн. Шв. и Рос. во II пол. XVII вѣка“, Ж. М. Н. Пр, 1899 г., іюнь, с. 292.

[2]) Г. Форстенъ, „Сн. Шв. и Рос. во II пол. XVII в.“, Ж. М. Н. Пр., 1898 г., февраль, с. 242.

тованіе Азовское и Черноморское, кое бы сей землѣ наикорыстнѣе было, то держатъ обсѣдено Крымцы. Торгованіе Астраханское запачаютъ (задерживаютъ) Ногайцы. Торгованіе съ Бухарми въ Сибири засѣдаютъ Калмыки. И тако намъ остаютъ токмо три отъ страховъ слободна торговища: по суху Новгородъ и Псковъ, а на водѣ Архангельское пристаніе; али къ тому путь есть несмѣрно предалекъ и трудовенъ“ [1]). Тѣмъ не менѣе Архангельскъ былъ наиболѣе оживленнымъ пограничнымъ русскимъ городомъ. Сюда и въ Холмогоры приходили торговцы и промышленники изъ Устюга, Ваги и другихъ городовъ съ хлѣбомъ и всякими товарами, съ Мурманскаго берега съ рыбой и саломъ, изъ Поморскихъ волостей съ разными товарами и деньгами, съ Новой Земли съ кожей, моржовымъ саломъ, рыбьимъ зубомъ, такъ что тутъ лѣтомъ и осенью обыкновенно бывало много русскихъ торговыхъ людей [2]). Сюда же пріѣзжало много иностранцевъ изъ-за моря и изъ Москвы вмѣстѣ съ русскими купцами, такъ что во время архангельской ярмарки торговая жизнь самой Москвы ослабѣвала, вслѣдствіе выѣзда купцовъ въ Архангельскъ [3]). Сама казна посылала въ Архангельскъ свои товары, напр., въ половинѣ XVII в. мѣховъ на 10—20 т. р. [4]). „Царь, разсказываетъ докторъ Коллинсъ, отправляетъ въ Архангельскъ огромное количество мѣховъ, мыла, пеньки, льна, что мѣняетъ тамъ на шелковыя ткани, мѣха, бархаты, парчи, атласы, сукна...“ [5]). Русское правительство къ тому же прилагало усилія еще болѣе расширить архангельскую торговлю и призывало ино-

---

[1]) „Рус. госуд.“, № 1, с.с. 7—8. Крижаничъ считалъ необходимымъ, какъ можно больше, завести пограничныхъ торговыхъ центровъ: „Въ семъ владательству... мало есть торжищь; и треба бы ихъ искать и нарядить множе. Чѣмъ бо множе торговищь имаетъ кое кралество, тѣмъ бываетъ богатѣе. Могло бы ся нарядить едно торговище на Дону, супроть Азову, для торгованія съ Турки; друго въ Калмыкехъ на Ертышу, при Сланомъ езеру, либо индѣ, для Индѣйскаго преторгованія; третіе въ Путивлю для Украинцевъ и Волошановъ; четвертое со временомъ въ Давурехъ. А Хвалынское море наполнить бы царскими кораблями, добро устроеными для Перскихъ товаровъ“ (с.с. 12—13).

[2]) Доп. къ Акт. Ист., III, с.с. 117—118.

[3]) „Донесенія Родеса и арх.-бал. вопросъ...“, с. 93.

[4]) Родесъ, с.с. 214—216.

[5]) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 153. Русскій Вѣстникъ, 1841 г., № 9, с. 568.

странцевъ пріѣзжать въ Бѣлое море. Такъ въ 1667 г. посольство Потемкина приглашало французовъ торговать у Архангельска, и французы обѣщали въ слѣдующемъ году послать туда свои корабли [1]). Заботы русскихъ объ улучшеніи и увеличеніи русской торговли были замѣчены Рейтенфельсомъ: „Въ послѣднее время въ Московіи обращено большое вниманіе на распространеніе торговли", и многіе иноземные купцы посѣщали Архангельскъ [2]).

Архангельская пристань, по донесенію Родеса, была бурной и мелкой, такъ что корабли нагружались вдали отъ берега; кромѣ того, они иногда задерживались неблагопріятными вѣтрами или, вслѣдствіе внезапно наступившей зимы, должны были немедленно отплывать, потому что перезимовать въ Архангельскѣ они не могли изъ-за чрезмѣрнаго большого тутъ ледохода [3]). Военныя суда, сопровождавшія торговые флоты, не смѣли итти дальше острова Самоѣдовъ, отстоящаго отъ Архангельска на хорошій пушечный выстрѣлъ. На немъ англичане имѣли складъ товаровъ, но суда нидерландцевъ и гамбуржцевъ шли къ самому Архангельску. Въ Архангельскѣ было нѣсколько пристаней, напр., нѣмецкая, англійская, клинкова, т. е. пристань, принадлежащая фирмѣ Георга Кленка. Самая большая пристань была нѣмецкая [4]).

---

[1]) Вивліоѳика, изд. II, 1788—1791 г.г., ч. IV, с.с. 517—518. Донесеніе о пріемѣ московскихъ пословъ Потемкина и Волкова въ Франціи въ 1681 г. —Сб. Имп. Рус. Ист. О., т. 34, с.с. 1—10. Царь Михаилъ разрѣшилъ русскимъ купцамъ грамотой (которую относятъ къ 1630 г.) торговать черезъ Нарву и Новгородъ съ платежомъ всего 2%, и русскіе въ Франціи тоже должны были платить 2%. (Ю. Щербачевъ, „Датскій Архивъ", М., 1893 г. с. 200).

[2]) Ж. М. Н. Пр., XXIII, с.с. 43—44.

[3]) Родесъ, с.с. 189, 191. Изъ Двинской лѣтописи видно, какія большія разрушенія причиняли бури и ледоходы архангельскимъ купцамъ. Напримѣръ, 18 сентября 1695 г. (лѣтопись неточно переводитъ старое лѣтосчисленіе на новое—1696 г.) „нощь и день погода вельми была страшня и тою погодою и буреваніемъ у города Архангельскаго корабли съ якорей рвало и на мель бросило, а иные о камень проломило, также и ладьи на берегъ заметало и барки и дощаники и всякіе суды съ товаромъ и хлѣбомъ топило и разбивало и люди тонули и торговые мосты и съ товары всякими разбило, также и повозки нѣмецкія съ товары и со всякимъ питіемъ разбивало" (Лѣтопись Двинская А. Титова, с. 91).

[4]) „Посольство К. ф.-Кленка", с.с. 311—313.

Торговыхъ дворовъ въ Архангельскѣ при Родесѣ (1653 г.) было три: англійскій, голландскій и русскій, всѣ деревянные. Каждый купецъ имѣлъ здѣсь для себя амбаръ и комнату для письмоводства, но кухни были вдали, благодаря которымъ 30 лѣтъ до Родеса, пожаръ уничтожилъ всѣ три двора и почти всѣ товары. Нѣсколько повыше лежалъ самъ гор. Архангельскъ, который былъ не великъ и окруженъ деревянной стѣной; въ немъ только находились дома воеводы и дьяка, нѣсколько хлѣбныхъ амбаровъ и маленькая каменная кладовая для казенныхъ товаровъ, которые гости тамъ же и продавали [1]. Въ маѣ 1667 г. въ Архангельскѣ былъ опять большой пожаръ, и нѣмецкіе амбары, гостиные русскіе и нѣмецкіе дворы, таможня, кружечный дворъ и пр.— „всѣ сгорѣли безъ остатка и съ тѣмъ мѣстѣ того-жъ лѣта начали торговать въ городѣ", а въ слѣдующемъ году прибыли „иноземцы градодѣльцы Петръ Марселисъ да Вилимъ Марфъ", и по чертежамъ „начаты дѣлать гостиные дворы и городъ каменной, на мѣстѣ, гдѣ были прежде русской и нѣмецкой гостиные дворы". Въ 1670 г. пожаръ повторился, сгорѣли „нѣмецкіе амбары", которые были построены на время послѣ пожара, и „отъ того пожару Архангельскій городъ и острогъ, съѣзжая изба, воеводскій дворъ и государевы житницы съ хлѣбомъ, и амбары, и лавки, которые были построены въ городѣ и въ острогѣ послѣ пожара на время, все погорѣло безъ остатку; и многія пушки мѣдныя.... растопилися, и у русскихъ людей тогда многіе товары сгорѣли" [2]. Въ 1674 г. (182 г.) въ Архангельскѣ производились постройки каменныхъ гостиныхъ дворовъ [3]. Въ слѣдующемъ году, т. е. пять лѣтъ спустя послѣ пожара, въ Архангельскѣ былъ Койэтъ; онъ говоритъ, что нѣсколько лѣтъ до него былъ пожаръ, и поэтому „недавно построенъ прекрасный четырехугольный каменный дворъ, снабженный вышками, чтобы можно было ставить туда орудія. Это зданіе очень велико и высотой въ 3 свода, построенные одинъ надъ другимъ; всѣ окна и двери изъ двойного желѣза. Этотъ дворъ называется Нѣмецкимъ Гостинымъ дворомъ. Недалеко отсюда находится еще другой дворъ, не столь высокій, куда русскіе кладутъ

---

[1] Родесъ, с. 189.
[2] Лѣтопись Двинская Титова, с.с. 29—31.
[3] Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., арх. кн., № 8.

хранить свои товары; онъ еще не вполнѣ законченъ, но его строятъ съ большимъ прилежаніемъ". Всѣ туземные и иностранные товары „нужно складывать здѣсь, оставляя внѣ лишь образчики", а поэтому каждый купецъ нанималъ тутъ для себя камеру за небольшія деньги. Сама архангельская крѣпость была изъ бревенъ. „Внутри этой крѣпости находится большая часть лавокъ и лабазовъ со всевозможными товарами". Тутъ пребывалъ „губернаторъ", но послѣ ярмарки онъ жилъ въ Холмогорахъ. „Городъ (Архангельскъ) со стороны суши очень болотистъ" [1]).

Церковь въ Архангельскѣ, по свидѣтельству того же автора, была голландская, небольшая, въ которую въ торговое время собиралось много молящихся. Въ 1701 г. тутъ упоминаются уже двѣ церкви: лютеранская и реформаторская [2]).

Къ главѣ II.

Архангельскіе рейсы совершались крупными иностранными купцами и компаніями, ведущими міровую торговлю, и ослабѣвали или прекращались только вслѣдствіе войнъ и другихъ политическихъ осложненій, нарушавшихъ мирный ходъ жизни.

Торговаго морского флота у русскихъ не было. Проекты его постройки 1651 г. Жана де Грона [3]) и 1661 г. Густава фонъ Кемпена [4]) остались невыполненными. Однако, несмотря на это, русскіе совершали недалекія морскія путешествія и, напримѣръ, по Балтійскому морю они плавали въ Швецію на своихъ ладьяхъ, какъ упоминаетъ самъ Кильбургеръ [5]). Двинская лѣтопись между прочимъ упоминаетъ (1668 г.), что русскіе на „лодьяхъ" ходили на

---

[1]) „Посольство К. ф.-Кленка", с.с. 311—315.

[2]) Бруинъ, Чтенія, 1872 г., I, с. 27.

[3]) Родесъ, с.с. 80—81.

[4]) С. Г. Гр. и Дог., IV, с. 179.

[5]) С.с. 93, 122. Шведы тоже на ладьяхъ приходили въ Россію и въ 1618 г. просили позволить имъ свободно ходить „отъ Ладожскаго озера по рѣкѣ в Олонецъ и в Заонежьѣ с лодьями и торговати съ русскими людьми" (К. Якубовъ, „Рос. и Шв.", с. 91).

Соловецкій монастырь [1]). Впрочемъ, какъ сообщаетъ Рейтенфельсъ о русскихъ, „для вывоза въ разныя мѣста морскимъ путемъ своихъ товаровъ, они обыкновенно нанимаютъ за большую цѣну иностранныя суда, такъ какъ у нихъ судовъ, сдѣланныхъ у себя, немного, да тѣ не прочны“ [2]). Но зато русскіе имѣли возможность дѣятельно участвовать въ перевозкѣ товаровъ по внутреннимъ рѣчнымъ путямъ въ Архангельскъ и оттуда. По словамъ Дженкинсона, русскіе насады были плоскодонны, широки, закрыты, сидѣли не выше 4 футовъ надъ водой, поднимали до 200 тоннъ, были цѣликомъ изъ дерева, безъ желѣзныхъ скрѣпленій, плавали подъ парусами или, при безвѣтріи, „одни тащатъ судно, другіе на самой баркѣ двигаютъ ее длинными шестами. На Двинѣ много такихъ барокъ, большая часть которыхъ принадлежитъ г. Вологдѣ, потому что здѣсь живетъ много купцовъ, занимающихся перевозкой соли отъ моря къ Вологдѣ“ [3]). Горсей видалъ до 20 „большихъ барокъ и судовъ, (только что) построенныхъ въ Вологдѣ“ для царя иноземцами и украшенныхъ звѣриными фигурами и раскрашенныхъ. „Въ скоромъ времени, сказалъ Грозный Горсею, ты ихъ увидишь сорокъ и не хуже этихъ“ [4]). У Традесканта (1618 г.) мы находимъ описаніе нѣсколькихъ родовъ судовъ, видѣнныхъ имъ на Двинѣ у Архангельска [5]). Также подробныя свѣдѣнія о плаваніи русскихъ даетъ Койэтъ. Онъ говоритъ, что у нихъ есть барки, дощаники, а также лодьи, большею частью открытыя, съ будочкой сзади и обыкновенно съ однимъ парусомъ. „Я ихъ видѣлъ, пишетъ онъ, и съ небольшой бизанью сзади. На этихъ судахъ

---

[1]) Лѣтопись часто упоминаетъ о „лодіяхъ“, или „ладьяхъ“ (Титовъ, с.с. 31, 32, 33, 38 и др.).

[2]) Чтенія, 1906 г., III, с. 133. Ж. М. Н. Пр., XXIII, с. 44. Русскіе купцы могли выѣзжать за предѣлы Россіи только „непремѣнно съ разрѣшенія царя и съ обязательствомъ вернуться обратно“ (Рейтенфельсъ, тамъ же. О запрещеніи русскимъ выѣзжать изъ Россіи упоминается и въ „Опис. Московіи при реляціяхъ гр. Карлейля“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 38).

[3]) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ.“, с. 31. О тяжелой работѣ двинянъ при движеніи дощаниковъ по С. Двинѣ также упоминаетъ Родесъ (с. 191). Въ 1646 г. русскіе жаловались, что прежде по С. Двинѣ ходили съ англійскими товарами 2—3 дощаника, а когда англичане (послѣ смуты) стали торговать врознь, то по 30—40 и больше (Акты Археогр. Эксп., IV, с. 17).

[4]) Горсей, пер. Бѣлозерской, с. 44.

[5]) Гамель, „Англ. въ Рос.“, с. 142.

они переѣзжаютъ черезъ Бѣлое море, вдоль лапландскаго берега, до Колы и другихъ мѣстъ, лежащихъ тамъ, и ходятъ даже въ Новую Землю". Кромѣ этихъ лодьей (Lotjaas), были еще „карбасы", или иначе „лодки" (Lotke), вырубленные изъ одного дерева, для одного или восьми человѣкъ и легко переносимые съ мѣста на мѣсто; такихъ карбасовъ можно было видѣть тысячи, и на нихъ русскіе ѣздили вверхъ и внизъ по С. Двинѣ. Дощаники же, какъ пишетъ этотъ авторъ, служили для доставки тяжелыхъ товаровъ внизъ по теченію при высокой водѣ въ Архангельскъ, гдѣ эти дощаники потомъ дешево продавались на сломъ, такъ какъ „было бы слишкомъ дорого вести ихъ снова вверхъ по рѣкѣ" [1]). Конечно, это не могло быть общимъ правиломъ, потому что дощаники нужны были для доставки европейскихъ товаровъ изъ Архангельска во внутренніе русскіе города.

Хотя изъ вышеизложеннаго видно, что русскіе на своихъ судахъ совершали плаванія не только рѣчныя, но и морскія, однако они обыкновенно ограничивались побережьемъ Ледовитаго и Балтійскаго морей. Далекое же морское сообщеніе Архангельска съ западными государствами совершалось самими иностранцами.

Иностранные купцы, производившіе эту торговлю и жившіе съ этой цѣлью въ Москвѣ, отчасти перечислены Кильбургеромъ. Крижаничъ объясняетъ, что всѣ иностранцы, торговавшіе въ Россіи, не были самостоятельными хозяевами, а факторами, приказчиками и посредниками своихъ хозяевъ, живущихъ въ другихъ странахъ, пересылавшими имъ изъ Россіи много товаровъ, купленныхъ „найдешевлею цѣною, въ найдешевлю пору" [2]). Когда два года спустя послѣ Кильбургера въ Москву въѣзжалъ голландскій посолъ Кунрадъ фанъ-Кленкъ, его встрѣтили „голландскіе и другіе иноземные купцы, составлявшіе отрядъ въ 60 лошадей"; не было только шведовъ. Голландская книга перичисляетъ этихъ купцовъ: „Голова: Италіанецъ Ѳранцъ Карповъ сынъ Гвасконіи, у него въ сотнѣ: Андрей Бутенантъ, Данило Артманъ, Вахромей Меллеръ, Адольфъ Гутманъ, Кондратей Канегитеръ, Елисѣй Глюкъ, Петръ Гасеніюсъ, Матвѣй Розенвинкель, Степанъ Элель, Кондратей Нондерманъ, Иванъ Фарьюшъ, Корнило Богартъ, Еремѣй оанъ-Троинъ,

[1]) „Посольство К. ф.-Кленка", с. 316.
[2]) „Рус. госуд.", № 1, с.с. 3—4.

Андрей Кенкель, Андрей Свелингребель, Иванъ Гутманъ, Иванъ ѳанъ-Керинъ, Борисъ Геинъ, Захарей Гервинъ. А съ ними молодыхъ дѣтей и братей и племянниковъ 40 человѣкъ". Самъ авторъ въ своемъ сочиненіи о посольствѣ Кленка по поводу разныхъ обстоятельствъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ иностранныхъ купцахъ въ Москвѣ: о „двухъ изъ именитѣйшихъ нѣмецкихъ купцахъ" Келлерманѣ и Маргсгофѣ, о Питерѣ Ла-Далѣ, Арсеніусѣ, Гартманѣ, Варнарѣ Миллерѣ (Warnar Muller), Адольфѣ Гоутманѣ, Бутенантѣ и Каннехитерѣ. Въ Устюгѣ пришли къ Кленку нидерландцы: Sr. Брантъ, Хиллесъ Барентсзоонъ Клукъ и Клейтингъ [1]). При Невиллѣ (1689 г.) въ Московіи торговало болѣе 200 голландцевъ, а „въ предмѣстьяхъ Москвы живетъ въ настоящее время болѣе тысячи купцовъ англійскихъ, голландскихъ, фламандскихъ, гамбургскихъ и итальянскихъ. Они торгуютъ русской кожей и кавіаромъ, или осетровой икрой... фламандцы и гамбуржцы покупаютъ у нихъ (русскихъ) воскъ и желѣзо" [2]). Что касается иноземныхъ купцовъ, жившихъ ради торговли въ Москвѣ въ концѣ XVII в., то, по словамъ Корба, они были „по большей части англичане и голландцы. Только одинъ пріѣхалъ въ Москву изъ Италіи и пребываетъ въ Московіи и доселѣ, именно Антоній Гваскони, изъ области Великаго Герцога Тосканскаго, католикъ. Число некатоликовъ гораздо больше, какъ напримѣръ: Миндеръ, Голль, Вольфъ, Брандтъ, Липпсъ, Поппъ, Лейденъ, Гакенбрандтъ (Hackenbrandt), Изенбрандтъ, Каннергиссеръ (Kannengiesser)" [3]).

Нѣкоторые иностранцы принимали большое участіе въ исторіи экономическаго развитія Россіи. Напримѣръ, отецъ часто упоминаемаго нами голландскаго посла Кунрада Кленка, именно Георгъ Эверардъ Кленкъ, или, какъ его иначе называютъ русскіе документы, Юрій (Ивановичъ) Клинкъ или Клинкинъ, почти полстолѣтія велъ крупную торговлю съ Россіей; его имя часто встрѣчается въ русскихъ документахъ съ 1608 по 1651 г.; еще въ началѣ XVI вѣка онъ имѣлъ свои дворы въ Москвѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ и Архангельскѣ, а въ послѣднемъ даже свою пристань — Klinke Brug. Его сынъ Кунрадъ фанъ-Кленкъ „много прожилъ въ Мо-

[1]) „Посольство К. ф.-Кленка", с.с. CIV, 384, 388, 435, 429, 374, 466, 345.
[2]) Рус. Старина, 1891 г., т. 72, с. 275.
[3]) Корбъ, с.с. 259—260.

сковіи, велъ съ нею торговлю... Много лѣтъ тому назадъ онъ особой милостью его ц. велич. былъ сдѣланъ гостемъ (извѣстное почетное званіе, которымъ иногда его ц. в. чтитъ нѣкоторыхъ именитѣйшихъ купцовъ: оно соединено съ извѣстными привилегіями)..." [1]). Поэтому Голландія и послала его въ 1675 г. посломъ въ Россію.

Въ XVII вѣкѣ пользовался также большой извѣстностью гамбургскій торговый домъ Марселисовъ, который долго и льготно торговалъ по всей Россіи, однако оптомъ и съ уплатой пошлинъ. Онъ имѣлъ свои дворы въ Колѣ, Архангельскѣ, Холмогорахъ, Вологдѣ, Ярославлѣ и Москвѣ [2]).

Относительно Генриха Бутснанта, упоминаемаго Кильбургеромъ, извѣстно, что въ Россіи его звали Андреемъ, и въ 1679 г. онъ просилъ царя о высылкѣ русскихъ войскъ въ Лифляндію противъ шведовъ и поляковъ, а въ іюлѣ того же года приказано его писать приказчикомъ датскаго короля; въ февралѣ 1689 г. датскій комиссаръ Бутенантъ сообщилъ, что онъ сталъ дворяниномъ, съ прибавленіемъ къ своей фамиліи фонъ-Розенбушъ [3]).

Число кораблей, пристававшихъ къ Архангельску, не поддается точному подсчету и, по неполнымъ даннымъ, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

1556 г.	—	3 англ. кор. [4]).
1557 г.	—	4 англ. кор. [5]).
Вообще	—	„отъ 8 до 9 англ. судовъ" [6]).

---

[1]) „Посольство К. ф.-Кленка", с.с. X, XI, 37, 313, 275—276.

[2]) Костомаровъ, „Оч. торг. Моск. госуд.", изд. II, с.с. 64—65.

[3]) Б.-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ снош.", I, с.с. 233—235. Андрей Бутенантъ (Бутманъ) фонъ Розенбушъ (Розенбошъ) имѣлъ (вмѣстѣ съ Христ. Марселисомъ) въ нѣсколькихъ мѣстахъ Олонецкаго уѣзда желѣзные и мѣдные заводы, но по грамотамъ 1690-хъ г.г. доля Хр. Марселиса перешла къ отцу и сыну Бутенантамъ (Вс. Ѳ. Миллеръ, „Датскій комиссаръ, какъ герой русской былины", Вѣстникъ Европы, 1909 г., с.с. 680—698, 690).

[4]) Эти корабли отплыли изъ Россіи 20 іюля 1556 г. и безъ вѣсти пропали (С. М. Середонинъ, „Соч. Д. Флетчера", П., 1891 г., с. 12).

[5]) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос. во II пол. XVI в.", с. 12.

[6]) Въ первые годы приходило въ Архангельскъ, по словамъ Барберини (1565 г.), „только отъ 8 до 9 англ. судовъ" (Сынъ Отеч., 1842 г., ч. III, № 7, с. 29).

1582 г. — 6 голл.[1] + 9 англ. кор.[2]).
Вообще — 10 англ. кор. среднимъ числомъ[3])
1600 г. — 21 кор. (12 англ. + 9 голл.)[4]).
Вообще — 30—40 голл. кор.[5]).
1604 г. — 29 кор.[6]).
Вообще (1607 г.) — 20 и болѣе голл. кор.[7]).
Смута[8]).
1613 г. — 30 голл. кор.
1614 г. — 35 голл. кор.
Вообще (1617 г.) — 20—30 большихъ голл. кор.[9]).
1618 г. — 43 кор. (30 голл.)[10]).

[1]) В. А. Кордтъ, „Оч. снош. М. гос. съ респ. С. Нидерл. по 1631 г.“, Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 116, с.с. CCLXXXV, CCLXXXVI, LXIV, CLXIX.

[2]) Англійская компанія въ 1582 г. отправила къ гавани Св. Николая 9 англ. кораблей, а раньше обыкновенно ежегодно посылала всего по 3 корабля (Ключевскій, „Сказ. иностр...“, Моск. Унив. Извѣстія, 1866 г., № 8, с. 236).

[3]) По словамъ капитана Карлейля (1583 г.), ежегодно посылались въ Архангельскъ среднимъ 10 англ. кораблей (прим. 1). Горсей „отправился очень удобно изъ Англіи, въ сопровожденіи 9 англійскихъ хорошихъ купеческихъ кораблей“, въ портъ Св. Николая. Въ Москву же онъ прибылъ въ апр. 1586 г. (пер. Бѣлозерской, с. 70, прим.).

[4]) С. Огородниковъ, „Очеркъ ист. г. Арх.“, Морской Сборникъ, 1889 г., № 10, с. 127. Когда Микулинъ прибылъ къ Новому Архангельскому городу 9 іюля 1600 г., тамъ нашелъ 2 англ. корабля, а ожидалось еще 11 англ. кор. („Посольство въ Англію дворянина Григ. Микулина въ 1600 и 1601 г.г.“, Н. Чарыковъ, Древняя и Новая Россія, П., 1876 г., с. 9). Изъ нихъ 10 кор. пришло 29 іюля, а потомъ, очевидно, еще одинъ англ. корабль, потому что 17 августа 1600 г. изъ Архангельска отошло всего 13 кораблей. Въ томъ же году въ іюнѣ также пришло 9 голл. кораблей (Сб. Имп. Р. Ист. О., т. 38, с.с. 363, 303, 315—317).

[5]) По словамъ одного англичанина въ 1603 г., нидерландцы посылали въ Архангельскъ отъ 30 до 40 кораблей, а англійская торговля постепенно падала, и „три года тому назадъ мы (англичане) отправили въ Россію четыре корабля, а въ послѣднемъ году только два или три“ (прим. 1).

[6]) Огородниковъ, с. 127.

[7]) Прим. 1.

[8]) Во время смуты иностранные корабли большею частью возвращались изъ Архангельска пустыми, потому что тогда торговля ослабѣла („Сказанія Массы и Геркмана“, П., 1874 г., с.с. 256—257).

[9]) Прим. 1.

[10]) Огородниковъ, с. 127. Англійская компанія, по донесенію Массы, послала въ Архангельскъ въ этомъ году только три корабля (прим. 1).

1621 г. — 25 (голл.) кор. (по 7 іюля) [1]).
Вообще (1626 г.) — 14—16 голл. кор. [2]).
1630 г. — ок. 100 голл.+нѣск. англ. [3]).
1631 г. — 38 голл. кор. [4]).
1634 г. — 54 кор. [5]).
1647 г. — 22 кор. (14 голл.+6 англ.+2 брем.) [6])
1652 г. — болѣе 80 кор. [7]).
1653 г. — мало кор. [8]).
1655 г. — 67 кор. [9]).
1658 г. — 80 кор. (4 англ.).
1668 г. — 37 кор. [10]).
1669 г. — 47 кор.
1670 г. — 30 кор. [11]).
1673 г. — 33 кор. (19 голл.+10 гамб.+4 брем.) [12]).

---

[1]) „Столбцы бывшаго Архива Оруж. Палаты", в. I, М., 1912 г., № 513, с. 157. По Огородникову же (с. 127)—67 кор.

[2]) С. 433, прим. 1.

[3]) Именно столько кораблей стояло на архангельскомъ рейдѣ 27 августа 1630 г. (Отчетъ нидерл. пословъ Бурха и Фелтдриля 1630—1631 г.г. въ Сб. Имп. Рус. Ист. О., т. 116, с. 18).

[4]) Именно въ іюлѣ въ Архангельскѣ было 32 нидерландскихъ торговыхъ корабля, нагружавшихся зерномъ, а 11 авг. прибыло сюда еще 6 купеческихъ (нидерландскихъ) судовъ (Отчетъ Бурха и Фелтдриля, с.с. 170—174, 176).

[5]) Огородниковъ, с. 127.

[6]) Такое количество судовъ стояло въ порту осенью этого года. Цѣны на ихъ товары, особенно на красную мѣдь, были самыя низкія (Г. Форстенъ, „Сн. Шв. и Рос...", Ж. М. Н. Пр., 1898 г., февр., с. 212).

[7]) Согласно Родесу, который въ донесеніи отъ 16 сент. 1652 г. писалъ, что изъ Архангельска ушло 70 кораблей съ рожью, 5 гамбургскихъ и 4 бременскихъ съ ворванью и пр., 2 судна съ икрой и юфтью и нѣсколько голландскихъ (Родесъ, с.с. 125—126).

[8]) „..во 161 г. у Архангельскаго города товаровъ было мало", „...въ приходѣ кораблей и торговъ было мало" (Доп. къ Акт. Ист., III, № 116, наказъ и гр. мая 7162 г. тамож. головѣ и двинск. воеводѣ с.с. 406, 435).

[9]) В. Крестининъ, „Краткая ист. о гор. Архангельскѣ", П., 1792 г., с. 100.

[10]) Огородниковъ, с. 127.

[11]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., арх. кн., № 5, 7178—1670 г., л. 28. Огородниковъ, тамъ же.

[12]) Кильбургеръ, с.с. 131, 132, 139.

Вообще (1689 г.) — не болѣе 30 кор.[1]).
1690 г. — 47 кор.[2]).
1693 г. — 49 кор.
1694 г. — 40 кор.
1696 г.[3]) — 20 кор.
1697 г. — 52 кор.
1698 г. — 54 кор.
1700 г. — 64 кор.[4]).

Во II половину XVII в. купцы обыкновенно много привозили товаровъ также въ Ригу, Нарву, даже въ Краловецъ и Гданскъ, но вслѣдствіе продолжительной русско-шведской войны, веденной Петромъ I, большая часть торговли перешла въ Архангельскъ, такъ что число кораблей, приходившихъ сюда, сильно увеличилось. По словамъ Бруина, обыкновенно въ Архангельскъ приходило 30—35 голландскихъ судовъ, но въ 1701 г. ихъ число увеличилось до 50; тогда же сюда приплыло 33 англ. корабля, также гамбургскіе, датскіе и бременскіе, такъ что всего было до 103 купеческихъ кораблей. Въ 1702 г. сюда пристало 154 купеческихъ корабля: 66 англ. (съ 4 военными), 66 голл. (съ 3 воен.), 16 гамб., 4 датскихъ и 2 бременскихъ. „Впрочемъ изъ англійскихъ было много небольшихъ судовъ съ незначительнымъ грузомъ“. Въ 1708 г. Бруинъ наблюдалъ у Новой Двинки „довольно пріятное зрѣлище, никогда, можетъ быть, въ этихъ мѣстахъ не-

---

1) Невилль, Русская Старина, 1891 г., т. 72, с.с. 275—276.

2) Лѣтопись Двинская Титова, с. 56.

3) Въ 1695 г. 14—15 октября „Двина льдомъ остановилась; и тѣми морозами у города Архангельскаго, за островомъ, 28 кораблей въ заморозѣ остановились и стояли въ Маймаксѣ рѣкѣ“. По другимъ спискамъ лѣтописи, зимовало 35 кораблей, а не 28. Эти корабли благополучно перезимовали. Ледоходъ подъ Холмогорами начался 30 мая 1696 г., и „того жъ числа и вологодскія суда пришли“ (Лѣтопись Двинская, с.с. 92, 94).

4) К Молчановъ, „Описаніе Архангельской губерніи“, П., при Имп. Ак. Наукъ, 1813 г., с.с. 147—153. По Лѣтописи Двинской (с. 115), въ 1700 г. пришло тоже 64 кор. Въ 1698 г., 2 и 5 іюня, пришли изъ Амстердама въ Архангельскъ 5 голландскихъ кораблей, съ экипажемъ въ 66 чел. „А пришли тѣ корабли къ торговымъ иноземцомъ по осталые товары и по лѣсъ, безъ товаровъ“; зато они привезли купленныя царемъ въ Голландіи вещи, посольскую рухлядь, 518 служилыхъ и мастеровыхъ людей да 10 человѣкъ русскихъ колмогорцевъ (Доп. къ Акт. Ист., XII, с. 395).

виданное“: около нея единовременно прошелъ торговый флотъ въ 140 судовъ (68 англ. + 50 голл. + 18 гамб. + 3 датскихъ + 1 русское)[1]. Въ 1711 г. Юль писалъ, что въ Архангельскѣ „ежегодно приходитъ около 70 англійскихъ кораблей, приблизительно столько же голландскихъ и (въ совокупности) тоже около 70 гамбургскихъ, датскихъ и норвежскихъ (судовъ)“[2]. Въ 1716 г. тамъ было 233 корабля[3]. Марпергеръ во II изданіи своей книги „Moscowitischer Kauffmann“ говоритъ, что въ Архангельскѣ „въ настоящее время“ (Heutiges Tages, т. е., очевидно, принимается во вниманіе годъ II изданія—1723) ежегодно прибываетъ 20—30 англійскихъ кораблей, но въ прибалтійскіе русскіе порты (Нарва, Рига, Ревель) гораздо больше; голландскіе же корабли ежегодно приходятъ въ Архангельскъ въ числѣ 30—40 кораблей[4]. Общій же ежегодный подсчетъ кораблей, бывшихъ съ 1700 по 1718 г. въ Архангельскѣ, находимъ у Молчанова[5].

Такимъ образомъ, уже въ началѣ XVIII в. Бѣлое море посѣщало такое количество иностранныхъ судовъ, какое не было извѣстно предыдущему вѣку, и архангельская торговля, какъ пишетъ Фоккеродтъ, была „въ очень цвѣтущемъ состояніи, такъ какъ это была единственная гавань, гдѣ русскіе купцы могли за-

---

1) Чтенія, 1872 г., I, с.с. 29, 6; II, с. 100; 1873 г., I, с. 286.

2) Чтенія, 1899 г., III, с. 317.

3) С. Огородниковъ, „Исторія Архангельскаго порта“, П., 1875 г. с. 15 (авторъ пользуется Молчановымъ).

4) P. J. Marperger, „Moscowitischer Kauffmann“, Lübeck, 1723, S. 217. I изданіе вышло въ 1705 г., II же изданіе 1723 г. переработано, и въ немъ упоминаются по разнымъ случаямъ даты 1710, 1718, 1719 и 1722 г.г.

5) Въ Архангельскъ пришло иностранныхъ кораблей съ товарами и безъ товаровъ:

1701 г.—106.	1710 г.—159.
1702 „ —149.	1711 „ —184.
1703 „ —112.	1712 „ —132.
1704 „ —122.	1713 „ —169.
1705 „ —135.	1714 „ —155.
1706 „ — 47.	1715 „ —130.
1707 „ —133.	1716 „ —233.
1708 „ —206.	1717 „ —146.
1709 „ —163.	1718 „ —116.

У насъ нѣтъ основаній считать эти данныя Молчанова невѣрными (К. Молчановъ, „Описаніе Архангельской губерніи“, П., 1813 г., с.с. 153—169).

пасаться иностранными товарами, куда стекались всѣ торговыя богатства изъ всей Россіи и Сибири... Но учрежденіе торговли въ Петербургѣ привело въ такой упадокъ архангельскую, что нынѣ привозится въ Архангельскъ мало русскихъ товаровъ, кромѣ дерева въ дѣлѣ да еще дегтя, ворвани и прочаго, которые добываются на берегахъ Бѣлаго моря и Двины и по ихъ тяжести не перевозятся въ Петербургъ; но еще меньше привозятъ туда иностранныхъ товаровъ" [1]). Еще лучше говорится о перенесеніи центра русской внѣшней торговли съ Ледовитаго океана въ Финскій заливъ въ „Торгѣ амстердамскомъ": „Въ 1722 году, когда начато приводить торгъ Санктпетербурской въ приращеніе, съ торгомъ Архангелогородскимъ здѣлалась великая перемѣна... Извѣстно, что торгъ Архангелогородской нынѣ послѣ построенія Санктпетербурга не столь силенъ, какъ онъ былъ назадъ лѣтъ около сорока", но тѣмъ не менѣе „Амстердамъ съ городомъ Архангельскомъ еще великую торговлю производитъ" [2]).

Изъ приведенной выше таблицы кораблей можно видѣть ходъ развитія сѣверной торговли. Но число кораблей невсегда можетъ служить показателемъ размѣра торговли, потому что нѣкоторые корабли иногда приходили безъ груза за русскими товарами, напр., въ 1670 г. [3]), но главнымъ образомъ потому что вмѣстимость морскихъ судовъ въ то время, какъ и теперь, была весьма различна, и были суда, привозившія лишь крайне незначительный грузъ. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ (1585 г.) у англійскаго гостя Онтона Иванова (Мерша, Мериха), торговавшаго въ Архангельскѣ и отдававшаго корабли въ наемъ, одинъ корабль поднималъ 210 ластовъ, другой 120, а три остальныхъ корабля вмѣстѣ— 390 ластовъ, „а ластъ по 12 бочекъ, а приговорены де были тѣ корабли изъ найму отъ Архангельска города до Амборскаго города, а найму де были платити ото всякого ласту по 27 ефимковъ"; у того же владѣльца были корабли (изъ Любека) въ 100 ластовъ,

[1]) Фоккеродтъ, Чтенія, 1874 г., II, с.с. 70—71.

[2]) „Торгъ амстердамской", напечатано при Имп. Моск. Унив., 1762—1763 г.г., перевелъ съ франц. Хр. Л. Веверъ, ч. II, с.с. 113, 111. Это—обширное руководство (I ч.—302 стр., II ч.—324 стр.) для международныхъ купцовъ, дающее много свѣдѣній о торговлѣ всѣхъ странъ (во II ч., с.с. 106—118—„О коммерціи Рос. госуд.").

[3]) С. 395.

(изъ Амстердама)— 80, а также въ 75 ластовъ[1]). Также невсегда можно по кораблямъ судить о количествѣ товаровъ, привезенныхъ отдѣльными лицами, потому что иностранцы, какъ замѣтилъ Крижаничъ, когда посылали корабли въ Россію или въ иное государство, не нагружали всего своего товара на одинъ корабль, „но всякій торговецъ, колико ихъ есть, раздѣлитъ свой товаръ по всѣхъ кораблехъ: да, аще кій корабель пропадетъ, не весь товаръ му згинетъ“ [2]).

Архангельская ярмарка привлекала большое количество купцовъ. 15 августа (Успеніе Богородицы), по словамъ Павла Алеппскаго, происходило въ Россіи 4 большихъ ярмарки: „Первая—въ области Серкасъ; сюда пріѣзжаютъ купцы Барса; эта ярмарка называется Долянъ; вторая—въ знаменитомъ монастырѣ Печерскомъ, въ странѣ казаковъ; третья—въ монастырѣ, въ городѣ, называемомъ Синска (Свинскъ), въ управленіи московитовъ... четвертая—въ Архангельскѣ“. Изъ Архангельска купцы уѣзжали не раньше зимы, выѣзжая въ праздникъ Св. Димитрія и пріѣзжая въ Москву къ празднику Св. Николая [3]). Бруинъ и Перри подробно описываютъ, чѣмъ торговали въ Архангельскѣ [4]). До 1663 г. архангельская ярмарка начиналась и оканчивалась въ теченіе августа, а въ этомъ году и впредь, по челобитью иноземцевъ, она была назначена московскимъ правительствомъ на 3 мѣсяца, съ 1 іюня до Семена дня, т. е. до 1 сентября, а послѣ 1 сентября „у города Архангельского всякихъ чиновъ людемъ никому никакими мѣрами не торговать и не записывать“. Но, когда русскіе торговцы съѣхались въ 1663 г. въ Архангельскъ, „изъ-за моря многіе торговые иноземцы къ Архангелскому городу на своихъ кораблѣхъ, межъ себя заговорясь, августа по 15 число не бывали“, почему русское правительство въ 1664 г. „велѣло для позднего корабелного приходу, по челобитью торговыхъ людей, у Архангельского города торговать и послѣ Семена дни, противъ

[1]) Сб. Имп. Рус Общ., т. 38, с.с. 224, 227. Ср. „Донесеніе Родеса и арх.-балт. вопросъ“, с. 87. Въ „Торгѣ амстердамскомъ“ (ч. I, с. 130) находимъ объясненіе, что „ластъ обыкновенно берется за 4.000 фунтовъ, или 2 бочки“, такъ что для 200 бочекъ нуженъ корабль въ 100 ластовъ.

[2]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 27.

[3]) П. Алеппскій, в. III, с.с. 80—81.

[4]) Чтенія, 1872 г., I, с.с. 24—30. Чтенія, 1871 г., II, с.с. 158—164.

прежнего, и до приходу послѣднихъ кораблей"[1]. Такимъ образомъ, тонкій замыселъ иностранцевъ купить передъ самымъ закрытіемъ ярмарки русскіе товары не удался, а достигнутое ими выгодное для нихъ ограниченіе срока ярмарки было уничтожено, благодаря ходатайству русскихъ купцовъ, сумѣвшихъ тѣмъ защитить свои интересы. Тѣмъ не менѣе иностранцы прибѣгали къ другимъ средствамъ дешево пріобрѣсти товары. Въ 1669 г. гости и торговые люди говорили, что „въ прошломъ году много кораблей пришло послѣ Семена дня, которые пришли и до этого времени, и тѣ торговали до Семена дня малыми торгами, а большими торгами всегда они торгуютъ на послѣднихъ дняхъ, нарочно, чтобъ у русскихъ взять товары дешево, а свои поставить дорого, и чтобъ въ позднемъ и скоромъ времени русскимъ людямъ заморскихъ товаровъ высмотрѣть было некогда"[2]. Иностранцы же въ свою очередь жаловались на непродолжительность архангельской торговли, потому что они „бывали вынуждены въ короткій срокъ скорѣе спѣшно, нежели основательно, покончить свои дѣла и поторопиться, какъ можно скорѣе, возвращеніемъ къ себѣ, дабы они могли совершить свой длинный путь при благопріятной еще погодѣ и избѣжать непріятной задержки суровой зимой"[3]. Въ 1669 г. и 1670 г. были посланы грамоты въ Архангельскъ, чтобы иноземцамъ и русскимъ, пріѣхавшимъ въ послѣднихъ числахъ августа, было позволено торговать и послѣ Семена дня. Въ 1674 г. новому таможенному гостю было велѣно такимъ же образомъ поступать, пока корабли ходятъ, но приказано спрашивать сказки у русскихъ, почему они поздно пріѣхали, и запретить имъ это въ будущемъ дѣлать, „чтобы впред къ Архангелскому городу для торгу приезжали рано, не испустя доброго времени"[4]. Отсюда видно, что русскіе, переняли у иностранцевъ способъ посредствомъ поздняго пріѣзда заставлять ихъ дешево продавать товары. Вслѣдствіе того, что торговля происходила даже въ октябрѣ, голландцы въ 1676 г. просили оканчивать архангельскую ярмарку до сентября мѣсяца, а въ сентябрѣ и въ октябрѣ мѣсяцахъ от-

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист., IV, с.с. 378—379.

[2]) С. Соловьевъ, „Ист. Р.", XIII, М., 1878 г., с. 120.

[3]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с.с. 131—132.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. дѣла ст. л., 1674 г., № 428, наказъ А. Суханову.

нюдь не торговать, потому что корабли замерзали по дорогѣ, да и русскіе дощаники и суда тоже не доходили до Вологды и замерзали въ пути; гости на это отвѣтили, „что то де дѣло, чтобъ ранее быть у города ярманке, надобное“[1]), но это, очевидно, тѣмъ и ограничилось, а въ 1679 г. для выгоды русскихъ ярмарка была объявлена безъ срока[2]), и при Корниліи Бруинѣ корабли отплывали обыкновенно въ октябрѣ[3]).

Свобода торговли, какъ доносилъ въ 1653 г. Родесъ, была сильно стѣснена, и воеводы, напр., въ Новгородѣ и Псковѣ, „задерживали шведовъ нерѣдко 3—4 недѣли и болѣе, такъ что многіе изъ нихъ должны были возвращаться обратно[4]). Очевидно, подъ вліяніемъ этихъ словъ Родеса Кильбургеръ, 20 лѣтъ спустя, счелъ нужнымъ замѣтить, что воеводы „въ нынѣшнее время“ не смѣютъ задерживать иностранцевъ, какъ только въ случаѣ уголовнаго преступленія.

Времени для доставки товаровъ черезъ Архангельскъ требовалось много. Русскіе товары шли зимой изъ Москвы въ Вологду, гдѣ лежали до весны, когда по водѣ спускались къ Архангельску. Тамъ ихъ грузили на корабли, которые приходили въ Гамбургъ или Голландію рѣдко раньше конца октября, а чаще въ ноябрѣ, и значитъ, по подсчету Родеса, продолжительность доставки товаровъ изъ Москвы на мѣсто назначенія равнялась свыше 9 мѣсяцамъ. Наоборотъ, товары, закупаемые въ Голландіи, шли въ Архангельскъ въ іюнѣ и іюлѣ, но въ Москву прибывали только черезъ 6 мѣсяцевъ, т. е. не ранѣе приблизительно Рождества. Такимъ образомъ, капиталъ купца, ведущаго торговлю черезъ Бѣлое море, едва могъ сдѣлать въ годъ одинъ оборотъ[5]). Пла-

---

1) „Посольство К. ф.-Кленка“, Введеніе, с. CLIV.

2) С. Огородниковъ, уп. соч., Морской Сб., 1889 г., № 10, с. 129.

3) Чтенія, 1872 г., I, с. 24. Согласно „Торгу амстердамскому“ (ч. II, с. 111), въ его время первые корабли обыкновенно отправлялись изъ Амстердама въ маѣ, а въ іюнѣ уже шелъ гуртовый купеческій флотъ, въ сопровожденіи военныхъ кораблей; возвращались же корабли въ Амстердамъ въ октябрѣ или началѣ ноября.

4) Родесъ, с. 193.

5) Черезъ Балтійское же море капиталъ могъ бы оборотиться, при хорошихъ дорогахъ, 3 раза, потому что тамъ корабли можно было нагружать уже въ мартѣ и апрѣлѣ (Родесъ, с.с. 191, 193)

ваніе изъ Голландіи до Архангельска совершалось при благопріятныхъ обстоятельствахъ обыкновенно въ 35 дней[1]). Изъ Архангельска же въ Бергенъ переходъ длился 15 или 20 дней[2]). По даннымъ же Павла Алеппскаго, при попутномъ вѣтрѣ отъ Архангельска до Англіи было 15 дней пути[3]).

Къ главѣ III.

Гости, какъ пишетъ Кильбургеръ, имѣли въ своей средѣ нѣсколькихъ иностранцевъ, изъ которыхъ только одинъ Томасъ Келлерманъ жилъ въ Москвѣ, а остальные въ Амстердамѣ: Клинкъ, Бернгардъ[4]) и Фогелеръ.

Маркъ Фоглеръ и Юрій Клинкинъ, голландскіе гости, получили въ 1608 г. жалованную грамоту пріѣзжать съ товарами въ Россію. Въ 1614 г. имъ же была дана грамота съ будущимъ третьимъ компаньономъ свободно торговать въ Россіи. Въ 1645 г. Голландскіе Статы просили, чтобы ихъ гостей, давно уже живущихъ въ Россіи, Марка де Фоглера, Юрья Иванова Клинка, товарища ихъ Петра Деладала государь содержалъ въ особой милости, подтвердивъ вольности, данныя имъ царемъ Михаиломъ[5]). Въ 1651 г. были въ Россіи голландскіе гости Фоглеръ, Клинкъ и Сванъ съ просьбой не брать пошлинъ за вывезенную ими золу. Въ 1659 г. голландскіе гости Фоглеръ и Клинкинъ просили возобновить ихъ прежнія жалованныя грамоты. Въ 1675 г. Голландія просила дозво-

[1]) В. А. Кордтъ, „Оч. сн. М. г. съ респ. С. Нид.“, Сб. Имп. Р. Ист. О., т. 116, с. CCLXII

[2]) Невилль, Рус. Ст., 1891 г., т. 72, ноябрь, с. 275

[3]) П. Алеппскій, в. III, с. 80.

[4]) Въ изданіи Бишинга (по нашему экземпляру) слова Клинкъ и Бернгардтъ не раздѣлены запятой.

[5]) Но русскіе торговые люди въ 1646 г. жаловались, что Маркъ Марковъ и Юрій Клинкъ, торговавшіе въ Кольскомъ острогѣ, Архангельскѣ и другихъ городахъ заморскими товарами съ платежомъ половинной пошлины, въ самомъ дѣлѣ тогда уже давно умерли, а ихъ грамотой пользуются иноземцы Петръ Деладаль съ товарищами (Акты Арх. Эксп., IV, с. 19).

лить гостью Конраду Юргенсону фанъ Кленку купить въ Россіи хлѣбъ [1]).

Юрій Кленкъ (настоящее имя—Георгъ Эверардъ Кленкъ), родился въ 1581 г., а въ 1656 г. его уже не было въ живыхъ. Онъ имѣлъ 7 сыновей и одну дочь [2]); четвертымъ сыномъ былъ Кунрадъ, родившійся въ 1628 г. Въ Россіи его звали Кондратіемъ Юрьевичемъ Клинкинымъ. Койэтъ, говоря объ его назначеніи въ 1675 г. голландскимъ посломъ въ Россіи, упоминаетъ, что онъ много лѣтъ тому назадъ получилъ отъ царя званіе „гостя", былъ очень свѣдущъ въ русскомъ языкѣ, пользовался уваженіемъ царя и много лѣтъ прожилъ въ Московіи. Схельтема изъ голландскихъ источниковъ сообщаетъ, что онъ сначала торговалъ въ Россіи, но потомъ переселился въ Голландію, не прекращая торговли съ Россіей; извѣстно, что въ 1672 г. онъ занималъ государственную должность въ Амстердамѣ. Умеръ въ 1691 году [3]).

Фамилія Келлермановъ оказывала разныя услуги Россіи. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ Андрей „Келдерманъ" трижды ѣздилъ съ порученіями въ Англію, а его сынъ Томасъ Келдерманъ — въ Голландію, Австрію и Венецію. Какъ довѣренное лицо царя, онъ надзиралъ за продажей шелка въ Архангельскѣ, покупалъ царю товары. Въ 1671 г. Алексѣй Михайловичъ назвалъ его почетнымъ именемъ „повѣренного московского государя и чести достойного", и въ 1685 г. этотъ титулъ внесенъ въ его жалованную грамоту [4]). Какъ уже сказано, при Кильбургѣ только одинъ Келлерманъ изъ гостей-иностранцевъ жилъ въ Москвѣ, и, дѣйствительно, авторъ описанія посольства Кленка въ Россію упоминаетъ, и при томъ часто, лишь одного Томаса Келлермана, при чемъ видно, что онъ по вліянію былъ первымъ среди москов-

---

[1]) Б.-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ снош.", I, с.с. 173, 174, 181, 183, 185, 189.

[2]) Іоганнъ, Германъ, Юрій (род. въ 1625 г.), Кунрадъ, Елизавета. Ернстъ, Маркъ и Матѳей.

[3]) „Посольство Кунрада фанъ-Кленка", с.с. 275, 276, XI, XII. Отъ 7169 г. сохранился докладъ по дѣлу о торговыхъ привилегіяхъ голландскихъ купцовъ Марка де Ѳоглера и Кунрада Кленка (И. Я. Гурляндъ, „Ив. Гебдонъ", приложеніе № 11).

[4]) Б.-Каменскій, „Обз. вн. сн.", IV, с. 352. С. Гос. Гр. и Дог., IV, с.с. 491—492.

скихъ иноземныхъ купцовъ и занималъ ближайшее мѣсто возлѣ посла Кленка. Т. Келлерманъ имѣлъ сына Андрея, который въ 1684 г. былъ отправленъ за границу учиться медицинѣ и въ январѣ 1688 г. вернулся, какъ докторъ, въ Россію [1]).

Русскіе гости, число которыхъ при Котошихинѣ, по его словамъ, было „блиско 30 человѣкъ", между прочимъ завѣдывали архангельской таможней. Намъ извѣстны фамиліи гостей, бывшихъ въ Архангельскѣ въ корабельную пристань, т. е. ярмарку, 1649—1655 г.г. [2]). Съ 1667 же года въ Архангельскѣ были слѣдующіе гости:

1667 г. (175 г.)—гость Аверкей Кириловъ.
1668 г. (176 г.)— „ Алексѣй Сухановъ.
1669 г. (177 г.)— „ Ѳедоръ Юрьевъ.
1670 г. (178 г.)— „ Иванъ Климшинъ.
1671 г. (179 г.)— „ Семенъ Потаповъ.
1673 г. (181 г.)— „ Алексѣй Сухановъ.
1674 г. (182 г.)— „ Степанъ Горбовъ.
1675 г. (183 г.)— „ Василій Грудцынъ.
1676 г. (184 г.)— „ Андрей Лугинъ.
1677 г. (185 г.)— „ Иванъ Панкратьевъ.
1678 г. (186 г.)— „ Степанъ Горбовъ.
1679 г. (187 г.)— „ Алексѣй Юрьевъ.
1680 г. (188 г.)— „ Василій Грудцынъ [3]).

Гости въ 1667 г. (175 г.) должны были заранѣе распредѣлить между собой службы по пятилѣтіямъ и чередоваться въ нихъ по этимъ періодамъ, а не переходить изъ одной службы въ другую. Тогда было пять службъ: въ Московской большой таможнѣ, въ Архангельской таможнѣ, въ Сибирскомъ приказѣ у соболиной оцѣнки, на Денежномъ дворѣ и у соляного промысла Соли-Камска. Но гости распредѣлили эти службы только на одинъ 176 г., а съ 177 г.—„какъ у нихъ наперед сего бывало". Поэтому въ 1675 г. этотъ указъ былъ вновь повторенъ, и тогда гости расписались по полнымъ пятилѣтіямъ, чтобы при слѣдующемъ пятилѣтіи быть

[1]) Д. Цвѣтаевъ, „Памятники къ ист. протестанства въ Россіи", I, с.с. 79—84.

[2]) Родесъ, с. 229.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., арханг. книги, №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 15, разные л.л.

по той же службѣ; при этомъ въ этомъ году была прибавлена новая, шестая, служба, именно по шелковому промыслу, который былъ учрежденъ, вслѣдствіе договора съ персидскимъ шахомъ о шелкѣ. Что же касается въ частности Архангельска, то гости такъ распредѣлились на службу „у Архангельского города у таможенного сбора“:

183 г.—гостиной сотни Василій Грудцынъ.
184 г.—гость Иванъ Панкратьевъ.
185 г.— „ Яковъ Кириловъ.
186 г.— „ Степанъ Горбовъ.
187 г.— „ Алексѣй Юрьевъ.

Въ дѣйствительности же изъ предыдущаго мы видимъ, что въ 184 г. былъ въ Архангельскѣ Андрей Лугинъ, а не Ив. Панкратьевъ, срокъ котораго былъ перенесенъ на слѣдующій годъ (вмѣсто Як. Кирилова). Такъ какъ для распредѣленія по всѣмъ 6 службамъ не хватало гостей, 5 марта 1675 г. нѣкоторыя лица изъ гостиной сотни и торговыхъ людей были пожалованы въ гости, среди нихъ Вас. Грудцынъ.

До 5 же марта 1675 г. были гости:

Иванъ Гурьевъ.
Алексѣй Сухановъ.
Аверкей Кириловъ.
Яковъ Кириловъ.
Θедоръ Юрьевъ.
Иванъ Панкратьевъ.
Степанъ Горбовъ.
Остаѳей Θилатьевъ.
Иванъ Антоновъ.
Кипреянъ Климшинъ.
Василій Шоринъ.
Семенъ Потаповъ.
Аѳанасей Θедотовъ.
Василій Шиловцовъ.
Алексѣй Юрьевъ.
Василій Θилатьевъ.
Семенъ Сверчковъ.
Иванъ Сверчковъ.
Иванъ Климшинъ.
Аврамъ Черкасовъ.
Никифоръ Веневитовъ.
Аѳанасій Веневитовъ.

Всего, такимъ образомъ, было 22 гостя, изъ которыхъ первые 13 подписались подъ распредѣленіемъ службъ, т. е. они тогда были въ Москвѣ. Съ 5 марта прибавилось 11 слѣдующихъ новыхъ гостей:

Василій Грудцынъ.
Семенъ Лузинъ.
Андрей Лузинъ.
Иванъ Кипреяновъ Климшинъ.
Михаилъ Ивановъ Гурьевъ.
Θома Григорьевъ Гурьевъ.
Дмитрій Казаковъ.
Иванъ Θедоровъ Юрьевъ.

Григорій Шустовъ. Максимъ Воскобойниковъ
Василій Шустовъ. (новгородецъ)[1].

Въ спискѣ же 2 апр. 1674 г. дворянъ московскихъ, дьяковъ и гостей, которые должны были быть на конференціяхъ со шведскими послами, перечислены (числомъ тоже 22) слѣдующіе гости въ послѣдовательномъ, очевидно, по значенію, порядкѣ:

Василій Шоринъ, Иванъ Гурьевъ.
Ѳедоръ Юрьевъ. Иванъ Климшинъ.
Матѳей Антоновъ. Алексѣй Сухановъ.
Михайло Гурьевъ. Яковъ Кириловъ.
Иванъ Антоновъ. Алексѣй Юрьевъ.
Степанъ Горбовъ. Иванъ Панкратьевъ.
Иванъ Худяковъ. Кипреянъ Климшинъ.
Остаѳей Ѳилатьевъ. Семенъ Сверчковъ.
Семенъ Потаповъ. Василій Ѳилатьевъ.
Аѳанасей Ѳедотовъ. Иванъ Сверчковъ.
Аверкей Кириловъ. Василій Шиловцовъ[2].

Отсюда видно, что въ этомъ спискѣ 1674 г. упомянуты гости Матѳей Антоновъ, Михайло Гурьевъ и Иванъ Худяковъ, которыхъ уже нѣтъ въ росписи 1675 г. до 5 марта, но зато въ послѣднемъ есть трое гостей, не находящихся въ спискѣ 1674 г.: Авр. Черкасовъ, Никифоръ и Аѳанасій Веневитовы.

Гости, по словамъ Кильбургера, имѣли повсемѣстно право первой покупки для царя, чѣмъ пользовались для своей выгоды. Еще Герберштейнъ писалъ, что всѣ иностранные купцы первымъ дѣломъ должны были показать свои товары великому князю, если онъ пожелаетъ что-нибудь изъ нихъ купить, и только потомъ имѣли право продавать, а русскіе покупать[3]). О „постоянномъ“

[1]) Чтенія, 1913 г., Ш. Смѣсь, № 7, Распредѣленіе между гостями ц. службъ въ 1675 г., сообщ. С. Богоявленскій. Слѣдовательно, 5 марта 1675 г. было всего 33 гостя, а такъ какъ для службъ нужно было только 30 гостей (по 5 чел. на 6 службъ), то трое добавочныхъ гостей были выбраны на случай убыли, потому что прежніе гости „сказали словесно, что де многіе изъ нихъ устарѣли и в. г. службъ впредь (т. е. на слѣдующее пятилѣтіе) служить будетъ невмочь“.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. дѣла, р. I, кн. 92, л.л. 483—484.

[3]) Герберштейнъ, с. 90.

правѣ царя на первую покупку и продажу, отъ чего онъ получалъ большіе барыши, упоминаетъ и Рейтенфельсъ [1]). Согласно Мейербергу, „при продажѣ великій князь пользуется гораздо высшей цѣной противъ дешевой цѣны другихъ продавцовъ, потому что всякій, привезшій въ Москву товары, обязанъ объявить о нихъ таможеннымъ приставамъ для назначенія цѣны и никому не предлагать этихъ товаровъ на продажу, пока царь не объявитъ о своемъ намѣреніи купить ихъ. А когда пожелаетъ купить что-нибудь, никто другой уже не допускается набивать цѣны“ [2]). Такая торговая политика привела къ тому, что англійскій докторъ Коллинсъ, долго прожившій въ Россіи, рѣшилъ, что „казна—главный торговецъ въ Россіи, ибо ей принадлежатъ исключительно многія отрасли торговли“ [3]). Дѣйствительно, въ XVII в. всякое лицо, доказавшее царю, что онъ можетъ учрежденіемъ монополіи извѣстнаго товара пріобрѣсти выгоду, заслуживало царскую милость и благоволеніе [4]). По мнѣнію Крижанича, царь долженъ былъ цѣликомъ монополизировать только внѣшнюю торговлю, чтобы быть въ состояніи вести ей учетъ и вывозить товары, которые Россіи не нужны, а ввозить лишь необходимые, но внутреннюю торговлю этотъ авторъ совѣтовалъ вполнѣ предоставить всѣмъ русскимъ (но не иностранцамъ), чтобы ихъ обогатить [5]). Но московское правительство

---

[1]) Чтенія, 1905 г., Ш, с. 110. Но Родесъ (с. 161) говоритъ объ этомъ правѣ только относительно драгоцѣнностей и дорогихъ товаровъ, привозимыхъ греками.

[2]) Чтенія, 1874 г., I, с. 174.

[3]) Русскій Вѣстникъ, 1811 г., № 9, с. 568.

[4]) Родесъ, с. 151.

[5]) „Рус. госуд.“, № 1, с.с.9—12. Также дѣятельное участіе въ торговлѣ принимали, по отзывамъ иностранцевъ, монахи. „Здѣшніе монахи, передаетъ Неизвѣстный англичанинъ, не уступятъ никому изъ русскихъ въ торговлѣ, они занимаются столько же, сколько и другіе, покупкой и продажей, держатъ суда, плавающія съ товарами съ мѣста на мѣсто, гдѣ только есть кто-нибудь изъ ихъ области“ (Чтенія, 1881 г., IV, „Изв. англ. о Рос.“, с. 24). Болѣе яркую картину набрасываетъ Флетчеръ (с. 100): „Кромѣ того, что монахи владѣютъ помѣстьями (весьма значительными), они самые оборотливые купцы во всемъ государствѣ и торгуютъ всякаго рода товарами. Нѣкоторые изъ монастырей имѣютъ дохода отъ помѣстій 1.000 или по 2.000 р. въ годъ“, а Троицкій монастырь ежегодно приносилъ 100.000 р. дохода. Какъ указываетъ Коллинсъ, въ его время монахи были крупными торговцами ячменемъ, хмелемъ, рожью, лошадьми „и всѣмъ тѣмъ, что можетъ дать имъ барышъ“ (Зап. Моск. Археол. Инст., XV, с. 142).

прибѣгало къ единичной монополизаціи наиболѣе ходкихъ и дорогихъ товаровъ, какъ для внѣшняго вывоза, такъ и внутренняго потребленія. Гости, принимавшіе въ этомъ прямое участіе, конечно, притѣсняли другихъ торговцевъ. Впрочемъ замѣчаніе Кильбургера, что гости—вредная коллегія, также въ значительной степени навѣяно противодѣйствіемъ гостей осуществленію шведскаго проекта перенесенія бѣломорской торговли на Балтійское море.

Кромѣ корыстолюбія гостей, въ то время отрицательнымъ явленіемъ въ русской торговлѣ были скупщики. Крижаничъ предлагалъ принять рѣшительныя мѣры противъ нихъ: „Житны прекупцы и хлѣбны дражители да будутъ казнены безъ всякаго пощадѣнія“ [1]). Но „барышничество“ тогда считалось вполнѣ законнымъ промысломъ, и было развито въ архангельскомъ порту. Оно заключалось въ томъ, что барышники, бывшіе жителями разныхъ русскихъ городовъ, устраивали торги между русскими и иноземцами. Этотъ промыселъ былъ зарегистрированъ правительствомъ и съ 1654 г. отдавался на откупъ по 85 рублей въ годъ [2]).

Что касается капиталовъ гостей и вообще торговыхъ людей, слѣдуетъ указать на наличность въ XVII в. громадныхъ капита-

[1]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 22.

[2]) Въ августѣ 1674 г. было указано „оброчные деньги на прошлые годы со 162-го году по 180-й годъ по осмидесяти по пяти рублев на год доправить на барышникахъ, которые у Архангельского города въ ярмонку в тѣхъ годѣх барышничали: у руских людей съ ыноземцы торги сводили“. Было приказано всѣхъ барышниковъ москвичей, ярославцевъ, костромичей, вологжанъ, каргопольцевъ, колмогорцевъ и другихъ городовъ, которые „учнутъ въ ярмонку руских людей с ыноземцы торги сводить, переписать и допросить, кто с которого году учалъ барышничать“. Архангелецъ Алешка Бобровъ, москвичъ Прошка Ивановъ и ярославецъ Гришка Шапошниковъ тогда держали „барышной промыслъ“ на откупу (по указу царя). Ихъ допросили, и оказалось, что въ 1671 г. въ Архангельскѣ барышничали Сенка Алашевъ съ 57 товарищами изъ посадскихъ людей разныхъ городовъ и барышничали съ 180 г., когда барышный промыселъ былъ отданъ на откупъ колмогорскимъ посадскимъ людямъ Ивашкѣ и Максиму Окуловымъ, а прежде въ Архангельскѣ барышничали ярославцы и костромичи посадскіе люди Ивашко Дранишниковъ съ товарищами, но теперь они не пріѣзжаютъ въ Архангельскъ, и въ 1674 г. Дранишникова уже не было въ живыхъ. Въ 157 г. съ барышниковъ было взято 85 р. оброка (они были взяты съ правежа на 158 и 159 г.г.). На 160 г. было велѣно этого оброка не править „для того, что в томъ году ярмонки не было. (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дѣла ст. лѣтъ, 7183—1674 г., дек., № 397).

ловъ у отдѣльныхъ лицъ подобно тому, какъ это было въ древній періодъ русской торговли [1]). Котошихинъ удостовѣряетъ, что гости „торги своими торгуютъ въ году всякой человѣкъ тысечь на 20 и 40.000 и на 50.000 и на 100.000 рублевъ“ [2]). Павелъ Алеппскій разсказываетъ съ обычнымъ преувеличеніемъ объ одномъ весьма богатомъ купцѣ, что, когда царь объявилъ войну Польшѣ, „говорятъ, этотъ купецъ представилъ царю отъ избытка своего богатства 600 тысячъ рублей... Купецъ этотъ—важнѣйшій изъ купцовъ столицы. Намъ разсказывали о немъ, что онъ вноситъ ежегодно въ казну царя 100 тысячъ динаровъ (рублей) пошлины со своихъ товаровъ, получаемыхъ изъ странъ франкскихъ, изъ страны кизилбашей и Индіи и со своихъ торговыхъ оборотовъ: такъ велико богатство, которымъ онъ владѣетъ и которое безсчетно! Здѣшніе купцы обыкновенно считаютъ свое состояніе милліонами, по причинѣ громадности своихъ богатствъ. Мы видѣли въ Москвѣ роскошное жилище этого купца, которое обширнѣе, чѣмъ палаты министровъ“. „Намъ говорили, что онъ платилъ ежегодно въ царскую казну сто тысячъ динаровъ пошлины съ товаровъ, вывозимыхъ имъ изъ Европы, Персіи и Сибири. Въ такое время, когда соболи были очень дороги, въ его складахъ находилось обыкновенно болѣе тысячи сороковъ самой высокой цѣны“ [3]). Въ Устюгѣ посольство Кленка встрѣтило богатаго стараго крестьянина Строганова, получившаго отъ царя много владѣній; онъ одинъ за себѣ долженъ былъ платить подати 20.000 рублей и доставилъ царю власть надъ Сибирью. Въ Тотьмѣ жилъ русскій купецъ Іосифъ Андреевичъ, очень богатый, получающій со своихъ 8 солеваренъ ежегодно 8.000 рублей. Въ Ярославлѣ былъ русскій купецъ Димитрій Ивановичъ Боровскій (Boraski), обладающій капиталомъ болѣе, чѣмъ въ 100.000 имперскихъ талеровъ, т. е. 50.000 рублей [4]). О величинѣ капиталовъ въ XVII в. также можно

---

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій, „Исторія русскаго народнаго хозяйства“, Кіевъ, 1911 г., т. I, с.с. 332—340. В. В. Святловскій, „Примитивно-торговое государство, какъ форма быта“, П., 1914 г., с. 277 (Зап. ист.-фил. фак. Имп. П. Унив., ч. CXVIII).

[2]) Котошихинъ, изд. III, гл. X, статья 1, с. 157.

[3]) П. Алеппскій, в. II, с.с. 177—178, в. III, с. 37.

[4]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с.с. 339, 352, 368.

судить по дѣлу приблизительно 1620—1622 г.г. о кражѣ гостемъ Андреемъ Котовымъ изъ казны 20.000 рублей, при чемъ другіе гости и торговые люди украли меньшія суммы. У Третьяка и Смирнова Судовщиковыхъ послѣ смуты оказалось 40.000 рублей капитала [1]). Но при всемъ своемъ богатствѣ, русскіе должны были бояться, чтобы государство въ трудныя минуты финансоваго кризиса не прибѣгло къ ихъ помощи. Благодаря финансовой политикѣ правительства въ XVII в., а также при Петрѣ I, купцы естественно должны были скрывать свои капиталы, избѣгать компаній, особенно правительственныхъ, чтобы не лишиться, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, своихъ денегъ; это было главной причиной неудачи образованія большихъ русскихъ компаній не только въ XVII в., но и при Петрѣ. Поэтому совершенно правильно замѣтилъ Рейтенфельсъ, что русскіе были „принуждены наслаждаться своимъ богатствомъ лишь въ тайникахъ, среди сундуковъ, ибо въ Московіи можно безопасно хвастаться всѣмъ инымъ, кромѣ богатства“ [2]). Перри подтверждаетъ, что русскіе скрывали свое богатство, чтобы правительство не заставило ихъ разстаться съ деньгами, и среди нихъ считалось „безопаснѣе всего казаться бѣднымъ“ [3]).

Къ главѣ IV.

Мѣдные рудники только въ XVII в. стали усердно разрабатываться русскими, хотя попытки къ ихъ открытію были уже въ предыдущихъ столѣтіяхъ. Еще въ концѣ XV в. двое русскихъ и иностранцевъ открыли, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, серебряную и мѣдную руды на рѣкѣ Цыльмѣ, не доходя рѣки Космы за полднища, а отъ рѣки Печоры за 7 днищъ, но въ XVII в. онѣ были оставлены или слабо разрабатываемы. В. Н. Латкинъ упоминалъ въ своемъ дневникѣ о нахожденіи приблизительно въ 250 в. отъ устья

---

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій, „Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII в.в.“, М., 1910 г., с. 37—38 (отд. и въ изд.—„Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“, в. VI).

[2]) Чтенія, 1906 г., III, с. 133.

[3]) Перри (1698-1715 г.г.), Чтенія, 1871 г., II, с. 164.

Цыльмы мѣдноплавильнаго завода [1]). По запискамъ Петрея, которыя были изданы въ 1620 г., въ Твери находились „лучшіе и искуснѣйшіе по всей землѣ кузнецы, которые ковали желѣзо и мѣдь" [2]). О какой тутъ говорится мѣди, добываемой въ Россіи или привозной, неизвѣстно. Главиничъ, бывшій въ Россіи въ 1661 г., писалъ, что въ Россіи не было никакихъ рудниковъ, кромѣ желѣзныхъ, и Крижаничъ тоже говорилъ, что „не имаетъ земля злата, сребра, мѣди, олова, свинца, ртути и добра желѣза", но всѣ эти извѣстія являются чрезмѣрно обобщенными. Самъ Крижаничъ слыхалъ, что въ Кузнецкѣ туземцы ковали „мѣденики малые и великіе" [3]). Рейтенфельсъ же прямо заявляетъ, что „близъ В. Новгорода недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, найдена мѣдь" [4]). Кильбургеръ (1674 г.) еще точнѣе опредѣляетъ срокъ открытія мѣди возлѣ Олонца: 5—6 лѣтъ тому назадъ [5]). Но Рейтенфельсъ сообщаетъ, что иностранцы добываютъ „близъ Новгорода мѣдь съ большой выгодой для государства" [6]), Кильбургеръ же говоритъ о большой убыточности разработки возлѣ Олонца мѣди [7]). Христіанъ Петровичъ Марселисъ (сынъ Петра Гавріиловича Марселиса, умершаго около 1670 г.) съ Андреемъ Бутенантомъ получилъ жалованную грамоту на рудокопство въ олонецкомъ уѣздѣ, а послѣ его смерти въ 1690 г. заводы перешли къ боярину Л. К. Нарышкину [8]). Объ Андреѣ Бутенантѣ и идетъ рѣчь у Юля (1711 г.), когда онъ разсказываетъ о Бутенантѣ де Розенбускѣ: „Отецъ его (родомъ) голландецъ,

---

[1]) Замысловскій, „Герберштейнъ и его ист.-геогр. изв. о Р.", с. с. 313, 314 (о старинныхъ чудскихъ мѣдныхъ копяхъ около Камы—с. 311, прим.). Ключевскій, „Сказ. иностр.", с. 163. Гамель, „Англ. въ Рос.", с. 204. П. С. Р. Л., VIII, Воскрес. лѣт., с. 223. По картѣ Дженкинсона 1562 г. (Герберштейнъ, с. с. 328—329) съ востока области Condora протекаетъ р. Pechora. Названія Пендора на современныхъ намъ картахъ мы не нашли.

[2]) Чтенія, 1865 г., IV, с. 45.

[3]) „Рус. госуд.", № 1, с. с. 8, 60.

[4]) Рейтенфельсъ (1671—1673 г.), Чтенія, 1906 г., III, с. с. 185—186.

[5]) „Олонецъ", по мнѣнію П. Николаевскаго, означало вообще „низину" („Происхожденіе и значеніе имени «Олонецъ»", Извѣстія Общ. Изуч. Олонецкой губ., 1913 г. №№ 2—3, с. с. 156—159).

[6]) Чтенія, 1906 г., III, с. 136.

[7]) Слово Колонецъ, по тексту Бишинга, нужно считать лишнимъ, именно искаженнымъ повтореніемъ предшествующаго названія.

[8]) Н. В. Чарыковъ, „Посольство въ Римъ... Павла Менезія", П., 1906 г., с. 493.

напшелъ близъ одного города, называемаго Олонецкимъ, въ мѣстностяхъ, расположенныхъ недалеко одна отъ другой, (чугунную и мѣдную руды) и, получивъ (надлежащую) привилегію и разрѣшеніе, открылъ тамъ на собственный счетъ, съ большими затратами, два завода, чугунный и мѣдный. Затѣмъ онъ сталъ однако получать значительные барыши", но скоро умеръ, а у его сына — Boutenant-a de Rosenbusk-a Меньшиковъ отнялъ всѣ привилегіи и самые заводы отчасти потому, что новый владѣлецъ не имѣлъ средствъ ихъ содержать, а также оттого, что заводы должны были изготовлять разныя военныя принадлежности[1]). При Петрѣ I также упоминаются мѣдныя руды въ казанской губерніи[2]).

Къ главѣ V.

Желѣзные рудники въ Россіи особенно стали развиваться въ XVII в. Въ XVI же в. Герберштейнъ сообщалъ, что в. кн. Василій „овладѣлъ городомъ Серпуховымъ, расположеннымъ въ 8 миляхъ отъ Коширы на рѣкѣ Окѣ, гдѣ даже и на ровномъ мѣстѣ добывается желѣзная руда" [3]). Въ половинѣ этого столѣтія кузнечное мастерство было до того распространено въ окрестностяхъ Дѣдилова (Дѣдиловская слобода, тульской губерніи, богородицкаго уѣзда, въ 26 в. отъ уѣздн. гор., по дорогѣ въ Тулу, при оз. Бѣломъ и р. Шиворонѣ, притокѣ р. Цны), что тамъ выдѣлывали пищали, самопалы, копья и пр., и правительство, поощряя этотъ промыселъ, давало мастерамъ льготы[4]). Барберини (1565 г.) опредѣленно писалъ, что „въ Коширѣ... находятся большія желѣзныя и стальныя рудокопни" [5]). Однако Флетчеръ объ этомъ не упоминаетъ, а говоритъ, что русское желѣзо, которое нѣсколько ломко, „весьма много добывается въ Кореліи, Карго-

---

[1]) Чтенія, 1899 г., III, с. 302.

[2]) Перри, Чтенія, 1861 г., I, с. 159.

[3]) Герберштейнъ, с. 108.

[4]) П. Семеновъ. „Географ.-статист. словарь Рос. Имперіи", П., 1865 г., II.

[5]) Въ другомъ мѣстѣ Барберини выражается нѣсколько иначе: въ „Коширѣ... находится большая желѣзная рудокопня" (Сынъ Отечества, 1842 г., № 6, с. 13, № 7, с. 36).

полѣ и Устюгѣ Желѣзномъ. Другихъ рудъ нѣтъ въ Россіи“ [1]). Маржеретъ тоже говоритъ, что желѣзо—очень мягкое, а другихъ металловъ въ Россіи нѣтъ [2]). Какъ уже выше упоминалось, по словамъ Петрея, лучшіе и искуснѣйшіе въ Россіи кузнецы жили въ Твери [3]). Также при Рейтенфельсѣ, если его свидѣтельство является самостоятельнымъ, Тверь славилась кузнечествомъ, которымъ занималась больше всего [4]). Въ XVII в. желѣзную руду добывали и въ Сибири, въ Кузнецкомъ острогѣ. Плѣнный полякъ изъ Кузнецка разсказывалъ „чудеса объ обиліи желѣза добраго у оныхъ людей“, что туземные жители Кузнецка (татары и другіе орды) „копаютъ желѣзо и куютъ желѣзные горны, котлы, мѣденики, малые и великіе. Како коли кто запроситъ, хочь бы съ найвящую кадь, а куютъ за малу цѣну: дай му ячмена мѣхъ, и онъ ти дастъ желѣзенъ горнъ или мѣденикъ. А желѣзо оно есть предне добро“. При Красномъ Ярѣ не только туземцы, но и русскіе ковали бѣлое желѣзо и приготовляли конскія издѣлія и пр. [5]). По показанію Главинича, въ Россіи, кромѣ желѣзныхъ рудниковъ, не было никакихъ другихъ [6]). Наибольшей извѣстностью пользовались рудники около Тулы. Однако, несмотря на все это, иностранцы были того мнѣнія, что, „хотя въ Россіи встрѣчаются рудники, но въ маломъ числѣ“ [7]).

Кильбургеръ вовсе не указываетъ всѣхъ тѣхъ заводовъ, которые въ его время были въ Россіи, напримѣръ, Звенигородскіе, Обушковскіе, Ростовскіе и др.

Изъ дѣлъ Тайнаго приказа узнаемъ, что на желѣзныхъ заводахъ на Городищѣ у иноземца Петра Марселиса были мастеръ и плавильщикъ новокрещенный иноземецъ Дементій Ивановъ сынъ Буди со своимъ сыномъ Андрюшкой, но въ сент. 1668 г. (177 г.) они были посланы „для досмотру желѣзные руды и для желѣзныхъ заводовъ в Звенигородцкой уѣздъ и на пустошь Су-

---

1) Флетчеръ, с. 15.
2) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с. 275.
3) С. 450, прим. 2.
4) Чтенія, 1906 г., III, с. 203.
5) „Рус. госуд.“, № 1, с.с. 16, 60, 61.
6) Чтенія, 1875 г., I, с. 9.
7) „Описаніе Московіи при реляціяхъ гр. Карлейля“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 11.

мороково"[1]. Также въ дек. 1672 г. пушечному мастеру Тульскихъ желѣзныхъ заводовъ Максимку Кузмину и подмастерью Васькѣ Мокѣеву было „велѣно имъ быть на Звенигородскихъ желѣзныхъ заводахъ у пушечного литья"[2]. Эти же Звенигородскіе заводы упоминаются и въ 1674 г.; на нихъ возили руду изъ Ивакина, гдѣ она ломалась; дрова же для этихъ заводовъ рубили на пустоши Сумароковѣ. Уголь лѣтомъ 1673 г. привозился на Звенигородскіе заводы крестьянами деревни Обошковы и села Павловскаго „отъ четырехъ сотъ коробовъ, по осьми денегъ съ короба, и того восемь рублевъ" (!)[3].

Обушковскій (Абушскій) заводъ строился въ 180 г.; онъ также упоминается въ февр. 1674 г.[4].

Въ февр. 1674 г. „в селе Степановскомъ на Брадынкахъ" былъ „молотовой заводъ новой", т. е. желѣзный заводъ[5].

Былъ еще заводъ въ Брязгинѣ. Въ янв. 1669 г. голландцу „Ѳимону Акеме" было уплачено за 181 пудъ желѣзныхъ спастей, „что взяты у него с Тротовскихъ (должно быть: Протовскихъ) заводовъ Лисковского уѣзду села Павловского въ деревню Брязгино на новые желѣзные заводы". Брязгинскій заводъ въ то время строился, и поэтому тогда же были подряжены крестьяне „поставить к новымъ желѣзнымъ заводомъ Московского уѣзду села Павловского въ деревни Брязгинѣ камени брусяного таково, которой ломаютъ къ Тульскимъ и на Ростовскимъ заводомъ..." Въ маѣ этого же года было заплачено за „двои кузнечные мѣхи" въ Брязгино, и въ іюнѣ посылалось жалованье плотникамъ, печникамъ, кузнецамъ и каменьщикамъ „в Брязгино на желѣзные заводы". Руду копали (177 г.) на пустоши Покровской[6].

Но изъ всѣхъ русскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ и рудниковъ прославились Тульскіе, исторія которыхъ неразрывно связана съ именами Марселиса и Акемы.

Въ февралѣ 1632 г. было велѣно голландскому гостю Андрею Денисьеву сыну Виніусу, брату его Аврааму и Елисѣю Вилькенсу

---

1) Рус. Ист. Библ., XXIII, с. 1105.
2) Тамъ же, с. 85.
3) Тамъ же, с.с. 207, 216, 238, 262, 348, 203.
4) Тамъ же, с.с. 207, 208, 243.
5) Тамъ же, с.с. 243, 349.
6) Тамъ же, с.с. 1161, 1166, 1188, 10, 11, 1148.

всякое желѣзное дѣло дѣлать въ тульскомъ уѣздѣ 10 лѣтъ, устроить его прочно, научить ему русскихъ людей и не принимать къ себѣ никого въ товарищи; ему дано казенное вспомоществованіе въ 3.000 руб. Но въ 1639 г. Виніусъ взялъ себѣ въ товарищи Петра Марселиса и Филимона Акему [1]). Петръ Марселисъ былъ сынъ Гавріила Марселиса, который завелъ при Годуновѣ въ Москвѣ контору и болѣе 30 лѣтъ торговалъ въ Россіи желѣзомъ. П. Г. Марселисъ пріѣхалъ въ Москву въ 1629 г., чтобы вести торговыя дѣла отца. Въ 1638 г. онъ былъ пожалованъ царемъ именемъ гостя. Онъ былъ женатъ на дочери Филимона Филимоновича Луса-Акемы и со своимъ зятемъ присоединился въ 1639 г. къ Тульскимъ и Каширскимъ заводамъ. Въ апр. 1644 г. царь „пожаловалъ гостя анбургскаго города Петра Гаврилова, сына Марселиса съ дѣтьми съ Гавриломъ да съ Леонтіемъ, да Галанскія земли торговаго человѣка Филимона Филимонова сына Акаму... велѣть изъ желѣзной руды на рѣкахъ на Шекснѣ и на Костромѣ и на Вагѣ и гдѣ впредь въ нашемъ рос. государства такія мѣста пріищутъ на ихъ проторяхъ мѣльнячные заводы дѣлать, пушки и ядра лить и прутовое желѣзо и доски и бѣлое желѣзо ковать и проволоку желѣзную и всякіе стволы и иное желѣзное дѣло, что мочно, дѣлать на 20 лѣтъ безъ оброку и за море вывозить безпошлинно“. При этомъ поставлено въ условіи научить русскихъ всякому горному ремеслу и доставлять въ казну желѣзо „въ пушкахъ по 20 алтынъ пудъ, а въ пушечныхъ ядрахъ по 10 алтынъ пудъ, стволы мушкетные и карабинные по 20 алтынъ стволъ, прутовое по 13 алтынъ по 2 деньги пудъ, а дощатое по 26 алтынъ по 4 деньги пудъ, а проволочное и бѣлое и всякое желѣзо передъ торговой цѣной съ убавкой“. Въ то же время Марселисъ и Акема продолжали владѣть Тульскими заводами и работали тамъ вмѣстѣ съ Виніусомъ. По ихъ просьбѣ, имъ было выдано изъ казны 3.000 рублей, и, кромѣ того, къ этому заводу была приписана дворцовая Соломенская волость въ Каширскомъ уѣздѣ. Однако они не исполнили договора: не дѣлали стволовъ мушкет-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, ч. I, М., 1894 г., с. 181, прим. 2. У Н. П. Козловскаго же („Первыя почты...“, I, В., 1913 г., с. 172) приведены другіе годы: въ 1633 г. А. Виніусъ получилъ грамоту на желѣзный промыселъ, а въ 1637 г. вступилъ въ товарищество съ П. Марселисомъ и Т. Акемой.

ныхъ и карабинныхъ, дощатаго и листоваго желѣза и проволоки, латъ, шишаковъ, наручей и иныхъ условленныхъ грамотой вещей, а пушки дѣлали для казны не согласно договору и гораздо хуже нѣмецкихъ. Вслѣдствіе этого заводы были у нихъ отняты, и въ 1647 г. (ноября) приказано вѣдать заводы въ приказѣ ствольнаго дѣла боярину и оружейничему Григ. Гавр. Пушкину и дьяку Крылову. По этой причинѣ и была составлена опись заводовъ. Къ этому времени относится донесеніе шведскаго резидента въ Москвѣ Померенинга отъ 15 сент. 1647 г., гдѣ онъ пишетъ, что русскіе стали недавно усердно дѣлать мушкеты, и „такъ какъ Петръ Марселіусъ доставляетъ довольно хорошее желѣзо изъ Тулы и Востуги (Vostuga), а помянутый (окольничій Григорій Гавр.) Пушкинъ заставляетъ преступниковъ и плѣнныхъ ковать за $1^1/_2$ коп. въ день, нѣмецкихъ мастеровъ за 4 коп. въ день, то онъ хвалится, по словамъ лейтенанта артиллеріи, что теперь можетъ имѣть мушкетный стволъ за 27 коп., мушкетную ложу за 10 или 12 и ружейный замокъ съ кремнемъ за 10 или 12 коп. Русскіе отвергаютъ бандели (bandelerna) и имѣютъ вмѣсто того ладунки, или патронныя коробки. Они болѣе любятъ миръ, чѣмъ войну, и говорятъ: «Это, конечно, должно быть сумашествіе—бросить свою собственную землю, ѣхать въ другія земли, терпѣть тамъ нужду и насиліе и, наконецъ, дать себя убить»". Послѣ московскаго бунта, какъ доносилъ Померенингъ въ іюлѣ 1648 г., Г. Г. Пушкинъ былъ высланъ изъ Москвы, и мушкетный заводъ, которымъ онъ завѣдывалъ, запустѣлъ; „желѣзный заводъ въ Тулѣ тоже нѣкоторое время стоитъ безъ дѣла, и шведскіе кузнецы нѣсколько мѣсяцевъ проживаютъ здѣсь" (въ Москвѣ). Померенингъ пытался (донес. 18 окт. 1648 г.) воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и удалить изъ Россіи не только шведскихъ кузнецовъ, но и другихъ иноземныхъ, съ цѣлью лишить русскую желѣзную промышленность опытныхъ мастеровъ и прекратить ея существованіе, въ надеждѣ, что „Тульскій и другіе русскіе заводы не въ состояніи будутъ вредить горнымъ заводамъ... Швеціи", и значитъ снова увеличится русскій спросъ на шведскія желѣзныя издѣлія. Это было время, когда русскіе горные заводы переживали кризисъ, и еще въ янв. 1649 г. Померенингъ сообщалъ, что „Тульскіе и Вятскіе горные заводы... большею частью лежатъ въ запустѣніи". За обладаніе Тульскими заводами въ то время спорили съ одной стороны Марселисъ и Акема, а съ другой—Ви-

ніусъ. Въ апр. 1648 г. они были отданы Марселису и Акемѣ, но въ августѣ—Виніусу. Однако Марселисъ и Акема добились пересмотра дѣла и выиграли его: тульскій желѣзный промыселъ былъ отданъ имъ, считая съ 1 сент. 1648 г., безоброчно и безпошлинно на 20 лѣтъ. Но все-таки только въ 1651 г. этотъ споръ былъ окончательно рѣшенъ, и заводы остались за ними. Въ 1656 г. Марселисъ съ тѣмъ же Акемой взяли у боярина Даніила Милославскаго Протвинскіе заводы на 15 лѣтъ. Кромѣ того, за Марселисомъ и Акемой были Угодскіе заводы на р. Угодкѣ въ Малоярославскомъ уѣздѣ, и въ 1659 г. имъ была дана къ этимъ заводамъ Вышегородская волость съ крестьянами. Въ 1662 г. половина заводовъ была взята отъ Марселиса „за его вину" на государя, а Ф. Акемѣ были оставлены заводы Протвинскій и Угодскій съ Вышегородской волостью безпошлинно на 20 лѣтъ, начиная съ 1664 г.

П. Г. Марселиса въ мартѣ 1674 г. уже не было въ живыхъ, а Ф. Ф. Акема умеръ въ 1676 г. У П. Г. Марселиса ко дню его смерти было три сына: Петръ Старшій, Гавріилъ и Петръ Меньшій. Сынъ Леонтій умеръ еще въ 1670 г. Петръ Старшій умеръ въ 1675 г., оставивъ сына Христіана, посланнаго учиться въ Данію, и умершаго въ 1690 г. У Ф. Ф. Акемы былъ сынъ Елисѣй Филимоновичъ Акема, а у послѣдняго Филимонъ Елис. Акема, который умеръ прежде дѣда. Въ 1676 г., 12 февр. (по новому стилю) Койэтъ присутствовалъ на похоронахъ Тильмана (Филимона) Акемы, при чемъ „двое изъ именитѣйшихъ нѣмецкихъ купцовъ, Келлерманъ и Марсгофъ, повели старую вдову Акема, а двое другихъ, именно Питеръ Ла-Даль и фанъ Асперенъ—молодую вдову Тильмана Акема" [1]).

Изъ иностранцевъ довольно полныя извѣстія о Тульскихъ заводахъ находимъ у Олеарія. По его словамъ, раньше „шахтовыхъ копей эта страна (Россія) не имѣла; однако немного лѣтъ тому назадъ на татарской границѣ, у Тулы, въ 26 миляхъ отъ

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Обз. внѣшнихъ снош.", I, с. 181, прим. 2, с.с. 183, 221. С. Г. Гр. и Дог., III, № 118, с. 408 и др. Н. В. Чарыковъ, „Посольство въ Римъ... П. Менезія", приложенія, с.с. 491—492, 494. К. Якубовъ, сборн. мат. къ ист. „Рос. и Шв.", с.с. 410, 420, 429, 436. Родесъ, с.с. 51—52. „Посольство... Кленка", с. 435. О семьѣ Марселисовъ и Виніусовъ—И. П. Козловскій, „Первыя почты...", гл. II, IV.

Москвы, открылась таковая. Ее устроили нѣсколько нѣмецкихъ горнорабочихъ, которыхъ, по просьбѣ его царскаго величества, его свѣтлость курфюрстъ саксонскій прислалъ сюда. Эта копь до сихъ поръ давала хорошую добычу, хотя преимущественно желѣза. Въ 7 верстахъ и въ $1^1/_2$ миляхъ отъ этой копи находится желѣзодѣлательный заводъ, устроенный между двумя горами, въ пріятной долинѣ, при удобной рѣкѣ; здѣсь выдѣлывается желѣзо, куются желѣзныя полосы и изготовляются разныя вещи. Этимъ заводомъ по особому контракту съ нимъ, заключенному великимъ княземъ, завѣдуетъ г. Петръ Марселисъ. Ежегодно онъ доставляетъ его царскаго величества оружейной палатѣ извѣстное количество желѣзныхъ полосъ, нѣсколько крупныхъ орудій и много тысячъ ядеръ. Поэтому онъ, какъ былъ и у прошлаго, такъ состоитъ и у нынѣшняго великаго князя въ большой милости и почетѣ. Онъ же ведетъ еще и иныя крупныя торговыя дѣла въ Москвѣ" [1]). Марселисъ именно и былъ, по выраженію Невилля, „первымъ основателемъ желѣзныхъ заводовъ въ Московіи, приносящихъ нынѣ царямъ ежегодно доходъ до 100.000 экю" [2]). Также и Корбъ считалъ „нѣкого Марселіуса, голландскаго купца," лицомъ, первымъ открывшимъ желѣзную руду въ Россіи; „его потомство владѣло нѣкоторое время рудникомъ на вассальныхъ правахъ, а когда все поколѣніе Марселіуса вымерло, то рудникъ перешелъ къ царю и былъ отданъ въ качествѣ леннаго владѣнія Нарышкину" [3]).

Тульскій заводъ также заинтересовалъ Павла Алеппскаго, который передаетъ разсказъ священника о Тулѣ, гдѣ былъ открытъ нѣмцами „превосходный желѣзный рудникъ... Они имѣютъ удивительныя печи, въ кои кладутъ (руду) по вынутіи ея изъ земли, затѣмъ разводятъ огни. Въ печи руда плавится, дѣлается какъ вода и течетъ изъ отверстія со всей печи въ желоба, выкопанные въ землѣ, съ формами для пушекъ, ядеръ и иныхъ предметовъ; въ каждомъ желобѣ 40, 50 ямъ (формъ) съ той и съ другой стороны. Когда онѣ наполняются, вынимаютъ (предметъ), даже не употребляя молота, безъ труда и хлопотъ. Такимъ способомъ ежедневно выдѣлываютъ тысячи предметовъ. Множество пушекъ вы-

1) Олеарій, с.с. 164—165.
2) Русская Старина, 1891 г., т. 71, с. 429.
3) Корбъ, с. 214.

возятъ зимой на саняхъ и везутъ на разстояніи 1.700 верстъ въ теченіе около 40 дней, къ пристани Архангельска, гдѣ море-океанъ, и продаютъ франкамъ, которые увозятъ ихъ въ свою страну. Онѣ изъ чистаго желѣза“ [1]). О Тульскомъ заводѣ не переминулъ упомянуть и Котошихинъ; именно онъ писалъ, что въ приказѣ Большой казны „вѣдомо желѣзного дѣла заводъ, отъ Москвы 90 верстъ, подъ градомъ Тулою: и дѣлаютъ желѣзо, и пушки, и ядра льютъ про царя. И тѣ пушки и ядра посылаются по всѣмъ городомъ, а желѣзо, которое остаетца отъ мушкетного и всякого царского дѣла, продаютъ всякихъ чиновъ людемъ; и то желѣзо въ дѣлѣ ставится жестоко, не таково мяхко, какъ свѣйское; а для чего понадобитца царю свѣйское желѣзо, и то желѣзо покупаютъ у торговыхъ людей. А у промыслу того желѣзного дѣла бываютъ иныхъ государствъ люди; а работники того города торговые люди и нанятые“ [2]). Правда, Котошихинъ не говоритъ, какъ Павелъ, о вывозѣ за границу русскаго желѣза, но этотъ вывозъ подтверждается Рейтенфельсомъ, отъ котораго узнаемъ, что желѣзныя руды разрабатывались нѣмцами, что въ Каширѣ и Тулѣ добывалось желѣзо въ большомъ количествѣ и употреблялось для приготовленія военныхъ орудій и домашнихъ вещей, и что русскіе руду также „вывозили въ необработанномъ и совершенно сыромъ видѣ за предѣлы государства, а оттуда получали желѣзныя издѣлія“ [3]). Впрочемъ въ самихъ грамотахъ Марселису и Акемѣ говорится объ ихъ правѣ вывозить за границу русское желѣзо.

Въ XVII в. главнымъ образомъ пользовались тульскимъ желѣзомъ, но розыски новыхъ рудъ продолжались все время и между прочимъ въ годъ пребыванія Кильбургера въ Москвѣ. Какъ узнаемъ изъ одного дѣла 1674 г., изъ Пензы въ предшествующіе года посылались люди для сыска рудъ на Макшинскія вершины и въ Степь. Въ 1674 г. вологжанинъ Яковъ Галкинъ, который съ товарищами тоже отыскивалъ руды, заявилъ, что ему выдана подорожная грамота изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ для сыска рудъ, но

---

[1]) П. Алеппскій, в. II, с. 197.

[2]) Котошихинъ, изд. III, гл. VII, статья 9, с.с. 118—119.

[3]) Чтенія, 1906 г., III, с.с. 208, 165. Но еще при Герберштейнѣ (с. 91) изъ Россіи „въ Татарію... оружіе и желѣзо вывозятся только украдкой или съ особеннаго позволенія начальниковъ въ другія мѣста, расположенныя къ сѣверо-востоку“.

она оказалась недостаточной, и Галкинъ просилъ, чтобы ему дали грамоту на всѣхъ людей, а не только на его имя, потому что его задерживаютъ при его разысканіяхъ; кромѣ того, онъ просилъ, чтобы государь обѣщалъ свое жалованіе извѣтчикамъ, объявившимъ руды, „чтоб имѣли они в том надежду и рудные мѣсты обявили безо всякого опасенія и боязни". Царь велѣлъ выдать ему съ товарищами подорожную грамоту (она была выдана уже изъ Посольскаго приказа за отворчатой печатью на красномъ воску 31 ноября 183 г.) во всѣ города, приказалъ всѣмъ властямъ оказывать имъ помощь, способствуя розыску рудъ и извѣтчиковъ о нихъ, а самихъ извѣтчиковъ велѣно отпускать во всѣ мѣста, куда они поведутъ Галкина съ товарищами; въ случаѣ же нахожденія руды, „безо всяких споров, на чьей землѣ ни прилучится", разрабатывать ее; власти должны были давать искателямъ руды подводы, лодки и т. п., а на окраинныхъ степныхъ мѣстахъ военную охрану для береженія „от воинских и от ыных всякихъ людей" [1]). Съ этимъ интересно сопоставить разсужденіе Крижанича, почему въ Россіи не находятъ рудъ. По его мнѣнію, это между прочимъ оттого происходило, что, если селянинъ найдетъ руду, онъ боится, „дабы ся его нива не сказила, или дабы онъ и сусѣди его на рударскія работы не были принужены", иногда же нашедшій руду „самъ отайно изъемлетъ корысть, и молчитъ" [2]). Тѣмъ не менѣе въ Россіи все больше и больше разрабатывали руду. При Петрѣ Великомъ много желѣза было близъ Венева (Venize), Москвы и Онежскаго озера, но сибирскія руды быстро завоевали себѣ первенство, и сибирское желѣзо цѣнилось втрое дороже всякаго другого [3]). По отзывамъ Плейера, сибирское желѣзо было „такое хорошее и мягкое, что даже и шведскаго не отыщешь лучшаго", а желѣзо въ Тулѣ и Олонцѣ было самое лучшее для бомбъ и гранатъ, потому что оно было твердое и въ то же время хрупкое, что было необходимо для разрыва этихъ снарядовъ [4]). Въ результатѣ разработки при Петрѣ I сибирскихъ рудниковъ, „особенно благодаря стараніямъ одного кузнеца Демидова", какъ пишетъ Фоккеродтъ, „вмѣсто того, чтобы получать желѣзо и мѣдь

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дѣла ст. лѣтъ, 1674 г., № 512.
[2]) „Рус. госуд.", № 1, с. 59.
[3]) Перри, Чтенія, 1871 г., II, с.с. 159, 53.
[4]) Чтенія, 1874 г., II, с.с. 3, 4.

изъ Швеціи, какъ бывало въ старые годы, Россія можетъ отправлять и то и другое, особенно желѣзо, въ чужіе края“ [1]).

Относительно положенія желѣзной промышленности Россіи въ бытность Кильбургера въ Москвѣ, этотъ иностранецъ сообщаетъ, что Тульскими заводами, какъ наслѣдственными, владѣлъ Петръ Марселисъ. Этотъ Петръ былъ, несомнѣнно, сыномъ Петра Гавриловича Марселиса, который къ тому времени уже умеръ. 31 іюля 1674 г. (182 г.) Петръ Большой Петровъ сынъ Марселисъ билъ челомъ: въ 175 г. царь пожаловалъ его отца съ дѣтьми Тульскими и Каширскими заводами и Соломенской волостью съ крестьянами, а потомъ они построили въ Алексинскомъ уѣздѣ, на р. Вепрѣ желѣзный заводъ; но въ 182 г., 15 марта была дана имъ послѣ смерти ихъ отца жалованная грамота, и онъ де, Петръ, съ мачехой своею Анною и съ братьями своими меньшими, Гавріиломъ и Петромъ жъ Меньшимъ, полюбовно договорились объ отцовскомъ наслѣдствѣ и раздѣлились, что только ему одному, Петру Большому, владѣть Тульскими, Каширскими, Алексинскими заводами и Соломенской волостью, и поэтому онъ просилъ грамоту у царя, которая закрѣпила бы за нимъ, его женой съ дѣтьми и наслѣдниками эти заводы. Въ другомъ документѣ находимъ упоминаніе о тѣхъ же трехъ братьяхъ. Именно согласно ему, если около Тульскаго, Каширскаго и Алексинскаго желѣзныхъ заводовъ на пустошахъ, которыя по указу „к тѣмъ заводом даны“, а также въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ найдется желѣзная руда, и на монастырскихъ, боярскихъ, дворянскихъ и всякихъ земляхъ найдется мѣсто для желѣзныхъ заводовъ, то Петру, Гавріилу и Петру Меньшому позволено брать всѣ эти земли въ наемъ или на оброкъ погодно, смотря по уговору, и искать тамъ и копать руды, но только нельзя покупать земли или брать ея въ закладъ. Съ этихъ заводовъ и съ крестьянъ Соломенской волости, данной этимъ заводамъ, не велѣно, согласно прежнему указу и подобно Вышегородской волости, которая была дана „Поротовскому и Угодцкому желѣзным заводом на урочные годы Ѳилимону Акеме“, брать подати, кромѣ стрѣлецкихъ, ямскихъ и денежныхъ хлѣбныхъ поборовъ, которые будутъ указаны со всей земли. Но оброкъ съ плавильныхъ печей слѣдовало платить, и если только заводы, за недостаткомъ руды,

---

[1]) Чтенія, 1874 г., II, с. 75.

остановились бы, велѣно оброкъ сложить и принять всѣ заводы съ ихъ волостями, угодьями и пустошами въ казну. Заводы были отданы на 20 лѣтъ, „и Петру и Гавріилу и Петру ж Меншому в тѣ урочные 20 лѣтъ и после урочных лѣтъ, в которое время тѣ заводы за ними будут, и тѣх заводов и пустошей и Соломенской волости со крестьяны на сторону иноземцомъ и всякимъ людем не продавать и не заложить и на откупъ не отдавать и волостныхъ крестьянъ не разогнать“. Велѣно на Поротовскіе, Угодскіе и другіе заводы безъ письменнаго отпуска не принимать мастеровъ, которые пойдутъ изъ Тульскихъ, Каширскихъ и Алексинскихъ заводовъ, а также и обратно нельзя дѣлать [1]).

Въ 1674 г. Петръ Петровичъ Марселисъ съ братьями также просилъ выдать ему изъ казны деньги за взятое изъ Тульскихъ заводовъ его отца для церковныхъ и городскихъ строеній въ Архангельскѣ желѣзо, а также за ратные запасы, отпущенные въ 181 г. въ малороссійскіе города и въ Воронежъ. Именно въ мартѣ 181 г. онъ послалъ въ Воронежъ гранаты, бердыши, желѣзо прутовое и окопныя снасти (т. е. лопаты, заступы, кирки, ломы и пр.), въ Кіевъ, кромѣ того, онъ послалъ еще пушки, а также въ Переяславль, Остеръ, Черниговъ и Кадакъ. Всего было послано въ 181 г. 10 пушекъ желѣзныхъ вѣсомъ 228 п., 241 граната приступная на прутьяхъ, 374 гранаты ручныхъ, 15 п. дроби и т. д. По договору же 177 г., Петру Марселису нужно было за это дать: за литыя пушки по 30 коп. за пудъ, прутовое желѣзо—40 коп. за пудъ, бердышъ—21 коп., заступъ и лопату—18 коп., но въ уговорной записи не было написано цѣны „приступнымъ гранатамъ на прутяхъ и дроби и пушечнымъ ядрамъ на чепяхъ и на раздвижныхъ прутяхъ и киркамъ и ломамъ и топорамъ и молотамъ и напарьямъ“, почему П. Марселись сейчасъ назначилъ имъ цѣну только за ихъ изготовленіе и всякіе проторы и между прочимъ за кирку по 18 коп., топоръ—21 коп., напарье (буравъ)—12 коп. Кирки и топоры были сдѣланы изъ прутового желѣза, „а на концехъ наваривано сталью“, ломы и молоты тоже изъ прутового желѣза, а напарья изъ тонкаго желѣза съ наваренной на концахъ сталью. Всего за желѣзо, взятое въ малороссійскіе города

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дѣла ст. лѣтъ, 7182—1674 г., № 466.

и въ донской отпускъ въ 181 г. и „въ нынѣшнее 182 г.“, нужно было уплатить 7.505 р. 94½ к. П. Г. Марселисъ поставлялъ желѣзо и въ другіе годы [1]). Въ февр. 1670 г. онъ обязался поставить въ Москву для церковныхъ и другихъ построекъ связного и рѣшеточнаго желѣза 19.050 п., а дощатаго, сколько нужно, по цѣнѣ: пудъ связного и рѣшеточнаго—60 к., дощатаго – 1 р., топоры же по 15 к. Въ 1671 г. П. Марселисъ тоже поставлялъ въ Москву желѣзо. Въ 1673 г. у Марселиса было взято желѣзо въ Архангельскъ. Всего П. Марселису слѣдовало дать за связное, рѣшеточное и дощатое желѣзо 18.914 р. 61 к., но онъ уже въ 179 г. и 181 г. получилъ за него деньгами и соболями 10.563 р. 46 к., такъ что ему слѣдовало додать только 8.351 р. 15 к. Впрочемъ П. Марселисъ еще бралъ у казны деньги взаймы [2]).

Намъ также извѣстно, что П. Марселисъ въ февралѣ 1674 г. поставилъ къ строенію струговъ 3.150 пудовъ 30 гривенокъ, 3.145 п. 5 гр. прутового желѣза, 5 п. 25 гр. дощатаго. По договору 18 сентября 177 г. ему слѣдовало уплатить за пудъ прутового желѣза 50 коп., дощатаго—90 коп., а всего 1.595 р. 62½ к. Въ февралѣ же 1674 г. велѣно доставить изъ Тульскихъ и Каширскихъ заводовъ въ Измайлово на церковное строеніе нѣсколько тысячъ п. связного и прутового желѣза, въ Муромъ—для струговъ тоже нѣсколько тысячъ п. прутового. За все желѣзо (7.150 п. 20 гр.) приходилось П. Марселису уплатить по уговорной цѣнѣ 3.095 р. 62½ к. [3]).

Въ 1674 г. П. Марселисъ подалъ государю челобитную, въ которой указывалъ, что, согласно указу, ему данъ казенный поташъ Сергачскихъ будъ въ счетъ должныхъ ему казной денегъ за его желѣзо, „вѣсомъ на голо 4.530 берковцевъ, ценою по 13 ефимковъ за берковецъ“; но такъ какъ указъ о поташѣ былъ данъ въ послѣдній зимній день, „къ Архангельской ярманке всего того поташа поднять“ было невозможно во-время, и поэтому онъ просилъ дозволить везти поташъ съ Сергачскихъ будъ „въ нынѣш-

---

[1]) Въ 1668 г. онъ выполнилъ частный подрядъ, поставивъ желѣзо по 50 коп. за пудъ для церкви Пресв. Богородицы на Кулишкахъ въ Москвѣ (Чтенія, 1902 г., III, с. 38).

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. лѣтъ, 1674 г., № 427.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. лѣтъ, 7182—1674 г., № 438.

немъ" 182 г. и 183 г. къ Архангельску и за море безъ задержанія и безпошлинно [1]).

Кильбургеръ перечисляетъ какое желѣзо дѣлалось у Марселиса [2]). Прутовое желѣзо шло для скрѣпъ въ зданіяхъ и на окна. На окна же шло и листовое желѣзо. Слюдяныя оконницы дѣлались изъ бѣлаго или краснаго желѣза, въ сѣтку, основаніемъ которой служили 4 желѣзныхъ прута, составлявшихъ собственно раму. Стекольчатыя оконницы устраивались почти также, какъ и слюдяныя, т. е. изъ желѣзныхъ прутовыхъ рамокъ и свинцоваго переплета, куда закрѣплялось стекло. Кромѣ оконницъ, вставлялись еще „вставни" или „ставни", что соотвѣтствуетъ нашимъ вторымъ, зимнимъ рамамъ; ихъ размѣръ былъ разный: $1^{1}/_{2}$ арш. $\times$ 1 арш., $2-2^{19}/_{32}$ арш. $\times$ $1^{7}/_{8}$ арш. и т. д. Окна снаружи могли также закрываться „затворами" или „притворами", и въ каменныхъ зданіяхъ наружные затворы всегда дѣлались желѣзными [3]). Еще Дженкинсонъ замѣтилъ, что въ Москвѣ были дома „нѣкоторые каменные, съ желѣзными рамами для лѣта" [4]). Паерле во время московскаго возстанія (1606 г.) защищался въ домѣ съ желѣзной дверью [5]). „Чтобы предохранить, объясняетъ Олеарій, каменные дворцы и подвалы отъ стремительнаго пламени во время пожаровъ, въ нихъ устраиваютъ весьма маленькія оконныя отверстія, которыя запираются ставнями изъ листоваго желѣза" [6]). То

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. лѣтъ, 7182—1674 г., № 498; II экземпляръ челобитной—въ дѣлѣ 7182—1674 г./7183—1675 г., № 456.

[2]) Желѣзо было въ листахъ (доскахъ) и прутьяхъ (полосахъ). Но, вмѣсто „желѣзный листъ", тогда обыкновенно говорили „желѣзная доска" (отсюда „дощатое желѣзо"). Кильбургеръ всегда пишетъ „Eisenplatte", что по-русски можно передать словомъ „желѣзная доска" или желѣзный листъ"; только въ одномъ мѣстѣ, въ концѣ V главы IV части, онъ, говоря о луженомъ привозномъ нѣмецкомъ желѣзѣ, употребляетъ терминъ „Eisenblech", которое имѣетъ только одно значеніе—„листовое желѣзо", а такъ какъ въ данномъ мѣстѣ сказано, что оно лужено, то значитъ это—жесть. Въ настоящемъ переводѣ слово Platte вездѣ переведено черезъ—„доска", такъ какъ оно въ такомъ значеніи ближе къ тогдашнимъ понятіямъ.

[3]) Забѣлинъ, „Дом. бытъ русскихъ царей", с.с. 138, 619, 621, 629, 139.

[4]) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Рос.", с. 33.

[5]) „Сказ. совр. о Д. Сам.", I, с. 199.

[6]) Олеарій, с. 150.

же самое повторяетъ Кильбургеръ, но онъ еще указываетъ на обыкновенную длину и ширину желѣза, которое спеціально ковалось для дверей и оконъ (Fensterplatten), въ $2^1/_2$ пяди (Spanne, пядень=8 дюймамъ); при этомъ оно было довольно толстое. По мнѣнію Павла Алеппскаго, тульское желѣзо „очень дешево, и поэтому всѣ двери каменныхъ домовъ, дворцовъ, церквей, складочныхъ подваловъ и створы лавокъ въ г. Москвѣ, равно и всѣ окна сдѣланы по большей части изъ чистаго желѣза“; объ этомъ же онъ и въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „Ставни лавокъ изъ чистаго желѣза, и даже двери складовъ (желѣзныя)“ [1]). Подобныя же извѣстія даетъ Лизекъ [2]). По разсказу Таннера, въ обширномъ прекрасномъ каменномъ посольскомъ подворьѣ, выстроенномъ еще Алексѣемъ, „всѣ окна были скорѣй желѣзныя и каменныя, чѣмъ стеклянныя и прозрачныя, а выходившія на улицу имѣли еще и глубоко вдѣланныя въ стѣну рѣшетки толщиной въ человѣческій кулакъ; затворялись они также и желѣзными ставнями“ [3]).

Иностранцы, какъ разъясняетъ Кильбургеръ, прежде также выдѣлывали сталь и гвозди, но они терпѣли убытокъ въ этомъ производствѣ, вслѣдствіе успѣшнаго состязанія съ ними мелкихъ крестьянскихъ заводовъ, выдѣлывавшихъ эти предметы и дешево ихъ продававшихъ. Гвозди продавались колодками, сотнями и десятками. Они были разнообразны: лубяные, носковые и луженые, горошетые, кружальные (для пришивки мостовъ въ палатахъ), тесовые (для прибивки лубья), однотесные, двотесные, прибойные, полускаловые, скаловые и т. д. [4]). Въ самой Москвѣ было много кузнецовъ. При Герберштейнѣ дома кузнецовъ и другихъ ремесленниковъ, дѣйствующихъ огнемъ, были вытянуты длиннымъ рядомъ въ концѣ Москвы, для предохраненія отъ пожара [5]). Въ 1638 г.

[1]) П. Алеппскій, в. II, с. 197, в. IV, с. 3.

[2]) Согласно Лизеку (1675 г.), въ каменныхъ русскихъ постройкахъ „... лавки и покои у нихъ съ крѣпкими сводами, а маленькія окошки затворяются желѣзными ставнями; поэтому для огня они не доступны“ (Чтенія, 1891 г., III, приложенія къ описанію Таннеромъ посольства 1678 г., с. 172. Ж. М. Н. Пр., 1837 г., ч. 16, с. 381).

[3]) Чтенія, 1891 г., III. с. 49.

[4]) Забѣлинъ, „Дом. бытъ рус. царей“, с.с. 628, 633, 584, 586, 613. Лѣтопись Двинская Титова, с. 30.

[5]) Герберштейнъ, с. 99.

въ Москвѣ было не менѣе 98 кузнецовъ [1]), а по росписи 1641 г. было 151 кузница. Онѣ находились въ Бѣломъ-городѣ, въ Земляномъ, за Москвой-рѣкой и въ другихъ мѣстахъ. Иногда „кузница стоитъ пуста, никто въ ней не куетъ“ или „не дѣлаетъ“. Имена владѣльцевъ кузницъ русскія; впрочемъ встрѣчаемъ и кузницу Никифорки Нѣмчина. Кузнецами были крестьяне, стрѣльцы и пушкари. Обыкновенно самъ хозяинъ кузницы работалъ въ ней, или же ковали крѣпостные крестьяне. Хозяева также нанимали работать кузнецовъ. Кузнецы дѣлали подковы, топоры, скобы сапожныя, ножи, мельничныя снасти, сабельное, оружейное и замочное дѣло [2]). Заказы посылались изъ Москвы даже кузнецамъ другихъ городовъ, и, напримѣръ, въ 1679 г. была прислана „грамота холмогорскимъ кузнецамъ сдѣлать 2.000 замковъ шкотского дѣла, половина карабиновъ, а другая мушкетныхъ, а за работу имъ давано отъ замка по 5 алтынъ“ [3]).

Оружіе и вооруженіе въ большомъ количествѣ дѣлалось изъ русскаго желѣза. Въ 1676 г. люди кн. Мих. Як. Черкасскаго „всѣ были вооружены по старинному въ кольчугахъ и въ шлемахъ“, а у другихъ отрядовъ были „шлемы съ желѣзными на нихъ наконечникамп“ [4]). Рейтенфельсъ тоже свидѣтельствуетъ, что въ его время большинство воиновъ одѣвалось въ желѣзныя кольчуги [5]). Но, разумѣется, у нихъ было также огнестрѣльное оружіе, и его выдѣлывали въ Россіи разныхъ родовъ. Забѣлинымъ изданы росписи вооруженія, сдѣланнаго въ теченіе 171 и 183 г.г., съ упоминаніемъ, кто его дѣлалъ; тутъ встрѣчаются пистоли, пищали, карабины, пушки, копья, латы, наручи и пр. Въ росписи 183 г. между прочимъ упоминается „пищаль стволъ винтованной красного желѣза тульского дѣла наводной“ [6]). Отъ Павла Алеппскаго узнаемъ, что, по словамъ Никона, „у царя въ Кремлѣ мастера изготовляютъ для него ежегодно по семидесяти тысячъ ружей“; при испытаніи этихъ ружей, ихъ заряжали порохомъ и, положивъ по склону крем-

---

[1]) Труды Моск. Отд. И. Рус. Военно-Ист. Общ., т. I, М., 1911 г.

[2]) Забѣлинъ, „Матеріалы для ист., археологіи и статистики гор. Москвы“, ч. II, М., 1891 г., с. 115.

[3]) Лѣтопись Двинская, с. 40.

[4]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 388.

[5]) Чтенія, 1905 г., III, с. 126.

[6]) „Дом. бытъ р. царей“, с.с. 723, 726.

левскаго холма по направленію къ рѣкѣ, зажигали порохъ, и „непрочныя тотчасъ разлетались въ куски отъ большого количества пороха“ [1]). Кромѣ того, русскіе „ежегодно отливали пушки въ большомъ количествѣ и весьма ловко управляли ими“ [2]). Эти орудія также испытывались, и Олеарій (1634 г.) видалъ въ Москвѣ на полѣ много пушекъ и слышалъ сдѣланные изъ нихъ выстрѣлы, при чемъ приставъ объяснилъ ему, что царь „самъ глядѣлъ на эту пробу изъ окна“ [3]). Но, конечно, русскіе не могли выработать достаточнаго количества и хорошаго качества оружія для снабженія своихъ войскъ, и имъ приходилось выписывать громадные транспорты оружія изъ-за границы, и, напримѣръ, при Павлѣ Алеппскомъ пришелъ изъ Швеціи, по сообщенію Никона, транспортъ ружей въ 50.000 штукъ [4]). Пушечную мѣдь тоже привозили изъ Швеціи или изъ другихъ государствъ черезъ Архангельскъ, „а иные пушки подряжаются дѣлать голанцы и любченя и амбургцы и привозятъ къ Архангельскому городу“ [5]). Любопытно отмѣтить, что даже авторъ Торговой книги счелъ нужнымъ помѣстить въ своемъ руководствѣ стоимость „пушки, въ курячье яйцо ядро“ [6]).

Еще при Іоаннѣ Грозномъ одинъ англичанинъ говорилъ, что „у русскихъ прекрасная артиллерія изъ бронзы всѣхъ родовъ“ [7]). Р. Барберини (1565 г.) даже писалъ, что русскіе „уже льютъ у себя и пушки и колокола и сами дѣлаютъ пищали и другія вещи наподобіе тѣхъ, какія захватили у плѣнныхъ за 30 лѣтъ назадъ“ [8]). Понятно, что въ XVII в. пушечное производство уже было сильно развито. Шведскіе послы въ 1674 г. говорили русскимъ, что „о пѣхотѣ и о пушкахъ выдивится они не могутъ, понеже никоторые монархи лутчи тѣхъ пехотныхъ войскъ имѣть не могутъ“ [9]). „А какъ в город в Кремль пріѣхали и увидели, гдѣ построены пушки, и они, послы, на тѣ пушки прилѣжно смо-

---

1) П. Алеппскій, в. IV, с. 45.
2) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1905 г., III, с. 125.
3) Олеарій, с. 32.
4) П. Алеппскій, в. IV, с. 45. О продажѣ Россіи Швеціей мушкетовъ—Родесъ, с. 246 и др.
5) Котошихинъ, гл. VII, статья II, с.с. 119—120.
6) Временникъ, VIII, с. 21.
7) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Р.“, Неизв. англ. (1557—1558 г.), с. 16.
8) Сынъ Отечества, 1842 г., № 7, с. 23.
9) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 92, л. 627 об.

трили и потому жъ похваляли“ [1]). Въ числѣ этихъ шведовъ, конечно, былъ и Кильбургеръ, и это происходило 30 марта 1674 г. Тутъ же присутствовалъ и Пальмквистъ, который, очевидно, запечатлѣлъ видъ этихъ пушекъ на одномъ изъ своихъ великолѣпныхъ рисунковъ, изображающемъ большое количество пушекъ, поставленныхъ въ рядъ [2]). Но еще болѣе интересны для насъ чертежи и рисунки отдѣльныхъ орудій, помѣщенныхъ Пальмквистомъ въ своемъ альбомѣ. Такъ фиг. XI изображаетъ орудіе, у котораго казенная часть вращается на шарнирѣ; вѣроятно, это и имѣлъ въ виду Кильбургеръ, когда писалъ, что русскіе куютъ пушки различной длины и калибра съ казенниками (mit Schwanzschrauben —буквально: съ винтовыми хвостами, т. е. пушки, имѣющія заднюю часть, сдѣланную на винтахъ, шарнирахъ); не даромъ Кильбургеръ указываетъ, что такія пушки были рѣдкостью, и пара ихъ, длиной въ 7 пядей (Spannen), т. е. 56 дюймовъ, стоила 150 рублей. Авторъ описанія посольства Кленка въ 1676 г. тоже заинтересовался русской артиллеріей. „У каждой роты, пишетъ онъ, было полевое орудіе (Veststukje), очень аккуратно отлитое и искусно выработанное, или умѣло выкованное изъ желѣза при помощи молота“; „въ замкѣ (т. е. Кремлѣ) по лѣвую сторону мы... увидѣли около двадцати желѣзныхъ орудій, которыя, какъ намъ сказали, всѣ были выкованы, а не отлиты; нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно гладки и въ различныхъ мѣстахъ вызолочены; лежали они на роскошно расписанныхъ и вызолоченныхъ лафетахъ“ [3]). Таннеръ же въ 1678 г. видалъ передъ царскими палатами 200 пушекъ, поставленныхъ рядами, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли по три отверстія и были расписаны [4]).

Для производства пушекъ русское правительство призывало иностранныхъ мастеровъ, отъ которыхъ русскіе учились ихъ мастерству. При переговорахъ 1649 г. состоящій у шведовъ секретаремъ нѣкій Петръ Коетъ (Койэтъ) говорилъ, что русскіе не доплатили его покойному отцу, Юліусу (Юлнусу) Коету, который былъ пушечнымъ мастеромъ въ Москвѣ. Но русскіе послы отвѣтили, что

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д, р. I, кн. 93, л. різ об. (подлинникъ, р. II, св 112, середина).

2) Альбомъ Пальмквиста, Fig. IV.

3) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. с. 377, 402.

4) Чтенія, 1891 г., III, с. 51.

изъ 104 пушекъ, сдѣланныхъ Ю. Костомъ, „всего 32 пушки отстоялось“, а другія не выдержали: „на первой стрѣльбѣ разорвало“. Этотъ Ю. Коетъ получалъ въ мѣсяцъ 25, потомъ 50 и даже 100 рублей. „А нынѣ у ц. в-ва пушечный мастеръ Ѳалкъ емлетъ ц. в-ва жалованья по 15 рублевъ на мѣсяцъ, а пушки льетъ лучше отца ево (Петра Коета), а отецъ (Юлій Коетъ) его ничему не умѣлъ“ [1]). Дѣйствительно, объ „очень опытномъ (пушечномъ) мастерѣ, по имени Гансъ Фалькенъ изъ Нюренберга“, который прославился своимъ искусствомъ въ Голландіи, и отъ котораго русскіе научились лить пушки, сообщаетъ Олеарій [2]).

„Црѣнныя доски“ (Salzplatten) также дѣлались на русскихъ заводахъ. Кильбургеръ не обратилъ вниманія на ихъ величину, но зато измѣрилъ цирены (Salzpfannen) на р. Мшагѣ, которыя были размѣромъ въ $9 \times 8 \times {}^{3}/_{4}$ шведскаго локтя. Вмѣстѣ съ нимъ былъ Пальмквистъ, который въ своемъ альбомѣ помѣстилъ рисунокъ и чертежи этихъ солеваренъ, откуда видно устройство этого предпріятія. Цирены четырехугольной формы, со стѣнками подъ большимъ тупымъ угломъ, т. е. онѣ сильно наклонены наружу; вышина ихъ равна $^{1}/_{2}$ шведскаго локтя; если считать по верхнему краю, длина равна 9 шв. л., ширина = 8 шв. л., а если считать по нижнему краю, длина = 8 шв. л., а ширина = 7 шв. л. (согласно измѣреніямъ по приложенному къ чертежу масштабу). Для начала же слѣдующаго столѣтія имѣемъ описаніе солеваренъ гостя Грутина, находившихся въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Устюга. Это описаніе далъ намъ Корнилій де Бруинъ [3]).

Кромѣ упомянутыхъ предметовъ, въ Россіи приготовляли изъ мѣстнаго желѣза другія желѣзныя издѣлія. Для нихъ существовалъ въ Москвѣ особый желѣзный рядъ, гдѣ продавались принадлежности для оконъ, дверей, большіе котлы, уполовники, сковороды и т. п. [4]). Впрочемъ желѣзной посуды въ домашнемъ быту русскихъ было мало. Во время обѣда ножи и вилки никому не клались,

---

[1]) К. Якубовъ, сборникъ матеріаловъ по снош. „Рос. и Шв.“, Чтенія, 1897 г., IV, с. с. 257—258.

[2]) Олеарій, с. 154.

[3]) С. 294. Планы черной варницы—„Сборникъ статей Ист.-Этногр. Кружка при Имп. Унив. Св. Вл.“, 1913 г., в. I, С. Коломинскій, „Торговля солью...“

[4]) П. Алеппскій, в. IV, с. с. 3—4.

кромѣ знатныхъ; блюда только у знатныхъ и богатыхъ были оловянныя; обыкновенно же посуда была деревянная [1]). Рейтенфельсъ прямо заявляетъ: „Домашняя утварь у нихъ вся деревянная, да и та немногочисленна. Желѣзнаго же у нихъ почти что ничего нѣтъ“ [2]). Изъ другихъ предметовъ обихода русскіе пользовались въ своемъ несложномъ хозяйствѣ лишь немногими желѣзными предметами. Крижаничъ сильно раскритиковалъ русское хозяйство: „Телѣги круто неудатно и неспособно ся дѣлають на Руси; топоры есуть всѣ едного обличія и едныя мѣры“, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ разной формы и вѣса, отчего ими было легче работать; русскіе не имѣли пилъ для пиленія досокъ, а дѣлали доски топорами (изъ одного бревна всего 1—2 доски), на что уходила масса времени, труда и матеріала, въ то время какъ пилой можно было сдѣлать быстро и легко всевозможныя доски; Крижаничъ въ Россіи также не видалъ „оскордовъ и скоблевъ выправнѣихъ“, т. е. плотничьихъ инструментовъ; русскіе также не имѣли косъ съ греблемъ, а жали серпомъ; сѣно же они хотя и косили, но у нихъ „сѣнныя косы въ нѣкоихъ мѣстехъ есуть тако малы, да ся мало что разлучаютъ отъ житныхъ серповъ“ [3]).

Къ главѣ VI.

Соболиный промыселъ былъ однимъ изъ важныхъ источниковъ дохода Московскаго государства. Кильбургеръ объ этомъ промыслѣ почти повторяетъ то, что находимъ въ сочиненіи Котошихина [4]). Также несомнѣнно, что авторъ опровергаетъ басню о ссылкѣ въ Сибирь для ловли соболей подъ вліяніемъ Котошихина, который говоритъ, что ссыльныхъ въ Сибири распредѣляютъ на государственныя должности, но вѣдь Котошихинъ не говоритъ,

---

[1]) Мейербергъ, Чтенія, 1873 г., III, с. 36.

[2]) Чтенія, 1906 г., III, с. 139; о видахъ домашней утвари—с. 152.

[3]) „Рус. госуд.“, № 1, с. с. 50—51. Русскіе зимой для развлеченія катались на конькахъ. „Эти коньки сдѣланы изъ дерева, внизу съ длиннымъ и узкимъ желѣзомъ, хорошо полированнымъ, но загнутымъ спереди“. („Описаніе Московіи при реляціяхъ гр. Карлейля“, 1663—1664 г. г., Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 25).

[4]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с.с. 34—36.

что ссыльнымъ не приказывали убивать соболей, а такъ какъ ловля соболей была для казны большимъ доходомъ, то понятно, что сибирскія власти могли заставлять ссыльныхъ охотиться за соболями подобно тому, какъ теперь ссыльные производятъ разныя казенныя работы. Такимъ образомъ, Кильбургеръ напрасно всецѣло опровергаетъ мнѣніе, что ссыльные занимались ловлей соболей, потому что это было вполнѣ возможно въ тѣхъ сибирскихъ городахъ, въ которыхъ не было нужды въ ссыльныхъ для исполненія другихъ государственныхъ обязанностей. Наиболѣе подходящими для соболинаго промысла были плѣнные, на которыхъ невсегда можно было возложить иныя обязанности, вслѣдствіе незнанія ими русскаго языка и ихъ вѣроисповѣданія. Такъ, напримѣръ, Мартиньеръ со своими спутниками въ 1653 г. встрѣтилъ около городка Ляпина нѣсколько ссыльныхъ саксонцевъ, и среди нихъ нѣкоторые оказались старыми знакомыми путешественниковъ-датчанъ. Ихъ стали распрашивать, и „одинъ саксонецъ отвѣчалъ, что онъ сосланъ великимъ княземъ охотиться на соболей, что считается въ этой странѣ, какъ во Франціи, ссылкой на галеры; одни остаются здѣсь по 10 лѣтъ, другіе по 6, иные по 3, кто больше, а кто меньше, а затѣмъ, по миновеніи ссылки, они свободны... если они не добудутъ того количества, которое имъ назначено, ихъ жестоко наказываютъ плетьми изъ толстой и грубой кожи и бьютъ по всему обнаженному тѣлу“ [1]). Другіе иностранцы подтверждаютъ, что ссыльные должны добывать соболей, но эти иностранцы даже чрезмѣрно обобщаютъ это явленіе, потому что соболи добывались главнымъ образомъ туземцами и добровольными промышленниками на этого звѣря, а не только ссыльными. О ловлѣ соболей ссыльными упоминаетъ Коллинсъ, Рейтенфельсъ [2]), Невилль [3]), Корбъ [4]) и Сердербергъ [5]). По словамъ Коллинса, „торговля соболями приноситъ большія сокровища, которыя доставляются ссыльными“ [6]). Этотъ же англичанинъ даетъ описаніе

---

[1]) П. М. де-Ламартиньеръ, „Путешествіе въ сѣв. страны“, Зап. Моск. Арх. Инст., XV, М., 1912 г., с. 58.

[2]) Чтенія, 1906 г., III, с. 202.

[3]) Рус. Стар., 1891 г., ноябрь, с. 277.

[4]) Корбъ, с. 213.

[5]) Чтенія, 1873 г., II, с. 16.

[6]) Чтенія, 1846 г., I, с. 18. По другому переводу: „Торговля сибирскими куницами (martres) приноситъ (царю) огромныя суммы. Въ Сибирь

соболинаго промысла. Сибиряки всегда ранили изъ арбалета куницу (соболя) въ носъ, а потомъ предоставляли собакамъ схватить раненаго звѣрька. „Если куницу ранить въ другое мѣсто, животное, будучи сильнымъ и крѣпкимъ, можетъ спастись, даже когда его пронзятъ стрѣлой насквозь, а если и не спасется, шкура ся считается испорченной“ [1]). На охоту обыкновенно отправлялись партіями на 6 или на 7 недѣль [2]). Мартиньеръ встрѣтилъ у г. Печоры одного московскаго воеводу, возвращающагося съ охоты съ 2 спутниками, „при чемъ каждый изъ нихъ былъ нагруженъ дюжиной шкуръ медвѣдей, волковъ, бѣлыхъ лисицъ (песцовъ), нѣсколькими горностаями и соболями очень хорошаго сорта; подъ этими шкурами у каждаго были, кромѣ того, отрѣзанные медвѣжьи окорока, еще со шкурой“; самъ же вельможа „несъ только дюжину бѣлыхъ вороновъ да семь соболей, подвѣшенныхъ къ поясу“ [3]). Въ Сибири „мѣха, и преимущественно куньи, которыхъ нигдѣ въ свѣтѣ болѣе не встрѣчается, составляютъ главный предметъ торговли жителей“ [4]). Но продавать соболей (куницъ) можно было только въ казну, и русскіе боялись ихъ открыто сбывать частнымъ лицамъ и продавали ихъ тайкомъ, или же иностранцы опаивали туземцевъ, чтобы скупить эти мѣха. Воевода г. Печоры продалъ датчанамъ въ 1653 г. изъ царскаго магазина два наилучшихъ сорока совсѣмъ черныхъ соболей за 500 дукатовъ, а 3 сорока за 400 дукатовъ. Въ Пустоозерскѣ датчане тогда купили 5 сороковъ царскихъ соболей, а у частныхъ лицъ (всего за 400 дукатовъ) 2.000 бѣлокъ, 4 дюжины горностаевъ, 500 лисицъ (большею частью песцовъ), 120 бѣлыхъ волковъ, 200 куницъ сѣропепельнаго цвѣта. Такимъ образомъ датчане скупили въ Пустоозерскѣ всѣ мѣха. Въ Ляпинѣ-городкѣ они тоже купили „порядочное количество“ всякихъ мѣховъ [5]).

отправляютъ добывать ихъ рабовъ или преступниковъ“ (Р. Вѣстн., 1841 г., № 9, с. 568. Зап. М. Арх. Инст., XV, с. 153).

[1]) Павелъ Алеппскій однако пишетъ, что охотники старались ранить соболя „подъ шею, чтобы не испортить мѣха“. Павелъ разсказываетъ о способахъ охоты русскихъ на соболя и горностая (в. III, с.с. 63, 65).

[2]) Зап. М. Арх. Инст., XV, с. 159. Рус. Вѣстн., 1841 г., № 9, с. 574.

[3]) Мартиньеръ, Зап. М. Арх. Инст., XV, с. 51.

[4]) Коллинсъ, тамъ же.

[5]) Мартиньеръ, Зап. М. Арх. Инст., XV, с.с. 52, 72, 55, 56, 71.

„Сибирь сему (русскому) царству есть несмѣрно нарядна и пригодна“, писалъ Крижаничъ [1]), но неизвѣстно, какъ много она доставляла мѣховъ. Флетчеръ сообщаетъ, что „прошлогоднiй сборъ“ (т. е., очевидно, 1588 г.) царской подати въ Сибири равнялся 466 сорокамъ соболей, 5 сорокамъ куницъ и 180 черно-бурымъ лисицамъ, не считая другихъ произведенiй [2]). Котошихинъ опредѣлялъ, очевидно, на основанiи личнаго соображенiя, ежегодный размѣръ сибирскихъ доходовъ съ мѣховъ въ 600.000 рублей, и вслѣдъ за нимъ эту же цифру повторяетъ Кильбургеръ. Но изъ донесенiя Родеса 1653 г. мы узнаемъ, что „Ихъ Ц. В-ство получаютъ ежегодно въ свою казну 20.000—30.000 рублей съ мѣховъ, которые собираются частью изъ десятины и иначе“, причемъ больше всего и лучшiе мѣха добывались въ Сибири [3]). По показанiю Койэта, одна Лена „ежегодно доставляла налоговъ соболями на 90.000 рублей [4]). Но въ это время уже находимъ извѣстiя, что количество дорогихъ пушныхъ звѣрей уменьшается, вслѣдствiе примѣненiя русскими для ихъ ловли обмётовъ (сѣть въ родѣ тенетъ) и кулёмовъ (западня въ видѣ дворика изъ кольевъ), и даже на далекой Ленѣ уже въ половинѣ XVII в. промышленники жаловались, что „соболь весь въ Якуцкомъ уѣздѣ на ближнихъ рѣкахъ“ былъ сильно истребленъ, и добыча его сократилась разъ въ десять [5]).

Для позднѣйшаго времени можно привести точныя данныя о размѣрахъ пушного прихода изъ Сибири. Съ 200 г. по „нынѣшнiй“ 206 г., согласно таможеннымъ книгамъ, присланнымъ изъ приказа Большiе казны въ Сибирскiй приказъ, было въ привозѣ изъ сибирскихъ городовъ у торговыхъ людей соболей, вообще мѣховъ и китайскихъ товаровъ [6]):

---

[1]) „Рус. госуд.“, № 1, с. 16.

[2]) Флетчеръ, с. 48. С. Середонинъ, „Соч. Д. Флетчера...“, с. 330, прим.

[3]) Родесъ, с. 161.

[4]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 340. П. Милюковъ опредѣлилъ среднiй доходъ Сибирскаго приказа не болѣе 150.000 рублей („Госуд. хоз. Рос.“, II., 1905 г., с. 113).

[5]) Г. Вернадскiй, „Государевы служилые и промышленные люди въ Восточной Сибири XVII вѣка“, Ж. М. Нар. Пр., 1915 г., апрѣль.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. пр., ст. 1.100.

	200 г.	201 г.	202 г.	203 г.	204 г.	205 г.
Соболей	428 сороковъ	454 сор. 11 соб.	513 сор. 35 соб.	412 сор. 22 соб.	158 сор. 9 соб.	313 сор. 17 соб.
Хвостовъ собольихъ	12.397	5.594	7.645	4.100	2.700	5.569
Пупковъ собольихъ	313 пупк.	6 сор.	61 сор. 11 пупк.	12 сор. 26 пупк.	150 пупк.	29 пупк.
Лисицъ	2.682	1.997	1.407	1.170	676	337
Горностаевъ	5.890	—	—	—	—	—
Подскоровъ шапочныхъ собольихъ	81	—	—	—	—	—
Песцовъ	—	4.283	1.768	1.758	5.798	929
Бѣлокъ	91.680	8.560	188.212	314	15.053	2.300
Камокъ китайскихъ	3.107½ подст.	11 991½подст.	832 косяка	14.347 кос.	5.273½ кос.	618½ кос.
Гаекъ	22	318 *)	—	505 *)	341	12
Китаекъ однопортищныхъ, концовъ	73	1.778	26	3.325	1.938	371
Китаекъ, тюмовъ	170	672	172	2.143	2.623½	251
Шелку китайскаго	39¾ фунта	—	—	—	—	—
Всего по московской цѣнѣ на	53.050 р.	104.100 р. 53 к.	40.193 р. 20 к.	141.264 р. 28½ к.	74.926 р. 51½ к.	38.201 р. 88 к.

*) Гаекъ и лензъ.

Колебанія въ общей стоимости товаровъ слѣдуетъ, очевидно, отнести главнымъ образомъ на счетъ разнаго количества камокъ, которыя въ 203 г. стоили по 6 р. 60 к. и 8 р. подставъ [1]).

Къ главѣ VII.

Суконная промышленность фабричнаго производства стала прививаться въ Россіи со второй половины XVII в. Русское же сукно кустарнаго издѣлія было простое, и хорошіе сорты приходилось привозить изъ-за моря. Въ 1674 г., напримѣръ, было указано купить у Архангельска на царскій обиходъ суконъ стоимостью въ 1.078½ р. [2]). Много суконъ привозили англичане, но при Коллинсѣ, какъ онъ пишетъ, голландцы стали привозить къ намъ „массу бездѣлушекъ (всякую всячину), которыя они сбываютъ еще лучше, чѣмъ сукна, которыя начинаютъ выходить изъ моды въ Россіи“ [3]). Объ уменьшеніи спроса на сукно, какъ видимъ, сообщаетъ и Кильбургеръ.

Русскіе, по словамъ Рейтенфельса, употребляли сукно всякаго цвѣта, кромѣ чернаго, который носили монахи, и пестраго, употребляемаго драбантами и персами [4]). Этого отзыва Рейтенфельса, конечно, нельзя принимать цѣликомъ. Каждый стрѣлецкій полкъ имѣлъ свой цвѣтъ: зеленый, желтый, сѣрый, бѣлый, синій, красный, фіолетовый, пестрый и др. [5]).

Первыя попытки иностранцевъ завести въ Россіи выдѣлку матеріи были неудачны. Въ 1667 г. (176 г.) Сведенъ, не ограничившись устройствомъ бумажнаго и стекляннаго производства, заявилъ, что онъ вывезъ изъ-за границы суконныхъ мастеровъ и просилъ „къ тому суконному дѣлу волость Иванковскую“. И, дѣйствительно, въ томъ же 176 г. „въ каширскомъ уѣздѣ государева дворцовая Иванковская волость отдана иноземцу Ивану Ѳансве-

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. пр., ст. 1.148.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дѣла ст. л., 7182—1674 г., № 476. Въ этомъ же дѣлѣ приведены примѣрныя цѣны на заграничныя сукна и др. товары. См. соотвѣтствующее приложеніе.

[3]) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 176. Рус. Вѣстн., 1841 г., № 9, с. 592.

[4]) Ж. М. Н. Пр., 1839 г., ч. XXIII, отд. II, с. 48.

[5]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 377. Перечень цвѣта кафтановъ стрѣльцовъ XVII в. въ Чтеніяхъ, 1901 г., IV, Смѣсь, с. с. 31—32.

дину для суконныхъ заводовъ, а доходы всякие, вмѣсто той Иванковской волости крестьянъ и бобылей, велено ему, Ивану, платить погодно по окладу сполна на тѣ ж сроки, какъ платили крестяне и бобыли. И во 177 году онъ, Иванъ, умре, а тою волостью владѣла жена его, вдова Марья", и съ 176 г. по „нынѣшній" 183 г. слѣдовало взыскать всѣ прошлогодніе сборы съ волости натурой и деньгами. Кромѣ того, ея мужъ въ 174 г. и 176 г. взялъ у казны взаймы 2.255 р. 65 к. Всѣ эти годы Марья пользовалась даровымъ крестьянскимъ трудомъ, заставляла крестьянъ на себя пахать, варить пиво, возить въ Москву дрова и т. п., такъ что въ конечномъ результатѣ крестьяне разорились и подали челобитную, прося ихъ волость снова отдать въ приказъ Большого Дворца, чтобы имъ врознь не разбрестись. Это было исполнено царскимъ указомъ 30 ноября 1674 г.[1]). Долги же Сведеновъ были впослѣдствіи (1676 г.) съ нихъ сложены[2]).

Въ 1681 г. (189 г.) была дана жалованная грамота иноземцу Захарію Павлову на бархатные заводы, чтобы дѣлать бархаты, обьяри, атласы, камки и байбереки по лучшимъ итальянскимъ и китайскимъ образцамъ, а также „какія дѣла онъ изъ шелку, шерсти и изъ лну завесть можетъ". Для этого ему было дано взаймы 2.000 рублей съ десятилѣтней льготной разсрочкой выплаты. Въ 1684 г. Илья Тарбетъ просилъ разрѣшенія устроить въ Москвѣ суконные заводы и дать ему ихъ на 20 лѣтъ безпошлинно ими промышлять. Вслѣдствіе этого, по словамъ упомянутаго иноземца, была бы „прибыль и слава имъ, великимъ государямъ, что въ ихъ в. г-ей россійскомъ государствѣ станутъ дѣлать сукна, саржи и стамеды и всякое шерстное дѣло, чего искони въ россійскомъ государствѣ не было". Но Тарбетъ при этомъ просилъ позволить „изъ-за моря привозить къ тому дѣлу всякая шерсть баранья и овчинья и иная безпошлинно". Жалованная грамота на заведеніе этихъ заводовъ ему была дана въ апрѣлѣ этого года съ правомъ безпошлинно ими промышлять въ теченіе 10 лѣтъ[3]). Какъ разсказываетъ одинъ иностранецъ, Петръ Великій устроилъ суконную фабрику, построивъ для этого нѣсколько каменныхъ зданій на берегу р. Москвы, но оказалось, „что русская шерсть (которая весьма короткая, жесткая и

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., 1674 г., № 378.

[2]) Доп. къ Акт. Ист., XI, № 31, с. 112. По этому документу, долги ихъ равнялись 2.948 р. 78 к.

[3]) Тамъ же, сс. 110, 113.

почти такая же, какъ шерсть собаки) не могла годиться, чтобы прясть ее въ нитки для сукна", и приходилось подмѣшивать къ ней голландскую шерсть [1]). Кильбургеръ тоже указываетъ, что „русская шерсть плоха", и еще Флетчеръ замѣтилъ, что русскія овцы малы, и ихъ шерсть груба и жестка [2]). Но заведенная Петромъ I большая прекрасная фабрика, какъ доносилъ Плейеръ въ 1710 г., шла хорошо [3]).

Къ главѣ VIII.

Гостиные дворы въ Москвѣ всегда находились около Кремля, въ Китай-городѣ, а прежде тутъ былъ только одинъ дворъ [4]). По словамъ Петрея (1608 г.), въ Китай-городѣ былъ „главный рынокъ москвитянъ и гостиный дворъ (Handelplats), выстроенный изъ кирпичей въ видѣ четвероугольника, на каждой сторонѣ котораго 20 улицъ (рядовъ), гдѣ купцы имѣютъ свои лавки, погребки и лавочки" [5]). Царь Михаилъ, по разсказу одного хронографа, построилъ въ 1641 г. „Таможню и Гостиный дворъ каменный, въ немъ полаты двукровныя и трикровныя". Алексѣй въ свою очередь построилъ въ 1664 г. въ Китай-городѣ возлѣ отцовскаго гостинаго двора новый, болѣе обширный дворъ, который сталъ называться Новымъ, а прежній—Старымъ [6]). Спутникъ Кленка, которому очень понравилось великолѣпное посольское подворье, гдѣ могло помѣститься почти 400 человѣкъ, сообщаетъ, что „недалеко отсюда находятся Старый и Новый гостиные дворы, гдѣ торгуютъ

---

[1]) Перри (1698—1715 г.г.), Чтенія, 1871 г., II, с. 172.

[2]) Флетчеръ, с. 15.

[3]) Чтенія, 1874 г., II, с. 4. Изъ вышеизложеннаго видимъ, насколько можно согласиться съ мнѣніемъ полк. Николаева („Суконная промышлен. въ Р.", II., 1900 г., с. 5, прим. 1), что „даже въ самомъ концѣ XVII в. въ Московской Руси совершенно не существовало суконной промышленности".

[4]) Герберштейнъ обратилъ вниманіе, что „недалеко отъ крѣпости существуетъ обширный, окруженный стѣнами домъ, называемый Дворомъ господъ купцовъ, въ которомъ живутъ купцы и раскладываютъ свои товары; тамъ продаются перецъ, шафранъ, шелковыя ткани и другіе товары гораздо дешевле, чѣмъ въ Германіи" (Герберштейнъ, с. 94).

[5]) Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...", приложенія, с. 147.

[6]) Забѣлинъ, „Ист. г. Москвы", М., 1905 г., с.с. 164, 166.

нѣмецкіе и персидскіе купцы; ихъ товары для защиты отъ пожара запрятаны въ сводчатыхъ камерахъ, или подвалахъ“ [1]). Подробнѣе говоритъ о торговыхъ дворахъ Рейтенфельсъ; по его извѣстіямъ, въ Китай-городѣ былъ греческій дворъ и три обширнѣйшихъ, каменныхъ гостиныхъ двора. „Въ первомъ (Старо́мъ), болѣе древнемъ, продаются дешевые товары для ежедневнаго употребленія, во второмъ, Новомъ, взимается пошлина по вѣсу и хранятся главнымъ образомъ товары нѣмецкіе, въ третьемъ, или Персидскомъ, армяне, персы и татары содержатъ около 200 лавокъ съ различными товарами, расположенныхъ по порядку подъ сводами (sub porticibus) и представляющихъ красивое пестрое зрѣлище“ [2]). Шведскіе послы 1674 г. обратили вниманіе на эти зданія: „Послы, ѣдучи въ городъ (т. е. Кремль) и ис города, спрашивали про строеніе гостина двора и про дворы боярина Бориса Ивановича Морозова и князя Михаила Яковлевича Черкаского, сколь давно они строены. И посламъ говорено: «Тѣ дворы строены при в. г-е ц-е и в. князе Алексѣе Михайловиче всеа в. и м. и б. Россіи самодержце»“ [3]). Таннеръ, четыре года спустя послѣ этого посѣтившій Москву, только упоминаетъ о стоящемъ на большой равнинѣ „нѣкоторомъ обширномъ зданіи, полномъ лавокъ купцовъ изъ Персіи, гдѣ продаются персидскіе товары, богатѣйшіе золотомъ и серебромъ, драгоцѣнные камни и многое другое; въ серединѣ его висятъ большіе вѣсы для взвѣшиванія товаровъ. Тамъ также продаются собольи мѣха, которые принадлежатъ царю“ [4]).

Къ главѣ IX.

Царская казна, по словамъ Кильбургера, была сосредоточена въ Сибирскомъ приказѣ, но вообще почти все, что авторъ здѣсь сообщаетъ о приказахъ, заимствовано имъ у Котошихина [5]). По подсчету послѣдняго, приказовъ было 42. Мейербергъ гово-

---

[1]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 522.

[2]) Чтенія, 1905 г., Ш, с. 95.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 93, л.л. ҁп҃и об., ҁп҃ѳ.

[4]) Tanner, „Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam... Norimbergae. Anno 1689“, cap. XIII, § 2, p. 63. Чтенія, 1891 г., Ш, с. 61.

[5]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с.с. 36—37.

ритъ о 33 приказахъ [1]), очевидно, на основаніи сочиненія Олеарія, который подробно останавливается на приказномъ строѣ Россіи и упоминаетъ 33 царскихъ приказа и 3 патріаршихъ [2]). Котошихинъ даетъ приблизительный перечень доходности каждаго приказа, и общій подсчетъ этихъ данныхъ согласуется съ заключительными словами этого же автора: „І всего денежныхъ доходовъ, на всякой годъ, въ царскую казну приходитъ во всѣ приказы, со всего государства, кромѣ того, что исходитъ въ городѣхъ, зъ десять сотъ съ триста съ одиннадцать тысечь рублевъ, окромъ Сибирские казны“ [3]). А такъ какъ Сибирскій приказъ, по Котошихину же, приносилъ дохода съ мѣховъ—600 тыс. р., то весь государственный доходъ Россіи равнялся 1.911 тыс. рублямъ, т. е. почти 2 милліонамъ. Съ данными Котошихина совпадаетъ показаніе Рейтенфельса, что у царя „ежегодный его доходъ, по достовѣрному подсчету, въ общей сложности превышаетъ два милліона рублей“ [4]). Но авторъ описанія посольства Кленка уже преувеличиваетъ размѣръ царскихъ доходовъ: „Они составляютъ, какъ говорятъ, болѣе 200 тоннъ золота...“ [5]).

Что же касается въ отдѣльности доходовъ Сибирскаго приказа, они слагались не только изъ стоимости мѣховъ, но и другихъ разныхъ товаровъ и главнымъ образомъ китайскихъ. Въ 203 г. въ этомъ приказѣ былъ цѣловальникомъ Аѳанасій Гусятниковъ съ

---

[1]) Чтенія, 1873 г., IV, с.с. 166—167.

[2]) Олеарій, с.с. 279—284. Онъ между прочимъ называетъ „Казанскій приказъ“, „Сибирскій приказъ“ по дѣламъ этихъ областей („здѣсь же вѣдаютъ доходы и расходы на соболя и другіе мѣха“), а также „Большой казны приказъ“, который завѣдуетъ матеріями, нужными для убранства дворца и подарковъ. „Подъ этимъ «приказамъ», продолжаетъ Олеарій, расположеннымъ въ Кремлѣ и называющимся обыкновенно по-нѣмецки: «der grosse Schatzhof», находятся многіе глубокіе и большіе погреба и каменные своды, гдѣ складываются и хранятся казна государства и всѣ доходы городовъ, пошлины и ежегодные остатки отъ расходовъ въ «приказахъ»“.

[3]) Котошихинъ, изд. IV, гл. VII, статья 48, с. 128. „Окромъ Сибирские казны“ въ подлинникѣ приписано другимъ почеркомъ.

[4]) Чтенія, 1905 г., III, с.с. 108—109.

[5]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 493. Такъ какъ бочка (т. е. тонна) золота=50.000 рублей, то 200 тоннъ золота=10.000.000 рублей. Павелъ Алеппскій, любитель необычайнаго, не высказывая никакого сомнѣнія, опредѣляетъ ежегодный доходъ царя въ 36 милліоновъ золотомъ (в. IV, с. 12).

3 другими цѣловальниками. „А всякихъ г-ей соболиные казны и мяхкои рухляди і всякихъ товаров у них изъ 202-го году от казенных целовальников и ісъ Купецкие полаты от гостя да въ 203-м году ис Сибирского приказу отъ подячих и ис Купецкие из Скорняшные полатъ и іс Сибирскихъ городовъ в приходе на 109.771 р. 20 а.“ Всего изъ сибирскихъ городовъ въ приходѣ было соболей и всякихъ мѣховъ на 80.525 р. 41 к. Изъ всѣхъ товаровъ Сибирскаго приказа въ расходѣ было въ разные приказы и по памятямъ мѣховъ и другихъ товаровъ на 45.024 р. 61 к., а было продано соболей, мѣховъ, товаровъ и пряностей всего на 14.150 р. 39 к.[1]).

О внутреннемъ устройствѣ Сибирскаго приказа Кильбургеръ разсказываетъ на основаніи сочиненія Котошихина. Московское правительство всегда старалось платить иностранцамъ мѣхами и другими товарами, и только небольшія суммы, по сообщенію Маржерета, не болѣе 4—5 тыс. р., уплачивались серебромъ[2]). При Родесѣ правительство тоже платило, если не было условія, мѣхами, но если случалось, что не пріѣзжали греческіе купцы[3]) и ювелиры, которымъ обыкновенно сбывались казенные мѣха взамѣнъ ихъ товаровъ, а въ казнѣ накоплялось много мѣховъ, ихъ оцѣнивали и раздавали гостямъ большими партіями, гости же должны были въ теченіе года продать ихъ и уплатить правительству казенную стоимость мѣховъ; при этомъ гости иногда получали прибыль, иногда убытокъ[4]). Котошихинъ тоже говоритъ, что, если мѣховъ было много, ихъ продавали всѣмъ желающимъ, даже давали купцамъ въ долгъ для продажи; если же мѣховъ было мало, тогда соболей не продавали и цѣнили ихъ выше[5]). Мѣха также выдавались иноземнымъ посламъ и др., при чемъ, какъ узнаемъ отъ Рейтенфельса, принималось во вниманіе, на какую цѣну они сами доставили подарки, для чего приношенія иностранныхъ государей „оцѣниваютъ мастера серебряныхъ дѣлъ и купцы

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. прик., ст. 1.148.

2) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с.с. 272—273.

3) Котошихинъ писалъ, что мѣхами государство платитъ „персидскимъ и *греческимъ* купчинамъ и купетцкимъ людемъ за товары“, а Кильбургеръ, согласно изданію Бишинга, говоритъ, что товары уплачиваются „персидскимъ и *грузинскимъ* купцамъ за ихъ товары“, т. е. тутъ Кильбургеръ ошибочно сказалъ „грузинскіе“, вмѣсто „греческіе“.

4) Родесъ, с. 163.

5) Котошихинъ, изд. Ш, гл. VП, статья 7, с. 105.

для того, чтобы царь могъ сдѣлать подарки, которые стоили бы не меньше полученныхъ" [1]). Кромѣ того, служилые получали свое жалованье изъ Сибирскаго приказа мѣхами и другими товарами. Съ этой цѣлью, объясняетъ Коллинсъ, „на поташъ, воскъ и медъ царь вымѣниваетъ бархатъ, атласъ, камку, золотыя матеріи (парчу) и тонкое сукно, которыми награждаетъ своихъ чиновниковъ за службу" [2]). Рейтенфельсъ въ свое пребываніе въ Москвѣ около 1672 г. обратилъ вниманіе, что прежде иностранцы получали „громаднѣйшее жалованье, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно, по завистливому ревнованію нѣкихъ купцовъ, было сильно урѣзано и сокращено"; русскіе же военные люди получали жалованье значительно меньше, но зато имъ выдавали казенную одежду, провіантъ и снаряженіе [3]). О размѣрахъ военнаго жалованья очень подробно писалъ Маржеретъ [4]), также Померенингъ [5]), Котошихинъ [6]), Пальмквистъ въ своемъ альбомѣ, Койэтъ [7]) и др.

Къ главѣ X.

Торговыя площади и базары Москвы, благодаря ея большой торговлѣ, обращали на себя вниманіе многихъ иностранцевъ. Сама Москва, по словамъ посла Варкоча, была „сильный городъ, куда пріѣзжали въ большомъ числѣ туземные и иностранные купцы изъ очень дальнихъ краевъ: изъ Турціи, Татаріи, Персіи, Туркменіи (Siareoschen), Кабардинской, Грузинской, Сибирской, Черкасской и другихъ земель и вели большую торговлю превосходными товарами: соболями, куницами и разными мѣхами, также воскомъ, саломъ и другими товарами, которые во множествѣ привозили въ удобное время года" [8]). Москва не только сосредоточивала

---

1) Ж. М. Нар. Пр., XXIII, 1839 г., с. 29.
2) Чтенія, 1846 г., I, с. 34.
3) Чтенія, 1905 г., III, с. 125. Ж. М. Нар. Пр., XXIII, с. 39.
4) „Ск. совр. о Д. Сам.", I, с. 276.
5) Донес. 15 сент. 1647 г. въ сборн. матер. К. Якубова, „Рос. и Шв.", с. 409.
6) Гл. VII, статья 5, изд. III, с. 101.
7) „Посольство К. ф.-Кленка", с. 495.
8) Чтенія, 1874 г., IV, с. 35.

въ себѣ продукты и товары иноземныхъ странъ и русскихъ областей, но и сама, вмѣстѣ со своими окрестностями, производила новыя цѣнности для всѣхъ слоевъ населенія Московскаго государства: желѣзныя издѣлія, обувь, одежду, шапки, рукавицы, сѣдла, сбрую, бумагу, книги, иконы, свѣчи и пр. [1]).

Москва состояла изъ нѣсколькихъ частей, окруженныхъ стѣнами.

Скородомъ, или Скородумъ (или же Деревянный городъ), такъ назывался, потому что былъ построенъ въ теченіе 1 года Годуновымъ вокругъ всѣхъ посадовъ. Бруинъ даже сообщаетъ годъ постройки вала Скородома—1584 г. [2]), но, согласно Забѣлину, Скородумъ былъ срубленъ въ 1591—1592 г. [3]). Однако эти стѣны были сожжены поляками, и въ 1633—1640 г.г. былъ насыпанъ земляной валъ со рвомъ и острогомъ—тыномъ на немъ, и отсюда появилось названіе—Земляной валъ или Земляной-городъ, на ряду съ названіемъ Скородомъ [4]). Объ этомъ по-своему разсказываетъ Коллинсъ: „Внутренняя стѣна краснаго цвѣта и сложена изъ кирпича, вторая бѣлая, а третья деревянная и набита землей. Послѣдняя имѣетъ около 15 или 16 миль въ окружности, а была

---

[1]) По мнѣнію И. Миклашевскаго, въ Москвѣ, хотя и было много торговыхъ людей, но не было производительныхъ силъ (если не считать кузнецовъ). „Подобно другимъ городамъ XVII в., Москва потребляла то, что давали ей уѣзды и служила лишь торговой посредницей для сельскаго населенія разныхъ мѣстностей, стекавшагося сюда со всѣхъ сторонъ, какъ въ административный и судебный центръ всей страны. Новыхъ матеріальныхъ цѣнностей, предназначаемыхъ для удовлетворенія потребностей сельскаго населенія она почти не производила“ („Матер. и изслѣд. по ист. мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ въ М. госуд. XVII в., сообщ. А. С. Лаппо-Данилевскимъ и И. Н. Миклашевскимъ“, П., 1902 г., Зап. И. Ак. Н. по ист.-фил. отд., т. V, № 4, с. X). Что въ Москвѣ, кромѣ кузнецовъ, не было производителей, съ этимъ нельзя согласиться, а если сельское населеніе почти не пріобрѣтало въ Москвѣ для себя новыхъ цѣнностей, то только оттого, что потребности тогдашней сельской жизни были такъ невелики, что вполнѣ удовлетворялись домашнимъ хозяйствомъ.

[2]) Чтенія, 1872 г., II, с. 83.

[3]) „Д. бытъ р. царей“, с. 16. Варкочъ (1593) г. писалъ: „Эта стѣна выстроена около 2 лѣтъ тому назадъ“, и была совершенно деревянной, въ 3 добрыхъ сажени толщиной, со множестовомъ деревянныхъ башенъ (Чтенія, 1874 г., IV, с. 35).

[4]) Забѣлинъ, „Ист. г. Москвы“, с.с. 160, 164.

выстроена въ 4 или 5 дней по случаю приближенія крымскихъ татаръ"[1]). Тутъ, по словамъ Рейтенфельса, „подлѣ Скородома обширнѣйшая площадь была завалена невѣроятнымъ множествомъ дерева, брусьевъ, досокъ, даже мостовъ, башенъ и домовъ, уже срубленныхъ и совершенно готовыхъ, такъ что, когда вы купите, то ихъ тотчасъ разберутъ и перевезутъ, куда вамъ угодно"[2]). Эти дома можно было купить по дешевой цѣнѣ[3]).

Бѣлый-городъ раньше назывался Царь-городомъ, Иванъ-городомъ. Онъ былъ съ внѣшней стороны окруженъ валомъ, а съ внутренней выбѣленной стѣной, отчего его и называли Бѣлымъ-городомъ[4]). Въ немъ „жило много вельможъ и московскихъ князей, дѣтей боярскихъ, знатныхъ гражданъ и купцовъ, которые по временамъ уѣзжали на торгъ по странѣ; (тамъ) также находились хлѣбные и мучные лабазы, лотки съ говядиной, скотный рынокъ, кабаки для пива, меда и водки"[5]). Кромѣ того, въ Бѣломъ-городѣ были царскія конюшни и „мясныя лавки, въ которыхъ продавалось мясо, не исключая лошадинаго"[6]); тутъ также жили, по словамъ Таннера, мастера, „родъ искусства которыхъ узнается по висящимъ изъ оконъ предметамъ; такъ колбасники вѣшаютъ передъ окнами различныя частицы разныхъ матеріаловъ, сапожники—наколѣнники или части башмаковъ; среди этихъ есть наибольшее число такихъ, которые плетутъ обувь изъ гибкихъ прутьевъ, употребляемую людьми низшаго состоянія. Есть также многочисленныя лавки мясниковъ, наполненныя мясомъ, издающимъ тяжелый запахъ (потому что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ для продажи вонючее мясо, разложенное на солнцѣ), лавки которыхъ даже московскіе вельможи обходятъ или объѣзжаютъ; пальцемъ трогаютъ уже синее, вслѣдствіе порчи мясо, достаточно ли оно мягко"[7]). Корбъ говоритъ,

---

1) Чтенія, 1846 г., I, с. 20.

2) Ж. М. Н. Пр., XXIII, с.с. 20—21. Чтенія, 1905 г. III, с. 94.

3) По сообщенію Флетчера, за 20—30 рублей. Флетчеръ, с. 19. Олеарій, с. 155. Таннеръ, Чтенія, 1891 г., III, с. 67. „Посольство К. ф.-Кленка", с. 523.

4) Варкочъ, Чтенія, 1874 г., IV, с. 35. Маскѣвичъ, „Сказ. совр. о Д. Сам.", II, с. 59. Таннеръ, Чтенія, 1891 г., III, с.с. 152, 65.

5) Олеарій, с. 154.

6) Стрюйсъ, Рус. Арх., 1880 г., I, с. 34. Конину ѣли татары, плѣненные русскими и жившіе въ Москвѣ (Таннеръ, Чтенія, 1891 г., III, с. 66).

7) Tanner, „Legatio Polono-Lithuanica in Moscowiam...", Norimbergae, Anno 1689, cap. XIII, § 3, p. 66.

что въ Царь-городѣ „нѣсколько площадей именуется Поганый прудъ (Pogganabrut)“, гдѣ именно и продавали съѣстные продукты и напитки [1]). Въ Бѣломъ-городѣ, по плану Олеарія и Мейерберга, находился лошадиный рынокъ и рыбный. О рыбномъ рынкѣ Кильбургеръ разсказываетъ, что приближеніе къ нему можно скорѣе почувствовать обоняніемъ, чѣмъ увидѣть его [2]); въ такихъ же почти словахъ выражается о немъ и Олеарій: „Ихъ рыбный рынокъ можно узнать по запаху раньше, чѣмъ его увидишь или вступишь въ него“ [3]).

Китай-городъ отдѣлялся отъ Бѣлаго-города красной стѣной, которая такъ называлась, потому что была сложена изъ красныхъ кирпичей [4]); такой же она была и при Кильбургерѣ, но при Софіи была побѣлена [5]). Китай-городъ былъ той частью Москвы, въ которой наиболѣе была развита торговля, главнымъ образомъ сосредоточивавшаяся на площади противъ Кремля.Варкочъ писалъ, что „тутъ славная площадь и большая торговля, до 100 слишкомъ лавокъ и лавочекъ, въ которыхъ можно получать различные товары“. При Маскѣвичѣ въ Китай-городѣ было 40.000 лавокъ, и во время битвъ 1611 года съ поляками русскіе загораживали московскія улицы лавками, столами и дровами; вообще же въ Москвѣ тогда было 14 рынковъ; въ Китай-городѣ не было пустыхъ мѣстъ, за исключеніемъ именно площади передъ Кремлемъ; въ этомъ городѣ было болѣе всего лавокъ; тутъ также были дома бояръ и мѣщанъ [6]). Площадь передъ Кремлемъ была самой большой и лучшей во всей Москвѣ; на ней весь день толпились торговцы, мужчины, женщины, рабы и праздношатающіеся. „Вблизи помоста... стояли обыкновенно женщины и торговали холстами, а иныя стояли, держа во рту кольца (чаще всего съ бирюзой), предлагая ихъ для продажи“. Олеарій при этомъ слыхалъ, что „одновременно съ этой торговлей онѣ предлагаетъ покупателямъ еще кое-что иное“ [7]). Таннеръ обратилъ особенное вниманіе на этихъ жен-

---

1) Корбъ, с. 225.
2) С. 111.
3) Олеарій, с. 203.
4) Стрюйсъ, Рус. Арх., 1880 г. I, с. 32.
5) Бруннъ, Чтенія, 1872 г., II, с. 81.
6) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, II, с.с. 58, 61, 47, 59.
7) Олеарій, с. 153.

щинъ, которыя продавали ткани, нитки, кольца или же просто собирались смотрѣть на народъ; при этомъ онѣ подымали такой шумъ, что иностранцы могли подумать, что случился пожаръ или другое народное бѣдствіе. Пестрое разнообразіе одеждъ дѣлало женщинъ сильно замѣтными; старыя женщины красили щеки, обманывая тѣмъ людей. „Нѣкоторыя, разсказываетъ Таннеръ, во рту носили кольцо, въ которое была всажена бирюза; я, удивленный, что это значитъ, спросилъ, и вотъ москвичи отвѣтили, что это есть примѣта жонокъ продажнаго стыда“ [1]). На площади и въ сосѣднихъ улицахъ каждому товару и промыслу были отведены особыя мѣста и лавки. Недалеко отъ Кремля, на одной улицѣ, былъ расположенъ иконный рядъ, при чемъ русскіе „называли торгъ иконами не куплей и продажей, а «мѣной на деньги»; при этомъ долго не торговались“. Въ Китай-городѣ жило большинство самыхъ знатныхъ гостей или купцовъ, а также нѣкоторые московскіе князья [2]). Павелъ Алеппскій подробнѣе Олеарія останавливается на описаніи торговли въ Китай-городѣ: „Торговые ряды находятся насупротивъ площади Кремля съ восточной стороны... Зимой вставляютъ въ окна, по ихъ размѣру, куски льда съ рѣки, въ видѣ оконницъ: они просвѣчиваютъ лучше хрусталя (т. е. слюды). Ряды разбросаны отъ одного края площади до конца ея, и большая часть ихъ выстроена изъ камня; ставни лавокъ изъ чистаго желѣза и даже двери складовъ (желѣзныя). Напротивъ рядовъ находятся винные погребки, построенные изъ кирпича и камня, холодные лѣтомъ и теплые зимой. Для (продажи) книгъ есть особый рядъ, для иконъ особый; есть рядъ для (продажи) новыхъ облаченій, другой—для колоколовъ, кадильницъ и водосвятныхъ сосудовъ; есть рядъ для (торговли) ладаномъ, другой—для (продажи) свѣчей. Что касается ряда золотыхъ дѣлъ мастеровъ, то большая часть его предназначена для (продажи) серебряныхъ окладовъ иконъ и ихъ золоченія. Есть рядъ для (продажи) монашескихъ мантій, рясъ и шапокъ и черныхъ савановъ съ изображеніемъ крестовъ на нихъ. Въ каждомъ ряду есть большія сторожевыя собаки“, которыя бѣгали ночью по веревкѣ вдоль рядовъ. „Есть рядъ для желѣзныхъ вещей: принадлежностей для дверей,

---

[1]) Tanner, cap. XIII, § 2, p. 64.
[2]) Олеарій, с. 154.

оконъ и пр., большихъ котловъ, уполовниковъ, сковородъ—все изъ чистаго желѣза, превосходной работы. Есть рядъ для (продажи) чудесныхъ выпуклыхъ и гладкихъ оконницъ изъ каменнаго хрусталя (слюды), который не ломается, но гибокъ, какъ бумага. Что касается безистана [1]), то онъ состоитъ изъ двухъ большихъ рядовъ. Есть у нихъ рядъ, который они называютъ Битъ базаръ [2]), т. е. онъ подобенъ Сукъ эль-камлэ въ Алеппо; въ немъ продаютъ всевозможную одежду, оружіе и рѣдкости новыя и старыя. Торговля московитовъ деспотическая, торговля сытыхъ людей, ибо отъ нихъ не требуется издержекъ, не взимается съ нихъ ни податей, ни какихъ-либо поборовъ. Говорятъ они мало, какъ франки... Удивительнѣе всего то, что у нихъ въ устахъ одинъ языкъ, ибо, если станешь прицѣниваться къ какой-нибудь вещи, (идя) отъ начала ряда до конца, всѣ говорятъ одну цѣну, и это приводило насъ въ изумленіе... Базаръ въ этомъ городѣ бываетъ по средамъ и пятницамъ круглый годъ; на него съѣзжаются изъ всѣхъ деревень и составляютъ рынокъ для купли-продажи, при чемъ открываются и всѣ ряды. Базаръ происходитъ на этой площади, и здѣсь бываетъ невозможная тѣснота отъ большого скопленія народа. Покупаютъ и продаютъ все, потребное человѣку, безпрепятственно. Если случится въ среду или въ пятницу господній или (другой) выдающійся праздникъ, то лавокъ не открываютъ и не бываетъ торговли до окончанія обѣдни" [3]). Распредѣленіе товаровъ по отдѣльнымъ видамъ очень нравилось Рейтенфельсу: „Все это такъ умно устроено, что покупщику изъ множества однородныхъ вещей, вмѣстѣ расположенныхъ, весьма легко выбрать самую лучшую" [4]). По мнѣнію Таннера, „между этимъ множествомъ торговцевъ больше

---

[1]) Собственно такъ называется на Востокѣ мѣсто, гдѣ продаютъ хлопчатобумажныя ткани; въ самомъ же дѣлѣ въ безистанѣ торгуютъ разными рѣдкостями, особенно старымъ оружіемъ (прим. перев.).

[2]) Значитъ по-татарски вшивый рынокъ, а также ветошь, старье. Авторъ разумѣетъ, вѣроятно, ветошный рядъ (прим. перев.).

[3]) П. Алеппскій, в. IV, с.с. 3—5. Въ Тобольскѣ грамотой 161 года было приказано, чтобы „въ воскресные дни отнюдь бы не торговали никакими товары, кромѣ хлѣба и харчовъ и скотскаго корму, а и то бъ продавали послѣ божественного утренного пѣнія..." (Н. Оглоблинъ, „Обозрѣніе ст. и кн. Сиб. пр.", IV, с. 27).

[4]) Ж. Мин. Нар. Пр., XXIII, с.с. 22—23.

всего мѣховщиковъ“ [1]). Однако товары продавались не только въ лавкахъ, но и ручнымъ способомъ. Въ концѣ XVII в. передъ кремлевскимъ замкомъ товары разносились на спинахъ, потому что тамъ не было позволено возводить лавокъ и въ нихъ торговать [2]).

Насколько была обширна и разнообразна торговля гор. Москвы видно уже изъ одного перечисленія тѣхъ многочисленныхъ рядовъ, которые упоминаются въ XVII в. въ городѣ Москвѣ. А именно въ этомъ столѣтіи намъ извѣстны слѣдующіе ряды:

Суконный, сурожскій (бархатъ, атласъ, камка, тафта и др. шелковыя издѣлія), крашенинный (крашенина), кружевной, холщевой, монатейный (одежда духовенства), кафтанный, шапочный, лоскутный, ветошный, ветошный старый, потѣшный, москотильный, бѣлильный, золяной, серебряный, иконный, книжный, пушной, сапожный, сафьянный, скорняжный, лапотный, овчинный, сырейный (кожи) и „ырошный“ (кожи), плетной, сѣдельный, саадашный, самопальный, замочный, скобяной, ножевой, игольный, желѣзный, желѣзный нижній рядъ, котельный, колокольный, точильный, телѣжный, коробейный (сундуки), оконничный, судовой (посуда), лѣсной, горшечный, свѣчной, восковой, мыльный, завязочный, щепетильный, житній, хлѣбный, калачный, соляной, охотный, птичный, рыбный свѣжій (живорыбный), рыбный просольный, сельдяной, овощной, сѣмяной, орѣшный, солодяной, медвяный (медовый), луковый, чесноковый, харчевой, пирожный, вандышный, яблочный, дынный, ягодный, капустный, конюшенный и конный [3]). Тутъ пере-

---

1) Чтенія, 1891 г., III, с. 62.

2) Корбъ, с. 224. Извѣстія Брунна (Чтенія, 1872 г., II, с.с. 81—82) ничего новаго не сообщаютъ о кремлевской площади и торговлѣ Москвы.

3) „Расходная кн. митр. Никона“, Временникъ, XIII. Записной расх. столбецъ прик. Галицкой Чети, 182 г., Временникъ, XXIV, разныя стр. Рус. Ист. Библ., XXIII, предметный указатель. Конечно, указанный перечень рядовъ не является исчерпывающимъ. Однихъ рядовъ, торговавшихъ матеріями, было до двадцати; также были ряды: кушачный, рукавичный, чулочный, башмачный, голенищный, подошвеный, пушной бобровый, соболиный, зеркальный, веревочный и др. [В. Шереметьевскій, „Темное царство“ (Черты изъ жизни московскаго Китай-города XVII в.), Русская Старина, 1909 г., май, очеркъ I, с.с. 298—300]. Годъ основанія нѣкоторыхъ рядовъ извѣстенъ, напримѣръ, вандышный „построенъ вновь во 173 г. по конецъ Рыбного просолнаго ряду на пустыхъ лавочныхъ мѣстахъ“, новый замочный „устроенъ въ 151 г.

числены около 80 рядовъ. По описи 1695 г. было „въ Китай-городѣ 72 ряда“ [1]). Каждый рядъ, по строгому приказу, долженъ былъ торговать опредѣленнымъ родомъ товаровъ. Такъ въ 1626 г. было велѣно строго смотрѣть, „чтобы въ рядѣхъ торговые всякіе люди сидѣли съ товары своими, которыми товары въ которомъ ряду торгуютъ, гдѣ кому указано, а порознь бы нихто никаковъ человѣкъ съ розными товары въ ыныхъ рядѣхъ не торговали и по кресцомъ ни съ какими мѣлкими товары і въ воротахъ і въ окнахъ и на скамьяхъ ни съ какимъ товаромъ не сидѣли и не торговали, а торговали бъ въ рядѣхъ и сидѣли на скамьяхъ съ товары своими, гдѣ кому даны мѣста“ [2]). Но и впослѣдствіи правительству приходилось не разъ (напр., въ 1676 г., 1679 г., 1683 г.) запрещать москвичамъ торговать въ не указанныхъ рядахъ [3]). Конечно, и во времена Корба купцы должны были занимать опредѣленныя мѣста, „въ иныхъ же мѣстахъ выставлять на продажу свои товары имъ не позволялось“ [4]). Но часто названіе ряда не вполнѣ соотвѣтствовало предметамъ, тамъ продаваемымъ. Такъ въ 1674 г. въ лапотномъ ряду можно было купить лычныя веревки и кадочки, а въ конюшенномъ—мѣхъ бѣлій, въ овощномъ—красный сургучъ, слоновую кость, въ птичномъ—тоже красный сургучъ, въ скобяномъ—кромѣ гвоздей, ремни и т. п. [5]).

Особенное вниманіе иностранцевъ обращалъ на себя въ Китай-городѣ Вшивый рынокъ. По опредѣленію Олеарія, онъ лежалъ

въ каменныхъ лавкахъ, которые сдѣланы изъ Приказу Болшіе казны изъ Гостина двора на Варварской крестецъ лицомъ, поперегъ по сажени лавка“, Зарядъ золяной устроенъ въ 149 г. ниже Покрова Богородицы на рву (Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики гор. Москвы“, ч. II, М., 1891 г., с. 1163 и слѣд.). Вообще мѣстоположеніе многихъ рядовъ можно опредѣлить („Планы г. Москвы XVII в.“, М., 1898 г., С. А. Бѣлокуровъ).

[1]) А. Зерцаловъ, „Московскій Китай-городъ въ XVII в.“, Чтенія, 1893 г., II, с. 30.

[2]) Н. Рожковъ, „Происх. Самодержавія въ Р.“, М., 1906 г., с.с. 159—160 (ссылка на Моск. Арх. Мин. Юст., книги Моск. стола Разряда, № 18, л.л. 190—191).

[3]) Т. П. Ефименко, „Оч. организ. гор. ремеслъ въ М. госуд. XVI—XVII в.в.“, Ж. М. Н. Пр., 1914 г., № 4, с. 154. Въ ноябрѣ 1685 г. царскій указъ запрещалъ торговать съѣстными припасами въ Москвѣ въ не установленныхъ оброчныхъ мѣстахъ (А. Арх. Эксп., IV, № 286).

[4]) Корбъ, с. 224.

[5]) Рус. Ист. Библ., XXIII, с.с. 1113, 343 и др.

„направо, если итти отъ Посольскаго двора къ Кремлю..., гдѣ русскіе, сидя при хорошей погодѣ подъ открытымъ небомъ, бреются и стригутся...; (онъ) такъ устланъ волосами, что по нимъ ходишь, какъ по мягкой обивкѣ“ [1]). Рейтенфельсъ подробнѣе сообщаетъ объ этомъ: „Цирульники сидятъ на рынкахъ старыми вещами и поэтому называемомъ Вшивымъ, въ низенькихъ лавочкахъ, крытыхъ древесною корою, и обрѣзываютъ простому народу волоса на головѣ тѣми же ножами, которыми разрѣзаютъ хлѣбъ и прочую пищу“, но къ бородѣ не касались, потому что, чѣмъ она была длиннѣе, тѣмъ человѣкъ считался почетнѣе [2]). Тутъ также „чесали головы отъ нечистотъ“ [3]).

Многіе иностранцы также упоминаютъ о томъ большомъ ежегодномъ торговомъ съѣздѣ, который происходилъ въ Москвѣ каждую зиму. Какъ сообщаетъ Контарини (1476 г.), зимой торговля въ городѣ совсѣмъ замирала, такъ какъ купцы ставили свои лавки на льду р. Москвы; въ концѣ ноября привозили въ Москву туши коровъ и свиней, и зимой сюда „съѣзжалось множество купцовъ изъ Германіи и Польши для покупки различныхъ мѣховъ“. По показанію Барбаро, въ Москву привозили зимой такую массу разныхъ битыхъ животныхъ, что „за одинъ разъ можно было купить до двухъ-сотъ штукъ“ [4]). При Дженкинсонѣ (1558 г.) тоже „зимой бывалъ большой рынокъ внѣ Кремля, на льду рѣки, гдѣ продавались: хлѣбъ, глиняная посуда, ушаты, сани и пр.“ [5]), а при Невиллѣ (1689 г.) „въ декабрѣ мѣсяцѣ возводились на

---

[1]) Олеарій, с. 154.

[2]) Чтенія, 1906 г., Ш, с.с. 136—137. Ж. М. Нар. Пр., ХХШ, с. 47. Флетчеръ (с. 125) говоритъ, что русскіе стригли волосы на головѣ плотно до самой кожи, и только въ опалѣ отпускали ихъ расти до плечъ. Олеарій (с.с. 172, 173) сообщаетъ, что русскіе очень почитаютъ длинныя бороды, но волосы коротко стригутъ, а „вельможи даже даютъ сбривать эти волосы, полагая въ этомъ красоту“; священники же носили длинные волосы. По словамъ Лизека, изъ бояръ только одинъ сынъ Артамона Матвѣева отпускалъ себѣ волосы. Таннеръ (с.с. 101, 104) тоже замѣтилъ, что русскіе подстригаютъ волосы, а бороды не бреютъ; священники также носили бороду (о томъ же въ „Опис. Московіи при рел. гр. Карлейля“, с. 15).

[3]) Tanner, cap. XШ, § 2, p. 64. Чтенія, 1891 г., Ш, с. 62.

[4]) „Библ. ин. пис. о Р.“, Семенова, I, Контарини, с.с. 110—111, Барбаро, с. 58. Барбаро описалъ свои путешествія въ 1487 г. (Аделунгъ, „Критико-литер. обозр...“, I, № 22, с. 93).

[5]) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Р.“, с. 34.

площади 2.000 деревянныхъ домовъ для восточныхъ и европейскихъ купцовъ“ [1]). Павелъ Алеппскій (1654—1656 г.г.) указываетъ на срокъ этой „большой ярмарки“, которая именно начиналась „за недѣлю до Рождества вплоть до Богоявленія“; „это есть время дешевизны продуктовъ у нихъ, ибо они направляются туда изъ отдаленнѣйшихъ областей“ [2]).

Кремль иностранцы называли „замкомъ“. „Внутри, разсказываетъ Олеарій, находится много великолѣпныхъ, построенныхъ изъ камня зданій, дворцовъ и церквей, которые обитаются и посѣщаются в. княземъ, патріархомъ, знатнѣйшими государственными совѣтниками и вельможами“ [3]). Коллинсъ поименно перечисляетъ 6 бояръ, имѣвшихъ въ Кремлѣ каменные дома [4]), а Рейтенфельсъ говоритъ, что „множество каменныхъ зданій придаютъ ему видъ порядочнаго города“ [5]).

Каменные дома при Кильбургерѣ находились не только въ Кремлѣ, но и въ другихъ частяхъ Москвы. Раньше же въ Москвѣ были только деревянныя зданія. По извѣстіямъ Герберштейна, „самый городъ деревянный и довольно обширенъ“; русскіе утверждали, что въ немъ домовъ болѣе 41½ тысячи, но Герберштейнъ полагалъ, что это „врядъ ли вѣроятно“ [6]). Ченслеръ предполагалъ, что Москва даже больше Лондона съ его предмѣстьями, и „всѣ дома“ при немъ были изъ дерева [7]). Но по показанію Барберини, деревянными домами было застроено болѣе ⅞ Москвы [8]), т. е. остальная часть была уже каменной. Однако въ началѣ XVII в. Москва была большею частью еще деревянной, а дома съ печами безъ трубъ и окнами безъ стеколъ, зато она казалась путешественникамъ такой обширной, что, по ихъ словамъ въ ней могло помѣститься, какъ имъ сообщали, до 5 мил. жителей [9]). Какъ слыхалъ Петрей, въ

1) Рус. Стар., 1891 г., т. 72, с. 266.
2) П. Алеппскій, в. II, с. 192.
3) Олеарій, с. 151.
4) Чтенія, 1846 г., I, с. 19.
5) Ж. М. Нар. Пр., XIII, с. 25. С. Бартеневъ, „Московскій Кремль въ старину и теперь“, М., 1912 г.
6) Герберштейнъ, с. с. 99,100. Флетчеръ (с. 17) лишь безсознательно повторяетъ число домовъ, указанное Герберштейномъ.
7) Чтенія, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Р.“, с. 2.
8) Сынъ Отечества, 1842 г., № 6, с. 9.
9) Какашъ и Тектандеръ, Чтенія, 1896 г., II, с. 18.

Москвѣ было „до 416 тысячъ дворовъ хорошихъ и плохихъ“ [1]), по Стрюйсу,—около 95 тыс. домовъ (но „изъ этого громаднаго количества домовъ очень немного каменныхъ“), и также по описанію „Посольства К. ф.-Кленка“, во всей Москвѣ съ предмѣстіями было до 95 тыс. домовъ (не считая церквей), при чемъ большинство деревянныхъ [2]). Что же касается населенности, то, согласно Цани (1672 г.), въ Москвѣ насчитывалось больше 700 тыс. жителей [3]), по Рейтенфельсу,—болѣе 600 тыс. [4]), по Невиллю,—„до полумилліона жителей“ и даже больше [5]). Эти показанія о числѣ жителей Москвы въ общемъ соотвѣтствуютъ количеству дворовъ, указанному Стрюйсомъ и спутникомъ Кленка. Въ частности извѣстно, что въ 1638 г. въ Москвѣ можно было насчитать взрослаго мужского населенія, годнаго къ бою, около 30.000 человѣкъ [6]). О распредѣленіи же категорій населенія по частямъ города, даетъ представленіе записка 1701 г., составленная по „писцовымъ и переписнымъ книгамъ 187, 188 и ныняшнего 701 года“. Согласно ей, было дворовъ (процентное отношеніе показано ко всему количеству дворовъ данной части города):

	Кремль		Китай		Бѣлый		Земляной		За Землян.		Всего	
	Дворовъ	%	Дворовъ	%	Дворовъ	%	Дворовъ	%	Дворовъ	%	Дворовъ	%
Гости и гостиной сотни	—	—	21	7,7	49	1,9	156	2,1	98	1,5	324	2
Посадскіе люди .	—	—	8	2,9	358	14,2	3.208	43,3	2.670	43,7	6.244	38,2

---

[1]) Чтенія, 1865 г., IV, с. 5. Эта цифра, очевидно, есть варіантъ цифры 41.500, сообщенной Герберштейномъ.

[2]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. с. 524, 525, 474.

[3]) Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путешествія польскаго посольства въ М. въ 1678 г.“, приложенія, с. 169. Въ этихъ приложеніяхъ приведено 26 выдержекъ изъ сочиненій иностранцевъ, описывавшихъ Москву.

[4]) Чтенія, 1905 г., III, с. 92.

[5]) Рус. Старина, 1891 г., т. 72, с. 266.

[6]) Труды Моск. Отдѣла Имп. Рус. Военно-Ист. Общ., т. I (Росписной списокъ г. Москвы 1638 г.), М., 1911 г.

Мастеровыхъ же и другихъ ремесленниковъ больше всего жило за Землянымъ-городомъ (262 двора), меньше—въ Земляномъ (73 дв.), въ Китай-городѣ—меньше всего (6 дв.), а въ Бѣломъ, какъ и, конечно, въ Кремлѣ, ихъ совсѣмъ не было [1]).

Докторъ Коллинсъ передаетъ, что русскіе считали деревянныя комнаты гораздо здоровѣе каменныхъ, и Коллинсъ съ этимъ соглашался, потому что каменныя стѣны при топкѣ печей выдѣляли изъ себя испаренія [2]). Спутникъ Карлейля самъ былъ того мнѣнія, что дерево (преимущественно сосна) меньше пропускало холодъ и сырость, чѣмъ камень; по его свидѣтельству, русскіе имѣли въ Москвѣ множество домовъ съ маленькими окнами и печами только для приготовленія пищи [3]). Также Рейтенфельсъ высказывалъ мысль, что русскіе справедливо считали болѣе здоровымъ жить, вслѣдствіе морозовъ, въ деревянныхъ, а не въ каменныхъ домахъ; простой народъ имѣлъ дома лишь въ одинъ этажъ, остальные и въ два; во многихъ домахъ дымъ шелъ не черезъ трубы, а просто черезъ узкія окна; крыши были деревянныя или соломенныя, промазанныя глиной [4]); онѣ также покрывались древеснымъ лыкомъ и тонкими дощечками, и даже каменные дома были ими покрыты [5]). Благодаря обилію горючаго матеріала въ Москвѣ, ее можно было справедливо назвать „пылающей". Флетчеръ удостовѣряетъ, что пожары были очень часты, и дома, построенные изъ сосноваго лѣса горѣли точно факелы, такъ что потушить ихъ было трудно; не только смола, заключающаяся въ бревнахъ, давала богатую пищу огню, но и мохъ, которымъ проконопачивали стѣны и который собирали для этой цѣли въ большомъ изобиліи [6]). Олеарій замѣтилъ, что русскіе покрывали крыши тесомъ, поверхъ котораго клали бересту, а иногда дернъ, и потому происходили сильные пожары, такъ что не проходило мѣ-

---

[1]) „Матеріалы и изслѣд. по ист. мост. и рѣшет. денегъ въ М. госуд. XVII в.," П., 1902 г., с. VI, Зап. И. Ак. Н. по ист.-фил. отд., т. V, № 4. Какъ указываетъ Таннеръ, въ Стрѣлецкой слободѣ могли жить торговцы только дешевыми товарами: чеснокомъ, лукомъ и хлѣбомъ (Чтенія, 1891 г., III, с. 68).

[2]) Чтенія, 1846 г., I, с. 17.

[3]) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. с. 11, 17, 18.

[4]) Чтенія, 1906 г., III, с. 153.

[5]) „Посольство К. ф.-Кленка", с 474.

[6]) Флетчеръ, с.с. 19, 18.

сяца и даже недѣли, чтобы не пробѣжалъ красный пѣтухъ; самъ Олеарій видалъ, какъ иногда по ночамъ одновременно поднималось 3—4 пожарныхъ зарева. „При подобномъ несчастьѣ, по разсказу этого иностранца, стрѣльцы и особые стражники должны оказывать огню сопротивленіе. Водою здѣсь никогда не тушатъ, а зато немедленно ломаютъ ближайшіе къ пожару дома, чтобы огонь потерялъ свою силу и погасъ. Для этой надобности каждый солдатъ и стражникъ ночью долженъ имѣть при себѣ топоръ“ [1]). Во избѣжаніе пожаровъ правительство принимало рядъ строгихъ мѣръ, подчасъ весьма стѣснительныхъ для населенія, напр., запрещалось разводить лѣтомъ огонь. На кремлевскомъ рынкѣ не было „ни одного жилого помѣщенія“, чтобы не было опасности отъ пожара, и „рынокъ тщательно оберегался сторожами“ [2]). Подробнѣе Кильбургера о пожарной организаціи сообщаетъ П. Алеппскій [3]). Въ зависимости отъ того, въ какой части Москвы горѣло, били опредѣленнымъ набатомъ [4]). Въ случаѣ пожара стрѣльцы, если домовладѣлецъ платилъ, ставили бычачьи щиты, безпрестанно поливая ихъ водой, и тѣмъ защищали домъ отъ огня [5]). При тушеніи пожаровъ, русскіе по разсказу спутника Кленка, были „очень проворны“, растаскивали сосѣдніе дома, чтобы не дать пищи огню, при чемъ, если домъ горѣлъ уже сверху, то просто подрубали бревна, столбы, и зданіе валилось; крикъ о пожарѣ „по временамъ бывалъ здѣсь 4 или 5 разъ въ однѣ сутки“; въ апр. 1676 г. сгорѣло 5 или 6 тысячъ домовъ и дворовъ, а въ іюнѣ до 3 тыс. и 300—400 человѣкъ [6]); по Стрюйсу, разъ „сгорѣло 30 или 40 тысячъ домовъ“ [7]).

Въ виду такого опустошительнаго дѣйствія огня, въ Москвѣ стало постепенно увеличиваться количество каменныхъ домовъ, особенно во II половинѣ XVII вѣка. Самъ Кильбургеръ говоритъ, что „съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе строятъ каменные

---

1) Олеарій, с. 150.
2) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1905 г., III, с. с. 95—96.
3) П. Алеппскій, в. IV, с. с. 9—10. Выдержка объ этомъ есть въ извлеченіяхъ В. Бочкарева, с. 77.
4) Чтенія, 1899 г., I, Смѣсь, с. 14, о набатахъ 1668 г.
5) Лизекъ, Ж. М. Нар. Пр., ч. 16, 1837 г., с. 380.
6) „Посольство... Кленка“, с. с. 393, 472, 474, 500—502, 520.
7) Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...“, приложенія, с. 165.

дома“, и „ежедневно и чѣмъ дальше, тѣмъ больше строятся изъ жженаго кирпича церкви, монастыри и дома“, и поэтому счелъ даже нужнымъ посвятить отдѣльную главу обозрѣнію матеріаловъ и издержекъ для каменныхъ построекъ [1]). Правда, „русскіе гораздо лучше умѣли строить деревянныя, чѣмъ каменныя зданія“ [2]), и обладали „особенно имъ свойственнымъ, наслѣдственнымъ умѣніемъ строить чрезвычайно изящные деревянные дома“ [3]), но это не мѣшало Москвѣ постепенно украшаться каменными строеніями. При Герберштейнѣ Москва была „вся деревянной, за исключеніемъ немногихъ каменныхъ домовъ, храмовъ и монастырей“; хоромы великаго князя были изъ камня [4]). По отчету о поѣздкѣ ганзейскаго посольства изъ Любека въ Москву и Новгородъ въ 1603 г., „зданія и дома въ немъ (г. Москвѣ) выстроены изъ сосноваго лѣса“, какъ въ Литвѣ и Смоленскѣ, но въ Москвѣ зданія были только выше и съ деревянными воротами, что ихъ украшало; тутъ было „чрезвычайно много церквей и часовенъ, частью деревянныхъ, частью же каменныхъ, со множествомъ колоколовъ“ [5]). При Никонѣ, вслѣдствіе частыхъ пожаровъ, были „большинство деревянныхъ часовенъ сломаны и построены вновь изъ камня“. Эта мѣра была потому проведена, что часовни были у каждаго богатаго лица, и неосторожное возжиганіе въ нихъ восковыхъ свѣчей, употребляемыхъ русскими въ громадномъ количествѣ, очевидно, служило причиной пожаровъ [6]). При Олеаріи только бояре и нѣкоторые богатѣйшіе купцы и нѣмцы имѣли каменные дома; по его словамъ (изданіе 1656 г.), дома этихъ вельможъ и купцовъ были „построены лишь въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ“, а раньше они жили въ плохихъ домахъ [7]). П. Алеппскій, бывшій въ Москвѣ въ 1655 г., говоритъ о палатахъ, находящихся въ этомъ городѣ, что

---

[1]) С. с. 116, п. I, 180, гл. XVI.

[2]) Н. Витсенъ у патр. Никона въ 1665 г., Истор. Вѣстн., 1899 г., LXXVII, с. 878.

[3]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г. III, с. 136.

[4]) Герберштейнъ, с. 100.

[5]) „Сборникъ матеріаловъ по рус. ист. нач. XVII в.“ (Болдакова и Щепкина), П., 1896 г., с. 24.

[6]) Въ описаніи путешествія Какаша и Тектандера говорится, что русскіе, зажигая свѣчи передъ своими иконами, „нерѣдко зажигаютъ и всю свою усадьбу“ (Чтенія, 1896 г., II, с. 20).

[7]) Олеарій, с. с. 156, 150, 202.

„большая часть ихъ новая, изъ камня и кирпича и построены по образцу нѣмецкихъ франковъ, у которыхъ научились теперь строить московиты“. Онъ со своими спутниками-греками удивлялся ихъ красотѣ, прочности, изяществу, разноцвѣтной окраскѣ и рѣзьбѣ [1]). Однако Мейербергъ, ѣздившій въ Москву въ 1661 г., счелъ возможнымъ заявить, что „только нѣсколько лѣтъ назадъ многіе изъ москвитянъ стали строить себѣ дома изъ кирпича“ (при чемъ все-таки спальни строили деревянныя), и при немъ каменный домъ былъ еще „рѣдкость въ Москвѣ“, потому что большинство жило въ деревянныхъ [2]). По взгляду участника посольства Карлейля, въ Москвѣ было „очень мало“ каменныхъ зданій [3]). Рейтенфельсъ же писалъ: „Дома обитателей большею частью деревянные и имѣютъ мало оконъ; впрочемъ между ними попадаются много каменныхъ, принадлежащихъ боярамъ и иноземцамъ“ [4]). Также по мнѣнію голландца Койэта, въ Москвѣ уже было „много каменныхъ домовъ, но и они крыты деревомъ, а подъ деревянными балками выложены древеснымъ лыкомъ“ [5]). Современникъ ихъ Лизекъ называлъ русскіе дома скорѣе стойлами, чѣмъ жилищами для людей, однако оговаривался: „Но вельможи и купцы имѣютъ дома каменные, прочные и великолѣпные“ [6]). Построенное Алексѣемъ Михайловичемъ „великолѣпное“ обширное каменное посольское подворье очень нравилось Таннеру и другимъ иностранцамъ [7]). Въ 1681 г. было приказано въ Кремлѣ, Китай-городѣ и Бѣломъ-городѣ строить дома только изъ кирпича, для чего выдавали изъ приказа Большого Дворца кирпичъ по $1^1/_2$ рубля за 1.000 штукъ съ разсрочкой на 10 лѣтъ [8]). Какъ сообщаетъ Не-

---

[1]) П. Алеппскій, в. III, с. 33.

[2]) Чтенія, 1873 г., III, с. с. 60—61.

[3]) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 11.

[4]) Чтенія, 1905 г., III, с. 92.

[5]) „Посольство... Кленка“, с. 474.

[6]) Ж. М. Нар. Пр., ч. 16, 1837 г., с. 380. По его словамъ, „дома въ Московіи строятъ низкіе и некрасивые; на поперечныя стѣны употребляютъ ель, а на продольныя—сосны“. Но Рейтенфельсъ, какъ мы уже выше видѣли, справедливо замѣтилъ, что русскіе умѣютъ строить „чрезвычайно изящные деревянные дома“.

[7]) Чтенія, 1891 г., III, с. с. 48, 49, прим. 43.

[8]) Костомаровъ, „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорос. народа въ XVI и XVII ст.“, Собраніе соч., т. XIX, П., 1906 г., с. 32.

вилль, при Голицынѣ, домъ котораго былъ „однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ“, было выстроено болѣе 3.000 каменныхъ домовъ [1]), хотя Забѣлинъ этому не вѣрилъ, потому что даже въ 1812 г. въ Москвѣ числилось всего 2.567 каменныхъ домовъ [2]). Если показаніе Невилля возбуждаетъ сомнѣніе, то Бруинъ, конечно, вѣрно писалъ въ началѣ XVII в., что „теперь Москва гораздо больше и обширнѣе того, чѣмъ было когда-нибудь прежде, и въ ней никогда не было такого множества каменныхъ домовъ, какое находится нынѣ и которое увеличивается почти ежедневно“ [3]).

Относительно распредѣленія каменныхъ домовъ по частямъ города намъ извѣстно, что они были въ Кремлѣ. Также они были и въ другихъ мѣстахъ Москвы.

Въ Бѣломъ-городѣ, по извѣстіямъ путешественниковъ 1670-хъ годовъ—Цани и Таннера, жила большая часть бояръ, князей и другихъ вельможъ, и здѣсь было „немало храмовъ и обитаемыхъ вельможами хоромъ“, но подробнѣе объ этомъ разсказываетъ Рейтенфельсъ: въ Бѣломъ-городѣ находилось „много также каменныхъ и деревянныхъ хоромъ, принадлежащихъ боярамъ и иноземцамъ, и садовъ. Лучше всѣхъ другихъ красивыя хоромы боярина Артемона Сергѣевича (Матвѣева)“; тутъ были также подворье христіанскихъ пословъ и подворья для магометанскихъ и языческихъ пословъ, свободное отъ пошлины помѣщеніе шведскихъ купцовъ, хлѣбный, мясной и конный рынки [4]). Отсюда видно, что въ Бѣломъ-городѣ были зданія, которыя могли остановить вниманіе путешественника своей красотой и видомъ.

Въ Китай-городѣ наблюдаемъ то же самое. По словамъ Стрюйса, „въ этой части города проживаютъ знатные купцы, князья и значительныя лица теперь большею частью въ каменныхъ домахъ, чтобы лучше предохранить свои товары отъ пожаровъ“. Но въ Китай-городѣ, какъ пишетъ Рейтенфельсъ, „кромѣ многихъ роскошныхъ зданій бояръ, князя грузинскаго и типографіи, въ немъ есть и греческое подворье... и 3 большихъ выстроенныхъ изъ кирпича гостиныхъ двора для иноземныхъ купцовъ“. По Таннеру, тутъ было „немало и большихъ обитаемыхъ московскими князьями

---

1) Русская Старина, т. 72, с. 266.
2) „Ист. г. Москвы“, с. 167.
3) Чтенія, 1872 г., II, с. 77.
4) Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...“, с. с. 170, 170, 65, 166—167.

хоромъ“ [1]). Спутникъ Кленка тоже замѣтилъ, что „въ этой части города живетъ много князей, вельможъ и именитыхъ купцовъ, которые всѣ селятся въ каменныхъ домахъ, чтобы защитить свое имущество отъ пожаровъ, здѣсь случающихся очень часто“ [2]). Изъ этихъ свидѣтельствъ иностранцевъ слѣдуетъ, что и Китай-городъ имѣлъ красивые дома и не въ маломъ количествѣ. Между тѣмъ Кильбургеръ говоритъ, что какъ въ Бѣломъ-городѣ есть безчисленное множество мелочныхъ лавокъ, такъ и въ Китай-городѣ „также нѣтъ особенныхъ домовъ“, но главнымъ образомъ каменныя лавки. Отсюда можно неправильно заключить, что въ Китай-городѣ вовсе не было хорошихъ каменныхъ жилыхъ домовъ, но это было бы невѣрно, и Кильбургеръ виноватъ въ неясномъ выраженіи своей мысли, и нужно думать, что онъ желалъ сказать то же самое, что ясно и опредѣленно высказалъ Рейтенфельсъ въ слѣдующихъ словахъ о кремлевскомъ рынкѣ: „На немъ нѣтъ ни одного жилого помѣщенія, дабы такимъ образомъ держать огонь, сильно свирѣпствующій обыкновенно въ этомъ городѣ, какъ можно дальше“ [3]).

Къ главѣ XI.

Книгопечатни въ Россіи ведутъ свою исторію съ царствованія Грознаго. Барберини (1565 г.) писалъ о русскихъ, что „въ прошломъ году, когда они ввели у себя печатаніе, я и самъ видѣлъ, съ какой ловкостью уже печатались книги въ Москвѣ“ [4]). Флетчеръ передаетъ, что привезенные при Грозномъ изъ Польши типографскій станокъ и буквы погибли во время пожара, о чемъ, какъ полагали, постаралось духовенство [5]). Впослѣдствіи типографія, конечно, возродилась. Отъ Таннера, бывшаго въ Москвѣ въ 1678 г., узнаемъ, что „зданіе, въ которомъ помѣщается типографія греческаго языка, хотя испорченнаго,—великолѣпно; тамъ же хранится московская библіотека.“ Въ августѣ 1681 г. Кемп-

---

[1]) Чтенія, 1891 г., III, „Опись путеш...“, с. с. 164, 167, 63—64.

[2]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 523.

[3]) Чтенія, 1905 г., III, с. 96. Ж. М. Нар. Пр., XXIII, с. 23.

[4]) Сынъ Отечества, 1842 г., № 7, с. 23.

[5]) Флетчеръ, с. 96.

феръ „осматривалъ типографію“ въ Москвѣ и такъ описываетъ ея устройство: „Она расположена въ 3 комнатахъ, изъ коихъ въ каждой по 4 станка, подобныхъ нашимъ; но наборъ идетъ плохо. При каждомъ станкѣ по одной кассѣ изъ 64 ящиковъ, по 8 съ каждой стороны; каждый ящикъ дѣлится на 2 части, потому что иныя буквы полныя, а иныя съ вырѣзкой для постановки ударенiй. Буквы лежатъ по порядку: азъ, буки, вѣди и т. д. Онѣ не имѣютъ сигнатуры для познанiя верхней части оныхъ, а потому при набиранiи надобно разсматривать каждую букву, отчего наборъ идетъ медленно. Касса стоитъ не наклонно, а прямо, и буквъ въ ней мало... Изъ печатни мы прошли кверху налѣво въ школу...“ [1]). Но московская типографiя первоначально не всегда могла удовлетворить всѣхъ требованiй, и поэтому, напримѣръ, въ 1669 г. русское правительство обращалось съ заказами въ кiевопечерскую типографiю [2]). Это указываетъ, что въ XVII в. былъ спросъ на книги. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ этого столѣтiя книги на печатномъ дворѣ расходились почти безъ остатка [3]).

Что же касается иконъ (образовъ) и политипажей (картинъ, вырѣзанныхъ на деревѣ и потомъ отпечатанныхъ), то почти всѣ иностранцы (Герберштейнъ, Неизвѣстный англичанинъ, Олеарiй и др.) свидѣтельствуютъ, что въ каждомъ русскомъ домѣ находился образъ, который былъ главнымъ украшенiемъ дома. Богатыя лица сами покупали для церквей иконы. Недалеко отъ Кремля, направо, находился иконный рядъ, гдѣ продавались только однѣ иконы. „Называютъ, добавляетъ Олеарiй, они торгъ иконами не куплей и продажей, а «мѣной на деньги», при этомъ долго не торгуются.“ Такъ какъ богатые люди имѣли свои домашнiя церкви, то для нихъ покупали много иконъ. Также на дверяхъ домовъ и въ лавкахъ, какъ и надъ воротами крѣпостей, городовъ и дворовъ, выставлялись иконы. Но, по словамъ Мейерберга, кромѣ иконъ, во всей Россiи нельзя было увидѣть другихъ изображенiй, а также скульптуры, такъ что память о родителяхъ съ ихъ смертью часто исчезала

---

1) Tanner, cap. XIII, § 2, p. 64. Чтенiя, 1891 г., III, с.с. 63—64, прим.
2) Чтенiя, 1898 г., III, Смѣсь, с. 3—4.
3) А. А. Покровскiй, „Печатный московскiй дворъ въ I половинѣ XVII в.“, М., 1913 г.

у дѣтей[1]). Русской живописью особенно заинтересовался Рейтенфельсъ, который такъ пишетъ о ней: „Живопись у нихъ совершенно своеобразна, обращена на священные предметы, ибо, кромѣ нѣкоторыхъ цвѣточковъ и животныхъ, они пишутъ исключительно однихъ, давно умершихъ святыхъ, по греческимъ образцамъ. Мало того, они считаютъ поступкомъ не только не благочестивымъ, но заслуживающимъ наказанія, если торговецъ изображеніями блаженныхъ небожителей выставитъ на продажу рядомъ съ ними картины свѣтскаго содержанія. Въ случаѣ желанія имѣть изображенія свѣтскихъ лицъ, они поручаютъ иностраннымъ художникамъ написать таковыя (зато этимъ послѣднимъ строго запрещено писать изображенія святыхъ), хотя мосхи, не знаю почему, кромѣ изображеній святыхъ, не любятъ изображеній человѣческихъ лицъ и иныхъ картинъ“, но иконы имѣлись во всѣхъ домахъ[2]). Русскіе, по словамъ Таннера, поэтому дѣлали много иконъ на продажу. Объ одномъ нѣмецкомъ живописцѣ, Іог. Детерсенѣ, очевидно, рисовавшемъ свѣтскія картины, Олеарій разсказываетъ, что стрѣльцы хотѣли его сжечь, когда нашли у него въ домѣ черепъ, но къ счастію нѣкоторые изъ присутствовавшихъ объяснили имъ, что этимъ черепомъ, по обычаю нѣмецкихъ живописцевъ, онъ пользуется для срисовыванія[3]). Изображенія русскихъ иконъ казались иностранцамъ безобразными, но русскіе заявляли, что „ихъ боги въ этомъ отношеніи совсѣмъ не спѣсивы“. Старую икону относили на рынокъ, прибавляли къ ней столько серебрянныхъ монетъ, на сколько соглашался продавецъ, и вымѣнивали ее на новую. „Такъ всегда практикуется, объясняетъ Коллинсъ, ибо надо очень остерегаться говорить, что купилъ икону: надо говорить, что ее вымѣнялъ“. Кромѣ того, старыя иконы бросали въ воду[4]). „Самыя прекрасныя ихъ кар-

---

[1]) Герберштейнъ, с. 86 („образа святыхъ, нарисованные или литые“). Неизв. англ., Чтенія, 1884 г., IV, с.с. 24—25. Какашъ и Тектандеръ, Чтенія, 1895 г., II, с. 20. Олеарій, с. 154; объ иконахъ также с. 315 и слѣд. П. Алеппскій, в. III, с.с. 31—32, в. II, с.с. 109—110. Мейербергъ, Чтенія, 1873 г., III, с.с. 50—51.

[2]) Чтенія, 1906 г., III, с.с. 136, 153.

[3]) Олеарій, с.с. 180—181.

[4]) Старыя иконы русскіе также зарывали въ землю („Опис. Московіи при рел. гр. Карлейля“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с.с. 29—30).

тины, разсказываетъ тотъ же англичанинъ, очевидно, о свѣтской русской живописи, не лучше тѣхъ, что рисуютъ у насъ на печахъ красной охрой и испанскими бѣлилами" [3]). Въ концѣ XVII в. въ иконномъ ряду, кромѣ книгъ, продавались „листки деревянной печати" гравюры) [1]). Именно тогда москвичи рѣшили, что рисунки можно не рисовать, а печатать деревянными досками, по образцу фряжскихъ и нѣмецкихъ гравированныхъ листовъ. Согласно грамотѣ патр. Іоакима (1674—1690 г. г.) „многіе торговые люди, рѣзавъ на доскахъ, печатаютъ на бумагѣ листы иконъ святыхъ изображеній, иные же неискусніе и неумѣющіе иконнаго мастерства дѣлаютъ рѣзи странно и печатаютъ на листахъ бумажныхъ развращенно образъ Спасителя" и святыхъ [2]).

Къ главѣ XII.

Большой колоколъ былъ гордостью москвичей, и съ одной стороны, стремясь вылить громадные колокола, они тѣмъ удовлетворяли свое глубокое религіозное чувство, а съ другой—испытывали удовлетвореніе, когда иностранцы съ удивленіемъ осматривали эти колокола, разнося потомъ славу о нихъ по чужимъ странамъ. Русскіе также отливали огромныя орудія.

Пушки и колокола, какъ сообщаетъ Кильбургеръ, лились на большомъ литейномъ заводѣ — „Пушечномъ дворѣ", лежавшемъ на р. Неглинной. Этотъ заводъ былъ уже при Петреѣ (1608 г.) [1]). Подробнѣе объ этомъ разсказываетъ Олеарій: въ Бѣломъ-городѣ „находится литейный заводъ, а именно въ мѣстности, которую они

---

[3]) Коллинсъ, Зап. Имп. Моск. Арх. Инст., XV, с. 141, 165, 156. А. И. Успенскій, „Царскіе иконописцы и живописцы въ XVII в., М., 1914 г., I—III (изъ Зап. Имп. Моск. Арх. Инст., т. XXXII и др.).

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій, „Торговля и промышленность Москвы...", с. 42.

[2]) Забѣлинъ, „Ист. г. Москвы". с. 640. Гравюры на мѣди для печатанья заказывались (въ 1649 г.) въ Голландіи. В. Я. Улановъ, „Книгопечатанье въ Москвѣ въ XVI—XVII в.в." („Москва въ ея прошломъ и настоящемъ", в. VI, с. 121).

[1]) Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...", прилож., с. 148.

называютъ Поганымъ бродомъ, на р. Неглинной; здѣсь они льютъ много металлическихъ орудій и большихъ колоколовъ. Здѣсь до сихъ поръ находился очень опытный мастеръ, по имени Гансъ Фалькенъ изъ Нюренберга; отъ него нѣкоторые русскіе путемъ одного лишь наблюденія научились литью. При помощи особой сноровки онъ устраивалъ орудія такимъ образомъ, что 26 фунтовъ желѣза можно было съ успѣхомъ выбросить изъ орудія при помощи 25-ти фунтовъ пороха. Этимъ мастерствомъ онъ до того прославился въ Голландіи, что и упоминается въ голландскомъ изданіи Меттерана" [1]). При Рейтенфельсѣ въ Бѣломъ-городѣ было два громадныхъ завода: одинъ для литья пушекъ и колоколовъ, а другой для приготовленія пороха [2]). Но на литейномъ заводѣ, кромѣ колоколовъ и пушекъ, дѣлали „и нужные для обороны предметы; потребное для этого количество разнаго рода дерева весьма удобно было подвозить рѣкой" Неглинной [3]).

Указывая, что у русскихъ было „нѣсколько мортиръ необычайной величины", Кильбургеръ, безъ сомнѣнія, подъ этимъ подразумѣваетъ двѣ пушки у кремлевскихъ воротъ. Какашъ и Тектандеръ въ началѣ XVII в. упоминаютъ о нихъ, передавая, что въ нихъ легко можетъ влѣзть человѣкъ [4]). Маскѣвичъ въ 1611 г. видалъ „одно оружіе, которое заряжается сотней пуль и столько же даетъ выстрѣловъ; оно такъ высоко, что мнѣ будетъ по плечо, а пули его въ гусиныя яйца; стоитъ противъ воротъ, ведущихъ къ живому мосту. Среди рынка я видѣлъ еще мортиру, вылитую, кажется, только для показа; сѣвъ въ нее, я на цѣлую пядень не доставалъ головой до верхней стороны канала. А похолики наши обыкновенно влѣзали въ это орудіе человѣка по три и тамъ играли въ карты подъ запаломъ, который служилъ имъ вмѣсто окна" [5]). Олеарій пишетъ, что въ Китай-городѣ на площади около помоста, противъ ц. В. Блаженнаго, „неподвижно лежатъ на землѣ два (очень) большихъ металлическихъ орудія" по направленію къ большой дорогѣ, откуда обыкновенно нападали татары; одна изъ

---

[1]) Олеарій, с. 154.
[2]) Чтенія, 1905 г., III, с. 94.
[3]) Таннеръ, Чтенія, 1891 г., III, с. 66.
[4]) Чтенія, 1896 г., II, с. 18.
[5]) „Сказ. совр. о Д. Сам.", II, с. 59.

пушекъ въ діаметрѣ имѣла одинъ локоть [1]). Таннеръ въ 1678 г. осматривалъ эти орудія, при чемъ „одна пушка была длиною девять локтей, семь дюймовъ толщиной, жерло пять четвертей локтя, другая на половину меньше“ [2]).

Колокола описываютъ многіе иностранцы, но ихъ извѣстія не вполнѣ согласованы и касаются колоколовъ, отлитыхъ въ разное время, такъ что нужно внимательно отличать, о какомъ именно колоколѣ разсказываютъ путешественники.

Уже въ путешествіи Какаша и Тектандера (1602—1603 г. г.) упоминаются большіе колокола въ Москвѣ, „изъ которыхъ одинъ далеко превосходитъ по величинѣ и звуку тотъ, что находится въ Эрфуртѣ“; при въѣздѣ этихъ иностранцевъ во дворецъ великаго князя „звонили въ большой колоколъ, находящійся въ серединѣ двора и повѣшенный очень низко, не болѣе, чѣмъ на 15 локтей надъ землей“ [3]). На планѣ, относящемся къ первому пятилѣтію XVII в., изображенъ колоколъ, висящій на деревянномъ возвышеніи съ крытымъ верхомъ, около церкви Архангела, на площади, съ надписью: „Большой колоколъ вѣсомъ около 2.200 пудовъ, по нашему вѣсу, равняется 66.000 ливровъ“ [4]). Петрей же (1608 г.) разсказываетъ, что на площади около дворца „висѣлъ чрезвычайно большой колоколъ вѣсомъ въ 336 центнеровъ“, вылитый еще при Годуновѣ [5]). Маскѣвичъ (1611 г.) позволяетъ намъ сообразить о какихъ колоколахъ могли тогда говорить иностранцы. Именно на башнѣ (колокольнѣ) Ивана Великаго висѣлъ одинъ колоколъ, языкъ котораго раскачивало 8—10 человѣкъ, а возлѣ колокольни висѣлъ на деревянной башнѣ, въ 2 сажени вышиной, значительно тяжелѣе колоколъ, раскачиваемый 24 человѣками [6]). О послѣднемъ же колоколѣ то же самое сообщаетъ и Олеарій: его раскачиваютъ 24 человѣка, но только вѣсъ его Олеарій опредѣляетъ въ 356 центнеровъ [7]). Кромѣ того, Олеарій сообщаетъ о другомъ колоколѣ,

---

1) Олеарій, с. с. 153, 50.
2) Чтенія, 1891 г., III, с. 61.
3) Чтенія, 1896 г., II, с. с. 18, 16.
4) „Древности“ Моск. Арх. Общ., XI, вып. II, М., 1886 г.
5) Чтенія, 1865 г., IV, с. 3. Центнеръ = 100 — 140 фунтамъ, смотря по странамъ, гдѣ онъ примѣняется.
6) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, II, с. 58.
7) По Петрею—336 ц., такъ что тутъ описка. Олеарій, с. 153, или

отлитомъ русскими: „Знаменитый литеецъ орудій Гансъ Фалькъ, когда онъ формировалъ свои орудія, то русскіе помощники должны были уходить“, чтобы они не могли перенять этого искусства. „Однако теперь, какъ говорятъ, они умѣютъ лить и большія орудія и колокола. И въ минувшемъ году [1]) ученикъ означеннаго Ганса Фалька отлилъ большой колоколъ, который, будучи очищенъ, вѣсилъ 7.700 пудовъ, т. е. 308.000 фунтовъ, или 2.080 [2]) центнеровъ, какъ мнѣ объ этомъ сообщили различные нѣмцы изъ Москвы и русскіе“ [3]). Однако этотъ колоколъ отъ звона треснулъ, и царь приказалъ отлить „еще бо́льшій колоколъ... Говорятъ, что и мѣсто для отливки и основы для формы съ большими затратами уже устроены“ [4]) Именно объ отливкѣ этого знаменитаго многотысячнаго московскаго колокола даетъ весьма интересныя и подробныя свѣдѣнія архидіаконъ Павелъ Алеппскій. Онъ прежде разсказываетъ о самомъ большомъ колоколѣ, какой былъ въ его время въ Москвѣ; онъ имѣлъ въ окружности 62 пяди, толщина его края была 1 локоть, а высота болѣе 5 локтей, вѣсилъ 4.000 пудовъ, и его съ трудомъ раскачивали 10 человѣкъ. П. Алеппскій упоминаетъ и о колоколѣ, о которомъ Олеарій сообщалъ, что онъ при звонѣ лопнулъ. Изъ сборника Имп. Пуб. Библ. узналъ среди лѣтописныхъ замѣтокъ объ устройствѣ завода, „чтобы лить колоколъ большой“, „а вылить колоколъ 162 года, ноября въ 5 день“, т. е. 1653 г. [5]). Это, очевидно, и былъ тотъ треснувшій колоколъ,

---

въ Чтеніяхъ, 1891 г., III, „Опис. путеш...“, прил., с. 155: „самый большой колоколъ, вѣсомъ въ 356 центнеровъ“.

[1]) То-есть въ 1653 г.

[2]) Очевидно, ошибка, вмѣсто 3.080 ц.

[3]) Олеарій всѣ эти новыя для него данныя получилъ изъ весьма вѣрныхъ источниковъ. Именно онъ категорически утверждаетъ, что въ Москвѣ найдется болѣе 2.000 церквей, монастырей и часовенъ: „Мною потомъ были наведены еще новыя справки частью у нашихъ земляковъ, знающихъ городъ уже много лѣтъ, частью у самихъ московитовъ, которые въ минувшемъ году при пріемѣ ими ихъ плѣнника лже-Шуйскаго нѣкоторое время находились у насъ въ Голштиніи, такъ что я имѣлъ возможность ежедневно видѣться съ ними“ (Олеарій, с. 155). Русскіе же (подьячій Шпилькинъ и др.) были въ Голштиніи въ 1653 г, гдѣ и добились выдачи лже-Шуйскаго, привезеннаго въ Москву въ томъ же году (Родесъ, с. с. 129, прим., 135).

[4]) Олеарій, 207. Олеарій писалъ это въ 1654 г.

[5]) С. Ѳ. Платоновъ, „Статьи по рус. ист.“, П., 1903 г., с. с. 83—84, прим. 2.

о которомъ разсказывали Олеарій и П. Алеппскій. Павелъ объ этомъ такъ сообщаетъ: „Въ прошломъ году [1]) мастера, по приказанію царя, сдѣлали колоколъ въ 8.000 пудовъ, а желѣзный языкъ его въ 250 пудовъ“, но при звонѣ онъ разбился. Конечно, вѣсъ въ 8.000 п. указанъ у Павла круглой цифрой и не противорѣчитъ цифрѣ Олеарія—7.700 п. Судя по смыслу разсказа Павла, для изготовленія этого колокола царь вызвалъ изъ Австріи мастеровъ, и тѣ попросили 5 лѣтъ срока, но „разсказываютъ, что явился русскій мастеръ... и просилъ дать ему только одинъ годъ сроку... и исполнилъ обѣщаніе, изготовивъ колоколъ ранѣе истеченія года... Когда онъ умеръ, и эта рѣдкостная вещь осталась испорченной, явился еще одинъ мастеръ изъ пережившихъ моровую язву. Этотъ человѣкъ, явившись къ царю, взялся сдѣлать колоколъ больше, тяжеловѣснѣе и лучше, чѣмъ онъ былъ прежде, и кончить (работу) въ одинъ годъ. Огромная яма была вырыта на этой площади (вѣроятно на Ивановской), и въ настоящее время, т. е. съ начала сего мѣсяца февраля [2]), мастеръ приступилъ къ изготовленію колокола... (дальше идетъ интересное описаніе техники работъ; печей, согласно Павлу, было пять). Въ каждую печь положили 2.500 пудовъ, а всего 12.500 пудовъ, и замазали печи глиной“. Когда потомъ начали лить въ форму расплавленную мѣдь, форма треснула, и нѣсколько металла вытекло, и тогда „немедленно доставили множество мѣди и серебра“, расплавили и добавили въ форму [3]). Къ этому времени, прибыло 28 октября 1655 г. въ г. Москву шведское посольство во главѣ съ Бьелке, и одинъ изъ участниковъ его оставилъ намъ дневникъ, гдѣ приводитъ любопытный разговоръ относительно этого колокола (28-го же октября 1655 г.):

„... послы заговорили о большомъ колоколѣ, который недавно былъ вылитъ.

Приставъ. Онъ уже готовъ, но еще стоитъ въ формѣ и будетъ обдѣлываться только до тѣхъ поръ, пока не спилятъ лишній кусокъ, который вылился, когда лопнула форма. (При этомъ приставъ) сообщилъ, что уже приготовляются инструменты, кото-

---

[1]) 1653 г.! Павелъ велъ свои записки во время путешествія, и пробылъ въ Коломнѣ съ 17 авг. 1654 г. по 30 янв. 1655 г, а въ Москвѣ (съ перерывами)—съ 2 февр. 1655 г. по 29 мая 1656 г.

[2]) 1655 г.

[3]) П. Алеппскій, в. III, с. с. 110—114, в. IV, с. 92.

рые должны служить для поднятія колокола, (и что) величина и ширина его внутри, между обоими краями, пять саженей (fenn famnar), а тяжесть достигаетъ «по-нашему», т. е. по русскому, вѣсу тысячи шиффунтовъ, по-шведскому же—восьмисотъ шиффунтовъ.

Г. Бьелке. Колоколъ этотъ долженъ быть очень большой, судя по сказанному вѣсу.

Приставъ. Подобнаго по величинѣ колокола, конечно, нѣтъ во всемъ христіанствѣ.

. . . .

Г. Бьелке. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, совсѣмъ еще не звонили въ самый большой, только что отлитый колоколъ?

Приставъ. Нѣтъ! Въ него звонятъ не чаще, какъ въ большіе праздники, и когда Его Царское Величество бываетъ дома.

Г. Бьелке. Колоколъ этотъ еще не совсѣмъ готовъ.

Приставъ. Нѣтъ, но надъ нимъ работаютъ каждый день, и онъ не можетъ быть скоро готовъ, такъ какъ онъ очень большой. Съ одной стороны его металлъ вылился черезъ форму, всего до... [1]) фунтовъ, и это нужно отпилить, чтобы колоколъ могъ получить свой видъ (till sin fassun komma kan): когда шла отливка, восемь печей были полны мѣди, которая находилась въ нихъ восемь дней, пока не наполнилась форма, между тѣмъ масса стала не попадать въ отверстіе внизу, такъ что пришлось снова ея прибавлять.

Г. Бьелке. Должно быть, была порядочная жара, когда выпускали массу, и удивительно, что она не застыла въ теченіе такого продолжительнаго времени.

Приставъ. Да, конечно, была сильная жара, но, чтобы масса не охлаждалась и не застывала, въ нее бросали сало.

Г. Бьелке. ...А языкъ къ этому колоколу готовъ?

Приставъ. Да. Онъ вѣситъ 300 фунтовъ, или около шведскаго шиффунта.

Г. Бьелке. Кто отважился на такое великое дѣло и началъ работу, долженъ быть славнымъ мастеромъ. Конечно, онъ долженъ получить отъ Его Царскаго Величества большую милость.

---

[1]) Въ подлинникѣ не прочитано.

Приставъ. Это—молодой человѣкъ, но многіе старые мастера удивлялись, что онъ рѣшился взяться за такое великое дѣло. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ, конечно, удостоится милости Его Царскаго Величества" [1]).

Возвращаясь къ прерванному разсказу архидіакона Павла, узнаемъ, что 1 декабря (1655 г.) колоколъ вынули изъ ямы, повѣсили надъ ней на толстыхъ бревнахъ и привѣсили языкъ въ 250 пудовъ, длиной болѣе полутора человѣческаго роста, а толщиной такой, что его съ трудомъ можно было обхватить руками. „Толщина этого колокола болѣе брасса, какъ я измѣрилъ и записалъ". Павелъ входилъ подъ колоколъ, но стрѣльцы не позволяли измѣрять его, и архидіаконъ съ трудомъ вывѣдалъ отъ мастера, что, если измѣрить окружность веревкой, будетъ 11 брассъ (брассъ = 5 ф. 9 д.); „я смѣрилъ ее (веревку) пядями и вышло 93 большихъ пяди". Мастеръ сказалъ, что колоколъ стоитъ 50.000 динаровъ, т. е. рублей, и „что до 12.500 пудовъ не хватаетъ пятисотъ... Около сотни стрѣльцовъ тянули его съ четырехъ сторонъ", чтобы звонить. Никонъ хотѣлъ встрѣтить царя звономъ изъ этого колокола, сильно торопилъ работавшихъ, и поэтому колоколъ былъ наскоро повѣшенъ надъ ямой, высотой около роста человѣка, на бревнахъ. Когда въ него зазвонили, то „громадныя бревна, на коихъ висѣлъ колоколъ, колебались отъ его движеній и трещали. Мы далеко отбѣжали отъ него изъ опасенія, что они сломятся и рушатся". 10 декабря царь, возвращаясь съ похода, былъ встрѣченъ звономъ этого колокола [2]). Это было послѣ удачной войны, во время которой Вильна въ іюнѣ 1655 г. была взята русскими [3]).

Объ этомъ большомъ колоколѣ, несомнѣнно, и говорятъ послѣдующіе путешественники: Мейербергъ, Кильбургеръ, Пальм-

---

[1]) „Отрывки шведскаго дневника временъ ц. Алексѣя Михайловича", В. Семеновъ, Чтенія, 1912 г., I, с. с. 11—12.

[2]) П. Алеппскій, в. IV, с. с. 92—94 Замѣчанія Г. Муркоса объ этихъ извѣстіяхъ—въ предисловіи къ IV в., с. с. II—V. Л. Рущинскій, „Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ", Чтенія, 1871 г., III, с. 71. М. Пыляевъ, „Историческіе колокола", Историческій Вѣстникъ, 1890 г., т. 42, с. с. 169—204.

[3]) По Соловьеву, царь вернулся въ Москву въ ноябрѣ 1655 г. „Ист. Рос.", X, с. 350 (изд. II).

квистъ и другіе. Нѣкоторые неточности и несходства извѣстій этихъ лицъ нужно объяснить разными обстоятельствами. Какъ видимъ, Павелъ не могъ самъ всего точно узнать, а долженъ былъ пользоваться показаніями другихъ. Обращаетъ на себя вниманіе обстоятельство, что языкъ, по даннымъ Павла, вѣсилъ всего 250 пудовъ, а по другимъ, позднѣйшимъ, извѣстіямъ—440 п. Это можно объяснить или ошибкой у Павла или же скорѣе всего тѣмъ, что, въ виду спѣшности работы, взяли языкъ оставшійся послѣ разбившагося прежняго большого колокола, языкъ котораго именно вѣсилъ 250 пудовъ [1]). Такъ какъ водруженіе колокола было временное, и балки, поддерживающія его, дрожали и шатались при его звонѣ, то, очевидно, его сняли или же онъ упалъ, но не разбился, потому что высота была небольшая. Когда въ 1661 г. Мейербергъ былъ въ Москвѣ, онъ видалъ этотъ колоколъ въ Кремлѣ, лежавшимъ на землѣ. „Что удивительнѣе всего“, разсказываетъ Мейербергъ объ этомъ колоколѣ, онъ былъ отлитъ въ 1653 г. 24-лѣтнимъ москвитяниномъ, надъ нимъ работали 3 мѣсяца, „и понынѣ еще лежитъ на землѣ въ ожиданіи механика художника, который ввялся бы поднять оный на воздухъ“; этотъ колоколъ „превышаетъ извѣстный эрфуртскій и даже славный китайскій въ Пекинѣ“. На рис. 64 въ альбомѣ Мейерберга видна русская надпись, сдѣланная на колоколѣ, и скопированная Мейербергомъ русскими же буквами: „Въ лѣто отъ сотворенія свѣта ҂зр҃ѯа году сей колоколъ вылитъ на Москвѣ повелѣніемъ благовѣрнаго государя и великого князя Алексѣя Михайловича, всея Россіи самодержца, въ и҃ лѣто скифетродержства его“. Внизу рисунка Мейербергъ перевелъ по-нѣмецки эту надпись: „Въ лѣто 7161 г. (anno 7161)... въ восьмой годъ его правленія“. „Русскій колоколъ, сообщаетъ дальше этотъ иностранецъ, вышиной—19 футовъ [2]), шириной въ отверстіи—18 футовъ, въ окружности—64 фута,

---

[1]) Когда въ окт. 1655 г. шведскіе послы находились въ Москвѣ, они были поражены грандіозностью вновь вылитаго колокола и записали въ свою книжку: вѣсу въ колоколѣ 500 пудовъ, или 50 шведскихъ шиффунтовъ (Г. Форстенъ, „Снош. Шв. и Рос.“, Ж. М. Н. Пр., 1898 г., февр., с. 244); тутъ мы видимъ полную и странную неточность цифръ (если не предположить, что здѣсь идетъ рѣчь о совершенно другомъ, какомъ-нибудь сравнительно небольшомъ, колоколѣ).

[2]) Мейерберъ прилагаетъ при этомъ размѣръ „длину нѣмецкаго фута, или 12 дюймовъ, которымъ этотъ колоколъ мѣрялся въ 1661 г., 1 авг.“.

а толщина—2 фута, языкъ его длиной—14 футовъ. На отлитіе этого колокола пошло 440.000 фунтовъ мѣди, угару изъ нихъ было 120.000 фунтовъ, а все остающееся затѣмъ количество употреблено на эту громаду. Я не говорю о колоколѣ, что былъ отлитъ и поднятъ въ царствованіе Бориса Годунова... этотъ колоколъ и до сихъ поръ виситъ на башнѣ. Здѣсь идетъ рѣчь о колоколѣ вылитомъ въ 1653 г. въ царствованіе Алексѣя“ [1]). Такимъ образомъ, согласно Мейербергу, колоколъ вѣсилъ 8.000 пудовъ. Главиничъ, ѣздившій въ Москву съ Мейербергомъ, опредѣляетъ наибольшую окружность колокола около 30 локтей. Онъ слыхалъ отъ голландскихъ католиковъ, что при его плавкѣ было прибавлено 40.000 талеровъ хорошаго серебра.

Послѣ отъѣзда Мейерберга колоколъ повѣсили на небольшую деревянную башню, и, какъ узнаемъ изъ надписи уже на современномъ намъ колоколѣ, это случалось въ 1668 г. [3]). Дѣйствительно, Стрюйсъ разсказываетъ (февр. 1669 г.), что „недалеко отъ Ивана Великаго стоитъ еще башня съ толстыми перекладинами, на коихъ виситъ громадный колоколъ, болѣе чѣмъ въ 394.000 фунтовъ (livres); одинъ лишь языкъ его вѣситъ 10.000 фунтовъ. Колоколъ въ ширину (поперечникъ) 23 (королевскихъ) фута, а толщиной 2 фута. Раскачиваютъ его по 50 человѣкъ съ двухъ сторонъ“ [4]), т. е. всего 100 человѣкъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, идетъ рѣчь о прежнемъ колоколѣ. Языкъ вѣситъ, по Стрюйсу, 250 пудовъ (10.000 ф.), т. е. столько же, сколько ука-

---

[1]) Альбомъ Мейерберга, рис. 64. Объясненія къ нему подъ заглавіемъ: „Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII в. Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ составлены Ѳ. Аделунгомъ, вновь просмотрѣны и дополнены А. М. Ловягинымъ“, П., 1903 г., с. с. 97—104. Описаніе Мейерберга своего путешествія—Чтенія, 1873 г., III, с. 67. Годъ отливки колокола указанъ Мейербергомъ невѣрно.

[2]) Чтенія, 1875 г., I, с. 7.

[3]) Коллинсъ, бывшій въ Россіи въ 1659—1667 г.г., говоритъ только объ огромныхъ колоколахъ Іерусалимской церкви и Ивана Великаго: „Колокола Іерусалимской церкви самые большіе въ мірѣ; одинъ изъ нихъ, говорятъ, вѣситъ 30 тоннъ, и когда они звонятъ, можно оглохнуть, если стоять близко“ (Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с.с. 137, 154. Рус. Вѣстн., 1841 г., № 9, с.с. 170, 569). Іерусалимской же церковью нѣмцы называли Троицкую церковь, т. е. Василія Блаженнаго (Олеарій, с. 50).

[4]) Рус. Архивъ, 1880 г., I, с. 33 или Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...“, прил., с. 163.

зано у Павла; то же сходство и въ количествѣ лицъ, нужныхъ для его раскачиванія; толщина его сходна съ данными Мейерберга; можно думать, что вѣсъ ошибочно указанъ у Стройса, вмѣсто 320.000,—394.000 фунтовъ. Этотъ колоколъ, какъ и въ первый разъ, въ 1655 г., былъ повѣшенъ, очевидно, невысоко надъ землей и тоже, на бревнахъ. Что этотъ колоколъ уже висѣлъ, кромѣ Стрюйса, подтверждаетъ и Рейтенфельсъ, записки котораго относятся ко времени 1671—1673 г.г. Онъ сообщаетъ, что колокольня Ивана Великаго выше всѣхъ домовъ и можетъ спорить съ самыми высокими башнями въ Европѣ, а „подлѣ—необыкновенно огромный колоколъ (въ 320.000 фунтовъ) отчасти повѣшенъ, отчасти поставленъ на брусьяхъ: нѣсколько разъ пытались поднять его, чтобы повѣсить, но всѣ усилія остались тщетны, и многіе заплатили жизнью за безразсудную попытку; царь поставилъ себѣ священнымъ долгомъ сдѣлать болѣе успѣшную попытку“ [1]). Рейтенфельсъ даже совѣтовалъ иностранцамъ для пріобрѣтенія довѣрія царя предложить русскимъ посредствомъ новыхъ механическихъ примѣненій „поднять тотъ громадный колоколъ въ московскомъ Кремлѣ, около котораго до сей поры многіе въ потѣ лица своего тщетно потрудились“ [2]). Но, какъ мы узнаемъ отъ Кильбургера, русскіе сами сумѣли поднять эту громаду. Сперва его подымали въ теченіе 9 мѣсяцевъ, но 2 дек. (1673 г.), когда нужно было его только установить на назначенное мѣсто, дали ему, по неправильному расчету, несоразмѣрно сильный разгонъ, и онъ упалъ внизъ, зарывшись на 1/3 въ землю, но остался цѣлымъ. И, наконецъ, „въ 1674 году въ мартѣ мѣсяцѣ въ первый разъ (онъ былъ) поднятъ“ возлѣ колокольни Ивана Великаго, посредствомъ двухъ новопостроенныхъ столбовъ и остроумно придуманнаго рычага. Изъ русской записки, описывающей, какъ происходилъ I пріемъ шведскаго посланника 30 марта 1674 г., намъ извѣстно, что посольство отправилось въ сопровожденіи приставовъ въ Кремль въ полномъ составѣ, то-есть Пальмквистъ и Кильбургеръ тоже поѣхали въ качествѣ свиты пословъ на царскій пріемъ. „А какъ пріѣхали, читаемъ въ упомянутой за-

---

[1]) Чтенія, 1905 г., III, с. 97. Ж. М. Н. Пр., XXIII, с. 24 или Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...“, прил., с. 169.

[2]) „Новые матеріалы о... Рейтенфельсѣ“, Чтенія, 1906 г., IV, с. 19, записка, подданная въ Римѣ кардиналу Распони 1674 г., 24 нб.

пискѣ, поблиску Посолского приказу, и послы спрашивали приставов, въ котором мѣсте у Царского Величества устроенъ колоколъ болшой. И какъ приѣхав против болшого колокола,—и посломъ тот болшой колоколъ указали и говорили имъ, что тотъ колокол поднимаетъ русской человѣкъ. И послы, смотря того колокола, говорили, что они такова колокола нигдѣ не видали и не слыхали" [1]). Въ альбомѣ Пальмквиста мы видимъ, какимъ образомъ поднимали колоколъ, Онъ, судя по великолѣпному рисунку этого шведа, поднятъ уже высоко, но не окончательно; внизу находящіеся люди кажутся небольшими; невдалекѣ красуется Посольскій приказъ. Тутъ же Пальмквистъ даетъ отдѣльное изображеніе этого колокола, художественно исполненное, а также данныя объ его размѣрѣ, которыя почти цѣликомъ сходятся съ цифрами Кильбургера. Именно, согласно Пальмквисту:

„Периферія, или окружность . . .	12 саженей, или 36 локтей.
Діаметръ	11 локтей $1^{2}/_{11}$ квартера [2]).
Вышина съ ушами (собств. Cronan) .	15 локтей 3 квартера.
Толщина края	$1^{1}/_{4}$ арш., или русск. локтя.
Металла пошло . . .	15.000 пудовъ.
Угара	3.000 пудовъ.
Излишка	2.000 пудовъ.
Въ остаткѣ . .	10.000 пудовъ.
Патріархъ и др. великие господа бросили . .	1.000 пудовъ.
	11.000 пудовъ, что составитъ 440.000

фунтовъ, или 4.400 центнеровъ.

Языкъ колокола имѣетъ въ длину 22 фута, а вѣсу $1^{1}/_{2}$ картауна, что дастъ 440 пудовъ, или, считая въ пудѣ 40 фунтовъ,—17.600 фунтовъ".

Отсюда мы видимъ, что Кильбургеръ разнится отъ Пальмквиста только въ опредѣленіи діаметра и вышины колокола. Тутъ нельзя не замѣтить, что вѣсъ языка у обоихъ шведскихъ авто-

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 93, л.л. рі҃з об., рі҃и.

2) Локоть (alnen, alin) дѣлился въ Швеціи на 4 квартера; 3 локтя, или 6 футовъ, назывались famn (Э. Берендтсъ, „Госуд. хоз. Шв.", П., 1890 г., I, с. 30).

ровъ указанъ въ 440 пудовъ а у Павла Алеппскаго и Стрюйса—250 пудовъ. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на слѣдующее важное обстоятельство: мы имѣемъ два изображенія колокола—Мейерберга (1661 г.) и Пальмквиста (1674 г.), и они замѣтно разнятся между собой. При этомъ у Пальмквиста подъ изображеніемъ колокола имъ же написано, что это есть колоколъ, отлитый въ 1637 г. при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а ниже тутъ же указанъ его объемъ и вѣсъ, только что нами приведенные. Колоколъ же, о которомъ упоминаетъ Кильбургеръ, былъ отлитъ въ 1654 г. Это обстоятельство, какъ и различіе въ рисункахъ колоколовъ у Мейерберга и Пальмквиста, заставляетъ насъ критически отнестись къ рисунку Пальмквиста, но въ настоящемъ мѣстѣ, воздерживаясь отъ рѣшенія этого вопроса, укажемъ только, что въ рисункахъ Пальмквиста встрѣчаются неточности [1]), и онъ, можетъ быть, увлекался художественностью изображенія во вредъ дѣйствительности.

Кильбургеръ указываетъ, что колоколъ въ мартѣ 1674 г. былъ впервые поднятъ и значитъ уже въ этомъ году висѣлъ, и въ него звонили. Два года спустя въ Москвѣ былъ Койэтъ, который передастъ, что около высокой колокольни Ивана Великаго „находится другая башня, въ которой повѣшенъ весьма тяжелый колоколъ. Поперечникъ его равняется приблизительно 23 футамъ, окружность почти 70, высота 30 футамъ, сами стѣны въ 2 фута толщиной; говорятъ въ немъ 400.000 фунтовъ вѣсу. Въ немъ виситъ языкъ, который длиной въ 22 фута и вѣситъ болѣе, чѣмъ 10.000 фунтовъ“. Пятьдесятъ человѣкъ звонятъ въ него, „и тогда онъ гудитъ такъ страшно, что чуть ли не вся почва вокругъ трясется и дрожитъ“ [1]).

Въ 1678 г. пріѣхавшій въ Москву Таннеръ заинтересовался громадными колоколами Ивана Великаго и описалъ ихъ. „Однако, оговаривается онъ, больше своею массою, великолѣпнѣе искусствомъ и достойнѣе по виду передъ остальными (колоколами) есть тотъ, который виситъ спереди башни, который поэтому я самъ старательно измѣрилъ, и надѣюсь, что читатель тѣмъ лучше возымѣетъ ко мнѣ довѣріе. Самая нижняя его окружность

[1]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с. 6, прим.
[1]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 522.

до 28¹/₄ локтя (ulnarum) кругомъ; самъ корпусъ, или бокъ, толщиною равняется 1¹/₄ локтя (ulnam) и 2 дюймамъ (digitos). Высота простирается длиной до 7 локтей. Языкъ, наконецъ, которымъ ударяемая масса звонитъ, такъ великъ и широкъ, что его едва могутъ обхватить руками два человѣка"[1]).

Любопытныя данныя о колоколахъ также находимъ у Невилля и Корба. Согласно Невиллю (1689 г.), самый большой колоколъ, висѣвшій на колокольнѣ, имѣлъ въ поперечникѣ 20 футовъ, въ высоту—40 футовъ, а въ толщину—1 локоть; „чтобы придать этому колоколу звучность, пришлось отнять отъ него, при помощи рѣзца, до 40.000 фунтовъ"; въ него звонили рѣдко[2]). Корбъ (1698—1699 г. г.) даетъ рисунокъ колокола, для раскачиванія языка котораго требовалось 40—50 человѣкъ. „Діаметръ наибольшаго колокола, пишетъ онъ, который виситъ въ Москвѣ на башнѣ Дворцоваго храма, имѣетъ свыше 3 оргій (1 оргія=6 фут, 8 д.); окружность—10¹/₂ оргіи; толщина—3¹/₂ спитамы (1 спитама=6 дюймовъ 1,03 линій); вѣситъ колоколъ на нашъ (австрійскій фунтъ) 66.000 фунтовъ. Толщина языка 1¹/₂ оргіи"[3]). Какъ сообщаетъ Корнилій де Бруинъ, „посреди большой площади, окруженной различными зданіями, возносится башня или колокольня Ивана Великаго, подлѣ которой находится громадный колоколъ, упавшій съ колокольни во время пожара въ 1701 г. и разбившійся отъ паденія. Говорятъ онъ вѣситъ 266.666 фунтовъ голландскихъ, или 336 центровъ, т. е. 8.000 пудовъ слишкомъ, считая пудъ равнымъ 33-мъ нашимъ фунтамъ. Вылитъ этотъ колоколъ въ царствованіе в. кн. Годунова"[4]). На этомъ примѣрѣ видимъ, какими неточными свѣдѣніями пользовались иностранцы.

На нынѣшнемъ же колоколѣ надпись гласитъ, что при царѣ Алексѣѣ былъ отлитъ „великій колоколъ осмь тысячъ пудъ мѣди въ себѣ содержащій, въ лѣто отъ созданія міра 7162, съ Рождества же во плоти Бога Слова 1654; изъ мѣди сего благовѣстить начали въ лѣто міросозданія 7176, Христово же Рождества 1668, и

---

[1]) Tanner, cap. XIII, § 1, p. 61. И. Ивакинъ въ своемъ переводѣ сочиненія Таннера „ulna" переводилъ словомъ „футъ" (Чтенія, 1891 г., III, с. 58).

[2]) Рус. Старина, т. 72, с. 273.

[3]) Корбъ, между с. с. 218—219.

[4]) Чтенія, 1872 г., II, с. 80.

благовѣстилъ до лѣта міросозданія 7208, Рождества же Господня 1701,“ когда въ іюнѣ во время пожара былъ „поврежденъ“ и до 1731 г. „пребылъ безгласенъ“. Именно Анна Іоанновна повелѣла отлить новый изъ 8.000 пудовъ мѣди прежняго колокола съ прибавленіемъ 2 тысячъ пудовъ новой мѣди[1]).

Въ заключеніе отмѣтимъ, что у Мейерберга временемъ отлитія колокола показанъ 7161 годъ отъ сотворенія міра, т. е. 1653 отъ Р. Хр, а у Кильбургера 1654 г., офиціальная же надпись на нынѣшнемъ колоколѣ указываетъ время отлитія въ 7162 г., съ переводомъ на современное лѣтосчисленіе 1654 г., что согласно съ Кильбургеромъ. Отсюда можно предположить, что форма для колокола была приготовлена въ предшествовавшемъ году дѣйствительнаго отлитія колокола.

Что касается вѣса колокола, тутъ видимъ больше противорѣчій, что и понятно, такъ какъ взвѣсить такую массу мѣди было трудно, и современники судили только приблизительно, а народный слухъ могъ и преувеличивать. П. Алеппскій считалъ 12 т. пудовъ вѣсу, Мейербергъ—8 т. п. (а всего было растоплено мѣди 11 т.), Кильбургеръ (и Пальмквистъ)—11 т. п. (а всего было растоплено 16 т.), а по теперешней надписи на колоколѣ—8 т. п. Послѣднюю цифру слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятной, а что Кильбургеръ и Пальмквистъ даютъ оба одинаковыя, но болѣе высокія цифры, это только показываетъ, что они взаимно дѣлились своими свѣдѣніями или же пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ, очевидно не вполнѣ вѣрнымъ.

Во всякомъ случаѣ, на основаніи однихъ только свѣдѣній иностранцевъ въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, нельзя дѣлать обоснованныхъ выводовъ.

Къ главѣ XIII.

Съѣстные припасы, по общему мнѣнію иностранцевъ, были въ Россіи дешевы. Къ такому выводу они приходили на основаніи сравненія русскихъ цѣнъ со своими въ Зап. Европѣ, гдѣ жизнь была дороже, но зато оплата труда выше, чѣмъ въ Россіи.

---

[1]) „Альбомъ Мейерберга... Объясн. примѣч...“, с. с. 103—104.

Показанія иностранцевъ о цѣнахъ въ общемъ отличаются отрывочностью, разнообразіемъ мѣста и времени, такъ что они не могутъ дать цѣльной картины, но общее впечатлѣніе все-таки даютъ довольно вѣрное.

Еще путешественники второй половины XV в. удостовѣряли дешевизну и изобиліе припасовъ въ Москвѣ [1]), а Барберини называлъ эту дешевизну даже „чрезвычайной“ [2]). Маржеретъ тоже писалъ о дешевизнѣ рыбы и вообще жизненныхъ припасовъ, объясняя то обстоятельство, что въ Россіи „мясо весьма дешево“, тѣмъ, что русскіе около полугода постятся [3]), а что хлѣбъ былъ „не дорогъ“ отсутствіемъ его вывоза за границу [4]). Объ изобиліи дичи и вообще пищи и ихъ дешевизнѣ слышимъ и отъ Олеарія, Павла Алеппскаго, Вимена, Лизека и др. [5]).

Наблюдательный Олеарій въ свою бытность въ Россіи замѣтилъ въ ней „много лѣсной и полевой дичи. Такъ какъ пернатой дичи, пишетъ онъ о русскихъ, у нихъ имѣется громадное количество, то ея не считаютъ такой рѣдкостью, какъ у насъ; глухарей, тетеревей и рябчиковъ разныхъ породъ можно получать у крестьянъ за небольшую сумму денегъ... Лѣса также богаты разными дикими животными... Лосей, кабановъ, зайцевъ большое изобиліе... Много хищныхъ и нечистыхъ животныхъ... (Въ Россіи также) большое изобиліе рыбъ всякихъ породъ, за исключеніемъ карповъ, которыхъ и въ Лифляндіи не находятъ. Однако въ Астрахани мы видѣли много карповъ необыкновенной величины, которыхъ можно было покупать по шиллингу за штуку; ихъ ловятъ на Волгѣ“. „Вообще во всей Россіи,—говоритъ Олеарій, описывая свое путешествіе въ 1634 г. —, вслѣдствіе плодородной почвы, провіантъ очень дешевъ. Вѣдь 2 копейки за курицу—это въ нашей

---

1) Контарини (1476 г.), „Библ. ин. пис. о Рос.“, I, с. 109.

2) Барберини (1565 г.), Сынъ Отечества, 1842 г., № 7, с. 25.

3) Спутникъ Карлейля говоритъ, что русскіе „довольно рѣдко“ ѣли мясо, подъ вліяніемъ религіи, „которая болѣе, чѣмъ полгода, заставляетъ ихъ поститься“ (Ист. Библ., 1879 г., № 5, „Опис. Московіи...“. с. 19.).

4) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с. с. 252—253.

5) Вимена, Отеч. Зап., 1829 г., ч. 37, с. 22. Альберто Вимина былъ въ Псковѣ и Смоленскѣ въ 1655 г., а въ Москвѣ не былъ (П. Пирлингъ, „Историческія статьи и замѣтки“, П., 1913 г., „Альберто Вимина. Сношенія Венеціи съ Украйной и Москвой 1650—1663 г.г.“, с. 84). Лизекъ (1675 г.), Ж. М. Нар. Пр., 1837 г., ч. 16, с. с. 384—385.

монетѣ 2 шиллинга, или 1 грошъ мейссенской монеты; 9 яицъ получали мы за 1 копейку". Въ 1636 г., по словамъ того же иностранца, „провизія въ Нижнемъ была весьма дешева: молодая курица, а также 15 яицъ стоили 1 копейку, или въ мейссенской монетѣ 6 пфенниговъ, овца—12, 15, 18 копеекъ". Въ Астрахани голштинское посольство купило „у татаръ 20 очень жирныхъ быковъ отъ 8 до 14 талеровъ за штуку". На Волгѣ. отъ Астрахани до Каспійскаго моря, разсказываетъ тотъ же Олеарій, „совершается чрезвычайно богатая ловля рыбы всевозможныхъ сортовъ; рыба эта весьма дешева, такъ какъ за 1 грошъ можно купить 12 большихъ карповъ, а 200 стерлядей или малыхъ осетровъ (это очень вкусная рыба)—за 15 грошей"[1]). Дешевизну въ Астрахани подтверждаетъ Стрюйсъ (напримѣръ, за 1 коп. продавали 12 прекрасныхъ дынь или карпа вѣсомъ въ 30 фунтовъ или 25 жирныхъ сельдей), но зато водка была очень дорога и рѣдка[2]). О дешевизнѣ русскихъ продуктовъ также свидѣтельствуетъ П. Алеппскій, по извѣстіямъ котораго, зимой „рыба бывала очень дешева"; въ Коломнѣ „покупали сани со ста кочанами (капусты) за пять, шесть коппеекъ, не дороже"; на коломенскій базаръ, бывавшій по понедѣльникамъ и четвергамъ, привозили, какъ пишетъ Павелъ, изъ окрестностей „свиней большихъ и малыхъ, зарѣзанныхъ и ошпаренныхъ, уже замерзшихъ... онѣ весьма дешевы. Точно также гусей, утокъ, индеекъ продаютъ ощипанными и готовыми", и вообще „въ теченіе зимы бываетъ дешевизна, и производится торговля зерновымъ хлѣбомъ". Припасы привозились въ Москву также водой, и на рѣкѣ Москвѣ „всегда стояло множество судовъ" со всякаго рода продуктами. П. Алеппскій видалъ суда, „наполненныя куриными яйцами". Сюда, къ берегу самаго Кремля, приставали суда съ припасами для дворца изъ Астрахани, Казани, Нижняго, Коломны и пр. Но осенью (и также весной) дороги дѣлались непроходимыми. „Еще хуже было

[1]) Олеарій, с. с. 163—164, 18, 358, 400. Въ другомъ мѣстѣ авторъ сообщаетъ, что въ Астрахани (сент.—окт. 1636 г.) „пріобрѣли мы еще нѣсколько бочекъ соленой рыбы, въ томъ числѣ 200 судаковъ, почти всѣ съ локоть длиной, за 3 гривны или 15 грошей" (с. 414).

[2]) Рус. Архивъ, 1880, I, с. с. 84—85. „Говядина и баранина здѣсь (въ Астрахани) превосходныя, между тѣмъ стоятъ ліардъ за фунтъ" (ліардъ=1/4 су).

въ Москвѣ, разсказываетъ П. Алеппскій объ осени 1655 г., такъ что экипажамъ и лошадямъ невозможно было проѣхать, и мы не могли ходить изъ дома на рынокъ, потому что грязь и слякоть были глубиною въ ростъ человѣка. Оттого и цѣны въ это время поднялись, вслѣдствіе малаго подвоза изъ деревень“ [1]).

Потемкинъ (1667 г.), посланный посломъ въ Испанію, видалъ, что тамъ все продаютъ „самой дорогой цѣной“ и приводитъ эти цѣны. Онѣ интересны въ томъ смыслѣ, что показываютъ, какую цѣну русскіе считали высокой. По его данным, въ Испаніи рыбъ было меньше, чѣмъ въ Россіи, а птицы и скота много, и тамъ были такія цѣны:

Быкъ	40—50 ефимковъ и болѣе.
Баранъ	4, 6, 9 ефимковъ.
Куря индѣйское	2, 3 ефимковъ.
Гусь	2 ефимка.
Утка	1 ефимокъ.
Куря русское	1 ефимокъ.
Рябецъ	1/2 ефимка.
Куропать	1 ефимокъ.
Ветчина, гривенка	3, 4 алтына.
Говядина	тоже такъ.
Мука пшеничная, пудъ	2 ефимка.
Масло коровье, гривенка	1/2 ефимка.
— деревянное, пудъ	2 ефимка.
Медъ, гривенка	1/2 ефимка.
Воскъ бѣлый чистый, гривенка	1/2 ефимка.
Яица, десятокъ	10 алтынъ.
Рыба семга свѣжая, гривенка	1/2 ефимка.
Семга соленая, треска и др. соленыя рыбы, гривенка	5 алт.
Уголь, пудъ	1 ефимокъ.

„Безчетъ дровъ по полуефимку пудъ“ [2]).

Сравнивая эти цѣны съ данными Кильбургера, легко, конечно, можно убѣдиться въ сравнительной дешевизнѣ русскихъ

---

[1]) П. Алеппскій, в. II, с. с. 184, 182, в. IV., с. с. 2, 91.

[2]) „Статейный списокъ посольства стольника и намѣстника боровскаго П. И. Потемкина въ Испанію въ 7175 (1667) годѣ“, Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. Н. Новиковымъ, изд. II, М., 1788 г., ч. IV, с.с. 451, 450.

продуктовъ. Самъ Кильбургеръ былъ того мнѣнія, что въ Россіи „провіантъ и съѣстные припасы довольно дешевы не только въ разныхъ мѣстахъ государства, но также въ Москвѣ", потому что сюда ихъ всегда привозили, особенно зимой, въ большомъ количествѣ [1]). Членъ свиты посла Кленка для своего времени даетъ цѣну большого судака, который „по временамъ стоилъ живой въ Москвѣ 4, 5 и даже 6 гульденовъ". По его словамъ, въ Архангельскѣ „можно прожить очень дешево, такъ какъ жизненные припасы можно получать за немного денегъ"; „здѣсь находится, пишетъ этотъ голландецъ, прекрасный мясной рынокъ, на который въ такомъ большомъ количествѣ привозится говядина, что можно превосходную купить по бланку или стейферу за фунтъ". Около Холмогоръ въ очень многочисленныхъ деревняхъ провизія стоила (1675 г.):

12 и 18 яицъ — 1 стейферъ.
Гусь, курица — 2 стейфера.
Глухарь большой — 2, 3 стейфера.
Куропатка — 1 стейферъ.
Молоко парное для 6—8 человѣкъ — 1 стейферъ.
Южнѣе Ягрыжскаго яма:
Курица — 1 стейферъ.
8 куропатокъ — 3 стейфера.
15 яицъ — 1 стейферъ [2]).

Тутъ же можно привести архангельскія цѣны и позднѣйшаго путешественника, начала XVIII в., Корнилія де Бруина. Онъ указываетъ, что въ Архангельскѣ „много живности и чрезвычайно дешевой", „пара куропатокъ стоитъ 4 штивера", „зайцевъ

---

[1]) На с. 177 сказано, что „1 пудъ бѣлой муки (Mehl) — 1 рубль", но это, судя по цѣнѣ, очевидная ошибка въ изданіи Бишинга, и Mehl тутъ нужно замѣнить словомъ Meth, т. е. необходимо исправить эту фразу такъ: „1 пудъ бѣлаго меда—1 рубль", и эта цѣна тогда будетъ вполнѣ понятной. Дѣйствительно, самъ Кильбургеръ говоритъ, что русскіе имѣютъ бѣлый и бурый медъ (с. 112), и 30 мая 1674 г. пудъ меда (Honig) стоилъ 1 р. 10 коп. (с. 116). Въ іюлѣ 1652 г. пудъ меда стоилъ въ Москвѣ 70 коп. (Родесъ, с. 116. Здѣсь Родесъ вообще даетъ много цѣнъ того времени на съѣстные припасы и пряности).

[2]) „Посольство К. ф.-Кленка", с. с. 313, 317. Стейферъ, или штиверъ,=1 коп.

также множество, и въ продажѣ они по 4 штивера за зайца... бекасы стоятъ здѣсь 2 и 3 штивера одинъ". Въ Архангельскѣ было много и рыбы; „окуней такое множество, что ими можно накормить 20 человѣкъ за какихъ-нибудь 20 штиверовъ". „Мяса также изобильно. Лучшей говядины можно купить за 1 штиверъ фунтъ; ягненокъ около 10 недѣль стоитъ 15 штиверовъ; теленокъ такого же возраста—отъ 30—40 штиверовъ, смотря по времени года. Здѣсь всякій имѣетъ индеекъ на своемъ дворѣ; 4 или 5 цыплятъ или 1 гусь стоятъ отъ 6 до 8 штиверовъ" [1]).

Стоимость же привозныхъ товаровъ, напримѣръ, пряностей, разумѣется была выше, чѣмъ припасовъ туземнаго производства. Цѣны на эти товары въ Москвѣ указаны Кильбургеромъ въ прейсъ-курантѣ мая 1674 г. [2]). 27 декабря 1673 г. дьякъ Яковъ Петелинъ писалъ, что „въ рядѣхъ покупают пряные зелья:

Сахару доброй по 5 алтынъ фунтъ.
Ядра миндалные по 5 ж алтынъ.
Пшено по 6 де.
Корица по рублю по 23 алтына по 2 де.
Коринки по 5 алтынъ.
Мушкатные орѣшки по 3 де золотникъ
Мушкатной цвѣтъ по 60 алтынъ фунтъ.
Шафранъ по 8 де золотникъ.
Инбир по 5 алтынъ фунтъ.
Анисъ по 2 алтына.
Масло деревяное по 2 алтына по 2 де.
Лимоны по 6 де" [3]).

Изъ вышеприведенныхъ иностранныхъ свидѣтельствъ видимъ, что русскія цѣны, по мнѣнію западныхъ европейцевъ, были низкія. Но, конечно, и въ Россіи бывали годы дороговизны, и, напр., въ 1660 г. и 1662 г., по донесеніямъ комиссара Эберса, въ Москвѣ была небывалая дороговизна, хлѣбныя цѣны были выше, чѣмъ когда-либо; такъ въ 1660 г. въ Москвѣ четверть ржи стоила 2 рубля, четверть овса—120 коп., четверть солода—150 коп.,

---

[1]) Чтенія, 1872 г., I, с. с. 27—29.
[2]) С. с. 144—146.
[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 92, л. л. 345 об.—346.

овца—70—80 коп.; цѣны поднялись на всѣ жизненные припасы вдвое и втрое [1]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ продуктовъ, слѣдуетъ указать, что русскіе вообще мало питались мясомъ. По увѣренію Рейтенфельса, они не ѣли телятины, зайцевъ, раковъ, голубей и все то, что было убито черезъ удушеніе [2]). Что русскіе не ѣли голубей, подтверждается Невиллемъ [3]), а зайцевъ—Коллинсомъ и Лизекомъ [4]). Это—правда, потому что и въ настоящее время еще нѣкоторые крестьяне считаютъ зайца поганымъ и негоднымъ для ѣды, такъ какъ очищеннымъ онъ похожъ на кошку, что вызываетъ въ нихъ брезгливость; голубей и теперь народъ, хотя и не весь, считаетъ священной птицей; телятины же русскіе не ѣли оттого, что жалѣли рѣзать телятъ и давали имъ вырасти [5]). Но среди достаточнаго класса все это не принималось во вниманіе и ѣли телятину, зайцевъ и раковъ. Заяцъ упоминается среди кушаній въ старинныхъ книгахъ о ѣствахъ; тутъ даже упоминается кушанье изъ „журавля“, „чапли“, на ряду съ „курьями индѣйскими“ и „курицами индѣйскими“ и пр. [6]). Цѣну раковъ даетъ Кильбургеръ,—значитъ ихъ продавали для ѣды; также, по Кильбургеру, въ лавкахъ продавали голубей.

Коровье масло, по показанію Рейтенфельса, рѣдко употреблялось русскими, а больше приготовляли масло изъ льняного сѣмени и лѣсныхъ орѣховъ (nucilus avellanis). Коровье же масло русскіе приготовляли жидкимъ, такъ что оно никогда не твердѣло. Сыра же крестьяне, по словамъ того же Рейтенфельса, „совершенно“ не умѣли приготовлять, хотя бы даже въ маломъ ко-

---

[1]) Г. Форстенъ, „Сн. Шв. и Р.“, Ж. М. Нар. Пр., 1898 г., май, с. с. 70, 94.

[2]) Чтенія, 1906 г., III, с. 154.

[3]) Рус. Старина, ч. 72, с. 267.

[4]) Лизекъ, Ж. М. Нар. Пр., ч. 16, 1837 г., с. с. 385—386. Коллинсъ говоритъ, что русскіе не ѣдятъ конины, зайцевъ, кроликовъ, оленей и телятину считаютъ поганой (Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 135).

[5]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с. 32.

[6]) „Книги во весь годъ въ столъ ѣствы подавать“ (дополненіе къ Домострою благов. попа Сильвестра), „Роспись кушанью бояр. Б. И. Морозова“, „Столовыя росписи на поминъ бояр. Б. И. Морозова“, Временникъ Имп. М. О. Ист. и Др. Р., кн. VI, 1850 г., с. с. 20, 21, 36, 37.

личествѣ[1]). О томъ же слышимъ отъ спутника англичанина Карлейля: „Что же касается масла и сыра, то они какъ то, такъ и другое плохо приготовляютъ; иностранцы едва ихъ могутъ ѣсть“[2]). Еще въ XVI в., когда русскіе ужинали у датскаго посланника Ульфельда и попробовали его сыръ, они попросили весь его имъ отдать: очевидно, онъ имъ понравился и былъ для нихъ новостью[3]).

Кильбургеръ кратко упоминаетъ о „множествѣ“ сморчковъ и шампиньоновъ въ Россіи. Коллинсъ же, заинтересовавшись русскими грибами, посвятилъ описанію ихъ цѣлую главу[4]).

По словамъ Петрея, въ Россіи разводили всякіе плоды и овощи, и легко было достать яблоки, морковь, хрѣнъ, капусту шалфей, гвоздику, майоранъ, крыжовникъ и т. п.[5]). Подробно объ этомъ разсказываетъ Олеарій, который пишетъ, что у русскихъ „имѣются и всякаго рода кухонные овощи, особенно спаржа толщиной въ палецъ, какую я самъ ѣлъ у нѣкоего голландскаго купца, моего добраго друга въ Москвѣ, а также хорошіе огурцы, лукъ и чеснокъ въ громадномъ изобиліи. Лактукъ и другіе сорта салата никогда не садились русскими; они раньше вообще не обращали на нихъ вниманія, не только не ѣли ихъ, но даже смѣялись надъ нѣмцами за употребленіе ихъ въ пищу, говоря, что они ѣдятъ траву. Теперь же и нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ пробовать салатъ. Дыни производятся тамъ въ огромномъ количествѣ; въ разведеніи ихъ многіе находятъ себѣ матеріалъ для торговли и источникъ пропитанія“, и русскія дыни были „весьма велики, вкусны и сладки“, и Олеарію въ 1643 г. подарили дыню „вѣсомъ въ пудъ, т. е. 40 фунтовъ“[6]). Лизекъ тоже свидѣтельствуетъ, что въ Россіи росло много плодовъ и „дынь отмѣнной доброты и необыкновенной величины. Намъ подавали дыни вѣсомъ больше 20 ф., и люди, заслуживающіе полнаго довѣрія, утверждали, что бываютъ дыни въ 30 и даже 40 фунтовъ“[7]). Изъ ягодъ малина росла „въ боль-

---

1) Чтенія, 1906 г., III, с. с. 155, 138.
2) „Опис. Московіи...“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 19.
3) Чтенія, 1883 г., I, с. 16.
4) Чтенія, 1846 г., I, с. 40 (гл. XXVI). Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с.с. 177—178, съ рис.
5) Чтенія, 1865 г., IV, с. 7.
6) Олеарій, с.с. 160—161.
7) Ж. М. Нар. Пр., ч. 16, 1837 г., с. 385.

шомъ количествѣ“ по всей Россіи, и голштинское посольство около Ладоги за 1 коп. купило у дѣтей полную шляпу этой ягоды [1]). „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, разсказываетъ тотъ же Олеарій, особенно въ Москвѣ, имѣются и великолѣпныя садовыя растенія, въ родѣ яблокъ, грушъ, вишенъ, сливъ и смородины“, а Герберштейнъ, Гвагнини и др., какъ пишетъ Олеарій, невѣрно сообщали, что въ Россіи изъ-за холодовъ нѣтъ плодовъ. Олеарій особенное вниманіе обратилъ на яблоки: „Между другими сортами яблокъ у нихъ имѣется и такой, въ которомъ мякоть такъ нѣжна и бѣла, что, если держать ее противъ солнца, то можно видѣть зернышки“ [2]). Объ этихъ яблокахъ упоминаетъ и Кильбургеръ, называя ихъ „наливными“ и считая наилучшими [3]), а также Стрюйсъ, по словамъ котораго, эти яблоки такъ прозрачны, что видны ихъ зерна, „они приторны, безвкусны, какъ большая часть (здѣшнихъ) плодовъ, да къ тому же водянисты“ [4]). Между тѣмъ Бруину эти моченыя „прозрачныя“ яблоки нравились, и онъ пишетъ, что яблоки „кислыя, равно какъ и сладкія,—вкусны“ [5]). Какъ приготовляли эти яблоки, узнаемъ изъ стариннаго рецепта „о яблокахъ наливныхъ и о скрутѣ: а наливъ и скрутъ, которые бы чисты были, яблоки и небиты, класти въ бочки невеликіе, ведеръ по пяти, по одному яблоку руками, да налить паточной сытою, взяти въ четверо; а у бочки воронку просто розняти, а закрывати не плотно, чтобы кислой духъ выходилъ вонъ изъ бочки“ [6]). Рейтенфельсъ сообщаетъ, что русскіе также „иногда варятъ въ меду яблоки и, сгустивши, даютъ имъ форму продолговатую или шаровидную“ [7]).

Относительно огородной зелени въ Россіи выше уже былъ приведенъ отзывъ о ней Олеарія. Венеціанецъ Вимена (1655 г.) указывалъ на отсутствіе въ Россіи салата, цвѣтовъ и благовонныхъ травъ [8]). Когда же Витсенъ былъ въ гостяхъ у опальнаго Никона,

---

1) Олеарій, с. 18.

2) Олеарій, с. 160.

3) С. 179.

4) Рус. Архивъ, 1880 г., I, с. 36. Что въ Россіи было „много“ плодовъ говорится и въ „Опис. Московіи при рел. гр. Карлейля“, с. 9.

5) Чтенія, 1872 г., I, с. 67.

6) „Книги во весь годъ въ столъ ѣствы подавать“ (дополненіе къ Домострою Сильвестра), Временникъ, VI, с.с. 27—28.

7) Ж. М. Н. Пр., XXIII, с. 51.

8) Отеч. Зап., 1829 г., ч. 37, с.с. 20—21.

онъ замѣтилъ, что въ его саду лучшія мѣста занимали не цвѣты, а рѣдька и петрушка[1]). Хотя уже при Олеаріи нѣкоторые русскіе начали ѣсть салатъ, однако это плохо прививалось и когда Таннеръ въ 1678 г. былъ въ Москвѣ и сталъ ѣсть съ нѣмцами латукъ, москвичи удивлялись этимъ скотоподобнымъ людямъ[2]).

О значеніи чеснока и лука въ жизни русскаго народа Кильбургеръ ничего не говоритъ, а между тѣмъ этотъ вопросъ сильно волновалъ другихъ путешественниковъ, потому что они не могли привыкнуть къ этому запаху. Какъ узнаемъ отъ нихъ, русскіе „всякую пищу приправляли лукомъ и чеснокомъ" а остальными приправами пренебрегали; кушанья на царскомъ обѣдѣ были „полны чеснока и лука" [3]). Флетчеръ говоритъ, что эти царскія кушанья приготовляются „съ большимъ количествомъ чесноку и соли, подобно тому, какъ въ Голландіи" [4]). Чеснокъ, по свидѣтельству Маржерета, Олеарія и Мейерберга, служилъ у русскихъ даже лѣкарствомъ для возбужденія аппетита и избавленія отъ жара[5]). Нидерландскимъ посламъ Бурху и Фелтдрилю русскіе посылали кушанья тоже „большею частью съ чеснокомъ и лукомъ" [6]). Олеарій сообщаетъ, что „обыкновенно кушанья у нихъ приготовляются съ чеснокомъ и лукомъ", почему всѣ дома, даже дворецъ „пропитываются запахомъ, противнымъ для насъ—нѣмцевъ"; русскіе „много ѣдятъ чесноку и луку" [7]). „Ни въ одномъ (изъ кушаній), говоритъ Мейербергъ, нѣтъ недостатка въ большихъ пріемахъ чеснока и лука, которые у московитянъ самыя изысканныя возбуждающія вкусъ средства"; онъ называетъ русскихъ „всегда пропахшими чеснокомъ и лукомъ"; онъ даже увѣряетъ, что люди бѣдные „питаются однимъ хлѣбомъ и чеснокомъ" [8]). Современникъ Карлейля пишетъ, что у русскихъ „зелени и огородныхъ овощей очень много, но изобильнѣе лука и чеснока ничего нѣтъ", что они

---

1) „Ник. Витсенъ изъ Амстердама у патр. Никона" (1665 г.), Историческій Вѣстникъ, 1899 г., т. 77, с. 877.

2) Чтенія, 1891 г., III, с. 69.

3) Д. Принцъ, Чтенія, 1876 г., IV, с.с. 69, 56.

4) Флетчеръ, с. 120.

5) „Сказ. совр. о Д. Сам.", I, с. 270. Олеарій, с. 209. Чтенія, 1873 г., III, с. 86.

6) Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. 116, с. 51.

7) Олеарій, с.с. 204, 188.

8) Чтенія, 1873 г., III, с.с. 36, 85, 78.

сильно любятъ чеснокъ и лукъ, „такъ что скорѣе узнаешь москвича носомъ, чѣмъ глазами“, и во время постовъ „живутъ только хлѣбомъ, рыбой, овощами, зеленью и преимущественно лукомъ и чеснокомъ“ [1]). Стрюйсъ жаловался на невыносимое для иностранцевъ дыханіе русскихъ отъ этихъ овощей [2]). Рейтенфельсъ тоже пишетъ, что русскіе больше всего употребляли изъ овощей чеснокъ и лукъ [3]). Спутникъ Кленка подтверждаетъ, что москвичи „при своихъ похлебкахъ и жаркихъ ѣли лукъ и чеснокъ; эта пища имъ нравилась, хотя непривыкшихъ она отталкивала ужасающей вонью“ [4]). Но наши предки давали въ рыбныя блюда, кромѣ этого, еще всякія масла, отъ чего отъ нихъ распространялся „скверный противный запахъ“; къ тому же они употребляли чеснокъ „не только, какъ приправу, ко всѣмъ кушаньямъ, но и ѣли сырымъ среди дня“, такъ что иностранцы съ непривычки не могли выносить этого запаха [5]). Однако странно, что въ русскихъ книгахъ о ѣствахъ кушанья, приправленныя чеснокомъ, встрѣчаются скорѣе рѣдко, чѣмъ часто; упоминаются, напримѣръ, „ноги свиные подъ чеснокомъ“ [6]).

Изъ другихъ приправъ, русскіе употребляли во всѣхъ кушаньяхъ соль, а перецъ и уксусъ рѣдко, и это считалось у нихъ роскошью [7]); впрочемъ еще Барберини (1565 г.) писалъ относительно перца, что въ Москвѣ „ужасно много его употребляется“ [8]).

---

[1]) „Опис. Московіи...“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с.с. 9, 19, 30.

[2]) Рус. Архивъ, 1880 г., I, с. 39.

[3]) Чтенія, 1906 г., III, с. 155.

[4]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 528. Согласно словамъ Лизека (1675 г.), по пути изъ Смоленска въ Москву въ деревняхъ „у мужиковъ ни за какія деньги нельзя ничего достать, кромѣ лука и чеснока“.

[5]) Юстъ Юль, Чтенія, 1899 г., II, с. 87.

[6]) Временникъ, VI, 1850 г., с. 33, книги о ѣствахъ: „Книги во весь годъ въ столъ ѣствы подавать“ (доп. къ Дом. Сильвестра), „Росписи кушанью бояр. Б. Ив. Морозова“, „Столовыя росписи...“ и „Кладовыя росписи...“ Б. И. Морозова. „Самой употребительнѣйшей и любимой приправой служили лукъ, чеснокъ, перецъ, шафранъ и иногда чаберъ (солонина съ чабромъ“ (предисл. Ив. Забѣлина, с.с. VI). Перечень кушаній, но безъ уканія способа ихъ приготовленія, находится въ „Расходной кн. Патр. прик. кушаньямъ, подававшимся патр. Адріану и разнаго чина лицомъ съ сент. 1698 г. по авг. 1699 г.“, П., 1890 г.

[7]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 154.

[8]) Сынъ Отечества, 1842 г., № 7, с. 46.

Къ главѣ XIV.

Винные погреба для казенныхъ нуждъ находились на Сытенномъ дворѣ, гдѣ было, по словамъ Котошихина, „всѣхъ питейныхъ погребовъ больши 30, кромѣ погреба, что зъ заморскимі питьями. І во всѣхъ тѣхъ погребахъ питья всякие стоятъ во льду“, который держался круглый годъ [1]). Въ „погребѣ, что зъ заморскимі питьями“, находившемся вблизи Благовѣщенскаго собора, подъ Столовой и Отвѣтной палатами и иначе называвшемся „Фряжскимъ“, сохранялись въ трехъ обширныхъ помѣщеніяхъ фряжскія питья: алканъ, тентинъ, секъ, романея, кинарея, мармазея, мушкатель, бастръ красный и бѣлый, ренское, церковное и др., также уксусъ ренской, уксусъ новгородскій и, кромѣ того, лимоны и деревянное масло [2]). На Сытенномъ дворѣ выдавались, по приказу, разнымъ лицамъ „пива жъ поддѣлные и малиновые и иные, и меды сыченые и красные ягодные и яблочные и романѣе и ренское и фрацужское и иные заморскіе питья“; здѣсь же былъ складъ и выдача всякой водки [3]).

Москвичи же покупали вино въ винныхъ погребахъ, бывшихъ въ Китай-городѣ на кремлевской площади. Тутъ передъ Кремлемъ было „до двухъ сотъ погребовъ, расположенныхъ въ рядъ подъ землей“, въ которыхъ продавалось иностранное вино, а въ другомъ ряду торговали „иными сортами питей изъ меда, вишенъ и разныхъ ягодъ“ [4]). Упомянутые винные погребки лежали „напротивъ рядовъ“, и были „построены изъ кирпича и камня, холодные лѣтомъ и теплые зимой“ [5]). Въ концѣ XVII в. въ Москвѣ также не было „недостатка въ погребахъ“, въ которыхъ распивалось заграничное вино [6]).

Вино доставляли намъ иностранцы. Еще въ XV в. І. Барбаро сообщалъ, что „вина москвитяне не пьютъ“ [7]), но его употребленіе среди состоятельныхъ и знатныхъ лицъ не замедлило распро-

---

[1]) Котошихинъ, изд. IV, 1906 г., гл. VI, ст. 2, с. 76.
[2]) Забѣлинъ, „Д. бытъ р. царей“, с. 88.
[3]) Котошихинъ, с. с. 75—76.
[4]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1905 г., III, с. 95.
[5]) П. Алеппскій, в. IV, с. 3.
[6]) Корбъ, с. 224.
[7]) „Библ. ин. пис. о. Рос.“, Барбаро († 1494 г.), с. 59.

страниться съ развитіемъ внѣшней торговли. Однако не только во второй половинѣ XVI в. потребленіе вина въ Россіи было „очень рѣдкое“, а больше пили водку [1]), но и въ XVII в. русскіе все-таки мало пили вина, предпочитая водку [2]). Это, разумѣется, касается общей массы русскаго населенія. Между тѣмъ, по словамъ Тедальди, въ половинѣ XVI в. въ Россіи всегда находилось вино „въ большомъ изобиліи, особенно рейнское“ [3]). Въ Торговой книгѣ уже упоминаются почти всѣ названія винъ, которыя находимъ у Родеса и Кильбургера [4]). Пословъ обыкновенно угощали заграничнымъ виномъ, и, напримѣръ, Варкочу и другимъ, по приказанію государя, было поднесено на царскомъ пиру „превосходное вино“ [5]). Наиболѣе крѣпкими винами были испанское, канарское и др. [6]). Мейербергъ сообщаетъ, что самъ ц. Алексѣй выпивалъ за обѣдомъ для укрѣпленія желудка полную чару испанскаго вина. „Винные погреба, разсказываетъ тотъ же авторъ, не только уставлены множествомъ боченковъ съ критскимъ, испанскимъ, французскимъ, рейнскимъ и астраханскимъ винами, но также и бочекъ съ пивомъ, различными медами и водкой, а въ лѣтнее время всегда набиты грудами льда...“ Впрочемъ русскіе рѣдко пили вино и пиво, но больше—медъ и водку [7]). Какъ пишетъ Олеарій, „у самыхъ знатныхъ лицъ, наравнѣ съ хорошимъ пивомъ, подаются за столомъ также испанское, ренское и французское вино, разныхъ родовъ меды и двойная водка“ [8]). Вслѣдствіе того, что вино было привозное, оно, конечно, не было дешевымъ [9]). Олеарій въ 1654 г. писалъ, что „въ Московіи нѣтъ грецкихъ орѣховъ и винограда, но всякаго рода вино часто привозится сюда голландскими

---

[1]) Д. Принцъ, Чтенія, 1876 г., IV, с. 69.

[2]) Главиничъ (1661 г.), Чтенія, 1875 г., I, с. 10.

[3]) Ж. М. Нар. Пр., 1891 г., № 5, с. 132.

[4]) Торговая книга, Зап. Отд. рус. и сл. арх. Имп. Арх Общ., I, с. 129. Родесъ, с. 120. Кильбургеръ, с. 147.

[5]) Чтенія, 1874 г., IV, с. 28.

[6]) Маржеретъ, „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с. 290.

[7]) Мейербергъ, Чтенія, 1873 г., III, с. с. 172, 173, 36.

[8]) Олеарій, с. 204. Крижаничъ счелъ нужнымъ замѣтить, что „днешне вино привaжается изъ Хиспанскія и Фряжескія земли, и обое кривымъ имепомъ ся зоветъ: хиспанское романскимъ, фряжеское ренскимъ“ („Рус. госуд“, № 5, с. 127).

[9]) Лизекъ, Ж. М. Нар. Пр., ч. 16, 1837 г., с. с. 385—386.

и иными судами черезъ Архангельскъ, а теперь оно доставляется и изъ Астрахани, гдѣ также начали заниматься виноградарствомъ“ [1]). Въ Астрахани же Олеарій еще раньше нашелъ великолѣпныя плоды: яблоки, грецкіе орѣхи, дыни, арбузы и виноградъ. Въ 1613 г., по разсказу этого путешественника, одинъ монахъ, по приказанію великаго князя, устроилъ изъ лозъ, доставленныхъ персидскими купцами, настоящій виноградникъ, приносившій потомъ „великолѣпные и сладкіе гроздья“, которые отсылались въ Москву во дворецъ, а частью продавались въ Астрахани. Нѣкоторые астраханцы тоже устроили у своихъ домовъ виноградники, которые приносили имъ хорошій доходъ. „Мнѣ въ нынѣшнемъ году [2]), пишетъ дальше Олеарій, принесли достовѣрное извѣстіе, что въ настоящее время въ Астрахани будетъ разводиться такое количество винограда, что ежегодно 50—60 пипъ или большихъ бочекъ вина отсюда будетъ доставляться въ Москву. У нихъ имѣется свой виноградарь Іаковъ Ботманъ, учившійся у насъ въ Готторпѣ у его княжеской свѣтлости придворнаго увеселительнаго садовода“ [3]). Дѣйствительно, около двадцати лѣтъ спустя Рейтенфельсъ уже писалъ, что „вина привозятся изъ Испаніи, Франціи, Германіи, Греціи и изъ Астрахани“, „но, прибавляетъ онъ, они не въ такомъ большомъ употребленіи, какъ водка и медъ“ [4]). Кильбургеръ же пишетъ, что въ винныхъ погребахъ, „не продавалось никакого другого вина, кромѣ испанскаго и французскаго“. Другой иностранецъ удостовѣряетъ, что русскіе богатые люди пили, кромѣ французскаго и рейнскаго, еще и испанское, но вообще вино было дорого [5]). Какія вина продавались въ Москвѣ, можно, думается, довѣриться извѣстіямъ Таннера, который не разъ разсказываетъ о своемъ участіи въ попойкахъ во время пребыванія въ 1678 г. въ Москвѣ, такъ что онъ могъ хорошо изучить вопросъ о московской торговлѣ ви-

---

[1]) Авторъ „Описанія Московіи при реляціяхъ Карлейля“ пользовался Олеаріемъ и тоже писалъ, что въ Россіи нѣтъ „орѣховъ, винограду“, и вино привозятъ голландцы и англичане въ Архангельскъ (с. с. 9, 20). О росписи относительно закупки вина у Архангельска на государевъ обиходъ къ 163 г.—Родесъ, с. 223.

[2]) Т. е. въ 1654 г.

[3]) Олеарій, с. с. 162, 401. Въ Москвѣ виноградный садъ упоминался (1666 г.) въ селѣ Измайловѣ (Р. Ист. Библ., XXI, с. 1183, указатель).

[4]) Ж. М. Нар. Пр., XXIII, с. 51.

[5]) Лизекъ (1675 г.), Ж. М. Нар. Пр., ч. 16, 1837 г., с. с. 386, 385.

нами. Именно онъ пишетъ, что на площади возлѣ Кремля „винноторговцы продаютъ разнаго рода вина—особенно романею (такъ они называютъ мозельское), потомъ пертциментъ, т. е. испанское, потомъ ренское, фряжское и другія“ [1]).

По извѣстіямъ П. Алеппскаго, торговля виномъ и водкой не производилась ежедневно, потому что питейные дома и винныя лавки съ самаго начала поста до Новаго воскресенія (Ѳомина), закрывались, какъ и въ теченіе всего года отъ кануна воскресенія до утра понедѣльника и во время праздниковъ [2]). Вино въ винныхъ погребахъ продавалось въ жестяной безъ крышки посудѣ, называвшейся „галенкомъ“. Галенокъ былъ разной величины: полный галенокъ, полгаленка, и четверть галенка [3]). Очевидно, судя по словамъ Кильбургера, въ погребахъ нельзя было распивать маленькими порціями. Питейное дѣло въ Москвѣ вообще подвергалось строгимъ ограниченіямъ. Такъ въ 1625 г. было повторено указомъ, чтобы въ овощномъ ряду въ Китай-городѣ, гдѣ были погреба, въ которыхъ торговые люди продавали иностранныя вина, „чтобы они у себя въ погребахъ водокъ и разносолу и всякаго краснаго питья въ стопы и въ полустопы и въ малыя стопки въ алтынные и въ грошовые и въ двуденежные не продавали и питухомъ пити у себя въ погребахъ не давали и табаку на продажу не держали, а продавали бъ всякое красное вино въ ведра, и въ полу-ведра, и въ четведра въ полчети ведра на подворья и в погребахъ бы у себя отнюдь никому пити не давали“. Указъ настоятельно требовалъ, чтобы вино въ овощномъ ряду продавалось исключительно навыносъ и въ опредѣленной посудѣ, угро-

---

[1]) Чтенія, 1891 г., Ш, с. 61.

[2]) П. Алеппскій, в. Ш, с. 204.

[3]) Въ книгахъ о ѣствахъ (1656 г.) не разъ встрѣчается названіе этой посуды: „галенокъ лимоновъ“, „галенокъ алкану“, „галенокъ въ полведра вина церковнаго“, „галенокъ въ полведра орѣховъ грецкихъ“; вино помѣщалось и въ бочкахъ разной емкости: „бочка вина двойнова ведра въ два, бочка вина тройнова въ ведро, бочка жъ вина тройнова ведра въ три; бочка ренскова ведръ въ 5; бочка романея 4 ведра“ (Временникъ, VI). Га́ленокъ (галёнокъ,—ка), м., съ англ. (gallon), мѣра жидкостей, перешедшая къ намъ черезъ порты или гавани: полосьмухи, полштофа, полкружки, бутылка (Толковый словарь живого великорусскаго языка В. Даля).

жая штрафомъ въ размѣрѣ 10 рублей и торговой казнью[1]). По Торговому уставу 1667 г. иноземецъ могъ продавать вино только оптомъ и не смѣлъ ни въ Архангельскѣ, ни въ Москвѣ, ни въ другомъ городѣ „продавать въ галенки и въ скляницы какое-нибудь питье заморское", чтобы тѣмъ не причинить казенной монополіи убытка[2]). Относительно посуды, въ которой продавалось вино, имѣемъ данныя отъ Юста Юля (1709 г.), который „нашелъ, что нарвскій Stob содержитъ пять датскихъ пэлей (paele), два такихъ штофа (стопа?) составляетъ кувшинъ (Kande), а 60 кувшиновъ—бочку. Русская мѣра, извѣстная подъ именемъ кружки, содержитъ 6 датскихъ пэлей, а такъ называемый русскій галенокъ—$5^1/_2$ датскихъ пэлей; 8 кружекъ составляютъ ведро. Въ Россіи жидкія тѣла бочками не измѣряются, и какъ (самыя) бочки бываютъ различныхъ величинъ, то объемъ ихъ опредѣляется ведрами; такъ бочка можетъ содержать 20, 30, 40, 60 ведеръ и т. д., смотря по ея размѣру"[3]). Кильбургеръ считалъ въ ведрѣ—8 „братинъ"[4]).

Къ главѣ XV.

Кабаки были сильными распространителями пьянства среди русскаго народа. О пьянствѣ русскихъ писали Контарини, Барбаро, Кампензе, Герберштейнъ, Ченслеръ, Барберини и многіе другіе[5]). Конечно, не во всѣ времена пьянство было одинаково распространено и, съ одной стороны, оно запрещалось, когда правительство преслѣдовало нравственныя цѣли и непосредственное благо народа, а съ другой—поощрялось, когда дѣло касалось государственныхъ доходовъ. Масса (1599 г.) сообщаетъ, напримѣръ, что русскіе больше всего любили водку, „которую запрещено пить всѣмъ, за исключеніемъ только дворянъ и купцовъ".

---

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій, „Организація моск. ремесленниковъ въ XVII в.", Ж. М. Нар. Пр., 1910 г., сент., с. с. 148—149.

[2]) С. Гос. Гр. и Дог., IV, № 55, п. п. ЙД, ЙЄ.

[3]) Чтенія, 1899 г., II, с. 88.

[4]) С. 179, гл. XV.

[5]) Выдержки изъ сочиненій нѣкоторыхъ иностранцевъ о пьянствѣ и пьяныхъ у В. Бочкарева, „Моск. гос. XV—XVII в. в.", с. с. 137—139.

При Маскѣвичѣ „пьянство было запрещено“, пьяные строго преслѣдовались, и этотъ авторъ пишетъ, что „корчемъ, или кабаковъ, нѣтъ во всей Россіи“, однако Маржеретъ свидѣтельствуетъ о чрезмѣрномъ пьянствѣ русскихъ [1]). Но еще раньше Варкочъ счелъ необходимымъ замѣтить относительно этого порока: „Однакожъ, кромѣ праздничнаго времени, этого никогда не бываетъ явно, и опьяненіе считается гнуснымъ состояніемъ. Такое пьянство по праздникамъ продолжается цѣлые 8 дней“ [2]). Олеарій посвятилъ нѣсколько страницъ описанію пьянства въ Россіи. По его словамъ, пьянство было распространено „во всѣхъ сословіяхъ, какъ у духовныхъ, такъ и у свѣтскихъ лицъ, у высокихъ и низкихъ, мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ“, и видѣть на улицѣ пьяныхъ было до того обыкновенно, что на это прохожіе не обращали вниманія. Особенно во время Пасхи много напивалось, однако „теперь (1654 г.), пишетъ Олеарій, благодаря патріарху нѣсколько поубавились эти слишкомъ уже большія безобразія въ посѣщеніи кабаковъ“. Для уменьшенія пьянства, по разсказу этого же автора, „его царское величество велѣлъ устроить въ каждомъ городѣ лишь одинъ кружечный дворъ, или домъ, откуда вино выдается только кружками или цѣлыми кувшинами“, однако эта мѣра „почти не прекратила“ пьянства, потому что русскіе тогда стали пить въ складчину или же тайкомъ покупали и продавали водку въ чаркахъ [3]). Интересныя подробности о водочной торговлѣ узнаемъ отъ П. Алеппскаго. Винныя лавки и питейные дома были запечатаны съ начала поста до конца свѣтлой недѣли; также въ теченіе всего года кабаки оставались закрытыми отъ кануна воскресенія до утра понедѣльника; то же соблюдалось и въ большіе праздники. „На Святой недѣлѣ, разсказываетъ Павелъ, стрѣльцы рыскали по городу, какъ огонь, и если гдѣ находили пьянаго, производившаго безпорядокъ, то тащили его въ приказъ и засаживали подъ арестъ на нѣсколько дней, послѣ нанесенія многихъ ударовъ; это мы видѣли сплошь и рядомъ“ [4]). О пьянствѣ русскихъ на Святой недѣлѣ разсказываетъ и Родесъ, но русскіе все-

---

[1]) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, II, с. 55, I, с. 253. „Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи“, П., 1874 г., с. 65.

[2]) Чтенія, 1874 г., IV, с. 34.

[3]) Олеарій, с. с. 190 - 194, 139.

[4]) П. Алеппскій, в. III, с. 204.

таки больше всего напивались во время масленицы, какъ передаютъ Олеарій и Коллинсъ [1]). Коллинсъ однако увѣряетъ, что „поляки еще бо́льшіе пьяницы, чѣмъ русскіе" [2]). Также вдумчивый Вимена (Вимина) не обвиняетъ русскихъ въ безпрерывномъ пьянствѣ, но говоритъ, что они только въ праздники возвращались изъ погребовъ, гдѣ продавалось пиво и вино [3]). Мейербергъ, очевидно, отчасти пользуясь Олеаріемъ, рисуетъ краткую, но мрачную картину русскаго пьянства и, подобно Олеарію, сообщаетъ, что пьяныхъ подбирали по улицамъ извозчики и отвозили домой, за что получали отъ родственниковъ пьяницъ плату за доставку; бывало, что сами извозчики завозили пьяницъ въ глухіе переулки и тамъ грабили ихъ и убивали [4]). Рейтенфельсъ говоритъ, что русскіе по праздникамъ могли „безнаказанно напиваться допьяна", валялись на улицахъ, замерзали или развозились по домамъ; впрочемъ тотъ же иностранецъ заявляетъ, что они „постоянно" напивались [5]). Спутникъ Карлейля увѣрялъ, что „пьянство между ними такъ распространено, что весьма немногіе, по своей трезвости, могутъ составить исключеніе" [6]). Таннеръ, какъ и Олеарій, видалъ совсѣмъ или почти голыхъ пьяницъ, пропившихъ всю свою одежду; они пьянствовали безпрерывно два, три дня, и, появляясь въ городѣ, вполнѣ или наполовину голыми, были встрѣчаемы народомъ „рукоплесканіями и похвалой" [7]). Конечно, тутъ Таннеръ насмѣшку и издѣвательство трезваго народа надъ пьяницами ошибочно принялъ за похвалу. По запискамъ Невилля, русскіе на масленицѣ такъ напивались, что часто въ пьяномъ видѣ совершали убійства въ дракѣ и производили въ Москвѣ такой безпорядокъ, что иностранцы боялись выходить изъ своихъ предмѣстій въ городъ. Посылаемая стража для водворенія порядка, сама не бывала трезвой

1) Родесъ, с. 104 и прим. Олеарій, с. 198.

2) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 166. Самъ Олеарій (с. 155), повторяя слова Герберштейна о постройкѣ „Налейковъ", говоритъ, что „иноземцы болѣе московитовъ занимались выпивками".

3) Отеч. Зап., 1829г., ч. 37, с. 226.

4) Чтенія, 1873 г., III, с. 79.

5) Чтенія, 1906 г., III, с. с. 145, 141. Дѣти русскихъ, „обращаясь постоянно между пьяными, становятся лѣнтяями, неотесанными, пріобрѣтаютъ чудовищныя привычки..." (с. 178).

6) „Опис. Московіи...", Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 13.

7) Чтенія, 1891 г., III, с. с. 70—71.

и даже входила въ сдѣлку съ преступниками [1]). О томъ же сообщаетъ Корбъ, указывая, что мѣры противъ сокращенія пьянства не могли искоренить этого зла [2]). Славянинъ Крижаничъ тоже коснулся этого вопроса, душою страдая за опьяненный русскій народъ. „Да бы ты..., горячо восклицаетъ онъ, весь широкій свѣтъ кругомъ обшелъ, нигдѣ не бы нашелъ такъ мерзкого, гнюсного и страшного пьянства, яко здѣсь на Руси“ [3]). Когда посольство Потемкина 1667 г. было въ Испаніи, самихъ русскихъ удивило полное отсутствіе пьяныхъ: „Шесть мѣсяцовъ не видали пьяныхъ людей, чтобы по улицамъ валялись или, идучи по улицѣ, напився пьяны, кричали“ [4]).

Правительство получало съ водки большіе доходы. Согласно Флетчеру, въ каждомъ большомъ городѣ былъ устроенъ кабакъ, гдѣ продавали водку (такъ называемое „русское вино“), медъ, пиво и пр., и казна получала съ кабаковъ оброка отъ 800 до 3.000 рублей въ годъ; въ этихъ кабакахъ посѣтители пропивали всѣ деньги и одежду, и „пока они сидятъ въ кабакѣ, никто и ни подъ какимъ предлогомъ не смѣетъ вызвать ихъ оттуда, потому что этимъ можно помѣшать приращенію царскаго дохода“ [5]). „Трактиры и шинки, кабаки или «кружечные дворы», какъ ихъ теперь называютъ, говоритъ Олеарій, доставляютъ великому князю, который одинъ ими владѣетъ во всей странѣ, чрезвычайное количество денегъ, такъ какъ русскіе превыше всякой мѣры преданы питью водки“. Прежде царь и бояре имѣли свои кабаки, которые отдавали въ аренду, но „въ настоящее время, какъ пишетъ Олеарій, изданъ приказъ, чтобы ни одинъ бояринъ или вельможа не содержалъ кабаковъ, но всѣ они взяты на великаго князя, и въ каждомъ городѣ учрежденъ особый домъ, откуда получаютъ водку, медъ и пиво, съ передачею денегъ лишь въ его царскаго величества казну. Въ Новгородѣ всегда находились три кабака, изъ которыхъ каждый доставлялъ въ годъ 2.000 рублей, что даетъ въ общемъ итогѣ 12.000 рейхсталеровъ; при новыхъ порядкахъ

---

[1]) Русская Старина, 1891 г., т. 72, с. с. 269—270.

[2]) Корбъ, с. 128.

[3]) „Рус. госуд.“, № 2, с. 36 (раздѣлъ 11).

[4]) Посольство Потемкина, Вивліоѳика, изд. Н. Новиковымъ, изд. II, ч. IV, с. с. 449—450.

[5]) Флетчеръ, с. с. 51—52.

сумма получается еще бо́льшая. Между тѣмъ такихъ кабаковъ, хотя и не всѣ они такъ прибыльны, имѣется въ странѣ до тысячи“ [1]). Мейербергъ сообщалъ, что, „по выдумкѣ царя Годунова“, казенные кабаки только одни имѣли право продавать пиво, медъ и водку, и эти кабаки, „ведя широко распространенную торговлю по всѣмъ городамъ“ Россіи, приносили царю „огромную прибыль отъ различныхъ напитковъ“ [2]). По свидѣтельству Коллинса, „всѣ кабаки, т. е. гдѣ продавалось вино и крѣпкое пиво, принадлежали казнѣ и платили нѣкоторые по 10.000, а нѣкоторые и 20.000 руб. ежегодно“ [3]). Одинъ приказъ Новая Четверть, который вѣдалъ „московской и многихъ городовъ и волостей и селъ кружечные дворы, на вѣрѣ и на откупу“, собиралъ съ нихъ больше 100.000 руб., „кромѣ того что в-ыныхъ приказахъ вѣдомы кабацкіе сборы“ [4]). Бутенантъ разсказывалъ спутнику Кленка „относительно сильнаго пьянства среди русскихъ, что съ ноября до половины января, за $2^1/_2$ мѣсяца, въ новомъ кабакѣ или гостиницѣ въ Польской слободѣ получено сто тридцать шесть тысячъ рублей, каждый цѣной въ дукатъ; это, хотя и кажется невѣроятнымъ, тѣмъ не менѣе истинный фактъ. Эти люди пьютъ до такой степени, что... дѣлаются черезъ это рабами“. Въ воскресенье 24 ноября 1675 г. въ Великомъ Устюгѣ голландскіе послы „узнали отъ губернатора, что онъ съ пятницы, т. е. за 3 послѣднихъ дня передъ постомъ, получилъ изъ кабака... сто пятьдесятъ рублей, и что онъ не думаетъ, чтобы теперь до самаго Рождества получить столько“ [5]). Когда Таннеръ проѣзжалъ черезъ Можайскъ, тамъ было „двѣ корчмы (тогда какъ въ каждомъ городѣ обыкновенно бываетъ по одной)“ и онѣ „всегда были полны пьянчугъ“ [6]). Но, разумѣется, не всегда кабацкіе сборы были удовлетворительны. Такъ въ 1647 г. двинскіе головы отписывали, что вслѣдствіе запрещенія стрѣльцамъ пить вино и малаго пріѣзда торговыхъ людей по 4 ноября 156 г. въ Колмогорахъ сборъ былъ небольшой; впрочемъ имъ было отвѣчено изъ Москвы, что эта ихъ отписка невѣрная, и велѣно „послать гра-

---

1) Олеарій, с. 258.
2) Чтенія, 1873 г., III, с. 173.
3) Чтенія, 1846 г., I, с. 18.
4) Котошихинъ, изд. III, гл. VII, статья 20, с. 112.
5) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. с. 441, 347—348.
6) Чтенія, 1891 г., III, с. 40.

моту съ осудомъ: описываются не дѣломъ“ [1]). По описи принятаго и проданнаго вина по разнымъ кабакамъ, видно что въ 181 г. на тверскомъ кружечномъ дворѣ сборъ съ расходомъ былъ 657 р. 83 к. и, по сравненію съ большимъ сборомъ 166 г., было не добрано 542 р. 51 к., а сравнительно со сборомъ 178 г. не добрано 138 р. 40 к., 179 г.—2 р. 54½ к. и 180 г.—5 р. 9½ к. На Переяславскомъ (Рязанскомъ) кружечномъ дворѣ у питья съ 1 сент. 181 г. по 1 сент. 182 г. по окладу довелось собрать прибыльныхъ денегъ (а взято тогда всего 2.168 р. 68½ к.) сравнительно съ 178 г.—2.233 р. 14¾ к., 179 г.—2.272 р. 28 к., 180 г.—2.266 р. 20 к. На этихъ дворахъ продавались, кромѣ водки и пива, меды, брага и барда. Цѣны на вина на кружечныхъ дворахъ (напр., Путятинскомъ, Михайловскомъ, Пронскомъ и пр.) не были одинаковы [2]).

Вино, какъ выражается Ю. Крижаничъ, продавалось „по бѣсовски дорогой цѣнѣ“ [3]). П. Алеппскій обратилъ вниманіе, что водка въ Малороссіи „очень дешева, какъ вода,“ вслѣдствіе изобильнаго посѣва ржи, а въ Московіи „весьма дорога, ибо мадра (ведро?), т. е. 10 окъ, продается за одинъ золотой и дороже“ [4]). Котошихинъ пишетъ, что поставщики доставляли на Сытенный дворъ „вино простое и съ махомъ (то-есть вино съ махомъ,—двѣ доли простого, а третяя, двойного), и двойное, и тройное... А вино подряжаются поставить уговорщики на дворцѣ, торговые люди и кабатцкие откупщики, на годъ по 30.000 рублевъ и больши... А подряжаются всякое вѣдро поставить на царскомъ дворѣ на Москвѣ по 8 алтынъ, и противъ здѣшнего [5]) счотомъ канна будетъ въ два алтына; а когда бы-

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист., III. с. с. 117—118.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дѣла стар. лѣтъ, 7182—1674 г., августъ.

[3]) И. Г. Прыжовъ, „Ист. кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа“, П., 1868 г., с. 116; изд. II, Казань, 1914 г. М. И. Смирновъ, „Нижегородскіе казенные кабаки и кружечные дворы XVII ст.“, Н. Новгородъ, 1913 г. Два документа, сообщ. И. Суворовымъ: „Каковы были лавки винной монополіи въ XVII в. (1692 г.)“, Рус. Старина, 1913 г. III, с. с. 679—680. С. Б. Веселовскій, „Кабацкая реформа 1652 г.“, Ежемѣсячный журналъ литературы, науки и общественной жизни, П., 1914 г., № 4, с. с. 59—66.

[4]) П. Алеппскій, в. II, с. с. 124—125. 10 окъ = 31¼ фунта.

[5]) Т. е. шведскаго. Шведскія мѣры—Э. Берендтсъ, „Гос. хоз. Шв.“, I, с. с. 30, 290.

ваетъ хлѣбу недородъ и дороговь, и тогда ведро бываетъ въ 10 алтынъ“ [1]). Въ кабакахъ же оно продавалось еще дороже. Такъ въ 1676 г. было приказано въ сентябрѣ „на Самарскомъ кружечномъ дворѣ продавать вино въ ведра и полуведра и четь ведра, по два рубля, а въ кружки и чарки по три рубли ведро“, а въ декабрѣ—„въ ведра и полуведра и въ четь ведра по рублю ведро, а въ кружки и въ чарки по полтора рубли ведро“ [2]). Русскіе пили водку, примѣшивая еще перца. Она дѣлалась изъ хлѣба и ячменя, а приготовляемая изъ вина большею частью привозилась черезъ Архангельскъ [3]). Русскіе также приготовляли водку съ разными пряностями и травами, оправдывая ея употребленіе холодомъ своей страны [4]). Они пили водку однимъ залпомъ, а не глотками [5]), „считая ее нектаромъ, средствомъ для согрѣванія и лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней“ [6]).

Но водка не была тѣмъ напиткомъ, который для утоленія жажды больше всего пили русскіе. „Главный напитокъ ихъ—медъ, а люди побѣднѣе, сообщаетъ Флетчеръ, пьютъ воду и жидкій напитокъ, называемый квасомъ, который... не что иное, какъ вода, заквашенная съ небольшой примѣсью солода“ [7]). Участникъ посольства Карлейля считалъ квасъ за „родъ пива, вкуса весьма пріятнаго“ [8]). Таннеръ видалъ, какъ въ Бѣломъ-городѣ по улицамъ много продавали кваса разныхъ сортовъ; кромѣ кваса, пива и меда, у москвичей былъ любимый яблочный напитокъ, попробовавъ который, Таннеръ однако надолго заболѣлъ лихорадкой [9]). Но особенно славились русскіе меды, которые бывали бѣлаго и краснаго цвѣта и „такъ превосходны“, что могли поспорить съ мальвазіей [10]). „Великолѣпный и очень вкусный медъ они варятъ,

[1]) Котошихинъ, изд. IV, гл. VI, статья 2, с. с. 75—77.
[2]) Временникъ, XV, Смѣсь, с. 31.
[3]) „Описаніе Московіи...“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 20.
[4]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 155.
[5]) Мейербергъ, 1873 г., III, с. 79.
[6]) Рейтенфельсъ, Чтенія, 1906 г., III, с. 138.
[7]) Флетчеръ, с. 124.
[8]) „Описаніе Московіи...“, Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. 19. Изъ сока ствола березы русскіе лѣтомъ также приготовляли „довольно здоровый напитокъ“ (с. 11).
[9]) Tanner, cap. XIII, § 3.
[10]) Д. Принцъ, Чтенія, 1876 г., IV, с. 69.

говоритъ Олеарій, изъ малины, ежевики, вишенъ и др. Малиновый медъ казался намъ пріятнѣе всѣхъ другихъ по своему запаху и вкусу", и Олеарій даже сообщаетъ, какъ его нужно приготовлять [1]).

Пиво, которое русскіе пили на ряду съ другими напитками, Олеарій считалъ хорошимъ, а особенно его хорошо варили весною нѣмцы. Русскіе сохраняли его въ ледникахъ въ бочкахъ, переложенныхъ слоями снѣга и льда, сверху же прикрывали соломой и досками, такъ что крыши не было; для пользованія же открывали по мѣрѣ надобности одну бочку за другой [2]). Одинъ иностранецъ называлъ русское пиво „крѣпкимъ" [3]), однако еще въ 1618 г. оно не понравилось англичанину Традесканту, когда онъ былъ въ Архангельскѣ, и онъ о немъ отозвался, какъ о плохомъ, но все-таки уже и тогда тамъ же одинъ русскій умѣлъ варить очень хорошее, какъ англійское, пиво [4]). Также не особенно лестно отзывался о русскомъ пивѣ Рейтенфельсъ. Оно варилось изъ овса, ячменя и хмеля, но „было крайне мутно и слабо, такъ что необходимо было большое количество его, чтобы опьянѣть". Квасъ же, по словамъ того же путешественника, русскіе дѣлали безъ хмеля, а также пили лѣтомъ воду, настоенную на вкусныхъ фруктахъ и подслащенную медомъ [5]). Но, очевидно, московскіе иноземцы варили пиво по-своему, и когда въ 1678 г. Таннеръ съ товарищами бывалъ въ Нѣмецкой слободѣ, имъ особенно полюбилось тамошнее пиво; они его пили большими стопами, и оно было „пречерное и препьяное", хотя голова отъ него не болѣла; при этомъ москвичи пили съ ними „до рвоты" [6]). Сами русскіе угощали своимъ пивомъ пословъ, и къ пріѣзду шведскаго посольства 1674 г. было поручено Большому приказу „купить къ пріѣзду свѣйскихъ великихъ пословъ на 10 варъ пива солоду ячного самого доброго по 7 чети в варю, да хмелю на всякую четверть по 5 гривенокъ..." В. Воронинъ уговорился на 5 лѣтъ варить

---

[1]) Олеарій, с. с. 204—205. Лизекъ тоже даетъ рецептъ приготовленія меда (Ж. М. Нар. Пр., ч. 16, с. 386).

[2]) Олеарій, с. 204.

[3]) „Опис. Московіи при рел. гр. Карлейля", с. 19.

[4]) І. Гамель, „Англ. въ Рос...", с. 141.

[5]) Чтенія, 1906 г., III, с. с. 155—156.

[6]) Чтенія, 1891 г., III, с. с. 85, 69—70.

пиво доброе и среднее въ приказъ Новые чети для отдаточнаго двора для пословъ и посланниковъ и др. „за доброе пиво въ посолское ведро по 2 алт. по 3 деньги съ полуденьгою, а середнему пиву по 10 денег без полуденги“ [1]). Въ началѣ XVIII в. при Бруинѣ воспрещалось безъ особаго разрѣшенія продавать или даже варить пиво. „Жители однакожъ могутъ варить пиво въ количествѣ потребномъ для ихъ только семьи, уплачивая по 50 штиверовъ за $1^3/_4$ мѣры (бочку) солода. Есть впрочемъ довольно такихъ, кто изъятъ отъ такой платы“. Бруинъ нашелъ, что пиво, которое варилось въ Архангельскѣ, очень хорошее, такъ что, можетъ быть, искусство того русскаго, о которомъ упоминалъ въ 1618 г. Традескантъ, было перенято другими [2]).

Къ главѣ XVI.

Каменныя постройки, по извѣстіямъ иностранцевъ, русскіе стали возводить съ цѣлью обезопасить себя отъ пожаровъ, и число каменныхъ домовъ въ Москвѣ неуклонно возрастало въ теченіе XVII в. [3]). П. Алеппскій сообщаетъ интересныя данныя о матеріалѣ для такихъ построекъ. По его мнѣнію, „кирпичи въ этой странѣ превосходны, похожи на кирпичи антіохійскіе по твердости, вѣскости и краснотѣ, ибо дѣлаются изъ песка. Московиты весьма искусны въ изготовленіи ихъ. Кирпичъ очень дешевъ, ибо тысяча его стоитъ одинъ піастръ [4]), и потому большая часть построекъ возводится изъ кирпича. Известь у нихъ хорошаго качества, прочная, держится крѣпко, лучше извести алеппской... Обыкновенно всѣ строенія въ этомъ городѣ скрѣплены огромными желѣзными связями внутри и снаружи; всѣ двери и окна сдѣланы также изъ чистаго желѣза—работа удивительная“ [5]). По разсказу Котошихина, „всего Московского государства каменное

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 92, л. л. 89, 633 об., 634, 660.

[2]) Чтенія, 1872 г., I, с. 29.

[3]) С. 489 и сл.

[4]) „Пятьдесятъ копеекъ составляютъ одинъ піастръ-реалъ“ (П. Алеппскій, в. II, с. 116).

[5]) П. Алеппскій, в. III, с. 33.

дѣло и мастеры“ вѣдались въ Каменномъ приказѣ. „Да на Москвѣ жъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, вѣдомы въ томъ приказѣ известные и кирпишные дворы и заводы; а гдѣ бѣлой камень родится и дѣлаютъ известь, и тѣ городы податми и доходы вѣдомы въ томъ приказѣ. А соберется тѣхъ доходовъ съ 5.000 рублевъ въ годъ; а камень бѣлой, тесаной и неочищеной, привозятъ къ Москвѣ исъ тѣхъ городовъ уѣздные крестьяне, на кого сколько въ году положено поставить вмѣсто иного оброку“ [1]). Кирпичъ возили (1668 г.) въ Москву изъ сараевъ Даниловскихъ и Хамовницкихъ. Между прочимъ его также дѣлали „в селѣ Измайлове в Строкинѣ“ [2]).

Къ главѣ XVII.

Врачеванiе въ Россiи долгое время покоилось на самобытныхъ народныхъ началахъ. Путешественники обращали вниманiе, что климатъ Россiи здоровый, и зима, съ ея морозами, хорошо предохраняетъ страну отъ заразы, отчего русскiе долго живутъ, сильные и закаленные [3]). Однако Герберштейнъ оговаривается, что и у русскихъ временами бываетъ заразная желудочная болѣзнь, въ защиту отъ которой они принимаютъ строгiя мѣры изолированiя себя отъ эпидемическихъ областей [4]). Другой же иностранецъ сообщаетъ, что въ Россiи много разныхъ злокачественныхъ болѣзней, и русскiе баню считаютъ лучшимъ лѣкарствомъ отъ нихъ [5]). Мейербергъ опровергаетъ мнѣнiе, что въ Россiи „никогда не свирѣпствовала никакая зараза“ [6]). Авторъ „Описанiя Московiи“ признаетъ климатъ Россiи „весьма здоровымъ“, безъ рѣзкихъ колебанiй температуры, и тоже указываетъ, что русскiе для излѣченiя болѣзней ходили въ баню [7]). Олеарiй свидѣтельствуетъ, что „въ Россiи вообще народъ здоровый и долговѣчный. Недомогаетъ онъ

---

[1]) Котошихинъ, изд. III, гл. VII, статья 27, с. с. 124—125.
[2]) Рус. Ист. Библ., XXIII, с. с. 915, 1167, 1154 и др.
[3]) Рейтенфельсъ, Чтенiя, 1906 г., III, с. 182.
[4]) Герберштейнъ, с. 101.
[5]) Чтенiя, 1884 г., IV, „Изв. англ. о Р.“, с. 29.
[6]) Чтенiя, 1873 г., III, с. 121.
[7]) Ист. Библ., 1879 г., № 5, с. с. 8, 25.

рѣдко, и если приходится кому слечь въ постель, то среди простого народа лучшими лѣкарствами, даже въ случаѣ лихорадки съ жаромъ, является водка и чеснокъ“ [1]). О лѣченіи водкой съ чеснокомъ, а также заговорами, говоритъ и Мейербергъ [2]). Маржеретъ еще раньше писалъ, что русскіе при лѣченіи выпиваютъ чарку вина, всыпавъ въ нее зарядъ пороха или же толченаго чеснока, и потомъ 2—3 часа потѣютъ въ банѣ [3]).

Распространеніе въ Россіи западно-европейской медицины началось съ царскаго дворца и постепенно проникало въ народныя массы, весьма медленно вытѣсняя туземные способы лѣченія. Врачебнымъ дѣломъ въ Россіи завѣдывалъ Аптекарскій приказъ. Во время, описываемое Кильбургеромъ, этимъ приказомъ управлялъ окольничій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и дьякъ Иванъ Патрикѣевъ съ 14 марта 1672 г. по 4 апрѣля 1676 г. [4]). Аптекарскіе медикаменты уже въ началѣ XVII в. находились въ спеціальныхъ аптекарскихъ складахъ въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Архангельскѣ, и Вологдѣ. Въ Москвѣ лѣкарства можно было купить въ москотильномъ, овощномъ и зеленномъ рядахъ, но, конечно, не всѣ, и поэтому нѣкоторые москвичи, особенно, военные, просили отпускать лѣкарства изъ царской аптеки, находящейся въ Кремлѣ и предназначенной къ обслуживанію нуждъ царскаго дворца. Въ виду этого, царь Алексѣй въ мартѣ 1672 г. приказалъ „на Новомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ приказъ Большого Приходу, очистить палаты, а въ тѣхъ палатахъ указалъ великій государь построить аптеку для продажи всякихъ чиновъ людемъ“. Она стала называться

[1]) Олеарій, с. 209.
[2]) Чтенія, 1873 г., III, с. 86.
[3]) „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с. 270.
[4]) „Аптекарскій приказъ“ въ XVII в. часто называли и „Аптекарской палатой“, что было синонимомъ. Этотъ приказъ, какъ считаетъ возможнымъ предположить Н. Я. Новомбергскій, вѣроятно, существовалъ при Грозномъ и въ 1594—1595 г.г. онъ уже, безъ сомнѣнія, былъ, такъ какъ упоминается въ документахъ того времени. Другіе же относили учрежденіе этого приказа къ 1620 г. (Н. Я. Новомбергскій, „Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси“, Томскъ, 1907 г., с. с. 78, 79, 82. Историческій Вѣстникъ, 1891 г., іюль, т. XLV, „Критика и библіографія“, с. с. 179—182, о книгахъ: „Врачебный бытъ до-Петровской Руси“, врача Ф. Германа, Харьковъ, 1891 г.; „Врачи и врачебн. дѣло въ старинной Россіи“, проф. Н. Загоскина, Казань, 1891 г; „О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи“, доктора М. Перфильева, П., 1891 г.).

Новой аптекой, а царская аптека—Старой аптекой. Новая аптека имѣла цѣлью монополизацію лѣкарствъ, и Гутбиру приказано было вести дѣло „прибыльнѣе". Еще болѣе ясно выступаетъ характеръ монополизаціи въ указѣ февраля 1673 г., чтобы въ Москвѣ „въ москотильномъ и овощномъ и въ зеленномъ тѣхъ рядовъ торговые люди аптекарскихъ лекарствъ, которые продаются изъ Старой и Новой аптеки, что на Новомъ гостиномъ дворѣ... въ лавкахъ не держали и не продавали..., чтобы отъ того людямъ никакого поврежденія и въ продажѣ въ Новой аптекѣ вел. государя казнѣ порухи не было" [1]). Въ это время Рейтенфельсъ былъ въ Москвѣ, и при немъ въ Кремлѣ было „большое медицинское заведеніе", а „на другомъ берегу Неглинной маленькая аптека (officina medica)"; кромѣ того, въ полумилѣ отъ села Измайлова была „весьма красивая аптека съ ботаническимъ садомъ" [2]). Въ концѣ XVII в. въ Москвѣ были тоже двѣ аптеки: „одна въ самомъ кремлевскомъ замкѣ, другая въ крѣпости". Когда ими завѣдывалъ Андр. Андр. Виніусъ, онѣ очень хорошо были устроены, но потомъ стали плохими, хотя при Корбѣ былъ посланъ въ Голландію за покупкой „недостающихъ лѣкарствъ нѣкій русскій, двухлѣтніе труды котораго, къ зависти многихъ, Италія увѣнчала докторскими лаврами. Кромѣ этого русскаго, почти всѣ—иностранцы и при этомъ нѣмцы..." [3]). Царская аптека была обильно снабжена иностранными и туземными медикаментами. Внѣшность ея была очень хороша, банки были хрустальныя и позолоченныя, и Шлейзингъ (1690 г.) писалъ, что онъ „никогда не видалъ такой превосходной аптеки". Но еще Олеарій сообщалъ о „царской аптекѣ", что она „содержится весьма великолѣпно" [4]).

Что касается дохода аптекъ, онъ былъ неустойчивъ. Такъ отъ Кильбургера узнаемъ, что, по словамъ Розенбурга, продажа водки при Новой аптекѣ давала вмѣстѣ съ аптекой дохода 27—28 тысячъ рублей. Извѣстенъ доходъ съ этой же статьи съ 1 апр. по 1 окт. 1673 г., когда онъ равнялся 5.194 р. 5 к. Годовой бюджетъ Аптекарскаго приказа въ 1681—1682 г.г. былъ: доходъ

---

[1]) Н. Я. Новомбергскій, „Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси", с. с. 119, 150, 154.

[2]) Ж. М. Нар. Пр., XIII, с. 23. Чтенія, 1905 г., III, с. с. 96, 93.

[3]) Корбъ, с. с. 215—216.

[4]) Олеарій, с. 260.

10.098 р. $27^{3}/_{4}$ к., расходъ 8.490 р. 99 к., т. е. чистая прибыль—болѣе 1.607 р.; въ 1693—1694 г.г. за 9 мѣсяцевъ доходъ достигъ 7.261 р. $19^{1}/_{2}$ к., расходъ—6.520 р., т. е. чистая прибыль—болѣе 740 р. [1]).

Врачи вызывались правительствомъ изъ-за границы, при чемъ Аптекарскій приказъ принималъ ихъ съ большимъ разборомъ, такъ что приглашенными оказывались такіе иностранцы, которые большею частью уже славились своимъ искусствомъ у себя на родинѣ. При Грозномъ придворнымъ врачомъ состоялъ голландецъ Іоганнъ Эйлофъ (о немъ говорятъ Поссевинъ, Масса, Горсей). У него былъ сынъ Даніилъ Эйлофъ, а у послѣдняго—сынъ Олферка [2]). При Маржеретѣ въ Россіи не было никакихъ аптекъ и лѣкарей, кромѣ царскихъ, лѣчившихъ только царя, а съ его позволенія и вельможъ; простой же народъ не употреблялъ докторскихъ лѣкарствъ, а только пользовался домашними средствами [3]). Олеарій подтверждаетъ, что русскій народъ пользовался домашнимъ лѣченіемъ, но оговаривается: „Впрочемъ знатные господа теперь иногда обращаются къ совѣту нѣмецкихъ докторовъ и къ настоящимъ лѣкарствамъ", и вообще русскіе „любятъ и цѣнятъ врачей и ихъ искусство" [4]). Въ декабрѣ 1651 г. былъ отпущенъ на родину докторъ Яганъ Белау, бывшій въ Россіи 8 лѣтъ [5]). По разсказу Альберто Вимена, врачебной науки въ Московіи никто не зналъ, кромѣ иностранцевъ; тогда во всей арміи было не болѣе 5 врачей [6]). Но зато нельзя вполнѣ довѣрять словамъ Мейерберга, что въ Россіи не было ни одного врача ни аптекаря, и хотя царь держалъ за щедрое жалованіе при себѣ трехъ врачей, но только ради подражанія иностраннымъ дворамъ, потому что ни онъ ни никто изъ русскихъ не лѣчились у нихъ [7]). Въ это время въ Москвѣ былъ среди другихъ докторъ Коллинсъ (1659—1667 г. г.).

---

1) „Врачебное строеніе...", с. с. 138, 89, 155.

2) В. А. Кордтъ, Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. 116, с. CCLXXXVIII. Горсей передаетъ, что въ день смерти I. Грознаго при немъ былъ докторъ Іоганнъ Лоффъ (пер. Бѣлозерской, с. 56).

3) „Сказ. совр. о Д. Сам.", I, с. с. 292, 280.

4) Олеарій, с. 209, 179.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла о выѣздахъ въ Россію иностранцевъ, 1651 г., № 15.

6) Отеч. Зап., 1829 г., ч. 37, с. 228.

7) Чтенія, 1873 г., III, с. 86.

Отъ 1662 г. и 1666 г. у насъ сохранились двѣ копіи купчихъ доктора Андрея Энгельгардта о покупкѣ дома въ Москвѣ. Этотъ докторъ былъ вызванъ въ Москву въ 1656 г., а умеръ въ 1682 г.[1]). По подсчету Котошихина, въ Аптекарскомъ приказѣ было „докторовъ и лекарей съ 30 человѣкъ... да для ученія русскихъ людей съ 20 человѣкъ“ [2]). При Рейтенфельсѣ „врачи всѣ были иностранцы, приглашенные царемъ на превосходныхъ условіяхъ“, а также всѣ аптекари „до двадцати“ были изъ иностранцевъ. „Они получали хорошее жалованіе, но зато занимались цѣлый день составленіемъ лѣкарствъ во врачебныхъ заведеніяхъ, куда врачи приходили только поутру для совѣщаній, а въ остальное время дня были свободны“ [3]). Только къ концу XVII в., какъ выше уже указано, былъ одинъ докторъ изъ русскихъ. Въ то время лицъ, посвятившихъ себя медицинѣ, учили „на три статьи: дохтуромъ и обтекаремъ и лекаремъ, потому что дохтуръ свой совѣтъ дастъ и приказываетъ, а самъ тому не искусенъ; а лекарь прикладываетъ и лекарствомъ лечитъ и самъ ненаученъ, а обтекарь у нихъ у обѣихъ поваръ“. Докторами тогда называли врачей, получившихъ высшее медицинское образованіе въ заграничныхъ университетахъ и лѣчившихъ всякія внутреннія болѣзни; лѣкарями же назывались занимающіеся только хирургіей и лѣченіемъ наружныхъ покрововъ. Но такое дѣленіе въ самомъ дѣлѣ не всегда строго проводилось на практикѣ. Кильбургеръ перечисляетъ по именамъ тѣхъ докторовъ и хирурговъ, которые при немъ въ 1674 г. служили въ Москвѣ.

Докторъ Розенбургъ Яганъ (или Іоганнъ Кустеръ) 54-хъ лѣтъ пріѣхалъ въ Россію въ августѣ 1667 г. „съ женою и съ дѣтьми и съ людьми“. „Дѣтей его 5 сыновъ: Бернаръ, да Юстусъ, да Христіанъ, да Яганъ, да Самуилъ“. Въ своемъ латинскомъ письмѣ, въ переводѣ на русскій языкъ, Розенбургъ писалъ: „Я, Яганъ Кустеріусъ, изъ Розенбурга, лѣта 1614 въ городѣ Любекѣ честныхъ родителей рожденъ“ и дальше излагаетъ свою біографію: „въ Реймонтонскомъ городѣ 2 годы дохтурскимъ званіемъ учился...“ [4]).

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1841 г., № 7, Смѣсь.
[2]) Котошихинъ, изд. III, гл. VII, статья 23, с. 123.
[3]) Чтенія, 1905 г., III, с. 98. Ж. М. Нар. Пр., XXIII, с. 25.
[4]) Н. Я. Новомбергскій, „Матеріалы по ист. медицины въ Россіи“, П., 1905 г., I. № 172.

Онъ былъ „нѣкогда знаменитымъ придворнымъ врачомъ шведскаго короля Карла Густава“ и при Рейтенфельсѣ считался въ Москвѣ главнымъ врачомъ [1]). Въ 1674 г. Бернардъ Розенбургъ былъ принятъ въ Аптекарскій приказъ [2]). Въ томъ же 1674 г. докторъ Яганъ Розенбургъ заявлялъ, что онъ безъ толмача не можетъ лѣчить русскихъ [3]).

Пасторъ Іоганнъ Готфридъ ѣздилъ съ грамотою къ саксонскому курфирсту объ отпускѣ въ Россію доктора Лаврентіуса Блументроса, и въ маѣ 1668 г. они пріѣхали въ Москву. Блументрос(т)ъ прибылъ съ сыномъ, 2 дочерьми и 11 слугами [4]). Послѣ Розенбурга славились въ Москвѣ во время Рейтенфельса Блументростъ и Граммондъ, „а также еще нѣкто арабъ, и еще другой, по происхожденію еврей...“ [5]).

Въ голштинскомъ посольствѣ въ Персію принималъ участіе „Гартманъ Граманъ изъ города Ильмена въ Тюрингіи, лейбъ-медикъ г. г. пословъ“. Впослѣдствіи онъ поступилъ на русскую службу. Олеарій о немъ писалъ, что у царя есть „лишь одинъ лейбъ-медикъ“, именно этотъ Граманъ, счастливый въ лѣченіи, знатокъ своего дѣла и бывшій въ большомъ почетѣ у царя и вельможъ; онъ ежегодно получалъ 2.088 талеровъ и провизію; кромѣ того, за свое лѣченіе онъ получалъ еще вознагражденіе деньгами и вещами. Впрочемъ вельможи врачамъ вообще рѣдко платили за лѣченіе деньгами, а соболями, копченымъ саломъ, водкой и другой провизіей [6]). Въ 1677 г. былъ „отпущенъ съ Москвы дохтуръ Михайло Грамонъ“ [7]).

Докторъ Даніилъ Іевлевичъ Фунгадановъ фонъ Гаденъ, крестившись по греческому обряду, получилъ имя Степана (Стефана). Онъ, какъ видно изъ его докторскаго диплома, выданнаго ему русскимъ правительствомъ, выѣхалъ въ 1656 г. изъ Польши къ царю послужить лѣкаремъ. „И со 164 г. по 175 г. намъ... слу-

---

1) Чтенія, 1905 г., III, с. 98.

2) W. Richter, „Geschichte der Medicin in Russland“ Moskwa, 1813—1819 II; S. 126 (рус. пер. 1814—1820 г. г.).

3) Н. Я. Новомбергскій, „Врачебное строеніе..“, с. 209.

4) W. Richter, „Geschichte der Medicin in Russland“, II, S. 126, 133.

5) Чтенія, 1905 г., III, с, 98.

6) Олеарій, с. с. 64, 260.

7) „Матеріалы по ист. медицины въ Рос.“, 1907 г., IV, с. 453.

жилъ тѣмъ чиномъ въ Аптекарскихъ палатахъ вѣрно". Въ 1667 году онъ крестился съ женой, еще будучи лѣкаремъ; въ этомъ же году (175 г.) за свою вѣрную лѣкарскую службу онъ былъ пожалованъ въ „поддокторы... и служилъ наипаче прежняго", за что въ августѣ 1672 г. получилъ дипломъ на чинъ доктора, въ которомъ „жалованной грамотой объ немъ Стефана Іевлевича свидѣтельствуемъ, что онъ въ дохтурскомъ и во всякомъ лекарственномъ ученіи достаточно навыченъ и дохтурской чести достоинъ". Этотъ докторъ пользовался громаднымъ вліяніемъ при дворѣ. Его сынъ Гавріилъ учился у Симеона Полоцкаго, а потомъ отецъ отдалъ его въ 1678 г. для ученія въ Аптекарскій приказъ [1]). Даніилъ фонъ Гаденъ кончилъ свою жизнь очень печально: обвиненный стрѣльцами въ колдовствѣ и въ смерти царя Θеодора Алексѣевича, несмотря на увѣренія царскаго семейства, объ его невиновности въ смерти царя, онъ былъ жестоко умерщвленъ въ маѣ 1682 г. [2]).

Сигизмундъ Зоммеръ при крещеніи получилъ имя Симона. Въ іюлѣ 1653 г. „велѣно быть въ Аптекарскомъ приказѣ нововыѣзжему иноземцу Симону Захарьеву сыну Зомеру въ лекаряхъ". О немъ докторъ Коллинсъ такъ писалъ: „Большое количество евреевъ только недавно проникло къ русскому двору, черезъ посредство одного еврея-хирурга, котораго принимали за лютеранина, но онъ родился въ Польшѣ и доставлялъ польскихъ дѣвушекъ Богдану Матвѣеву, который ихъ до страсти любилъ" [3]). Зоммеръ, „по происхожденію еврей, а по вѣрѣ московитъ", согласно отзыву Рейтенфельса, „пользовался необыкновеннымъ расположеніемъ царя и одинъ свободно посѣщалъ внутренніе покои дворца, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и старшимъ спальникомъ" [4]). Въ іюлѣ 1673 г.", велѣно лекарю Симону Зомеру быть въ медицинахъ", т. е. хирургомъ, а въ іюлѣ 1676 г. указано

---

[1]) Жалованная грамота въ „Матеріалахъ по ист. медиц. въ Р." Н. Я. Новомбергскаго, II, с. с. 74—75, и въ извлеченіяхъ у W. Richter, II, S. 142. Н. Я. Новомбергскій, „Врачебное строеніе...", с. с. 202, 192, 229.

[2]) Соловьевъ, „Ист. Рос.", изд. III, 1879 г., XIII, с. 327. Объ убійствѣ „жидовской породы" доктора Даніила фонъ Гадена и доктора Ивана Гутменша разсказываетъ Матвѣевъ—„Записки русскихъ людей", изд. И. Сахарова, П., 1841 г., с. 31.

[3]) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. 173. Русскій Вѣстникъ, 1841 г., № 9, с. с. 588—589.

[4]) Чтенія, 1905 г., III, с. 98.

состоять „медицинѣ Симону Зомеру въ дохтурахъ“. Въ февралѣ 1682 г. онъ былъ возведенъ въ лейбъ-медики. Потомъ онъ просилъ о временномъ отпускѣ на родину.

Аптекарь Яганъ (Иванъ) Гутменшъ за свое „прилежное радѣніе въ лечeніи всякихъ чиновъ людей“ былъ пожалованъ ц. Θеодоромъ „быть въ Новой аптекѣ въ чину въ инспекторахъ“, а въ 1682 г. онъ же вносится въ списки докторовъ. Послѣ кончины ц. Θеодора онъ съ фонъ Гаденомъ былъ убитъ взбунтовавшимися стрѣльцами[1]).

Романъ Беніанъ былъ присланъ изъ Англіи въ 1656 г. Въ 1662 г. Гордонъ упоминаетъ въ Москвѣ аптекаря англичанина Роберта Беніона, доктора Коллинса и хирурга Ивана Аннанда (шотландца)[2]). Беніанъ (по Кильбургеру — Робертъ Беншомъ) былъ аптекаремъ въ Старой аптекѣ, но потомъ былъ назначенъ въ Новую.

Въ бытность Кильбургера въ Москвѣ, тамъ было много докторовъ. Когда въ февралѣ 1676 в. царь Θеодоръ былъ боленъ его осматривали: докторъ Яганъ Костеріусъ (или Розенбургъ), Лаврентій Блументростъ, Степанъ фонъ Гаденъ (или Даніилъ Іевлевичъ Фунгандановъ), Михаилъ Граманъ; медицина (или хирургъ) Симонъ Зоммеръ; аптекари: Яганъ Гутменшъ (или Гуттеръ Менсхъ) и Христіанъ (или Крестьянъ) Еглеръ[3]). Въ январѣ 1677 г. въ Новой аптекѣ состояли доктора: Михайло Грамонъ, Лаврентій Ренгуберъ, Петръ Пантанусъ; аптекари: Романъ Беніанъ, Яганъ Гутпиръ; 1 алхимистъ, 4 лекаря, 1 толмачъ, 4 аптекарскихъ ученика, 2 подьячихъ, 2 цѣловальника, 4 сторожа и среди нихъ Юшка (или Юрій) Іевлевъ. Въ 1681 г. въ спискѣ состава Аптекарскаго приказа упоминаются: докторъ Степанъ Фунгандановъ и др., а также докторъ Андрей Келлерманъ, аптекари: Яганъ Гутбиръ и Крестьянъ Эйглеръ. Особенно много было принято врачей при царѣ Алексѣѣ. Проф. Загоскинъ считалъ, что тогда было принято 11 докторовъ, 3 лѣкаря, 6 аптекарей, 1 окулистъ, а Н. Я. Новомбергскій перечисляетъ (по фамиліямъ по неполнымъ свѣдѣніямъ) 13 докторовъ, 27 лѣкарей, 5 аптекарей, 1 окулиста

---

[1]) „Матеріалы по ист. медиц. въ Р.“ Н. Я. Новомбергскаго, IV, с. 455, „Врачебное строеніе...“, с. с. 192, 203, 152—153, 101.

[2]) Чтенія, 1892 г., III, с. с. 30, 26, 21, 19.

[3]) Сказки докторовъ о болѣзни Θеодора Алексѣевича изданы у Е. Замысловскаго: „Царствованіе Θеодора Алексѣевича“, ч. I, приложенія.

и 4 алхимистовъ. Но въ 1682 г. пришлось сильно сократить этотъ составъ, и „за многолюдствомъ изъ Оптекарскіе палаты многіе лекари и ученики отставлены, и нѣкоторые нѣмцы отставлены“ [1]).

Въ аптекахъ лѣкарства выдавались за печатью, и этого правила строго придерживались, во избѣжаніе отравы [2]). Вещества для составленія государю лѣкарствъ находились „особо въ казенкѣ за дьячею печатью... лекарство де въ той казенкѣ... стоитъ въ скляницахъ и въ ящикахъ за печатями жъ“. Въ описаніи посольства Кленка приведенъ разсказъ доктора Розенберга, что прежде, чѣмъ царь выпьетъ лѣкарство, его должны пробоватъ „30 или 40 и то болѣе господъ“, но разъ случилось, что аптекарь по ошибкѣ взялъ другой корень для составленія лѣкарства царицѣ, и боярыня, попробовавшая его, заболѣла. Розенбергъ только съ большимъ трудомъ выпутался изъ этого дѣла [3]). Стоимость лѣкарствъ, судя по рецептамъ, была высока [4]). Но въ аптекѣ тогда можно было получить не только лѣкарства, и когда шведскіе послы уѣзжали изъ Москвы, имъ было позволено (21 іюня 1674 г.) купить на дорогу изъ приказа Новой аптеки разную провизію [5]).

Къ главѣ XVIII.

Инославныя церкви въ Московскомъ государствѣ, вслѣдствіе измѣняющихся отношеній русскихъ къ иностранцамъ, не всегда пользовались одинаковой свободой богослуженія. Олеарій посвя-

---

[1]) „Врачебное строеніе“, с. с. 168, 150—151, 100—101, 92, 276.

[2]) Напримѣръ, въ переписной книгѣ домовой казны патр. Никона упоминаются „ящикъ съ лекарствомъ за печатью окольничего Радіона Матвѣева Стрѣшнева“ (Временникъ, XV, с. 111).

[3]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 499.

[4]) Много рецептовъ за 1667—1674 г. г. приведено въ упом. „Матеріалахъ по исторіи медицины въ Россіи“, I, с. с. 1—8 и у W. Richter, „Geschichte der medicin in Russland“, II, S. 80—95. Объясненіе аптекарскихъ знаковъ—Д. Прозоровскій, „Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII ст.,“ П., 1865, с. 466.

[5]) Именно 1/2 пуда инбиря въ патокѣ, бочку икры зернистой въ 10 п., 6 голландскихъ сыровъ въ 2 п., 2 1/2 п. соленаго голландскаго масла, сахара головного добраго кардамону 2 ф., 12 копченыхъ окороковъ, 50 копченыхъ языковъ, 1/2 п. горчицы (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 92, л. 567 об.).

тилъ много вниманія характеристикѣ положенія иноземцевъ въ Россіи. „Лютеране и кальвинисты, пишетъ онъ, до сихъ поръ встрѣчали хорошій пріемъ не только въ разныхъ мѣстахъ въ странѣ, но и въ самой Москвѣ при дворѣ, ради торговли и сношеній, которыя съ ними усердно ведутся, а также и ради всѣхъ тѣхъ должностей, на которыхъ они служатъ его ц. величеству и въ полѣ. Тѣхъ изъ нихъ, что живутъ въ Москвѣ, имѣется до 1.000. Каждому разрѣшается по-своему совершать богослуженіе въ публичныхъ мѣстахъ“. Раньше нѣмцы жили по всему городу, но при царѣ Алексѣѣ былъ изданъ приказъ, чтобы всѣ иностранцы, желающіе жить въ самой Москвѣ, крестились, а кто не хочетъ, долженъ выбраться „изъ города за Покровскія ворота, въ Кокуй, мѣсто, гдѣ 40 и болѣе лѣтъ тому назадъ нѣмцы исключительно жили...“ Такъ какъ нѣмки, видя что-нибудь интересное на проходящихъ русскихъ, говорили другъ другу: „Kuck! Kucke hie!“ т. е. „Смотри! Смотри здѣсь!“, то русскіе передѣлали это слово на свой ладъ и тѣмъ дразнили иностранцевъ, откуда и произошло названіе слободки „Кокуй“. Однако нѣмцы пожаловались царю на это дразненіе, оно было запрещено, и даже нѣсколько русскихъ были за это высѣчены. „Теперь нѣмцы, продолжаетъ Олеарій, освободились отъ этихъ позорныхъ криковъ вслѣдъ. Его царское величество теперь далъ этому мѣсту другое наименованіе, назвавъ его «Новой иноземской слободой»“ [1]).

Однако объясненіе Олеарія возникновенія названія „Кокуй“ ошибочное. Вполнѣ вѣроятно, что русскіе бранили иноземцевъ словомъ „кукишъ“ или же скорѣе—„шишъ на Кукуѣ“, что совершенно соотвѣтствуетъ выраженію: „Tschis na Kukui“ [2]). Что это было такъ, находимъ подтвержденіе въ сочиненіи Рейтенфельса, который разсказываетъ, что русскіе при случайной встрѣчѣ съ иностранцами „громко обзываютъ ихъ глупѣйшей бранью «шишъ» (schisch): вѣдь, право, этимъ шипѣніемъ обыкновенно пугаютъ птичекъ. И хотя эта легкомысленная дерзость языка нерѣдко наказывается тяжкимъ бичеваніемъ, все-таки русскіе отъ нея нисколько не исправляются“ [3]). Это бранное слово для иностранцевъ

[1]) Олеарій, с. с. 344—346.
[2]) „Изслѣдованіе о Кильбургерѣ“, с. 23, прим.
[3]) Чтенія, 1906 г., III, с. 144.

зналъ также Крижаничъ и такъ писалъ о Самозванцѣ: „Сей разстрига з малою громадкою людей, зъ шестою тысучь шишевъ есть царя Бориса (не своею силою, но Божьимъ поводомъ) царства избавилъ...“ [1]). Сосланный сынъ Артамона Сергѣевича Матвѣева, оправдываясь противъ клеветъ лѣкаря Давида Барлова о награбленныхъ якобы богатствахъ, остроумно и зло писалъ изъ Пустоозерска: „Пьяный воръ, датскій нѣмчинъ, будучи на Москвѣ, только славы учинилъ, что его возили пьянаго черезъ лошадь и черезъ сѣдло перекиня или въ каретѣ, положа вверхъ ногами, и ребята вопили вслѣдъ: «Пьяница, пьяница, шишъ на Кокуй»“ [2]).

Относительно возникновенія самого названія „Кокуй“ С. Максимовъ указывалъ, что мѣста игрищъ въ честь Купалы издревле назывались Кокуемъ, и, по его словамъ, въ 9 верстахъ отъ Петрограда мѣстное населеніе устраиваетъ подъ одной липой игрища въ Иванову ночь и называетъ это игрище „Кокуемъ“. Гр. Спасскій еще раньше обратилъ вниманіе на присутствіе этихъ названій на далекихъ окраинахъ Россіи (напримѣръ, Кукуевъ или Кокуевъ монастырь на Бѣломъ морѣ, Кукуй-городокъ, устроенный Ермакомъ на р. Серебряной) и высказывалъ предположеніе, что подобныя названія въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ произошли отъ кукушки, „служившей искони символомъ сиротства и родственной печали, которыя могли возбудить въ душѣ мирныхъ пустыножителей и храбрыхъ казаковъ отдаленность мѣста и разлука съ отчизной“ [3]). Замѣтимъ, что народное выраженіе „кокушка кокуетъ“ — то же, что и „кукушка кукуетъ“ [4]).

Что же касается историческаго урочища въ Москвѣ Кукуя, бывшаго между р. Яузой и ручьемъ Кукуемъ, то это названіе теперь исчезло и извѣстно лишь изъ преданія, письменныхъ па-

---

[1]) „Рус. госуд.“, № 3, с. 36 (раздѣлъ 28, 8).

[2]) С. Максимовъ, „Крылатыя слова“, изд. II, 1899 г., П., „Шишъ на Кокуй“, с. с. 148—158. Русскіе также дразнили иностранцевъ прозвищемъ „фрыга“, „фря“ („Иноземныя слободы въ М. въ XVI и XVII в. в.“ В. В. Нечаева въ изд. „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“, в. IV, с. 41).

[3]) „Книга, глаголемая Большой чертежъ“, М., 1846 г., с. 275 и др.

[4]) „Словарь церк.-слав. и рус. яз., сост. Ак. Наукъ“, II, 1847 г., с. 187. Въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ въ настоящее время еще существуетъ обычай величать и хоронить кукушку, сохранившійся, какъ остатокъ старинныхъ весеннихъ народныхъ праздниковъ.

мятниковъ и названія ручья Кукуя[1]). Въ началѣ XVIII в. К. де Бруинъ упоминалъ Кокуевскія ворота повыше рѣчки Неглинной[2]). При Рейтенфельсѣ „Кокуй", или Иноземная слободка, отдѣлялся лишь небольшимъ полемъ; онъ имѣлъ деревянныя зданія, но построенныя по нѣмецкому образцу[3]). Эта Нѣмецкая слобода находилась „за городомъ, если перейти рѣчку Кокуй (riviertje de Koekkooy)", и одной своей стороной подходила къ р. Яузѣ[4]). Въ настоящее время еще существуетъ ручей Кокуй, и въ 1898 г. жители говорили, что онъ содержится грязно, отчего мѣстность заражается и затопляется. Согласно докладу Московской городской управы 1911 г., естественный протокъ ручья Кукуя составляетъ притокъ рѣчки Чечеры и, начиная съ Дѣвкина переулка, проходитъ черезъ рядъ частныхъ владѣній то открытой канавой, то деревянной трубой, пересѣкаетъ Елоховскую улицу, вступаетъ снова въ частныя владѣнія (Бирлюковой пустыни и др.), проходитъ по Лефортову переулку, затѣмъ снова частными владѣніями до Аптекарскаго переулка, гдѣ впадаетъ въ рѣчку Чечеру[5]).

Причинъ удаленія иноземцевъ изъ Москвы въ ихъ слободку было нѣсколько. Еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ русскіе причты жаловались (1643 г.), что нѣмцы „на своихъ дворахъ вблизи церквей поставили ропаты", т. е. инославныя церкви, нанимаютъ русскихъ, покупаютъ русскіе дворы, вдовыя нѣмки держатъ корчмы, что оскверняетъ и разоряетъ русскихъ. Царь

[1]) Названіе также сохранилось въ наименованіи лежащаго въ этой мѣстности „Кукуйскаго переулка" (отъ Вознесенской ул. до Спиридоновскаго пер., Басм. ч. 2 уч.), но этотъ же переулокъ на нѣкоторыхъ планахъ г. Москвы называется также Вознесенскимъ.

[2]) Чтенія, 1872 г., II, с. 78.

[3]) Чтенія, 1905 г., III, с. 93.

[4]) „Посольство К. ф.-Кленка", с. 521.

[5]) 21 апрѣля 1911 г. Московская Городская Дума постановила: „Разрѣшить Городской Управѣ проложить кирпичную трубу для отвода изъ частныхъ владѣній рѣчки Кокуй отъ угла Нѣмецкой и Ладожской улицъ по Нѣмецкой улицѣ, Лефортовскому и Плетешковскому переулкамъ до присоединенія къ существующей городской трубѣ въ Аптекарскомъ переулкѣ, по внесеніи домовладѣльцами, по владѣніямъ которыхъ пролегаетъ этотъ естественный протокъ, причитающейся съ нихъ суммы въ размѣрѣ 5.908 р." (Моск. Гор. Дума, подлинный докладъ 95, 7 марта 1911 г.).

все это запретилъ, и это вошло закономъ въ Уложеніе [1]). Никонъ же разъ во время крестнаго хода, увидя, что нѣкоторые жители не обнажаютъ головъ и не крестятся, и узнавъ, что это иноземцы въ русскомъ платьѣ, „заставилъ царя выселить ихъ не только изъ этого города, но даже изъ всѣхъ другихъ и изъ крѣпостей и укрѣпленій, поселивъ ихъ внѣ города“ [2]). При Рейтенфельсѣ иностранцы продолжали жить въ слободѣ. „Впрочемъ немало иноземцевъ жило и въ самомъ городѣ, особенно на Поганомъ пруду“ [3]); именно, согласно Кильбургеру, въ стѣнахъ самой Москвы жило не болѣе 9—10 иностранныхъ семействъ. Составъ же иностранцевъ, жившихъ въ слободѣ, не былъ однороденъ. Таннеръ описываетъ ее въ слѣдующихъ чертахъ: „Весь тотъ новый поселокъ иноземцевъ назывался прежде «Нѣмецкая слобода» (какъ-бы сказать—нѣмецкая свобода), теперь же носитъ названіе «Кукуй», и откуда оно происходитъ, я не знаю. Среди этихъ жителей большое различіе вѣры и много національностей. Во-первыхъ, германцы; изъ нихъ больше всего лютеранъ, у которыхъ есть два храма и два пастора; менѣе—кальвинистовъ, которые при одномъ своемъ храмѣ имѣютъ одного наставника вѣры (fidei magistrum); меньше всего—католиковъ, которые до сихъ поръ признаютъ римскаго первосвященника за видимую главу истинной церкви, лишены храма и священника; кромѣ того,—итальянцы и даже французы“ [4]).

Храмовъ инославныхъ исповѣданій нельзя было строить безъ разрѣшенія; иногда они подвергались разрушенію русскими, но потомъ снова возстановлялись или переносились на другое мѣсто [5]). Борисъ Годуновъ позволилъ (1600 г.) лютеранамъ построить въ Нѣмецкой слободѣ, на р. Яузѣ, лютеранскую церковь; въ 1602 г. она тамъ и существовала [6]). По словамъ Олеарія (1654 г.), тутъ

[1]) Д. В. Цвѣтаевъ, „Обрусѣніе западно-европейцевъ въ Моск. госуд.“, 1903 г., с. 11. Объ экономическихъ причинахъ выселенія иностранцевъ—предыдущія с.с. 417—418. П. П. Смирновъ, „Новое челобитье моск. торг. людей о высылкѣ иноземцевъ“, К., 1912 г.

[2]) П. Алеппскій, в. III, с. 78.

[3]) Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...“, прилож., с. 166. „Поганый прудъ, что нынѣ называется Чистой“, писалъ Андр. Арт. Матвѣевъ („Зап. рус. людей“, 1841 г, с. 31).

[4]) Tanner (1678), „Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam... Norimbergae, Anno 1689“, cap. XIV, p. 70. Чтенія, 1891 г., III, с. с. 68—69.

[5]) Олеарій, с. с. 314—345. Родесъ, с. 205.

[6]) Берова лѣтопись, „Сказ. совр. о Д. Сам.“, I, с. 20. „Сказ. Массы и Геркмана“, с. 92.

было у лютеранъ уже 2 нѣмецкихъ церкви и у кальвинистовъ 2: голландская и англійская (а прежде кальвинисты и лютеране имѣли церкви въ Царь-городѣ и въ Большомъ-городѣ, т. е. Земляномъ). Въ 1661 г. евангелики, по извѣстіямъ Мейерберга, имѣли двѣ кирки, а кальвинисты только одну; богослуженіе шло публично и безпрепятственно [1]). Протестантовъ русскіе вообще хорошо принимали и давали имъ свободу въ богослуженіи, но католикамъ нѣтъ, и ихъ очень не любили, какъ и іудеевъ [2]). Когда въ Россіи жилъ Рейтенфельсъ, „лютеране и кальвинисты не только въ Москвѣ и въ Архангельскѣ, но и въ другихъ городахъ открыто отправляли богослуженіе, но не употребляли колоколовъ“, и только католикамъ не было позволено имѣть въ Москвѣ своего священника, несмотря на многія усилія католическихъ государствъ. Тогда нѣмцы имѣли въ слободѣ 3 лютеранскихъ и 2 кальвиническихъ церкви: 1 голландскую и 1 англійскую, но всѣ безъ колоколовъ [3]); тѣ же извѣстія находимъ и у Цани [4]). Въ 1676 г. въ слободѣ было 3 лютеранскихъ и 1 реформаторская церковь [5]), т. е. столько же, сколько и при Кильбургерѣ въ 1674 г. Въ 1678 г. при Таннерѣ было уже только 2 лютеранскихъ церкви и 1 кальвиническая. Адамъ Брандтъ (1692—1694 г. г.) писалъ о лютеранахъ и кальвинистахъ, что „первые въ Нѣмецкой слободѣ имѣли двѣ прекрасныхъ каменныхъ кирки, вторые одну, тоже прекрасную. Католики же, подобно жидамъ, могутъ совершать службу лишь въ купленномъ ими домѣ“. Петръ I даже подарилъ лютеранамъ камень на новую церковь и позволилъ соорудить и колокольню [6]). Во время же Кильбургера всѣ кирки были деревянныя и безъ колоколовъ.

Кильбургеръ упоминаетъ 4 лютеранскихъ пасторовъ: Балтазаръ Фадемрехтъ—магистръ гданскій, Готфридъ Грегоріусъ—эйслебенскій, Іоганнъ Дитрихъ Фокеродтъ—тюрингскій, Александръ Юнге—регіомонтанскій.

О Фадемрехтѣ Олеарій далъ лестный отзывъ: „Нынѣшній лютеранскій проповѣдникъ—г. Балтазаръ Фаденрехтъ, человѣкъ

---

[1]) Альбомъ Мейерберга, рис. 75.

[2]) Олеарій, с. 343. Карлейль (1663—1664 г. г.), Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...“, прил., с. 161.

[3]) Чтенія, 1906 г., III, с. 175, 1905 г., III, с. 93.

[4]) Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...“, прил., с. 171, Zani (1672 г.).

[5]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 524.

[6]) Чтенія, 1891 г., III, „Опис. путеш...“, с. 69, прим. 2.

очень ловкій и даровитый; предыдущій проповѣдникъ (въ наше время) былъ г. Мартинъ Мунстербергъ изъ Данцига, даровитый и прилежный человѣкъ“ [1]).

Раньше полагали, какъ указываетъ проф. Д. В. Цвѣтаевъ, что Иванъ Готфридъ Грегори родился въ Ейслебейнѣ, Магдебургѣ или Мюльгаузенѣ, пока не стало извѣстнымъ письмо къ герцогу саксенъ-готскому Эрнсту самого Грегори, гдѣ онъ своей родиной называетъ Мерзебургъ. Въ Іенѣ онъ получилъ ученую степень магистра, а въ Дрезденѣ рукоположенъ въ пасторы для служенія въ Москвѣ. Въ 1668 г. по одному судебному религіозному дѣлу въ Москвѣ Грегори подписывался: Magister Johan Gottfried Gregorij. Саксонскіе князья сильно помогали лютеранскимъ церквамъ въ Москвѣ, и Грегори ѣздилъ къ нимъ въ 1667—1678 г. г. за денежной помощью, при чемъ побывалъ въ Дрезденѣ, Готѣ, Аугсбургѣ и др. городахъ. Особенно горячее участіе принялъ готскій герцогъ Эрнстъ, который потомъ все время заботился и хлопоталъ о лютеранскихъ храмахъ въ Москвѣ. Поэтому Кильбургеръ и называетъ патрономъ ихъ готскаго герцога.

Иванъ Дитрихъ Фокеродтъ былъ родомъ изъ Мюльгаузена въ Тюрингіи, былъ „высокоученъ“, въ 1657 г. въ Копенгагенѣ получилъ посвященіе въ проповѣдники и прибылъ въ Москву въ 1658 г. [2]).

Реформаторскимъ проповѣдникомъ, по словамъ Кильбургера, былъ Граунвинкель. Онъ состоялъ въ 1649 г. пасторомъ въ Архангельскѣ, съ 1650 г. въ Москвѣ, а умеръ въ 1677 г. Въ 1676 г. онъ отпѣвалъ Тильмана Акему и произнесъ надъ нимъ надгробную рѣчь [3]).

---

[1]) Олеарій, с. 346. Реформаторы тоже имѣли ученаго проповѣдника магистра Гейнриха Инхенгёфферъ изъ Герцберга, но, когда Олеарій писалъ сочиненіе, онъ уже умеръ, и тогда у реформаторовъ былъ „ученый мужъ—магистръ Андрей Гардинусъ, родомъ изъ Шотландіи“ (с. 347).

[2]) Д. В. Цвѣтаевъ, „Протестанство и протестанты въ Россіи...“, М., 1890 г., с. 95, прим. 2, с. с. 96, 91—92, „Памятники по исторіи протестанства“, ч. I, № I.

[3]) „Посольство К. ф.-Кленка“, с. 435.

КЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Къ главѣ I—IV

Пути сообщенія описываются многими иностранцами, напримѣръ, Герберштейномъ, Олеаріемъ, П. Алеппскимъ, Мейербергомъ, Таннеромъ и др., причемъ нѣкоторые путешественники даютъ цѣнныя описанія городовъ и селеній, черезъ которые они проѣзжали, и даже ихъ рисунки, которые критически еще не изучены. Для опредѣленія направленія путей, согласно названіямъ населенныхъ мѣстъ, упоминаемыхъ иностранцами, могутъ дать указанія карты изслѣдователей, составленныя по даннымъ писцовыхъ книгъ и другимъ историко-географическимъ матеріаламъ [1]). Карты путей, описанныхъ Кильбургеромъ, начерчены Эрихомъ Пальмквистомъ въ его альбомѣ, а карты, составленныя на основаніи извѣстій нѣкоторыхъ другихъ иностранцевъ, даны позднѣйшими учеными [2]).

Байковъ, согласно Фишеру, былъ главой торговаго посольства въ 100 человѣкъ [3]). Изъ извлеченія Кильбургера видно, что

---

[1]) Такъ для путей Новгородской области карты въ сочиненіяхъ— К. А. Неволинъ, „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI в." (Записки Имп. Рус. Геогр. Общ., т. VIII, П., 1853 г.), Арх. Сергій, „Черты церк.-прих. и мон. быта въ писц. кн. Водской пятины 1500 г.", 1905 г., А. М. Андріяшевъ, „Матеріалы по ист. геогр. Новгородской земли. Шелонская пятина по писц. кн. 1498—1576 г. г.", М., 1914 г.

[2]) Карта путей сообщеній, описанныхъ Герберштейномъ въ его запискахъ о Московіи,—„Матеріалы для ист.-геогр. атласа Рос. XVI в.", П., 1884 г., № 6, прилож. къ соч. Е. Замысловскаго: „Герберштейнъ и его ист.-геогр. изв. о Р." Карта пути пословъ Мейерберга и Кальвуччи отъ Полангена до Москвы составлена А. М. Ловягинымъ, приложеніе къ „Альбому Мейерберга", П., 1903 г. Карта Бѣломорскаго пути—„Посольство Кунрада фанъ-Кленка къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Өеодору Алексѣевичу", П., 1900 г., Введеніе А. М. Ловягина.

[3]) „Сиб. Исторія", т. IV, с. 524 и др.

Байковъ имѣлъ 40 верблюдовъ и 50 лошадей [1]). Такое большое количество животныхъ ему, несомнѣнно, было необходимо для большой поклажи и многихъ людей. Русскіе редакціи путешествія Байкова часто говорятъ, что онъ шелъ съ государевой казной; по Бантышъ-Каменскому, онъ имѣлъ подарковъ хану на 120 рублей юфтями и алмазами, привезъ же китайскихъ товаровъ на 1.669 р., хотя ему самому было дано 50.000 на торговлю [2]). Русскіе списки этого путешествія упоминаютъ о присутствіи въ этомъ посольствѣ русскихъ торговыхъ людей и бухарцевъ, но самъ Байковъ заявилъ китайцамъ, что онъ пришелъ къ хану съ дружественными подарками, „а не для торгу". Дѣйствительно, строго говоря, цѣль посольства была торгово-развѣдочная, какъ вполнѣ явствуетъ изъ даннаго ему наказа. Посольство окончилось неудачно, потому что Байковъ не хотѣлъ подчиняться оскорбительнымъ, по его убѣжденію, придворнымъ китайскимъ обрядамъ. Нейхофъ въ свое пребываніе въ Пекинѣ во время посольства остъ-индской компаніи (1655—1657 г. г.) засталъ Байкова въ Пекинѣ и такъ пишетъ объ этомъ: „Пріѣхалъ въ Пекинъ русскій посолъ со свитой въ 100 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько араповъ. Онъ хотѣлъ заключить договоръ, чтобы москвитяне ежегодно могли приходить въ Китай торговать съ жителями страны" [3]). У Павла Алеппскаго, можетъ быть, въ связи съ этимъ посольствомъ есть странный разсказъ о Китаѣ: „Патріархъ (Никонъ) сообщилъ нашему учителю о царицѣ Хота и Хатай и о томъ, что она присылала недавно къ царю съ изъявленіемъ покорности; московиты называютъ на своемъ языкѣ страну Хота и Хотай Китаске", а дальше разсказывается много баснословнаго, но впрочемъ самъ Павелъ оговаривается: „Не знаемъ, правда это или ложь—Богъ вѣсть!" [4]). Коллинсъ (1659—1667 г. г.) тоже однажды бесѣдовалъ съ русскими о Китаѣ: „Сибирь—огромная, неизвѣстная область, которая простирается до стѣнъ Китая. Я разговаривалъ съ двумя лицами, которыя совершили по ней путешествіе; одинъ изъ нихъ

---

[1]) С. 205.

[2]) Бантышъ-Каменскій, „Дипломатическое собраніе дѣлъ между рос. и кит. государствами", с. с. 8, 9, 11, 333.

[3]) „Die Gesandtschaft die Oost-Indischen Compagney...", Amsterdam, 1669, S. 164.

[4]) П. Алеппскій, в. III, с. с. 73—74.

торговалъ съ китайцами и увѣрялъ меня, что видѣлъ море на окраинѣ Сибири, корабли и людей, которые носятъ бороду только на нижней губѣ, одѣты въ богатое платье, покрытое золотомъ и драгоцѣнными камнями и сшитое на особый манеръ. На основаніи его описанія, я пришелъ къ заключенію, что это были китайцы. Онъ привезъ чай и бадьянъ..." [1]). Болѣе цѣнныя мысли высказываетъ Рейтенфельсъ (1671—1673 г.г.), по словамъ котораго, русскіе заключили не на равныхъ правахъ (inaequale) союзъ съ китайскимъ ханомъ изъ областей, лежащихъ за Обью, „и съ этой цѣлью отправляютъ пословъ одного за другимъ въ Китай съ дарами", отчего эта „многолѣтняя дружба" помогаетъ Россіи держать въ подчиненіи татаръ, а русскіе, кромѣ того, „подъ предлогомъ ввоза даней и подарковъ" китайскому хану едва ли могли бы иначе вести „торговлю съ Китаемъ". Переводчикъ Виніусъ, замѣчаетъ Рейтенфельсъ, даже „начертилъ не такъ давно, въ главныхъ чертахъ, путь изъ Москвы въ Китай на географической картѣ" [2]). Намъ извѣстно, что уже съ 1667 г. (ноябрь 176 г.) составлялись карты (чертежи) Сибири, и чертежъ 1667 г., по словамъ Ремезова, былъ даже преданъ тисненію. Въ 1672 г. была составлена вторая карта Сибири. Изъ списковъ же къ такимъ чертежамъ извѣстенъ списокъ 181 г., въ которомъ указаны сибирскіе города, селенія и разстояніе между ними [3]). Въ то время поѣздки въ Китай были уже часты. „Слышалъ есмь, писалъ Крижаничъ, яко нѣкій Бенетчанинъ пришедъ на Москву, навѣщеваше искать путя къ индѣйцемъ: «да быхомъ, де, могли отонудь на сію землю обратить преторгъ пепра, сахара и иныхъ зарядовъ и отвратить отъ хиспановъ и нѣмцевъ, кои по морю привозятъ тые товары».

---

[1]) Зап. Моск. Арх. Инст., XV, с. с. 158. Рус. Вѣстн., 1841, № 9, с. 573.

[2]) Чтенія, 1906 г., III, с. с. 104, 98.

[3]) „Списокъ съ чертежа Сибирской земли", съ прим. Г. И. Спасскаго, Временникъ, 1849 г. „Чертежная книга Сибири, составленная тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 г.", П., 1882 г., изд. Археогр. Комиссіи, in fol. Здѣсь карты и рисунки сибирскихъ городовъ. В. А. Кордтъ, „Матеріалы по исторіи русской картографіи", 2 серія, вып. I, Кіевъ, 1906 г. Л. С. Багровъ, „Карты Азіатской Россіи", П., 1914 г. „Азіатская Россія", т. I—III, „Атласъ Азіатской Россіи", изд. Переселенческаго Управленія Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, П., 1914 г.

А въ наша сія времена той индѣйскій китайскій путь уже есть добро отвѣданъ, и торговцы ежегодь отонудь приходятъ въ Сибирь“ [1]). Здѣсь Крпжаничъ, какъ видно, обобщаетъ путь въ Индію и въ Китай. Прежде въ Китай были хорошо извѣстны двѣ дороги: древнѣйшая изъ Бухары черезъ Ташкентъ, Кашгаръ и болѣе новая—изъ Тобольска водой на Тару, черезъ Барабинскую степь на верблюдахъ и лошадяхъ, черезъ владѣнія калмыцкихъ тайшъ и монгольскую землю до китайскаго перваго пригорода Гауса, а оттуда въ Пекинъ; это былъ обычный путь бухарскихъ купцовъ. Байковъ, которому было приказано хорошо разведать о безопасныхъ путяхъ въ Китай, изъ Тобольска поплылъ къ истокамъ Иртыша, а отсюда черезъ пустыню Гоби къ Застѣнному Китаю. Но послѣ половины XVII в. начинаетъ обнаруживаться третій путь въ Китай, которымъ ходили русскіе торговцы, изъ Тобольска водой на Енисейскъ къ Байкалу, черезъ Селенгинскъ и Даурію. Когда Спаоарій совершалъ свое посольство въ Китай въ 1675—янв. 1678 г. г., онъ уже не поѣхалъ дорогой Байкова, потому что русскіе торговые люди ему сказали, что „въ Китайское государство итти изъ Тобольска ближе и податнѣе водянымъ и сухимъ путемъ черезъ города Енисейскъ и Селенгинскъ и черезъ Даурскіе остроги; что въ подводахъ и въ провожатыхъ посланнику тѣмъ путемъ задержанія и опасенія ни отъ кого не будетъ“; этотъ путь хотя былъ длиннѣе степнаго, но имъ все-таки скорѣе можно было прибыть въ Китай, а кромѣ того, онъ былъ безопаснѣе. Юрій Крпжаничъ говорилъ Спаѳарію, что если онъ поѣдетъ по степному бухарскому пути, и „хоть ты назадъ и вернешься, но этотъ пустынный и дикій путь все-таки не будетъ извѣстенъ ни безопасенъ, а тебѣ слѣдуетъ отыскать путь такой, чтобы по немъ и въ остальное время всѣмъ было безопасно проходить“. Спаоарій тогда и поѣхалъ черезъ Селенгинскъ [2]). Такимъ образомъ,

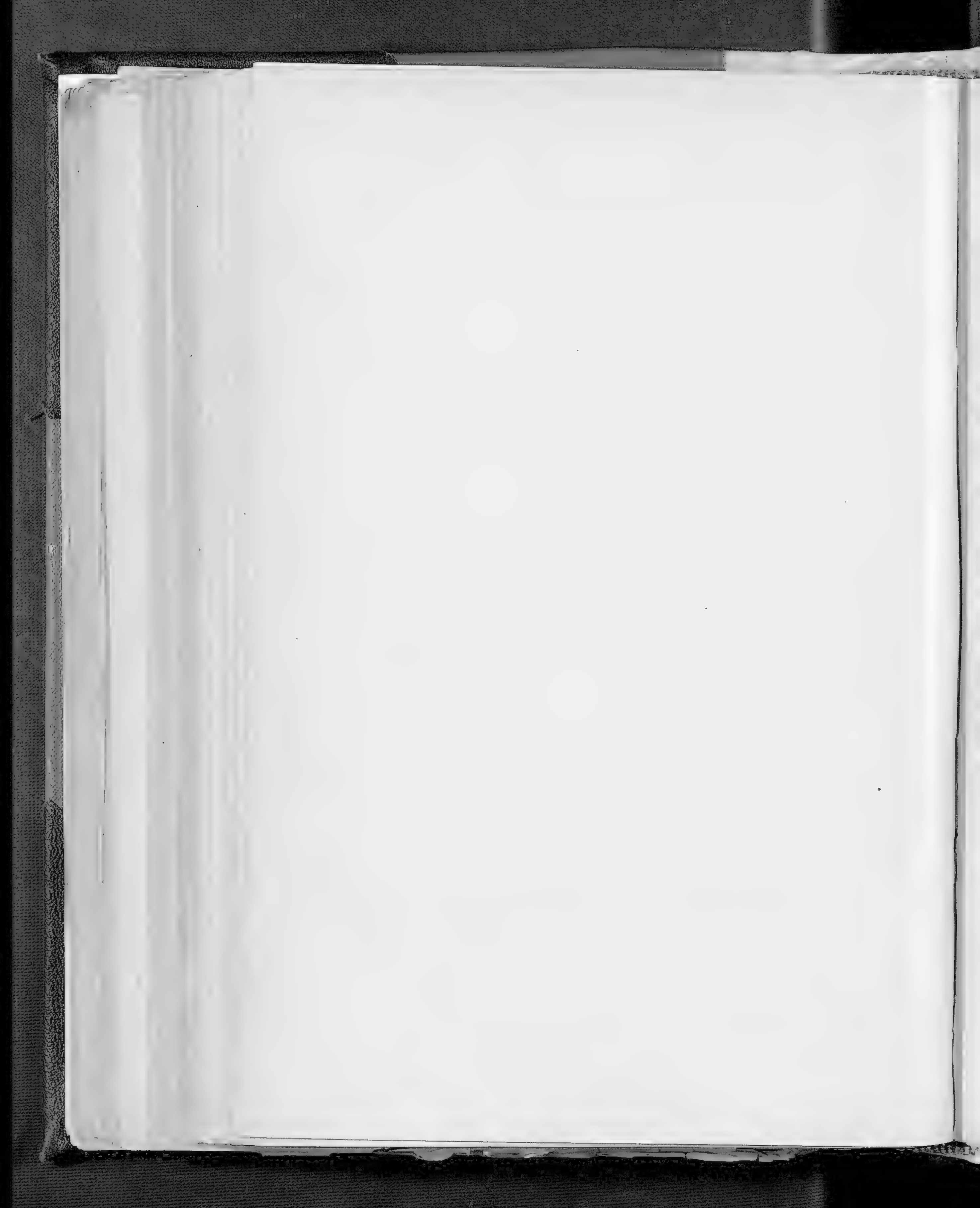
[1]) „Русское государство...“, № 1, с. 13. Стремленія европейцевъ проложить путь въ Китай или черезъ Сѣверное море или черезъ Россію оставались безплодными. Въ числѣ другихъ Рейтенфельсъ предлагалъ итальянцамъ разслѣдовать морской сѣверный путь (Чтенія, 1906 г., III, с. 133). Въ 1676 г. Кленкъ просилъ русскихъ дать пропускъ голландскимъ посламъ въ Китай, но русское правительство, по своему обыкновенію, отказало подъ предлогомъ плохого устройства дорогъ и многихъ опасностей („Посольство К. ф.-Кленка“, Введеніе, с. LXXXII).

[2]) С. А. Бѣлокуровъ, „Юрій Крижаничъ въ Россіи“, Чтенія, 1903 г., II, с. с. 142—144.

тогда этотъ новый путь вызывалъ еще колебанія и соперничалъ съ бухарскимъ степнымъ, но уже вскорѣ послѣ этого дорога черезъ Даурію стала главной для торговыхъ сношеній съ Китаемъ, и при Петрѣ Великомъ караваны ходили только по этому направленію [1]).

---

[1]) Н. Г. Спаѳарій, „Описаніе первыя части вселенныя, именуемой Азіи, въ ней же состоитъ Китайское государство съ прочими его городы и провинціи", Казань, 1910 г., 4⁰. „Путешествіе... Спаѳарія въ 1675 г." (Дорожный дневникъ) въ Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отдѣлу этнографіи, т. X, в. I (П., 1882 г.). Свѣдѣнія о Сибири и пути въ Китай, собранныя миссіонеромъ Ф. Аврилемъ въ Москвѣ въ 1687 г., Рус. Вѣстникъ, 1842 г., № 4, с. с. 69—104. О приключеніяхъ Ф. Авриля, отправившагося искать сухопутное сообщеніе съ Китаемъ черезъ Астрахань—П. Пирлингъ, „Историческія статьи и замѣтки", П., 1913 г., с. 125 и сл.



ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Списки членовъ шведскаго посольства 1674 г.

1. „Роспись [1]) его Королевского Величества свѣйского персонам великимъ и полномочнымъ посломъ, присланым къ его Царскому Величеству и которымъ быть у его Царского Величества высокой руки.

Посолъ его графское величество господинъ Густавъ Оксенстернъ.

Посолъ волный господинъ и земскиі думный Гансъ Эндрих Ѳонтисенгаусен.

Посол Готтартъ Яганъ Ѳонбудберхъ.
Думной в торговлѣ Еоимъ Петръ Ѳонлили Энгофъ.
Посолской маршалокъ Германъ Ѳонферсенъ.

Господинъ Гавриел Оксенстернъ.
Волной господинъ Яганъ Шпаре.
Волной господинъ Гансъ Гиндрихъ Ѳонтисенгаусит.
Посолской секретарь Петръ Торенросъ.
Дохтуръ Даниел Далгемиус.
Капитан Эрикъ Палемквистъ.
Самуил Клоубартъ.
Висцентъ Реисенъ.
Ганцъ Ѳрейстеръ.
Эндрихъ Шкулманъ.

Королевские дворяне.

Матьяшъ Илин Спорkъ.
Эргартъ остался въ Колывани.
Карлъ Цей.

---

1) Скорописный подлинникъ этой росписи находится въ шв. д., р. II, св. 112, 1674 г., № 3/а, съ начала 20—21 листъ.

Яганъ Антонъ Гапель.
Крестьянъ Кронъ.
Юрьи Аврамъ Таръ.
Еѳим Ѳилип Килбергеръ.
Переводчикъ Самуил Эосандеръ.
Переводчикъ Бенетъ Элфентъ.
Пастор Яганъ Врангиус.
Подячей Карлъ Пиперъ.
Подячей Андрѣй Радье.
Посолской квайтемистръ Матяшъ Эрпъ.
Шаѳоръ Мартинъ Броус.
Эндрих Левгеръ.
Кухмистръ Олоъ Мойсенъ.
Вицентъ Ѳосъ.
Мартинъ Стевена.
Магнус Принцъ.
Клаусъ Улрихъ.

Королевскихъ послов (жилцы)[1] покоевые.

Рубертъ Асербаят.
Барсар Тиэль.
Кашпир Киреройле.
Янъ Керсень.
Францъ Яганъ Голмъ.
Клаус Эсеноурхъ.
Книжной надзиратель Петръ Ѳункель.
Шаѳар Юрьи Нокъ.
Тобияш Лемину.
Опроче пословъ 40 члвкъ".

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 92, л. 358 об.).

II.

2. „Имена королевским дворяномъ, которые были Ц-ого В-ства у руки на отпускѣ.

Думной в торговле Еѳимъ Ѳонлилиэнгоѳъ.

---

[1] „Жильцы" въ подлинникѣ зачеркнуто.

Посолской маршалокъ Германъ Ѳонъ Ѳерсенъ.
Габриель Оксенстернъ.
Яганъ Шпаэръ [1]).
Гендрихъ Ѳонтисенгаусенъ [2]).
Секретарь Петръ Торенросъ.
Дохтуръ Данилъ Дангемиюсъ.
Капитанъ Ирикъ Палемквистъ.
Самоилъ Клоубартъ.
Винцентъ Реисенъ.
Ганцъ Ѳрейстеръ.
Гендрихъ Шкулманъ [3]).
Матяшъ Ілинъ Спориъ.
Карлъ Цей.
Яганъ Антонъ Гапель.
Крестьянъ Кронъ.
Юрьи Таръ.
Еѳимъ Кильбельгеръ [4]).

Переводчики.

Самоилъ Эосандеръ.
Бенедъ Эль Ѳинтъ [5]).
Пасторъ Яганъ Врангиюсъ.

Писари.

Карлъ Пиперъ.
Андрѣй Радей.
Квайтермистръ Матяшъ Эрпъ.
Шаѳеръ Мартинъ Броусъ.
Гендрихъ Левгеръ.
Кухмистръ Олефъ Мойсенъ.
Вицентъ Ѳосъ.
Мартинъ Стевенъ.
Магнусъ Принцъ.
Клаусъ Ульрихъ.

---

[1]) „волной господинъ" (кн. 92, л. 485).
[2]) „волной господинъ" (св. 112, начало).
[3]) Дальше, по св. 112, слѣдуетъ: „Королевские дворяне".
[4]) „Еѳимъ Ѳилипъ Кербергеръ" (кн. 92, л. 486).
[5]) „бенет Ливентъ" (кн. 92, л, 485 об.),

Покоевыя посольские.
Робертъ Асербатъ.
Балсеръ Тиэль.
Каширъ Кирероиле.
Янъ Керсень.
Өранцъ Гольмъ.
Клаусъ Эсенаурхъ.
Петръ Өункель.
Юрьи Нокъ.
Тобияшъ Лемина".

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 93, л. ҂ѮД)[1]).

III.

Роспись царскаго жалованья членамъ шведскаго посольства 1674 г.

„Роспись, что дать великого государя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Россиі Самодержца жалованья свѣйскимъ великимъ и полномочнымъ посломъ графу Густаөу Оксенъ Стерну с товарищи и королевскимъ дворяном и всяких чиновъ людемъ на отпуске соболей.

Первому послу граөу Густаөу Оксеншстерну на 700 рублевъ.
И в том числѣ:
40 соболей во 150 рублевъ.
40 соболей во 130 рублевъ.
40 соболей во 120 рублевъ.
40 соболей во 110 рублевъ.
40 соболей во 100 рублевъ.
3 пары соболей по 20 рублевъ пара.
2 пары по 15 рублевъ пара.

[1]) Имена дворянъ, бывшихъ на I пріемѣ, приведены въ кн. 93, л. РГГ, а бывшихъ на отпускѣ — л. ҂ѮД, но такъ имена шведовъ, присутствовавшихъ на отпускѣ, приведены болѣе точно, то собщаемъ только этотъ списокъ. Росписи дворянъ при I пріемѣ и отпускѣ вполнѣ одинаковы.

2-му послу Ганцу Гендриху Өонтисенгаусену на 500 рублевъ.
И в том числѣ:
40 соболей во 130 рублевъ.
40 соболей во 120 рублевъ.
40 соболей во 110 рублевъ.
40 соболей въ 90 рублевъ.
2 пары по 15 рублевъ.
2 пары по 10 рублевъ.

3-му послу Готтарту Ягану Өонбутберху на 300 рублевъ.
И в том числѣ:
40 соболей во 100 рублевъ.
40 соболей въ 90 рублевъ.
40 соболей въ 80 рублевъ.
Да 3 пары по 10 рублевъ пара.

Въ торговых дѣлех думному Еөиму Өонлилiэнгооу на 100 рублевъ.
И в том числѣ:
2 пары соболей по 15 рублевъ.
7 паръ по 10 рублевъ пара.

Секретарю Петру Торнеросу на 70 рублевъ.
И в том числѣ:
2 пары по 10 рублевъ.
3 пары по 8 рублевъ.
3 пары по 6 рублевъ.
2 пары по 4 рубли пара.

Посолскому маршалку Герману Өон Өерсену на 50 рублевъ.
И в том числѣ:
2 пары по 10 рублевъ.
2 пары по 6 рублевъ.
3 пары по 5 рублевъ.
Пара въ 3 рубли.

Капитану Ириксу Палемквисту, которой отдавалъ королевские и королевины дары, парами противъ маршалка ж.

Королевскимъ дворяном волным господам Габриелю Оксеншерну, Ягану Шпаеру, Эндриху Өонтисенъ Гаусену по 70 рублевъ человѣку парами.

И въ томъ числѣ (*каждому изъ нихъ*):
По 2 пары по 10 рублевъ.
По 3 пары по 8 рублевъ.
По 3 пары по 6 рублевъ.
По 2 пары по 4 рубли.
(Пара человѣку).

Королевским же дворяном и чиновнымъ людем 34 человѣком.
И в том числѣ:

16 человѣком по 40 соболей по 40 рублевъ сорокъ, 19 человѣком по 40 соболей по 30 рублевъ сорокъ человѣку.

2-м человѣком переводчиком по 60 рублевъ человѣку парами.
И в том числѣ:
По 2 пары по 10 рублевъ.
По 3 пары по 8 рублевъ.
По 2 пары по 6 рублевъ.
Да по паре по 4 рубли пара человѣку.

Да посолскимъ ж и дворянским всяких чинов людем 116 человѣком.

И в том числѣ:

30 члком по паре соболей, по 5 рублевъ пара человѣку, 37 члвком по паре ж по 3 рубли пара человѣку, досталным 49 человѣком по паре ж соболей по полтретя рубля пара человѣку".

Далѣе идетъ другая редакція этой росписи, въ которой послѣ перечисленія жалованья королевскимъ дворянамъ вольнымъ господамъ написано:

„Королевским дворяном первой статьѣ 16 человѣком: дохтуру Данилу Дангемиюсу, Самоилу Клоубарту, Винценту Ресену, Ганцу Өрейтеру, Элдриху Шкулману, пастору Ягану Өрангиусу, Матяшу Илин Спорку, Эргарту, Карцею, Ягану Антону Гапелю, Крестьяну Крону, Юрью Аврам Тару, Еөиму Өилип Кербергеру, подячему Карлъ Питеру, подячему Андрѣю Раде, квайтейместеру Матяшу—по 40 соболей по 40 рублевъ сорокъ.

2-й статьѣ дворянам же: Шаөору Мартину Броусу, Ендриху Левгеру, кухмистру ОлӨмойнену, Вицентъ Өосу, Мартину Стевеню, Магнусу принцу, Клаусу Улдриху, Капрану Ягану Лорену.

Трубачи [1]):

Ягану Кросу, Ѳрансу Ягану.

Покоевымъ [2]): Руберту Асербаету, Барсар Тиелу, Кашпиру Кирeройле, Ягану Керсену, Ѳранцъ Голму, Клаусу Эсеноурху, Петру Ѳункелю, Шаѳару Юрьи Поку, Тобияшу Лемину по 40 соболей по 30 рублевъ сорокъ.

Переводчикомъ:

Самоилу Эосандеру, Бенету Ливенту по 2 пары по 10 рублевъ, по 3 пары по 8 рублевъ, по 2 пары по 6 рублевъ, по паре по 4 рубли.

Людемъ, 1-й статьѣ—30 человѣком по паре по 5 рублевъ, 2-й статьѣ — 37 человѣкомъ по паре ж по 3 рубли, досталнымъ 49 человѣкомъ по паре ж по пол 3 рубли пара человѣку".

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 93, л. ѿӥг.)

IV.

Дѣло М. Филиппова объ уплатѣ ему денегъ за пряности, доставленныя имъ шведскимъ посламъ въ 1674 г.

„Царю Государю великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу бьетъ челом холопъ твой кадашевецъ Максимка Ѳилиповъ:

В нынешнем, Гдрь, во 182-м году по твоему великого Государя указу по уговору ис Посолского приказу давал я, холопъ твой, по указнымъ статьямъ свѣйским великими полномочным послом с приѣзду ихъ генваря съ 31-го числа до отпуску ихъ с Москвы сахаръ и всякие пряные зелья, а денги мнѣ, холопу твоему, велено было имать в приказе Новые оптеки по 4 рубли за день, и память о том ис Посолского приказу послана, и мнѣ, холопу твоему, в приказе Новые оптеки за тѣ пряные зеля ни за единъ день ничего не выдано, и я, холопъ твой, за тѣм волочюсь многое время, а ныне, Гдрь, торговые иноземцы будутъ к городу на ярманку, и у меня, холопа твоего, у

[1]) „Королевскіе трубачи" (кн. 92, 486 об.).
[2]) „Покоевые посольскіе люди" (кн. 92, 486 об.).

которых я брал пряные зелья просятъ беспрестанно днгъ, а мнѣ, холопу твоему, росплатитца нѣчем. Млдый Гдрь, Црь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа в. и м. Рос. Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, Гдрь, мнѣ за тѣ пряные зелья на росплату с ыноземцы торговыми долговъ денги по уговорной цѣнѣ выдать из ыного приказу, ис которого ты, великій Государь, укажешь. Црь, Гдрь, смилуйся!

А на челобитной помѣта дьяка Ивана Евстаѳева такова: выписать.

И в Посолскомъ приказе выписано:

В ннешнем въ 182-м году декабря въ 26 день по указу великого государя ис Посолского приказу в приказ Болшаго дворца послана память, а велено дават великого Гдря жалованья свѣйским великимъ и полномочным послом декабря съ 30-го числа до отпуску их с Москвы по указной статѣ пряные зеля поденно.

По 8 фунтовъ сахару головного.
По 3 фунта ядер миндалных.
По 3 фунта изюму.
По 3 фунта пшена.
По 3 фунта коринки.
По 12 золотников мушкатных орѣшков.
По четверти фунта мушкатного цвѣту.
По фунту корицы.
По 12 золотников гвоздики.
По 6 золотников шаорану.
По фунту перцу.
Инбиря, анису, масла деревянного по тому ж.

И декабря въ 28 день в Посолской приказ ис приказу Болшаго дворца великаго Гдря в указе за приписью дьяка Якова Петелина написано:

Что в приказе Болшаго дворца в Овошной полате пряных зелей и сахару ничего нѣтъ и свѣйским великимъ послом давать нечего, потому что у Архангельского города ничего на ярманке не куплено.

И декабря в 31 день по приказу околничего Артемона Сергѣевича Матвѣева, а по помѣте на выписке дьяка Василя Бобп-

нина, велено тѣ пряные зеля, чего в приказе Болшаго дворца нѣтъ, свѣйскимъ великим посломъ покупат в рядѣх, а денги имать ис приказу доходовъ Новые оптеки и послат о том в Новую аптеку память.

И против той памяты в Посолском приказе договоренося овощного ряду с торговым члвком, с кадашевцомъ с Максимом Ѳилиповымъ:

Что ему тѣ пряные зелья великим и полномочным посломъ отдавать подлинно по указнымъ статьямъ, а деньги за них платить из доходовъ Новые аптеки:

За сахар головной доброй по 5 алтынъ за фунтъ.
За миндалные ядра по 5 ж а. за фунтъ.
За пшено по 8 де.
За коринку по 2 а. по 4 де.
Мушкатных орѣховъ по 2 де золотникъ.
Мушкатного цвѣту за четь фунта по 24 алтына.
Корицы по 26 алтынъ по 4 де за фунтъ.
Инбирю по 5 алтынъ за фунтъ.
Анису по 2 алтына за фунтъ [1]).
Всего на день за всѣ пряные зеля по 4 рубли.

И отдаче за тѣ пряные зелья денег ис Посолского приказу в приказ Новые оптеки великого Гдря указ послан, а велено денги давать кадашевцу Максиму Ѳилипову по уговорной цѣнѣ понедѣльно.

И по тому уговору кадашевецъ Максимъ Ѳилипов свѣйским великим и полномочным посломъ по указной статьѣ в указные дни пряные зеля с приѣзду их к Москве декабря с 30-го числа января по 17-е число, да марта зъ 24-го числа до отпуску великих и полномочных послов с Москвы и іюня по 23-е число отдавал сполна.

Всего великого Государя жалованья свѣйскимъ великим и полномочным послом по указнымъ статьямъ пряных зелей поденно дано на 108 дней.

21 пуд 24 фунта сахару головного.
8 пудъ 4 фунта ядер миндальных.
8 пуд 4 фунта пшена сорочинского.

[1]) „по 2 алт. по 4 де фунтъ“ (л 346 об.).

8 пуд 4 фунта коринки.
13 фунтов 2 чети мушкатных орѣшков.
27 фунтов мушкатного цвѣту.
2 пуда 28 фунтовъ корицы.
2 пуда 28 фунтовъ инбирю.
2 пуда 28 фунтов анису.

А по справке с приказом Новые оптеки, что по памети ис Посолского приказу кадашевцу Максиму Ѳилипову за пряныя зелья из доходов Новые оптеки ничего не давано для того, что росходы в том приказе на иные дела были болшие.

И в-у Г-ю Ц-ю и в-у к-ю Алексѣю Михайловичу всеа в. и м. и б. Р. Самодержцу кадашевецъ Максим Ѳилиповъ бьетъ челом: По его де в-ого Г-ря указу и по уговору ис Посолского приказу давал он по указнымъ статьям свѣйским в-м и полномочным послом с приѣзду их до отпуску сахару и всякие пряные зелья поденно, а денги ему велено было имать в приказе Новые оптеки, и память о том ис Посолского приказу послана, и по той памяти за тѣ пряные зелья в приказе Новые оптеки денег ему не даютъ и отказываютъ, а ныне торговые иноземцы ѣдутъ к Архангельскому городу на ярманку и у него, у которых онъ тѣ пряные зелья имал, просят безпрестанно денег.

И в. Г-рь пожаловал бы его, велѣл ему за тѣ пряные зелья на росплату с ыноземцы долгов денги выдать из ыного приказу, ис которого он, в. Г-рь, укажетъ.

И буде в. Г-рь кадашевца Максима Ѳилипова пожалует, за пряные зелья и за сахар, что он отдалъ свѣйским в-м и п-м послом, денги укажет выдать по уговорной цѣнѣ,—и того доведется за сахар и за всѣ пряные зелья 432 рубли выдать.

А на выписке помѣта дьяка Ивана Евстаоева такова: 182-го іюля въ 17 день по указу в. Г-я околничей Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, слушавъ сей выписки, приказал о тѣх денгахъ за пряныя зелья послать память в Болшой приход, а из оптеки памят взять назад.

Против сей помѣты в Болшой приход память послана іюля въ 31 день“.

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 92, л. 634—639. Текущія записи этого дѣла тамъ же, л. л. 343—347 об.).

V.

Переводъ съ челобитной 1674 г. торговыхъ людей Ніенъ-Шанца шведскому послу Оксеншерну о притѣсненіяхъ, причиняемыхъ русскими шведской торговлѣ, и переводъ съ росписи шведскимъ пошлинамъ.

1. „Списокъ с челобитной, что бьют челом торговые люди города Канца великимъ и полномочнымъ посломъ о вольной торговли.

Вѣдомо вамъ буди и не сумневаемся, что ваше граоское величество и преже сего про то от насъ вѣдал, а ныне мы паки и к вамъ покорно предлагаемъ какъ до великихъ и полномочных пословъ, что мы будучи на ярманке в Тиѳине марта 10 число, и они нам торговать не поволивают ни малыми ни болшими товары, такъ же и с приѣзжими людми не допущают намъ торговать, а проѣзжие пошлины берутъ, и оттого в торговле намъ чинится болшая противность и мирнымъ договоръ противно, и милости у вас просим, что б вы предложили его ц-у в-у, чтоб указал послать свои в-ого г-я грамоты порубежнымъ воеводамъ, чтоб нам поволено торговати по мирнымъ договорам, какъ и встарь бывало, и проѣзжие болшіе пошлины отставити и нам торговати и с приѣзжими людми, а посем вам покорно и предаем васъ Господу в сохраненіи. Вашего граѳскаго высочества подданные слуги і всегда покорные бурмистры и ратманы его кор. в-ства города Канца. Писанъ марта мѣсяца 26 дня в лѣто 1674-м году.

Списокъ з грамоты, какову писали торговые люди к бурмистромъ и ратманом и били челом, что имъ не даютъ волную торговлю ц-ого в-ства в порубежних городѣх и чинять имъ не противъ мирныхъ договоров, и бурмистры и ратманы ругодивскіе бьют челом великим и полномочным посламъ, что б они предложили о том в-му г-рю.

Обьявляем вам, что мы в тѣхъ числѣх были на ярманке в Тиѳине и какъ мы приѣхали на Тихѳину и чаяли мы своими товары торговать и покупать по кардискому договору, и они нам тот часъ торговлю заказали, а какъ мы в Тиѳину приѣхали і ночь переначевали, и дворянинъ пришол і с ним десять или двадцать человѣкъ стрелцовъ из Новагорода и призывал нас к себѣ в таможню, а тѣ стрѣлцы наших людей хватали и водили в таможню, а ис таможни нас не выпущали и грозили: «будет де в таможню не пойдете, и мы де вам иное что здѣлаемъ»; и сидѣли они в таможнѣ,

бутто что калодники, а стрелцы, которые с тѣмъ дворянином пришли из Новагорода нас оступили кругом, бутто что воровских людей. И потомъ прочли нам памят, которая прислана с ними, в которой написано: буде есть у кого у нас червонные золотые и еоимки и русскіе мѣлкие денги, чѣмъ торговать, намъ объявить; а какъ мы сказали, что у нас золотых и еоимков и мѣлкихъ денегъ нѣтъ, а приѣхали мы для своихъ долговъ, и они намъ ту памят чли: буде у которых золотых и еоимков нѣт і на что имъ малые и болшіе товары покупать и у них, которые привезли с собой товары, отобрат; а какъ мы имъ говорили, что мы приѣхали товаров никаких ни продавать ни покупать, что мы приѣхали для выбору своих долговъ, и дворянинъ намъ говорилъ: сколько де нас ни есть, в томъ дать ему писмо за руками. И какъ мы на рубежъ приѣхали, на Лаву, и тамъ нас голова с стрелцами и целовалники нас задержали и спрашивали у нас: «откуду вы ѣдете»; какъ мы сказали, что мы ѣдем с Тихоины, и они спрашивали: «с какими товары». И мы имъ сказали, что у нас товаровъ нѣтъ. И спрашивали у нас проѣзжих листов, а какъ мы показали проѣзжие, каковы намъ даны в Канцахъ, и целовальникъ на тѣ проѣзжие плюнул, а говорил, что б нам дат проѣзжие из Новагорода. А какъ мы сказали, что мы ѣдем с Тихвины, а не из Новгорода и ни с какими товары, и для того намъ проѣзжие и не надобно, и целовалникъ говорил намъ: „хотя де васъ караулные стрелцы и отпустятъ, толко де я вас і в порозжихъ санях повезу до Новагорода“. И целовалникъ пошед принес к нам памят, которая ему дана из Новагорода, и намъ прочел, в которой написано: будет которые иноземцы с Тихоины поѣдутъ и будутъ у нихъ проѣзжіе с Тихвины и вѳрославле и с Москвы і тѣм подорожным не вѣрити и іх задерживать и пропущать не велѣть, буде проѣзжей не будетъ из Новогорода. И бранили нас всякою бранью и говорили, что де «наша братья у вас вскоре будет, и будете у нас в наших руках по прежнему». Вашу честность волные слуги: Християнъ Чвир, Ѳридрех Колин, Дидрихъ Бломъ, Кондрат Силиянксъ.

Роспись, какимъ подобиемъ ц-ого в-ства подданные товары свои велено продавать.

1.

Ленъ, конопли на семена велено продавать по берковцу и по полу берковцу, а менши того продавать не велено.

2.

Ветчина и мясо говяжее и бораны по берковцу и по полу берковцу, а не менши того.

3.

Рукавицы по 12 пар, а не менши того.

4.

Полотна, сермяжные сукна косяками, а не менши того.

5.

Юоти или иные кожи числомъ ж.

6.

Ковры и полазы и полсти указною статею.

7.

Мыло кипами.

8.

Соболи, куницы и іная мяхкая рухледь сороками і половина сороками.

9.

Узды, бичи, плети, сопоги велено продавать болшою ценою".

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 93, л. л. ѵѯв—ѵѯє. Нѣмецкіе и шведскіе подлинники—2 стр.—этихъ жалобъ шведовъ на русскія притѣсненія находятся въ шв. д., р. II, св. 113, № 4, дѣло 1674 г., 26 марта).

VI.

2. „Перевод с свѣйского писма с росписи, какову прислали свѣйские великие послы.

Отъ товаровъ, которые руские люди в русское государство возятъ караблями моремъ, в то время у них пошлинъ емлютъ со ста еоимковъ по еоимку, или 52 бѣлые рунштика.

И то на образецъ написано:

Буде кто купитъ 56 берковецъ і 16 пудъ прутового желѣза и за тот товаръ доведетца ему дать 690 еоимков, тогда из русских людей, потому что дана имъ волность, со 100 еоимковъ по 52 рунштики бѣлые пошлины.

И от всѣх денег пошлин будет 11 еоимков 7 рунштиков.

Еще у них емлют по заморскимъ правамъ ото ста еѳимков по 4 рунштики.

И того будет от выше помянутых денег 27 рунштиковъ и 5 доля рунштика.

Да на них же емлют на убожество со 100 еѳимков по 2 рунштики.

И всего того будетъ от выше помянутых денег 13 рунштиковъ і 5-я доля одного рунштика.

І всего того будетъ пошлинъ 12 еѳ. 16 рунштиковъ и 5-я доля от рунштика.

А по таможенному уложенію от иныхъ иноземцовъ 3 берковца желѣза емлютъ по еѳимку и по 15 рунштики ж.

И будет кто купитъ 56 берковец 16 пуд желѣза, с того емлют пошлины 85 еѳ. і 6 рунштиков.

По заморскому праву и на убожество 40 рунштиков і полрунштика.

И того будет пошлины от выше помянутого желѣза 86 еѳ. і 15 рунштиков і 4-я доля рунштика.

И рознится в томъ, что русскіе ради своей волности не доплачиваютъ 73-х еѳ. і 15 рунштиковъ і 5-я доля рунштика.

Таким же обычаем, будет купит кто мѣди 9 берковец и 10 пудъ дѣланые мѣди и за ту мѣдь доведетца дать 1.600 еѳ., пошлины взяты на русских, потому что они имѣют волность, 17 еѳимковъ і 7 рунштиковъ 5-я доля рунштика.

Еще заморского права и на убожество емляют еѳимокъ і 37 рунштиковъ и с полу рунштиком, і того будетъ 19 еѳ. і 6 рунштиковъ.

А буде по таможенному уложенію иной иноземецъ, пошлины емлютъ 140 еѳ. і 29 р. и 5-я доля рунштика.

И русские люди недоплачивают 121 еѳ. і 22 р. і 5 доли рунштика.

А за вывоз платят и за провоз от 10 ластовъ 3 еѳимка и 24 рунштика.

За проѣзжие 3 еѳ. і 8 рунштика".

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., шв. д., р. I, кн. 95, л. 267. Книга содержитъ подлинные меморіалы шв. пословъ Оксеншерна съ тов., съ переводами и съ отпусками на оные отвѣтовъ по разнымъ ихъ предложеніямъ).

VII.

Сводныя вѣдомости о таможенномъ сборѣ г. Архангельска.

181 г.

1. „Да на нынѣшней на 181-й год денежныхъ доходов по окладу против 180-го году помѣчено собрать.

Архангельсково города на посаде в живущем 4 выти с полтретю сошного писма четверть и полполполтреть сохи денежных доходов дани и за намѣстничь доход и за присуд и з Двины рѣки за рыбную ловлю и за городовое и за засѣчное и за ямчюжное дѣло и вытных і ямских і приметных оброку і пошлин по окладу на 181-й год против 180-го года 40 рублев 16 алтынъ пол 3 де, и тѣ денги на нынѣшней на 181-й год взяты сполна.

Архангельсково ж города жилцов і колмогорцов посадских и уѣздных людей с лавокъ і чюланов, которые после пожару вновь построены на прежнихъ мѣстех на время, и с немецких дворов, которые остались от пожару, и с кузницъ оброку и пошлин по окладу на 181-й год против 180-го года 20 рублев 19 алтынъ 3 денгою.

Да в нынѣшнемъ во 181-м году дано у Архангельсково города внов на оброк колмогорцом Ивашку Маслухину с товарищы порозжево мѣста под лавки новоприбылого оброку и пошлины рубль 17 алтын 3 де.

И обоево Архангельсково города с лавокъ и с чюлановъ и с немецких дворовъ оброку и пошлинъ и с новоприбылым на нынѣшней на 181-й год взято 22 рубли 3 алтына 2 де.

Архангельсково ж города таможенные пошлины, что збираетца после карабленые пристани в осень і в зиму, помѣчено собрать на 181-й год против 180-го года мѣлких серебряных денегъ и с тѣм, что золотым и еоимкам цена, 2.472 рубли 5 алтынъ 4 де.

А по росписи таможенного головы Осипа Палицына с товарищы таможеных пошлин и писчих денег в нынѣшнемъ во 181-м году на русских людех и на иноземцах собрано и с тѣм, что золотым и еоимкам цена, 946 рублевъ 10 алтынъ 3 денгою.

И в то число на руских людех пошлинных и писчих денегъ собрано рускими мѣлкими серебряными денгами 60 рублевъ 13 алтынъ 3 де.

Да в то ж число за пошлинные і писчие денги, что писано выше сего, за 82 рубли за 18 алтынъ довелось взять на иноземцах 59 золотых да 47 еѳимковъ с получетвертью.

И за тѣ еѳимки и за золотые взято на иноземцах мѣлкими серебряными денгами 99 рублев 2 алтына 3 де.

И обоево на руских людех и на иноземцах и с тѣм, что за еѳимки и за золотые взято с прибылью руских мѣлкихъ серебряных денегъ, собрано 159 рублев 16 алтынъ.

И в том числѣ, что на иноземцах за золотые и за еѳимки взято с прибылью, и того прибыли 16 рублевъ 17 алтынъ 5 де.

Да за пошлинные ж и писчие денги, что писаны выше сего, за 803 рубли за 12 алтынъ собрано на иноземцах же 647 золотых червонных да 312 еѳимковъ с полу еѳимком і с четвертью еѳимка любскихъ з довѣсом по 14 еѳимков в фунтъ.

И всего Архангельсково города таможенново збора пошлин после карабленые пристани в осень и зимою на руских людех і на иноземцах мѣлкихъ серебряных денегъ и золотых і еѳимковъ и с тѣмъ, что на иноземцахъ за золотые ж и за еѳимки взято денгами с прибылью, собрано 962 рубли 28 алтынъ.

І недобрано у Архангельсково города таможенных пошлин, что збираетца после карабленые пристани в осень і в зиму, в нынѣшнем во 181-м году против 180-го года 1.509-ть рублев 11 алтынъ.

И в росписи таможенново головы Осипа Палицына с товарищы написано: в нынѣшнем во 181-м году перед прошлымъ 180-м годом Архангельсково города в таможенном зимнем зборе учинился недобор, потому что от 179-го году от ярмонки осталося у Архангельсково города во 180-й год у агличан и у галанцовъ і иных розныхъ земель у иноземцовъ заморских непроданых товаров многое число, и тѣх товаров во 180-м году зимою в розных мѣсяцех и числѣх агличаня і иных розныхъ земель іноземцы повезли с собою и послали с ызвозщики от Архангельсково города в верховые городы многое ж число, и с тѣх товаров во 180-м году собрано на Колмогорахъ Архангельсково города в таможенной зимней збор таможенных проѣзжихъ пошлинъ много ж, а во 181-м году агличанъ торговых иноземцовъ у Архангельсково города и на Колмогорах с товары не было, и голандцы и анбурцы торговые иноземцы осталых своих заморскихъ непроданых товаров от Архангельсково города в верховые городы мимо Колмогоры по зимнему

пути везли сами і послали с ызвощики самое малое число, а иных розныхъ земель иноземцы заморскихъ своих товаров от Архангельсково города в верховые городы мимо Колмогоры по зимнему пути сами не везли и с ызвозщики не посылали нисколко, и потому во 181-м году Архангельсково города таможенново зимнего збора против прошлого 180-го года собрать было нѣсчево.

Архангельсково ж города карабленые пристани таможенных пошлин мѣлких серебряных денегъ и с тѣм, что золотым и еоимкам цена и что довелось взять в-ого г-я с проданых товаровъ розныхъ приказовъ і Московского государства с купецкихъ і с промышленых людей и розныхъ земель с ыноземцов таможенных торговых и проѣзжих пошлин и что зачтено в пошлины иноземцом рускими мѣлкими денгами і что довелось взять с анбурскихъ сукон, которые присланы на караблях к Архангельскому городу по уговору гостя Ягана Вангорна, на ево Ягановых прикащиках і с тѣм, что на иноземцахъ за золотые и за еоимки взято денгами с прибылю и у золотыхъ, которые даны гостя Ивана Сверчкова племяннику за мѣлкие денги, прибыли ж, кромѣ неявленых денег и товаров, которые взяты у руских людей и у иноземцовъ,—помѣчено на нынѣшней на 181-й год против 180-го года собрать 70.068 рублевъ 28 алтынъ пол 6 де.

И по росписи гостя Алексѣя Суханова с товарищы у Архангельсково города на ярмонке в карабленую пристань в-ого г-я с проданых товаровъ розныхъ приказов и с тѣм, что довелось взять с товара в-ого г-я с шолку сырца и Московского государства з гостей и гостиные суконные сотенъ и розныхъ слобод і сотенъ и городовъ с рускихъ с купецких со всяких людей і с московскихъ и з заморских розных земель с ыноземцов с руских и з заморскихъ со всяких товаров и с хлѣбных запасов и денегъ и зачтено гостю Томасу Келдерману в пошлины за взятой жемчюгъ, которой у него взят на Москвѣ в-ого г-я в казну, рускими мѣлкими денгами и что у золотых и у еоимков, которые зачтены в пошлины ж, и за золотые ж и за еоимки имано денгами прибыли по таможенным книгамъ пошлин і иных розных зборов в нынѣшнем во 181-м году мѣлких серебряных денегъ собрано 51.091 рубль 28 алтынъ пол 4 де.

Писчих денег 505 рублев 24 алтына пол 5 де.

И обоево пошлин и розных мѣлких зборовъ и писчих денег собрано 51.597 рублев 20 алтынъ.

И в то число в-ого г-я с товаров приказу Болшаго дворца за пошлинные и писчие денги за 535 рублевъ за 22 алтына за пол 6 де взято 1.071 ѳѳимок с четвертью і полу четвертью ѳѳимка.

В-ого г-я с товара Посолсково приказа с шолка сырца пошлинныхъ и писчих денегъ довелося взять 43 рубли 10 алтынъ з денгою.

В-ого г-я с товара ж Казенного приказа с шолка сырца пошлинныхъ и писчих денегъ довелося взять 128 рублев 18 алтынъ 2 де.

И обоево в-ого г-а с товара Посолсково і Казенова приказов с шолка сырца пошлинных и писчих денегъ довелось взять 171 рубль 28 алтынъ 3 де.

И тѣ пошлинные і писчіе денги с того шолка с продажи у Архангельсково города не взяты, потому что за тот шолкъ по торговому договору иноземцомъ в-ого г-я в казну платить золотые і ѳѳимки и заморские товары у Архангельсково города в Новую ярмонку во 182-м году в августе мѣсяце.

І с продажи того шолка пошлинные і писчие денги заплачены будутъ в-ого г-я в казну на Москвѣ в Новгородцкой приказ і с Посолсково і ис Казенного приказовъ.

В-го г-я с товаров же приказа Тайных дѣлъ да приказа Болшие казны и Московского государства с купецких і с промышленых людей взято мѣлкими денгами пошлинъ и писчих денегъ и мѣлких зборов 18.865 рублев 19 алтын пол 2 де.

По указу в-ого г-я и по грамоте из Новгородцкого приказу гостю Томасу Келдерману зачтено в пошлины за взятой жемчугъ, которой у него взятъ на Москвѣ в-ого ц-я в казну, мѣлких денег 404 рубли 19 алтынъ пол 3 де.

Да на нем же Томасе с сахаров за пошлинные и писчие денги за 7 рублев за 21 алтын за пол 5 де взято 15 ѳѳимков с четвертью і съ 16 долею ѳѳимка.

Аглинские земли на торговомъ іноземце на Томасе Гебдоне довелося взять пошлинных и писчих денегъ 326 рублевъ 26 алтын.

Дацкие и галанские земель и Ѳлоренска и Анбурха и Бремена городовъ на иноземцах довелося взять, оприч осталых питей ренсково и романѣи галанцов Данила Артмана да Андрея Дитхенса, пошлинных и писчих денегъ 25.341 рубль 5 алтынъ пол 4 де.

И обоево розных земель на заморских иноземцах 25.667 рублевъ 31 алтынъ пол 4 де.

И в то число взято 22.300 золотых червонных да 3.152 ѳѳимка с четвертью і съ 16 долею ѳѳимка любских з довѣсомъ по 14 ѳѳимков в ѳунтъ.

Да за 27 ѳѳимков без 16 долей ѳѳимка взято руских мѣлких денегъ 16 рублевъ 5 алтынъ пол. 3 де.

Да по указу в-ого г-я и по наказу і по грамотам иноземцомъ італянцу Ѳрансу Гласхонну да анбургцу Андрею Бутенанту вмѣсто гостиной сотни Игнатя Могутова зачтено в пошлины за товары, что взяты у них на Москвѣ в-ого г-я в казну, за 1.778 золотых да за 2 ѳѳимка бес полу четверти рускихъ мѣлких денегъ 2.134 рубли 25 алтынъ.

Обоево взято на заморскихъ іноземцах мѣлкими денгами и зачтено в пошлины 2.150 рублевъ 30 алтынъ пол 3 де.

И в томъ числѣ прибыли мѣлких денегъ 358 рублев 15 алтынъ 5 де.

На галандце на Даниле Артмане с осталого непроданого ренсково пошлинныхъ и писчих денегъ 606 рублев.

А за тѣ денги довелося взять 1.212 ѳѳимковъ.

Галанца Якова Ѳондормера на прикащике на Андрее Дитхенсе с осталые непроданые романѣй пошлинныхъ и писчих денегъ 1.050 рублевъ 13 алтынъ 2 де.

А за тѣ денги довелося взять 2.100 ѳѳимковъ с полу ѳѳимкомъ і четвертью і съ 16 долею ѳѳимка.

И обоево на галандцах на Даниле Артмане да на Андрее Дитхенсе с осталых непроданых питей с ренсково і с романѣи пошлинных і писчих денегъ 1.656 рублев 13 алтынъ 2 де.

И за тѣ пошлинные і писчие денги довелося взять 3.312 ѳѳимков с полу ѳѳимком і с четвертью і съ 16-ю долею ѳѳимка.

А по государевой грамоте из Новгородцкого приказу за приписью дьяка Ивана Евстаѳева, какова прислана и Архангельскому городу к гостю к Алексѣю Суханову с товарищы, велено иноземцовъ Данила Артмана да Андрея Дитхенса с осталых непроданых питей с ренсково и с романѣй томоженные пошлины написать в доимку.

С поташа с оддачи Сергацких буд, которой во 181-м году продан на Москвѣ ис казны в-ого г-я иноземцом на золотые і на ѳѳимки и на заморские товары, с отдачи пошлинъ и писчих денегъ довелось взять 1.543 рубли 19 алтынъ 3 де.

На иноземцах, которые тот поташъ Сергацких буд купили, з заморскихъ товаровъ, что у них іноземцов за тот поташъ приняты, і сверхъ товаровъ с того ж поташа с покупки с приему пошлинных и писчих денегъ 1.325 рублев 8 алтынъ з денгою.

С анбурских суконъ с отдачи, которые присланы из за моря на караблях к Архангельскому городу, по уговору иноземца гостя Ягана Өангорна, на ево Ягановых прикащиках на иноземцах на Еремѣе Өантройне да на Германе Сиверсе пошлинных и писчих денегъ 456 рублев 7 алтынъ пол 6 де.

С тѣх же сукон с приему пошлинных и писчихъ денегъ 456 рублевъ 7 алтынъ пол 6 де.

На иноземцах на Өилимоне Акамы с товарищем да на Петрѣ Марселисѣ да на Григоре Миколаеве с питей, которые присланы к нимъ из за моря про домашние их издержки, пошлинъ и писчих денегъ 148 рублевъ 3 алтына пол 6 де.

А за тѣ денги довелося взять 296 еоимков с четвертью і с 16 долею еоимка.

И всего с поташа Сергацких буд і с анбурских сукон с отдачи и с приему заморских товаров і с приему ж анбурскихъ сукон и с питей иноземцов Өилимона Акамы с товарищы пошлинныхъ і писчихъ денегъ довелось взять 3.929 рублевъ 14 алтынъ с полу денгою.

И по указу в-ого г-я тѣ пошлинные и писчие денги у Архангельского города не взяты.

И в нынѣшнемъ во 181-м году против прошлого 180-го года у Архангельсково города в карабленую пристань таможенных пошлин не добрано 18.471 рубля 8 алтынъ пол 6 де.

А почему у гостя у Алексѣя Суханова с товарищы у Архангельсково города в карабленую пристань недоборъ учинился, и того в росписи і в таможенных книгахъ у них гостя Алексѣя с товарищы не написано.

Да в росписи гостя Алексѣя Суханова с товарищы по таможенным збором написано:

Неявленых товаров у руских людей по ценѣ 40 рублев 29 алтынъ пол 2 де.

У руских же людей пенных 58 еоимковъ за 29 рублев по 16 алтын по 4 де еоимокъ.

Москвитина Өилипа Манатейникова денегъ, которых онъ на Вологдѣ целовалником Михайлу Белавинскому с товарищы в скаске своей не написалъ и не обявил, 600 рублевъ.

И всего неявленых товаров и денегъ і пенных еѳимков по ценѣ взято 669 рублевъ 29 алтынъ пол 2 де".

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., книги Архангельскаго города, 7181—1676 г.*), № 7, л. л. 30—44).

VIII.

182 г.

2. „Да на нынешней на 182-й год денежных доходовъ по окладам против 181-го году помѣчено собрать.

А Архангельского города на посаде в живущем 4 выти с полтретю сошного писма четверть і полполполтреть сохи денежных доходовъ дани и за намѣстничь доход и за присуд из Двины рѣки за рыбную ловлю и за городовое и за засѣчное и за ямчюжное дѣло і вытных і ямских и приметных оброку и пошлинъ по окладу на 182-й год против 181-го году 40 рублевъ 16 алтынъ пол 3 де, и тѣ денги на нынешней на 182-й год взяты сполна.

А Архангелсково ж города жилцовъ и колмогорцовъ посадских і уѣздных людей с лавокъ і с чюлановъ, которые после пожару вновь построены на прежних мѣстех на время, и с немецких дворов, которые остались от пожару, і с кузниц оброку и пошлинъ по окладу на 182-й год против 181-го году 22 рубли 3 алтына 2 де.

Да в нынешнем во 181-м году дано у Архангелского города вновь на оброкъ колмогорцомъ Алекше Дудкину с товарищы порозжево мѣста под лавки, новоприбылого оброку и пошлинъ рубль 8 де.

И обоево Архангельсково города с лавокъ и с чюлановъ і немецкихъ дворовъ оброку і пошлинъ и с новоприбылым на нынешней на 182-й год взяты 23 рубли 4 алтына 4 де.

А Архангелского ж города таможенные пошлины, что збираетца после карабленые пристани в осень і в зиму мелкихъ серебреных денегъ и с тѣм, что золотымъ і еѳимкам цена и что

*) Ошибка въ книгѣ, вмѣсто—1673 г.

за золотые ж и за ефимки взято денгами с прибылью, на нынешней на 182-й год против прошлого 181-го года помечено собрать 962 рубли 28 алтынъ.

А по росписи таможенного головы Дорофея Мелцова с товарищы у Архангелсково города после карабленые пристани в осень і в зиму на руских людех и на иноземцах и что за золотые и за ефимки имано денгами с прибылю и что зачтено на Москвѣ в Новгородцком приказе иноземцом галанцомъ Вахрамѣю Мелеру да Данилу Артамону с ренского, которое отпущено от Архангельского города к Москве, таможенных пошлин в нынешнем во 182-м году собрано 1.567 рублевъ 9 алтынъ 4 де.

И в то число на руских людех пошлинных и писчих денегъ собрано рускими мѣлкими серебряными денгами 138 рублевъ 16 алтынъ 4 де.

Да в то ж число за пошлинные и писчие денги, что писано выше сего, за 43 рубли за 25 алтынъ довелось взять на иноземцахъ 31 золотой да 25 ефимков с полу ефимком.

И за тѣ ефимки и золотые взято на иноземцах мелкими серебряными денгами 52 рубли 16 алт. 4 де.

И обоево на руских людех и на иноземцах и с тѣм, что за золотые и за ефимки взято с прибылю русских мѣлких серебряных денегъ, собрано 191 рубль.

И в том числѣ что на иноземцах за золотые и за ефимки взято с прибылью и того прибыли 8 рублев 25 алтынъ.

Да за пошлинные ж и писчие денги, что писано выше сего, за 780 рублевъ за 13 алт. собрано на иноземцах же 756 золотыхъ червонных да 49 еф. с полу четвертью ефимка любских з довѣсом по 14 ефимковъ в фунтъ.

Да галанские земли на иноземцах на Вахрамѣе Мелере да на Даниле Артмане с ренского, которое отпущено от Архангельского города к Москве, съ 59-ти бочекъ полубеременныхъ пошлинъ и писчих 595 рублев 30 алтынъ.

И за тѣ пошлинные и писчие денги довелось взять 1.192 ефимка без четверти и съ 16-ю долею ефимка.

И по указу в-ого г-я на иноземцах на Вахрамѣе Мелере да на Даниле Артмане тѣх пошлинъ имать не велено для того, что тѣ пошлинные ефимки зачтены на Москвѣ в Новгородцкомъ приказѣ.

И перед прошлым 181-м годом в нынѣшнем во 182-м году у Архангелсково города осеннево и зимнево збору прибрано 604 рубли 15 алтынъ.

А Архангелсково ж города карабленые пристани таможенных пошлинъ мѣлкихъ серебряных денегъ і с тѣм, что золотым і ѳоимкамъ цена и что довелось взять с товаров в-ого г-ря с шолка сырца и Московского государства з гостей і гостинные и суконные сотенъ и розных слобод і сотен же и городовъ с русских и купецких со всяких людей и с московскихъ и з заморских розных земель с ыноземцов с руских и заморских со всяких товаровъ и хлѣбных запасов и з денегъ таможенных пошлинъ и что зачтено гостю Томасу Келдерману в пошлины за взятой жемчугъ, которой у него взят на Москвѣ в-ого г-я в казну, рускими мѣлкими денгами і что у золотых і у ѳоимков, которые зачтены в пошлины, и за золотые ж і ѳоимки имано денгами прибыли и что довлось взять на иноземцах на Даниле Артмане да на Ондрѣе Дитхенсе с осталых непроданых питей і с оддачи с поташа Сергацких буд и на иноземцах же, которые тот поташь купили, з заморских товаров и с анбурскихъ суконъ гостя Ягана Ѳангорна на прикащикахъ с приему и со отдачи и на иноземцахъ же на Филимоне Акаме с товарищы, кромѣ неявленых товаров и денегъ и пенных ѳоимковъ,—на нынешней на 182-й годъ против прошлого 181-го году помечено собрать 51.597 рублев 20 алтынъ.

И по росписи гостя Степана Горбова с товарищы у Архангельсково города на ярманке в карабленую пристань с проданых в-ого г-я товаров розных приказов и Московского государства з гостей и гостиные і суконные сотен и розных слобод и сотенъ и городовъ с руских с купецких со всяких людей и с московских и з заморских розных земель с ыноземцовъ с руских и з заморских со всякіх товаров и хлѣбных запасов и з денег і что зачтено гостю Томасу Келдерману в пошлины за взятые узорочные товары и за жемчюг, что у него взято на Москвѣ в-ого г-я в казну, рускими мѣлкими денгами і что зачтено ж в пошлины из розных земель заморским іноземцомъ, что взял с осталых ихъ товаров в прошлом во 181-м году гость Алексѣй Суханов с товарищы, и что за золотые и за ѳоимки імано денгами прибыли і что довелос взят на гостех на Семене да на Іване Сверчковых с поташа Сергацких буд і на иноземцах на Вахромѣе Меллере с товарищы з заморских товаровъ, которыми они платили у Архангельского города в-ого г-я в казну за поташ Сергацких будъ покупки прошлого 181-го году, и с анбурскихъ сукон с отдачи на Ягане прикащике на Германе Сиверке и кадашевца Ѳедора Силина

на товарище на Елѳиме Павлове с поташа с отдачи і сукон с приему і Оптекарские палаты дохторов Ягана Розонберха да Степана Ѳангадена з запасов да Филимона Елисѣева с ренского и Филимона ж Акемы з желѣза да вологжанина Бориса Оконнишникова с сѣмени лняново по таможенным книгам пошлин і писчих денег і иных розных зборов в нынешнем во 182-м году мѣлких серебряных денегъ собрано 75.243 рубли 7 алтын пол 4 де.

И в то число в-ого г-я с проданых товаров приказу Болшаго дворца и з розных земел на заморских іноземцах за пошлинные і писчие денги за 33.179 рублев за 9 де взято всего 17.693 золотых червонных да 30.972 еѳимка с полчетвертью і съ 16 долею еѳимка любских в вѣсъ по 14 еѳимковъ в фунтъ, цѣною по рублю золотой, а ефимокъ по полтине.

В-ого г-я с проданныхъ же товаровъ приказу Тайных дѣл да приказу Болшие казны и Московского государства с купецких со всяких людей пошлинъ і писчих взято серебряных мѣлкихъ денегъ 36.272 рубли 30 алтынъ з денгою.

Да за пошлины ж на заморских иноземцах за 151 золотой да за 455 еѳимков без 16-й доли еѳимка взято руских серебряных мѣлких денегъ 454 рубли 5 алтынъ пол 3 де.

И в том числѣ прибыли у тѣх золотых і у ефимковъ перед приемною ценою мѣлких денег 75 рублев 23 алтына з денгою.

У золотого по 6 алт. по 4 де, а у ефимка по 3 алт. по 2 де.

И всего пошлин и писчих руских серебряных мѣлких денегъ взято 36.727 рублевъ 2 алт. пол 2 де.

На госте на Томасе Келдермане довелос взять пошлины и писчих денегъ 799 рублевъ 3 алт. 4 де.

И в то число по государеве грамоте ис Посольского приказу зачтено ему Томасу на нынѣшней городцкой ярмонке в пошлины за взятые узорочные товары, что взяты у него на Москвѣ в-ого г-я в казну, 697 рублев 14 алтынъ пол 5 де.

Да по государеве же грамоте из Новгородцкого приказу зачтено ему ж Томасу на нынѣшней же ярмонке в пошлины за взятой жемчюгъ, что в прошломъ во 181-м году взятъ у него Томаса в казну в-ого г-я, 101 рубль 22 алтына пол 2 де.

Да в пошлины же зачтено розных земель заморскимъ иноземцомъ с осталых их заморскихъ непроданых товаровъ, с которыхъ в прошлогодцкую ярмонку взял у Архангельского города гость Алексѣй Суханов, пошлины и писчих денегъ 2.344 рубли 19 алтынъ з денгою.

На гостех на Семене да на Іване Сверчковыхъ с поташа Сергацких буд и на иноземцах на Вахромѣе Меллере с товарищы з заморскихъ товаровъ, которыми они платили у Архангелского города в-ого г-я в казну за поташь Сергацкихъ буд покупки прошлого 181-го году, и с анбурских сукон с отдачи на Ягановe прикащике на Германе Сиверке и кадашевца Ѳедора Силина на товарище на Елеиме Павлове с поташа с отдачи и с суконъ с приему и Оптекарские полаты дохтуровъ Ягана Розонберха да Степана Ѳангадена з запасовъ да Филимона Елисѣева с ренского и Филимона ж Акемы з желѣза да вологжанина Бориса Оконнишникова с сѣмяни лняного пошлинъ и писчих 2.193 рубли 14 алтынъ 2 де.

И по указу в-ого г-я тѣ пошлины не взяты.

И в нынешнем во 182-м году против прошлого 181 году у Архангелсково города в карабленую пристань на ярманке таможенных пошлинъ мѣлкими денгами и золотыми и ефимками, кромѣ того, что в прошлогодцкую ярманку гость Алексѣй Сухановъ взял на иноземцах с осталых ихъ заморских не проданых товаров, пошлины прибрано 21.301 рубль пол 11 де.

А иноземцом в пошлины зачтено, что в прошлогодцкую ярманку гость Алексѣй Сухановъ взял на них иноземцах с осталых их непроданых товаровъ пошлинъ, 2.344 рубли 19 алтынъ з денгою.

И с тѣмъ зачетом в нынешнем во 182-м году перед прошлым 181-м годом у Архангелсково города в карабленую пристань таможенных пошлинъ прибрано 23.645 рублевъ 20 алтынъ пол 6 де“.

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., книги Архангельскаго города, 7182—1674 л., № 8, л. л. 26—36 об.).

IX.

183 г.

3. „Да на нынѣшней на 183-й год денежных доходовъ по окладам против 182-го года помѣчено собрать.

Архангельсково города на пасаде в живущем 4 выти с полутретью сошного писма четверть и полполполтреть сохи денежных доходовъ дани и за намѣстничь доход и за присуд и з Двины рѣки за рыбную ловлю и за городовое и за засѣчное и за ямчюж-

ное дѣло и вытных и ямских и приметных оброку и пошлинъ по окладу на 183-й годъ противъ 182-го года 40 рублевъ 16 алтынъ пол 3 де, і тѣ денги на нынѣшней на 183 годъ взяты сполна.

А Архангелсково ж города жилцовъ і колмогорцов посадцких и уѣздных людей с лавокъ и с чюлановъ, которые после пожару вновь построены на прежнихъ мѣстех на время, и с немецких дворовъ, которые остались от пожару, и с кузницъ оброку и пошлинъ по окладу на 183-й год против 182-го года 23 рубли 4 алт. 4 де.

Да в нынѣшнем во 183-м году дано у Архангельского города вновь на оброкъ Архангельсково города жилцом и колмогорцомъ Онтипке Неудачину с товарыщы порозжево мѣста под лавки, новоприбылого оброку і пошлинъ рубль 4 алтына.

Да анбурские земли торговому иноземцу Логину Микулаеву дано на оброкъ ж порозжево мѣста под дворъ, оброку і пошлинъ рубль 3 алт. 2 де.

И обоево Архангельского города с лавокъ і с чюланов і с немецкихъ дворовъ оброку и пошлинъ і с новоприбылых на нынѣшней на 183 годъ взято 25 рублевъ 12 алтынъ.

Архангелсково ж города таможенных пошлинъ, что збираетца после карабленые пристани в осень і в зиму, мѣлкихъ серебряныхъ денегъ і с тѣм, что золотым і ефимкамъ цѣна и что за золотые ж и за ефимки взято денгами с прибылью і что галанские земли иноземцомъ Вахрамѣю Меллеру да Данилу Артману зачтены в пошлины ефимки на Москвѣ в Новгородцком приказе, которые довелись на них взять с ренского, на нынѣшней на 183-й год противъ прошлого 182-го года помѣчено собрать 1.567 рублевъ 9 алтынъ 4 де.

А по росписи таможеннаго головы Ивана Городчанинова с товарыщы у Архангельсково города после карабленой пристани в осень і в зиму на руских людех і на иноземцах і что за золотые и за ефимки взято денгами с прибылью таможенных пошлинъ в нынѣшнем во 183-м году собрано 349 рублевъ 19 алтынъ с полу денгою.

И в то число на русских людех пошлинных и писчих денегъ собрано рускими мѣлкими серебряными денгами 66 рублевъ 17 алтынъ пол 4 де.

Да в то же число за пошлинные і писчие денги, что писано выше сего, за 9 рублевъ за 31 алтынъ за пол 2 де довелось взять на иноземцах 9 золотых да 2 ефимка бес получетверти.

И за тѣ ефимки и золотые взято на иноземцах мѣлкими серебряными денгами 11 рублевъ 30 алтынъ 5 де.

За золотой по рублю по 6 алтынъ по 4 де, а за ефимокъ по 20 алтынъ.

И обоево на руских людех і на иноземцах и с тѣмъ, что за золотые и за ефимки взято с прибылью рускихъ мѣлкихъ серебряныхъ денегъ, собрано 78 рублевъ 15 алтынъ с полуденгою.

И в том числѣ, что на иноземцах за золотые и за ефимки взято с прибылью, и того прибыли рубль 32 алтына пол 6 де.

Да за пошлинные ж и писчие денги, что писано выше сего, за 271 рубль за 4 алтына собрано на иноземцахъ ж 280 золотых червоных да 136 ефимков с полу ефимком любскихъ.

И в нынѣшнем во 183-м году перед прошлымъ 182-м годом у Архангельского города осеннего и зимнего збору недобрано 1.217 рублев 23-х алтынъ пол 6 де.

И в росписи таможеннаго головы Ивана Городчанинова с товарыщы написано: в нынѣшнем во 183 году перед прошлым 182-м годомъ Архангельсково города в таможенномъ зимнем зборе учинился недоборъ, потому что в прошлые годы зимою иноземцы от Архангельсково города в верховские городы везли многіе заморские товары, і с тѣх заморских товаровъ на иноземцахъ за Архангельской город проѣзжих таможенныхъ пошлинъ збиралось немалое число, а в нынѣшнемъ во 183-м году после городцкие ярмонки зимою иноземцы от Архангельского города в верховские городы везли заморскихъ товаровъ самое малое число, потому что они осеню после городцкие ярманки при госте при Степане Горбове с товарыщы послали от Архангельского города в верховские городы заморскихъ товаровъ многое число и с тѣх товаровъ проѣзжие пошлины платили в казну в-ого г-я у Архангельского города гостю с товарыщы в городцкой ярмоночной збор, а не на Колмогородах в городцкой зборъ, и для того во 183-м году у Архангельсково города таможенного зимнего збора противъ прошлого 182-го года собрать было не с чего.

Архангельсково ж города карабленые пристани таможенных пошлин мѣлких серебряных денегъ в-ого г-я с проданых товаровъ розных приказов і Московского государства з гостей и гостинные и суконные сотенъ и розных слобод и сотенъ і городовъ с руских с купецкихъ со всяких людей и с московских і з заморскихъ розныхъ земель с ыноземцовъ с руских и з заморских со всяких то-

варовъ и хлѣбных запасовъ і з денегъ и что зачтено гостю Томасу Келдерману в пошлины за взятые узорочные товары и за жемчюгъ, что у него взят на Москвѣ в-ого г-я в казну, рускими мѣлкими денгами и что зачтено же в пошлины розных земел заморскимъ иноземцом, что взял с осталых их товаров во 181-м году гость Алексѣй Сухановъ с товарищы и что за золотые и за ефимки імано денгами с прибылью и что довелось взять на гостех на Семене да на Иване Сверчковых с поташа Сергацких буд и на иноземцах и на Вахрамѣе Меллере с товарищи з заморских товаровъ, которыми они платили у Архангельского города в-ого г-я в казну за поташ Сергацких буд покупки прошлого 181 года, і с анбурских суконъ с отдачи на Яганове прикащике на Германе Сиверке і кадашевца Федора Силина на товарыще на Елѳиме Павлове с поташа с отдачи и с суконъ с приему и Оптекарские полаты дохтуровъ Ягана Розонберха да Степана Ѳангадена з запасовъ да Филимона Елисеева с ренского и Ѳилимона ж Акемы з желѣза да вологжанина Бориса Оконнишникова с сѣмяни льняного—на нынѣшней на 183-й году против прошлого 182-го года помѣчено собрат 75.243 рубли 7 алтынъ пол 4 де.

И по росписи гостя Василя Грудцына с товарыщи у Архангельсково города на ярмонке в карабленую пристань с продаваных в-ого г-я товаровъ розныхъ приказовъ и Московского государства на купецких і на промышленых людех и розных земель на иноземцах с руских и з заморских со всяких товаров и с хлѣбных запасов и з денегъ и с тѣмъ, что довелось взять в-ого г-я с указного товара со смалчюги Сибирского приказа і на гостех с поташа Серьгацкихъ будъ и на руских же купецких людех с приема суконъ анбурских і с отдачи сѣмени льняного и на иноземцах с покупки хлѣбных запасов, что купили они в отвоз за море, і с покупки поташа Серьгадцких будъ і с сѣмяни льняного, что купили иноземцы на ефимки, і иныхъ розных зборовъ по таможенным книгамъ пошлины і писчихъ денегъ в нынѣшнем во 183-м году собрано 80.931 рубль 5 алтынъ пол 5 де.

И в то число в-ого г-я с проданых товаровъ приказу Большаго дворца и приказу Тайных дѣл да приказа Болшие казны и Московского государства с купецких со всяких людей пошлинъ и писчихъ взято серебряных мѣлкихъ денегъ 32.731 рубль 5 алтынъ 2 де.

Гостем Володимеру Воронину, Гаврилу Фетиеву за взятые сукна анбурские, что взяты у них на Москвѣ в-ого г-я в казну, зачтено в пошлины мѣлкихъ ж денегъ 369 рублевъ 11 алтынъ пол 6 де.

В-ого г-я с проданных товаров приказу Большаго дворца і гостя Аверкия Кирилова на племянникѣ на Даниле Кирилове по переводу за иноземца с романѣи и з розных земель на заморских иноземцах за пошлинные и писчие денги за 36.639 рублевъ за 22 алтына за 3 де взято 28.429 золотых червонныхъ да 16.421 ефимокъ с полу ефимкомъ.

В-ого г-я с указного товара Сибирского приказу со смалчюги довелось взять пошлинъ и писчих денегъ 48 рублевъ 16 алтынъ.

И тѣ пошлинные и писчие денги у Архангельсково города не взяты, потому что та смалчюга променена на заморской товаръ, и тѣ пошлиные и писчие денги заплачены будутъ в-ого г-я в казну на Москвѣ в Новгородцкой приказ из Сибирского приказа.

На гостех на Аверкие да на Якове Кириловых с товарыщи с поташа Серьгацких буд да кадашевца Федора Силина на товарище с приема сукон анбурскихъ да на вологжанине на Борисе Оконнишникове с оддачи сѣмяни лняного да Ягана Ѳангорна на прикащикѣ с оддачи суконъ анбурских и с соболей да на иноземце на Петре Марселисе с поташа Сергацких буд и з желѣза и с разных запасовъ и з заморскихъ ево запасовъ же да галанские земли на торговых иноземцах на Даниле Артмане с товарищи с покупки поташа Серьгацких буд и с сѣмяни льняного, что купили они на ефимки, да на Даниле ж Артмане да на Адолое Гутмане да на Вахрамѣе Меллере с хлѣбных запасовъ со ржи и сь ячмені, что купили они въ отвоз за море, да датцкого резидента Монса Гея з запасовъ і галанские и анбурские кампаней стряпчего Григорья Микулаева з запасовъ ж пошлин і писчих денег 11.142 рубли 16 алтынъ 4 де.

И по указу в-ого г-я тѣ пошлинные и писчие денги не взяты.

И в нынѣшнемъ во 183-м году перед прошлым 182-м годом у Архангельсково города в карабленую пристань на ярмонке таможенных пошлинъ мѣлкими денгами и золотыми и ефимками прибрано 5.687 рублевъ 31 алтынъ 3 де".

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., книги Архангельскаго города, 7183—1675 г., № 9, л. л. 30—39).

X.

Смѣтныя росписи 1674 г. казенной закупкѣ товаровъ въ Архангельскѣ.

„Въ нынѣшнемъ во 182-м году“ было велѣно купить на царскій обиходъ у Архангельскаго города:

„Сукна багрецу самого доброго червчатого, а не алого, двѣ половинки.

Бѣлую, черную, гвоздишную, темновишневую по половинки.

Алыхъ двѣ половинки.

Багрецу ж червчатого, а не алого, пять половинокъ.

Сукон ж кармазинов вишневых и темновишневых десять половинокъ.

Темнозеленых, светлозеленых, голубого по половинки.

Сукон же полукармозиновъ добрых темнозеленых, красных, вишневых и темновишневых, зеленых, коришных двадцать половинокъ.

И по указу в-ого г-ря приказал околничей Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ купит у Архангелского города на обиход в-ого г-я в Казенной приказ тѣх сукон багрецу и кармозиновъ и полукармозинов против наряду в треть на тысячю на семдесят на восмъ рублев с полтиной“.

„Написано против приказные росписи, какова роспись дана мнѣ, Семену, безъ цены, і против той росписи тем товаром цена подведена:

Пяти цвѣтов кармазинов брусничного или алого, яринного или осинового, коричного, красновишневого, свѣтлозеленого 1.000 аршин добрых по 60 алтын, ітого 1.800 р.

Аглинскихъ розных цвѣтов темнозеленых, вишневых, лазоревых добрых 1.000 аршин по 1 р. за аршин, і того 1.000 рублевъ.

Анбурских болшей руки вишневых, лазоревых и зеленых, свѣтлоголубыхъ добрых 1.000 аршин по 16 а. 4 де, ітого 500 р.

8 косяков камокъ, а в них будет восмь сот аршин, і буде двойные будут і ценой дават за аршин по пол 2 р., а буде противъ старых камокъ будут одинакие і давать будеть за добрые по 40 а. за аршинъ, ітого за камки 950 р.

200 стоп добрые бумаги по 43 а. 2 де., ітого 260 р.

400 стоп бумаги другие руки по 1 р.,—400 р.

50 пуд ладану бѣлого по 9 р. за пуд,—450 р.

88 аршинъ кармазинов по 56 а. 4 де, ітого 150 р.

268 аршинъ аглинских по 1 р., ітого 268 р.

180 аршин анбурских по 16 а. 4 де, ітого 90 р.

30 бочекъ желѣза бѣлаго купят у города по 15 р., а на Москвѣ купять по 17 р.

Багрецу 8 половинок самого доброго 350 р. аршин, цена по 2 р. с пол, ітого 875 рублевъ.

5 половинок багрецу под темнокрасного 200 аршинъ по 2 р. с четвертью, ітого 450 р.

13 половинок кармазинов розныхъ цвѣтов мѣрою 500 аршинъ по 1 р. по 20 а., ітого 800 рублевъ.

20 половинок полукармазинов добрых цена по 1 р., ітого 800 рублевъ.

І всего будеть денегъ, буде прикажут, 9.163 р.“.

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, 7182—1674 г., № 476).